ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1880.

ГЛАВА I.

Внутреннее состоянiе русскаго общества отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Торопецкаго.

(1054—1228).

Значенiе князя. —Титулъ. — Посаженiе князя. — Кругъ его дѣятельности. — Доходы княжескiе.—Бытъ князей.—Отношенiя къ дружинѣ. Дружина старшая и младшая.—Войско земское.—Вооруженiе.—Образъ веденiя войны.—Число войскъ. —Богатыри.—Земля и волость.—Города старшiе и младшiе.—Новгородъ и Псковъ.—Вѣче.—Особенности новгородскаго быта. — Внѣшнiй видъ города.—Пожары.—Народонаселенiе города.—Погосты и станы.—Слободы.—Сельское народонаселенiе. — Количество городовъ въ областяхъ. — Препятствiя къ увеличенiю народонаселенiя.—Торговля.—Монетная система.—Искусство.—Домашнiй бытъ.—Борьба язычества съ христiанствомъ.—Распространенiе христiанства.—Церковное управленiе.—Матерiальное благосостоянiе церкви.—Дѣятельность духовенства.—Монашество.—Законодательство.—Народное право.—Религiозность.—Двувѣрiе. — Семейная нравственность. — Состоянiе нравственности вообще.—Грамотность. — Сочиненiя св. Θеодосiя Печерскаго, митрополита Никифора, епископа Симона, митрополита Iоанна, монаха Кирика, епископа Луки Жидяты, Кирилла Туровскаго.—Безыменныя поученiя.—Поученiе Владимiра Мономаха.—Путешествiе игумена Данiила.—Посланiе Данiила Заточника. — Поэтическiя произведенiя. — Слово о полку Игореву.—Пѣсни.—Лѣтопись.

При обозрѣнiи перваго перiода нашей исторiи мы видѣли, какъ племена соединились подъ властiю одного общаго главы или князя призваннаго сѣверными племенами изъ чужаго рода. Достоинство князей русской земли остается исключительно въ этомъ призванномъ родѣ; въ X-мъ вѣкѣ Новгородцы говорили Святославу, что если онъ не дастъ имъ князя изъ своихъ сыновей, то они выбе-

рутъ себѣ князя изъ другаго рода, но послѣ мы не слышимъ нигдѣ подобныхъ словъ. Члены Рюрикова рода носятъ исключительно названіе князей; оно принадлежитъ всѣмъ имъ по праву происхожденія, не отнимается ни у кого ни въ какомъ случаѣ. Это званіе князя, пріобрѣтаемое только рожденіемъ отъ Рюриковой крови, неотъемлемое, независящее ни отъ какихъ другихъ условій, равняетъ между собою всѣхъ Рюриковичей: они прежде всего братья между собою. Особенное значеніе, связанное съ княжескимъ родомъ, ясно выражается въ лѣтописи: въ 1151 году Кіевляне не могли помѣшать непріятелямъ переправиться черезъ Днѣпръ по Зарубскому броду, потому, говоритъ лѣтописецъ, что князя тутъ не было, а боярина не всѣ слушаютъ. „Не крѣпко бьются дружина и Половцы, если съ ними не ѣздимъ мы сами", говорятъ князья въ 1125 году. Когда галицкій бояринъ Владиславъ похитилъ княжеское достоинство, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ ради княженія нашелъ зло племени своему и дѣтямъ своимъ, ибо ни одинъ князь не призрѣлъ дѣтей его за дерзость отцовскую. По княжескому уговору, князь за преступленіе не могъ быть лишенъ жизни, какъ бояринъ, а наказывался только отнятіемъ волости [1]. Олегъ Святославичъ не хотѣлъ позволить, чтобъ его судили епископъ, игумены и простые люди (смерды). Братья приглашаютъ его въ Кіевъ: „пріѣзжай, говорятъ они, посовѣтуемся о русской землѣ предъ епископами, игуменами, предъ мужами отцевъ нашихъ и предъ людьми городскими." Олегъ отвѣчаетъ: „неприлично судить меня епископу, либо игуменамъ, либо смердамъ." Изъ этихъ словъ опять видно, что все остальное народонаселеніе (исключая духовенство), въ отношеніи къ князю носило названіе смердовъ, простыхъ людей, не исключая и дружины, бояръ, ибо Олегъ и мужей отцовскихъ, и людей городскихъ означаетъ общимъ именемъ смердовъ.—Въ этомъ же значеніи слово смерды смѣняется выраженіемъ: черные люди; такъ сѣверскіе князья, во время знаменитаго похода на Половцевъ, говорятъ: „если побѣжимъ, и сами спасемся, а черныхъ людей оставимъ, то грѣхъ намъ будетъ ихъ выдать."

Князь былъ общее, неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикова рода. Старшій въ родѣ князь назывался Великимъ; но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемъ очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя, обыкновенно онъ придается только важнѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣ-

тописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говоритъ имъ похвалы. Ярославъ I-й называется великимъ княземъ русскимъ; здѣсь слово русскій однозначительно съ всероссійскій, князь всея Руси, потому что Ярославъ по смерти брата Мстислава, владѣлъ за исключеніемъ Полоцка, всѣми русскими волостями. Послѣ Ярослава названіемъ великаго князя величаются сынъ его Всеволодъ, внукъ Мономахъ, правнукъ Мстиславъ, сыновья и внуки послѣдняго, но все только при описаніи кончины. Рюрикъ Ростиславичъ называется великимъ княземъ при жизни, и тогда, когда онъ не былъ еще старше всѣхъ на Руси, не сидѣлъ еще въ Кіевѣ; изъ этого можно заключить, что названіе: „Великій князь" употреблялось иногда просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю, не имѣло еще постояннаго, опредѣленнаго смысла [2]. Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе: „Великій Князь", то въ сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться постоянно къ имени Всеволода III-го и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе употребляется одно безъ собственнаго имени для означенія Всеволода III-го [3]. Великими князьями всея Руси названы Мономахъ при описаніи его кончины, и Юрій Долгорукій при описаніи кончины Всеволода III-го, первый съ достаточнымъ правомъ; второй, какъ видно, изъ особеннаго усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово: „великій" поставлено позади собственныхъ именъ ихъ [4]; также не разъ поставлено оно позади имени Всеволода III-го, но одинъ разъ явно для отличія его отъ другаго Всеволода, князя рязанскаго [5].

Мы видѣли, каковы были отношенія старшаго князя къ младшимъ; видѣли, что старшій, если онъ былъ только названнымъ, а не настоящимъ отцемъ для младшихъ, распоряжался обыкновенно съ вѣдома, совѣта и по договору съ послѣдними; отсюда понятно, что когда князь избавлялся отъ родичей, становился единовластителемъ, то вмѣстѣ онъ дѣлался чрезъ это и самовластителемъ въ странѣ; вотъ почему слово „самовластецъ" въ лѣтописи употребляется въ значеніи „единовластецъ"; такъ сказано про Ярослава I-го, что по смерти брата своего Мстислава онъ сталъ самовластецъ въ русской землѣ. Для означенія высшей власти, также изъ большей учтивости и усердія, относительно князей употреблялись слова: „Царь, царскій"; такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику

Изяславу: „Дай мнѣ посадить сына въ Переяславлѣ, а ты сиди царствуя въ Кіевѣ"; т. е., а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо, безопасно, не боясь никого, и не подчиняясь никому." Говоря объ епископѣ Ѳеодорѣ, лѣтописецъ прибавляетъ, что Богъ спасъ людей своихъ рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, царскою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея. Когда послѣ рутскаго сраженія воины Изяславовы, нашедши своего князя въ живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, что они величали Изяслава какъ царя. Даніилъ Заточникъ пишетъ къ Юрію Долгорукому: „Помилуй меня, сынъ Великаго Царя Владиміра!" [6] Жена смоленскаго князя Романа причитаетъ надъ гробомъ его: „Царь мой благій, кроткій, смиренный!" Употребляются выраженія: „самодержецъ" и греческое: „киръ [7]." Въ изустныхъ обращеніяхъ къ князьямъ употреблялось слово: „господинъ", или чаще просто: „князь", иногда то и другое вмѣстѣ.

При спорности правъ, при неопредѣленности отношеній, новый старшій князь иногда нуждался въ признаніи и родичей, и горожанъ, и пограничнаго варварскаго народонаселенія [8]; отъ нихъ ото всѣхъ приходили къ нему послы съ зовомъ идти на столъ. Первымъ знакомъ признанія князя владѣющимъ въ извѣстной волости было посаженіе его на столѣ; этотъ обрядъ считался необходимымъ, безъ него князь не былъ вполнѣ княземъ и потому къ выраженію: „вокняжился" прибавляется: „и сѣлъ на столѣ." [9] Это посаженіе происходило въ главной городской церкви, въ Кіевѣ и Новгородѣ у Св. Софіи. Для указанія того, что князь садился на столъ по законному преемству, принадлежитъ къ роду княжескому и не изгой въ этомъ родѣ, употреблялось выраженіе: „сѣлъ на столѣ отца и дѣда." [10] Признаніе князя сопровождалось присягою, цѣлованіемъ креста: „Ты нашъ князь!" говорили присягавшіе. Когда родовое право князя было спорное, когда его признанію предшествовало какое-нибудь особенное обстоятельство, измѣнить или поддержать которое считалось нужнымъ, то являлся рядъ, уговоръ: такъ видимъ уговоръ о тіунахъ съ Ольговичами, Игоремъ и Святославомъ по смерти старшаго брата ихъ Всеволода. По смерти Изяслава Мстиславича братъ его Ростиславъ былъ посаженъ въ Кіевѣ съ уговоромъ, чтобъ почиталъ дядю своего Вячеслава какъ отца; рядъ и цѣлованіе креста назывались утвержденіемъ. Ряды по тогдашнимъ отношеніямъ бывали троякіе: съ братьею, дружиною, горожанами [11].

Князь и въ описываемый періодъ времени, какъ прежде, заботился о строѣ земскомъ, о ратяхъ и объ уставѣ земскомъ. Онъ сносился съ иностранными государями, отправлялъ и принималъ пословъ, велъ войну и заключалъ миръ. О походѣ иногда самъ князь объявлялъ народу на вѣчѣ; мы видѣли, какъ во время усобицы Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ кіевляне сначала не могли рѣшиться поднять рукъ на сына Мономахова, старшаго въ племени, послѣ чего Изяславъ долженъ былъ ограничиться одними охотниками, людьми себѣ преданными; въ Новгородѣ замѣчаемъ такія же явленія; вообще народонаселеніе очень неохотно брало участіе въ княжескихъ усобицахъ. Князья обыкновенно сами предводительствовали войскомъ, рѣдко посылали его съ воеводами; кромѣ личной отваги, собственной охоты къ бою, мы видѣли и другую причину тому: безъ князя полки бились вяло, боярина не всѣ слушались, тогда какъ значеніе воеводы тѣсно соединялось съ значеніемъ князя. Старшему, большому князю, считалось неприличнымъ предводительствовать малымъ отрядомъ: такъ однажды Берендѣи схватили за поводъ коня у кіевскаго князя Глѣба Юрьевича и сказали ему: „Князь не ѣзди; тебѣ прилично ѣздить въ большомъ полку, когда соберешься съ братьею, а теперь пошли кого-нибудь другаго изъ братьи.“ [12] Для молодыхъ князей считалось почетомъ ѣздить съ передовымъ полкомъ, потому что для этого требовалась особенная отвага [13]. Право рядить полки передъ битвою принадлежало старшему въ войскѣ князю [14], и сохранялось еще преданіе, что добрый князь долженъ первый начинать битву; въ старину маленькаго Святослава перваго заставили бросить копье въ Древлянъ; въ описываемое время Изяславъ Мстиславичъ и Андрей Боголюбскій первые въѣзжали въ непріятельскіе полки.

Князю принадлежало право изданія судныхъ уставовъ: послѣ Ярослава сыновья его—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ съ пятью боярами (Тысяцкими) собрались для сдѣланія нѣкоторыхъ измѣненій въ судномъ уставѣ отцовскомъ; Владиміръ Мономахъ съ боярами установилъ законъ о рѣзахъ или процентахъ; здѣсь можно видѣть разницу въ княжескихъ отношеніяхъ, когда старшимъ былъ братъ и когда былъ отецъ остальнымъ князьямъ: Изяславъ для перемѣны въ уставѣ собирается съ братьями, а Мономахъ не имѣетъ нужды созывать сыновей, которые во всякомъ случаѣ обязаны принять уставъ отцовскій, при немъ видимъ только Иванка

Чудиновича, черниговскаго боярина (Олгова мужа), быть можетъ присланнаго принять участіе въ дѣлѣ отъ имени своего князя. Князю попрежнему принадлежали судъ и расправа; во время болѣзненной старости Всеволодовой до людей перестала доходить княжая правда; Мономахъ между другими занятіями князя помѣщаетъ оправливаніе людей; лѣтописецъ, хваля князя Давыда смоленскаго, говоритъ, что онъ казнилъ злыхъ, какъ подобаетъ творить царямъ. Для этого оправливанія, суда и расправы князья объѣзжали свою волость, что называлось ѣздить, быть на полюдьи [15]. Князь изъ числа приближенныхъ къ себѣ людей и слугъ назначалъ для отправленія разныхъ должностей въ посадники, тіуны, и т. п.; онъ налагалъ подати.

Доходы казны княжеской состояли попрежнему въ даняхъ. Мы видѣли, что покоренныя племена были обложены данью: нѣкоторыя платили мѣхами съ дыма или обитаемаго жилища, нѣкоторыя по шлягу отъ рала; встрѣчаемъ извѣстія, что и во времена лѣтописца подчиненное народонаселеніе платило дань, возило повозы князьямъ, что послѣдніе посылали мужей своихъ по областямъ для сбора дани: такъ Янъ Вышатичъ приходилъ за этимъ отъ князя Святослава на Бѣлоозеро; такъ Олегъ Святославичъ, овладѣвъ землею Муромскою и Ростовскою, посажалъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. Въ уставной грамотѣ смоленскаго князя Ростислава епископіи смоленской (1150 г.) говорится, что въ погостахъ каждый платитъ свою дань и передмеръ, также платятъ истужники, по силѣ, кто что можетъ, и съ княжества смоленскаго сходило дани болѣе 3,000 гривенъ; кромѣ дани въ грамотѣ Ростиславовой упоминается полюдье и погородіе [16]. Извѣстно также, что кіевскій князь получалъ дань изъ Новгорода [17]. Другими источниками дохода для казны княжеской служили пошлины торговыя, судныя, для старшаго князя дары отъ младшихъ, наконецъ доходы съ частной собственности, земель, князьямъ принадлежавшихъ. Эта частная собственность вѣроятно произошла вслѣдствіе перваго занятія, населенія земель пустыхъ, никому не принадлежавшихъ; потомъ средствомъ пріобрѣтенія была купля: о купленныхъ князьями слободахъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтопись подъ 1158 годомъ [18]; наконецъ источникомъ пріобрѣтенія могло служить отнятіе земель у провинившихся бояръ и другихъ людей: когда, напримѣръ, одинъ князь изгонялъ изъ волости

другаго, то отбиралъ у бояръ послѣдняго ихъ имущество. При общемъ родовомъ владѣніи, князья, разумѣется имѣли частную собственность, разбросанную въ разныхъ волостяхъ; отецъ раздавалъ сыновьямъ села свои безъ всякаго соотвѣтствія столамъ, на которыхъ они должны были сидѣть, тѣмъ болѣе, что столы эти не были постоянные; можно думать также, что въ описываемое время, при общемъ родовомъ владѣніи, князья не уговаривались, какъ послѣ, не пріобрѣтать земель куплею въ чужихъ волостяхъ. На земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ въ частную собственность, они могли строить города и отдавать ихъ дѣтямъ въ частную же собственность: такъ, думаемъ, Владиміръ Мономахъ, построивши Городецъ Остерскій на своей землѣ, отдалъ его въ частную собственность младшему сыну Юрію, и тотъ владѣлъ имъ будучи княземъ суздальскимъ; такъ Ростиславъ Мстиславичъ, князь смоленскій, получилъ отъ дѣда или отца въ частную собственность земли или доходы въ Суздальской области [12]; такъ Ярополкъ Изяславичъ, княжившій въ Туровѣ и на Волыни, имѣлъ разныя частныя волости, даже около Кіева, и отдалъ ихъ всѣ при жизни въ Печерскій монастырь.

Земли, составлявшія частную собственность князей, были населены челядью; здѣсь-то на этихъ земляхъ князья устраивали себѣ дворы, гдѣ складывалось всякаго рода добро. На путивльскомъ дворѣ Святослава Ольговича было семь сотъ человѣкъ рабовъ, кладовыя (скотницы), погреба (бретьяницы), въ которыхъ стояло пять сотъ берковцевъ меду, 80 корчагъ вина; въ сельцѣ у Игоря Ольговича былъ устроенъ дворъ добрый, гдѣ много было вина и меду и всякаго тяжелаго товара, желѣза и мѣди, на гумнѣ было 900 стоговъ. Большія стада составляли одно изъ главныхъ богатствъ княжескихъ: подъ Новгородомъ Сѣверскимъ непріятели взяли у Ольговичей 3000 кобылъ и 1000 коней. Значеніе этихъ земель, дворовъ, запасовъ для князей показываетъ ихъ названіе: жизнь. „Братья! говоритъ Святославъ Ольговичъ Давыдовичамъ: землю вы мою повоевали, стада мои и братнія взяли, жито пожгли и всю жизнь погубили!“ Изяславъ Мстиславичъ говорилъ дружинѣ о черниговскихъ князьяхъ: „Вотъ мы села ихъ пожгли всѣ и жизнь ихъ всю, а они къ намъ не выходятъ; такъ пойдемъ къ Любечу, тамъ у нихъ вся жизнь.“

Взглянемъ теперь на жизнь князя русскаго въ описываемое время, отъ дня рожденія до смерти. При рожденіи младенца въ семьѣ княжеской давалось ему одно имя славянское, или варяжское, которое называлось княжимъ именемъ, а при св. крещеніи другое по греческимъ святцамъ; первое употреблялось преимущественно; оба давались въ честь кого-нибудь изъ старшихъ родственниковъ, живыхъ или умершихъ [20]; этотъ обычай употреблялся относительно младенцевъ обоего пола [21]. Есть извѣстіе, что при самомъ рожденіи князю назначалась волость, городъ [22]; давалась ли эта волость изъ частной собственности князя—отца, или новорожденный считался княземъ этой волости, города и мѣнялъ его въ послѣдствіи по общему племенному и родовому распорядку,— рѣшить нельзя. Воспріемниками при купѣли бывали князья-родичи [23]. Лѣтъ двухъ, трехъ, четырехъ надъ младенцемъ мужескаго пола совершался обрядъ — п о с т р и г и, то-есть первое стриженіе волосъ, сопровождаемое церковнымъ благословеніемъ, посаженіемъ малютки на коня и пирами въ отцовскомъ домѣ; иногда постриги дѣлались въ именины постригаемаго, иногда постригали двухъ князей разомъ. Для воспитанія князей употреблялись попрежнему кормильцы; о воспитаніи княженъ встрѣчается въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе подъ 1198 годомъ: „родилась дочь у Ростислава Рюриковича, и назвали ее Евфросиньей, прозваніемъ Изморагдъ, то-есть дорогой камень; пріѣхалъ Мстиславъ Мстиславичъ (Удалой) и тетка ея Предслава, взяли ее къ дѣду и бабкѣ, и такъ воспитана она была въ Кіевѣ на Горахъ." Участвовали въ походахъ и разсылались по волостямъ князья очень рано, иногда пяти, семи лѣтъ. Женили князья сыновей своихъ также вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ [24], дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ; вотъ описаніе свадьбы дочери Всеволода III, Верхуславы, выходившей за Ростислава Рюриковича, княжившаго въ Бѣлгородѣ: „Послалъ князь Рюрикъ Глѣба, князя Туровскаго, шурина своего съ женою, Славна Тысяцкаго съ женою, Чурыню съ женою и другихъ многихъ бояръ съ женами, къ Юрьевичу великому Всеволоду, въ Суздаль, вести дочь его Верхуславу за сына своего Ростислава. На Борисовъ день отдалъ великій князь Всеволодъ дочь свою Верхуславу, и далъ за нее безчисленное множество золота и серебра, и сватовъ одарилъ большими дарами и отпустилъ съ великою честію; ѣхалъ онъ за милою своею дочерью до трехъ

становъ, и плакали по ней отецъ и мать, потому что была она имъ мила и молода: только осьми лѣтъ; великій князь послалъ съ нею сына сестры своей Якова съ женою, и иныхъ бояръ съ женами. Князь Рюрикъ, съ своей стороны, сыгралъ сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси, пировали на ней слишкомъ 20 князей; снохѣ же своей далъ много даровъ и городъ Брягинъ; Якова свата и бояръ отпустилъ къ Всеволоду въ Суздаль съ великою честію, одаривши ихъ богато.“ Изъ этого извѣстія, какъ изъ многихъ другихъ [25], мы видимъ, что браки устраивались родителями брачущихся; видимъ, что лица, употреблявшіяся для переговоровъ, посылаемыя за невѣстою отъ жениховa отца, и провожавшія невѣсту со стороны ея отца, назывались сватами; отецъ невѣсты снабжалъ ее золотомъ и серебромъ, давалъ за нею или по ней, что ясно указываетъ на приданое, тогда какъ свекоръ давалъ снохѣ дары и городъ для ея содержанія; что княгини имѣли города, видно изъ другихъ мѣстъ лѣтописи [26]; въ нѣкоторыхъ небогатыхъ волостяхъ упоминаются у княгинь только села [27]; княжны, не выходившія замужъ, оставшіяся въ волостяхъ отцовскихъ или братнихъ, имѣли также села [28].

Князья вступали въ бракъ преимущественно въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства, въ шестой и пятой степени свойства [29]; вступали въ родственные союзы съ сосѣдними владѣтельными домами: Скандинавскими, Англо-Саксонскимъ, Польскимъ, Чешскимъ, Венгерскимъ, Византійскими, очень часто съ ханами Половецкими [30]; иногда наши князья брали женъ изъ прикавказскаго народа Ясовъ [31]; наконецъ женились на дочеряхъ бояръ (новгородскихъ) и даже выдавали дочерей своихъ за бояръ [32]. Мы видѣли, что у князей Святополка Изяславича и Ярослава Галицкаго были незаконные сыновья, которыхъ отцы ничѣмъ не хотѣли отличать отъ законныхъ [33]. Если князья въ первый разъ женились рано, то во второй бракъ вступали иногда очень поздно: такъ Всеволодъ III-й женился вторично слишкомъ 60 лѣтъ. Встрѣчаемъ извѣстія о разводахъ князей по случаю болѣзни жены и желанія постричься въ монахини [34].

О занятіяхъ взрослаго князя, сидѣвшаго на столѣ, можно получить понятіе изъ словъ Мономаха къ сыновьямъ: „Не будьте лѣнивы ни на что доброе: прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь: да не застанетъ васъ солнце на постелѣ: такъ дѣлывалъ

мой отецъ и всѣ добрые мужи. Возвратясь изъ церкви, надобно садиться думать съ дружиною, или людей оправливать (творить судъ и расправу), или на охоту ѣхать, или такъ поѣхать куда, или спать лечь: для спанья время отъ Бога присуждено — полдень.“—Охота составляла любимое препровожденіе времени князей; по словамъ Мономаха, онъ вязалъ руками въ пущахъ дикихъ лошадей, охотился на тура, на оленя, на лося, на вепря, на медвѣдя, на волка (лютаго звѣря); охотились и на зайцевъ [35], ловили ихъ тенетами; Мономахъ говоритъ, что онъ самъ держалъ весь нарядъ въ ловчихъ, самъ заботился о соколахъ и ястребахъ. Князья отправлялись на охоту на долгое время [36], забирали съ собою женъ и дружину; охотились въ лодкахъ по Днѣпру, изъ Кіева ходили внизъ по этой рѣкѣ до устья Тясмина (до границъ Кіевской и Херсонской губерній) [37]; Игорь Святославичъ въ плѣну у Половцевъ утѣшался ястребиною охотою; въ Никоновскомъ спискѣ о Всеволодѣ Новгородскомъ говорится, что онъ любилъ играть и утѣшаться, а людей не управлялъ, собиралъ ястребовъ и собакъ, а людей не судилъ.

Изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что князья три раза въ день садились за столъ: завтракали, обѣдали, ужинали [38]; часъ завтрака, обѣда и ужина опредѣлить нельзя, можно видѣть только, что обѣдали прежде полуденъ; это будетъ понятно, если вспомнимъ, что вставали до свѣта и скоро послѣ того завтракали: при описаніи Липецкой битвы говорится, что князь Юрій прибѣжалъ во Владиміръ о полудни, а битва началась въ обѣднюю пору (въ обѣдъ годъ) [39]; въ полдень уже ложились спать. Князья попрежнему любили пировать съ дружиною. Кромѣ дружины они угощали иногда священниковъ: такъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Борисъ Юрьевичъ угощалъ въ Бѣлгородѣ на сѣнницѣ дружину и священниковъ; Ростиславъ Мстиславичъ въ Великій постъ каждую субботу и воскресенье сажалъ за обѣдомъ у себя 12 чернецовъ съ тринадцатымъ игуменомъ, а въ Лазареву субботу сзывалъ на обѣдъ всѣхъ монаховъ кіевскихъ изъ Печерскаго и другихъ монастырей; въ обыкновенное время угощалъ печерскую братію по постнымъ днямъ, середамъ и пятницамъ; въ лѣтописи называется это утѣшеніемъ [40]. Большіе пиры задавали князья при особенныхъ торжественныхъ случаяхъ: на крестинахъ, постригахъ, именинахъ, свадьбахъ, по случаю пріѣзда другихъ князей, при чемъ гость и хозяинъ вза-

имно угощали и дарили другъ друга, по случаю восшествія на престолъ: такъ въ Никоновскомъ спискѣ читаемъ, что Всеволодъ Ольговичъ, сѣдши въ Кіевѣ, учредилъ свѣтлый пиръ, поставилъ по улицамъ вино, медъ, перевару, всякое кушанье и овощи. Мы видѣли, что князья иногда сзывали къ себѣ на обѣдъ всѣхъ гражданъ и граждане давали обѣды князьямъ; князья пировали также у частныхъ людей: такъ Юрій Долгорукій передъ смертію пилъ у Осьменника Петрила. Большіе пиры задавали князья по случаю духовныхъ торжествъ, освященія церквей: такъ Святославъ Всеволодовичъ по освященіи Васильевской церкви въ Кіевѣ на Великомъ дворѣ созвалъ на пиръ духовный митрополита, епископовъ, игуменовъ, весь святительскій чинъ, Кіевлянъ [41]. На пирахъ у князей обыкновенно играла музыка [42]. Хоронили князей немедленно послѣ смерти, если не было особенныхъ препятствій; такъ напримѣръ Юрій Долгорукій умеръ 15-го мая въ среду на ночь, а похоронили его на другой день въ четвергъ. Родственники бояре, слуги умершаго князя, надѣвали черное платье и черныя шапки; когда везли тѣло князя, то передъ гробомъ вели коня и несли стягъ (знамя); у гроба становили копье [43]; послѣ похоронъ князя родственники его обыкновенно раздавали богатую милостыню духовенству и нищимъ: такъ Ростиславъ Мстиславичъ по смерти дяди Вячеслава роздалъ все его движимое имѣніе, себѣ оставилъ только одинъ крестъ на благословенье [44]. Ярославъ Галицкій самъ передъ смертію роздалъ имѣніе по монастырямъ и нищимъ. Родственники, бояре, слуги и народъ плакались надъ гробомъ князя, причитали похвалы умершему; похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца состояла въ слѣдующемъ: онъ былъ храбръ на рати, почиталъ, снабжалъ, утѣшалъ духовенство, раздавалъ щедрую милостыню бѣднымъ, любилъ и уважалъ дружину, имѣнія не щадилъ для нея; особенною заслугою выставляется также вѣрность клятвѣ, соблюденіе тѣлесной чистоты, правосудіе, строгость къ злымъ людямъ, безстрашіе предъ сильными, обижающими слабыхъ. Объ одеждѣ князей можемъ имѣть понятіе изъ картины, приложенной къ извѣстному Святославову Сборнику: здѣсь Святославъ и сыновья его, Глѣбъ и Ярославъ, представлены въ кафтанахъ не много ниже колѣна; кафтанъ у Святослава зеленый и сверхъ него корзно синее съ краснымъ подбоемъ, застегнутое на правомъ плечѣ красною запоною съ золотыми отводами; у сыновей кафтаны малиноваго

цвѣта и золотые пояса съ четырьмя концами. Воротники, рукава у молодыхъ князей, подолъ у Ярославова кафтана и края Святославова корзна наведены золотомъ; подолъ Святославова и Глѣбова кафтановъ красный; у маленькаго Ярослава отъ шеи до пояса золотая обшивка съ тремя поперечными золотыми полосами; сапоги у Святослава зеленые, у Ярослава красные, у обоихъ востроносые. На молодыхъ князьяхъ высокія синія шапки съ красными наушниками и зеленоватымъ подбоемъ (если только не принимать этого подбоя за особенную нижнюю шапку); на Святославѣ шапка не такъ высокая, желтоватаго цвѣта, съ синими наушниками и темнокрасною опушкою; на маленькомъ Ярославѣ синяя, не очень высокая. Святославъ и Романъ съ усами безъ бородъ. На княгинѣ покрывало, завязанное подъ бородою; верхняя одежда краснаго цвѣта съ широкими рукавами, съ широкою, желтою полосою на подолѣ и съ золотымъ поясомъ; видны рукава нижней одежды съ золотыми поручами; башмаки золотые.

Отношенія князя къ дружинѣ оставались, въ главныхъ чертахъ, прежнія. При Ярославѣ произошелъ новый наборъ дружины; но при сыновьяхъ его уже начались усобицы, перемѣщенія князей изъ одной волости въ другую; легко понять, какъ такой порядокъ вещей долженъ былъ дѣйствовать на положеніе дружины. Дружинники должны были или переѣзжать вмѣстѣ съ князьями изъ одной волости въ другую, или, оставаясь въ прежней, вступая въ службу новаго князя, ждать, что старая дружина послѣдняго, которая пріѣдетъ съ нимъ изъ прежней волости, займетъ первое мѣсто: въ княженіе Всеволода Ярославича и племянника его Святополка мы видимъ ясныя указанія лѣтописца на подобныя отношенія старой и новой дружины при перемѣнѣ князей. Таково было непріятное положеніе дружины и при безспорныхъ смѣнахъ князей: но каково же было ея положеніе при борьбахъ, усобицахъ, когда одинъ князь силою выгонялъ другаго изъ волости? Тогда дружина побѣжденнаго князя по необходимости должна была бѣжать съ нимъ изъ прежняго города въ другой какой-нибудь, уступая мѣсто дружинѣ побѣдителя. Такимъ образомъ вслѣдствіе перемѣщеній княжескихъ и дружина не могла получить осѣдлости. Отъ 1051 до 1228 года мы встрѣчаемъ въ лѣтописи полтораста именъ дружинниковъ: изъ этого числа не наберемъ и пятнадцати такихъ, которыхъ отчества указывали бы намъ, что это сыновья прежде

извѣстныхъ лицъ, да и здѣсь изслѣдователи руководствуются, по большей части, одними предположеніями: вѣроятно, можетъ быть, что такой-то Лазаревичъ былъ сынъ извѣстнаго прежде Лазаря. Потомъ изъ этого количества именъ мы наберемъ едва шесть примѣровъ, чтобъ дружинникъ служилъ послѣ отца сыну, и съ другой стороны не болѣе шести примѣровъ, чтобъ дружинники оставались въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ; наконецъ встрѣчаемъ не болѣе двухъ примѣровъ наслѣдственности сана тысяцкаго въ одних родахъ [46].

Понятно, что при такой неосѣдлости дружинѣ трудно было во все это время вступить въ прочныя, непосредственныя отношенія къ волостямъ, получить важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянных, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наслѣдственно правительственными должностями; бояре попрежнему оставались боярами князей, а не боярами княжествъ, дѣйствовали изъ личныхъ выгодъ, тѣсно связанныхъ съ выгодами того или другаго князя, но не изъ выгодъ сословныхъ. Дѣйствія дружины имѣли значеніе, силу, когда ея выгоды совпадали съ выгодами города, волости: такъ случилось въ Кіевѣ по смерти Всеволода Ольговича; въ Ростовской области по смерти Боголюбскаго: здѣсь, во второмъ примѣрѣ, бояре дѣйствуютъ противъ младшихъ Юрьевичей въ пользу Ростиславичей, по согласію съ Ростовцами, но дѣло рѣшается не въ ихъ пользу вслѣдствіе особыхъ отношеній новыхъ городовъ. При этомъ надобно замѣтить также, что съ самаго начала у насъ на Руси, вслѣдствіе размноженія членовъ княжескаго рода, управленіе сколько-нибудь значительными волостями и городами переходитъ къ князьямъ-родичамъ, а не къ боярамъ, которые по этому самому теряютъ возможность пріобрѣсти важное значеніе въ качествѣ областныхъ правителей: это важное значеніе остается за князьями же.—Исключеніе составляютъ галицкіе бояре. Галицкая волость, ставши особымъ владѣніемъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярославовомъ, по этому самому не перемѣняла князей своихъ; съ другой стороны не дробилась на мельчайшія волости въ племени Ростиславичей, потому что Владиміру удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ Галичѣ; единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Вслѣдствіе этого боярамъ Галицкимъ была возможность

установиться въ странѣ, получить важное земское значеніе въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ и областныхъ правителей: вотъ почему вліяніе дружины въ Галичѣ на дѣла страны оказывается такимъ исключительнымъ; сколько-нибудь сильнаго участія городовъ въ событіяхъ, происходившихъ по смерти Романа Великаго, не замѣчаемъ, хотя народонаселеніе ихъ вообще питало привязанность къ молодому Даніилу. Прибавимъ сюда еще вліяніе быта сосѣднихъ Галичу государствъ, Польскаго и Венгерскаго.

Но если такъ частъ и такъ необходимъ былъ переходъ дружины изъ одной волости въ другую и отъ одного князя къ другому, то легко понять, что не было возможности для точнаго опредѣленія отношеній ея къ князю; дружинникъ имѣлъ полную свободу переходить изъ службы одного князя въ службу другаго: каждый князь принималъ его съ радостію, ибо каждый нуждался въ храбрыхъ дружинникахъ; переходъ былъ легокъ для дружинника и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, потому что Русская земля сохраняла свое единство, равно какъ и родъ княжескій, слѣд. дружинникъ, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣнялъ чрезъ это нисколько ни Русской землѣ, ни роду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Князья не могли условиться не допускать этого перехода, потому что очень рѣдко случалось, что всѣ они находились въ мирѣ и добромъ согласіи между собою, а при первой усобицѣ дружинникамъ открывался свободный путь для перехода отъ одного враждебнаго князя къ другому: такъ въ силу обстоятельствъ обычай перехода скоро долженъ былъ превратиться въ право, и послѣ въ княжескихъ договорахъ мы увидимъ, что князья обязываются не препятствовать переходу дружинниковъ: „А боярамъ между нами и слугамъ вольнымъ—воля.“ Существовало ли такое условіе въ княжескихъ договорахъ описываемаго времени, или подразумѣвалось, какъ естественное и необходимое, и явилось только послѣ при ослабленіи родовой связи между князьями, обособленіи княжествъ—рѣшить нельзя по неимѣнію княжескихъ договорныхъ грамотъ изъ описываемаго періода; мы знаемъ одно только, что такія грамоты существовали въ это время. Хорошій князь, по современнымъ понятіямъ, не отдѣлялъ своихъ выгодъ отъ выгодъ дружины, ничего не щадилъ для послѣдней, ничего не откладывалъ собственно для себя; жилъ онъ съ нею въ братскомъ, задушевномъ кружку, не скрывая отъ нея имѣнія, не тая думъ своихъ,

намѣреній: „Князь! говоритъ дружина Мстиславу Изяславичу: тебѣ безъ насъ нельзя было ничего ни замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей братьи.“ А Владиміру Мстиславичу дружина говоритъ: „Ты самъ собою это, князь, замыслилъ, такъ мы не ѣдемъ за тобою, мы ничего не знали“. Изъ тона лѣтописи видно, что не нравилось, когда князь имѣлъ одного любимца, которому открывалъ свои думы, скрывая ихъ отъ остальной дружины: такъ, разсказывая о дурномъ поступкѣ Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами, лѣтописецъ говоритъ: „Святославъ посовѣтовался съ княгинею, да съ Кочкаремъ, любимцемъ своимъ, а лучшимъ мужамъ думы своей не объявилъ.“ Князь почти все время свое проводилъ съ дружиною: съ нею думу думалъ, на охоту ѣздилъ, пировалъ; въ житіи св. Ѳеодосія читаемъ, что когда князь Изяславъ хотѣлъ ѣхать къ преподобному, то распускалъ всѣхъ бояръ по домамъ и являлся въ монастырь съ однимъ малымъ отрокомъ: это разсказывается, какъ исключеніе изъ обычая. При такихъ близкихъ отношеніяхъ бояръ къ князю естественно ожидать, что совѣты ихъ и внушенія не оставались безъ слѣдствій въ распряхъ и усобицахъ княжескихъ: въ дѣлѣ ослѣпленія Василька лѣтописецъ прямо обвиняетъ извѣстныхъ бояръ Давыдовыхъ; не разъ попадается извѣстіе, что князь поступилъ дурно, послушавшись злыхъ совѣтниковъ; если дружинникъ по неудовольствію оставлялъ одного князя и переходилъ къ другому, то конечно не могъ содѣйствовать пріязни между ними. Мстиславъ Изяславичъ отпустилъ отъ себя двоихъ бояръ, братьевъ Бориславичей, о з л о б и в ъ, по выраженію лѣтописца, потому что холопи ихъ покрали княжескихъ коней изъ стада; Бориславичи перешли къ Давыду Ростиславичу и начали ссорить его съ Мстиславомъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что при княжескихъ договорахъ и бояре цѣловали крестъ — добра хотѣть между князьями, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ.

Попрежнему встрѣчаемъ различіе между старшею и младшею дружиною. Когда Святославу Ольговичу дали знать о смерти брата Игоря, то сказано, что онъ созвалъ дружину свою с т а р ѣ й ш у ю и объявилъ ей объ этомъ. Всеволодъ III послалъ сказать племяннику Мстиславу Ростиславичу: „Братъ! если тебя привела дружина старѣйшая, то ступай въ Ростовъ.“ Но старѣйшая дружина въ этомъ же самомъ разсказѣ переводится словомъ б о я р е. Въ противополож-

ность старшей встрѣчаемъ названіе младшая дружина; такъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ брату Владиміру: „Ступай впередъ на Бѣлгородъ, а мы всѣ отпускаемъ съ тобою дружину свою младшую"; младшая дружина называется также просто: молодь, молодые, молодые люди, продолжаетъ носить названіе гридей, гридьбы. Члены старшей дружины, бояре, были по преимуществу княжескими думцами, совѣтниками; но встрѣчаемъ извѣстіе, что иногда князья сзываютъ на совѣтъ бояръ и всю дружину свою [47]. Въ составъ дружины входила также собственная прислуга князя, жившая постоянно при немъ, въ его домѣ, дворцѣ, это такъ-называемые отроки, дѣтскіе, пасынки, которые естественно раздѣлялись опять на старшихъ и младшихъ, или меньшихъ. Такимъ образомъ дружина состояла изъ трехъ частей: бояръ, гридьбы и пасынковъ; лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ Ростиславичъ, пріѣхавши въ Ростовъ, собралъ бояръ, гридьбу и пасынковъ, и всю дружину. Третій отдѣлъ дружины, служня, слуги княжескіе, живущіе при немъ въ домѣ, на сѣверѣ начинаютъ носить названіе двора, дворянъ [48]; естественно впрочемъ ожидать, что въ противоположность городовымъ полкамъ подъ именемъ дворянъ разумѣлась и вся дружина, все княжеское войско. Бояре имѣли свои домы въ стольномъ городѣ княжескомъ, имѣли свои села [49]; какого рода были эти села, кромѣ отчинъ получали ли дружинники помѣстья отъ князей — ничего неизвѣстно. Кромѣ стольнаго города дружина (преимущественно, думаемъ, младшая) жила также по другимъ городамъ, гдѣ отряды ея составляли засады или гарнизоны [50], жила и по селамъ своимъ; послѣ каждаго похода дружина распускалась. Княжескіе слуги жили при дворѣ; но могли также чередоваться службою, имѣя на сторонѣ свои дома. Бояре имѣли около себя въ походѣ свою служню, своихъ отроковъ [51].

Изъ бояръ князь назначалъ тысяцкихъ; что же касается до посадниковъ, то они могли быть назначаемы и изъ дѣтскихъ [52]. Тіуны княжескіе и боярскіе имѣютъ прежнее значеніе. Изъ должностей служебныхъ въ домѣ, дворѣ княжескомъ встрѣчаемъ названіе ключниковъ; на ихъ должность указываетъ слѣдующее извѣстіе: когда Ростиславъ Мстиславичъ похоронилъ дядю своего Вячеслава, то, созвавши бояръ послѣдняго, тіуновъ и ключниковъ, велѣлъ принести передъ себя все имѣніе покойнаго князя. Покладникъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, соотвѣтствовалъ позднѣйшему спальнику.

Званія Конюшій [53], Стольникъ, Мечепоша [54], объясняются изъ самыхъ словъ. Упоминаются мечники; кощеи, которыхъ, производя отъ слова кошъ, можно принять за обозную прислугу; упоминаются сѣдельники, названіе которыхъ указываетъ на ихъ занятіе; и кощеи, и сѣдельники находились при войскѣ во время похода [55]; сѣдельники жили, какъ видно, цѣлыми селеніями въ извѣстныхъ мѣстахъ [56]. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1181 годомъ встрѣчаемъ названіе: кметство для лучшихъ ратниковъ, ибо это названіе въ нѣкоторыхъ спискахъ переводится чрезъ: мужи добронмепитые. Мономахъ говоритъ, что онъ взялъ въ плѣнъ живыми пятерыхъ князей полоцкихъ, и иныхъ кметій молодыхъ пятнадцать.

По прежнему находимъ въ лѣтописи ясныя указанія на различіе между дружиною и полками, собираемыми изъ остальнаго народонаселенія, городскаго и сельскаго; дружина отличается отъ полка. Вячеславъ Владиміровичъ говоритъ племяннику Изяславу: „Дружина моя и полкъ мой будутъ у насъ съ тобою общіе"; Ярославъ Галицкій говоритъ кіевскому боярину объ отцѣ своемъ: „Полкъ его и дружина его у меня" [57]; хотя, разумѣется слово: „полкъ" сохраняетъ и свое общее значеніе войска, точно такъ же какъ и дружина; а съ другой стороны, полкъ имѣетъ значеніе извѣстнаго отдѣла въ войскѣ. Кіевскіе полки рѣзко отличаются отъ княжескихъ дружинъ въ разсказѣ о битвѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ подъ Кіевомъ: „Вячеславъ и Изяславъ, не входя въ городъ, роскинули станъ передъ Золотыми воротами: Изяславъ Давыдовичъ сталъ между Золотыми воротами и Жидовскими, Ростиславъ съ сыномъ Романомъ передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій у Лятскихъ воротъ, а между князьями стали Кіевляне на коняхъ и пѣши"; тутъ же говорится, что Вячеславъ и племянники его послушались дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ. На участіе сельскаго народонаселенія въ походахъ указываютъ прямо извѣстія лѣтописи о сборахъ Мономаха и Святополка на Половцевъ; дружина говорила, что весною не время идти въ походъ, ибо для этого нужно отнять поселянъ (смердовъ) и лошадей ихъ отъ полевыхъ работъ; Мономахъ отвѣчалъ на это: „странно мнѣ, что вы поселянъ и лошадей ихъ жалѣете, а объ томъ не подумаете, какъ весною начнетъ поселянинъ пахать лошадью, и пріѣдетъ Половчинъ, ударитъ поселянина стрѣлою, а лошадь его возьметъ себѣ." Еслибы кто-нибудь задалъ

вопросъ: какъ участвовали поселяне въ походахъ, для чего собственно употреблялись здѣсь они и лошади ихъ?—то на этотъ вопросъ не можетъ быть отвѣта по недостатку свидѣтельствъ; приведемъ только одно извѣстіе, что во время войны Мстислава Торопецкаго съ младшими сыновьями Всеволода III, послѣдніе погнали на войну и „изъ поселей", какъ сказано въ лѣтописи. Въ лѣтописи же читаемъ, что Изяславъ Мстиславичъ и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ на вѣчѣ объявлялъ о походѣ; было ли это постояннымъ обычаемъ—утверждать нельзя. Какъ выходили граждане на войну, это видно также изъ словъ бояръ Изяславовыхъ, которые звали Кіевлянъ въ походъ отъ имени князя; „теперь братья Кіевляне, ступайте за мной къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика, у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ пусть ѣдетъ въ лодкѣ." Изъ этого и изъ многихъ другихъ извѣстій видно, что ополченіе состояло изъ конницы (копѣйщиковъ) и пѣхоты (стрѣльцовъ); встрѣчаемъ названія: кони поводные, т.-е. употребляемые подъ верхъ, и товарные, обозные, также кони сумные; стрѣльцы обыкновенно завязывали дѣло, когда главная масса войскъ, копѣйщики, еще не вступали въ битву. Во время похода оружіе везли на возахъ [58]; оружіе состояло изъ броней, шлемовъ, щитовъ, мечей, копій, сабель, стрѣлъ, кіевъ, сулицъ, ножей—засапожниковъ, рогатинъ, оскѣповъ и топоровъ, топоры бывали съ паворозою: въ Словѣ о полку Игореву щиты называются красными (червлеными); шлемы были съ острымъ верхомъ и съ желѣзнымъ забраломъ или личиною въ видѣ полумаски. Для защиты щекъ и затылка, къ шлему прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка, застегивавшаяся запоною у шеи [59]. Употреблялись знамена, или стяги, также трубы и бубны. Не только оружіе везли на возахъ, но и сами ратники ѣхали на нихъ же; кромѣ возовъ съ оружіемъ, должно думать, что войско сопровождали обозы съ съѣстными припасами: по крайней мѣрѣ есть извѣстіе, что иногда припасы эти возили на лодкахъ по рѣкамъ [60]; но есть также и не одно извѣстіе, что князья, вступая въ непріятельскую землю, посылали для сбора съѣстныхъ припасовъ: это называлось ѣхать въ зажитіе, а люди, посылаемые для такого сбора—зажитниками. Въ ожиданіи битвы ратники надѣвали брони; но предъ липецкою битвою Мстиславъ Удалой далъ Новгородцамъ на выборъ: сражаться на коняхъ или пѣшкомъ; тѣ отвѣчали, что не хотятъ по-

мирать на лошадяхъ, но хотятъ биться пѣши, какъ бились отцы ихъ на Колакчѣ, и сбросивъ съ себя порты и сапоги, побѣжали босые на непріятеля. Князья устроивали войско, говорили рѣчи; войска располагались по прежнему тремя отдѣленіями: большой полкъ, или чело, и два крыла; но въ описываемое время упоминается и передовой полкъ, или передъ [61], упоминается и сторожевой полкъ, или сторожье, который давалъ знать главному полку о мѣстѣ пребыванія и движеніи непріятеля. При бѣгствѣ непріятеля, побѣдители бросались на станъ его, одирали мертвыхъ; о дѣлежѣ добычи встрѣчаемъ одно извѣстіе, что Мстиславъ Удалой, взявши дань на Чуди, двѣ части ея отдалъ Новгородцамъ, третью дворянамъ своимъ. Встрѣчаемъ извѣстіе объ укрѣпленныхъ станахъ: такъ предъ Липецкою битвою младшіе Всеволодовичи обвили свой станъ плетнемъ и насовали кольевъ; былъ обычай также огораживаться засѣками: такъ сказано объ Ярославѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ, что онъ сталъ подъ своими лѣсами, засѣкшись отъ непріятеля; въ станахъ находились шатры и полстницы: въ разсказѣ о взятіи рязанскихъ князей Всеволодомъ III говорится, что великій князь, поздоровавшись съ ними, велѣлъ сѣсть имъ въ шатрѣ, а самъ сѣлъ въ полстницѣ; также въ разсказѣ объ убіеніи рязанскихъ князей родичами читаемъ, что убійца Глѣбъ скрылъ вооруженныхъ слугъ и Половцевъ въ полстницѣ близь шатра, гдѣ должны были пировать жертвы его.

И въ описываемое время войска переправлялись иногда по рѣкамъ; такъ подъ 1185 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Святославъ Всеволодовичъ плылъ въ лодкахъ Десною изъ Новгорода Сѣверскаго въ Черниговъ: встрѣчаемъ даже извѣстіе о рѣчной битвѣ на Днѣпрѣ между войсками Изяслава Мстиславича и дяди его Юрія, когда Изяславъ дивно исхитрилъ лодки, по выраженію лѣтописца: видны были одни только весла, а гребцовъ было не видать, потому что лодки были покрыты, ратники стояли на этихъ крышкахъ въ бронѣхъ и стрѣляли, кормчихъ было два, одинъ на носу, другой на кормѣ, и куда хотѣли, туда и шли, не оборачивая лодокъ. Походы преимущественно совершались зимою: это будетъ понятно, если вспомнимъ состояніе страны, покрытой множествомъ рѣкъ и болотъ, чрезъ которыя зима прокладывала ледяные мосты и такимъ образомъ облегчала путь; князья обыкновенно спѣшили окончить походъ до того времени, какъ начнутъ таять снѣга и разливаться рѣки. Кромѣ затруднительно-

сти дорогъ противъ незимнихъ походовъ могли говорить также причины, приводимыя дружиною Мономаху противъ весенняго похода на Половцевъ: нужно было отрывать земледѣльцевъ отъ работъ въ полѣ. Пространство пути считали днями, наприм. подъ 1187 годомъ Рюрикъ Ростиславичъ говоритъ Ярославу Черниговскому: „вѣсть ны правая есть, ажъ вѣжи половецкія восе за полъдне, ты мене дѣля пойди до полудньа, а язъ тебе дѣля ѣду десять днев." Или подъ 1159 годомъ: „Бродишася по немъ (Изяславѣ Давыдовичѣ) за Десну, Святослава оба и Рюрикъ, и отшедше за днище и не обрѣтше его." Новгородцы въ 1147 г. выходили на встрѣчу къ Изяславу Мстиславичу, одни „три днищь, другіе днище отъ Новгорода."—Упоминаются взятія городовъ копьемъ (приступомъ) и взятія на щитъ (сожженіе, разграбленіе, плѣнъ, истребленіе жителей): нѣтъ права думать, чтобы тамъ, гдѣ упоминается взятіе на щитъ, непремѣнно прежде было взятіе приступомъ. При осадахъ городовъ почти никогда не упоминается о машинахъ, стѣнобитныхъ орудіяхъ, подкопахъ; обыкновенно говорится, что городъ обступали и бились съ осажденными у воротъ. Разъ говорится въ Псковской лѣтописи подъ 1065 годомъ, что Всеславъ Полоцкій приходилъ подъ Псковъ, и много трудился и пороками шибавъ; но Псковская лѣтопись позднѣйшаго составленія, и притомъ означенное выраженіе у псковскаго лѣтописца форменное. Осады продолжались отъ двухъ дней до десяти недѣль; болѣе продолжительныхъ осадъ не видимъ [62]. Изо ста съ чѣмъ-нибудь случаевъ, гдѣ говорится о нападеніяхъ на города, одинъ только разъ упоминается о взятіи копьемъ, разъ двадцать девять о взятіи на щитъ, опустошеніи городовъ, разъ сорокъ о сдачѣ и просто о занятіи городовъ, причемъ раза три употребляется выраженіе, что города были заняты внезапно, изъѣздомъ; разъ семь осажденные должны были принимать условія осаждающихъ, разъ пять говорится просто о мирѣ, послѣдовавшемъ за осадою, наконецъ разъ двадцать пять упоминаются осады неудачныя.—Здѣсь, разумѣется, намъ было бы очень важно знать число войскъ во время походовъ и осадъ; къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ объ этомъ предметѣ очень скудныя извѣстія въ лѣтописяхъ; подъ 1172 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о битвѣ Русскихъ съ Половцами: у поганыхъ, сказано, было 900 копій, а у Руси 90; но число копій не означаетъ числа всего войска, ибо послѣ сказано, что побѣдивши Половцевъ (900 копій), Русскіе взяли у нихъ въ плѣнъ 1500 человѣкъ, дру-

гихъ перебили, а нѣкоторые убѣжали. Изъ связи цѣлаго разсказа можно сдѣлать нѣкоторыя соображенія; прежде говорится, что когда Русскіе, перехватившп половецкихъ сторожей, спросили у нихъ: „Много ли вашихъ назади", то тѣ отвѣчали, что 7000; Русскіе пошли противъ этого семитысячнаго отряда, разбили его, и когда спросили у плѣнныхъ: много ли еще вашихъ назади, то тѣ отвѣчали: „Теперь большой полкъ идетъ";—и въ этомъ то большомъ полку насчитывалось 900 копій, слѣдовательно полкъ, насчитывавшій въ себѣ 900 копій, имѣлъ всѣхъ ратниковъ въ себѣ гораздо болѣе 7000, ибо относился къ семитысячному отряду, какъ большой полкъ. Русскій полкъ состоявшій изъ 90 копій, считали маленькимъ отрядомъ, такъ что старшему князю неприлично было имъ предводительствовать. Когда великій князь Святополкъ Изяславичъ въ 1093 году объявилъ кіевскимъ боярамъ, что у него 800 своихъ отроковъ, которые могутъ стать противъ Половцевъ, то бояре отвѣчали: „Если бы ты набралъ и 8000, то не дурно было бы, потому что наша земля оскудѣла." Это извѣстіе о 800 (по нѣкоторымъ спискамъ 500) отрокахъ можетъ указывать намъ на число собственной служни княжеской, которую должно отдѣлять отъ другихъ составныхъ частей дружины—бояръ и гридей. Когда Мономахъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль передъ Олегомъ, то у него не было и ста человѣкъ дружины—но это было послѣ бѣдственнаго сраженія съ Половцами, гдѣ Мономахъ такъ много потерялъ своего войска; Игоревичи перебили въ Галичѣ 500 бояръ. Великій Новгородъ во второй половинѣ XII вѣка могъ выставлять 20.000 войска [63]; сѣверная Русь—области: Новгородская, Ростовская съ Бѣлоозеромъ, Муромская и Рязанская могли выставить 50.000 [64]; на Липецкой битвѣ изъ войска младшихъ Всеволодовичей погибло 9.233 человѣка, взято въ плѣнъ только 60 человѣкъ, но были кромѣ того и спасшіеся бѣгствомъ, нѣкоторые потонули въ рѣкахъ. Здѣсь, разумѣется, не должно упускать изъ вниманія того, происходилили войны соединенными усиліями нѣсколькихъ княжествъ, или два князя боролись съ одними собственными силами: если мы предположимъ, что южная Русь могла выставить около 50.000 войска, то мы должны раздѣлять это количество на шесть частей по областямъ (Черниговская, Переяславская, Смоленская, Туровская, Волынская, Кіевская); а если борьба шла между князьями одной изъ этихъ областей, напр. между черниговскимъ и сѣверскимъ, то мы не можемъ пред-

положить, чтобы каждый изъ нихъ могъ вывести въ поле больше 5000 войска. Но, съ другой стороны, должны замѣтить также, что во всѣхъ почти войнахъ принимали участіе толпы дикихъ Половцевъ и своихъ Черныхъ Клобуковъ, такъ напр. на помощь Всеволоду Ольговичу, въ 1127 году, пришло 7000 Половцевъ; на помощь Изяславу Давидовичу пришло 20.000 Половцевъ. Наконецъ въ Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1135 году Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій имѣлъ въ своемъ войскѣ Нѣмцевъ; на югѣ подъ 1419 годомъ упоминаются также Нѣмцы въ Русскомъ войскѣ.

И въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстіе о богатыряхъ; и въ этотъ періодъ человѣкъ, благодаря физической силѣ, могъ выдѣлиться, пріобрѣсть особенное значеніе и давать побѣду тому или другому князю; къ богатырямъ, какъ видно, питали особенное уваженіе, называли ихъ людьми Божіими. Замѣчателенъ разсказъ лѣтописи подъ 1148 годомъ о богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ. Этотъ богатырь жилъ въ Переяславлѣ южномъ у князя Мстислава Изяславича въ то время, когда сынъ Юрія Долгорукаго, Глѣбъ, хотѣлъ врасплохъ напасть на Переяславль. Узнавши о приближеніи Глѣба, князь Мстиславъ отправился немедленно къ Демьяну и сказалъ ему: „человѣкъ Божій! теперь время Божіей помощи и Пречистой Богородицы и твоего мужества и крѣпости". Демьянъ тотчасъ же сѣлъ на коня съ слугою своимъ Тарасомъ и пятью молодыми отроками, потому что остальные разошлись неизвѣстно куда. Богатырь выѣхалъ изъ города, встрѣтилъ князя Глѣба Юрьевича на полѣ у посада, съ яростію напалъ на его войско и многихъ убилъ нещадно. Князь Глѣбъ испугался, побѣжалъ назадъ, а Демьяну Куденевичу послалъ сказать: „Я приходилъ на любовь и на миръ, а не на рать."— Но скоро Глѣбъ съ Половцами пришелъ опять къ Переяславлю. Демьянъ одинъ выѣхалъ изъ города, безъ доспѣховъ, перебилъ много непріятелей, но самъ былъ пострѣленъ во многихъ мѣстахъ отъ Половцевъ и въ изнеможеніи возвратился въ городъ. Князь Мстиславъ пришелъ къ нему, принесъ много даровъ, обѣщалъ дать волости; богатырь отвѣчалъ ему: „О суета человѣческая! кто, будучи мертвъ, желаетъ даровъ тлѣнныхъ и власти погибающей!" Съ этими словами Демьянъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, и былъ по немъ плачъ великій во всемъ городѣ.—Въ разсказѣ о Липецкой битвѣ упоминаются также богатыри, бывшіе на сторонѣ Мстислава Торопецкаго.

Въ разсказахъ о Калкской битвѣ говорится, что тутъ пало 80 храбрецовъ или богатырей.

Обратимся теперь къ народонаселенію городскому и сельскому. Русская земля въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, т.-е. всѣ Русскія владѣнія, раздѣлялась на нѣсколько отдѣльныхъ земель или волостей: Русская земля (въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. Кіевская) Волынская, Смоленская, Суздальская и т. д.; слово: волость, власть означало и княженіе (власть), и княжество (владѣніе, область). Между словами волость и земля можно впрочемъ замѣтить различіе: земля имѣла чисто географическое значеніе, тогда какъ волость содержитъ въ себѣ всегда значеніе зависимости извѣстнаго участка земли отъ князя или главнаго города; въ этомъ смыслѣ названіе волости носитъ окружная земля въ противоположность городу, и жители ея въ противоположность горожанамъ; Новгородская земля есть Новгородія, земля, обитаемая Новгородцами, какъ Польская земля есть Польша, Чешская земля — Богемія; Новгородская же волость означаетъ земли, подвѣдомственныя, подчиненныя Новгороду Великому. Переходъ слова: власть (волость) отъ означенія владѣющаго къ означенію владѣемаго былъ очень легокъ: князь, старшій городъ были власти, владѣли окружающими населенными мѣстами, здѣсь была ихъ власть, эти мѣста были въ ихъ власти, они были ихъ власть. Первоначально, до призванія Рюрика, лѣтописецъ указываетъ намъ племена независимыя другъ отъ друга: это видно изъ его словъ, что каждое племя имѣло свое княженье; встрѣчаемъ сначала и названія земель отъ имени племенъ, напр. Деревская земля; слѣд. можно думать, что первоначально границы земель соотвѣтствовали границамъ племенъ. Но съ тѣхъ поръ какъ началась дѣятельность князей Рюриковичей это совпаденіе границъ было нарушено, и въ послѣдующемъ дѣленіи земель или волостей между князьями мы не можемъ отыскать прежняго основанія: такъ земля Новгородская заключаетъ въ себѣ землю и Славянъ и Кривичей, земля Полоцкая землю Кривичей и Дреговичей, Смоленская Кривичей и Радимичей. Кіевская Полянъ, Древлянъ и Дреговичей, Черниговская Сѣверянъ и Вятичей. Уже самая перемѣна названій, исчезновеніе именъ племенныхъ, замѣненіе ихъ именами, заимствованными отъ главныхъ городовъ, показываетъ намъ, что основаніе дѣленія здѣсь другое, а не прежнее племенное. Не смотря впрочемъ на то, что явилось новое могущественное начало, власть княже-

ская, подъ вліяніемъ которой несомнѣнно совершился переходъ народонаселенія изъ племеннаго быта въ областной, прежнее значеніе древнихъ главныхъ городовъ не утратилось для окружнаго народонаселенія, чему, разумѣется, прежде всего способствовала первоначальная неопредѣленность отношеній городоваго народонаселенія къ князьямъ, неопредѣленность, преимущественно зависѣвшая отъ родовыхъ княжескихъ отношеній, отъ частаго перехода князей изъ одной волости въ другую: при спорности правъ княжескихъ относительно наслѣдства, при усобицахъ, отсутствіи князей, волости необходимо должны были смотрѣть на главные, старшіе города, сообразоваться съ ихъ рѣшеніемъ. Отсюда главные, древніе, старшіе города въ волости удерживаютъ относительно послѣдней, относительно младшихъ городовъ или пригородовъ значеніе властей, называются властями: „Новгородцы изначала, и Смоляне, и Кіевляне, и Полочане, и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ", говоритъ лѣтописецъ. Такихъ мѣстъ лѣтописи, изъ которыхъ можно было бы узнать объ отношеніяхъ младшихъ городовъ въ волости къ старшимъ, очень мало; тутъ же въ разсказѣ лѣтописца подъ 1175 г. видимъ, что Ростовцы считаютъ себя въ правѣ посадить посадника въ пригородѣ своемъ Владимирѣ, и Владимирцы потомъ, утѣсненные Ростиславичами, обращаются съ жалобою къ жителямъ старшихъ городовъ, Ростовцамъ и Суздальцамъ. Лѣтописецъ Новгородскій сообщаетъ намъ также нѣсколько скудныхъ извѣстій объ отношеніяхъ Новгорода къ своимъ пригородамъ, преимущественно Пскову и Ладогѣ. Мы не можемъ искать первоначальныхъ пригородныхъ отношеній Пскова къ Новгороду въ дорюриковское время: Псковъ былъ городомъ совсѣмъ другаго племени, племени Кривичей; мы не знаемъ, какимъ образомъ Псковъ получилъ значеніе главнаго мѣста въ окружной странѣ вмѣсто Изборска или Словенска (какъ онъ называется въ псковской лѣтописи), стольнаго города Труворова; но какъ бы то ни было, мы не имѣемъ права предполагать зависимости изборскихъ Кривичей отъ Славянъ новгородскихъ во время призванія князей, и думать, что позднѣйшая зависимость Пскова отъ Новгорода была слѣдствіемъ этой давней зависимости. Весь Бѣлозерская, подобно Кривичамъ изборскимъ, участвовала въ призваніи князей, среди нея утвердилъ свой столъ второй братъ Рюриковъ, Синеусъ, и однако потомъ Бѣлозерскъ отошелъ отъ Новгорода къ

области другаго княжества. Поэтому съ достовѣрностію можно положить, что зависимость Пскова отъ Новгорода началась во время князей и вслѣдствіе княжескихъ отношеній. Братья Рюрика, по свидѣтельству лѣтописца, скоро умерли, и Рюрикъ принялъ одинъ всю ихъ волость; слѣдовательно страна изборскихъ Кривичей, вмѣстѣ со Псковомъ, подчинилась, по смерти Трувора, Рюрику, утвердившему столъ свой въ Новгородѣ, который поэтому сталъ главнымъ городомъ, правительственнымъ средоточіемъ во всей странѣ, признававшей своимъ княземъ Рюрика. Вотъ гдѣ должно искать начала зависимости Пскова отъ Новгорода, или, лучше сказать, отъ власти, пребывающей въ Новгородѣ: князь новгородскій былъ вмѣстѣ и княземъ псковскимъ, и назначалъ во Псковъ своего посадника; отсюда обычай брать Пскову всегда посадника изъ Новгорода. Въ 1132 году, по случаю сильной смуты вслѣдствіе отъѣзда князя Всеволода Мстиславича въ южный Переяславль, Псковичи и Ладожане пришли въ Новгородъ и здѣсь получили для себя посадниковъ. Въ 1136 году Новгородцы, вздумавши передаться Ольговичамъ, призвали Псковичей и Ладожанъ. Это извѣстіе показываетъ, что старшіе города не рѣшали иногда важныхъ дѣлъ безъ вѣдома пригородовъ; говоримъ и н о г д а, потому что при неопредѣленности тогдашнихъ отношеній не имѣемъ права изъ одного или двухъ извѣстій заключать, что такъ необходимо всегда было. Подъ 1148 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Великій князь Изяславъ Мстиславичъ, пріѣхавши въ Новгородъ, созвалъ вѣче, на которое сошлись Новгородцы и Псковичи: пришли ли Псковичи и на этотъ разъ нарочно, по случаю пріѣзда Великаго князя, или сошлись на вѣче Псковичи, бывшіе тогда по своимъ дѣламъ въ Новгородѣ—рѣшить нельзя. Неопредѣленность этихъ отношеній видна уже изъ того, что иногда являются Псковичи и Ладожане, иногда одни Псковичи, о жителяхъ другихъ пригородовъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминовенія. Та же неопредѣленность въ отношеніяхъ старшихъ городовъ къ младшимъ и въ землѣ Ростовской: по смерти Боголюбскаго, Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и в с я д р у ж и н а, отъ мала до велика, съѣзжаются на совѣщаніе къ Владиміру, и рѣшаютъ призвать князей; дружина владимірская по приказанію Ростовцевъ, присоединяется также къ дружинѣ означенныхъ городовъ, но остальное народонаселеніе владимірское противится, не желая покориться Ростовцамъ, которые грозятъ распорядиться Владиміромъ, какъ сво-

имъ пригородомъ; потомъ Владимирцы, притѣсненные Ростиславичами, обращаются съ жалобою къ Ростовцамъ и Суздальцамъ вмѣстѣ, а не къ однимъ Ростовцамъ, точно такъ какъ на совѣщаніе собираются Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы, Владимирцы, а объ другихъ городахъ не упоминается.

Мы видѣли, что лѣтописецъ жителей старыхъ городовъ называетъ властями, которыя какъ на думу на вѣче сходятся, и рѣшеніе ихъ принимаютъ жители младшихъ городовъ или пригородовъ; лѣтописецъ говоритъ здѣсь о Новгородцахъ наравнѣ съ Кіевлянами, Смольнянами, Полочанами, слѣдовательно мы не имѣемъ права въ описываемое время рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ значительнѣйшихъ русскихъ городовъ.

Какъ въ другихъ городахъ, такъ и въ Новгородѣ вѣче является съ неопредѣленнымъ характеромъ, неопредѣленными формами. Слово: вѣче означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякій разговоръ, всякіе переговоры, а не означало именно народное собраніе, народную думу. Мы видимъ, что князья сами созываютъ вѣче, имѣя что-нибудь объявить гражданамъ; обыкновенно вѣча созываются князьями для объявленія войны, похода гражданамъ. Созывалось вѣче обыкновенно по звону колокола, откуда и выраженіе сзвонить вѣче; собиралось оно на извѣстныхъ мѣстахъ, удобныхъ для многочисленнаго стеченія народа, напр. въ Новгородѣ на дворѣ Ярославовомъ, въ Кіевѣ на площади у св. Софіи. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видимъ, что князь собираетъ на совѣтъ бояръ и городскихъ старцевъ, представителей городскаго народонаселенія; но теперь, когда народонаселеніе въ городахъ увеличилось, роды раздробились, то мѣсто собранія старцевъ естественно заступило общенародное собраніе или вѣче; мы видимъ иногда въ лѣтописи даже составныя части вѣча, указывающія, что оно именно замѣнило прежній совѣтъ дружины и старцевъ: такъ в. князь Изяславъ созвалъ на вѣче бояръ, всю дружину и Кіевлянъ; въ одномъ спискѣ лѣтописи читаемъ, что народъ сталъ на вѣче, а въ другомъ, что Кіевляне сѣли у св. Софіи; въ обоихъ говорится, что сошлось многое множество народа, сошлись всѣ Кіевляне отъ мала до велика [66]. Видимъ, что вѣче собирается въ важныхъ случаяхъ для города, наприм. послѣ потери князя, когда граждане оставлены самимъ себѣ, какъ то случилось съ Владимирцами на Волыни въ 1097 г.; въ крайней опасности, какъ напр. когда въ томъ же году

Ростиславичи послали сказать тѣмъ же Владимирцамъ, что они должны выдать злодѣевъ, наустившихъ князя Давыда ослѣпить Василька. Наконецъ вѣчемъ называется всякое собраніе недовольныхъ гражданъ противъ князя или другаго какого-нибудь лица. На такія вѣча начали смотрѣть послѣ какъ на заговоры и возстанія, когда въ сѣверо-восточной Руси точнѣе опредѣлились отношенія; Новгородцы въ глазахъ сѣверо-восточнаго народонаселенія являются вѣчниками—крамольниками, вѣче принимаетъ значеніе крамолы, волненія народнаго. Но иначе смотрѣли на это въ описываемое время: въ 1209 году самъ Всеволодъ III-й далъ Новгородцамъ позволеніе управиться съ людьми, заслужившими ихъ негодованіе, и лѣтописецъ говоритъ при этомъ, что в. князь отдалъ Новгородцамъ ихъ прежнюю волю любить добрыхъ и казнить злыхъ. Но если, съ одной стороны, нельзя рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ старшихъ городовъ, то, съ другой стороны, нельзя также не замѣтить, что въ Новгородѣ было болѣе благопріятныхъ условій для развитія вѣчеваго быта, чѣмъ гдѣ-либо: князья смѣнялись чаще по своимъ родовымъ отношеніямъ и тѣмъ чаще вызывали народъ къ принятію участія въ рѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ; народъ этотъ былъ развитѣе вслѣдствіе обширной торговой дѣятельности, богатство способствовало образованію сильныхъ фамилій, которыя стремились къ болѣе самостоятельному участію въ правительственныхъ дѣлахъ, а между тѣмъ главная сцена княжеской дѣятельности была далеко на югѣ, сильнѣйшія князья не имѣли ни охоты, ни времени, ни средствъ заниматься новгородскими дѣлами. Когда сильнѣйшіе князья явились на сѣверѣ, то сейчасъ же начали стѣснять Новгородъ; но сначала южные князья были еще сильны и Новгородъ могъ найти у нихъ защиту отъ сѣверныхъ. Новгородъ имѣетъ дѣло съ младшими князьями, другіе города со старшими, сильнѣйшими: изъ этого уже прямой выводъ, что вѣчевому быту было легче развиваться въ Новгородѣ, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Мы объяснили явленіе вѣча и усиленіе его значенія въ нѣкоторыхъ городахъ исторически изъ извѣстныхъ условій времени. Но есть свидѣтельство, что Новгородъ пользовался какими-то особенными правами, утвержденными для него грамотою Ярослава 1-го; какого же рода была эта грамота? Изъ условій, въ соблюденіи которыхъ послѣдующіе великіе князья клялись Новгородцамъ, мы мо-

жемъ имѣть полное понятіе о правахъ послѣднихъ: главное, основное изъ этихъ правъ есть право сопоставлять съ княземъ посадника; посмотримъ, можно ли уступку этого права отнести ко временамъ Ярослава I-го.

Главною обязанностію князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, была обязанность верховнаго судьи, при исполненіи которой онъ соображался съ законами, имѣвшими силу въ городѣ. Если бы князь родился, воспитывался и постоянно жилъ въ Новгородѣ, то онъ зналъ бы обычаи и всѣ отношенія своей родины и умѣлъ бы измѣнять ихъ, сообразуясь съ требованіями. Но князья смѣнялись безпрестанно; они приходили изъ странъ отдаленныхъ, изъ областей — Кіевской, Волынской, Смоленской, Черниговской, Суздальской; князья-пришельцы не имѣли понятія объ обычаяхъ новгородскихъ, точно такъ какъ Новгородцы не знали обычаевъ другихъ русскихъ областей; отсюда въ судѣ княжескомъ должны были происходить безпрестанныя недоразумѣнія. Для отвращенія такихъ неудобствъ Новгородцы требовали отъ всякаго новаго князя, чтобъ онъ судилъ всегда въ присутствіи чиновника, избраннаго изъ граждань, знакомаго со всѣми обычаями и отношеніями страны: „А безъ посадника ти, княже, не судити.“

Вторымъ правомъ князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, было право назначать правителей по волостямъ. Но мы видѣли, какую невыгоду въ этомъ отношеніи имѣло для горожанъ частое перемѣщеніе князей съ одного стола на другой; каждый приводилъ изъ прежней волости дружину, которая отстраняла старыхъ бояръ и возбуждала неудовольствіе народа, поступая съ новыми согражданами, какъ съ чужими, спѣша обогатиться на ихъ счетъ. Въ Новгородѣ это неудобство было еще чувствительнѣе, ибо смѣна князей происходила чаще; отсюда второе главное условіе, чтобъ князья назначали въ судьи не своихъ мужей, но гражданъ новгородскихъ; но такъ какъ безпрестанно смѣнявшіеся князья не могли знать гражданъ, достойныхъ довѣренности, и притомъ могли раздавать должности исключительно своимъ приверженцамъ, то сюда присоединялось необходимое условіе, чтобъ князь не раздавалъ волостей безъ посадника: „А безъ посадника ти, княже, ни волостей раздавати“. Третьимъ правомъ князя было право давать грамоты, сообщать и скрѣплять своимъ именемъ извѣстныя права: и здѣсь князья-пришельцы не могли обойтись безъ руководства туземнаго сановника,

ибо не знали обычныхъ границъ правъ и могли вредить выгодамъ общественнымъ въ пользу частныхъ лицъ, къ нимъ приверженныхъ; отсюда третье необходимое условіе: „А безъ посадника, княже, ни грамотъ ти даяти.“

Безпрерывная смѣна князей, почти всегда враждебныхъ другъ другу, влекла за собою еще другія неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно недоброжелательными глазами смотрѣлъ на все, сдѣланное послѣднимъ: чиновники, назначенные Ольговичемъ, естественно не нравились Мономаховичу; грамота, данная Мстиславичемъ, должна была являться незаконною въ глазахъ Юрьевича: отсюда каждая перемѣна князя влекла за собою перемѣну чиновниковъ и лишеніе пріобрѣтенныхъ правъ; для отвращенія этого неудобства, каждый новый князь обязывался, вопервыхъ, не лишать никого безъ суда, безъ вины, должностей; вовторыхъ, не пересуживать грамотъ, данныхъ предшественникомъ: „А безъ вины ти, княже, мужа, безъ вины не лишити волости, а грамотъ ти не посужати.“ Но посадникъ былъ лицо необходимое при каждомъ судѣ и пересудѣ.—Если теперь сопоставленіе съ княземъ посадника есть главная отмѣна Новгородскаго быта, главное право Новгорода, и если это право уступлено ему Ярославомъ 1-мъ, то посадникъ тотчасъ же послѣ уступки права долженъ явиться въ качествѣ чиновника народнаго, ограничивающаго власть князя; но изъ обзора событій мы видимъ, что посадникъ съ такимъ характеромъ является въ Новгородѣ гораздо позднѣе: Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ въ Новгородъ посадниковъ изъ Кіева. Изъ этого мы должны заключить, что первоначально посадникъ новгородскій былъ то же самое, что въ послѣдствіи намѣстникъ—бояринъ, присылаемый в. княземъ вмѣсто себя изъ Твери или изъ Москвы. Но какое же значеніе имѣли въ Новгородѣ посадники, присылаемые изъ Кіева Мономахомъ и сыномъ его, когда въ Новгородѣ и безъ нихъ былъ уже князь, именно сынъ Мстислава, Всеволодъ; какое значеніе имѣлъ посадникъ при князѣ, какъ чиновникъ послѣдняго, а не туземный? Естественно, что онъ былъ помощникомъ князя, помогалъ ему въ судѣ, исполнялъ его приказанія, преимущественно же заступалъ мѣсто князя во время отсутствія послѣдняго: возможность существованія посадника при князѣ доказываетъ намъ примѣръ Полоцка [67]. Теперь остается рѣшить вопросъ: когда и какъ посадникъ изъ чиновника

княжескаго сталъ городовымъ? Если главная обязанность посадника состояла въ томъ, чтобъ замѣнять князя на время его отсутствія изъ города, то посадникъ всего болѣе былъ необходимъ въ томъ городѣ, гдѣ отсутствіе князя случалось чаще; но мы знаемъ, что всего чаще смѣнялись князья въ Новгородѣ. Если князь смѣнялся вслѣдствіе неудовольствія, то до прибытія новаго необходимъ былъ посадникъ, который бы заступалъ его мѣсто; но могъ ли оставаться посадникомъ чиновникъ изгнаннаго князя? Смѣна князя необходимо влекла за собою и смѣну его посадника; но кто же будетъ заступать княжеское мѣсто до прибытія новаго князя? Необходимо было избирать посадника городомъ. Впрочемъ и послѣ, когда въ городѣ находился князь, назначеніе посадника не изъято было совершенно изъ-подъ его вліянія, князь избиралъ посадника вмѣстѣ съ городомъ [68]. Если посадникъ сперва былъ назначаемъ княземъ, то срокъ отправленія его должности естественно зависѣлъ отъ воли князя; въ послѣдствіи, когда посадникъ сталъ чиновникомъ городовымъ, то онъ смѣнялся по волѣ города, смотря по обстоятельствамъ: мы видѣли, что посадники постоянно смѣняются вслѣдствіе смѣны князей, вслѣдствіе торжества той или другой стороны, при чемъ иногда старые посадники вступаютъ снова въ должность настоящихъ или степенныхъ. Одинъ только разъ встрѣтили мы указаніе, что при избраніи въ посадники, при всѣхъ равныхъ обстоятельствахъ, обращалось вниманіе на старшинство: такъ въ 1211 году Твердиславъ уступилъ посадничество Димитрію Якуничу, потому что послѣдній былъ старше его. Иногда видимъ, что посадникъ, сверженный въ Новгородѣ, шелъ посадничать въ пригородъ [69], при чемъ случалось, что пригорожане не принимали его, опять, вѣроятно, по отношеніямъ своимъ къ городскимъ партіямъ [70]; но при этомъ легко замѣтить, что посадники избираются обыкновенно изъ одного извѣстнаго круга боярскихъ фамилій. Все вышесказанное о превращеніи посадника изъ чиновника княжескаго въ городоваго объясняется примѣромъ тысяцкаго. Тысяцкій существуетъ вездѣ подлѣ князя въ качествѣ его чиновника; въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія, что такой-то князь далъ тысячу такому-то изъ своихъ приближенныхъ: въ Новгородѣ же и этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ посадникомъ, сталъ подлежать народному избранію.

Если право сопоставлять съ княземъ посадника не могло быть уступлено Новгороду Ярославомъ I-мъ, произошло во времена позд-

пѣйнія, то нельзя отнести ко временамъ Ярослава І-го и другихъ условій, встрѣчаемыхъ въ договорныхъ новгородскихъ грамотахъ съ великими князьями, напр.: „изъ суздальской земли тебѣ Новгорода не рядить и волостей не раздавать“, или: „а на Низу, князь, Новгородца не судить“, ибо мы знаемъ, что Мономахъ рядилъ Новгородъ, судилъ Новгородцевъ и раздавалъ волости изъ Кіева. Къ этому должно прибавить еще, что сами Новгородцы, требуя отъ великихъ князей клятвы въ соблюденіи вышеозначенныхъ условій и приводя въ примѣръ прежнихъ князей, дававшихъ подобную клятву, нигдѣ однако не упоминаютъ имени Ярослава І-го. Приведенное обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что въ другихъ случаяхъ Новгородцы именно указываютъ на грамоты Ярославовы. О содержаніи этихъ грамотъ мы должны заключить по обстоятельствамъ, въ которыхъ они упоминаются. Въ 1228 году Новгородцы поссорились съ княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ за то, что онъ поступилъ не по грамотамъ Ярославовымъ, а именно: наложилъ новую пошлину и посылалъ судей по волостямъ. На слѣдующій годъ прибылъ къ нимъ князь Михаилъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, вслѣдствіе чего тотчасъ же сдѣлалъ финансовое распоряженіе, а именно: далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить дани. Въ 1230 году Ярославъ, снова призванный, уступилъ Новгородцамъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Въ 1339 году, когда великій князь Іоаннъ Даниловичъ прислалъ требовать у Новгородцевъ ханскаго запроса, то они отвѣчали: „того у насъ не бывало отъ начала міра, и ты, князь, цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлинѣ и по Ярославовымъ грамотамъ.“ Вотъ всѣ случаи, гдѣ Новгородцы упоминаютъ о грамотахъ Ярославовыхъ. Видя, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о финансовыхъ льготахъ, можно заключать, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ постановленій, и точно: въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы получили подобную грамоту отъ Ярослава І. Въ одной только „Степенной книгѣ“ сказано, что Ярославъ І далъ Новгородцамъ позволеніе брать изъ его племени себѣ князя, какого захотятъ [71]. Но вопервыхъ, Новгородцы никогда не упоминаютъ объ этомъ правѣ, полученномъ ими отъ Ярослава І-го, напр. когда они не хотѣли принять къ себѣ Святополкова сына на мѣсто любимаго ими Мстислава, то имъ прежде всего слѣдовало бы указать на это право, но они молчатъ о немъ, а указываютъ другія причины, именно уходъ Свя-

тополка отъ нихъ и распоряженіе великаго князя Всеволода. Во-вторыхъ, въ лѣтописяхъ читаемъ, что Новгородцы освобождены прежними князьями, прадѣдами князей, а не Ярославомъ [72], что потомъ подтверждается и въ самой „Степенной книгѣ.“ Соображая всѣ обстоятельства, можно съ вѣроятностію положить, что особенности въ быту Новгорода произошли мало-по-малу, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условій, а не вслѣдствіе пожалованія Ярославова, о которомъ, кромѣ „Степенной книги,“ не знаетъ ни одна лѣтопись [73].

Что касается внѣшняго вида русскаго города въ описываемое время, то онъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ частей: первую, главную, существенную часть составлялъ собственно городъ, огороженное стѣнами пространство; въ послѣдствіи времени около города образуются новыя поселенія, которыя также обводятся стѣнами; отсюда городъ получаетъ двойныя укрѣпленія: городъ внутренній (внѣшній) и городъ наружный (окольный [74], кромный), внутренній городъ носилъ также названіе дѣтинца, внѣшній острога; поселенія, расположенныя около главнаго города или дѣтинца, назывались передгородіемъ [75]. Стѣны бывали каменныя и деревянныя (преимущественно) съ дощатыми заборалами [76], башнями (вѣжами) и воротами, которыя носили названія или по положенію въ извѣстную сторону, напр. восточныя, или по украшеніямъ, напр. Золотыя, Серебряныя, или по тѣмъ частямъ города, къ которымъ прилегали, по ихъ народонаселенію, напр. въ Кіевѣ были ворота Жидовскія, Лядскія, или по церквамъ, которыя находились въ башняхъ надъ воротами, или быть можетъ, даже по образамъ, или наконецъ по какимъ-нибудь другимъ обстоятельствамъ, напр. Водяныя въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ, выводящія къ рѣкѣ и т. п. Упоминаются два вала, и мѣсто находящееся между ними носитъ названіе болонья [77]. Передгородіе раздѣлялось на концы [78], концы на улицы. Городское строеніе было тогда исключительно деревянное; церкви были каменныя и деревянныя; что касается до количества церквей въ городахъ, то въ Новгородѣ съ 1054 года по 1229-й построено было 69 церквей, изъ которыхъ 15 были навѣрно деревянныя, ибо о нихъ или прямо сказано такъ, или сказано, что онѣ были срублены; изъ остальныхъ о нѣкоторыхъ прямо сказано, что онѣ были каменныя, о другихъ же ничего не сказано; въ число 69 включены и церкви монастырскія; нельзя думать, чтобы до 1054 года находилось уже очень много церквей въ Новгородѣ, это количество церквей во второмъ по богатству (послѣ Кіева)

русскомъ городѣ можетъ дать намъ приблизительное понятіе о количествѣ церквей въ Кіевѣ [79]. Изъ городныхъ построекъ лѣтописи упоминаютъ о мостахъ деревянныхъ, которые разбирались; Новгородская лѣтопись упоминаетъ о построеніи мостовъ черезъ Волховъ; въ Кіевѣ Владиміръ Мономахъ устроилъ мостъ черезъ Днѣпръ въ 1115 г. Изъ общественныхъ зданій въ городѣ памятники упоминаютъ о тюрьмахъ или погребахъ: о постройкѣ ихъ узнаемъ, вопервыхъ, то, что у нихъ были окна (небольшія, оконцы): дружина Изяславова совѣтовала этому князю подозвать заточеннаго Всеслава Полоцкаго къ оконцу его тюрьмы и убить; описывая освобожденіе Игоря Ольговича изъ тюрьмы, лѣтописецъ говоритъ, что в. князь Изяславъ приказалъ „надъ нимъ порубъ розоимати, и тако выяша изъ поруба вельми больнаго и несоша у келью.“ Въ „Степенной книгѣ,“ при описаніи чудесъ свв. Бориса и Глѣба, читаемъ, что в. князь Святополкъ Изяславичъ посадилъ двухъ человѣкъ въ тюрьму безъ изслѣдованія вины ихъ, по клеветѣ, и посадивши, позабылъ объ нихъ. Они молились свв. Борису и Глѣбу, и въ одну ночь—„дверемъ сущимъ погребнымъ заключеннымъ, лѣствицы же внѣ лежащи извлечены“,—одинъ изъ узниковъ чудеснымъ образомъ освободился отъ оковъ, и явившись въ церковь, разсказалъ всѣмъ объ этомъ; отправились къ тюрьмѣ—„и видѣша ключи невредимы и замокъ, лѣствицу жъ, по ней же восходятъ и исходятъ, внѣ лежащу.“ Каждый городъ имѣлъ торговыя площади, торги, торговища; изъ лѣтописи извѣстно, что торги производились по пятницамъ [80].

Вслѣдствіе почти исключительно деревяннаго строенія въ городахъ пожары были опустошительны. Въ Новгородѣ отъ 1054 до 1228 года упоминается одиннадцать большихъ пожаровъ: въ 1097 году погорѣло Зарѣчье (онъ-полъ) и дѣтинецъ; въ 1102 году погорѣли хоромы отъ ручья мимо Славна до церкви Св. Иліи; въ 1113 погорѣлъ (онъ-полъ) и город Кромный; въ 1139 погорѣлъ торговый полъ, при чемъ сгорѣло 10 церквей; въ 1144 погорѣлъ холмъ; въ 1152 погорѣлъ весь торгъ съ осмью церквами и девятою варяжскою, т.-е. латинскою; въ 1175 сгорѣли три церкви; въ 1177 погорѣлъ Неревскій конецъ съ пятью церквами; въ 1181 двѣ церкви и много дворовъ; въ 1194 году лѣтомъ въ недѣлю на Всѣхъ Святыхъ загорѣлся одинъ дворъ на Ярышевѣ улицѣ, и всталъ пожаръ сильный: сгорѣло три церкви; потомъ перекинуло на Лукину улицу, на другой день сгорѣло еще 10 дворовъ; въ концѣ недѣли еще новый пожаръ:

сгорѣло семь церквей и домы большіе, послѣ чего каждый день загоралось мѣстахъ въ шести и больше, такъ что люди не смѣли жить (жировать) въ домахъ, а жили по полю; потомъ погорѣло Городище и Людинъ конецъ; пожары продолжались отъ Всѣхъ Святыхъ до Успеньева дня; въ томъ же году погорѣла Ладога и Руса. Въ 1211 году сгорѣло въ Новгородѣ 15 церквей и 4,300 дворовъ; въ 1217 погорѣло все Зарѣчье, кто вбѣжалъ въ каменныя церкви съ имѣніемъ и тѣ всѣ сгорѣли со всѣмъ добромъ своимъ, въ варяжской божницѣ сгорѣлъ весь товаръ нѣмецкихъ купцовъ, церквей сгорѣло 15 деревянныхъ, а у каменныхъ сгорѣли верхи и притворы.— Изъ другихъ городовъ упоминается подъ 1183 г. сильный пожаръ во Владимірѣ Кляземскомъ: сгорѣлъ почти весь городъ съ 32-мя церквами; въ 1192 году сгорѣла половина города съ 14 церквами; въ 1198 году опять сильный пожаръ въ томъ же городѣ: сгорѣло 16 церквей и почти половина города; въ 1211 году погорѣлъ Ростовъ едва не весь съ 15 церквами; въ 1221 г. погорѣлъ весь Ярославль съ 17 церквами; 1227 погорѣлъ опять Владиміръ съ 27 церквами, въ слѣдующемъ году новый пожаръ: сгорѣли княжіе хоромы и двѣ церкви. Въ 1124 году сгорѣлъ почти весь Кіевъ, однѣхъ церквей погорѣло около шести сотъ (??). Въ 1183 году погорѣлъ весь Городенъ отъ молніи.

Мы сказали о внѣшнемъ видѣ русскаго города въ описываемое время; теперь должны обратить вниманіе на его народонаселеніе. Мы видѣли, что въ городахъ жила дружина со своими различными подраздѣленіями; но отъ этой дружины явственно различаются собственные граждане, горожане, такъ напр. явственно различается дружина кіевскихъ князей и Кіевляне, владимірская дружина и Владимірцы; на вѣчахъ Кіевляне отдѣляются отъ дружины. Изъ кого же состояла эта масса собственно городскаго народонаселенія и какъ дѣлилась она? Современные источники указываютъ намъ въ городахъ людей торговыхъ и ремесленниковъ, людей промышленныхъ разнаго рода; о купцахъ не нужно приводить извѣстій: они такъ часто встрѣчаются въ лѣтописи; Ростовцы называютъ жителей Владиміра каменьщиками, въ Новгородѣ упоминается серебряникъ вѣсецъ [81]; въ Вышгородѣ упоминаются огородники съ ихъ старѣйшиною [82]; очень вѣроятно, что и въ описываемое время, какъ въ послѣдствіи, люди, занимающіеся какою-нибудь одною отраслью промышленности, жили вмѣстѣ на особыхъ мѣстахъ, имѣя своихъ старостъ или старѣйшинъ;

названіе концевъ новгородскихъ Плотницкій, Гончарскій могутъ указывать на это [83]. Встрѣчаемъ извѣстія о смердахъ въ городахъ: думаемъ, что здѣсь должно разумѣть подъ смердами простыхъ людей черныхъ, чернь, или даже вообще всѣхъ горожанъ въ противоположность дружинѣ: такъ подъ 1152 годомъ читаемъ, что Иванъ Берладникъ осадилъ галицкій городъ Ушицу, куда взошла засада князя Ярослава и билась крѣпко, но смерды стали перескакивать черезъ стѣнныя забрала къ Ивану, и перебѣжало ихъ 300 человѣкъ; здѣсь смерды, жители Ушицы, противополагаются засадѣ, дружинѣ княжеской: послѣдняя билась крѣпко противъ Берладника, а смерды перебѣгали къ нему. Какъ послѣ, такъ и теперь, собственно городовое народонаселеніе дѣлилось на сотни, ибо, кромѣ прямыхъ извѣстій [84], продолжаемъ встрѣчать названіе сотскихъ съ важнымъ значеніемъ; понятно, какое близкое отношеніе къ собственно городскому народонаселенію долженъ былъ имѣть тысяцкій и въ мирное, и въ военное время. Итакъ, начальствующими лицами въ городѣ были въ стольномъ: князь, державшій подлѣ себя тіуна, въ нестольномъ посадникъ, державшій также вѣроятно подлѣ себя тіуна; тысяцкій, сотскіе, десятскіе, старосты концевъ, улицъ, старосты для отдѣльныхъ промысловъ; изъ лицъ, употреблявшихся при управленіи и судѣ, встрѣчаемъ названія подвойскихъ, биричей, ябедниковъ: биричей и подвойскихъ князь Изяславъ Мстиславичъ посылалъ въ Новгородѣ кликать народъ по улицамъ, звать къ князю на обѣдъ [85]. Особыхъ чиновниковъ для сохраненія порядка въ городѣ, какъ видно, не было; въ лѣтописи подъ 1115 годомъ, при описаніи торжества перенесенія мощей свв. Бориса и Глѣба, читаемъ, что Мономахъ, видя какъ толпы народа, налегая со всѣхъ сторонъ, мѣшаютъ шествію, приказалъ разметать народу деньги, чтобъ онъ отхлынулъ въ сторону. Кромѣ туземнаго народонаселенія въ нѣкоторыхъ торговыхъ городахъ, преимущественно въ Кіевѣ и Новгородѣ, видимъ иноземное народонаселеніе, постоянное и временное (насельницы [86]). Въ Новгородѣ живутъ нѣмецкіе купцы, имѣютъ свою особую церковь (божницу варяжскую), въ Кіевѣ постоянно, или по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время, видимъ жидовъ, живущихъ особымъ кварталомъ или улицею, отъ чего и ворота носятъ названіе жидовскихъ; лядскія ворота въ Кіевѣ указываютъ на польскій кварталъ или улицу; латина упоминается въ числѣ кіевскаго народонаселенія подъ 1174 годомъ.

Изъ волостнаго раздѣленія намъ извѣстно по прежнему раздѣленіе на погосты; встрѣчаемъ извѣстіе и о станахъ: такъ говорится, что Всеволодъ III ѣхалъ за своею дочерью до трехъ становъ; не знаемъ имѣлъ ли уже въ это время станъ значеніе извѣстнаго правительственнаго средоточія или еще означалъ только станцію; во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что значеніе стана совершенно совпадаетъ со значеніемъ погоста, какъ оно объяснено выше: оба и погостъ, и станъ изъ мѣстъ временной остановки правителя сдѣлались постоянными правительственными средоточіемъ. Кромѣ городовъ населенныя мѣста въ волости носятъ названіе слободъ (свободъ) и селъ; названіе слободы носило вновь заведенное поселеніе, пользующееся по этому нѣкоторою особенностію, нѣкоторыми льготами, свободою отъ извѣстныхъ повинностей; изъ современныхъ источниковъ извѣстно, что слободы, наравнѣ съ селами, могли быть въ частномъ владѣніи, могли пріобрѣтаться покупкою [87]. Сельское народонаселеніе въ противоположность городскому вообще называется смердами; но мы имѣемъ полное право раздѣлять сельское народонаселеніе на свободное и несвободное, находящееся въ частной собственности князя, бояръ и другихъ людей, ибо встрѣчаемъ извѣстія о селахъ съ челядью, рабами; сказанное о положеніи наймитовъ и холопей въ эпоху до смерти Ярослава I-го должно относиться и къ описываемому времени; замѣтимъ только въ новгородской лѣтописи выраженіе о д е р е н ь въ смыслѣ полнаго холопа, что прежде выражалось словомъ обельный, обель [88]. — Кромѣ описанныхъ слоевъ народонаселенія, въ юговосточныхъ предѣлахъ русскихъ владѣній, по границамъ княжествъ Кіевскаго, Переяславскаго, Черниговскаго, мы видимъ инородное народонаселеніе, слывущее подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ и подъ частными названіями Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Турпѣевъ: мы видѣли ихъ значеніе, дѣятельность въ событіяхъ описываемаго времени; изъ лѣтописи видно, что они находились подъ властію своихъ князьковъ, какимъ былъ напр. извѣстный Кондувдѣй; видно также, что образъ жизни ихъ былъ полукочевой, полуосѣдлый; лѣтомъ, по всей вѣроятности, они выходили въ пограничныя степи съ вежами и стадами своими: такъ въ 1151 году они отпросились у Изяслава идти за своими вежами, стадами и семьями; по зимою жили въ городахъ, которые кромѣ того были имъ нужны для укрытія семействъ на случай непріятельскаго нападенія; такъ они говорятъ Мстиславу Изяславичу: „если дашь намъ

по лучшему городу, то мы передадимся на твою сторону." Святославъ Ольговичъ жаловался, что у него города пустые, живутъ въ нихъ псари да Половцы: можно думать, что подъ Половцами онъ разумѣетъ не дикихъ, но своихъ поганыхъ, Черныхъ Клобуковъ; торческій князь Чурнай жилъ въ своемъ городѣ. Постоянное названіе поганые показываетъ ясно, что Черные Клобуки не были христіанами; на это уже указываетъ многоженство, ибо сказано, что у Чурная было двѣ жены, хотя, разумѣется, нѣкоторые изъ Черныхъ Клобуковъ и могли креститься. Кромѣ Черныхъ Клобуковъ и на югѣ и на сѣверѣ упоминаются бродники, по всѣмъ вѣроятностямъ, сбродныя и бродячія шайки въ родѣ позднѣйшихъ казаковъ.

О количествѣ народонаселенія русскихъ городовъ и волостей въ описываемое время нѣтъ показаній въ источникахъ. О количествѣ городовъ въ разныхъ княжествахъ можно имѣть приблизительное понятіе, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ [83]. Но, вопервыхъ нельзя предполагать, чтобъ всѣ имена мѣстностей попались въ лѣтописяхъ; особенно этого нельзя сказать о княжествахъ, далекихъ отъ главной сцены дѣйствія—полоцкомъ, смоленскомъ, рязанскомъ, новгородскомъ, суздальскомъ; вовторыхъ, нельзя опредѣлить изъ лѣтописи—упоминаемая мѣстность городъ или село? Въ кіевскомъ княжествѣ можно насчитать по лѣтописи болѣе 40 городовъ, въ волынскомъ столько же, въ галицкомъ около 40; въ туровскомъ болѣе 10; въ черниговскомъ съ сѣверскимъ, курскимъ и землею Вятичей около 70; въ рязанскомъ около 15; въ переяславскомъ около 40; въ суздальскомъ около 20; въ смоленскомъ около 8: въ полоцкомъ около 16; въ новгородскомъ около 15, слѣд. во всѣхъ русскихъ областяхъ упоминается слишкомъ 300 городовъ. Мы знаемъ, что князья тяготились малочисленностію жителей въ волостяхъ своихъ и старались населять ихъ, перезывая отовсюду народъ; но, разумѣется, однимъ изъ главныхъ средствъ къ населенію было населеніе плѣнниками и рабами купленными: такъ князь Ярополкъ перевелъ народонаселеніе цѣлаго города (Друцка) изъ непріятельской волости въ свою; въ селахъ княжескихъ видимъ народонаселеніе изъ челяди, рабовъ.

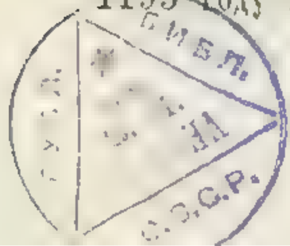
Но подлѣ старанія князей умножать народонаселеніе видимъ препятствія для этого умноженія: препятствія были политическія (войны междоусобныя и внѣшнія) и физическія (голодъ, моръ). Относительно

междоусобныхъ войнъ, если мы въ періодѣ времени отъ 1055 до 1228 года вычислимъ года, въ которые велись усобицы и въ которые ихъ не было, то первыхъ найдемъ 80, а вторыхъ 93, тринадцатью годами больше [90], слѣд. круглымъ числомъ усобицы происходили почти черезъ годъ, иногда продолжались по 12 и по 17 лѣтъ сряду. Это грустное впечатлѣніе ослабляется представленіемъ объ огромности русской государственной области и въ то время, и выводами, что усобицы не были повсемѣстныя; такъ оказывается, что кіевское княжество, въ продолженіе означеннаго времени, было мѣстомъ усобицъ не болѣе 23 разъ, черниговское не болѣе 20, волынское 15, галицкое до смерти Романовой не болѣе 6, туровское 4, полоцкое 18, смоленское 6, рязанское 7, суздальское 11, новгородское 12 [91]. Но если вредъ, который терпѣли русскія волости отъ усобицъ, значительно уменьшается въ нашихъ глазахъ послѣ означенныхъ выводовъ, то, съ другой стороны, мы не должны впадать въ крайность, и уже слишкомъ уменьшать этотъ вредъ. Такъ нѣкоторые изслѣдователи [92] замѣчаютъ, что „войска обыкновенно было немного; жители путей должны были, разумѣется, доставлять ему продовольствіе, котораго было вездѣ въ изобиліи,—а больше взять съ нихъ, говоря вообще, было нечего; жившіе по сторонамъ могли быть спокойными".—Положимъ, что войска русскаго было немного; но не должно забывать, что съ русскимъ войскомъ почти постоянно находились толпы Половцевъ, славныхъ своими грабительствами; быть можетъ кромѣ продовольствія съ сельскаго народонаселенія и нечего было болѣе взять, но враждебное войско брало въ плѣнъ самихъ жителей—въ этомъ состояла главная добыча, били стариковъ, жгли жилища; по тогдашнимъ понятіямъ воевать значило опустошать, жечь, грабить, брать въ плѣнъ; Мстиславъ Мстиславичъ, посылая въ 1216 году Новгородцевъ въ з а ж и т і е въ свою торопецкую волость, наказываетъ: „ступайте въ зажитіе, только головъ (людскихъ) не берите". Если войску нужно было наказывать, чтобъ оно не брало плѣнниковъ въ союзной странѣ, то понятно, какъ оно поступало въ волости непріятельской. Несправедливо также замѣчаніе, что князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа, что они хотѣли владѣть тѣми городами, на которые нападали, слѣд. не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ. Князья воевали другъ съ другомъ, но войско ихъ, преимущественно Половцы, воевали противъ народа, потому что другаго образа веденія

войны не понимали; Олегъ Святославичъ добивался черниговской волости, но, добившись ея, позволилъ союзникамъ своимъ Половцамъ опустошать эту волость; въ 1160 году Половцы, приведенные Изяславомъ Давидовичемъ на смоленскую волость, вывели оттуда больше 10,000 плѣнныхъ, не считая убитыхъ; походъ Изяслава Мстиславича на ростовскую землю (1149 г.) стоилъ послѣдней 7,000 жителей.

Кромѣ постояннаго участія въ усобицахъ княжескихъ, Половцы и сами по себѣ нерѣдко пустошили русскія волости; лѣтопись указываетъ 37 значительнѣйшихъ половецкихъ нападеній [23], но видно были другія, не записанныя подробно по порядку. Черниговское и переяславское княжества страшно страдали: Святославъ Ольговичъ черниговскій говоритъ, что у него города пустые, живутъ въ нихъ только псари да Половцы; Владиміръ Глѣбовичъ переяславскій говоритъ, что его волость пуста отъ Половцевъ; кіевскому княжеству также много доставалось отъ нихъ, а волынскому, туровскому, полоцкому и новгородскому доставалось много отъ Литвы и Чуди, особенно въ послѣднее время; въ первыя 28 лѣтъ XII вѣка упоминается 8 разъ о литовскихъ нашествіяхъ; но до насъ не дошло полоцкой лѣтописи, и потому о сильныхъ опустошеніяхъ, какія полоцкое княжество терпѣло отъ Литвы, можемъ судить только изъ извѣстій нѣмецкихъ лѣтописцевъ и Слова о полку Игореву; можно думать, что рязанское и муромское княжества терпѣли также отъ Половцевъ и другихъ окружныхъ варваровъ; спокойнѣе всѣхъ и относительно усобицъ, и относительно варварскихъ нападеній было княжество ростовское или суздальское, явленіе, на которое нельзя не обратить вниманія: это обстоятельство не только содѣйствовало сохраненію народонаселенія въ суздальской области, но могло также побуждать къ переселенію въ нее народа изъ другихъ, болѣе опасныхъ мѣстъ. Итакъ, если изъ 93 мирныхъ лѣтъ относительно усобицъ исключимъ 45 важнѣйшихъ, записанныхъ нашествій половецкихъ и литовскихъ, то немного останется времени, въ которое какая-нибудь волость не терпѣла бы отъ опустошеній.

При бѣдствіяхъ политическихъ упоминаются и бѣдствія физическія—голодъ, моръ. Относительно юга, обильной хлѣбомъ Малороссіи, мы не можемъ встрѣчать въ лѣтописи частыхъ жалобъ на неурожаи; встрѣчаемъ извѣстіе о неурожаѣ мимоходомъ, напр. въ 1193 году кіевскій князь Святославъ говоритъ, что нельзя идти въ



походъ на Половцевъ, потому что жито не родилось; разумѣется, голодъ могъ происходить, когда нашествія иноплеменниковъ или усобицы прекращали полевыя работы, но это же самое обстоятельство уменьшало и число потребителей, ибо непріятель билъ жителей, уводилъ ихъ въ плѣнъ. Относительно ростовской области лѣтописецъ упоминаетъ о неурожаѣ подъ 1070 годомъ. Чаще страдала отъ голода новгородская область: подъ 1127 годомъ читаемъ, что снѣгъ лежалъ до Яковлева дня, а на осень морозъ побилъ хлѣбъ, и зимою былъ голодъ, осмина ржи стоила полгривны; въ слѣдующемъ году также голодъ: люто было, говоритъ лѣтописецъ: осмина ржи стоила гривну, и ѣли люди листъ липовый, кору березовую, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину, падали мертвые отъ голода, трупы валялись по улицамъ, по торгу, по путямъ и всюду, наняли наемщиковъ возить мертвецовъ изъ города, отъ смрада нельзя было выйти изъ дому, печаль, бѣда на всѣхъ! отцы и матери сажали дѣтей своихъ на лодки, отдавали даромъ купцамъ, одни перемерли, другіе разошлись по чужимъ землямъ. Подъ 1137 годомъ все лѣто большая осминка продавалась по семи рѣзанъ; эта дороговизна произошла вслѣдствіе прекращенія подвозовъ изъ окрестныхъ земель—суздальской, смоленской, полоцкой—ясный знакъ, что Новгородъ не могъ пробавляться своимъ хлѣбомъ. Въ 1161 году все лѣто стояла ясная погода, жито погорѣло, а осенью морозъ побилъ яровое, зима была теплая съ дождемъ, вслѣдствіе чего покупали малую кадку по семи кунъ: великая скорбь была въ людяхъ и нужда, говоритъ лѣтописецъ. Въ 1170 году кадь ржи продавалась въ Новгородѣ по 4 гривны, а хлѣбъ по двѣ ногаты, медъ по 10 кунъ, пудъ; какъ видно, впрочемъ, эта дороговизна произошла вслѣдствіе опустошенія волости войсками Боголюбскаго и прекращенія торговыхъ связей съ суздальскою землею. Въ 1188 году покупали хлѣбъ по 2 ногаты, а кадь ржи по 6 гривенъ; наконецъ въ 1215 году сильный голодъ и моръ вслѣдствіе осеннихъ морозовъ и того, что князь Ярославъ остановилъ подвозъ хлѣба изъ Торжка. Такимъ образомъ отъ 1054 до 1228 года лѣтописецъ упоминаетъ только семь разъ о голодѣ и дороговизнѣ. О сильной смертности лѣтопись упоминаетъ подъ 1092 годомъ на югѣ: въ Полоцкѣ люди поражались вдругъ какою-то язвою, которую современники приписали ударамъ мертвецовъ (навья), ѣздившихъ по воздуху; язва эта началась отъ Друцка; лѣтомъ стояла ясная погода, боры и болота загорались сами, и на всемъ югѣ много

умирало народа отъ различныхъ болѣзней: продавцы гробовъ (должно быть въ Кіевѣ) сказывали, что продали отъ Филиппова дня до масляницы 7,000 гробовъ. Новгородскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ и скотскомъ падежѣ въ своемъ городѣ подъ 1158 годомъ; погибло много людей, лошадей и рогатаго скота, такъ что отъ смрада нельзя было пройти до торга сквозь городъ ни по рву, ни на поле; подъ 1203 годомъ упоминается также о сильномъ конскомъ падежѣ въ Новгородѣ и по селамъ. Суздальскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильной смертности подъ 1187 годомъ: не было ни одного двора безъ больнаго, а на иномъ дворѣ некому было и воды подать. О врачебныхъ пособіяхъ при этихъ случаяхъ мы не встрѣчаемъ извѣстій, хотя лѣкаря были въ Россіи: въ Русской Правдѣ упоминается о платѣ лѣкарю; въ житіи св. Агапита Печерскаго читаемъ, что въ его время былъ въ Кіевѣ знаменитый врачъ Армянинъ, которому стоило только взглянуть на больнаго, чтобъ узнать день и часъ смерти его; св. Агапитъ лѣчилъ больныхъ травами, изъ которыхъ приготовлялъ себѣ кушанье; Армянинъ, взглянувши на эти травы, назвалъ ихъ александрійскими, при чемъ святый посмѣялся невѣжеству его. У князя Святослава (Святоши) Давыдовича черниговскаго былъ искусный лѣкарь, именемъ Петръ, родомъ изъ Сиріи. Мы видѣли, что разбитаго параличемъ Владимірка Галицкаго положили въ укропъ; но что такое укропъ? трава ли этого имени или теплая ванна? ибо теплая вода называется также укропомъ [94].

Таковы были пособія и препятствія къ умноженію народонаселенія на обширной сѣверовосточной равнинѣ, относительно пространства своего очень скудно населенной. По смерти Ярослава I-го границы русскихъ владѣній не распространялись болѣе на западъ, югъ и юговостокъ; усобицы препятствовали распространенію насчетъ Венгріи, Польши, Литвы; напротивъ, Русь должна была уступить свои владѣнія въ прибалтійскихъ областяхъ Нѣмцамъ; на югѣ и юговостокѣ усобицы и Половцы мѣшали распространенію; видимъ и здѣсь потери, ибо Тмутаракань не принадлежитъ болѣе Руси; оставалась только одна сторона, сѣверовостокъ, куда можно было распространяться безпрепятственно: отъ разрозненной дикой Чуди не могло быть сильнаго сопротивленія; притомъ же сѣверовосточная русская волость, суздальская, по извѣстнымъ причинамъ, была способнѣе всѣхъ другихъ къ наступательнымъ движеніямъ; а съ другой стороны Новгородцевъ манила на сѣверовостокъ выгодная мѣна съ туземцами и

богатый ясакъ серебромъ и мѣхами. Такимъ образомъ мы видимъ русскія владѣнія по сѣверной Двинѣ, Камѣ, новгородскіе отряды доходятъ до Уральскаго хребта. Но мы должны замѣтить, что съ большою осторожностію должно говорить объ обширной новгородской области отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ, ибо избіеніе новгородскихъ сборщиковъ ясака за Волокомъ и Ядрѣевъ походъ на Югру показываютъ всю непрочность тамошнихъ отношеній; притомъ же не одни Новгородцы имѣли владѣнія за Волокомъ: не забудемъ, что тамъ были и суздальскіе смерды (подданные), что Устюгъ принадлежалъ ростовскимъ князьямъ. Вѣрно одно, что новгородская колонія Вятка, хотя изначала независимая отъ метрополіи, является въ прикамской области и что суздальскіе князья, построеніемъ Нижняго Новгорода въ землѣ мордовской, закрѣпляютъ за собою устье Оки; слѣдовательно относительно границъ государственной области описываемое время характеризуется потерями на западѣ и югѣ и пріобрѣтеніями на сѣверѣ и востокѣ: все указываетъ на главный путь историческаго движенія.

Сосредоточенію народонаселенія въ извѣстныхъ мѣстахъ способствовала выгода этихъ мѣстъ относительно торговли. Великимъ торговымъ путемъ сѣверовосточной равнины былъ водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное, отсюда самыми важными торговыми городами на Руси должны были явиться города, находившіеся на двухъ концахъ этого пути—Новгородъ, складка товаровъ сѣверныхъ, и Кіевъ, складка товаровъ южныхъ. Новгородскіе купцы сами производили заграничную торговлю со странами, лежащими по берегамъ Балтійскаго моря: такъ мы видѣли, что въ 1142 году Шведы напали на гостей, возвращавшихся изъ-за моря; то же самое доказывается и свидѣтельствами иностранными [95]; иностранные купцы, съ другой стороны, жили постоянно въ Новгородѣ; до насъ дошелъ договоръ Новгородцевъ съ Нѣмцами и Готландцами, заключенный при князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ около 1195 года [96]. Изъ этого договора, равно какъ изъ нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ извѣстій [97], можно имѣть довольно подробное понятіе объ иностранной торговлѣ въ Новгородѣ. Нѣмецкіе купцы, пріѣзжавшіе торговать сюда, раздѣлялись на гильдію морскихъ и гильдію сухопутныхъ купцовъ; на это раздѣленіе указываетъ и наша лѣтопись, говоря, что Варяги приходили и горою (сухимъ путемъ, 1201 г.). Какъ тѣ, такъ и другіе дѣлились еще на зимнихъ и лѣтнихъ; зимніе пріѣз-

жали осенью, вѣроятно по послѣднему пути, и зимовали въ Новгородѣ; весною они отъѣзжали за море, и на смѣну имъ пріѣзжали лѣтніе. По упомянутому договору, если убьютъ новгородскаго посла, заложника или попа за моремъ и нѣмецкаго въ Новгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову; если же убьютъ купца, то 10 гривенъ. Если мужа свяжутъ безъ вины, то 12 гривенъ за безчестье старыми кунами. Если ударятъ мужа оружіемъ или коломъ, то 6 гривенъ за рану старыми кунами. Если ударятъ жену или дочь мужа, то князю 40 гривенъ старыми кунами и столько же обиженной. Если кто сорветъ съ чужой жены или дочери головной уборъ и явится простоволосая, то 6 гривенъ старыхъ за безчестье. Если будетъ тяжба безъ крови, сойдутся свидѣтели, Русь и Нѣмцы, то бросать жребій: кому вынется, тѣ идутъ къ присягѣ и свою правду возьмутъ. Если Варягъ на Русинѣ или Русинъ на Варягѣ станетъ искать денегъ и должникъ запрется, то при 12 свидѣтеляхъ идетъ къ присягѣ и возьметъ свое. Нѣмца въ Новгородѣ, а Новгородца въ нѣмецкой землѣ не сажать въ тюрьму, но брать свое у виноватаго. Кто рабу подвергнетъ насиліямъ, но не обезчеститъ, за обиду гривна: если же обезчеститъ, то свободна себѣ.

Принимая къ себѣ иностранныхъ гостей, сами отправляясь за море для торговли и любя пріобрѣтать чужое серебро, а не отдавать своего за иностранные товары, Новгородцы должны были стараться скупать въ другихъ странахъ товары, которые потомъ могли съ выгодою сбывать гостямъ забалтійскимъ. Понятно, почему они пробирались все дальше и дальше на сѣверовостокъ, къ хребту Уральскому, получая тамъ ясакъ мѣхами, имѣвшими большую цѣнность въ ихъ заграничной торговлѣ; но области собственно русскія, внутреннія были также богаты мѣхами и другими сырыми произведеніями, а въ Кіевѣ была складка товаровъ греческихъ, которые Новгородцы могли скупать тамъ и потомъ съ выгодою отпускать въ сѣверозападную Европу. Вотъ почему мы видѣли, что Новгородцы живали въ большомъ числѣ въ Кіевѣ, гдѣ у нихъ была своя церковь или божница св. Михаила, которая, какъ видно, была около торговой площади [101]. Много новгородскихъ купцовъ бывало всегда и въ Суздальской волости; Михаилъ Черниговскій, отправляясь изъ Новгорода, выговариваетъ, чтобъ Новгородцы пускали къ нему гостей въ Черниговъ.

О важности греческой торговли, средоточіемъ которой былъ Кіевъ, намъ не нужно много распространяться, послѣ того, что было сказано о ней при обозрѣніи начальнаго періода: извѣстный путешественникъ, жидъ Веніаминъ Тудельскій нашелъ русскихъ купцовъ и въ Константинополѣ, и въ Александріи [102]. Но любопытно, что лѣтописецъ нигдѣ не упоминаетъ о пребываніи греческихъ купцовъ въ Кіевѣ, тогда какъ ясно говоритъ о пребываніи купцовъ западныхъ, латинскихъ, очень вѣроятно, что Греки сами рѣдко пускались на опасное плаваніе по Днѣпру чрезъ степи, довольствуясь продажею своихъ товаровъ русскимъ купцамъ въ Константинополѣ; Веніаминъ Тудельскій говоритъ о Византійцахъ, что они любятъ наслаждаться удовольствіями, пить и ѣсть, сидя каждый подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею [103]. Изъ словъ Кузьмы Кіянина, плакавшагося надъ трупомъ Андрея Боголюбскаго, узнаемъ, что гости изъ Константинополя приходили иногда и во Владиміръ Залѣсскій [104], но Плано-Карпини также говоритъ, что въ Кіевъ и послѣ монгольскаго нашествія пріѣзжали купцы изъ Константинополя, и однакоже эти купцы оказываются Италіянцами [105]. Изъ иностранныхъ извѣстій видно, что въ Кіевѣ живали купцы изъ Регенсбурга, Эмса, Вѣны [106]. Нельзя предполагать, чтобъ въ описываемое время пресѣклись торговыя сношенія съ востокомъ: подъ 1184 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что князья наши, отправившись въ походъ на Половцевъ, встрѣтили на дорогѣ купцовъ, ѣхавшихъ изъ земли Половецкой. Мы не думаемъ, чтобъ здѣсь непремѣнно нужно было предполагать русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Половцами: купцы эти легко могли быть иностранные изъ восточныхъ земель, шедшіе въ Кіевъ чрезъ половецкія степи. Наконецъ путешественники XIII вѣка указываютъ на берегу Чернаго и Азовскаго морей города, служившіе средоточіемъ торговли между Россіею и Востокомъ: монахъ Бенедиктъ, спутникъ Плано-Карпини, говоритъ, что въ городъ Орнасъ въ старину, до разоренія его Татарами, стекались купцы русскіе, аланскіе и козарскіе; Рубруквисъ говоритъ, что къ Солдайѣ, городу лежащему на южномъ берегу Тавриды, противъ Синопе, пристаютъ всѣ купцы, идущіе изъ Турціи въ сѣверныя страны, и наоборотъ сюда же сходятся купцы, идущіе изъ Россіи и сѣверныхъ странъ въ Турцію. Кромѣ Новгородцевъ и Кіевлянъ заграничную торговлю производили также жители Смоленска, Полоцка и Витебска; объ ихъ торговлѣ мы узнаемъ изъ

договора смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ въ 1229 году [107]. Изъ словъ договора видно, что доброе согласіе между Смольнянами и Нѣмцами было нарушено по какому-то случаю, и для избѣжанія подобнаго разлюбья, чтобъ русскимъ купцамъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ, а нѣмецкимъ въ Смоленской волости любо было и добросердье во вѣки стояло, написана была правда, договоръ. Условились: за убійство вольнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, а за холопа гривну, за побои холопу гривну кунъ; за поврежденіе частей тѣла 5 гривенъ серебра, за вышибенный зубъ 3 гривны; за ударъ деревомъ до крови $1 \frac{1}{2}$ гривны, кто ударитъ по лицу, схватитъ за волосы, ударитъ батогомъ—платить безъ четверти гривну серебра, за рану безъ поврежденія тѣла платить $1 \frac{1}{2}$ гривны серебра; священнику и послу платится вдвое за всякую обиду. Виноватаго можно посадить въ колодку, тюрьму или желѣзы только въ томъ случаѣ, когда не будетъ по немъ поруки [108]. Долги выплачиваются прежде иностранцамъ; иностранецъ не можетъ выставить свидѣтелемъ одного или двоихъ изъ своихъ единоземцевъ; истецъ не имѣетъ права принудить отвѣтчика къ испытанію желѣзомъ или вызвать на поединокъ; если кто застанетъ иностранца у своей жены, то беретъ за позоръ 10 гривенъ серебра; то же платится за насиліе свободной женщинѣ, которая не была прежде замѣчена въ развратѣ. Какъ скоро волоцкій тіунъ услышитъ, что нѣмецкій гость пріѣхалъ на Волокъ (между Двиною и Днѣпромъ), то немедленно шлетъ приказъ Волочанамъ, чтобъ перевезли гостей съ товарами и заботились о ихъ безопасности, потому что много вреда терпятъ Смольняне отъ поганыхъ (Литовцевъ); Нѣмцамъ кидать жребій, кому идти напередъ, если же между ними случится русскій гость, то ему идти назади; пріѣхавши въ городъ, нѣмецкій гость долженъ дать княгинѣ поставъ полотна, а тіуну волоцкому рукавицы перстовыя готскія (перчатки); въ случаѣ гибели товара при перевозѣ отвѣчаютъ всѣ Волочане. Торгуютъ иностранные купцы безо всякаго препятствія; безпрепятственно же могутъ отъѣхать съ товаромъ своимъ и въ другой городъ. Товаръ, взятый и вынесенный изъ двора, не возвращается. Истецъ не можетъ принудить отвѣтчика идти на чужой судъ, а только къ князю смоленскому; къ иностранцу нельзя приставить сторожа, не извѣстивъ прежде старшину; если кто объявитъ притязаніе на иностранный товаръ, то не можетъ схватить его силою, но долженъ

вести дѣло судебнымъ порядкомъ по законамъ страны. За взвѣшиваніе товара платится вѣсовщику съ 24 пудовъ куна смоленская. При покупкѣ драгоцѣнныхъ металловъ Нѣмецъ платитъ вѣсовщику за гривну золота ногату, за гривну серебра двѣ векши, за серебряный сосудъ отъ гривны куну, при продажѣ не платитъ; когда же покупаетъ вещи на серебро, то съ гривны вноситъ куну смоленскую. Для повѣрки вѣсовъ хранится одна капь въ церкви Богородицы на горѣ, а другая въ нѣмецкой церкви Богородицы; съ этимъ вѣсомъ и Волочане свѣряютъ пудъ, данный имъ Нѣмцами. Иностранцы торгуютъ безмытно; они не обязаны ѣздить на войну вмѣстѣ съ туземцами: но если захотятъ—могутъ; если иностранецъ поймаетъ вора у своего товара, то можетъ сдѣлать съ нимъ все, что хочетъ. Иностранцы не платятъ судныхъ пошлинъ ни у князя, ни у тіуна, ни на судѣ добрыхъ мужей. Епископъ рижскій, магистръ ордена и всѣ волостели рижской земли дали Двину вольную отъ устья до верху, по водѣ и по берегу, всякому гостю рижскому и нѣмецкому ходящему внизъ и вверхъ. Если случится съ нимъ какая бѣда, то вольно ему привезти свой товаръ къ берегу, и если принайметъ людей въ помочь, то не брать съ него больше того сколько сулилъ при наймѣ.

О торговлѣ смоленской во внутреннихъ русскихъ областяхъ узнаемъ изъ лѣтописнаго извѣстія подъ 1216 годомъ о заключеніи княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ пятнадцати смоленскихъ купцовъ, зашедшихъ для торговли въ его волость. О приходѣ купцовъ иностранныхъ и русскихъ во Владиміръ Залѣсскій при Андреѣ Боголюбскомъ узнаемъ изъ словъ Кузьмы Кіянина, плакавшаго надъ трупомъ своего князя. Причинами, могшими содѣйствовать усиленію русской торговли въ означенное время, было положеніе русской государственной области между Европою и Азіею, что, при отсутствіи морскихъ обходныхъ путей, давало ей важное торговое значеніе; усиленіе торговой дѣятельности сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ, которые должны были обратить свое вниманіе на востокъ и войти съ нимъ въ тѣсныя торговыя сношенія; уменьшеніе пиратства на Балтійскомъ морѣ вслѣдствіе того, что скандинавское народонаселеніе покидаетъ свой прежній варяжскій характеръ; удобство водныхъ путей сообщенія; стараніе князей о торговлѣ, обогащавшей народъ ихъ; уживчивый вообще характеръ народонаселенія, терпимость относительно вѣры, уваженіе, расположеніе къ иностранцамъ, готовность

уступать имъ разныя выгоды. Вслѣдъ за этими благопріятствующими для торговли обстоятельствами мы должны упомянуть и о препятствіяхъ, которыя встрѣчала она въ описываемое время: встрѣчаемъ извѣстія о ссорахъ съ иностранцами, вслѣдствіе чего прерывались торговыя сношенія: такъ въ 1134 году купцовъ новгородскихъ посадили въ тюрьму въ Даніи [109]; въ 1188 году новгородскіе купцы подвергались той же участи отъ Нѣмцевъ, за моремъ, за что изъ Новгорода весною не пустили ни одного изъ своихъ купцовъ за море, Варягамъ посла не дали и отпустили ихъ безъ мира [110]; въ 1201 году Варяговъ отпустили безъ мира за море, а осенью пришли Варяги сухимъ путемъ на миръ, и тутъ Новгородцы дали имъ миръ на всей своей волѣ [111]. Только три извѣстія о ссорахъ съ иностранцами; если приложится сюда одно извѣстіе о нападеніи Шведовъ на торговыя суда, плывшія въ Новгородъ; то увидимъ, что съ этой стороны препятствій для торговли было не много. Гораздо больше препятствій для внѣшней, греческой торговли Кіевлянъ представляли Половцы, грабившіе торговыя суда по Днѣпру; мы видѣли, какъ иногда князья съ многочисленными дружинами принуждены были выступать для защиты Грековъ: Мстиславъ Изяславичъ жаловался, что Половцы отняли у Руси всѣ торговые пути. Препятствіемъ для торговли внутренней и внѣшней служили также внутреннія войны, усобицы княжескія; во время двудневнаго грабежа войсками Боголюбскаго, когда, по словамъ лѣтописца, не было ни кому помилованія въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія пострадали также и купцы иностранные: потомъ Ярославъ Изяславичъ въ 1174 году взялъ большія деньги (попродалъ) со всѣхъ Кіевлянъ, не исключая Латину и гостей: въ 1203 году, Половцы съ Рюрикомъ, взявши Кіевъ, страшно пограбили его, а у иноземныхъ гостей взяли половину товара; здѣсь хотя и видимъ нѣкоторое снисхожденіе къ иностраннымъ купцамъ, однако послѣдніе не могли легко забыть своей потери. Новгородскіе купцы терпѣли вслѣдствіе ссоръ ихъ согражданъ съ разными князьями, кіевскими и суздальскими: въ 1161 году, Ростиславъ Мстиславичъ услыхавъ, что сынъ его схваченъ въ Новгородѣ, велѣлъ перехватать новгородскихъ купцовъ, бывшихъ въ Кіевѣ, и посадить ихъ въ Пересѣченскій погребъ, гдѣ въ одну ночь умерло изъ нихъ 14 человѣкъ, послѣ чего Ростиславъ велѣлъ выпустить остальныхъ изъ тюрьмы и развести по городамъ; о захватываніи новгородскихъ купцовъ по суздальскимъ волостямъ встрѣчаемъ извѣстія разъ семь;

въ 1215 году Ярославъ Всеволодовичъ захватилъ въ Торжкѣ Новгородцевъ и купцовъ больше 2000. Сообразивши всѣ эти препятствія и сличивши число извѣстій о нихъ съ числомъ лѣтъ описаннаго періода времени, мы должны придти къ тому заключенію, что вообще препятствій для торговли было не много.

Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о менетной сисистемѣ. Общимъ названіемъ, соотвѣтствующимъ теперешнему нашему деньги, было куны, которое замѣнило встрѣчавшееся въ начальномъ періодѣ названіе скотъ. Высшею монетною единицею была гривна—кусокъ металла въ извѣстной формѣ, равный извѣстному вѣсу, носившему то же самое названіе—гривны. Что гривна была ходячею монетою, это очевидно изъ слѣдующаго, хотя позднѣйшаго (впрочемъ не очень) извѣстія: въ 1288 году волынскій князь Владиміръ Васильковичъ велѣлъ серебряныя блюда, золотые и серебряные кубки передъ своими глазами побить и перелить въ гривны. Кромѣ гривенъ существовала еще серебряная монета—сребреники; о ея существованіи есть ясное свидѣтельство лѣтописи подъ 1115 годомъ: „Повелѣ Володимеръ рѣжючи наволокы, орници, бѣль, размѣтати народу, овоже сребреники метати“ [112]. О существованіи кожаныхъ денегъ имѣемъ ясныя свидѣтельства иностранцевъ и своихъ; въ одномъ хронографѣ прямо говорится: „куны еже есть мордъ куней“ [113]. Въ доказательство противнаго, что подъ кунами и бѣлью разумѣлись монеты металлическія, золотыя и серебряныя, приводятъ слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи подъ 1066 годомъ: „дворъ же княжъ разграбиша безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью.“ Приводя всѣ эти слова въ тѣсную связь и соотвѣтствіе, полагаютъ, что кунами и бѣлью есть необходимое дополненіе и объясненіе къ: злата и сребра. Но во 1) мы знаемъ, что лѣтописецъ употребляетъ конструкцію очень свободную, вслѣдствіе чего кунами и бѣлью можетъ стоять совершенно независимо отъ злата и серебра; въ 2) бѣль означаетъ мѣхъ, шкуру извѣстнаго животнаго или, какъ думаютъ нѣкоторые, ткань особаго рода: такъ подъ 1116 годомъ говорится, что Мономахъ велѣлъ рѣзать бѣль и бросать народу, и тутъ же бѣль ясно отличается отъ серебряной монеты, отъ серебряниковъ; въ 3) въ приведенномъ мѣстѣ Ипатьевскій списокъ имѣетъ: скорою (шкурами) вмѣсто бѣлью, вслѣдствіе чего мы имѣемъ полное право принимать здѣсь подъ именемъ кунъ деньги вообще, а подъ име-

немъ бѣли—мѣха. Наконецъ еще извѣстіе, впрочемъ позднѣйшее: въ 1257 году Даніилъ Романовичъ Галицкій велѣлъ взять дань на Ятвягахъ „черные куны и бѣль серебро.“ Ясно что здѣсь слова: бѣль и серебро должны быть принимаемы совершенно отдѣльно, ибо лѣтописецъ не имѣлъ никакой нужды объяснять, что бѣль означаетъ серебро; но позднѣйшіе переписчики, не понявши дѣла, въ соотвѣтствіе чернымъ кунамъ поставили бѣло серебро, какъ читается въ нѣкоторыхъ спискахъ.—Что касается до счета, то подъ 1160 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ счетъ тьмами: „много зла сотвориша Половци, взяша душь болѣ тьмы.“

Торговля въ описываемое время была главнымъ средствомъ накопленія богатствъ на Руси, ибо не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о выгодныхъ походахъ въ Грецію или на Востокъ, о разграбленіи богатыхъ городовъ и народовъ. Умноженіе богатствъ при столкновеніи съ болѣе образованными народами обнаружилось въ стремленіи къ украшенію жизни, къ искусству. Искусство прежде всего служило религіи: часто, съ подробностями, разсказываетъ лѣтописецъ о построеніи церквей. Въ концѣ XI-го вѣка извѣстенъ былъ охотою къ постройкамъ митрополитъ Ефремъ, жившій въ Переяславлѣ, гдѣ сначала была митрополія; онъ построилъ въ Переяславлѣ церковь Святаго Михаила, украсивши ее всякою красотою, по выраженію лѣтописца; докончивъ эту церковь, онъ заложилъ другую на городскихъ воротахъ, во имя Святаго Θеодора, потомъ третью—Св. Андрея, и у церкви отъ воротъ строеніе банное [114], чего не было прежде на Руси; заложилъ вокругъ города стѣну каменную, однимъ словомъ украсилъ городъ Переяславль зданіями церковными и разными другими. Въ 1115 году соединенные князья построили въ Вышгородѣ каменную церковь, куда перенесли изъ деревянной мощи Свв. Бориса и Глѣба, надъ ракою которыхъ поставили теремъ серебряный. На сѣверѣ, какъ строитель и украситель церквей, славился Андрей Боголюбскій; главнымъ памятникомъ его ревности осталась здѣсь Богородичная церковь во Владимирѣ Залѣскомъ, построенная въ 1158 г., вся изъ бѣлаго камня, привезеннаго водою изъ Болгаріи; новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ извѣстіе [115], что церковь эта построена западными художниками, присланными Андрею отъ императора Фридриха I-го. Въ этой церкви стояла знаменитая икона Богородицы, принесенная изъ Царяграда; въ нее, по словамъ лѣтописи, Андрей вковалъ больше тридцати гривенъ золота, кромѣ сереб-

ра, драгоцѣнныхъ каменьевъ и жемчуга. Въ 1194 г., при Всеволодѣ III-мъ, эта церковь была обновлена послѣ большаго пожара; при Всеволодѣ же построенъ во Владимирѣ Дмитріевскій Соборъ „дивно украшенный иконами и писаніемъ." Въ 1194 году обновлена была Богородичная церковь въ Суздалѣ, которая, по словамъ лѣтописца, опадала отъ старости и безнарядья; покрыли ее оловомъ отъ верху до комаръ (наружныхъ сводовъ) и притворовъ. Чудное дѣло! говоритъ при этомъ лѣтописецъ: епископъ Іоаннъ не искалъ мастеровъ у Нѣмцевъ, а нашелъ ихъ между служками при Богородичной Владимирской церкви и своими собственными; они сумѣли и олово лить, и покрыть, известью выбѣлить. Здѣсь летописецъ прямо говоритъ, что епископъ не искалъ мастеровъ между Нѣмцами— знакъ, что другихъ мастеровъ (греческихъ), кромѣ западныхъ нѣмецкихъ, на сѣверѣ не знали, что предшествующія зданія, церкви Боголюбскаго были построены послѣдними. Но поновленная такимъ образомъ церковь не долго простояла: въ 1222 году князь Юрій Всеволодовичъ принужденъ былъ сломать ее, потому что начала разрушаться отъ старости, и верхъ обвалился; построена она была при Владимірѣ Мономахѣ. Упомянутая выше церковь Св. Михаила въ Переяславлѣ упала въ 1122 году, не простоявши и 50 лѣтъ. Строили церкви и каменныя очень скоро; такъ, наприм. въ Новгородѣ въ 1179 году заложили церковь Благовѣщенія 21-го мая, а кончили 25-го августа; въ 1196 году заложили церковь Св. Кирилла въ апрѣлѣ, а кончили 8-го іюля; въ 1198 году въ Русѣ заложили церковь Преображенія 21-го мая, а кончили 31-го іюля; въ томъ же году въ Новгородѣ начали строить церковь Преображенія 8-го іюня, а кончили въ сентябрѣ; въ 1219 г. заложили церковь каменную малую Свв. Трехъ Отрокъ, и окончили ее въ 4 дня. Снаружи церкви покрывались оловомъ, верхъ или главы золотились; внутри украшались иконами, стѣнною живописью, серебряными паникадилами; иконы украшались золотомъ и финифтью [116], дорогими каменьями и жемчугомъ. Изъ русскихъ иконописцевъ упоминается Св. Алимпій Печерскій, выучившійся своему искусству у греческихъ мастеровъ, приходившихъ для расписыванія церкви въ Печерскомъ монастырѣ; какъ видно, онъ занимался также и мозаикою [117]. Подъ 1200 годомъ упоминается о строеніи каменной стѣны подъ церковью Св. Михаила у Днѣпра, на Выдубечи; строителемъ былъ Ми-

лопегъ Петръ, котораго Великій князь Рюрикъ выбралъ между своими пріятелями, какъ сказано въ лѣтописи.

Матеріальное благосостояніе, зависѣвшее въ главныхъ городахъ Руси по преимуществу отъ торговли и побуждавшее къ построенію болѣе или менѣе прочныхъ, украшенныхъ зданій общественныхъ, преимущественно церквей, должно было, разумѣется, дѣйствовать и на удобства частной, домашней жизни русскихъ людей описываемаго времени; къ сожалѣнію объ этой частной жизни до насъ дошли чрезвычайно скудныя извѣстія; знаемъ, что были очень богатые люди, въ домахъ которыхъ можно было много пограбить, таковы были, наприм., Мирошкиничи въ Новгородѣ, у которыхъ народъ въ 1209 году взялъ безчисленныя сокровища, остатокъ раздѣлили по зубу, по три гривны по всему городу, но другіе побрали еще тайкомъ, и отъ того многіе разбогатѣли; какъ ни толковать это мѣсто, все выходитъ, что каждый Новгородецъ получилъ по три гривны. Но мы не знаемъ, въ какихъ удобствахъ житейскихъ выказывали свое богатство богачи новгородскіе и другихъ городовъ; у нихъ были села, много челяди-рабовъ, большія стада; разумѣется, домы ихъ были обширнѣе, но о расположеніи и украшеніи домовъ мы ничего не знаемъ. И общественныя зданія, церкви строились непрочно, нѣкоторыя сами падали, другія должно было разбирать и строить снова; неудивительно, что частныя зданія не могли долго сохраняться, будучи, преимущественно, если не исключительно, построены изъ дерева, и нѣтъ основанія думать, чтобъ они разнились отъ построекъ предшествовавшаго времени. Простота постройки, дешевизна матеріала, лѣса, который былъ въ такомъ изобиліи, простота и малочисленность того, что мы называемъ мебелью, должны были много помогать народу въ перенесеніи бѣдствій отъ усобицъ и непріятельскихъ нашествій: деньги, немногія дорогія вещи, дорогое платье легко было спрятать, легко унести съ собою; укрывшись въ ближайшемъ лѣсу, или городѣ во время бѣды, возвращались назадъ по уходѣ непріятеля, и легко опять обстраивались. Такое отсутствіе прочности жилищъ вмѣстѣ съ простотою быта содѣйствовали той легкости, съ какою жители цѣлыхъ городовъ переселялись въ другія мѣста, цѣлые города бѣжали отъ непріятеля и затворялись въ другихъ городахъ, иногда князья переводили цѣлые города изъ одной области въ другую; кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что они зажгутъ свой городъ и уйдутъ въ Грецію; такимъ образомъ наши деревянные города представляли переходъ отъ

вежи Половца и Торчина къ каменныхъ городамъ западной Европы, и народонаселеніе древней Руси, несмотря на свою осѣдлость, не могло имѣть сильной привязанности къ своимъ деревяннымъ, непрочнымъ городамъ, которые не могли рѣзко отличаться другъ отъ друга; природа страны была также одинакова, вездѣ былъ просторъ вездѣ были одинакія удобства для поселенія, князья тяготились малолюдностію, были рады переселенцамъ: отсюда понятно, почему не только въ описываемое время, но и гораздо позднѣе мы замѣчаемъ легкость, съ какою русскіе люди переселялись изъ одного мѣста въ другое, легко имъ было при всякомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ разбрестись розно.

Мы замѣтили, что относительно постройки, расположенія жилищъ и мебели почти ничего нельзя прибавить противъ того, что было сказано о древнѣйшемъ періодѣ; видимъ, что князья любили сидѣть и пировать съ дружиною на сѣнницахъ; встрѣчаемъ названіе с т о л е ц ъ въ значеніи маленькой скамьи или стула, поставляемаго гостямъ [118]. Касательно одежды встрѣчаемъ извѣстіе о сорочкахъ, метляхъ и корзнахъ, о шапкахъ (клобукахъ), которыя не снимались ни въ комнатѣ, ни даже въ церкви [119]. Изъ договора съ нѣмцами узнаемъ объ употребленіи рукавицъ перстатыхъ, т.-е. перчатокъ, покупаемыхъ какъ видно, у иностранцевъ; отъ употребленія рукавицъ перстатыхъ имѣемъ право заключать и объ употребленіи простыхъ, русскихъ рукавицъ. Изъ мужскихъ украшеній упоминаются золотыя цѣпи [120]; изъ женскихъ одеждъ упоминаются повои или повойники, изъ украшеній—ожерелья и серьги серебряныя [121]. Изъ матерій, употреблявшихся на одежды, упоминается полотно или частина [122], аксамитъ [123], упоминаются одежды боярскія съ шитыми золотомъ оплечьями [124]; подъ 1183 годомъ лѣтописецъ, говоря о пожарѣ во Владимірѣ Залѣсскомъ, прибавляетъ: погорѣла и соборная церковь Св. Богородицы Златоверхая, со всѣми пятью верхами золотыми, и со всѣми узорочьями, которыя были въ ней внутри и внѣ, паникадилами серебряными, сосудами золотыми и серебряными безъ числа, съ одеждами, шитыми золотомъ и жемчугомъ, которыя на праздникъ развѣшивали въ двѣ веревки отъ Золотыхъ воротъ до Богородицы, и отъ Богородицы до владычнихъ сѣней въ двѣ же веревки [125]. Здѣсь прежде всего можно разумѣть подъ этими одеждами (портами) облаченія священно-служительскія; но по другимъ извѣстіямъ, князья имѣли обычай вѣшать свое дорогое платье въ церквахъ на память себѣ [126];

впрочемъ очень вѣроятно, что изъ этихъ одеждъ перешивались и священно-служительскія облаченія. Касательно украшеній и вообще роскоши, замѣчательна приписка, находящаяся въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: „Васъ молю, стадо Христово, съ любовію, говоритъ лѣтописецъ, приклоните уши ваши разумно, послушайте о томъ, какъ жили древніе князья и мужи ихъ, какъ защищали русскую землю, и чужія страны брали подъ себя. Тѣ князья не сбирали много имѣнія, лишнихъ виръ и продажъ не налагали на людей, но гдѣ приходилось взять правую вѣру, то брали и отдавали дружинѣ на оружіе. А дружина этимъ кормилась, воевала чужія страны, и бившись говорила: „Братья, потянемъ по своемъ князѣ и по русской землѣ!“ Не говорили: „мало мнѣ, князь, 200 гривенъ; не рядили женъ въ золотые обручи, но ходили жены ихъ въ серебрѣ“ [127].

Таково было матеріальное состояніе русскаго общества въ описываемое время; теперь обратимся къ нравственному его состоянію, причемъ, разумѣется, прежде всего должны будемъ обратиться къ состоянію религіи и церкви. Мы видѣли [128], что въ началѣ христіанство принялось скоро въ Кіевѣ, на югѣ, гдѣ было уже и прежде давно знакомо; но медленно, съ большими препятствіями распространялось оно на сѣверѣ и востокѣ. Первые епископы ростовскіе, Ѳеодоръ и Илларіонъ принуждены были бѣжать изъ своей епархіи отъ ярости язычниковъ; преемникъ ихъ, Св. Леонтій, не покинулъ своей паствы, состоявшей преимущественно изъ дѣтей, въ которыхъ онъ надѣялся удобнѣе вселить новое ученіе,—и замученъ былъ взрослыми язычниками. Язычество на финскомъ сѣверѣ не довольствовалось оборонительною войною противъ христіанства, но иногда предпринимало и наступательную въ лицѣ волхвовъ своихъ: однажды въ ростовской области сдѣлался голодъ, и вотъ явились два волхва изъ Ярославля и начали говорить: „Мы знаемъ, кто хлѣбъ-то держитъ;“ они пошли по Волгѣ, и въ каждомъ погостѣ, куда придутъ, указывали на лучшихъ женщинъ, говоря: „вотъ эти жито держатъ эти медъ, эти рыбу, эти мѣха“. Жители приводили къ нимъ сестеръ своихъ, матерей, женъ; волхвы разрѣзывали у нихъ тѣло за плечомъ, показывая видъ, что вынимаютъ оттуда либо жито, либо рыбу, и такимъ образомъ убивали много женщинъ, забирая имѣнія ихъ себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, то съ ними было уже 300 человѣкъ народу. Въ это время случилось придти туда отъ князя Святослава за данью Яну, сыну Вышатину; Бѣлоозерцы разсказали

ему, что вотъ два кудесника побили много женщинъ по Волгѣ и по Шекснѣ, пришли и къ нимъ. Онъ сталъ доискиваться, чьи смерды эти волхвы, и узнавши, что они Святославовы, послалъ сказать провожавшей ихъ толпѣ: „выдайте мнѣ волхвовъ, потому что они смерды моего князя" - но тѣ не послушались. Тогда Янъ самъ пошелъ къ нимъ сначала безъ оружія, но отроки сказали ему: „не ходи безъ оружія, опозорятъ тебя," и Янъ велѣлъ отрокамъ взять оружіе. Съ 12-ю отроками вошелъ Янъ въ лѣсъ, и съ топоромъ въ рукахъ отправился прямо къ волхвамъ; изъ среды окружавшей ихъ толпы вышли къ нему три человѣка и сказали: „Идешь ты на явную смерть не ходи лучше!" Въ отвѣтъ Янъ велѣлъ убить ихъ, и шелъ дальше къ остальнымъ; тѣ было ринулись на него, и одинъ занесъ уже топоръ, но промахнулся, а Янъ, обратя топоръ, ударилъ въ него тыльемъ, приказавши отрокамъ своимъ бить остальныхъ, которые и побѣжали; но въ схваткѣ былъ убитъ священникъ Яновъ. Возвратившись въ городъ къ Бѣлозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: „Если вы не перехватаете этихъ волхвовъ, то я цѣлое лѣто пробуду у васъ." Бѣлозерцы схватили волхвовъ и привели ихъ къ Яну, который спросилъ у нихъ: „За что вы загубили столько душъ?"— „За то, отвѣчали волхвы, что они держатъ всякое добро; если истребимъ ихъ, то будетъ во всемъ обиліе; хочешь, передъ твоими глазами выймемъ жито, рыбу или что иное." Янъ сказалъ имъ на это: „Все это ложь; сотворилъ Богъ человѣка отъ земли, составленъ онъ изъ костей, жилъ и крови; и ничего другаго въ немъ нѣтъ, да и ничего другаго о себѣ человѣкъ и знать не можетъ, одинъ Богъ знаетъ." Волхвы видѣли, что дѣло дурно для нихъ кончится, и потому начали говорить: „Намъ должно стать предъ Святославомъ, а ты не можешь намъ ничего сдѣлать." Янъ въ отвѣтъ велѣлъ ихъ бить и драть имъ бороды; и когда ихъ били, то Янъ спросилъ: „Что вамъ боги ваши говорятъ?" Волхвы отвѣчали: „Стать намъ предъ Святославомъ." Тогда Янъ велѣлъ положить имъ деревянный отрубокъ въ ротъ, привязать къ лодкѣ, и самъ отправился за ними внизъ по Шекснѣ. Когда приплыли къ устью этой рѣки, то Янъ велѣлъ остановиться, и опять спросилъ у волхвовъ: „Что вамъ ваши Боги говорятъ?" Тѣ отвѣчали: „Боги говорятъ, что не быть намъ живымъ отъ тебя."—„Правду сказали вамъ ваши боги," отвѣчалъ имъ Янъ; тогда волхвы начали говорить: „Если отпустишь насъ, то много тебѣ добра будетъ, если же убьешь, то большую печаль при-

мешь и зло.“ Онъ сказалъ имъ на это: „Если я отпущу васъ, то зло мнѣ будетъ отъ Бога,“ и потомъ обратившись къ лодочникамъ сказалъ имъ: „У кого изъ васъ они убили родныхъ?“ Одинъ отвѣчалъ: „у меня убили мать,“ другой: „у меня сестру,“ третій: „у меня дочь.“ „Ну такъ мстите за своихъ,“ сказалъ имъ Янъ. Лодочники схватили волхвовъ, убили и повѣсили на дубѣ, а Янъ пошелъ домой; на другую ночь медвѣдь взлѣзъ на дубъ и съѣлъ трупы волхвовъ. Лѣтописецъ прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстіе, что въ его время волховали преимущественно женщины чародѣйствомъ и отравою и другими бѣсовскими кознями.

Какъ слабо еще было вкоренено христіанство на сѣверѣ, лучшимъ доказательствомъ служитъ слѣдующій разсказъ лѣтописца: всталъ волхвъ въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ, сталъ говорить къ народу, выдавать себя за бога, и многихъ прельстилъ, почти что весь городъ. Онъ хулилъ вѣру христіанскую, говорилъ, что все знаетъ и что передъ всѣми перейдетъ волховъ какъ по суху. Въ городѣ всталъ мятежъ, всѣ повѣрили волхву и хотѣли убить епископа; тогда епископъ облачился въ ризы, взялъ крестъ, и ставши, сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ къ нему, а кто вѣруетъ во Христа, тотъ пусть идетъ ко кресту.“ Жители раздѣлились на двое: князь Глѣбъ съ дружиною пошли и стали около епископа, а простые люди всѣ пошли къ волхву, и былъ мятежъ большой между ними. Тогда князь Глѣбъ, взявши по тихоньку топоръ, подошелъ къ волхву, и спросилъ у него: „Знаешь ли, что будетъ завтра утромъ или вечеромъ?“—„Все знаю,“ отвѣчалъ волхвъ.—„А знаешь ли, спросилъ опять Глѣбъ: что будетъ нынче?“ „Нынче, отвѣчалъ волхвъ, я сдѣлаю большія чудеса.“ Тутъ Глѣбъ вынулъ топоръ и разрубилъ кудесника, а люди, видя его мертвымъ, разошлись. Въ 1091 году явился опять волхвъ въ Ростовѣ, но скоро погибъ.—Изъ этихъ разсказовъ видно, что волхвы вставали и имѣли успѣхъ преимущественно на сѣверѣ, въ странахъ финскихъ; такъ встали волхвы въ Ярославлѣ, въ странѣ финскаго племени Мери; въ Чудь, издавна славную своими волхвами, ходилъ гадать Новгородецъ; въ Ростовѣ Св. Авраамій низвергнулъ послѣдняго каменнаго идола Велеса [129]; въ Муромѣ искорененіе язычества приписывается князю Константину [130]. Изъ Славянскихъ племенъ позднѣе другихъ приняли христіанство Вятичи, удаленные въ началѣ отъ главныхъ дорогъ, вслѣдствіе чего послѣ всѣхъ племенъ они

подчинились русскимъ князьямъ, послѣ всѣхъ подчинились и христіанству: во второй половинѣ XI вѣка скончался у нихъ мученическою смертію проповѣдникъ христіанства, Св. Кукша, монахъ Кіевопечерскій; въ XII вѣкѣ, по словамъ лѣтописца, Вятичи еще сохраняли языческіе обычаи, сожигали мертвецовъ и проч. [131]. Что на югѣ, въ Кіевѣ христіанство было крѣпче утверждено, чѣмъ на сѣверѣ, доказываетъ разсказъ лѣтописца о волхвѣ, который было явился въ Кіевѣ, но не имѣлъ здѣсь такого успѣха, какъ ему подобные на сѣверѣ; этотъ волхвъ проповѣдывалъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, и страны помѣняются мѣстами своими: греческая земля станетъ на мѣстѣ русской, а русская на мѣстѣ греческой. Люди несмысленные, говоритъ лѣтописецъ, слушали его, но вѣрные насмѣхались надъ нимъ, говоря: „бѣсъ играетъ тобою тебѣ же на пагубу,“ что и сбылось: въ одну ночь пропалъ волхвъ безъ вѣсти. Въ какихъ слояхъ общества крѣпче была утверждена новая религія, въ какихъ слабѣе, можно видѣть изъ разсказа о новгородскомъ волхвѣ: князь и дружина пошли на сторону епископа, все остальное народонаселеніе, простые люди пошли къ волхву.

Не смотря однако на всѣ эти препятствія, христіанство распространялось постоянно по областямъ, подчиненнымъ Руси: если въ началѣ описываемаго времени все низшее народонаселеніе Новгорода стало на сторону волхва, то въ концѣ, именно въ 1227 году въ Новгородѣ сожгли четырехъ волховъ. Не смотря на то, что и въ ростовской области финское язычество выставляло сильный отпоръ христіанству, проповѣдники послѣдняго шли далѣе на сѣверъ: въ 1147 г. преподобный Герасимъ, монахъ кіевскаго Глушинскаго монастыря, проповѣдывалъ христіанство въ окрестностяхъ нынѣшней Вологды [132]; новгородскіе выселенцы приносили съ собою свою вѣру въ область Сѣверной Двины и Камы; мы видѣли, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ русская церковь не могла успѣшно бороться съ римскою въ Ливоніи; но за то подъ 1227 годомъ читаемъ, что князь Ярославъ Всеволодовичъ крестилъ множество Корелъ [133].

Касательно управленія своего, церковь русская попрежнему зависѣла отъ константинопольскаго патріарха, который поставлялъ для нея митрополитовъ, произносилъ окончательный приговоръ въ дѣлахъ церковныхъ и на судъ его не было аппеляціи. Извѣстія о митрополитахъ русскихъ описываемаго времени очень скудны, что объясняется ихъ чужимъ, греческимъ происхожденіемъ, много пре-

пятствовавшимъ обнаруженію ихъ дѣятельности; это чуждое происхожденіе, быть можетъ, было одною изъ причинъ, почему сначала митрополиты жили не въ Кіевѣ, но въ Переяславлѣ [134]: предлагали же послѣ патріарху Іереміи быть московскимъ патріархомъ, но жить не въ Москвѣ, а во Владимирѣ по причинѣ его чуженародности. Изъ шестнадцати митрополитовъ [135], бывшихъ въ это время, замѣчательны: Іоаннъ II-й (1080—1089), о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что былъ онъ хитръ книгамъ и ученью, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ со всякимъ, богатымъ и убогимъ, смиренъ и кротокъ, молчаливъ и вмѣстѣ рѣчистъ, когда нужно было книгами святыми утѣшать печальныхъ: такого не было прежде на Руси, да и не будетъ, заключаетъ лѣтописецъ свою похвалу. 2) Никифоръ (1107—1121) замѣчательный своими посланіями къ Владиміру Мономаху. 3) Климентъ Смолятичъ, книжникъ и философъ, какого не бывало въ Русской землѣ, по выраженію лѣтописца. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видѣли примѣръ поставленія митрополита изъ Русскихъ русскими епископами, независимо отъ византійскаго патріарха; въ описываемый періодъ примѣръ этотъ повторился въ 1147 году, когда князь Изяславъ Мстиславичъ поставилъ митрополитомъ Клима или Климента, родомъ изъ Смоленска, отличавшагося какъ мы видѣли, ученостію. Думаютъ, что поводомъ къ такому явленію могли быть замѣшательства, происходившія въ то время на патріаршемъ византійскомъ престолѣ и неудовольствіе князя на бывшаго предъ тѣмъ митрополита Михаила, самовольно уѣхавшаго въ Грецію [136]. Какъ бы то ни было, между собравшимися для посвященія Клима въ Кіевъ епископами обнаружилось сильное сопротивленіе желанію князя; они были не прочь отъ поставленія русскаго митрополита, но требовали, чтобъ Климъ взялъ благословеніе у константинопольскаго патріарха; они говорили ему: „нѣтъ того въ законѣ, чтобъ ставить епископамъ митрополита безъ патріарха, а ставитъ патріархъ митрополита; не станемъ мы тебѣ кланяться, не станемъ служить съ тобою, потому что ты не взялъ благословенія у св. Софіи и отъ патріарха; если же исправишься, благословишься у патріарха, тогда и мы тебѣ поклонимся: мы взяли отъ митрополита Михаила рукописаніе, что не слѣдуетъ намъ безъ митрополита у св. Софіи служить“ [137]. Тогда Онуфрій, епископъ черниговскій, предложилъ средство къ соглашенію епископовъ, а именно, предложилъ поставить новаго митрополита главою св. Кли-

мента, по примѣру Грековъ, которые ставили рукою св. Іоанна. Епископы согласились, и Климъ былъ посвященъ. Одинъ только Нифонтъ новгородскій упорствовалъ до конца, за что терпѣлъ гоненіе отъ Изяслава, а отъ патріарха получилъ грамоты, гдѣ тотъ прославлялъ его и причиталъ къ святымъ; и въ нашей лѣтописи Нифонтъ называется поборникомъ всей Русской земли [138]. Вообще лѣтописецъ: въ этомъ дѣлѣ принимаетъ сторону Нифонта противъ Изяславова нововведенія; быть можетъ здѣсь замѣшивались и другія отношенія: лѣтописецъ говоритъ, что Нифонтъ былъ друженъ съ Святославомъ Ольговичемъ; понятно, что въ самомъ Новгородѣ сторона, приверженная къ Мстиславичамъ, непріязненно смотрѣла на Нифонта, и лѣтописецъ даетъ знать, что многіе здѣсь говорили про него дурно [139].—Когда, по смерти Изяслава, Юрій Долгорукій получилъ старшинство, то сторона, стоявшая за право патріарха „восторжествовала, Климъ былъ свергнутъ и на его мѣсто былъ присланъ изъ Царяграда митрополитъ Константинъ I-й. Первымъ дѣломъ новаго митрополита было проклясть память покойнаго князя Изяслава; но этотъ поступокъ не остался безъ вредныхъ слѣдствій для русской церкви и для самого Константина. Когда, по смерти Долгорукаго, сынъ Изяслава, Мстиславъ доставилъ кіевскій столъ дядѣ Ростиславу, то требовалъ непремѣнно сверженія Константина за то, что послѣдній клялъ отца его; съ своей стороны дядя его Ростиславъ не хотѣлъ возстановить Клима, какъ неправильно избраннаго; наконецъ, для прекращенія смуты, князья положили свести обоихъ митрополитовъ и послать къ патріарху за третьимъ; патріархъ исполнилъ ихъ желаніе и прислалъ новаго митрополита, Грека Ѳеодора.

Не смотря на возстановленіе права патріарха присылать въ Кіевъ отъ себя митрополита, великіе князья не отказывались отъ права принимать только такихъ митрополитовъ, которые были имъ угодны. Такъ въ 1164 году в. князь Ростиславъ Мстиславичъ возвратилъ назадъ митрополита Іоанна, присланнаго патріархомъ безъ его воли; много труда и даровъ стоило императору убѣдить Ростислава принять этого Іоанна; есть извѣстіе, что великій князь отвѣчалъ императорскому послу: „Если патріархъ безъ нашего вѣдома впередъ поставитъ въ Русь митрополита, то не только не приму его, но и постановимъ однажды навсегда—избирать и ставить митрополитовъ епископамъ русскимъ съ повелѣнія великаго князя [140]. Послѣ не-

удачной попытки освободить русскаго митрополита изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха, видимъ неудачную попытку къ освобожденію сѣверной Руси отъ церковнаго вліянія южной, къ освобожденію владимирскаго епископа изъ-подъ власти кіевскаго митрополита. Въ лѣтописи [111] встрѣчаемъ извѣстіе, что Андрей Боголюбскій хотѣлъ имѣть для Владимира Залѣскаго особаго митрополита, и просилъ объ этомъ константинопольскаго патріарха, но тотъ не согласился. Князь покорился рѣшенію патріарха, но не хотѣлъ покориться ему епископъ Θеодоръ, не хотѣлъ подчиниться кіевскому митрополиту, на томъ основаніи, что поставился въ Константинополѣ, отъ самаго патріарха [112], и когда князь Андрей сталъ уговаривать его идти въ Кіевъ для полученія благословенія отъ митрополита, то Θеодоръ затворилъ церкви во Владимирѣ. Андрей послалъ его насильно въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Константинъ II-й, Грекъ рѣшился неслыханною строгостію задавить попытку сѣвернаго духовенства къ отложенію отъ Кіева: Θеодора обвинили всѣми винами и наказали страшнымъ образомъ. Вотъ самый разсказъ лѣтописца объ этомъ: „Въ 1172 году сотворилъ Богъ и Св. Богородица новое чудо въ городѣ Владимирѣ: изгналъ Богъ и Св. Богородица Владимирская злаго, пронырливаго и гордаго льстеца, лживаго владыку Θеодорца, изъ Владимира отъ Св. Богородицы церкви Златоверхой, и отъ всей земли Ростовской. Нечестивецъ этотъ не захотѣлъ послушаться христолюбиваго князя Андрея, приказывавшаго ему идти ставиться къ митрополиту, въ Кіевъ, не захотѣлъ, но, лучше сказать, Богъ не захотѣлъ его и Св. Богородица, потому что когда Богъ захочетъ наказать человѣка, то отнимаетъ отъ него умъ. Князь былъ къ нему расположенъ, хотѣлъ ему добра, а онъ не только не захотѣлъ поставленія отъ митрополита, но и церкви всѣ во Владимирѣ затворилъ и ключи церковные взялъ, и не было ни звона, ни пѣнія по всему городу и въ соборной церкви, въ которой чудотворная Матерь Божія, — и ту церковь дерзнулъ затворить, и такъ разгнѣвалъ Бога и Св. Богородицу, что въ тотъ же день былъ изгнанъ. Много пострадали люди отъ него: одни лишились селъ, оружія, коней, другіе обращены были въ рабство, заточены, разграблены, и не только простые люди, но и монахи, игумены, іереи; немилостивый былъ мучитель, однимъ головы рубилъ и бороды рѣзалъ, другимъ глаза выжигалъ и языки вырѣзывалъ, иныхъ распиналъ по стѣнѣ и мучилъ немилостиво, желая

исторгнуть отъ нихъ имѣніе: до имѣнія былъ жаденъ какъ адъ. Князь Андрей послалъ его къ митрополиту въ Кіевъ, а митрополитъ Константинъ обвинилъ его всѣми винами, велѣлъ отвести на Песій островъ, гдѣ ему отрѣзали языкъ, какъ злодѣю еретику, руку правую отсѣкли и глаза выкололи, потому что хулу произнесъ на Св. Богородицу.... Безъ покаянія пробылъ онъ до послѣдняго издыханія. Такъ почитаютъ бѣсы почитающихъ ихъ: они довели его до этого, вознесли мысль его до облаковъ, устроили въ немъ втораго Сатаніила, и свели его въ адъ.... Видя Богъ озлобленіе кроткихъ людей своихъ Ростовской земли, погибающихъ отъ звѣрояднаго Ѳеодорца, посѣтилъ, спасъ людей своихъ, рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою царскою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея. Это мы написали для того, чтобъ впередъ другіе не наскакивали на святительскій санъ, но пусть удостоиваются его только тѣ, кого Богъ позоветъ [143]".—Изъ приведеннаго мѣста лѣтописи видно, что лежитъ въ основѣ обвиненія: бѣсы вознесли мысль Ѳеодора до облаковъ и устроили въ немъ втораго Сатаніила. „Мы написали это, говорится въ заключеніи, дабы впередъ никто не смѣлъ наскакивать на святительскій санъ." Во сколько преступленія Ѳеодора преувеличены тѣми, которые могли желать обвинить его всѣми винами—теперь рѣшить трудно; для историка это явленіе особенно замѣчательно, какъ попытка епископа сѣверной Руси отложиться отъ кіевскаго митрополита.

Попытка эта не удалась: митрополитъ кіевскій продолжалъ поставлять епископовъ во всѣ епархіи русской церкви, которыхъ было 15 въ описываемое время [144]; но какъ в. князья кіевскіе позволяли константинопольскому патріарху присылать къ нимъ митрополитовъ только съ ихъ согласія, такъ и князья другихъ волостей не позволяли кіевскому митрополиту назначать епископовъ въ ихъ города по собственному произволу: такъ, наприм., когда въ 1183 году митрополитъ Никифоръ поставилъ епископомъ въ Ростовъ Грека Николая, то Всеволодъ III-й не принялъ его и послалъ сказать митрополиту: „Не избрали его люди земли нашей, но если ты его поставилъ, то и держи его гдѣ хочешь, а мнѣ поставь Луку, смиреннаго духомъ и кроткаго игумена Св. Спаса на Берестовѣ [145]." Митрополитъ сперва отказался поставить Луку, но послѣ принужденъ былъ уступить волѣ Всеволода и кіевскаго князя Святослава, и посвятилъ его въ епископы суздальской земли, а своего Николая

Грека послалъ въ Полоцкъ; къ Грекамъ, какъ видно, не были вообще очень расположены, что замѣчаемъ изъ отзыва лѣтописца о черниговскомъ епископѣ Антоніи: „онъ говорилъ это на словахъ, а въ сердцѣ затаилъ обманъ, потому что былъ родомъ Грекъ."— Такимъ образомъ избраніе епископовъ не принадлежало исключительно митрополиту; но какъ же происходило это избраніе? въ Новгородѣ, при избраніи епископа, въ совѣщаніи участвовали: князь, игумены, Софьяны (люди принадлежавшіе къ вѣдомству Софійскаго собора), бѣлое духовенство (попы); въ случаѣ несогласія бросали жребій, и избраннаго такимъ образомъ посылали къ митрополиту на поставленіе; вотъ лѣтописный разсказъ объ избраніи владыки Мартирія [146]: „Преставился Гавріилъ, архіепископъ новгородскій; Новгородцы, съ княземъ Ярославомъ, съ игуменами, Софьянами и съ попами стали разсуждать, кого бы поставить на его мѣсто: одни хотѣли поставить Митрофана, другіе Мартирія, третьи Грека, начались споры, для прекращенія которыхъ положили въ Софійской церкви на престолѣ три жребія, и послали съ вѣча слѣпца вынуть ихъ; вынулось Мартирію, за которымъ немедленно послали въ Русу, привезли и посадили во дворѣ Св. Софіи, а къ митрополиту послали сказать: „поставь намъ владыку." Митрополитъ прислалъ за нимъ съ великою честію, и пошелъ Мартирій въ Кіевъ съ лучшими мужами, былъ принятъ съ любовію княземъ Святославомъ и митрополитомъ, и посвященъ въ епископы." Въ другихъ областяхъ выборъ зависѣлъ, большею частію, отъ воли князя: такъ читаемъ въ лѣтописи, что по смерти бѣлгородскаго епископа Максима, великій князь Рюрикъ поставилъ на его мѣсто отца своего духовнаго, Адріана, игумена Выдубицкаго [147]. Какъ старались иногда князья объ избраніи епископовъ, указываетъ мѣсто изъ письма епископа Симона къ Печерскому монаху Поликарпу: „пишетъ ко мнѣ княгиня Ростиславова, Верхуслава, хочетъ поставить тебя епископомъ, или въ Новгородъ на Антоніево мѣсто, или въ Смоленскъ на Лазарево мѣсто, или въ Юрьевъ на Алексѣево мѣсто: пишетъ, что если понадобится для этого раздать и тысячу гривенъ серебра, то не пожалѣетъ [148]." Какъ при избраніи епископовъ имѣли вліяніе то народъ, то князь, такъ точно возстаніе народа или неудовольствіе князя могли быть причинами низложенія и изгнанія епископовъ; мы видѣли примѣръ, какъ однажды въ Новгородѣ простой народъ выгналъ владыку Арсенія, потому что на дворѣ долго стояла теплая погода; при этомъ

слышались обвинения, что Арсений выпроводилъ предшественника своего, владыку Антонія въ монастырь, а самъ сѣлъ на его мѣсто, задаривши князя; это обвиненіе указываетъ на сильное вліяніе князя при избраніи епископа даже въ Новгородѣ; съ другой стороны Всеволодъ III-й не хочетъ принять епископа Николая, потому что не избрали его люди земли Суздальской; Ростиславъ Мстиславичъ въ своей грамотѣ говоритъ, что онъ привелъ епископа въ Смоленскъ, сдумавъ съ людьми своими. Въ 1159 году Ростовцы и Суздальцы выгнали своего епископа Леона [149]; но по другимъ извѣстіямъ, виновникомъ изгнанія былъ князь Андрей Боголюбскій [150], который возвратилъ потомъ изгнаннаго, и снова изгналъ.

Кромѣ права рукополагать епископовъ, митрополитъ имѣлъ право суда и расправы надъ ними: въ 1055 г. новгородскій епископъ Лука Жидята, по ложному доносу на него, осужденъ былъ митрополитомъ Ефремомъ, и три года содержался въ Кіевѣ до оправданія [151]; ростовскій епископъ Несторъ, оклеветанный своими же домашними, лишенъ былъ на время епархіи митрополитомъ Константиномъ [152]; наконецъ мы видѣли поведеніе митрополита относительно владимирскаго епископа Ѳеодора. Въ важныхъ случаяхъ, напр. при поставленіи Клима Смолятича въ митрополиты, также особенно по поводу ересей и неправыхъ толковъ, созывались соборы въ Кіевѣ. Ереси въ описываемое время были: ересь Павликіанъ или Богомиловъ, которую пытался распространить на Руси монахъ Адріанъ еще въ 1004 году: Адріанъ, заключенный въ темницу, отказался отъ своего ученія; но въ 1123 году попытка была возобновлена какимъ-то Дмитромъ, который однако былъ скоро сосланъ въ заточеніе [153]; въ 1149 году явился въ Кіевъ изъ Константинополя еретикъ Мартинъ, изложившій свое ученіе въ особой книгѣ, носившей названіе „Правда." Семь лѣтъ распространялъ Мартинъ свое ученіе въ Кіевѣ, успѣлъ привлечь на свою сторону не только множество простаго народа, но и многихъ изъ духовенства, пока наконецъ кіевскій соборъ въ 1157 году не осудилъ его ученіе; константинопольскій соборъ подтвердилъ рѣшеніе кіевскаго, и еретикъ былъ сожженъ въ Царѣградѣ. Мы упоминали уже о епископѣ Леонѣ, изгнанномъ Ростовцами и Суздальцами; въ сѣверной лѣтописи, подъ 1159 годомъ, причиною изгнанія приводится то, что онъ раззорялъ священниковъ умноженіемъ церквей [154]. Подъ 1162 г., тотъ же лѣтописецъ говоритъ о началѣ ереси Леонтиніанской: по его разсказу,

епископъ Леонъ не по правдѣ поставился епископомъ въ Суздаль, потому что прежній суздальскій епископъ Несторъ былъ еще живъ. Леонъ сталъ учить, что не должно ѣсть мяса въ господскіе праздники, если они случатся въ середу, или пятницу, ни въ Рождество Господне, ни въ Крещенье; по этому случаю былъ сильный споръ [155] предъ княземъ Андреемъ и всѣми людьми; Леона переспорили, но онъ отправился въ Константинополь для рѣшенія дѣла; здѣсь оспорилъ его Адріанъ, епископъ болгарскій, предъ императоромъ Мануиломъ, причемъ Леонъ началъ было говорить противъ самого императора, слуги котораго ударили Леона въ шею и хотѣли было утопить въ рѣкѣ; свидѣтелями всего этого были послы—кіевскій, суздальскій, переяславскій и черниговскій. Иначе разсказываетъ дѣло южная лѣтопись [156] подъ 1162 годомъ: по ея словамъ князь Андрей Боголюбскій выгналъ епископа Леона вмѣстѣ съ братьями своими и боярами отцовскими, желая быть самовластцемъ, потомъ епископа возвратилъ, покаялся въ грѣхѣ своемъ, возвратилъ впрочемъ въ Ростовъ, а не въ Суздаль, и держалъ его четыре мѣсяца на епископіи; но послѣ сталъ у него просить позволенія ѣсть мясо по середамъ и по пятницамъ отъ Свѣтлаго Воскресенія до Всѣхъ Святыхъ; епископъ не позволилъ ему этого, и былъ изгнанъ вторично, пришелъ въ Черниговъ къ Святославу Ольговичу; тотъ утѣшилъ его и отпустилъ въ Кіевъ къ Ростиславу. По этимъ дѣло не кончилось; незадолго до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, Печерскій игуменъ Поликарпъ съ братіею положили ѣсть сыръ, масло, яйца и молоко во всѣ господскіе праздники, если случатся въ середу или пятницу. На это соглашался Святославъ, князь черниговскій и другіе князья и епископы, но митрополитъ запрещалъ и были по этому случаю большіе споры и распри. Тогда великій князь Мстиславъ Изяславичъ положилъ созвать соборъ изъ всѣхъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ и ученыхъ монаховъ, и сошлось ихъ до полутораста. На соборѣ мнѣнія раздѣлились: одни держались митрополита, между прочими два епископа, Антоній черниговскій и Антоній переяславскій, другіе Поликарпа; но большая часть, не желая досаждать ни митрополиту, ни князьямъ, отговаривались, что не въ состояніи рѣшить этого вопроса, и что положить такъ или иначе зависитъ отъ митрополита и отъ игуменовъ въ ихъ монастыряхъ; нѣкоторые наконецъ думали, что надобно отослать дѣло на рѣшеніе патріарха. Андрей Боголюбскій писалъ къ Мстиславу,

что надобно свергнуть митрополита, выбрать русским епископам новаго, и потом разсмотрѣть дѣло безпристрастно на соборѣ, представляя, что зависимость от патріарха константинопольскаго тяжела и вредна для Руси. Но князь Мстислав, зная уже нерасположеніе к себѣ многих князей, и боясь, с другой стороны, раздражить и епископов, оставил дѣло без рѣшенія; но когда всѣ несогласные с митрополитом епископы разошлись, тогда митрополит с двумя Антоніями, черниговским и переяславским, осудили Поликарпа на заточеніе; а князь Святослав Всеволодович черниговскій выгнал из своего города епископа Антонія [157]. Любопытно, что сѣверный лѣтописец во взятіи и опустошеніи Кіева войсками Боголюбскаго видит наказаніе за грѣхи Кіевлян, особенно за неправду митрополита, который запретил Поликарпа [158].

Относительно матеріальнаго благосостоянія церкви, источниками для содержанія митрополита и епископов служили: 1) Десятина, которую опредѣляли князья из своих доходов на главныя церкви в своих волостях: так еще св. Владимір опредѣлил в пользу кіевской Богородичной церкви десятую часть имѣнія и доходов своих; о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ волынском лѣтописец говорит, что он давал десятину от всего своего имѣнія св. Богородицѣ, но без точнаго опредѣленія, именно ли в кіевскую Богородичную церковь давал он десятину [159], потому что под св. Богородицею мог разумѣться и монастырь Печерскій, как разумѣется он послѣ, в разсказѣ о щедрости того же Ярополка [160]. Андрей Боголюбскій дал Богородичной владимирской церкви десятины в стадах своих и торг десятый [161]. 2) Недвижимыя имѣнія: кіевской Десятинной церкви принадлежал город Полонный [162]; Андрей Боголюбскій дал владимирской Богородичной церкви город Гороховец [163], кромѣ того дал слободы и села: и город был не один: это видно как из лѣтописи [164], так и из письма епископа владимирскаго Симона к кіевопечерскому монаху Поликарпу: „Кто не знает, что у меня грѣшнаго епископа Симона соборная церковь во Владимирѣ—красота всего города, да другая в Суздалѣ, которую сам построил? Сколько у них городов и сел? и десятину собирают по всей той землѣ, и всѣм этим владѣет наша худость“; по всѣм вѣроятностям эти доходы шли не на одного митрополита и епископов, но также на поддержаніе и украшеніе самих церквей, на содержаніе клира, больниц, богадѣлен [165],

училищъ. 3) Судныя духовныя пошлины; 4) ставленныя пошлины, взимаемыя за поставленіе священно-и церковнослужителей. Относительно содержанія низшаго духовенства до насъ не дошло никакихъ извѣстій; мы видимъ, что Ярославъ I-й, строя церкви повсюду, назначилъ содержаніе духовенству: должно думать, что и въ послѣдствіи князья и частные люди, строя церковь назначали извѣстныя имущества или доходы на ея содержаніе и причта. Это всего лучше можно видѣть изъ уставной грамоты новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ [166]. Въ этой грамотѣ князь Всеволодъ говоритъ, что онъ поставилъ церковь св. Іоанна на Петрятинѣ дворищѣ, снабдилъ ее иконами многоцѣнными и всякими книгами, приставилъ поповъ, дьякона и дьяка, на церковное строеніе далъ отъ имѣнія своего вѣсъ вощаной, съ оставленіемъ только части для себя, да въ Торжкѣ пудъ вощаной, половина св. Спасу, а половина св. Іоанну. Изъ этого вощанаго вѣсу попы, дьяконъ, дьякъ и сторожа получаютъ свои оброки (годовое жалованье). При этой церкви св. Іоанна устроена была торговая община; князь Всеволодъ говоритъ въ грамотѣ: „Я поставилъ св. Іоанну троихъ старостъ отъ житыхъ людей, а отъ черныхъ тысяцкаго, отъ купцовъ двоихъ старостъ, пусть управляютъ всякими дѣлами Ивановскими, и торговыми, и гостинными, и судомъ торговымъ, а посадники и бояре новгородскіе ни во что Ивановское не вступаются. А кто захочетъ вложиться въ Ивановское купечество, долженъ дать купцамъ пошлымъ (старымъ членамъ общины) вкладу пятьдесятъ гривенъ серебра, а тысяцкому сукно ипское, и часть этой суммы купцы должны положить въ казну церковную. Вѣсъ вощаной долженъ всегда находиться въ притворѣ св. Іоанна; вѣшаютъ старосты Ивановскіе, двое купцовъ пошлыхъ, добрыхъ людей, не пошлымъ купцамъ старства не держать и вѣсу не вѣсить Ивановскаго. Потомъ опредѣляется въ грамотѣ величина вѣсовыхъ пошлинъ съ гостей—низовыхъ, полоцкихъ и смоленскихъ, новоторжскихъ и новгородцевъ: низовый гость платилъ больше всѣхъ, полоцкій и смоленскій меньше, Новоторжанинъ еще меньше, свой Новгородецъ меньше всѣхъ.

Кромѣ грамоты, данной церкви Іоанна Предтечи, Всеволодъ далъ Новгороду еще другую, сходную съ уставомъ св. Владиміра съ нѣкоторыми впрочемъ дополненіями и перемѣнами. Въ ней читаемъ: „возвахъ есмь 10 сотскихъ и старосту Болеслава и бирича Мирош-

ку и старосту Иванскаго Васяту, и погадалъ есмь со владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и со десятью сотскими и съ старостами. Далъ есми судъ и мѣрила въ Новгородѣ св. Софіи и епископу и старостѣ Ивановскому и всему Новуграду мѣрила торговая, скалвы вощаныя, пуды медовые и гривенку рублевую, и локоть Иванскій и свой оброкъ купецъ черн(и)цамъ; а попу Иванскому руская пись съ Борисоглѣбскимъ на полы; и сторожу Иванскому русской порочицы пятно, да десять копюховъ соли. Домъ св. Софіи владыкамъ строити съ сотскими; а старостамъ и торговцамъ докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ св. Ивана. Торговая вся вѣсы, мѣрила.... епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати и на всякій годъ извѣшивати. А скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти, а животъ его на трое; треть живота св. Софіи, а другая треть св. Ивану, а третья треть сотскимъ и Новуграду. А се церковныи люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а и кто въ крылосѣ: попадья, черпецъ, черница, поломникъ, (пришлецъ), свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ, изгойской (изгои трои): поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а и четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ.... А се изыскахомъ: у третьей женѣ и у четвертой дѣтямъ прелюбодѣйная часть въ животѣ. Аще будетъ полнъ животомъ, ино дастъ дѣтемъ третіей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. Изъ велика живота дать урочная часть по оскуду; а изъ мала живота какъ рабочичищу часть, копя да доспѣхъ и покрутъ".

Къ 1137 году относится Уставъ, данный княземъ Святославомъ Ольговичемъ новгородскому Софійскому собору; въ началѣ его князь Святославъ ссылается на прадѣдовъ и дѣдовъ своихъ, которые установили брать епископамъ десятину отъ даней, виръ и продажъ, отъ всего, что входитъ въ княжой дворъ [167]. Къ 1150 году относятся уставныя грамоты смоленскаго князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, данныя епископіи смоленской [168]. Вслѣдствіе давняго соединенія смоленской волости съ переяславскою подъ властію одного князя церковь смоленская находилась подъ вѣдомствомъ епископа переяславскаго. Это соединеніе должно было имѣть въ послѣдствіи большія невыгоды уже по самому отдаленію смоленской

волости отъ переяславской, отрѣзываемыхъ другъ отъ друга почти всегда враждебною волостію черниговскою; уже сынъ Мономаха, Мстиславъ имѣлъ намѣреніе учредить въ Смоленскѣ особую епископію; понятно, что сынъ его, смоленскій князь Ростиславъ спѣшилъ привести въ исполненіе мысль отцовскую. Ростиславъ говоритъ въ началѣ грамоты, что онъ устанавливаетъ епископію, посовѣтовавшись съ людьми своими, по повелѣнію отца своего святаго, и для содержанія епископа съ клиросомъ даетъ церкви св. Богородицы и епископу прощениковъ съ медомъ, кунами, и продажами, съ запрещеніемъ судить ихъ кому-либо другому кромѣ епископа; даетъ церкви и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что сходится въ нихъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, виры и кромѣ полюдья. Сверхъ того князь далъ нѣсколько селъ, съ изгоями и съ землею; судъ церковный утвержденъ исключительно за епископомъ. Въ концѣ грамоты Ростиславъ говоритъ, что если кто захочетъ по зависти приложить опять смоленскую епископію къ переяславской, то князь имѣетъ право отнять все данное на содержаніе епископа.

Эта грамота Ростислава Мстиславича, не представляющая никакихъ несообразностей, не могущая слѣдовательно подать поводъ ни къ какимъ заподозриваніямъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу церковныхъ уставовъ Владиміра Св. и Ярослава І-го, потому что, подобно имъ, заключаетъ въ себѣ уставъ о судахъ церковныхъ, принадлежавшихъ епископу. Выше было замѣчено, что необходимо отнести начало церковнаго суда ко временамъ введенія христіанства въ Русь, необходимо отнести первые уставы объ немъ ко временамъ Владиміра и Ярослава, хотя бы и не въ той формѣ, въ какой они дошли до насъ; что же касается до признанія и употребленія этихъ уставовъ въ описываемое время, т.-е. отъ 1054 до 1228 года, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Руководствомъ, кормчею книгою при церковномъ управленіи и судахъ былъ принятъ у насъ съ самаго начала Номоканонъ, которымъ руководствовалась церковь греческая. Должно думать, что онъ употреблялся въ описываемое время и въ греческомъ подлинникѣ, потому что митрополиты и нѣкоторые епископы были изъ Грековъ, и въ славянскомъ переводѣ, ибо есть свидѣтельства изъ XVI вѣка о существованіи тогда харатейныхъ славянскихъ кормчихъ, писанныхъ при Ярославѣ І-мъ и сынѣ его Изяславѣ [160]. — что же ка-

сается до правъ духовенства, какъ сословія, то оно было свободно отъ гражданскаго суда, службы и податей гражданскихъ [170].

Мы видѣли важное значеніе духовенства въ первыя времена введенія христіанской вѣры въ Русь, когда епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ, касавшемся наряда въ странѣ; въ описываемое время это значеніе нисколько не уменьшилось: духовенство принимаетъ сильное участіе въ событіяхъ, въ примиреніяхъ князей, въ утишеніи народныхъ возстаній; мы видѣли, что послѣ ослѣпленія Василька Кіевляне отправили къ Мономаху митрополита Николая, который уговорилъ князя помириться съ Святополкомъ; Мономахъ послушался митрополита, ибо чтилъ санъ святительскій, говоритъ лѣтописецъ. Игуменъ Григорій помѣшалъ войнѣ между Мстиславомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Ольговичемъ черниговскимъ. Вячеславъ употребилъ митрополита для переговоровъ съ тѣмъ же Всеволодомъ Ольговичемъ. Бѣлогородскій епископъ Ѳеодоръ и печерскій игуменъ Ѳеодосій были посредниками при заключеніи мира между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и черниговскими князьями. Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу Галицкому двоюроднаго брата его, Ивана Берладника, на вѣрную гибель, то митрополитъ сталъ говорить Юрію: „грѣхъ тебѣ, поцѣловавши Ивану крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а теперь еще хочешь выдать на убійство“,—и Юрій послушался митрополита. Когда Венгры завладѣли Галичемъ, то митрополитъ поднималъ князей отнять русскую волость у иноплеменниковъ. Митрополитъ Никифоръ для предупрежденія войны между Рюрикомъ Ростиславичемъ и Всеволодомъ III-мъ, взялъ на себя клятву, данную Рюрикомъ зятю своему Роману волынскому, причемъ сказалъ: „Князь! мы приставлены въ русской землѣ отъ Бога удерживать васъ отъ кровопролитія“. Тотъ же митрополитъ помирилъ послѣ Рюрика съ Романомъ. Тимоѳей, духовникъ Мстислава Торопецкаго, помирилъ этого князя съ боярами. Въ Новгородѣ архіепископъ не разъ является укротителемъ народныхъ возстаній, примирителемъ враждующихъ сторонъ, посредникомъ между гражданами и князьями. Въ тотъ вѣкъ, когда понятія о народномъ правѣ были слабы, и не стыдились убивать или задерживать пословъ, если рѣчи ихъ не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовныя лица, потому что за нихъ менѣе можно было опасаться, при всеобщемъ уваженіи къ ихъ сану.

Въ людяхъ описываемаго времени не трудно замѣтить особенное расположеніе и уваженіе къ монашеству; уваженіе это пріобрѣли по праву древніе русскіе иноки, особенно иноки Кіевопечерскаго монастыря своими подвигами. Въ тогдашнемъ обществѣ, грубомъ, полуязыческомъ еще, въ которомъ новыя, лучшія понятія, принесенныя христіанствомъ встрѣчали могущественное сопротивленіе, первые монастыри представляли особое, высшее общество, гдѣ новый порядокъ вещей, новая религія проповѣдывалась не словомъ только, но дѣломъ. За стѣнами монастыря грубымъ страстямъ давался полный разгулъ при первомъ удобномъ случаѣ: въ стѣнахъ монастыря—одинъ ѣстъ черезъ день просвиру, носитъ власяницу, никогда не ляжетъ спать, но вздремнетъ иногда сидя, не выходитъ на свѣтъ изъ пещеры; другой не ѣстъ по цѣлымъ недѣлямъ, надѣлъ вериги и закопался по плеча въ землю, чтобъ убить въ себѣ похоть плотскую; третій поставилъ у себя въ пещерѣ жернова, бралъ изъ закромовъ зерновой хлѣбъ и ночью мололъ его, чтобъ заглушить въ себѣ корыстолюбивые помыслы, и достигъ наконецъ того, что сталъ считать золото и серебро за ничто. Входя въ монастырскія ворота, мірянинъ переселялся въ иной, высшій міръ, гдѣ все было чудесно, гдѣ воображеніе его поражалось дивными сказаніями о подвигахъ иноческихъ, чудесахъ, видѣніяхъ, о сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекалъ къ себѣ многихъ и лучшихъ людей. Какъ скоро разнесся по Кіеву слухъ о подвигахъ Антонія въ пещерѣ, то подвижникъ не могъ долго оставаться одинъ: около него собралась братія; бояре великокняжескіе являлись къ нему, сбрасывали боярскую одежду къ ногамъ игумена и давали обѣтъ нищеты и подвиговъ духовныхъ. Ѳеодосій поддержалъ и усилилъ славу новаго монастыря. Еще Антоній вступилъ во враждебное столкновеніе съ в. княземъ Изяславомъ: послѣдній, видя, что вельможи покидаютъ его дворъ для тѣсной пещеры Антонія, разсердился на печерскихъ иноковъ, грозилъ выгнать ихъ изъ Кіева и раскопать ихъ пещеры; злобился на Антонія и за расположеніе его къ Всеславу полоцкому, такъ что Антоній принужденъ былъ искать убѣжища у князя Святослава въ Черниговѣ. Не смотря однако на такія непріязненныя отношенія Изяслава къ монастырю, Ѳеодосій взялъ сторону этого князя противъ брата его Святослава; когда черниговскій князь отнялъ столъ у старшаго брата, и всѣ признали право сильнаго, одинъ

игуменъ печерскій не призналъ этого права, въ одномъ печерскомъ монастырѣ на ектеніяхъ продолжали поминать Изяслава, какъ стольнаго князя и старшаго въ родѣ; Святославъ терпѣлъ и съ уваженіемъ слушалъ увѣщаніе Ѳеодосія. Не одинъ изгнанникъ Изяславъ находилъ въ печерскомъ игуменѣ своего ходатая: обиженный въ судѣ шелъ съ жалобою къ Ѳеодосію, и судья долженъ былъ перерѣшать дѣло. У себя въ кельѣ Ѳеодосій ходилъ за больнымъ, разслабленнымъ инокомъ, а ночью, когда все успокоивались, отправлялся въ жидовскую часть города и тамъ вступалъ въ споры съ врагами своей вѣры. Но кромѣ Антонія и Ѳеодосія Печерскій монастырь выставилъ рядъ проповѣдниковъ христіанства, епископовъ, лѣтописцевъ; св. Кукша, св. Леонтій, св. Исаія были его постриженниками: постриженникъ же его Никонъ, убѣгая гнѣва Изяславова, ушелъ въ Тмутаракань, служившій убѣжищемъ для всякаго рода изгнанниковъ, и князей и монаховъ. Христіанство было очень слабо распространено въ Тмутаракани, о монахахъ не имѣли тамъ понятія; дикій народъ объятъ былъ изумленіемъ, когда увидалъ иноческіе подвиги Никона, толпами сходился смотрѣть на дивнаго человѣка, и скоро подчинился его вліянію: скоро мы видимъ этого Никона въ челѣ народа, посредникомъ въ сношеніяхъ его съ княземъ.—Послѣ этого неудивительно читать намъ въ памятникахъ XII вѣка слѣдующія слова: „Подвиги св. монаховъ сіяютъ чудесами больше мірской власти, и ради ихъ мірскіе вельможи преклоняютъ главу свою предъ монахами.“ Епископъ Симонъ пишетъ къ печерскому иноку Поликарпу: „Смотри какъ уважаютъ тебя здѣсь и князья, и бояре, и всѣ друзья твои“ [171].

Монастыри распространялись и по другимъ городамъ: упоминаются монастыри въ Туровѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ, Владимирѣ Волынскомъ, въ княжествѣ Галицкомъ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Новгородѣ Великомъ. Основаны были и женскіе монастыри: въ 1086 году в. князь Всеволодъ Ярославичъ перестроилъ въ Кіевѣ монастырь Андреевскій, гдѣ постриглась дочь его дѣвица—Янка; она собрала около себя много монахинь и жила съ ними по монастырскому чину [172]. Предслава, дочь полоцкаго князя Георгія Всеславича [173] въ молодости ушла въ монастырь, гдѣ уже была монахинею тетка ея, жена Романа Всеволодовича, постриглась здѣсь подъ именемъ Евфросиніи, сначала выпросила у епископа позволеніе жить при соборной Софійской церкви въ голубцѣ, гдѣ проводила время

въ списыванiи книгъ, продавала ихъ и выручаемыя деньги раздавала нищимъ, потомъ основала свой монастырь при церкви св. Спаса, гдѣ постригла родную и двоюродную сестру (дочь Бориса Всеславича) и двухъ племянницъ; наконецъ захотѣла видѣть Iерусалимъ, гдѣ и скончалась въ русскомъ Богородичномъ монастырѣ [174]. Но не однѣ княжны и вдовыя княгини постригались въ полномъ здоровьѣ; встрѣчаемъ и князя, произвольно оставившаго волость и постригшагося въ Кiевопечерскомъ монастырѣ: то былъ извѣстный уже намъ по лѣтописи Святоша, или Святославъ—Николай Давыдовичъ Черниговскiй. Три года пробылъ онъ въ поварнѣ монастырской, работая на братiю, рубя дрова и нося ихъ на своихъ плечахъ съ берега въ монастырь; потомъ три года служилъ привратникомъ, наконецъ перешелъ на службу при трапезѣ. По окончанiи искуса перешелъ жить въ свою келлiю, при которой развелъ садъ, и никогда во всю жизнь не видали его празднымъ, но всегда имѣлъ онъ въ рукахъ какое-нибудь дѣло; питался онъ постоянно одною монастырскою пищею [175].

Для содержанiя своего, монастыри уже въ то время имѣли недвижимыя имущества, такъ наприм., князь Ярополкъ Изяславичъ далъ Кiевопечерскому монастырю три волости [176]; дочь его дала пять селъ и съ челядью; Ефремъ епископъ суздальскiй далъ тому же монастырю дворъ въ Суздалѣ съ церковiю св. Дмитрiя и съ селами [177]. До насъ дошла въ подлинникѣ грамота в. князя Мстислава Владимiровича (1128—1132 г.) новгородскому Юрiеву монастырю на волость съ данями, вирами и продажами и на нѣкоторую часть княжескихъ доходовъ [178]. Отъ конца XII вѣка дошла до насъ подлинная вкладная грамота преподобнаго Варлаама Хутынскому монастырю на земли, рыбныя и птичьи ловли [179]. Должно думать, что всякiй постригавшiйся, если имѣлъ состоянiе, приносилъ какой-нибудь вкладъ въ монастырь движимымъ или недвижимымъ имуществомъ; кромѣ того и другiе набожные люди давали въ монастыри деньги и разныя другiя цѣнныя вещи; раздавать милостыню по монастырямъ было въ обычаѣ у князей: Глѣбъ Всеславичъ Полоцкiй далъ Кiевопечерскому монастырю 600 гривенъ серебра и 50 золота; по его смерти жена его дала 100 гривенъ серебра и 50 золота. Монахи въ монастыряхъ удерживали при себѣ имущество, отъ чего были монахи богатые и бѣдные: такъ напримѣръ, въ Патерикѣ разсказывается, что когда умеръ одинъ инокъ, по имени Аѳанасiй, то

никто изъ братіи не хотѣлъ похоронить его, потому что онъ былъ бѣденъ; также читаемъ, что инокъ Ѳедоръ вступилъ въ монастырь, раздавши все свое имѣніе нищимъ, но потомъ сталъ жалѣть о розданномъ: тогда другой инокъ Василій сказалъ ему: „Если ты хочешь имѣть, то возьми все, что у меня есть.“ Третій инокъ Арефа имѣлъ много богатства въ своей келліи, и никогда ничего не подавалъ нищимъ.

Относительно управленія встрѣчаемъ извѣстія объ игуменахъ (архимандритахъ), экономахъ и келаряхъ [180]. Избраніе игуменовъ зависѣло отъ братіи, причемъ иногда происходили возстанія и насильственныя смѣны игуменовъ. Иногда монахи выбирали себѣ въ игумены изъ бѣлаго духовенства; подъ 1112 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Братія Кіевопечерскаго монастыря, оставшись безъ игумена, собрались и нарекли себѣ игуменомъ Прохора священника (попина); объявили объ этомъ митрополиту и князю Святополку, и князь съ радостію велѣлъ митрополиту поставить Прохора.“ Подъ 1182 годомъ встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ: „Умеръ блаженный архимандритъ, игуменъ Печерскій Поликарпъ, и былъ по смерти его мятежъ въ монастырѣ: никакъ не могли избрать себѣ игумена, и братія очень тужила, потому что такому сильному дому не подобало и одного часу быть безъ пастуха. Во вторникъ ударили братья въ било, сошлись въ церковь, начали молиться св. Богородицѣ—и чудо! въ одинъ голосъ сказали всѣ: „пошлемъ къ попу Василью на Щековицу, чтобъ былъ игуменомъ и управителемъ стаду черноризцевъ Печерскаго монастыря.“ Пришли къ Василью, поклонились и сказали ему: „мы вся братія и черноризцы кланяемся тебѣ и хотимъ имѣть тебя отцомъ игуменомъ.“ Попъ Василій изумился, поклонился имъ и сказалъ: “Отцы и братія! мысль о постриженіи была у меня; но съ какой же стати вы придумали выбрать меня себѣ въ игумены?“ Много спорилъ онъ съ ними, наконецъ согласился, и монахи повели его въ монастырь. Касательно отношенія Кіевопечерскаго монастыря къ в. князю кіевскому, замѣчательны слова св. Ѳеодосія, сказанныя имъ предъ кончиною князю Святославу: „Се отхожю свѣта сего, и се предаю ти монастырь на соблюденіе, еда будетъ что смятеніе въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду.“ Но въ нѣкоторыхъ рукописныхъ патерикахъ прибавлено: „и да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ никто же отъ клерикъ Софійскихъ, но точію завѣдаетъ имъ твоя держава и по тебѣ дѣти твои

и до послѣднихъ роду твоему." Согласно съ этимъ есть преданіе, что Андрей Боголюбскій утвердилъ независимость Печерскаго монастыря отъ кіевскаго митрополита, назвавши монастырь лаврою и ставропигіею княжескою и патріаршею [181].

Говоря о нравственномъ состояніи общества, необходимо обратить вниманіе на юридическія понятія, господствовавшія въ немъ въ извѣстное время. Къ уставамъ, явившимся безспорно въ описываемое время на Руси, принадлежитъ, вопервыхъ, измѣненіе сдѣланное сыновьями Ярослава I-го въ Правдѣ отца ихъ относительно мести за убійство: въ Правдѣ говорится, что трое Ярославичей, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрались вмѣстѣ съ мужами своими (тысяцкими) и отложили убіеніе за голову, но опредѣлили убійцѣ откупаться кунами, во всемъ же остальномъ положили держаться суда Ярославова: такимъ образомъ родовая месть, самоуправство, остатокъ прежней родовой особности, «перестаетъ существовать" на Руси юридически въ началѣ второй половины XI вѣка; но убійство, совершенное по личнымъ отношеніямъ одного члена общества къ другому, случайно, въ ссорѣ, дракѣ, на пиру, въ нетрезвомъ видѣ, продолжаетъ считаться дѣломъ частнымъ, не считается уголовнымъ преступленіемъ, убійца такого рода продолжаетъ попрежнему считаться полноправнымъ членомъ общества; только разбойника, одинаково всѣмъ опаснаго, общество не хочетъ держать у себя, но отдаетъ князю на потокъ со всѣмъ семействомъ. Такимъ образомъ убійство перваго рода не влекло болѣе за собою ни частной, ни общественной мести, наказанія; что убійства такого рода были нерѣдки, доказательствомъ служитъ обычай соединяться для платежа виры, вкладываться въ дикую виру [182]. Какъ новость, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, встрѣчаемъ извѣстіе о поединкѣ, въ значеніи судебнаго доказательства. Къ описываемому же времени относится ограниченіе ростовъ, сдѣланное Мономахомъ, по поводу, какъ видно, злоупотребленій, какія позволили себѣ по этому предмету Жиды въ княженіе Святополка. Большіе росты бываютъ обыкновенно слѣдствіемъ неувѣренности въ возвращеніи капитала, неудовлетворительнаго состоянія правосудія въ странѣ. Относительно послѣдняго мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ громкія жалобы; мы видѣли главную причину этого явленія въ частыхъ перемѣщеніяхъ княжескихъ изъ одной волости въ другую: съ описываемаго времени, со времени господства родовыхъ княже-

скихъ отношеній, дружинники или челядинцы княжескіе привыкли смотрѣть на отправленіе правительственной или судейской должности, какъ на кормленіе, слѣд. привыкли извлекать изъ этихъ должностей всевозможную для себя пользу, не будучи ничѣмъ связаны съ волостію, гдѣ были пришельцами; для уясненія себѣ этихъ отношеній мы должны представить себѣ стариннаго дружинника, отправляющаго правосудіе за князя, въ видѣ стариннаго ратника, стоящаго на постоѣ. При Всеволодѣ Ярославичѣ лѣтописецъ жалуется на разореніе земли вслѣдствіе дурнаго состоянія правосудія; при Святополкѣ не имѣемъ права ожидать лучшаго; подъ 1148 годомъ читаемъ, что была нагуба Посульцамъ (жителямъ береговъ Сулы рѣки) частію отъ Половцевъ, частію отъ своихъ посадниковъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ тіуны разорили Кіевъ и Вышгородъ; при Ростиславичахъ на сѣверѣ посадники, поставленные изъ южнорусскихъ д ѣ т с к и х ъ, разорили Владимірскую волость; лучшимъ доказательствомъ дурнаго состоянія правосудія на Руси въ описываемое время служитъ понятіе, какое имѣли современники о тіунѣ: въ словѣ Даніила Заточника читаемъ: „не имѣй себѣ двора близь княжа двора, не держи села близь княжа села, потому что т і у н ъ его какъ огонь, и р я д о в и ч и его какъ искры“ [183]. Дошло до насъ любопытное извѣстіе, какъ однажды Полоцкій князь спрашивалъ священника: какая судьба ожидаетъ тіуна на томъ свѣтѣ? тіунъ несправедливо судитъ, взятки беретъ, людей отягощаетъ, мучитъ [184]? Названіе должностнаго лица я б е д н и к ъ приняло также дурное значеніе. Не умѣя или не желая объяснить такое дурное состояніе правосудія, лѣтописецъ принужденъ сказать, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много!

Мѣриломъ нравственнаго состоянія общества могутъ служить также понятія о народномъ правѣ. Мы видѣли, что вести войну значило причинять непріятельской волости какъ можно больше вреда— жечь, грабить, бить, отводить въ плѣнъ; если плѣнные непріятельскіе ратники отягощали движеніе войска, были опасны при новыхъ встрѣчахъ съ врагомъ, то ихъ убивали [185]; иногда князья послѣ войны уговаривались возвратить все взятое съ обѣихъ сторонъ [186], но есть примѣръ, что князь послѣ войны уводитъ жителей цѣлаго города, имъ взятаго, и селитъ ихъ въ своей волости [187]. Въ способѣ веденія войны у себя, въ русскихъ областяхъ и въ чужихъ странахъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, не видимъ никакой раз-

ницы. При заключеніи мира употреблялась клятва—крестное цѣлованіе, утвержденіе дѣдовское и отцовское, по словамъ князей [188], и грамоты съ условіями мира назывались потому крестными. Нарушенія клятвы встрѣчаемъ часто, особенно были знамениты ими два князя: Владимірко галицкій и младшій сынъ Мстислава великаго, Владиміръ; твердостію въ клятвѣ славился Мономахъ; но и онъ разъ позволилъ уговорить себя нарушить клятву относительно половецкихъ хановъ на томъ основаніи, что поганые также безпрестанно нарушаютъ клятву; сынъ Мономаха Мстиславъ, несмотря на разрѣшеніе духовенства, всю жизнь раскаивался въ томъ, что нарушилъ клятву, данную Ярославу черниговскому; изъ послѣднихъ князей за твердое сохраненіе клятвы лѣтописецъ хвалитъ Глѣба Юрьевича. Война объявлялась отсылкою крестныхъ грамотъ [189]. Мы упоминали, что послами отправлялись часто духовныя лица, какъ подвергавшіяся меньшей опасности: но Всеволодъ III не усумнился задержать священниковъ, присланныхъ къ нему для переговоровъ Святославомъ черниговскимъ; Мстиславъ Храбрый велѣлъ остричь голову и бороду послу Боголюбскаго; Изяславову послу, Петру Бориславичу, не дали въ Галичѣ ни повозки, ни корма, и онъ боялся дальнѣйшихъ притѣсненій отъ Владимірка; впрочемъ было признано, что убивать посла не слѣдуетъ: когда владимирцы (на Волыни) хотѣли убить священника, присланнаго отъ Игоревичей галицкихъ, то пріятели послѣднихъ стали говорить, что не подобаетъ убить посла [190]. Христіанство, разумѣется, дѣйствовало и здѣсь благодѣтельно: Игорь сѣверскій признается, что отдавъ на щитъ городъ Глѣбовъ, не пощадивши христіанъ, онъ сдѣлалъ великій грѣхъ, за который Богъ отомстилъ ему плѣномъ у половцевъ; Мономахъ, заключилъ миръ съ Глѣбомъ минскимъ, не желая, чтобы кровь христіанская проливалась въ великій постъ; по воскресеньямъ не дѣлали приступовъ къ городамъ [191]; Всеволодъ Ольговичъ, исполнившись страха Божія, по словамъ лѣтописца, не хочетъ пользоваться пожаромъ въ Переяславлѣ, чтобъ взять этотъ городъ; такую же совѣстливость обнаруживаютъ Ростиславичи въ борьбѣ съ Юрьевичами послѣ Липецкой битвы.

Повсюду, и между князьями и между простыми людьми, видимъ борьбу новыхъ лучшихъ, христіанскихъ понятій и стремленій со страстями, слабо обуздываемыми въ новорожденномъ обществѣ, и съ прежними языческими обычаями. Въ жизни многихъ князей за-

мѣчаемъ сильное религіозное направленіе: Мономахъ былъ религіозенъ не на словахъ только, не въ наставленіяхъ только дѣтямъ: по словамъ лѣтописца, онъ всею душею любилъ Бога и доказывалъ это на дѣлѣ, храня заповѣди Божіи, имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ, будучи милостивъ неимовѣрно; данъ былъ ему отъ Бога такой даръ, прибавляетъ лѣтописецъ, что когда онъ входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ. Мы видѣли иноческіе подвиги Святослава Давыдовича черниговскаго, религіозное направленіе Ростислава Мстиславича, христіанскую кончину Ярослава галицкаго. Но у нѣкоторыхъ благочестіе ограничивалось только внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ, и когда дѣло шло объ удовлетвореніи страстямъ, то на заповѣди религіи и на служителей ея обращали мало вниманія: братъ Мономаха, Ростиславъ не усумнился умертвить св. инока Григорія за обличеніе; Святополкъ Изяславичъ былъ благочестивъ, уважалъ монастырь Кіевопечерскій и его иноковъ; но когда дѣло шло объ удовлетвореніи корыстолюбія, то мучилъ этихъ самыхъ монаховъ, гналъ игумена за обличенія; сынъ его Мстиславъ умертвилъ св. Ѳеодора и Василія. Владимірко галицкій, наругавшись надъ клятвою, сказавши: „что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?" пошелъ въ церковь къ вечернѣ; не щадя сокровищъ для сооруженія и украшеній церквей, не считали за грѣхъ жечь и грабить церкви въ волостяхъ непріятельскихъ. Въ слѣдъ за людьми, которые шли въ монастырь для борьбы со страстями, шли туда же люди для удовлетворенія страстямъ своимъ: въ духовныхъ посланіяхъ XII вѣка встрѣчаемъ сильные укоры монахамъ, которые милуютъ свое тѣло, перемѣняютъ платье, подъ предлогомъ праздниковъ учреждаютъ особую трапезу съ пивомъ, и долго сидятъ за нею, ищутъ надъ старѣйшими взять свою волю, собираются вмѣстѣ не Бога ради, не для того, чтобъ разсуждать о пользѣ, но для яростныхъ споровъ, для безстыдныхъ нападеній на эконома и келаря [192]. Пастыри церкви вооружаются противъ обычаевъ давать въ монастыряхъ пиры, на которые созываются мущины и женщины [193]. Споръ, такъ сильно и долго занимавшій русское общество, споръ о томъ, что ѣсть въ извѣстные дни, принадлежитъ также къ характеристическимъ явленіямъ эпохи.

Вооружаясь противъ уклоненій отъ правилъ христіанской нравственности, церковь должна была вооружаться противъ старыхъ

языческихъ понятій и обычаевъ, которые были еще такъ сильны въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, особенно въ низшемъ его слоѣ. Мы видѣли, какъ въ Новгородѣ весь простой народъ отошелъ къ волхву, и только князь съ дружиною сталъ подлѣ епископа; встрѣчаемъ извѣстіе, что въ описываемое время продолжали приносить жертвы бѣсамъ (т.-е. прежнимъ божествамъ), болотамъ и колодцамъ, что были люди, которые имѣли по двѣ жены, что простой народъ не бралъ для брака благословенія церковнаго, считая это обрядомъ, установленнымъ только для князей и бояръ, и довольствуясь однимъ языческимъ обрядомъ плесканія, что женщины носили больныхъ дѣтей къ волхвамъ, и если замѣчали охлажденіе любви въ мужѣ, то омывали тѣло свое водою, и эту воду давали пить мужу [194]. Особенно трудно было изгнать память о древней религіи изъ народныхъ увеселеній, пѣсенъ, плясокъ, игръ, которыя были языческаго происхожденія; вотъ почему церковь изначала такъ сильно стала вооружаться противъ этихъ увеселеній: „развѣ мы не погански живемъ, говоритъ лѣтописецъ [195], когда во встрѣчу вѣруемъ? Если кто встрѣтитъ черноризца на дорогѣ, то возвращается назадъ; развѣ это не значитъ поступать поязычески? Вѣдь это все ведется по дьяволову наученію; другіе и чиханью вѣруютъ, будто бы оно бываетъ на здоровье головѣ. Всѣми этими обычаями дьяволъ отвлекаетъ насъ отъ Бога, трубами, скоморохами, гуслями, русальями. На игрищахъ видимъ множество людей: какъ начнутъ бороться другъ съ другомъ, то сбѣгаются смотрѣть на дѣло, отъ дьявола замышленное, а церкви стоятъ пусты: въ часъ молитвы мало найдешь народу въ церкви".—Изъ этихъ словъ лѣтописца видно, что любимымъ народнымъ зрѣлищемъ въ его время были борьбы, или кулачные бои.

Касательно семейной нравственности мы встрѣчаемъ въ лѣтописи похвалу двумъ князьямъ за соблюденіе тѣлесной чистоты: о Всеволодѣ Ярославичѣ говорится, что онъ воздерживался отъ пьянства и отъ похоти, да о Святославѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ сохранялъ чистоту тѣлесную. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописи говорится о Святополкѣ Изяславичѣ, что онъ имѣлъ дѣтей отъ наложницы; въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей находимъ другіе подобные примѣры [196]. Уваженіе къ старшимъ въ родѣ было провозглашаемо постоянно какъ добродѣтель, уклоненія отъ которой подвергаются сильнымъ укоризнамъ; но мы видѣли, что эти

уклоненія были часты. Видимъ нѣсколько примѣровъ непослушанія волѣ отцовской: примѣръ Андрея Боголюбскаго, ушедшаго, безъ отцовскаго согласія, съ юга на сѣверъ; примѣръ Олега Святославича черниговскаго, который безъ отцовскаго вѣдома, присталъ къ Изяславу Давыдовичу [197]; примѣръ Константина Всеволодовича, отказавшагося выполнить отцовскую волю относительно волостей. Относительно важнаго вопроса о положеніи женщины въ древнемъ русскомъ обществѣ мы встрѣчаемъ очень скудныя извѣстія въ памятникахъ, дошедшихъ отъ описываемаго времени. Видимъ, что княгини имѣли свое имущество, движимое и недвижимое, распоряжались имъ по произволу, какъ напримѣръ распорядилась жена князя Глѣба Всеволодовича полоцкаго, отдавши свои деньги и волости Кіевопечерскому монастырю; жена Святополка Изяславича раздаетъ по смерти его большое богатство по монастырямъ, церквамъ и нищимъ. Объ уваженіи, какое оказывалось женщинамъ родственниками, свидѣтельствуетъ примѣръ Мономаха, который послушался увѣщаній мачихи своей, причемъ лѣтописецъ говоритъ: „преклонился онъ на мольбу княгинину, потому что почиталъ ее какъ мать.“ Объ уваженіи и любви, которыми пользовались княгини въ семьѣ своей и среди гражданъ, можемъ видѣть изъ описанія кончины княгини Маріи, жены Всеволода III-го: „Постриглась великая княгиня въ монашескій чинъ, въ монастырѣ св. Богородицы, который сама построила, и проводилъ ее до монастыря самъ великій князь Всеволодъ со многими слезами, сынъ его Григорій, дочь Верхослава, жена Ростислава Рюриковича, которая пріѣзжала тогда къ отцу и матери; былъ тутъ епископъ Іоаннъ, духовникъ ея игуменъ Симонъ, и другіе игумены и черицы всѣ, и бояре всѣ и боярыни, и черницы изъ всѣхъ монастырей, и горожане всѣ проводили ее со слезами многими до монастыря, потому что была до всѣхъ очень добра. Въ этомъ же мѣсяцѣ она умерла, и плакалъ надъ нею великій князь, и сынъ его Юрій плакалъ и не хотѣлъ утѣшиться, потому что былъ любимъ ею“ [198]. О вліяніи княгинь на событія, какъ совѣтницъ мужей своихъ, указываетъ извѣстіе о поступкѣ князѣ Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами подъ 1180 годомъ: Святославъ, сказано въ лѣтописи, напалъ на Давыда Ростиславича, посовѣтовавшись только съ княгинею да съ любимцемъ своимъ Кочкаремъ, и не сказавши своей думы лучшимъ мужамъ своимъ. Изъ отзыва лѣтописца впрочемъ можно усмотрѣть, что такой поступокъ Свято-

слава возбуждалъ всеобщее негодованіе въ обществѣ, являлся исключеніемъ изъ принятаго обычая совѣтоваться обо всемъ съ дружиною. О вліяніи княгинь на дѣла можетъ указывать также приведенное выше мѣсто изъ письма епископа Симона къ чернецу Поликарпу о томъ, что княгиня Верхослава старается доставить Поликарпу епископство, не жалѣя издержекъ. Но всѣ эти извѣстія не могутъ дать намъ понятія объ отношеніяхъ обоихъ половъ, о жизни женщины въ обществѣ; ибо княгини и вообще матери семействъ имѣли точно такое же важное значеніе и послѣ въ московскомъ государствѣ, гдѣ однако, въ высшихъ слояхъ общества, женщина жила въ удаленіи отъ мущины. Въ этомъ отношеніи важно для насъ свидѣтельство, приведенное выше, объ обычаѣ устраивать въ монастыряхъ пиры, куда собирались мущины и женщины. также вопросъ черноризца Іакова митрополиту Іоанну—позволять ли на пирахъ цѣловаться съ женщинами. Мономахъ, въ наставленіи дѣтямъ, касается и отношеній мужа къ женѣ, онъ говоритъ: „Женъ своихъ любите, но не давайте имъ власти надъ собою“. Но въ какомъ отношеніи находилось это правило, извлеченное изъ извѣстнаго посланія апостольскаго, къ обычаю, рѣшить нельзя. Какъ христіанскія понятія содѣйствовали возвышенію женщины, показываетъ вопросъ извѣстнаго Кирика и отвѣтъ на него епископа Нифонта [109]: Кирикъ спрашиваетъ: „Если случится, что женскій платокъ будетъ вшитъ въ платье священническое, то можно ли священнику служить въ этомъ платьѣ?“ Нифонтъ отвѣчаетъ: „Можно: развѣ женщина погана?“

Что же касается вообще до состоянія нравственности въ описываемое время на Руси, то, принявши въ соображеніе время, обстоятельства и состояніе нравственности другихъ европейско-христіанскихъ народовъ въ описываемое же время, историкъ не можетъ произнести очень строгаго приговора древнему русскому обществу до тридцатыхъ годовъ XIII-го вѣка. Въ это время на первомъ планѣ видимъ княжескія усобицы, но много ли насильственныхъ, кровавыхъ поступковъ замѣчаемъ въ этихъ усобицахъ? Убіеніе Ярополка Изяславича, ослѣпленіе Василька, братоубійство между рязанскими князьями, убіеніе Игоря Ольговича Кіевлянами, убіеніе Андрея Боголюбскаго приближенными къ нему людьми, повѣшеніе Игоревичей галицкими боярами, ослѣпленіе (по всѣмъ вѣроятностямъ, мнимое) Ростиславичей во Владимірѣ Залѣсскомъ. Важное дѣло, когда

князья постоянно толкуютъ, что они братья, и потому обязаны жить дружно, а не враждовать, защищать русскую землю отъ враговъ, а не проливать кровь христіанскую въ усобицахъ. Пусть намъ скажутъ, что слова были въ разладѣ съ дѣломъ; мы отвѣтимъ, что и слова имѣютъ силу, когда безпрестанно повторяются съ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ, когда ихъ повторяютъ и сами князья, и духовенство, и народъ, отказывающійся принимать участіе въ усобицахъ; если эти слова не могли прекратить усобицъ, то, по крайней мѣрѣ, могли смягчать ихъ; важное дѣло когда притѣсненный князь могъ грозить притѣснителю напоминаніемъ, что поведеніе его похоже на поведеніе Святополка Окаяннаго; важное дѣло, когда князья ужасались и плакали объ ослѣпленіи Василька, говоря, что такого зла не бывало въ русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ ихъ; очень важно, когда Изяславъ Мстиславичъ жалуется на кіевлянъ за убійство Игоря Ольговича, говоря, что ему теперь не уйдти отъ нареканій. Отношенія между княземъ, дружиною и городовымъ народонаселеніемъ были вообще довольно мягки, сколько могли быть, разумѣется, при тогдашней неопредѣленности: „Если уйдемъ сами, говоритъ Игорь Сѣверскій съ братьею, а черныхъ людей оставимъ, то грѣхъ будетъ намъ предъ Богомъ“ [200]. Впрочемъ при внимательномъ изученіи лѣтописи можно усмотрѣть большую жесткость въ нравахъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Днѣпра; вообще замѣчаемъ бо́льшую жесткость въ княжескомъ племени Святославичей черниговскихъ, еще бо́льшую въ линіи этихъ Святославичей, которая утвердилась на дальнѣйшемъ востокѣ, въ области муромской и рязанской, замѣчаемъ на сѣверо-востокѣ бо́льшую жесткость въ самыхъ формахъ, въ самыхъ выраженіяхъ.

Мы видѣли, какъ вмѣстѣ съ христіанствомъ принялась на Руси грамотность, и принялась крѣпко: почва нашлась удобная; въ описываемое время мы не видимъ препятствій къ распространенію грамотности, напротивъ видимъ обстоятельства благопріятствующія; связь съ Византіею постоянная; оттуда приходятъ митрополиты и епископы; греческія царевны выходятъ замужъ за нашихъ князей, наши княжны выходятъ за греческихъ царевичей, путешествуютъ въ Константинополь, въ Іерусалимъ, какъ напр.: Янка Всеволодовна, св. Евфросинія Полоцкая; путешествуютъ въ Іерусалимъ духовныя лица, простые люди; страсть къ паломничеству такъ усилилась, что

духовенство начало вооружаться противъ нея, прямо запрещая отправляться въ Іерусалимъ, увѣщевая вести христіанскую жизнь на мѣстѣ жительства, накладывая даже епитемьи на дающихъ обѣты идти въ Іерусалимъ: эти обѣты, говорило духовенство, губятъ землю нашу. Частыя и тѣсныя сношенія съ Польшею и Венгріею открывали въ Русь доступъ и латинскому языку. Не забудемъ, что просвѣщеніе было тѣсно соединено съ религіею: кто больше читалъ, тотъ, значило, былъ больше утвержденъ въ вѣрѣ; отсюда религіозное направленіе, столь могущественное, необходимо влекло за собою стремленіе къ распространенію грамотности, пріобрѣтенію книгъ. Сыновья и внуки Ярослава I наслѣдовали его ревность къ распространенію книжнаго ученія. Сынъ его Святославъ собиралъ книги, которыми наполнилъ свои клѣти; изъ этихъ книгъ дошло до насъ два сборника [203]. Другой сынъ Ярослава I, Всеволодъ говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, которые онъ изучилъ сидя дома, какъ выражается сынъ его, Мономахъ, и этимъ даетъ знать, что Всеволодъ изучилъ языки не по необходимости во время странствованія по чужимъ землямъ, но единственно изъ любознательности; Мономахъ говоритъ при этомъ, что знаніе языковъ доставляетъ почетъ отъ иностранцевъ. Религіозная начитанность Мономаха видна изъ его сочиненій. Святославъ (Святоша) Давыдовичъ собиралъ книги, которыя подарилъ Кіевопечерскому монастырю; по его побужденію инокъ Ѳеодосій перевелъ съ греческаго посланіе Льва, папы римскаго къ Флавіану, архіепископу константинопольскому [204]. Въ сводѣ лѣтописей Татищева, въ подлинности которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться, часто встрѣчаемъ извѣстія объ образованности князей, напр. о Святославѣ Ростиславичѣ говорится, что онъ зналъ греческій языкъ и книги охотно читалъ, о Святославѣ Юрьевичѣ, что онъ охотникъ былъ читать, и милостиво принималъ ученыхъ людей, приходившихъ изъ Греціи и странъ западныхъ, часто съ ними разговаривалъ и спорилъ [205]; о Романѣ Ростиславичѣ смоленскомъ, что онъ многихъ людей побуждалъ къ ученію, устроилъ училища, при которыхъ содержалъ учителей, греческихъ и латинскихъ, на свой счетъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ; на это онъ издержалъ все свое имѣніе, такъ что по смерти его ничего не осталось въ казнѣ, и Смольняне похоронили его на свой счетъ [206]. Михаилъ Юрьевичъ, по словамъ того же свода лѣтописей, очень хорошо зналъ Св. Писаніе, съ Греками и Латинами говорилъ на ихъ

языкахъ также свободно, какъ по-русски, но не любилъ спорить о вѣрѣ. О Ярославѣ Владиміровичѣ галицкомъ говорится, что онъ зналъ иностранные языки, читалъ много книгъ, такъ что могъ самъ наставлять правой вѣрѣ, понуждалъ духовенство учить міранъ, опредѣлялъ монаховъ учителями, и монастырскіе доходы назначалъ для содержанія училищъ [205]. О Константинѣ Всеволодовичѣ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ говорится, что онъ всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами, потому что часто и прилежно читалъ книги [206]; а въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей говорится, что онъ былъ очень ученъ, держалъ при себѣ людей ученыхъ, накупалъ много старинныхъ книгъ греческихъ дорогою цѣною и велѣлъ переводить ихъ на русскій языкъ, собиралъ извѣстія о дѣлахъ древнихъ славныхъ князей, самъ писалъ и другіе съ нимъ трудились; однихъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, которыя частію самъ купилъ, частію получилъ въ даръ отъ патріарховъ [207].

Если при Владимірѣ и Ярославѣ посылали дѣтей учиться къ священникамъ при церквахъ, то обычай этотъ долженъ былъ продолжаться и распространяться въ описываемое время; имѣемъ полное право принять извѣстіе о существованіи училищъ при церквахъ, дворахъ епископскихъ, и заводимыхъ князьями на свой счетъ; также извѣстіе, что въ этихъ училищахъ учили греческому языку, ибо для утвержденія въ вѣрѣ необходимо было распространять переводы духовныхъ книгъ съ греческаго языка; училища эти служили и для образованія священниковъ, на что прямо указываетъ приведенное извѣстіе о цѣли училища, устроеннаго въ Смоленскѣ княземъ Романомъ Ростиславичемъ; встрѣчаемъ также извѣстіе объ училищахъ на Волыни [208]. Что духовенство описываемаго времени ясно понимало необходимость образованія для своего сословія, видно изъ слѣдующихъ словъ одного духовнаго лица XII вѣка: „Если властели міра сего и люди, занятые заботами житейскими, обнаруживаютъ сильную охоту къ чтенію, то тѣмъ больше нужно учиться намъ, и всѣмъ сердцемъ искать свѣдѣнія въ словѣ Божіемъ, писанномъ о спасеніи душъ нашихъ“ [209]. Этими словами всего лучше подтверждаются приведенныя извѣстія о любви къ чтенію и вообще образованности князей.

Какіе же дошли до насъ памятники этой образованности? Мы видѣли, что ужѣ при Ярославѣ I-мъ русскіе люди начали испытывать свои силы въ собственныхъ сочиненіяхъ религіознаго содержанія,

видѣли этотъ первый опытъ, сдѣланный первымъ нашимъ митрополитомъ изъ русскихъ, Иларіономъ; при означенныхъ выше благопріятныхъ условіяхъ для грамотности въ описываемое время имѣемъ право ожидать большаго числа подобныхъ памятниковъ; и дѣйствительно до насъ дошелъ рядъ сочиненій религіознаго содержанія, принадлежащихъ извѣстнѣйшимъ духовнымъ лицамъ эпохи. Большая часть ихъ составляютъ поученія, обращенныя къ одному какому-нибудь лицу по извѣстному случаю, или къ цѣлому народу, къ цѣлой паствѣ. Изъ первыхъ упомянемъ объ отвѣтѣ св. Ѳеодосія печерскаго на вопросъ великаго князя Изяслава, слѣдуетъ ли въ день Воскресный закалать животныхъ и употреблять ихъ мясо? Ѳеодосій отвѣчаетъ, что послѣ того, какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умолкло. Нѣтъ грѣха закалать животныхъ въ воскресенье; если же будемъ закалать въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это явное жидовство. Потомъ Ѳеодосій говоритъ, въ какіе дни слѣдуетъ поститься. На вопросъ великаго князя Изяслава о вѣрѣ латинской или варяжской Ѳеодосій отвѣчалъ: Вѣра ихъ зла и законъ ихъ не чистъ: они иконъ не цѣлуютъ, въ постъ мясо ѣдятъ, на опрѣснокахъ служатъ; христіанамъ не слѣдуетъ отдавать за нихъ дочерей, и брать ихъ дочерей за себя замужъ, не должно ни брататься съ ними, ни кумиться, ни ѣсть, ни пить изъ одного сосуда. Но если они попросятъ у васъ ѣсть, то дайте имъ пищу въ ихъ сосудахъ; если же у нихъ сосудовъ не будетъ, то дайте въ своихъ, только потомъ вымойте эти сосуды и молитву надъ ними прочтите. Латины Евангеліе и Апостолъ имѣютъ, иконы святыя и въ церковь ходятъ, но вѣра ихъ и законъ не чисты, множествомъ ересей своихъ они всю землю обезчестили, потому что по всей землѣ живутъ Варяги. Нѣтъ жизни вѣчной живущимъ въ вѣрѣ латинской, армянской, сарацинской. Не слѣдуетъ ихъ вѣры хвалить, свою вѣру безпрестанно хвали и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ домочадцамъ, но и къ чужимъ: еретика и латынина помилуй и отъ бѣды избавь и мзды отъ Бога не лишишься. Если встрѣтишь иновѣрниковъ, спорящихъ съ вѣрными, то помогай правовѣрнымъ на зловѣрныхъ. А если кто скажетъ: и ту, и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по твоему Богъ двоевѣрный? Развѣ ты не слыхалъ, что написано: единъ Богъ, едина вѣра и едино крещеніе?— Посланіе митрополита Никифора къ великому князю Владиміру Мономаху [210] важно для насъ во 1) по отзывамъ о поведеніи Мономаха;

во 2) по высказывающимся въ немъ отношеніямъ власти духовной къ свѣтской, митрополита къ князю. Посланіе написано во время великаго поста, когда, по словамъ митрополита, уставъ церковный и правило есть—говорить и князьямъ что-нибудь полезное. Митрополитъ разсматриваетъ различные виды грѣховъ, и не находитъ, въ которомъ бы изъ нихъ можно было упрекнуть Мономаха: этому князю не нужно говорить въ похвалу поста, потому что онъ благочестіемъ воспитанъ и постомъ воздоенъ, потому что воздержаніе его во время поста всѣ видятъ и чудятся. „Что говорить такому князю, продолжаетъ Никифоръ, который больше на сырой землѣ спитъ, дому бѣгаетъ, платье свѣтлое отвергаетъ, по лѣсамъ ходя сиротинскую[211] носитъ одежду, и только по нуждѣ, входя въ городъ, облекается въ одежду властелинскую. Что говорить такому князю, который другимъ любитъ готовить обѣды обильные, а самъ служитъ гостямъ, работаетъ своими руками, подаяніе его доходитъ даже и до палатей; другіе насыщаются и упиваются, а самъ князь сидитъ и смотритъ только, какъ другіе ѣдятъ и пьютъ, довольствуясь малою пищею и водою: такъ угождаетъ онъ своимъ подданнымъ, сидитъ и смотритъ, какъ рабы его упиваются, руки его ко всѣмъ простерты, никогда не прячетъ онъ сокровищъ, никогда не считаетъ золота или серебра, но все раздаетъ, а между тѣмъ казна его никогда не бываетъ пуста."—Наконецъ митрополитъ находитъ возможность преподать наставленіе князю, находитъ въ немъ слабую сторону: „Кажется мнѣ, князь мой, говоритъ онъ, что не будучи въ состояніи видѣть всего самъ своими глазами, ты слушаешь другихъ, и въ отверстый слухъ твой входитъ стрѣла. Такъ подумай объ этомъ, князь мой, изслѣдуй внимательнѣе, подумай объ изгнанныхъ тобою, осужденныхъ, презрѣнныхъ вспомни обо всѣхъ, кто на кого сказалъ что-нибудь, кто кого оклеветалъ, самъ разсуди таковыхъ, всѣхъ помяни и отпусти. да и тебѣ отпустится, отдай, да и тебѣ отдастся.... Только не опечалься, князь, словомъ моимъ: не подумай, что кто-нибудь пришелъ ко мнѣ съ жалобою, и потому я написалъ это тебѣ! нѣтъ: такъ просто я пишу къ тебѣ для напоминанія, въ которомъ нуждаются владыки земные: многимъ пользуются они, но за то и многимъ искушеніямъ подвержены." Здѣсь мы видимъ уже обычай печалованія, который былъ въ употребленіи у нашего духовенства въ продолженіе древней исторіи нашей; замѣтимъ также обращеніе митрополита къ князю: „къ тебѣ,

доблия глава наша и всея христолюбивѣй земли, слово се есть: его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и княжьское крови смѣсивъ." Другое посланіе митрополита Никифора къ Мономаху было написано въ отвѣтъ на вопросъ в. князя: какъ отвергнуты были Латины отъ св. соборной и правовѣрной церкви? митрополитъ приводитъ 20 причинъ уклоненія западной церкви отъ восточной [212]. Въ заключеніе митрополитъ говорилъ Мономаху: „прочитай это, князь, и не разъ, но два раза и больше, самъ и сыновья твои. Князьямъ какъ отъ Бога избраннымъ и призваннымъ на правовѣрную вѣру, надобно разумѣть слова Христовы и основаніе церковное твердое на свѣтъ и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ." Одинаковаго съ этимъ посланіемъ содержанія посланіе митрополита Іоанна къ архіепископу римскому объ опрѣснокахъ [213].

Посланіе Симона, епископа владимірскаго и суздальскаго къ Поликарпу, черноризцу печерскому, важно по нѣкоторымъ историческимъ указаніямъ, которыми и воспользовались мы въ своемъ мѣстѣ [214]. Сочинитель посланія, Симонъ, былъ сначала монахомъ Кіевопечерскаго монастыря, потомъ игуменомъ владимірскаго (на Клязьмѣ) Рождественскаго монастыря, наконецъ въ 1214 году поставленъ епископомъ на владимірскую и суздальскую епархію. Поликарпъ былъ также монахомъ Кіевопечерскаго монастыря, и страдалъ честолюбіемъ, для укрощенія котораго Симонъ и написалъ ему упомянутое посланіе [215]. „Братъ! начинаетъ Симонъ свое посланіе: сѣдши въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи самъ въ себѣ: человѣкъ! не оставилъ ли ты міръ и родителей по плоти? пришелъ ты сюда на спасеніе, а поступаешь не по духовному. Зачѣмъ ты назвался чернецомъ? Вѣдь черное платье не избавитъ тебя отъ мукъ. Смотри, какъ уважаютъ тебя здѣсь князья, и бояре, и всѣ друзья твои, говорятъ: счастливецъ! возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая одного небеснаго. Но ты живешь не по-монашески; стыдно мнѣ за тебя: тѣ, которые насъ здѣсь ублажаютъ, получатъ царство небесное, а мы будемъ мучиться. Возстань, братъ, возстань и попекись мысленно о своей душѣ! Не будь одинъ день кротокъ, а другой яръ и золъ, а то не много помолчишь, и опять начнешь роптать на игумена и на служителей его. Не будь лживъ: подъ предлогомъ немощи тѣлесной не отлучайся собранія церковнаго: какъ дождь ростить сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла; все дѣлаемое наединѣ, въ кельи ничтожно; двѣ-

надцать псалмовъ, прочтенные наединѣ, не стоятъ одного „Господи помилуй", пропѣтаго въ церкви.—Надобно было тебѣ подумать, зачѣмъ захотѣлъ ты выйти изъ святаго, блаженнаго, честнаго и спасеннаго того мѣста Печерскаго? Думаю, братъ, что Богъ побудилъ тебя къ тому, не терпя твоей гордости, и извергнулъ тебя, какъ нѣкогда сатану съ отступными силами, потому что не захотѣлъ ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину, игумену печерскому. Печерскій монастырь—море, не держитъ въ себѣ гнилаго, но выбрасываетъ вонъ. Горе тебѣ, что написалъ ко мнѣ о своей досадѣ: погубилъ ты свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ хочешь спастись? Будь ты постникъ и нищъ, не спи по ночамъ, но если досады не можешь снести—не получишь спасенія.—Пишетъ ко мнѣ княгиня Ростиславова, Верхуслава, что хочетъ поставить тебя епископомъ или въ Новгородъ, или въ Смоленскъ, или въ Юрьево; пишетъ: не пожалѣю и тысячи серебра для тебя и для Поликарпа. Я ей отвѣчалъ: дочь моя Анастасія! дѣло небогоугодное хочешь сдѣлать: еслибы онъ пробылъ въ монастырѣ неисходно съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, трезвясь во всемъ, то не только облекся бы въ святительскую одежду, но и вышняго царства достоинъ былъ бы. Ты хочешь быть епископомъ? хорошо; но прочти посланіе апостола Павла къ Тимоѳею и подумай, таковъ ли ты, какимъ слѣдуетъ быть епископу? Если бы ты былъ достоинъ этого сана, то я не не отпустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи, во Владиміръ и Суздаль, какъ и хотѣлъ князь Георгій, но я не согласился, видя твое малодушіе. Совершенство состоитъ не въ томъ, чтобъ быть славиму ото всѣхъ, но въ томъ чтобъ исправить житіе свое и сохранить себя въ чистотѣ. Отъ того изъ Печерскаго монастыря такъ много епископовъ поставлено было во всю русскую землю; прочти старую лѣтопись ростовскую, въ ней найдешь, что ихъ было больше тридцати, а если считать всѣхъ до меня грѣшнаго, то будетъ около пятидесяти. Разсуди же теперь, какова слава этого монастыря? постыдившись покайся и будь доволенъ тихимъ и безмятежнымъ житіемъ, къ которому Господь привелъ тебя. Я бы съ радостію оставилъ епископство и сталъ работать игумену, но самъ знаешь, что меня удерживаетъ. Всѣ знаютъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь, красота всему городу Владиміру, а другая суздальская церковь, которую самъ по-

строилъ; сколько у нихъ городовъ и селъ, и десятину собираютъ по всей той землѣ, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость; но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю эту славу и власть счелъ бы я за ничто, если бы мнѣ только хворостиною пришлось торчать за воротами, или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираему людьми."

По указаніямъ на обычаи и нравы замѣчательно посланіе митрополита Іоанна (по всѣмъ вѣроятностямъ втораго) черноризцу Іакову въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, касавшіеся дисциплины церковной [216]. „Не надобно, говоритъ митрополитъ, сообщаться и служить со звѣроядцами и съ тѣми, которые служатъ на опрѣснокахъ; но ѣсть съ ними ради Христовой любви не запрещается; если кто хочетъ убѣгать этого для чистоты или немощи, пусть убѣгаетъ, но блюдите, чтобъ не произошло отъ этого соблазна, не родилась бы вражда: надобно изъ двухъ золъ выбирать меньшее.—Если, какъ ты говоришь, нѣкоторые въ русской землѣ не пріобщаются въ великій постъ, ѣдятъ мясо и все нечистое, то надобно ихъ всячески отвращать отъ этого, если же будутъ упорствовать, то не давать имъ св. Причащенія и смотрѣть на нихъ, какъ на иноплеменниковъ и противниковъ вѣры. Также должно поступать и съ тѣми, которые держатъ по двѣ жены и которые занимаются волхвованіемъ; ослушниковъ должно строго наказывать, но не убивать до смерти и не увѣчить.—Такъ какъ въ то время не было утверждено, чтобъ русскія княжны, выходя замужъ за иновѣрныхъ владѣльцевъ, сохраняли православную вѣру, то митрополитъ и вооружился противъ обычая выдавать дочерей княжескихъ замужъ въ чужія страны, гдѣ служатъ на опрѣснокахъ, т.-е. въ страны католическія.—Митрополитъ приказываетъ всѣми силами направлять на вѣру правую тѣхъ, которые приносятъ жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодезямъ, которые женятся безъ благословенія церковнаго, разводятся и берутъ другихъ женъ. Называетъ беззаконниками тѣхъ, которые продаютъ рабовъ-христіанъ Жидамъ или еретикамъ; вооружается противъ тѣхъ, которые волею, для торговли, ходятъ къ поганымъ и ѣдятъ съ ними вмѣстѣ нечистое; противъ тѣхъ, которые часто въ монастыряхъ пиры устроиваютъ, созываютъ мущинъ и женщинъ вмѣстѣ, и стараются превзойти другъ друга въ томъ, кто лучше устроитъ пиръ. Эта ревность не по Богѣ, говоритъ митрополитъ, но отъ лукаваго происходитъ.

Въ томъ же родѣ вопросы черноризца Кирика, предложенные новгородскому епископу Нифонту и другимъ духовнымъ лицамъ съ ихъ отвѣтами [217]. Изъ этого памятника узнаемъ объ обычаѣ ходить на поклоненіе св. мѣстамъ; Кирикъ удерживалъ нѣкоторыхъ отъ этого и спрашивалъ, хорошо ли онъ дѣлаетъ?—Очень хорошо, былъ отвѣтъ: идетъ онъ для того, чтобъ ѣсть и пить, ничего не дѣлая.— Вопросъ: если роду и рожаницѣ рѣжутъ хлѣбы и сыры и медъ? въ отвѣтѣ читаемъ: „горе пьющимъ рожаницѣ.“ Встрѣчаемъ извѣстіе объ обычаѣ оглашать предъ крещеніемъ Булгарина, Половчина, Чудина въ продолженіе 40 дней, а Славянина въ продолженіе 8 дней: такимъ образомъ узнаемъ, что во время Кириково продолжалось крещеніе Славянъ. Понятія времени выражаются въ слѣдующемъ правилѣ: по захожденіи солнца не подобно хоронить мертвеца, хоронить его когда еще солнце высоко, потому что послѣднее видитъ солнце до общаго воскресенія. Относительно нравовъ узнаемъ, что нѣкоторые явно жили съ наложницами. Узнаемъ объ обычаѣ женщинъ обмывать тѣло свое водою и эту воду давать пить мужьямъ, если видятъ, что послѣдніе перестаютъ любить ихъ; на такихъ налагается епитемья, равно какъ и на тѣхъ, которыя дѣтей своихъ носятъ къ латинскому священнику на молитву или носятъ больныхъ дѣтей къ волхвамъ.

Теперь обратимся къ поученіямъ, обращеннымъ къ цѣлому народу. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ поученіе св. Ѳеодосія печерскаго о казняхъ Божіихъ: „Наводитъ Богъ по гнѣву Своему казнь какую-либо или поганыхъ, потому что не обращаемся къ Богу; междоусобная рать бываетъ отъ соблазна дьявольскаго и отъ злыхъ людей. Страну согрѣшившую казнитъ Богъ смертью, голодомъ, наведеніемъ, поганыхъ, бездождіемъ и другими разными казнями“.... Слѣдующія слова важны относительно нравовъ и обычаевъ времени: „Не погански ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ монаха или монахиню, свинью или коня лысаго, то возвращается. Суевѣрію по дьявольскому наущенію предаются! Другіе чиханью вѣруютъ, будто бываетъ на здравіе главѣ. Дьяволъ прельщаетъ и отвлекаетъ отъ Бога волхвованіемъ, чародѣйствомъ, блудомъ, запойствомъ, рѣзоимапіемъ, прикладами, воровствомъ, лжею, завистію, клеветою, трубами, скоморохами, гуслями, сопѣлями, всякими играми и дѣлами неподобными. Видимъ и другія злыя дѣла: всѣ падки къ пьянству, блуду и злымъ играмъ. А когда стоимъ въ церкви, то какъ смѣемъ

смѣяться или шептаться?... На праздники большихъ пировъ не должно затѣвать, пьянства надобно бѣгать. Горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ ангела-хранителя отклоняемъ отъ себя, злаго бѣса привлекаемъ къ себѣ; Духъ Святый отъ пьянства далекъ, адъ близокъ...“ Какъ языческіе обычаи примѣшивались къ христіанскимъ видно изъ поученія, приписываемаго также св. Ѳеодосію: „Для обѣда двѣ молитвы: одна въ началѣ, другая въ концѣ. Установлена за упокой кутья, обѣдовъ же и ужиновъ за упокой не установлено, воды не велѣно приставлять къ кутьѣ; также яицъ класть на кутью. Тропарей не должно говорить чашамъ въ пиру, кромѣ трехъ: при поставленіи обѣда славится Христосъ, по окончаніи прославляется Дѣва Марія, потомъ чествуется хозяинъ.“ Дошло до насъ также нѣсколько поученій св. Ѳеодосія, обращенныхъ къ братіи его монастыря; въ одномъ изъ нихъ святый говоритъ: „Еслибы только можно было, то каждый день говорилъ бы я, со слезами молилъ и къ ногамъ вашимъ припадалъ, чтобъ никто изъ насъ не пропустилъ молитвеннаго времени. Кто воздѣлывалъ ниву или виноградникъ и видитъ плоды, то не помнитъ труда отъ радости, и молитъ Бога, чтобъ сподобилъ собрать плодъ; если же видитъ, что нива терніемъ поросла, то что сдѣлаетъ! Сколько лѣтъ минуло, и никого не вижу, ктобъ пришолъ ко мнѣ и сказалъ: какъ мнѣ спастись?“ Поученіе митрополита русскаго Никифора замѣчательно по своему началу, изъ котораго видно, что митрополитъ Грекъ, по незнанію русскаго языка, не произносилъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ. „Не данъ мнѣ даръ языковъ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. великаго поста: то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе.“ Проповѣдникъ вооружается противъ большихъ ростовъ и противъ пьянства. Замѣчательно по своей простотѣ, вполнѣ соотвѣтствующей состоянію паствы, къ которой было обращено, поученіе Луки Жидяты, епископа новгородскаго, умершаго въ 1060 году: „Вотъ, братія, прежде всего эту заповѣдь должны мы всѣ христіане держать: вѣровать во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и св. Духа, какъ научили Апостолы, утвердили св. отцы. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, мукѣ грѣшникамъ вѣчной. Не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутренѣ и къ обѣднѣ, и къ вечернѣ; и въ своей клѣти прежде Богу поклонись, а потомъ

уже спать ложись. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ, не разговаривайте, не думайте ни о чемъ другомъ, но молите Бога всею мыслію, да отдастъ Онъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, и больше съ братьею, и не будь у васъ одно на сердцѣ, а другое на устахъ; не рой брату яму, чтобъ тебя Богъ не ввергнулъ въ худшую. Терпите обиды, не платите зломъ за зло: другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другихъ, чтобъ не назвали тебя сыномъ дьявола, помири, да будешь сынъ Богу. Не осуждай брата и мысленно, поминая свои грѣхи; да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ с и р о т а м ъ (рабамъ) будьте милостивы. Игрищъ бѣсовскихъ (москолудства) вамъ, братія, нелѣпо творить, также говорить срамныя слова, сердиться ежедневно; не презирай другихъ, не смѣйся никому, въ напасти терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны, горды, помните, что можетъ быть завтра будете смрадъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки: у гордаго въ сердцѣ дьяволъ сидитъ, и Божіе слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ, не клянитесь Божіимъ именемъ, и другаго не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите, денегъ въ ростъ не давайте, Бога бойтесь, князя чтите; рабы, повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убей, не украдь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевещи; блуда не твори, ни съ рабою, ни съ кѣмъ другимъ, не пей не во время и всегда пейте съ умѣренностію, а не до пьянства; не будь гнѣвливъ, дерзокъ, съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ, не ѣшьте нечистаго, святые дни чтите; Богъ же мира со всѣми вами, аминь.“ [218] —Повторяемъ: слово это драгоцѣнно для историка, потому что вполнѣ обрисовываетъ общество, къ которому обращено для поученія; при этомъ замѣтимъ также, что въ поученіи Луки Жидяты выражается и общій духъ новгородскаго народонаселенія, какой замѣчаемъ постоянно въ новгородскихъ памятникахъ; какъ въ лѣтописи новгородской, такъ и здѣсь замѣчаемъ одинакую простоту, краткость, сжатость, отсутствіе всякихъ украшеній; для насъ одинъ слогъ поученія Жидяты можетъ служить доказательствомъ, что оно написано въ Новгородѣ.

Другимъ характеромъ отличаются поученія южнаго владыки, Кирилла Туровскаго [219], какъ вообще памятники южнорусской письменности отличаются отъ сѣверныхъ памятниковъ большею украшенностію, что, разумѣется, происходитъ отъ различія въ характерѣ народонаселенія: иной рѣчи требовалъ Новгородецъ отъ своего владыки, иной южный Русинъ отъ своего. Содержаніе слова Жидяты составляетъ краткое изложеніе правилъ христіанской нравственности; слова Кирилла Туровскаго большею частію представляютъ краснорѣчивыя представленія священныхъ событій, празднуемыхъ церковію въ тотъ день, въ который говорится слово; цѣль словъ его показать народу важность, величіе празднуемаго событія, пригласить народъ къ его празднованію, къ прославленію Христа или святыхъ его: отсюда сходство словъ Кирилловыхъ съ церковными пѣснями, отъ которыхъ онъ заимствуетъ иногда не только форму, но и цѣлыя выраженія; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ видимъ одинакое распространеніе, оживленіе событія разговоромъ дѣйствующихъ лицъ; въ сочиненіяхъ Кирилла замѣчаемъ также особенную любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, стремленіе давать событіямъ прообразовательный характеръ, особенное искусство въ сравненіяхъ, сближеніяхъ событій, явленій, такъ что изучая внимательно сочиненія древняго владыки Туровскаго, не трудно открыть въ немъ предшественника и земляка позднѣйшимъ церковнымъ витіямъ изъ югозападной Руси, которые такъ долго были у насъ почти единственными духовными ораторами и образцами. Какъ слогъ поученія Луки Жидяты обличаетъ Новгородца, такъ слогъ словъ Кирилла Туровскаго обличаетъ въ сочинителѣ южнаго Русина.

Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Кирилла первое мѣсто занимаютъ десять словъ, сказанныхъ въ десять воскресныхъ дней, начиная отъ недѣли вайі до Троицына дня включительно. Въ первомъ уже словѣ (въ недѣлю вайі) мы знакомимся вполнѣ съ образомъ изложенія сочинителя: „Днесь Христосъ отъ Виѳаніи въ Іерусалимъ входитъ, всѣдши на жребя осла, да совершится пророчество Захаріино. Уразумѣвая это пророчество, станемъ веселиться; души святыхъ дщери вышняго Іерусалима ликуютъ, жребя же—это вѣровавшіе язычники, которыхъ посланные Христомъ Апостолы отрѣшили отъ лести дьявольской.... Нынѣ Апостолы на жребя ризы свои возложили, на которыя сѣлъ Христосъ. Здѣсь видимъ обнаруженіе преславной тайны: ризы—это христіанскія добродѣтели Апостоловъ,

которые своимъ ученіемъ устроили благовѣрныхъ людей въ престолъ Божій и вмѣстилище св. Духу. Нынѣ народы постилаютъ Господу по пути одни—ризы своя, а другіе вѣтви древесныя; добрый правый путь міродержителямъ и всѣмъ вельможамъ Христосъ показалъ: постлавши этотъ путь милостынею и незлобіемъ, безъ труда они входятъ въ царство небесное; ломающіе же древесныя вѣтви суть простые люди и грѣшники, которые сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ душевнымъ, постомъ и молитвами свой путь равняютъ и къ Богу приходятъ....“ и проч. Окончаніе слова замѣчательно, потому что показываетъ главную цѣль всѣхъ словъ Кирилловыхъ: „сокративши слово, пѣснями какъ цвѣтами святую церковь увѣнчаемъ и праздники украсимъ, и Богу славословіе вознесемъ, и Христа Спасителя нашего возвеличаемъ“. Роскошная весенняя природа юга дала много цвѣтовъ Кириллу въ словѣ на Ѳомино воскресенье: „теперь весна красуется, оживляя земное естество; вѣтры, тихо вѣя, подаютъ плодамъ обиліе, и земля, сѣмена питая, зеленую траву раждаетъ. Весна есть красная вѣра Христова, которая крещеніемъ возраждаетъ человѣческое естество; вѣтры—грѣхотвореній помыслы, которые, претворившись покаяніемъ въ добродѣтель, душеполезные плоды приносятъ; земля же естества нашего принявъ какъ сѣмя слово Божіе, и боля постоянно страхомъ Божіимъ, духъ спасенія раждаетъ. Нынѣ новорожденные агнцы и юнцы скачутъ быстро и весело возвращаются къ матерямъ своимъ, а пастухи на свирѣляхъ съ веселіемъ хвалятъ Христа: агнцы—это кроткіе люди отъ язычниковъ, а юнцы кумирослужители невѣрныхъ странъ, которые Христовымъ вочеловѣченіемъ и апостольскимъ ученіемъ и чудесами, къ святой церкви возвратившись, сосутъ млеко ученія; а учители Христова стада, о всѣхъ моляся, Христа Бога славятъ, всѣхъ волковъ и агнцевъ въ одно стадо собравшаго. Нынѣ древа лѣторосли испускаютъ, а цвѣты благоуханіе, и вотъ уже въ садахъ слышится сладкій запахъ, и дѣлатели, съ надеждою трудяся, плододавца Христа призываютъ; были мы прежде какъ древа дубравная, плодовъ неимущія, а нынѣ привилась Христова вѣра къ нашему невѣрію, и держась корня Іессеева, испуская добродѣтели какъ цвѣты, райскаго пакибытія о Христѣ ожидаемъ, и святители, трудясь о церкви, отъ Христа мзды ожидаютъ. Нынѣ оратаи слова, словесныхъ воловъ къ духовному ярму приводя, и крестное рало въ мысленныхъ браздахъ

погружая, и проводя бразду покаянія, всыпая сѣмя духовное, надеждами будущихъ благъ веселятся", и проч.

Слово въ недѣлю мироносицкую напоминаетъ совершенно церковныя пѣсни и стихиры, поемыя и читаемыя въ послѣдніе дни Страстной седмицы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаемъ одни и тѣ же почти выраженія; таковъ въ началѣ плачъ Богородицы: „тварь соболѣзнуетъ ми, Сыну! твоего зрящи безъ правды умерщвленія. Увы мнѣ, чадо мой, свѣте и творче тварямъ", и проч. Или далѣе слова Іосифа Пилату представляютъ не иное что, какъ распространеніе церковной пѣсни: „пріидите, ублажимъ Іосифа приснопамятнаго." Слово оканчивается похвалою Іосифу, замѣчательною по обычной въ древнемъ краснорѣчіи формѣ: „Кому уподоблю этого праведника? небомъ ли тебя назову: но ты былъ свѣтлѣе неба богочестіемъ, потому что во время страсти Христовой небо помрачилось и свѣтъ свой скрыло, а ты, радуясь, на своихъ рукахъ Бога носилъ. Землею ли тебя благоцвѣтущею назову? Но ты явился честнѣе земли: потому что она въ то время отъ страха потрясалась, а ты вмѣстѣ съ Никодимомъ весело Божіе тѣло плащаницею обвивъ положилъ", и проч. — Слово въ недѣлю разслабленнаго представляетъ самый лучшій образецъ слога Кириллова; въ жалобѣ разслабленнаго на свои страданія видимъ эту образность, какою обыкновенно отличаются писатели — земляки нашего оратора: „мертвымъ ли себя назову, говоритъ разслабленный; но чрево мое пищи желаетъ, и языкъ отъ жажды изсыхаетъ. Живымъ ли себя почту? но не только встать съ одра, даже и подвинуть себя не могу: ноги мои не ходятъ, руки не только что ничего не дѣлаютъ, но и осязать ими я себя не могу; я непогребенный мертвецъ, одръ мой гробъ мой; мертвый между живыми и живой между мертвецами, потому что какъ живой питаюсь, и какъ мертвый ничего не дѣлаю; мучусь я какъ въ адѣ отъ безстыдно поносящихъ меня; смѣхъ я юношамъ, укоряющимъ мною другъ друга, а старцамъ лежу притчею къ наказанію; всѣ мною глумятся, и я отъ того вдвойнѣ страдаю. Внутри терзаетъ меня болѣзнь, внѣ оскорбляюсь досадами укоряющихъ меня; слюни плюющихъ на меня покрываютъ тѣло мое; голодъ пуще болѣзни одолѣваетъ меня; потому что если и найду пищу, то не могу рукою положить ее въ ротъ; всѣхъ умоляю, чтобъ накормили меня, и дѣлюсь бѣднымъ кускомъ моимъ съ питающими меня, стонаю со слезами, томимый мучительною болѣзнію, и никто не придетъ посѣтить меня"

и проч.—Таковъ же и отвѣтъ Христа: „какъ ты говоришь: человѣка не имамъ? Я ради тебя сдѣлался человѣкомъ; тебя ради оставилъ скипетры горнаго царства, и нижнимъ служа, обхожу: не пришелъ я, да мнѣ послужатъ, но да послужу другимъ. Тебя ради, будучи безплотнымъ, плотію облекся, да исцѣлю душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Тебя ради невидимый ангельскимъ силамъ явился всѣмъ человѣкамъ, ибо не хочу презрѣть моего образа, лежащаго въ тлѣніи; но хочу спасти его и въ разумъ истинный привести, а ты говоришь: человѣка не имамъ? Я сдѣлался человѣкомъ, да сотворю человѣка Богомъ, ибо сказалъ: боги будутъ и сына вышняго всѣ, и кто другой вѣрнѣе меня служитъ тебѣ? Тебѣ я всю тварь на работу сотворилъ: небо и земля тебѣ служатъ — небо влагою, земля плодомъ; солнце служитъ свѣтомъ и теплотою, луна съ звѣздами ночь обѣляетъ; для тебя облака дождемъ землю напояютъ, и земля всякую траву сѣменистую и деревья плодовитыя на твою службу возращаетъ; тебя ради рѣки рыбъ носятъ, и пустыни звѣрей питаютъ, а ты говоришь: человѣка не имамъ" и проч. Слово въ недѣлю пятую по Пасхѣ содержитъ въ себѣ упрекъ народу за нехожденіе въ церковь для слушанія словъ епископа: „я, друзья и братья, надѣялся, что съ каждою недѣлею все больше и больше будетъ собираться народу въ церковь, а теперь вижу, что собирается его все меньше и меньше: если бы я свое что-нибудь говорилъ вамъ, то хорошо бы дѣлали, если бы не приходили, но я возвѣщаю вамъ Владычнее и прочитываю вамъ грамоту Христову."— Кириллу же Туровскому приписывается слово о состояніи души по разлученіи съ тѣломъ; здѣсь сочинитель исчисляя мытарства, седьмымъ изъ нихъ полагаетъ: „буе слово, срамословіе, безстудная словеса и плясаніе, еже въ пиру и на свадьбахъ и въ навечерницахъ, и на игрищахъ и на улицахъ"; пятнадцатымъ: „всяка ересь, и вѣруютъ въ стрѣчу, въ чехъ, въ полазъ и въ птичьи грай, ворожю, и еже басни баютъ и въ гусли гудуть."

Отъ описываемаго времени дошли до насъ еще нѣкоторыя любопытныя поученія, неизвѣстно какой области и какому лицу принадлежащія. Здѣсь, между прочимъ, видимъ, какъ церковь вооружалась противъ явленій, бывшихъ слѣдствіемъ родовыхъ отношеній княжескихъ, и какъ изначала содѣйствовала утвержденію отношеній государственныхъ; сочинитель слова обращается къ дружинѣ княжеской съ слѣдующими словами: „если начнете доброжелатель-

ствовать другимъ князьямъ отъ своего, то подобны будете замужней женщинѣ, невѣрной своему мужу." Но тутъ встрѣчаемъ увѣщаніе къ храбрости, вполнѣ согласное съ понятіями времени: „сынъ! когда на рать съ княземъ идешь, то съ храбрыми напереди ѣзди: этимъ и роду своему чести добудешь, и себѣ доброе имя. Что можетъ быть лучше того, какъ умереть передъ княземъ!"—О волхвахъ: „Волхвовъ же, чада моя, блюдитеся." О священникахъ: „если возьмете черпеца въ свой домъ или иного причетника и захотите его угостить, то больше трехъ чашъ не пудьте его, но дайте ему волю: если самъ напьется, то самъ за то и отвѣчаетъ; нельзя слугъ Божіихъ до срама упоить, но съ поклономъ должно отпускать, взявши благословеніе у нихъ."—О рабахъ: „сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготою, потому что это домашніе твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте.... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтишь. Ты какъ Апостолъ въ дому своемъ: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то и до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не велимъ.... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками" [220]. О средствахъ, какія употребляли проповѣдники, средствахъ, напоминающихъ намъ извѣстіе объ обращеніи Владиміра, и о судьбѣ, какой подвергались иногда ревностные проповѣдники, находимъ любопытныя извѣстія въ житіи св. Авраамія Смоленскаго: „Такъ бо бѣ (Аврамій) благодатію Христовою утѣшая приходящія и плѣняя ихъ души смыслъ, якоже и самому игумену не стерпѣти, многія къ нему видя притекающая. И хотя того сего отлучити и глаголаше: азъ за тя отвѣщаю у Бога, ты же престани уча, и много озлобленіе нань возложи. И оттолѣ вниде въ градъ и пребысть въ единомъ монастырѣ у честнаго Креста; и ту начаша болѣ приходити и ученіе его множайше быти. Написаже двѣ иконѣ, едину страшный судъ втораго пришествія, а другую—испытанія воздушныхъ мытарствъ, ихже всѣмъ нѣсть избѣжати. И ко всѣмъ приходящимъ одного страш-

наго дня не престая о томъ глаголя, и почитая великаго онаго и свѣтлаго учителя вселенныя Іоанна Златоустаго, и преподобнаго Ефрема и всѣхъ богогласныхъ святыхъ. И вшедъ сатана въ сердце безчинныхъ, воздвиже нань; и начаша овіи клеветати къ епископу, иніи же хулити и досажати, овіи еретика нарицати и, а иніи глаголаху нань глубинныя книги почитаетъ, иніи же къ женамъ прекладающе, попове же зіающе и глаголюще: уже наша дѣти всѣ обратилъ есть; реку тако: никто же аще бы не глаголя на блаженнаго Авраамія въ градѣ. Собрашася же всѣ отъ мала и до велика весь градъ нань: иніи глаголютъ заточити, а иніи на стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзіи потопити и проведьше сквозѣ градъ, всѣмъ же собравшимся на дворъ епископь, игуменомъ же и попомъ и черноризцемъ, княземъ и боляромъ"....

Кромѣ поученій, принадлежащихъ духовнымъ лицамъ, до насъ дошло поученіе, написанное знаменитѣйшимъ изъ князей описываемаго времени, Владиміромъ Мономахомъ, для дѣтей своихъ; оно обнимаетъ обязанности человѣка вообще и князя, религіозныя, семейныя и общественныя, и представляетъ первообразъ тѣхъ домостроевъ, которые мы увидимъ въ послѣдующихъ вѣкахъ: „страхъ имѣйте Божій въ сердцѣ и милостыню творите неоскудную, потому что здѣсь начало всякому добру",—такъ начинаетъ Мономахъ свое поученіе. Потомъ онъ объявляетъ поводъ, по которому написалъ поученіе: по окончаніи усобицы съ Давыдомъ Игоревичемъ на Витичевскомъ съѣздѣ, поѣхалъ онъ на сѣверъ въ ростовскую область, и будучи на Волгѣ, получилъ посольство отъ двоюродныхъ братьевъ съ приглашеніемъ идти на Ростиславичей Галицкихъ, которые не хотѣли исполнять общаго княжескаго приговора; двоюродные братья велѣли сказать Мономаху: „ступай скорѣе къ намъ, прогонимъ Ростиславичей и волость у нихъ отнимемъ; если же не пойдешь съ нами, то мы себѣ, а ты себѣ". Мономахъ велѣлъ отвѣчать: „сердитесь сколько хотите, не могу съ вами идти и преступить крестное цѣлованіе". — Угроза братьевъ разъединиться съ нимъ сильно опечалила Мономаха; въ этой печали онъ разогнулъ псалтырь и попалъ на мѣсто: „вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя?" и проч. Утѣшенный псалмомъ, Мономахъ рѣшился тутъ же написать своимъ сыновьямъ поученіе, въ которомъ господствуетъ та мысль, что человѣкъ никогда не долженъ совращаться съ праваго пути, во всѣхъ случаяхъ жизни долженъ полагаться на

одного Бога, Который не дастъ погибнуть человѣку, творящему волю Его. Выписавши изъ псалма тѣ мѣста, въ которыхъ выражается эта мысль, также наставленіе изъ Василія Великаго, Мономахъ продолжаетъ: „тремя добрыми дѣлами побѣждается врагъ нашъ дьяволъ: покаяніемъ, слезами и милостынею; Бога ради не лѣнитесь, дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; они не тяжки: не одиночество, не чернечество, не голодъ, которые терпятъ нѣкоторые добродѣтельные люди, такимъ малымъ дѣломъ можете вы получить милость Божію... Послушайте меня, если не можете всего исполнить, то хотя половину. Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами, и не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась спать; не забывайте ни одну ночь класть поклоновъ, потому что ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола и получаетъ прощеніе грѣховъ. Когда и на лошади сидите, да ни съ кѣмъ не разговариваете, то чѣмъ думать безлѣпицу, повторяйте безпрестанно въ умѣ: „Господи помилуй!“ если другихъ молитвъ не умѣете, эта молитва лучше всѣхъ. Больше же всего не забывайте убогихъ, но сколько можете по силѣ кормите, больше другихъ подавайте сиротѣ, сами оправдывайте вдовъ, а не позволяйте сильнымъ погубить человѣка. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, ни приказывайте убивать. Въ разговорѣ, что бы вы ни говорили, никогда не клянитесь Богомъ: нѣтъ въ этомъ никакой нужды; когда придется вамъ крестъ поцѣловать къ братьѣ, то цѣлуйте подумавши, можете ли сдержать клятву, и разъ поцѣловавши, берегитесь, чтобъ не погубить души своей. Съ любовію принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игуменовъ, не устраняйтесь отъ нихъ, по силѣ любите и снабжайте ихъ, пусть молятся за васъ Богу. Пуще всего не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ, говорите: всѣ мы смертны, нынѣ живы, а завтра въ гробѣ; все, что Ты, Господи, далъ намъ, не наше, а Твое, поручилъ намъ на малое число дней; въ землю ничего не зарывайте: это большой грѣхъ. Старыхъ чти какъ отцевъ, молодыхъ какъ братью. Въ домѣ своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не надѣйтесь ни на тіуна, ни на отрока, чтобъ гости не посмѣялись ни дому, ни обѣду вашему. Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; питью, ѣдѣ, спанью не предавайтесь; сторожей сами наряжайте; распорядившись всѣмъ, ложитесь. но вставайте рано. и оружія не снимайте съ себя: отъ лѣни человѣкъ внезапно

погибаетъ. Остерегайтесь лжи, пьянства и блуда: въ этихъ порокахъ и душа и тѣло погибаютъ. Если случится вамъ ѣхать куда по своимъ землямъ, то не давайте отрокамъ обижать жителей, ни чужихъ, ни въ селахъ, ни на поляхъ, чтобъ послѣ васъ не проклинали. На дорогѣ или гдѣ остановитесь, напойте, накормите нищаго; особенно же чтите гостя, откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ, простой или знатный человѣкъ, или посолъ; если не можете чѣмъ инымъ обдарить его, то угостите хорошенько: странствуя, они разносятъ по всѣмъ землямъ хорошую или дурную славу о человѣкѣ. Больнаго навѣстите, и къ мертвому ступайте, потому что мы всѣ смертны, человѣка не пропустите не поздоровавшись, всякому доброе слово скажите. Женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти. Что знаете добраго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь; не лѣнитесь ни на что доброе; прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь; да не застанетъ васъ солнце на постели...." Въ заключеніе Мономахъ разсказываетъ дѣтямъ о своихъ трудахъ: этимъ важнымъ для историка разсказомъ мы уже воспользовались въ своемъ мѣстѣ.

Мы встрѣчали извѣстія о страсти къ паломничеству, къ путешествіямъ во св. землю, распространившейся въ описываемое время между русскими людьми; до насъ дошло описаніе одного изъ такихъ путешествій, совершеннаго игуменомъ Даніиломъ [221]. Это описаніе особенно замѣчательно отсутствіемъ духа нетерпимости относительно латинскихъ христіанъ, обладавшихъ тогда Іерусалимомъ. Король Балдуинъ обласкалъ русскаго игумена, который за это распустилъ объ немъ добрую славу по своей землѣ: „позвалъ мя бяше добрѣ и любя мя вельми, якоже есть мужъ благодѣленъ и смиренъ вельми, и не гордитъ. Язъ рекохъ ему: княже мой господине! молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля руськыхъ, повели ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на гробѣ святомъ отъ всея руськыя земли. Онъ же съ тщаніемъ и съ любовью повелѣ ми поставити кандило; посла со мною мужа своего.... Богъ тому послухъ и св. гробъ Господень, яко во всѣхъ мѣстахъ святыхъ не забыхъ именъ князей русскихъ и княгинь, и епископъ и игуменъ, и бояръ, и дѣтей моихъ духовныхъ. И о семъ похвалю Бога моего благо, яко сподобилъ мя худаго имена князей руськыхъ написати въ лаврѣ св. Саввы, и нынѣ помипаются имена ихъ въ ектеньяхъ и съ женами, и съ дѣтьми. Се же имена ихъ: Михаилъ

Святополкъ, Василій Владиміръ, Давыдъ Святославичъ, Михаилъ Олегъ, Панкратій-Святославъ, Глѣбъ-Мѣнской, и сколько есть помнилъ, опричь всѣхъ князей русьскыхъ, и бояръ и отпѣхомъ литургію за князей русьскыхъ и за вся хрестьяне 50 литургій, и за усопшія литургію отпѣхомъ. И буди же всѣмъ почитающимъ се съ вѣрою и любовію благословенье отъ Бога и отъ св. гроба и отъ всѣхъ мѣстъ святыхъ. Бога дѣля, братіе и господіе мои, не зазрите худоумью моему и грубости моей. Да не будеть въ похваленье написанье се мене ради, но гроба Господня ради кто съ любовью почтеть, да мзду приметь отъ Бога Спаса нашего, и Богъ мира съ всѣми вами въ вѣки вѣковъ. Аминь".—Даніилъ встрѣтилъ въ Іерусалимѣ многихъ русскихъ паломниковъ—новгородцевъ и кіевлянъ.

Къ описываемому времени относится сочиненіе другаго Даніила, такъ называемое Посланіе Даніила заточника къ князю Юрію Владиміровичу Долгорукому [222]. Изъ самаго умилостивительнаго посланія этого можно узнать только то, что молодой еще человѣкъ, неизвѣстно какого происхожденія и званія, разгнѣвалъ князя и былъ заточенъ на озеро Лаче; въ посланіи Даніилъ ничего не говорилъ о винѣ своей; но по сильнымъ выходкамъ противъ приближенныхъ къ князю людей и женщинъ можно догадываться, что онъ ихъ наговорамъ приписывалъ свое несчастіе. Какъ видно, въ послѣдствіи сочиненіе это было извѣстно грамотнымъ людямъ [223] и цѣнилось, благодаря украшеніямъ слога, которыя нравились въ старину; самъ Даніилъ, какъ видно изъ его словъ, считалъ себя мудрецомъ; выпишемъ нѣсколько строкъ, чтобъ имѣть понятіе объ этой мудрости. „Вострубимъ, братія, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего: и начнемъ бити сребреныя органы, и возвѣемъ мудрости своя.... Не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божію; такъ и мы, княже господине, желаемъ твоея милости: зане, господине, кому Боголюбово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣлозеро, а мнѣ чернѣе смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки.... Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сія, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы, яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ лвовыхъ. Азъ бо есми, княже госпо-

дане, яко древо при пути: мнози посѣкають его и на огнь вмещуть: такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея.... Весна бо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человѣки своею милостью, сироты и вдовы, отъ вельможь погружаеми.... Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибають. Гусли бо строются персты, тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: такъ и градъ нашъ крѣпится твоею державою; зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ: слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ. Добру бо господину служа, дослужится свободы; а злу господину служа, дослужится большія работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще сквозѣ дубравы, напояюща не токмо человѣцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка великъ брегъ имуще каменны: нельзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезь сладокъ; а скупъ бояринъ аки кладезь солонъ. Не имѣй себѣ двора близь княжа двора; не держи села близь княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ. Княже господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна, несмысленна: нищь бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки паволочитое зголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ парящій по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ... Не море топитъ корабли, но вѣтри, и не огнь творитъ разженіе желѣзу, но подыманіе мѣшное: также и князь не самъ впадаетъ въ многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думъцею князь высока стола додумаетца, а съ лихимъ думъцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ.... Не мужъ въ мужехъ, кѣмъ своя жена владѣетъ; не работа въ работахъ, подъ жонками возъ возити... Что есть жена зла? гостиница неусыпаемая, купница бѣсовская, мірскы мятежь, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ.... Азъ ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многимъ

книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды морьскія, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла".—Къ Посланію прибавлено слѣдующее извѣстіе: „сіи словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣозерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ въ озеро, и вземь рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горкаго заточенія".

Древнѣйшія произведенія народной фантазіи относятся ко временамъ Владиміра святаго; содержаніе ихъ составляютъ подвиги богатырей, борьба ихъ съ степными варварами, съ которою былъ соединенъ важнѣйшій интересъ для народа. Въ описанное время продолжалась та же борьба, и по прежнему служила главнымъ содержаніемъ пѣсенъ и сказаній; богатырей смѣнили князья; самымъ славнымъ, самымъ народнымъ именемъ въ борьбѣ съ погаными было имя Мономахъ; не могло быть, чтобъ походы добраго страдальца за русскую землю на поганыхъ не служили содержаніемъ народныхъ поэтическихъ сказаній; слѣды этихъ сказаній находимъ въ началѣ Волынской лѣтописи: „по смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолѣвша всѣмъ поганьскымъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божіимъ: устремилъ бо-ся бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прохожаше землю ихъ яко и орелъ, хороборъ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока въ Обезы за желѣзныя врата. Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживившю; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шоломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю и загнавши оканныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставшю у Сырьчана единому гудьцѣ же, Ореви, посла и въ Обезы, рекъ: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочетъ, дай ему поухати зелья именемъ евшанъ. Оному же не восхотѣвшю обратитися ни послушати, и дасть ему зелье, оному же обухавшю и восплакавшю, рче! да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюжѣ славну быти. И приде во свою землю, отъ него родившюся Кончаку, иже снесе Сулу, пѣшъ ходя, котелъ нося на плечеву."

Но въ цѣлости дошло до насъ поэтическое сказаніе о несчастномъ походѣ сѣверскихъ князей, Игоря Святославича съ братьею на Половцевъ, Слово о полку Игоревѣ. Особенныя доблести этихъ князей, ихъ ревность добыть себѣ славы въ борьбѣ съ погаными, ихъ великодушіе, по которому они не захотѣли покинуть въ бѣдѣ черныхъ людей, заслуженная слѣдовательно народная любовь къ этимъ князьямъ, любопытныя подробности похода, необыкновенная удача въ началѣ, необыкновенное бѣдствіе въ концѣ, которое однако не уменьшило, но еще увеличило славу князей, наконецъ удивительное спасеніе Игоря изъ плѣна, [224]—все это должно было возбуждать сильный интересъ въ народѣ къ этому событію, которое потому и стало предметомъ украшеннаго поэтическаго сказанія; самыя подробности похода, какъ они сохранились въ лѣтописи, всего лучше показываютъ намъ интересъ, связанный для древней Руси съ этимъ событіемъ, всего лучше объясняютъ намъ возможность и необходимость существованія Слова. Намъ нѣтъ нужды даже предполагать, что сочинитель Слова былъ житель страны Сѣверской, ибо вспомнимъ, что въ это время племя Ольговичей стояло на первомъ мѣстѣ во всей южной Руси: старшій въ этомъ племени, Святославъ Всеволодовичъ, сидѣлъ тогда на столѣ Кіевскомъ, слѣд. бѣдствіе сѣверскихъ князей должно было найдти сильное сочувствіе и на западномъ берегу Днѣпра.

Сочинитель Слова о полку Игореву не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода сѣверскихъ князей на Половцевъ, но хочетъ предпослать ему старыя слова, ограничиваясь однако б ы л и н а м и позднѣйшаго времени, именно начиная со временъ Владиміра Мономаха или, какъ онъ называетъ его, Владиміра Стараго, въ противоположность другимъ, младшимъ Владимірамъ. Эти б ы л и н ы позднѣйшаго времени, начиная со временъ Владиміра Мономаха, онъ противополагаетъ пѣснямъ, сочиненнымъ по замышленію вѣщаго Бояна. Кто бы ни былъ этотъ Боянъ, сочинитель ли старыхъ русскихъ пѣсенъ, истинный или мнимый, или даже Гомеръ, какъ думаютъ нѣкоторые [225], очевидно только то, что сочинитель Слова о полку Игореву противополагаетъ свое сочиненіе сочиненіямъ Бояна, противополагаетъ по времени, не хочетъ заноситься въ отдаленные вѣка, къ отдаленнымъ событіямъ, воспѣтымъ Бояномъ, или, что очень кажется намъ вѣроятнымъ, противополагая б ы л и н у з а м ы ш л е н і ю, противополагая слово, разсказ объ истин-

номъ происшествіи безъ малѣйшаго отступленія отъ него,—пѣсни, сочинитель которой позволялъ себѣ большую свободу, хотя бы воспѣвалъ дѣйствительное событіе, дѣйствительно существовавшее лице; „не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святославича! начати же ся тый пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояна. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.“

Итакъ, продолжаетъ сочинитель Слова; начнемъ, братія, повѣсть эту „отъ стараго Владимира и дойдемъ до нынѣшняго Игоря, который препоясалъ умъ крѣпостію, изострилъ сердце мужествомъ, наполнился ратнаго духа, и навелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую“—послѣ этого непосредственно слѣдуютъ слова: „тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце, и увидалъ, что всѣ воины его прикрыты тьмою.“ Здѣсь съ перваго взгляда очевиденъ пропускъ, ибо сочинитель обѣщалъ начать повѣсть отъ страго Владиміра; мы необходимо должны предположить здѣсь разсказы о борьбѣ Мономаха и послѣдующихъ князей съ Половцами, и потомъ естественный переходъ къ походу Игоря па поганыхъ; очень вѣроятно, что приведенное нами выше поэтическое сказаніе о походахъ Мономаха и о томъ, что происходило въ степи по его смерти, находилось между этими сказаніями, которыми началъ свою повѣсть сочинитель Слова о полку Игореву.

Послѣдній вѣренъ своему обѣщанію разсказывать по былинамъ: разсказъ его совершенно одинаковъ съ разсказомъ лѣтописца, лишняго въ немъ одни только поэтическія украшенія; что же касается подробностей, то ихъ гораздо больше въ лѣтописи. Любопытно, что въ Словѣ гораздо больше превозносится похвалами Всеволодъ Святославичъ, чѣмъ Игорь, старшій братъ; въ битвѣ на первомъ планѣ поставленъ Всеволодъ; этимъ разсказъ сочинителя Слова отличается отъ разсказа лѣтописнаго; но такое предпочтеніе Всеволода объясняется словами лѣтописца, который, сказавши о смерти Всеволода, прибавляетъ, что этотъ князь превосходилъ всѣхъ Ольговичей доблестію. Особенно же замѣчательны для насъ слова автора объ усобицахъ княжескихъ: въ сильныхъ выраженіяхъ описываетъ онъ усобицы, происходившія вслѣдствіе лишенія волостей Олега Святославича: „тогда земля сѣялась и росла усобицами, по-

гибала жизнь Дажбогова внука, въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сократился. Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу.“ Въ другомъ мѣстѣ: „сказалъ братъ брату: это мое, и это мое же, и за малое стали князья говорить большое, начали сами на себя ковать крамолу: а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую.“ Описывая общее горе на Руси, когда услыхали здѣсь объ истребленіи полковъ Игоревыхъ, сочинитель Слова опять начинаетъ говорить объ усобицахъ: „встоналъ Кіевъ тугою, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по русской землѣ; а князья сами на себя крамолу ковали, а поганые наѣзжали на русскую землю, брали дань по бѣлкѣ отъ двора.“ Въ этомъ отношеніи замѣчательна также жалоба стараго Святослава Кіевскаго, когда онъ узналъ о бѣдѣ сѣверскихъ князей: „все зло мнѣ происходитъ отъ княжаго непособія; благопріятное время отъ него упущено... великій князь Всеволодъ (III)! чтобъ тебѣ перелетѣть сюда издалека, отцовскаго золотаго стола поблюсти! Вѣдь ты можешь Волгу раскропить, а Донъ шлемами вычерпать; еслибы ты былъ здѣсь, то была бы у насъ половецкая раба по ногатѣ, а рабъ по резанѣ.“ Сочинитель, отъ имени Святослава, обращается также и къ другимъ князьямъ съ требованіемъ помощи русской землѣ и мести поганымъ за обиду Игореву. Обращаясь къ племени Всеславову, князьямъ полоцкимъ, онъ упрекаетъ ихъ какъ зачинщиковъ усобицъ, которыя дали возможность поганымъ нападать на русскую землю: здѣсь разумѣется первая усобица по смерти Ярослава, начатая Всеславомъ Полоцкимъ. „Охъ!“ прибавляетъ сочинитель: „стонать русской землѣ, припомнивши первую годину и первыхъ князей: того стараго Владиміра (Мономаха) нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ“ [226].

Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ изъ лицъ историческихъ описываемаго времени является дѣйствующимъ Новгородецъ Василій Буслаевъ [227]. Пѣсня [228] въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрно изображаетъ старину новгородскую, въ нѣкоторыхъ старину общую русскую. „Въ славномъ Великомъ Новгородѣ жилъ Буслай до девяноста лѣтъ; съ Новгородомъ жилъ, не перечился, съ мужиками новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ. По смерти Буслая осталась вдовою жена его Амелфа Тимофеевна, да сынъ молодой, Василій

Буслаевичъ. Этотъ-то Василій представленъ въ пѣсни образцемъ и предводителемъ новгородской буйной молодежи, славной походами своими на сѣверѣ, ходившей всюду безъ новгородскаго слова, не дававшей покоя ни своимъ, ни чужимъ. Василій сталъ водиться съ пьяницами, безумницами, удалыми добрыми молодцами, пьяный сталъ буйствовать по улицамъ, бить, уродовать прохожихъ. Пошли жалобы на молодаго буяна; Новгородцы однако не попытались его взять и наказать; надъ нимъ была другая власть, къ которой и обратился городъ съ жалобою—власть старухи матери: къ ней посадскіе, богатые мужики новгородскіе принесли великую жалобу на буйство сына; она стала журить, бранить Василія; журьба не полюбилась ему, и онъ вздумалъ набрать себѣ дружину такихъ же молодцевъ, чтобъ съ ними буйствовать безнаказанно; онъ кликнулъ кличъ: „кто хочетъ пить и ѣсть готовое, вались къ Васькѣ на широкій дворъ, пей и ѣшь готовое, носи платье разноцвѣтное.“ Охотники нашлись, собралось ихъ двадцать девять человѣкъ. Пришли они въ братчину Никольщину. Василій заплатилъ за каждаго брата по пяти рублей, за себя пятьдесятъ рублей, и церковный староста принялъ ихъ въ братчину; вечеромъ начались потѣхи, которыя лѣтописецъ называетъ отъ бѣса замышленнымъ дѣломъ: стали бороться, а въ иномъ кругу на кулачки биться, и отъ кулачнаго бою дошло до большой драки: нѣмецкіе купцы, въ договорѣ съ Новгородцами, обезопасивали свой дворъ относительно обычной новгородской забавы—драки; не даромъ въ Новгородѣ ходило преданіе, что Перунъ, когда его тащили въ Волховъ черезъ большой мостъ, бросилъ свою палку и сказалъ: „пусть Новгородцы этимъ меня поминаютъ!“ Этою палкою и теперь безумные убиваются, утѣху творятъ бѣсамъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Василій вмѣшался въ драку и кто-то его очень неловко задѣлъ; онъ закричалъ своимъ, что его бьютъ; дружина выскочила, и началась схватка: „скоро они улицу очистили, прибили уже много до смерти, вдвое, втрое перековеркали, руки, ноги переломали. Буслаевичъ, видя, что его взяла, вызываетъ на бой весь Новгородъ, заключаетъ съ жителями его условіе, что если онъ съ дружиною побьетъ Новгородцевъ, то послѣдніе платятъ ему дань по смерть; а если Новгородцы побьютъ его, то онъ обязанъ давать имъ дань. „Началась у нихъ драка-бой великая. Дерутся день до вечера—Буслаевичъ съ дружиною начинаютъ одолѣвать; Новгородцы, видя, что дѣло плохо, обращаются опять съ просьбою и подарками

въ матери Буслаевича, и материнская власть является во всей силѣ: того, кто вызвалъ на бой цѣлый Новгородъ и побѣдилъ, того одна материнская служанка беретъ за бѣлыя руки и тащитъ на дворъ родительскій, гдѣ мать велитъ запереть его въ глубокихъ погребахъ, за желѣзными дверями, за булатными замками. Между тѣмъ, пользуясь отсутствіемъ вождя, Новгородцы одолѣваютъ дружину Буслаевича; побѣжденные, увидя служанку матери Василіевой, шедшую на Волховъ за водою, просятъ ее, чтобъ она не подала ихъ, освободила ихъ предводителя. Служанка исполняетъ просьбу, отпираетъ погребъ, гдѣ сидѣлъ Василій, и тотъ, возвратившись къ своимъ, далъ снова имъ побѣду: „у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ д у м у ш к и прибыло“ и „ужъ мужики (Новгородцы) покорилися, покорилися и помирилися.“

Сложилась и другая пѣсня о томъ же Буслаевѣ, какъ онъ ѣздилъ молиться [223]. Буслаевичъ приходитъ къ матери, какъ вьюнъ около ея увивается, проситъ благословеніе великое идти въ Іерусалимъ градъ со всею дружиною храброю. Мать въ отвѣтъ говоритъ ему любопытныя слова, рѣзко очерчивающія эпоху: „если ты пойдешь на добрыя дѣла, дамъ тебѣ благословеніе великое; если же ты, дитя, на разбой пойдешь, не дамъ благословенія великаго, не носи Василья сыра земля.“ Буслаевичъ поплылъ съ дружиною въ Іерусалимъ, на дорогѣ встрѣчаетъ гостей корабельщиковъ, и на вопросъ ихъ, куда погуливаетъ, отвѣчалъ также очень замѣчательными словами: „Гой еси вы, гости корабельщики! А мое-то вѣдь гулянье неохотное: съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти.“ Василій пріѣзжаетъ въ Іерусалимъ: „пришелъ въ церковь соборную, служилъ обѣдни за здравіе матушки и за себя Василья Буславьевича; и обѣдню съ панихидою служилъ по родимомъ своемъ батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдни съ молебнами про удалыхъ добрыхъ молодцовъ, что съ молоду бито много, граблено.“ Буслаевичу не суждено было возвратиться домой изъ этого путешествія: не вѣруя ни въ сонъ, ни въ чохъ, вѣруя только въ свой червленный вязъ, онъ пренебрегъ предостереженіемъ не скакать вдоль заколдованнаго камня, и убился подъ нимъ. Такимъ образомъ разгульная жизнь новгородской вольницы оставила по себѣ память въ народѣ, и предводитель новгородскихъ ушкуйниковъ является въ произведеніяхъ народной фантазіи среди богатырей Владимірова времени.

Изъ историческихъ лицъ описываемаго времени является дѣйствующимъ въ старинныхъ пѣсняхъ новгородскій сотскій, Ставръ съ женою. Лѣтопись подъ 1118 годомъ говоритъ, что Владиміръ Мономахъ разсердился на новгородскаго сотскаго Ставра, вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ и заточилъ; изъ лѣтописнаго извѣстія можно понять, что Ставръ былъ виноватъ въ томъ же, въ чемъ и другіе заточенные съ нимъ вмѣстѣ бояре новгородскіе, а именно въ грабежѣ какихъ-то двухъ гражданъ; но пѣсня приводитъ другую вину, именно хвастовство Ставра своимъ богатствомъ, предъ которымъ онъ ни во что ставилъ богатство и великолѣпіе великокняжеское: „Что это за крѣпость въ Кіевѣ, у в. князя Владиміра? у меня де, Ставра боярина, широкой дворъ не хуже города Кіева:— а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодубовы, покрыты гридни сѣдымъ бобромъ, потолокъ въ гридняхъ черныхъ соболей, полъ, середа одного серебра, крюки да пробои по булату злачены.“ Здѣсь въ этомъ описаніи убранства Ставрова дома для насъ любопытно то, что всѣ украшенія состоятъ въ дорогихъ металлахъ и дорогихъ мѣхахъ: другаго ничего фантазія разсказчика не могла представить.—Лѣтопись новгородская подъ 1167 годомъ упоминаетъ о Садкѣ Сытиничѣ, который построилъ каменную церковь св. Бориса и Глѣба. Пѣсня знаетъ о богатомъ гостѣ новгородскомъ Садкѣ, который принесши отъ Волги поклонъ брату ея Ильменю, получилъ отъ послѣдняго чудеснымъ образомъ въ подарокъ несмѣтное сокровище, такъ что Садко могъ выкупить всѣ товары въ Новгородѣ: здѣсь вмѣсто удалаго предводителя вольницы видимъ богатаго купца, который, подпивши на братовщинѣ, хвастаетъ не силою своею, но богатствомъ: такимъ образомъ и другая сторона новгородской жизни оставила по себѣ память въ произведеніяхъ народной фантазіи. Сходство пѣсеннаго Садка съ лѣтописнымъ заключается въ томъ, что и въ пѣсни богатый гость охотникъ строитъ церкви. Благочестіе Садки не осталось безъ награды: другая пѣсня говоритъ, какъ Садко, находясь во власти морскаго царя, спасся отъ бѣды совѣтами св. Николая. Изъ книжниковъ, сочиненія которыхъ неизвѣстны, упоминается въ лѣтописи подъ 1295 годомъ, въ Галичѣ, Тимоѳей премудрый книжникъ, родомъ изъ Кіева; этотъ Тимоѳей притчами говорилъ противъ мучителя Галичанъ, венгерскаго воеводы Бенедикта „яко въ послѣдняя времена тремя имены наречется антихристъ.“

Но если память о важныхъ событіяхъ и лицахъ знаменитыхъ, выдавшихся почему бы то ни было изъ среды современниковъ, сохраняется въ народѣ и передается изъ вѣка въ вѣкъ въ украшенныхъ повѣствованіяхъ; если при условіи грамотности являются люди, которые въ украшенной рѣчи передаютъ письму извѣстія о какомъ-нибудь важномъ событіи, не позволяя себѣ никакихъ уклоненій, замышленій поэтическихъ, невозможныхъ уже по самой близости событія всѣмъ извѣстнаго, при чемъ очевидно желаніе высказать господствующую мысль, господствующую потребность времени, какова была въ описываемую эпоху, потребность прекращенія княжескихъ усобицъ, княжескаго непособія другъ другу, потребность, столь ясно высказавшаяся въ словѣ о Полку Игореву; если народу, въ самомъ младенческомъ состояніи, врождено стремленіе знать свое прошедшее, объяснить себѣ, какъ произошло то общество, въ которомъ онъ живетъ; если религіозное уваженіе къ отцамъ требуетъ сохраненія памяти объ нихъ; если это врожденное человѣку уваженіе заставляетъ находить въ преданіяхъ старины живое поученіе; если всѣ народы съ величайшимъ наслажденіемъ прислушиваются къ сказаніямъ о дѣлахъ предковъ; если эти сказанія, при отсутствіи грамотности, передаются устно, а при зачаткахъ грамотности первыя записываются; если таковъ общій законъ жизни народовъ,—то нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ жизнь русскаго народа было иначе, и отодвигать появленіе лѣтописей какъ можно далѣе отъ времени появленія христіанства съ грамотностію, тѣмъ болѣе, что съ Византіею были частыя, непосредственныя связи; Византія служила образцомъ во всемъ относящемся къ гражданственности, и Византія представила образецъ лѣтописей, съ которыми можно было познакомиться даже и въ славянскихъ переводахъ.

Сказавши, что Византія служила образцомъ во всемъ, относящемся къ письменности, мы уже рѣшили вопросъ относительно формы, въ какой должны были явиться у насъ первые памятники собственно историческаго содержанія: они должны были явиться въ видѣ лѣтописи (хроники, анналовъ), погоднаго записыванія извѣстій о событіяхъ, безъ всякой собственно исторической, научной связи между ними. Выраженія: сухое, краткое записываніе, никакъ не могутъ идти въ общихъ признакахъ для опредѣленія лѣтописи: лѣтописныя извѣстія отличаются сухостію и украшенностію, краткостію и обиліемъ, вслѣдствіе различныхъ условій — мѣстныхъ, личныхъ,

случайныхъ и постоянныхъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Теперь же слѣдуетъ вопросъ: кто у насъ на Руси долженъ былъ первоначально заняться записываніемъ событій, составленіемъ лѣтописей? Мы видѣли, что если между князьями, а вѣроятно и въ дружинѣ ихъ, были охотники собирать и читать книги, то это были только охотники, тогда какъ на Руси существовало сословіе, котораго грамотность была обязанностію, и которое очень хорошо сознавало эту обязанность, сословіе духовное. Только лица изъ этого сословія имѣли въ то время досугъ и всѣ средства заняться лѣтописнымъ дѣломъ; говоримъ: всѣ средства, потому что при тогдашнемъ положеніи духовныхъ, особенно монаховъ, они имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и пріобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи, испросить благословенія на него, въ монастырь прежде всего являлся съ вѣстію объ окончаніи предпріятія; духовныя лица отправлялись обыкновенно послами, слѣд. имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ; имѣемъ право думать, что духовныя лица отправлялись послами, участвовали въ заключеніи договоровъ сколько изъ уваженія къ ихъ достоинству, могущаго отвратить отъ нихъ опасность, сколько вслѣдствіе большаго умѣнья ихъ убѣждать словами писанія и большей власти въ этомъ дѣлѣ, столько же и вслѣдствіе грамотности, умѣнья написать договоръ, знанія обычныхъ формъ: иначе для чего бы смоленскій князь поручилъ священнику Іереміи заключеніе договора съ Ригою? Должно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства; прибавимъ наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска, и будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщить вѣрнѣйшія извѣстія, чѣмъ самые ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ. Изъ одного уже соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы имѣли бы полное право заключить, что первыя лѣтописи наши вышли изъ рукъ духовныхъ лицъ, а если еще въ самой лѣтописи мы видимъ ясныя доказательства тому, что она составлена въ монастырѣ, то обязаны успокоиться на этомъ, и не искать другаго

какого-нибудь мѣста и другихъ лицъ для составленія первоначальной, краткой лѣтописи, первоначальныхъ, краткихъ записокъ [230].

Зная что дошедшая до насъ первоначальная лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства, мы должны теперь обратиться къ вопросу: въ какомъ видѣ дошла до насъ эта лѣтопись?

Лѣтопись дошла до насъ во множествѣ списковъ, изъ которыхъ самый древній не ранѣе XIV века; изъ всѣхъ этихъ списковъ нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не было замѣтно явныхъ вставокъ, слѣдовательно всѣ списки лѣтописей, древніе и позднѣйшіе, представляются намъ въ видѣ сборниковъ. При разсматриваніи этихъ списковъ мы замѣчаемъ, что въ нихъ начальная лѣтопись о русской землѣ, сохраняя явственно одну общую основу, разнится не только по языку, что легко объясняется временемъ составленія того или другаго списка или сборника, но также разнится въ подробностяхъ событій, и въ однихъ спискахъ недостаетъ подъ извѣстными годами такихъ событій, какія находимъ въ другихъ. Отсюда раждается первый, главный для историка вопросъ: какъ пользоваться этими подробностями, этими лишними извѣстіями, которыя находятся въ однихъ, преимущественно позднѣйшихъ сборникахъ, и недостаютъ въ другихъ. Критика историческая прошедшаго столѣтія рѣшила этотъ вопросъ такъ, что должно пользоваться только извѣстіями, находящимися въ древнихъ спискахъ, и считать прибавочныя извѣстія позднихъ сборниковъ за позднѣйшія сочиненія, вымыслы. Но въ наше время, при возмужалости исторической критики, такимъ приговоромъ удовольствоваться нельзя. Одно обстоятельство поздняго составленія сборника не можетъ въ глазахъ историка заподозрить вѣрности извѣстій, въ немъ содержащихся, потому что составитель позднѣйшаго сборника, напримѣръ XVII-го вѣка, могъ пользоваться списками древнѣйшими, для насъ потерянными; слѣдовательно всякое новое извѣстіе, находящееся въ позднѣйшихъ сборникахъ, должно быть подвергаемо критикѣ само по себѣ, безъ отношенія къ позднему составленію. Обычныя старинныя выраженія, что составитель позднѣйшаго, наприм., Никоновскаго сборника выдумалъ то или другое извѣстіе, не находящееся въ древнихъ харатейныхъ спискахъ, не имѣетъ для насъ теперь никакого значенія: можно заподозрить грамоту или извѣстіе какое-нибудь, если онѣ говорятъ въ пользу лица, или сословія, имѣющаго близкое отношеніе къ составителю сборника, но и тогда только, когда эта грамота или

извѣстія будутъ заключать въ себѣ другіе подозрительные признаки; легко замѣтить извѣстіе, носящее на себѣ слѣды народной фантазіи, и занесенное простодушнымъ составителемъ лѣтописи въ рядъ событій достовѣрныхъ: за это впрочемъ историкъ долженъ быть только благодаренъ составителю сборника, а не упрекать его самого въ выдумкѣ; никто не обязываетъ вѣрить догадкѣ стариннаго грамотѣя, который старается объяснить названія извѣстныхъ мѣстностей и для этого придумываетъ рядъ небывалыхъ лицъ и событій. Но никто не имѣетъ права сказать, чтобы составитель позднѣйшаго лѣтописнаго сборника выдумалъ событіе, случившееся за много вѣковъ назадъ, событіе, не имѣющее ни съ чѣмъ связи, событіе, ничего необъясняющее, напримѣръ, что въ XI-мъ вѣкѣ, въ такомъ-то году, приходили Печенѣги на русскую землю, что Аскольдъ и Диръ ходили на Болгаръ, что въ такомъ-то году крестился ханъ печенѣжскій, что въ такомъ-то году поймали разбойника; подозрительность относительно подобныхъ извѣстій будетъ служить не въ пользу критика. Но освобожденіе отъ предразсудка относительно извѣстій позднѣйшихъ списковъ, которыхъ нѣтъ въ древнѣйшихъ, значительно измѣняетъ взглядъ нашъ на лѣтопись. Разсматривая начальную нашу лѣтопись, какъ по древнимъ спискамъ, такъ и позднѣйшимъ, болѣе полнымъ, мы прежде всего должны различать извѣстія кіевскія и новгородскія, ибо единовременно съ начальною южною или кіевскою лѣтописью мы должны положить и начальную сѣверную, новгородскую; извѣстія обѣихъ соединены въ позднѣйшихъ спискахъ, каковы такъ-называемый софійскій, никоновскій и другіе.

Такъ, напримѣръ, кіевская начальная лѣтопись не знаетъ, какую брали дань Варяги съ сѣверныхъ племенъ; составитель софійскаго списка, пользовавшійся начальною новгородскою лѣтописью, знаетъ: „отъ мужа по бѣлѣ веверицѣ“. Счетъ годовъ въ Никоновскомъ спискѣ, оканчивающійся Владиміромъ Ярославичемъ, обличаетъ новгородское составленіе; извѣстіе о Вадимѣ также.—Южный начальный лѣтописецъ не знаетъ, гдѣ были посажены двое сыновей Владиміровыхъ—Станиславъ и Судиславъ; новгородскій знаетъ: Станиславъ въ Смоленскѣ, Судиславъ во Псковѣ. Подъ 991 годомъ явственна вставка новгородскаго преданія о Перунѣ: „Крестився Володимеръ, и взя у Фотія патріарха у Царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона, а Новугороду архіепискупа Якима Корсунянина... и пріиде въ Новугороду архіепискупъ Акимъ, и требище разори, и Перуна посѣче и

повелѣ въврещи въ Волховъ, и повязавше ужи, влечахуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе, и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ; и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловя сквозѣ великій мостъ, верже палицю свою и рече: на семъ мя поминають новгородскіе дѣти, ею же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же переяти его: иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыта еси ѣлъ и пилъ, а нынича поплови прочь; плы изъ свѣта некощное."—Подъ 1034 годомъ въ Софійскомъ и Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ явственно новгородское извѣстіе: „Великій князь Ярославъ иде въ Новгородъ, и посади сына своего Володимера въ Новѣгородѣ, и епископа Жиряту; и людямъ написа грамоту, рекъ: „по сей грамотѣ дадите дань". Бяша же хромоногъ, но умомъ свершенъ и храборъ на рати, и христіанъ, чтяше самъ книги." Извѣстіе о походѣ Улѣба на Желѣзныя Ворота, встрѣчающееся въ позднѣйшихъ спискахъ, есть извѣстіе чисто новгородское, и потому его нѣтъ въ кіевской лѣтописи, равно какъ извѣстіе объ епископѣ Лукѣ Жидятѣ и проч. Когда написана первоначальная новгородская лѣтопись—на это есть указаніе; въ Софійскомъ спискѣ и въ нѣкоторыхъ спискахъ собственно новгородской лѣтописи подъ 1030 г. встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: „Того же лѣта преставися архіепискупъ ноугородскый Акимъ: бяше ученикъ его Ефремъ, же ны учааше." На основаніи этого извѣстія мы имѣемъ полное право отнести составленіе новгородской начальной лѣтописи къ XI вѣку. Такимъ образомъ объясняется часть дополненій, внесенныхъ въ начальную кіевскую лѣтопись составителями позднихъ списковъ: эти дополненія взяты изъ лѣтописи новгородской. Но въ позднѣйшихъ спискахъ мы встрѣчаемъ такія дополненія, которыя никакъ не могли быть заимствованы изъ сѣверной, новгородской лѣтописи, ибо содержатъ въ себѣ извѣстія о событіяхъ южныхъ, кіевскихъ. Такъ напр. въ началѣ Игорева княженія слѣдующее мѣсто: „И бѣ у него воевода, именемъ Свентелдъ, и премучи Углеци, и възложи на нихъ дань Игорь и вдасть Свентелду, и не вдадяшатся единъ градъ, именемъ Пересѣченъ, и сѣдѣ около его три лѣта, и едва взя и. И бѣша сѣдяще Углици по Днепру внизъ, и по семъ прійдоша межи во Днѣстръ, и сѣдоша тамо. И дасть же и дань Деревскую Свентелду,

имаше же по черпѣ купѣ отъ дыма, и рѣша дружина Игорева: „се далъ еси единому мужу много“ [231]. Не могли быть взяты изъ новгородской лѣтописи дополнительныя извѣстія о печенѣжскихъ набѣгахъ, находящіяся въ Никоновскомъ спискѣ подъ 990, 991, 1001 годами, извѣстія краткія, не имѣющія никакого значенія для позднѣйшаго лѣтописца; также извѣстія о крещеніи болгарскихъ и печенѣжскихъ князей, о смерти печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками [232]. Такимъ образомъ должно заключить, что начальная лѣтопись, сохранившаяся въ древнихъ спискахъ, есть сокращенная сравнительно съ тою, которая сохранилась въ позднѣйшихъ.

Сдѣлавши эти предварительныя заключенія, обратимся къ разсмотрѣнію начальной лѣтописи. Съ первыхъ строкъ ея виденъ уже источникъ и образецъ—лѣтопись византійская: русскій лѣтописецъ начинаетъ свою повѣсть точно также, какъ и лѣтописецъ византійскій, исчисленіемъ странъ, которыя достались потомству троихъ сыновей Ноевыхъ; это исчисленіе взято изъ греческаго лѣтописца, Георгія Амартола; но русскій лѣтописецъ вставилъ въ него: подлѣ Илиріи (Илюрикъ) С л о в е н е, и потомъ въ концѣ исчисленіе сѣверныхъ рѣкъ и народовъ, при чемъ карпатскія горы называются кавкасійскими или угорскими. Включивши въ число семидесяти двухъ народовъ и народъ славянскій, отъ племени Афетова, лѣтописецъ указываетъ первоначальное жилище Славянъ на Дунаѣ, и потомъ выселеніе ихъ на сѣверъ и сѣверовостокъ, сперва добровольное, потомъ вынужденное притѣсненіями враговъ, Волховъ; для опредѣленія этихъ Волховъ, по понятіямъ лѣтописца, можно пользоваться другимъ мѣстомъ лѣтописи, гдѣ говорится о нашествіи Венгровъ на Дунайскія страны: „Пришедъ отъ востока (Угры) и устремишася черезъ горы великія и почаша воевати на живущая ту Волхи и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волъхве пріяша землю словѣньску; посемъ же Угри прогнаша Волъхи, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я подъ ся.“ Итакъ Венгры застали Волховъ вмѣстѣ съ Славянами. Въ разсказѣ о поселеніи славянскихъ племенъ въ нынѣшней Россіи, ихъ бытѣ и судьбѣ, тотчасъ видно, что составитель лѣтописи житель Кіева, принадлежитъ къ племени Полянъ; это племя на первомъ мѣстѣ, имъ особенно занимается лѣтописецъ, объ немъ больше всего знаетъ, его нравственность превозноситъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ племенамъ. Лѣтописецъ знаетъ, что, въ отдаленныя времена, когда еще

Поляне жили особо, отдѣльными родами по горамъ кіевскимъ [233], уже шелъ путь изъ Скандинавіи въ Грецію, по Днѣпру и сѣвернымъ рѣкамъ озерной области; на первыхъ страницахъ лѣтописи уже дается уразумѣть значеніе географическаго положенія Европейской Россіи, значеніе водныхъ путей. Послѣ извѣстія о морѣ Понтскомъ или Русскомъ, въ лѣтопись вставлено сказаніе о путешествіи апостола Андрея на сѣверъ до Новгорода; понятно, что сказаніе это могло явиться только во времена христіанскія, когда узнали, что апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ Скиѳіи; вставка начинается словами: „яко же рѣша“ [234].

За вставкою о путешествіи апостола Андрея слѣдуетъ разсказъ о построеніи города Кіева. Во время лѣтописца составилось уже обычное объясненіе мѣстныхъ названій именами лицъ, будто бы тутъ жившихъ, явились братья Кій, Щекъ, Хоривъ съ сестрою Лыбедью для объясненія названій Кіева, горъ Щековицы и Хоревицы и рѣчки Лыбеди. Лѣтописецъ сообщаетъ намъ два преданія о Кіѣ: одно мы должны назвать собственно толкованіемъ; были во времена лѣтописца люди, которые, основываясь на выраженіи: „Кіевъ перевозъ“, толковали, что Кій было имя перевозчика; лѣтописецъ отвергаетъ это сухое толкованіе; онъ принимаетъ преданіе о Кіѣ-князѣ, который ходилъ въ Царьградъ, принялъ большую честь отъ царя, и на возвратномъ пути основалъ на Дунаѣ маленькій городокъ Кіевецъ. Но здѣсь для насъ очень важно выраженіе лѣтописца: „якоже сказаютъ“. Здѣсь видѣнъ источникъ, которымъ пользовался лѣтописецъ—это народныя сказанія. Принимая преданіе о Кіѣ-князѣ, лѣтописецъ и роду его, потомству всѣхъ братьевъ, приписываетъ княженье между Полянами: „и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ“; потомъ, чтобъ показать особность всѣхъ остальныхъ племенъ, прибавляетъ: „въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое“ и т. д.; — т.-е. въ Деревахъ, у Древлянъ свое, независимое княженье, а Дреговичи держатъ свое. Но мы знаемъ, какъ лѣтописецъ вывелъ заключеніе о важномъ владѣльческомъ значеніи Кія и его рода; источники его относительно дреговическихъ и древлянскихъ княженій еще болѣе скудны, и въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго читаемъ: „а Деревляне собѣ, а Дрягвичи собѣ жить (начаша), а Словяне собѣ Новгородци, а Полочане такожъ безъ князей“ и проч.

Сказавши о разселеніи племенъ славянскихъ, о народахъ чужихъ, которые въ его время платили дань Руси, лѣтописецъ сообщаетъ извѣстія о нашествіи разныхъ степныхъ народовъ съ востока на Славянъ —единственныя событія въ жизни послѣднихъ; здѣсь источниками служатъ для него отчасти греческія лѣтописи, отчасти туземныя, славянскія преданія и пословицы. Такъ изъ византійскихъ источниковъ онъ знаетъ, что Угры Бѣлые явились при царѣ Иракліи и ходили на Хозроя царя персидскаго; изъ славянскихъ преданій знаетъ онъ о притѣсненіяхъ, которымъ дулѣбскія женщины подвергались отъ аваровъ; изъ пословицы: погибоша аки Обры, заключаетъ о гибели этого народа безъ племени и наслѣдка.—Потомъ лѣтописецъ переходитъ къ описанію нравовъ и обычаевъ племенъ славянскихъ. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, разумѣется, онъ могъ получить изъ разныхъ преданій и пѣсенъ; но онъ самъ указываетъ на другой, вѣрный источникъ: старинные нравы и обычаи племенъ, сохранившіеся въ его время: „это дѣлаютъ Вятичи и нынѣ", прибавляетъ онъ, говоря о древнихъ языческихъ похоронныхъ обрядахъ; должно замѣтить и здѣсь, что о сѣверныхъ, отдаленныхъ племенахъ лѣтописецъ знаетъ мало, говоритъ неопредѣленно, вообще: „си же творяху обычаи Кривичи, прочіи погании". Подлѣ описанія славянскихъ нравовъ и обычаевъ вставлено описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ изъ греческой хроники Георгія (Амартола) Извѣстія о дорюриковскомъ бытѣ восточныхъ Славянъ оканчиваются извѣстіемъ о притѣсненіяхъ, которымъ подвергались Поляне отъ Древлянъ и другихъ окрестныхъ племенъ, и потомъ извѣстіемъ о нашествіи Козаръ, которые принудили Полянъ платить себѣ дань; здѣсь вставлено сказаніе о дани по мечу съ дыма, сказаніе очевидно позднѣйшее, сочиненное уже въ то время, когда Козары пали подъ ударами русскихъ князей: „Нашли Козары Полянъ, сидящихъ по этимъ горамъ въ лѣсахъ, и сказали Козары: платите намъ дань; Поляне, подумавши, дали по мечю отъ дыма: понесли эту дань Козары къ князю своему и старѣйшинамъ, и сказали имъ: вотъ мы нашли дань новую.— Тѣ спросили ихъ: откуда вы это взяли? Въ лѣсу, на горахъ надъ рѣкою Днѣпровскою, отвѣчали они. Старцы козарскіе сказали тогда: не добра эта дань, князь! мы доискались ея оружіемъ, которое остро только съ одной стороны, саблями, а у этихъ оружіе обоюду острое, мечъ; будутъ они брать дань на насъ и на другихъ

странахъ“. Такъ и случилось, прибавляетъ лѣтописецъ: владѣютъ Козарами Русскіе и до сего времени.

Вотъ все, что находимъ въ лѣтописи о дорюриковскомъ времени: картина, повидимому, очень скудная въ подробностяхъ; но мы не имѣемъ никакого права предполагать, что лѣтописецъ утаилъ отъ насъ что-нибудь, что онъ зналъ больше, чѣмъ сколько записалъ, слѣдовательно и въ самой дѣйствительности историкъ не долженъ искать ничего больше; и въ самомъ дѣлѣ какихъ еще нужно болѣе подробностей? живетъ каждый особо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, владѣетъ родомъ своимъ; когда изгоняются завоеватели, то родъ встаетъ на родъ, и начинаются усобицы; лѣтописецъ упоминаетъ о городахъ; но тутъ же и даетъ знать, какъ мы должны представлять себѣ эти города, ихъ отношенія между собою и къ остальному народонаселенію: жители ихъ пашутъ землю, присутствіе городовъ не мѣшаетъ людямъ жить въ лѣсу подобно звѣрямъ, убивать другъ друга, похищать дѣвицъ; вотъ весь бытъ, и что еще сказать объ немъ кромѣ того, что сказано у лѣтописца? Разсказъ его ясенъ и полонъ. Племена воюютъ другъ съ другомъ, сильнѣйшія обижаютъ слабѣйшихъ; но что представляютъ подробности этихъ усобицъ, и можно ли надѣяться найти ихъ въ лѣтописи? Но лѣтописецъ записалъ преданія о движеніяхъ варварскихъ народовъ изъ Азіи, о внезапномъ исчезновеніи, смѣнѣ одного другимъ, притѣсненіяхъ, которымъ подвергались отъ нихъ племена осѣдлыя, но слабыя по причинѣ разъединенія своего: таковы главныя явленія въ жизни племенъ, населявшихъ искони великую восточную равнину Европы, лѣтописецъ русскій продолжаетъ въ этомъ отношеніи историковъ древности. Перечислены племена по свѣжимъ слѣдамъ, какъ они сохранились во времена лѣтописца; наконецъ записано сказаніе о происхожденіи города, главнаго города всей русской земли, сказаніе, составившееся по общему закону, чрезъ объясненіе мѣстныхъ названій именами лицъ.

Послѣ сказанія о козарской дани начинается собственная лѣтопись, т.-е. погодное записываніе событій. Съ какого же времени лѣтописецъ начинаетъ свою лѣтопись? Онъ начинаетъ ее съ 852 г. по Р. Х.: „Съ царствованія Михаила, императора греческаго, является впервые названіе русской земли: объ этомъ мы узнали, продолжаетъ лѣтописецъ потому, что при царѣ Михаилѣ приходили

Русскіе на Царьградъ, какъ пишется въ лѣтописцѣ греческомъ; по этому-то отсюда начнемъ и числа положимъ".

По образцу греческаго лѣтописца, и нашъ начинаетъ перечисленіе: отъ Адама до потопа столько-то лѣтъ; отъ потопа до Авраама столько-то, и т. д., доходитъ до царя Михаила, и отъ него переходитъ къ Русской Исторіи: „отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, русскаго князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31: а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣти 8; а Володимеръ лѣтъ 37; а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъ же отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85; а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60". Любопытно мѣсто Никоновскаго списка, гдѣ время призванія князей означено такъ: „При Михаилѣ и Василіѣ царема и при Фотіи патріарсѣ придоша Словене" и проч. Потомъ важно окончаніе смертію Святополка Изяславича—знакъ, что лѣтопись составлена во время между смертію Святополка и смертію преемника его. Владиміра Мономаха.

Послѣ означеннаго исчисленія слѣдуетъ подъ 858 годомъ извѣстіе изъ греческой, или болгарской лѣтописи о крещеніи Болгаръ; подъ слѣдующимъ 859 годомъ извѣстіе: „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чуди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма". Любопытное выраженіе: „и м а х у" вмѣсто: „пріидоша Варязи" и тому подоби. По прошествіи двухъ лѣтъ полныхъ отъ извѣстія о дани помѣщено извѣстіе объ изгнаніи Варяговъ и призваніи князей; по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ призванія умираютъ Рюриковы братья, по прошествіи двухъ лѣтъ по смерти Рюрика Олегъ оставляетъ Новгородъ. Здѣсь очень любопытенъ также сплошной разсказъ подъ однимъ 862 годомъ о призваніи Рюрика, о смерти его младшихъ братьевъ, о раздачѣ городовъ, объ отпускѣ Аскольда и Дира на югъ.

Вездѣ здѣсь явственны слѣды того, что извѣстія о пришествіи князей и утвержденіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной разсказъ безъ годовъ, которые внесены послѣ; насильственный разрывъ разсказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ въ извѣстіи о походѣ Аскольда и Дира на Грековъ: „Рюрику же кня-

жащу въ Новгородѣ— въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374—иде Аскольдъ и Диръ на Греки“ и проч.

Къ этому первоначальному сказанію вмѣстѣ съ предисловіемъ о дорюриковскомъ времени и можетъ только относиться заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть.“

Начальный кіевскій лѣтописецъ почти ничего не знаетъ о подробностяхъ призванія, о событіяхъ княженія Рюрикова: преданія о Гостомыслѣ и Вадимѣ внесены въ позднѣйшіе списки изъ начальной новгородской. Извѣстіе о походѣ Олега на югъ и утвержденіи въ Кіевъ очевидно взято изъ устныхъ преданій, въ которыхъ Олегъ являлся первымъ собирателемъ племенъ, первымъ учредителемъ наряда; къ его времени относились всѣ древніе уставы, наприм., дань Новгородская. События раздѣлены по годамъ: на каждый годъ по походу на одно изъ племенъ; потомъ извѣстія о дѣятельности Олеговой прекращаются въ продолженіе 17 лѣтъ; подъ 903 годомъ помѣщено извѣстіе о бракѣ Игоря на Ольгѣ: замѣтимъ, что лѣтописцу нужно было помѣстить это извѣстіе позднѣе по соображеніямъ съ малолѣтствомъ Святослава при смерти отцовой. Подъ 907 годомъ помѣщено извѣстіе о походѣ Олега на Грековъ. Извѣстный характеръ разсказа о походѣ Олеговомъ ясно указываетъ на источникъ—устныя народныя сказанія, причемъ въ лѣтописи нельзя не замѣтить явную сшивку двухъ извѣстій: она обличается повтореніемъ одного и того же извѣстія о дани сперва по 12 гривенъ на человѣка, а потомъ по 12 гривенъ на ключъ.

Подъ 911 годомъ помѣщено извѣстіе о кометѣ, взятое очевидно изъ греческой или болгарской лѣтописи; подъ 912 годомъ договоръ съ Греками. Неоспоримыя свидѣтельства греческихъ источниковъ о договорахъ, заключаемыхъ Имперіею съ разными варварскими народами, свидѣтельства о договорахъ, именно заключенныхъ съ Русью, соотвѣтствіе послѣднихъ договоровъ договорамъ, заключеннымъ съ другими народами, необходимость, какую чувствовало греческое правительство урядиться съ русскимъ княземъ относительно того, какъ поступать въ случаяхъ столкновенія Русскихъ съ подданными Имперіи въ Константинополѣ, случаяхъ, немогшихъ быть рѣдкими, полное соотвѣтствіе содержанія договоровъ обстоятельствамъ времени, наконецъ языкъ, во многихъ мѣстахъ темный, показывающій ясные слѣды перевода съ греческаго не оставляютъ никакого сомнѣнія въ

подлинности договоровъ — Олегова, Игорева, Святославова [2]. По всѣмъ вѣроятностямъ до лѣтописца дошелъ переводъ, современный подлиннику; переводъ этотъ долженъ былъ храниться въ Кіевѣ у князей, и храниться тщательно, потому что торговыя сношенія Русскихъ съ Византіею были предметомъ первой важности для Руси и князей, а нѣтъ сомнѣнія, что и въ послѣдствіи поступали съ Русскими въ Константинополѣ на основаніи древнихъ договоровъ: странно думать, что Норманы вообще заботились мало о сохраненіи и исполненіи договоровъ. норманскіе пираты, быть можетъ, мало заботились объ этомъ, но уже показано было прежде, что русскіе князья не могли оставаться норманскими пиратами, и гдѣ доказательство, что они мало заботились объ ихъ исполненіи и сохраненіи? Послѣ заключенія Олегова договора Игорь пошелъ на Грековъ: но гдѣ доказательства, что онъ пошелъ не вынужденный нарушеніемъ договора со стороны Грековъ? Когда послѣдніе объявили ему, что будутъ платить сколько же, сколько платили Олегу, то онъ заключилъ съ ними миръ; имѣемъ право думать, что походъ былъ именно и предпринятъ для того, чтобъ возстановить прежнія отношенія. Святославъ завоевалъ Болгарію по договору съ Греками же, и потомъ велъ противъ нихъ войну оборонительную; походъ Владиміра тѣсно связанъ въ лѣтописи съ намѣреніемъ принять христіанство; Ярославъ послалъ сына на Грековъ именно потому, что въ Константинополѣ обидѣли русскихъ купцовъ, слѣдовательно не выполнили договора. Надобно замѣтить, что у насъ вообще походы древнихъ русскихъ князей на Византію представляются чѣмъ то безпрерывнымъ, обычнымъ, тогда какъ всѣхъ ихъ было только шесть.

Записавъ преданіе о смерти Олеговой, лѣтописецъ вставляетъ извѣстія о волхвахъ, являвшихся у другихъ народовъ; вставка понятная по тому интересу, который возбуждали волхвы между современниками лѣтописца. Долговременное княженіе Игоря, отъ котораго дошло очень мало преданій, пополняется извѣстіями изъ греческой и болгарской лѣтописи. Извѣстіе о первомъ походѣ Игоревѣ на Грековъ взято изъ тѣхъ же источниковъ, извѣстіе о второмъ изъ туземныхъ преданій; изъ нихъ же взято оправданіе въ неудачѣ перваго похода; очевиденъ тотъ же самый источникъ въ извѣстіяхъ о смерти Игоря, о мести Ольги, о ея распоряженіяхъ, о крещеніи, которое описано исключительно по туземнымъ преданіямъ безъ всякаго соображенія съ греческими источниками: это

доказываетъ имя императора, при которомъ крестилась Ольга, Цимискій, и годъ событія. Еще въ княженіе Игоря, 943 годомъ оканчиваются выписки изъ греческой или болгарской лѣтописи о тамошнихъ событіяхъ, и съ этихъ поръ очевидно исключительное пользованіе туземными устными преданіями. Уже выше было замѣчено, когда должно было окончательно образоваться преданіе о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ при Владимірѣ; здѣсь замѣтимъ любопытное показаніе: во времена лѣтописца жили люди, которые помнили крещеніе земли русской; несмотря на то, во времена же лѣтописца уже существовали различныя противорѣчивыя преданія объ этомъ событіи, о мѣстѣ крещенія Владимірова; утверждая, что Владиміръ, крестился въ Корсуни, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же не свѣдуще право глаголютъ, яко крестился есть въ Кіевѣ; иніи же рѣша Василиви; друзіи же инако скажутъ;“ такъ въ одномъ дошедшемъ до насъ житіи Владиміра сказано, что этотъ князь предпринималъ походъ на Корсунь, на третій годъ по принятіи крещенія. Замѣтимъ явную ошибку въ началѣ княженія Святополкова: тотчасъ послѣ извѣстія о смерти Владиміровой, послѣ заглавія: о у б і е н і и Б о р и с о в ѣ, читаемъ: Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отцѣ своемъ, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье,“—а послѣ извѣстія о смерти Святослава Древлянскаго, читаемъ опять: „Святополкъ же оканный нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другымъ кунами, и раздая множество.“ Очевидно, что объ убіеніи св. Бориса и Глѣба вставлено особое сказаніе въ лѣтопись: это доказываетъ особое заглавіе; замѣтимъ, что вслѣдствіе сильнѣйшаго развитія церковной литературы, въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи мы встрѣчаемъ распространенныя сказанія не только объ убіеніи св. Бориса и Глѣба, но также и о страданіи первомучениковъ русскихъ, Варяговъ, Θеодора и Іоанна. Въ разныхъ сказаніяхъ о св. Борисѣ и Глѣбѣ замѣчаются разногласія: такъ въ сказаніи, вставленномъ въ лѣтопись, читается, что св. Глѣбъ ѣхалъ изъ Мурома, полагая, что умирающій отецъ зоветъ его къ себѣ, а въ другихъ сказаніяхъ говорится, что Глѣбъ, во время кончины св. Владиміра, находился въ Кіевѣ, а не въ Муромѣ, и узнавъ, что Святополкъ послалъ убійцъ на Бориса, отправился тайно вверхъ по Днѣпру, но былъ настигнутъ убійцами подъ Смоленскомъ. Противъ перваго извѣстія приводятъ, что въ 43 дня, протекшіе между убіеніемъ Бориса 24-го іюля и Глѣба 5-го сентября не могли умѣститься всѣ

событія, разсказанныя въ томъ извѣстіи. что гонецъ, посланный отъ Святополка въ Муромъ, не могъ возвратиться къ своему князю съ вѣстію, что Глѣбъ отправился ранѣе первыхъ чиселъ сентабря, и если Святополкъ, по этой вѣсти, отправилъ убійцъ вверхъ по Днѣпру, то какъ они успѣли проплыть въ три или четыре дня около 650 верстъ [250]? Но, вопервыхъ, изъ сказанія вовсе не видно, чтобъ Святополкъ послалъ убійцъ тогда только, когда получилъ вѣсть, что Глѣбъ отправился; въ ожиданіи, что Глѣбъ отправится по извѣстному пути, онъ могъ послать убійцъ гораздо прежде. Вовторыхъ, въ сказаніи нѣтъ никакихъ хронологическихъ указаній. Замѣтимъ также, что въ сказаніи, помѣщенномъ въ лѣтописи, нѣтъ никакихъ противорѣчій, нѣтъ словъ Борисовыхъ „поне узрю лице брата моего меньшаго Глѣба, якоже Іосифъ Веніамина.“ Во всякомъ случаѣ видно, что и о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Владиміра, ходили такія же разнорѣчивыя преданія, какъ и о событіяхъ, сопровождавшихъ крещеніе Руси. Съ другой стороны замѣтимъ, что въ извѣстіяхъ о первыхъ событіяхъ княженія Ярославова можно видѣть спивки извѣстій изъ начальной кіевской лѣтописи съ извѣстіями изъ начальной новгородской, такъ что мѣсто, начинающееся послѣ словъ: „обладающе ими,“ и оканчивающееся словами: „И поиде на Святополъка; слышавъ же Святополкъ идуще Ярослава, пристрои безъ числа вои, Руси и Печенѣгъ, и изыде противу Любчю, онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю“—можно считать вставкою изъ новгородской лѣтописи: вопервыхъ потому, что это мѣсто содержитъ извѣстіе собственно о новгородскомъ событіи; вовторыхъ потому, что въ разсказѣ подъ слѣдующимъ годомъ опять повторяется: „Приде Ярославъ, и с т а ш а п р о т и в у о б а п о л ъ Д н ѣ п р а.“

Между извѣстіями о княженіи Ярослава, подъ 1051 годомъ, въ разсказѣ о началѣ Кіевскаго монастыря, встрѣчаемъ первое указаніе на автора извѣстій, на время его жизни: „Ѳеодосьеви же живущю въ монастыри, и правящю добродѣтельное житье и черечьское правило, и пріимающю всякого приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего. Се же написахъ и положихъ. въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зоветься Печерьскій: а о Ѳеодосовѣ житьи пакы скажемъ.“ Подъ 1064 годомъ встрѣчаемъ новое указаніе, что съ XI-го вѣка извѣстія записаны оче-

видцемъ событій, тогда какъ прежде повсюду встрѣчаемъ явственные слѣды устныхъ преданій [247]. Разсказывая между прочими дурными предвѣщаніями, что рыбаки вытащили изъ рѣки Сѣтомли урода, лѣтописецъ прибавляетъ: „его же позоровахомъ до вечера."—Такимъ образомъ во второй половинѣ XI-го вѣка открываемъ мы слѣды автора извѣстій начальной кіевской лѣтописи, какъ въ томъ же вѣкѣ, но ранѣе открыли слѣдъ составителя начальной новгородской лѣтописи.

Съ этихъ поръ, какъ ясно обозначился очевидецъ при записываніи событій, встрѣчаемъ и числовыя показанія событій, напр. подъ 1060 годомъ: „Придоша Половци первое на русскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу ихъ, мѣсяца февраля въ 2 день." Этого прежде мы не встрѣчаемъ при описаніи самыхъ важныхъ событій, кромѣ дня кончинъ княжескихъ, и то начиная съ христіанскаго времени. Что съ этихъ поръ лѣтописецъ есть очевидецъ или современникъ событій, доказывается подробностями, которыя легко отличить отъ подробностей предыдущихъ народныхъ сказаній: легко понять, какого рода подробности въ сказаніи о мести Ольгиной, напримѣръ, и какого рода подробности въ извѣстіи о побѣдѣ Половцевъ въ 1066 году и ея слѣдствіяхъ. Мы видѣли, что подъ 1051 годомъ лѣтописецъ обѣщалъ опять сказать о житіи св. Ѳеодосія, „а о Ѳеодосовѣ житьи паки скажемъ": теперь подъ 1074 годомъ, по случаю извѣстія о смерти св. Ѳеодосія, лѣтописецъ дѣйствительно сообщаетъ свѣдѣнія о его житіи: какъ онъ проводилъ постъ, какъ училъ братію поститься, о цвѣтущемъ состояніи монастыря при Ѳеодосіи, и о томъ, какъ братія жили въ любви, какъ меньшіе покорялись старшимъ, не смѣя предъ ними говорить, что ясно выставлено съ цѣлію показать противоположность такого поведенія съ событіемъ, случившимся по смерти Ѳеодосія, относительно игумена Стефана, — о великихъ подвижникахъ, какіе были при Ѳеодосіи, и обращеніи съ ними послѣдняго, о Даміанѣ чудотворцѣ и другихъ: здѣсь въ разсказѣ о жизни св. Исакія, встрѣчаемъ слѣдующія слова: „И ина многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидецъ быхъ." Подъ 1091 годомъ встрѣчаемъ разсказъ объ открытіи мощей св. Ѳеодосія, въ которомъ повѣствователь говоритъ о себѣ, какъ о главномъ дѣйствователѣ, и въ заключеніе называетъ себя рабомъ и ученикомъ Ѳеодосія. Подъ 1093 годомъ, въ благочестивомъ размышленіи о Божіихъ наказаніяхъ, встрѣчаемъ слова: „Се бо азъ

грѣшный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни". Подъ 1096, въ разсказѣ о нашествіи Половцевъ на Печерскій монастырь, читаемъ: „И придоша въ монастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени... намъ же бѣжащимъ задомъ монастыря." Подъ тѣмъ же годомъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ, такъ называемомъ Лаврентьевскомъ, находится позднѣйшая вставка поученія Мономаха къ дѣтямъ, перемѣшаннаго съ письмомъ его къ Олегу Святославичу; вставка позднѣйшая, потому что начальный составитель лѣтописи, современникъ Мономаха, конечно могъ имѣть въ рукахъ оба эти памятника и вставить ихъ въ свою лѣтопись, но не могъ вставить ихъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находимъ ихъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, ибо здѣсь они вставлены между извѣстіями, которыя не могутъ быть раздѣлены, а именно: описавши нашествіе Половцевъ, лѣтописецъ начинаетъ говорить о происхожденіи разныхъ варварскихъ народовъ: „а Измаилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже исходятъ отъ пустынѣ, и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть, заклепеніи въ горѣ Александромъ Македонскымъ, нечистыя человѣкы." За этими непосредственно долженъ слѣдовать разсказъ лѣтописца о людяхъ, заключенныхъ въ гору, о которыхъ онъ слышалъ отъ Новгородца Гюряти Роговича, тогда какъ между этимъ разсказомъ и послѣдними приведенными словами: „нечистые человѣкы", вставлено поученіе Мономаха и его письмо къ Олегу. Но потомъ насъ останавливаетъ еще одно обстоятельство: по окончаніи разсказа о войнѣ Мстислава Владиміровича Новгородскаго съ дядею Олегомъ Святославичемъ: „И посла къ Олгови (Мстиславъ), глаголя: не бѣгай никаможе, но пошлися къ братьи своей съ молбою, не лишать тя Русьскыѣ земли и азъ пошлю къ отцю молится о тебѣ. Олегъ же „обѣщался тако створити",—лѣтописецъ прибавляетъ: „Мстиславъ же възвратився вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду въ свой градъ, м о л и т в а м и п р е п о д о б н а г о е п и с к о п а Н и к и т ы." Странно, что кіевскій лѣтописецъ сдѣлалъ эту прибавку; тогда какъ мы знаемъ обычай новгородскаго лѣтописца приписывать успѣхъ дѣла молитвамъ современнаго событію владыки; напр. подъ 1169 г.: „И къ вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородьци силою крестною и св. Богородицы и молитвами благовѣрнаго владыкы Иліѣ." Можно возразить одно, что упомянутый здѣсь владыка Никита былъ зна-

менитый своею святостію инокъ кіевопечерскій: это и могло побудить кіевскаго лѣтописца, инока Печерскаго монастыря, приписать побѣду Мстислава молитвамъ св. Никиты; но съ другой стороны, трудно предположить, чтобъ это событіе не было подробно разсказано въ новгородской лѣтописи, когда преданіе о славной войнѣ Мстислава и Новгородцевъ съ Олегомъ переходило изъ рода въ родъ въ Новгородѣ: въ 1216 году Новгородцы вспоминаютъ, какъ ихъ предки бились на Кулакшѣ. Карамзинъ также замѣтилъ отличіе этого разсказа отъ остальныхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи: индиктъ и годъ означены въ концѣ [238].

Подъ слѣдующимъ 1097 годомъ встрѣчаемъ вставочный разсказъ объ ослѣпленіи Василька. Нашли [239], что слогъ этого разсказа явственно отличается отъ слога цѣлой лѣтописи, въ которой не замѣчается выраженій, подобныхъ слѣдующему, наприм.: „Бонякъ же раздѣлился на три полкы: и сбиша Угры аки въ мячь, яко и соколъ сбиваетъ галицѣ;“ замѣтили, что подобныя выраженія просятся въ Слово о Полку Игореву; но они просятся не въ это сочиненіе, а въ волынскую лѣтопись, которая именно отличается подобнымъ слогомъ, и которой первая часть, до смерти Романа Великаго, не дошла до насъ, кромѣ этого отрывка объ ослѣпленіи Василька; это происшествіе собственно волынское, имѣвшее важное вліяніе преимущественно на судьбы Волыни, и потому долженствовавшее быть въ подробности описано тамъ же; лѣтописецъ, составлявшій свою лѣтопись въ Кіевѣ, не могъ написать: „И по ту ночь ведоша и Бѣлгороду, иже градъ малъ у Кіева яко 10 верстъ въ дале.“ Авторъ сказанія является самъ дѣйствующимъ лицомъ въ разсказѣ, открываетъ свое имя, приводя слова князя Давыда Игоревича, который называетъ его тезкою князя Василька. Вставка этого мѣста изъ волынской лѣтописи явственна еще потому, что послѣ него опять повторяются прежнія извѣстія по порядку годовъ, изъ лѣтописи, въ которую вставленъ упомянутый разсказъ о Василькѣ. Подъ 1106 годомъ читаемъ: „Преставися Янъ, старець добрый, живъ лѣтъ 90, въ старостѣ маститѣ; живъ по закону Божью, не хужій бѣ первыхъ праведникъ, отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ отъ него же слышахъ.“ Наконецъ послѣ 1110 года встрѣчаемъ слѣдующую приписку: „Игуменъ Селивестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимери, княжащу ему Кыевѣ,

а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ."— Такимъ образомъ въ началѣ XII вѣка мы встрѣчаемъ ясное свидѣтельство объ извѣстномъ Силвестрѣ Выдубецкомъ, который говоритъ о себѣ, что онъ написалъ лѣтописецъ. Возрастъ этого Сильвестра нисколько не препятствовалъ бы признать его первымъ составителемъ начальной кіевской лѣтописи, относить къ нему извѣстіе подъ 1064 годомъ; будучи ребенкомъ, лѣтъ 7, онъ могъ ходить смотрѣть урода, вытащеннаго рыбаками, и случай этотъ могъ сохраниться живо въ его памяти. Но есть преданіе, котόрое приписываетъ составленіе древней кіевской лѣтописи иноку Кіевопечерскаго монастыря, преподобному Нестору; въ пользу этого преданія свидѣтельствуетъ самая приписка Сильвестрова, ибо на ея основаніи гораздо естественнѣе было бы объявить Сильвестра лѣтописцемъ, а не предполагать другаго, Нестора; извѣстіе подъ 1004 годомъ можетъ относиться столько же и къ Нестору, сколько къ Сильвестру; но за то мѣста, встрѣченныя нами въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ, о кончинѣ Θеодосія, объ открытіи мощей его, о нападеніи Половцевъ на монастырь, прямо свидѣтельствуютъ о лѣтописцѣ—инокѣ Кіевопечерскаго монастыря. Для соглашенія извѣстій о Несторѣ лѣтописцѣ съ свидѣтельствомъ Сильвестра, написавшаго въ 1116 году лѣтописецъ, предполагаютъ, что Сильвестръ былъ переписчикомъ или продолжателемъ Несторовой лѣтописи. Въ 1116 году Сильвестръ могъ переписать лѣтопись, оконченную въ 1110 году, и продолжать записываніе событій дальнѣйшихъ годовъ [240]. Но относительно Нестора являются новыя возраженія: указываютъ на поразительныя разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ сказаніемъ о убіеніи Бориса и Глѣба, и извѣстіями, помѣщенными въ лѣтописи, на разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ житіемъ св. Θеодосія и тѣми извѣстіями о св. Θеодосіи и объ авторѣ житія его, какія находятся въ лѣтописи. Такъ какъ безъ крайнихъ натяжекъ нѣтъ возможности согласить эти разнорѣчія, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, должно принять, что или Несторова лѣтопись подверглась большимъ измѣненіямъ и дополненіямъ, или что не Несторъ, а другой кто-либо составлялъ дошедшую до насъ первую лѣтопись [241]. Но для насъ нѣтъ еще рѣшительныхъ доказательствъ, которыя могли бы заставить предпочесть второе положеніе первому. Для насъ важно то, что со второй половины XI вѣка

въ Кіевѣ мы замѣчаемъ ясные признаки лѣтописца—очевидца событій, что еще прежде открываемъ слѣды Новгородскаго лѣтописца, что въ концѣ XI вѣка открываемъ извѣстія, обличающія волынскаго лѣтописца, что дошедшие до насъ списки начальной лѣтописи представляютъ сборники, составленные изъ кіевской, новгородской и волынской лѣтописей, что по свидѣтельству владимірскаго епископа Симона въ посланіи его къ монаху Поликарпу, существовалъ еще старый лѣтописецъ ростовскій, въ которомъ можно было найдти имена всѣхъ епископовъ, поставленныхъ изъ монаховъ кіевопечерскихъ, что древнѣйшіе списки начальной лѣтописи представляютъ лѣтопись сокращенную, пополненія которой должно искать въ извѣстіяхъ, содержащихся въ позднѣйшихъ спискахъ, напримѣръ въ Никоновскомъ и другихъ; извѣстія эти не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, не выдуманы позднѣйшими составителями лѣтописи; выраженія въ родѣ такихъ: „это извѣстіе Никоновскаго списка выдумано, потому что его нѣтъ въ харатейномъ Несторѣ"—не имѣютъ болѣе смысла въ наукѣ; тотъ же самый выводъ должно распространить и на извѣстія, находимыя въ Татищевомъ сводѣ лѣтописей, ибо противъ ихъ достовѣрности употребляли то же самое возраженіе: выдумано, потому что этого нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

Послѣ приписки Сильвестра и древнѣйшіе списки болѣе или менѣе расходятся другъ съ другомъ въ подробностяхъ. Всѣ они содержатъ въ себѣ лѣтопись общую всероссійскую или лучше сказать, к н я ж е с к у ю лѣтопись, ибо главное, почти исключительное содержаніе ея составляютъ отношенія Рюрикова княжескаго рода; но и въ лѣтописи XII-го и начала XIII-го вѣка, какъ въ разсмотрѣнной лѣтописи XI-го вѣка, въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, легко замѣтить, что они принадлежатъ то кіевскому, то черниговскому, то полоцкому, то суздальскому лѣтописцу; въ концѣ же XII-го вѣка извѣстія кіевскаго лѣтописца явственно прекращаются, и у насъ остаются двѣ лѣтописи, одна явно написана на Волыни, а другая на сѣверѣ, въ суздальской землѣ; впрочемъ еще прежде, съ явственнаго отдѣленія сѣверной Руси отъ южной, съ княженія Всеволода III-го, замѣчаемъ и явственное, такъ-сказать силошное отдѣленіе сѣверной лѣтописи отъ южной [212]. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи событій XII-го вѣка, въ которыхъ опять видимъ ясные признаки лѣтописца-очевидца, современника событій, или признаки мѣстныхъ лѣтописей. Подъ 1114 годомъ, въ Ипатьевскомъ спискѣ читаемъ:

„Въ се же лѣто Мстиславъ заложи Новгородъ боліи перваго. Въ се же лѣто заложена бысть Ладога каменіемъ на приснѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мстиславѣ. Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдаша ми Ладожане; яко сдѣ есть, егда будетъ туча велика, и находять дѣти наши глазкы стекляныя, и малые и великыи, провертаны, а другые подлѣ Волховъ берутъ, еже выполоскываеть вода, отъ нихъ же взяхъ болѣе ста; суть же различни. Сему же ми ся дивлящю; рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ спаде туча и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена и възрастши и расходится по земли, и пакы бываетъ другая туча, и испадаютъ оленци мали въ ней, и възрастаютъ и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ Ладожскый и вси Ладожане.“ Здѣсь ясно, что лѣтописецъ былъ современникъ построенія каменной крѣпости въ Ладогѣ, ибо имѣлъ разговоръ съ посадникомъ Павломъ, ее построившимъ; но откуда родомъ былъ этотъ лѣтописецъ, гдѣ писалъ, изъ какой лѣтописи это извѣстіе занесено въ Ипатьевскій списокъ—этого рѣшить нельзя; замѣтимъ, что въ Новгородской лѣтописи заложеніе ладожской крѣпости помѣщено двумя годами позднѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ спискѣ.—Подъ 1151 годомъ: „И рече (Изяславъ Мстиславичъ) слово то, ако же и п е р е ж е с л ы ш а х о м ъ: не идеть мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту.“ Очевиденъ современникъ событій и человѣкъ, имѣвшій случай разговаривать съ княземъ. Подъ 1161 годомъ: „Бысть брань крѣпка... и тако страшно бѣ зрѣти яко второму пришествію быти.“ Подъ 1171 годомъ: „На утрья же въ субботу поидохомъ съ Володимеромъ изъ Вышегорода.“ Подъ 1187 годомъ: „И на ту осень бысть зима зла велми, тако иже въ нашю намять не бывало николи же.“ Подъ 1199 годомъ, въ разсказѣ о построеніи стѣны у Выдубецкаго монастыря: „Въ тое же время благоволи Богъ.... и вдохнувъ мысль благу во богопріятное сердце великому князю Рюрикову.... тъ же съ радостію пріимъ, акы благыи рабъ вѣрный потщася немедленно сугубити дѣломъ.... Но о Христѣ державно милосердуя о всѣхъ, по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе пріими, акы даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелій.“ Здѣсь очевиденъ и современникъ событія и монахъ Выдубецкаго монастыря; но нельзя рѣшить, принадлежитъ ли ему и записываніе предыдущихъ событій, или разсказъ о построеніи стѣны составляетъ от-

дѣльный памятникъ, и вставленъ въ лѣтопись какъ замѣчательное риторическое произведеніе. Есть извѣстіе, изъ котораго можно вывести отрицательно, что лѣтописецъ не принадлежалъ къ братіи Кіевопечерскаго монастыря: въ Лавр. спискѣ подъ 1128: „Преяша церковь Димитрія Печеряне, и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо."

Разность лѣтописцевъ—одного черниговскаго, а другаго кіевскаго или по крайней мѣрѣ, принадлежащаго къ сторонѣ Мономаховичей, видна въ разсказѣ объ изгнаніи Ольговичей изъ Кіева и вступленіи туда Изяслава Мстиславича подъ 1146 годомъ въ Ипатьевскомъ спискѣ: сначала намѣреніе изгнать Ольговича называется постоянно совѣтомъ злымъ, вложеннымъ отъ дьявола; а потомъ говорится о томъ же самомъ событіи, т.-е. объ изгнаніи Ольговича и торжествѣ Изяслава Мстиславича: „Се же есть пособіемъ Божіимъ, и силою Честнаго Хреста, и заступленіемъ Св. Михаила, и молитвами Св. Богородицы". Потомъ опять слышенъ голосъ другаго, прежняго лѣтописца, укоряющаго Давыдовичей за то, что они не хотѣли воевать съ Мстиславичемъ, отыскивать свободы Игорю Ольговичу, брату своему (двоюродному): „Лукавый и пронырливый дьяволъ, не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло къ злу, и вложи имъ (Давыдовичамъ) мысль не взыскати брата Игоря, ни помянути отецьства и о хрестѣ утверженіе, ни божественные любве, якоже бѣ лѣпо жити братья единомысленно укупѣ, блюдучи отецьства своего". По всему видно, что лѣтописецъ стоитъ за Ольговичей; Кіевскій лѣтописецъ не могъ бы принимать такого горячаго участія въ дѣлахъ Святослава Ольговича, не могъ бы, говоря о приходѣ союзниковъ къ послѣднему, выразиться, что это случилось Божіимъ милосердіемъ; не могъ сказать, что Святославъ Божіимъ милосердіемъ погналъ Изяслава Давыдовича и бывшую съ нимъ кіевскую дружину; сшивка изъ двухъ разныхъ лѣтописей въ этомъ разсказѣ ясна: лѣтописецъ Ольговича говоритъ о неприличныхъ словахъ Изяслава Давыдовича, о походѣ его на Святослава Ольговича, о рѣшительности послѣдняго и побѣдѣ надъ врагами—все дѣло кончено, но потомъ опять о томъ же самомъ происшествіи новый разсказъ, очевидно кіевскаго лѣтописца: „Изяславъ Мстиславичъ и Володиміръ Давыдовичъ послаша брата своего Изяслава съ Шварномъ, а сами по немъ идоста" Ясно также, что первое извѣстіе о Москвѣ принадлежитъ не кіевскому лѣтописцу, а

черниговскому или сѣверскому, который такъ горячо держитъ сторону Святослава Ольговича и знаетъ о его движеніяхъ такія подробности; кіевскаго лѣтописца, явно враждебнаго Ольговичамъ не могли занимать и даже не могли быть ему извѣстны подробности пировъ, которые давалъ Юрій Суздальскій Святославу; не могла занимать смерть сѣверскаго боярина, добраго старца Петра Ильича [243]. Разсказъ подъ 1159 годомъ въ Ипатьевскомъ спискѣ о полоцкихъ происшествіяхъ, по своимъ подробностямъ и вмѣстѣ отрывочности, ибо вообще лѣтопись очень скудна относительно полоцкихъ событій, обличаетъ вставку изъ полоцкой лѣтописи. Примѣты сѣвернаго, суздальскаго лѣтописца также ясны; напр., разсказъ о переходѣ Ростислава Юрьевича на сторону Изяслава Мстиславича въ Лаврентьевскомъ спискѣ отличается отъ разсказа о томъ же событіи въ Ипатьевскомъ: въ первомъ поступокъ Ростислава выставленъ съ хорошей стороны, ни слова не упомянуто о ссорѣ его съ отцемъ; первый очевидно принадлежитъ суздальскому лѣтописцу, второй кіевскому. Различенъ разсказъ сѣвернаго и южнаго лѣтописца о походѣ Изяслава Мстиславича на Ростовскую область; о мирѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году, объ епископѣ Леонѣ и князѣ Андреѣ; объ отношеніяхъ Ростиславичей къ Андрею Боголюбскому; въ описаніи похода рати Андреевой на Новгородъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: „Новгородцы же затворишася въ городѣ съ княземъ Романомъ, и бьяхуться крѣпко съ города, и многы избиша отъ н а ш и х ъ“, очевиденъ суздальскій лѣтописецъ; но и въ Ипатьевскомъ спискѣ вставлено также суздальское сказаніе, ибо и здѣсь читаемъ: „се же бысть за наша грѣхы“. Объ убіеніи Андрея Боголюбскаго въ обоихъ спискахъ вставлено суздальское сказаніе съ варіантами; но въ Лаврентьевскомъ между прочимъ попадаются слѣдующія слова въ обращеніи къ Андрею: „молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата“—прямое указаніе на время и мѣсто написанія разсказа. Разсказъ о событіяхъ по смерти Андрея принадлежитъ очевидно сѣверному и именно владимірскому лѣтописцу: встрѣчается выраженіе, что Ростовцы слушались злыхъ людей „не хотящихъ н а м ъ добра; завистью граду с е м у“. Подъ 1180 очевиденъ владимірскій лѣтописецъ, ибо въ разсказѣ о войнѣ Всеволода III съ Рязанью употребляетъ выраженіе: „н а ш и сторожи, н а ш и погнаша“. Подъ 1185 г. въ разсказѣ о постановленіи епископа Луки лѣтописецъ обращается къ нему

съ такими словами: „Молися за порученое тебѣ стадо, за люди хрестьяньскыя, за князя и за землю ростовьскую“; отсюда ясно также, что писано это уже по смерти епископа Луки. Подъ тѣмъ же годомъ любопытенъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ разсказъ о подвигахъ князя Переяславля южнаго, Владиміра Глѣбовича, разсказъ, обличающій сѣвернаго лѣтописца, приверженнаго къ племени Юрія Долгорукаго: у суздальскаго лѣтописца вся честь побѣды надъ Половцами приписана Владиміру Глѣбовичу; у кіевскаго дѣло разсказано иначе. Любопытно также разногласіе въ разсказѣ суздальскаго (Лавр. спис.) и кіевскаго (Ипатьев. спис.) лѣтописцевъ о войнѣ Всеволода III и Рюрика Ростиславича съ Ольговичами: суздальскій во всемъ оправдываетъ Всеволода, кіевскій Рюрика. Подъ 1227 годомъ читаемъ: „Поставленъ бысть епископъ Митрофанъ въ богохранимѣмъ градѣ Володимерѣ, въ чюднѣй святѣй Богородици, Суждалю и Володимерю, Переяславлю, сущю ту благородному князю Гюргю и съ дѣтми своими, и братома его Святославу, Іоанну, и всѣмъ бояромъ и множество народа; приключися и мнѣ грѣшному ту быти“.

Мы сказали, что лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторовой съ продолжателями, въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, есть лѣтопись всероссійская; ей, по содержанію, противоположны лѣтописи мѣстныя: В о л ы н с к а я и Новгородская. Мы признали сказаніе Василія объ ослѣпленіи князя Василька Теребовльскаго за отрывокъ изъ первой части Волынской лѣтописи, которая не дошла до насъ, дошла вторая половина, начинающаяся съ 1201 года, съ заглавіемъ: „Начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша всей русской земли, князя Галичкого“; но вмѣсто того, тотчасъ послѣ заглавія, читаемъ: „По с м е р т и же великаго князя Романа“, послѣ чего слѣдуетъ похвала этому князю, сравненіе его съ Мономахомъ; потомъ съ 1202 года начинается разсказъ о событіяхъ, происходившихъ по смерти Романа. Примѣту лѣтописца современника, очевидца событій можно отыскать подъ 1226 годомъ въ разсказѣ о борьбѣ Мстислава Торопецкаго съ Венграми: „Мстиславъ же выѣхалъ противу съ полкы, онѣмъ же позоровавшимъ насъ, и ѣхаша Угре въ станы своя“. — Начальной Новгородской лѣтописи не дошло до насъ въ чистотѣ; въ извѣстныхъ намъ спискахъ извѣстія изъ нея находятся уже въ смѣшеніи съ начальною Кіевскою лѣтописью: въ древнѣйшемъ, такъ-называемомъ Синодольномъ спискѣ не достаетъ первыхъ пятнадцати тетрадей. Другой спи-

сокъ, такъ-называемый Толстовскій, начинается любопытнымъ мѣстомъ, очевидно принадлежащимъ позднѣйшему составителю, соединявшему Новгородскую начальную лѣтопись съ Кіевскою: „Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей и земля русскія, како избра Богъ страну нашу на послѣднее время, и грады почаша (бывати) по мѣстомъ, преже Новгородская волость и потомъ Кіевская, и о поставленіи Кіева, како во имя (Кія) назвася Кіевъ. Якоже древле царь Римъ, прозвася во имя его градъ Римъ, и паки Антіохъ, и бысть Антіохія, и паки Селевкъ, бысть Селевкія, и паки Александръ, бысть Александрія во имя его. И по многа мѣста тако прозвани быша гради ти во имяна царевъ тѣхъ и князь тѣхъ. Яко въ нашей странѣ прозванъ бысть градъ великій Кіевъ во имя Кія, его же древле нарицаютъ перевозника бывша, иніи же яко и ловы дѣяща около града своего. Великъ бо есть промыслъ Божій, еже яви въ послѣдняя времена! Куда же древле погани жряху бѣсомъ на горахъ, туда же нынѣ церкви святыя стоятъ златоверхія каменозданныя, и монастыреве исполнени черноризцевъ, безпрестанно славящихъ Бога въ молитвахъ и въ бдѣніи, въ постѣ, въ слезахъ, ихже ради молитвъ міръ стоитъ. Аще бы кто къ святымъ прибѣгнетъ церквамъ тѣмъ велику ползу пріиметъ души же и тѣлу. Мы же на послѣднее возвратимся. О началѣ Русьскыя земля и о князяхъ, како и откуда быша“. За этимъ слѣдуетъ не разъ приведенное мѣсто о древнихъ князьяхъ и дружинѣ съ увѣщаніемъ современникамъ подражать имъ: „Вась молю, стадо Христово, съ любовію, приклоните ушеса ваша разумно; како быша древня князи и мужи ихъ и проч.“ Здѣсь можно примѣтить, что первое заглавіе: „Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей и земля рускія“ и слѣдующее за нимъ разсужденіе о началѣ городовъ принадлежитъ позднѣйшему составителю; а второе заглавіе: „О началѣ Русьскыя земля и о князихъ“—съ разсужденіемъ о древнихъ князьяхъ взято имъ изъ древнѣйшаго лѣтописца — какого, новгородскаго или кіевскаго —рѣшить трудно. Разсужденіе о древнихъ князьяхъ и боярахъ оканчивается такъ: „Да отселѣ, братія возлюбленная моя, останемся отъ несытьства своего: доволни будите уроки вашими. Яко и Павелъ пишетъ: ему же дань, то дань, ему же урокъ, то урокъ; ни кому же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страсѣ Божіи и правовѣріи свое спасеніе содѣвающе, да и здѣ добрѣ поживемъ, и тамо вѣчнѣй жизни

причастници будемъ. Сеже таковая. Мы же отъ начала Руськой земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила Царя до Александра и Исакія".—Выше было указано на примѣту перваго лѣтописца новгородскаго, ученика Ефремова; примѣту другаго позднѣйшаго составителя находимъ подъ годомъ 1144: „Въ то же лѣто постави мя попомъ архіепископъ Святый Нифонтъ".

Въ связи съ вопросомъ о Новгородской лѣтописи находится вопросъ о такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи, помѣщенной въ первомъ томѣ Исторіи Россійской Татищева. Нѣтъ сомнѣнія, что составитель ея пользовался начальною Новгородскою лѣтописью, которая не дошла до насъ, и которую онъ приписываетъ первому Новгородскому епископу Іоакиму—на какомъ основаніи, рѣшить нельзя; быть можетъ онъ основался только на слѣдующемъ мѣстѣ разсказа о крещеніи Новгородцевъ: „Мы же стояхомъ на торговой странѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учахомъ люди елико можахомъ" [344].

Изслѣдовавши составъ нашихъ лѣтописей въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ихъ характерѣ и о нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностяхъ. Лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства; это обстоятельство, разумѣется, сильнѣе всего должно было опредѣлить ея характеръ. Лѣтописецъ — духовное лицо ищетъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ религіозно-нравственнаго смысла, предлагаетъ читателямъ свой трудъ какъ религіозно-нравственное поученіе: отсюда высокое религіозное значеніе этого труда въ глазахъ лѣтописца и въ глазахъ всѣхъ современниковъ его; Сильвестръ въ своей припискѣ говоритъ, что онъ написалъ лѣтописецъ, надѣясь припать милость отъ Бога; слѣдовательно написаніе лѣтописи считалось подвигомъ религіознымъ, угоднымъ Богу. Говоря въ началѣ о событіяхъ древней языческой исторіи, лѣтописецъ удерживается отъ благочестивыхъ наставленій и размышленій: поступки людей, невѣдующихъ закона Божія, не представляютъ ему приличнаго къ тому случая. Только съ разсказа объ Ольгѣ-христіанкѣ начинаются благочестивыя размышленія и поученія; непослушаніе язычника Святослава святой матери подаетъ первый къ тому поводъ. „Онъ же не послуша матери, творяще норовы поганьскіе, не вѣдый, аще кто матери не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ; яко же рече: аще кто отца, ли матере не послушаетъ, смертью да умретъ." Такимъ образомъ бѣдственная кончина Святослава представляется слѣдствіемъ его непослушанія матери. Смерть св. Ольги

доставляетъ поводъ къ другому размышленію о славѣ и блаженствѣ праведниковъ. Потомъ не встрѣчаемъ благочестивыхъ размышленій до разсказа о предательствѣ Блуда: „О злая лесть человѣчьска! Се есть съвѣтъ золъ, иже свѣщеваютъ на кровопролитья; то суть неистовіи, иже пріемше отъ князя или отъ господина своего честь, ли дары ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковіи.“ Святополкъ Окаянный съ самаго разсказа о зачатіи его подвергается уже нареканію, предсказывается въ немъ будущій злодѣй: „Отъ грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываетъ.“ Противоположность Владиміра язычника и Владиміра христіанина также подаетъ поводъ къ поученію; смерть двухъ Варяговъ-христіанъ не могла остаться безъ благочестиваго размышленія о преждевременной радости дьявола, который не предвидѣлъ скораго торжества истинной вѣры. При извѣстіи о началѣ книжнаго ученія лѣтописецъ обнаруживаетъ сильную радость и прославляетъ Бога за неизреченную милость Его: „Симъ же раздаяномъ [215] на ученье книгамъ, събыстся пророчество на Рустьѣй земли, глаголющее: во оны дніи услышать глусіи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Се бо не бѣша преди слышали словесе книжнаго, но по Божью строю, и по милости своей помилова Богъ, яко же рече Пророкъ: помилую, его же аще помилую,“ и проч. За извѣстіемъ о смерти Владиміра слѣдуетъ похвала этому князю, изъ которой узнаемъ, что во времена лѣтописца Владиміръ не былъ еще причтенъ къ лику святыхъ: „Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьтѣй земли, крестивъ ю. Мы же христіане суще, не въздаемъ почестья противу онаго възданью. Аще бы онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, яко же и прородители наши погынуша. Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу зань, въ день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и: намъ бо достоитъ зань Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ.“ Мы уже прежде упоминали о похвалѣ книжному ученію, внесенной въ лѣтопись по поводу извѣстія о ревности князя Ярослава къ нему.

По смерти Ярослава, явленія, стоящія на первомъ планѣ въ лѣтописи, суть отношенія княжескія, усобицы и потомъ нашествія степныхъ варваровъ, Половцевъ. Понятно, что лѣтописецъ, вмѣстѣ со всѣми современниками, видитъ въ усобицахъ главное зло и сильно противъ нихъ вооружается. Лѣтописецъ смотритъ на усо-

бицу, какъ на слѣдствіе дьявольскаго внушенія и нашествія иноплеменниковъ; пораженія отъ нихъ суть наказанія Божіи за грѣхъ усобицы: „Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьники на землю, и тако скрушенным имъ въспомянути къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя“ [246]. Мы видѣли, какъ часто князья преступали клятвы, данныя другъ другу, отъ чего и происходили усобицы; по двумъ основаніямъ, религіозному и политическому, лѣтописецъ долженъ былъ сильно вооружаться противъ клятвопреступленій, которыя вмѣстѣ были крестопреступленіями, ибо клятвы запечатлѣвались цѣлованіемъ креста. Ярославичи цѣловали крестъ Всеславу Полоцкому и тотчасъ же нарушили клятву, посадили Всеслава въ тюрьму. Но Всеславъ освободился изъ заключенія вслѣдствіе изгнанія Изяслава; по этому случаю лѣтописецъ говоритъ: „Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я й (Всеслава); тѣмже наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный, въ день бо Въздвиженья Всеславъ вздохнувъ рече: „о, кресте честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего.“ Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ пріиметъ казнь, и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную.“—Начало усобицы между Ярославичами, изгнаніе Изяслава меньшими братьями, преступленіе заповѣди отцовской, даетъ случай лѣтописцу сказать грозное слово: „Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичахъ... Велій бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамове на землю Сиоову, и по 400 лѣтъ отмьщенье пріяша отъ Бога; отъ племене бо Сиоова суть Еврѣи, же избивше Хананѣйско племя, всепріяше свой жребій и свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прія убійство; не добро бо есть преступати предѣла чюжего.“ Смерть Изяслава, положившаго голову свою за брата, даетъ лѣтописцу случай распространиться въ похвалу братолюбію: „По истинѣ аще, что створилъ есть (Изяславъ) въ свѣтѣ семъ етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду.“ Говоря о мести Василька Теребовльскаго, сперва на невинныхъ жителяхъ города Всеволожа, а потомъ на боярахъ Давыда Игоревича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же второе мщенье створи, его же не ба-

ше лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ, и взложити было па Бога мщенье свое.“ Въ разсказѣ о борьбахъ и счетахъ княжескихъ лѣтописецъ стоитъ за старшихъ противъ младшихъ: никогда не находимъ оправданія послѣднимъ, не разъ находимъ упрекъ имъ; такъ на югѣ лѣтописецъ вооружается противъ Ярослава Святополковича за гордость противъ дяди и тестя; на сѣверѣ, разсказавши о побѣдѣ Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „Богу наказавшю князей креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити.“ Мы видѣли, что по привязанности лѣтописца къ тому или другому князю можно опредѣлить, къ какой волости принадлежитъ лѣтописецъ; у сѣвернаго лѣтописца замѣчаемъ особенную привязанность къ своимъ князьямъ, потомкамъ Юрія Долгорукаго, особенное уваженіе ко власти, стараніе внушить къ ней уваженіе. Здѣсь видимъ почти постоянное величаніе князя именемъ и отчествомъ съ прибавленіемъ: В е л и к і й к н я з ь, часто съ прибавленіемъ: б л а г о в ѣ р н ы й, х р и с т о л ю б и в ы й; здѣсь встрѣчаемъ упоминовеніе о семейныхъ торжествахъ князей, напримѣръ, о постригахъ, доставлявшихъ великую радость цѣлому городу. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательно описаніе отъѣзда князя Константина Всеволодовича въ Новгородъ въ 1206 году. Уваженіе ко власти, которое сѣверный лѣтописецъ старается внушить, высказанное также подъ 1175 годомъ, по поводу смерти Андрея Юрьевича; потомъ по случаю смерти Всеволода Юрьевича въ 1212 году. Замѣчаемъ у сѣвернаго лѣтописца и особенную привязанность къ владыкамъ своимъ. Понятно, что въ самомъ уже началѣ встрѣчаемъ у сѣвернаго лѣтописца мало сочувствія къ Новгородцамъ: по случаю похода Андреевой рати въ 1169 году онъ упрекаетъ Новгородцевъ въ частомъ нарушеніи клятвъ, въ гордости, хотя и соглашается, что бытъ новгородскій получилъ начало свое издавна, отъ прадѣдовъ княжескихъ, но никакъ не хочетъ уступить Новгородцамъ права нарушать клятвы и выгонять князей. Подъ 1186 годомъ нерасположеніе лѣтописца къ новгородскому быту также ясно высказывается: „Въ се же лѣто выгнаша новгородцы Ярослава Володиміровича, а Давыдовича Мстислава пояша къ собѣ княжить Новгороду: т а к ъ б о б ѣ н х ъ о б ы ч а й“. Подъ 1178 годомъ, по поводу взятія и опустошенія Торжка Всеволодомъ III, лѣтописецъ распространяется противъ клятвопреступленій: „Взяша городъ, мужи

повязаша, а жены и дѣти на щитъ и товаръ взяша, и городъ пожгоша весь за новгородскую неправду, оже по дни цѣлуютъ крестъ честный, и преступають. Тѣмже пророкомъ глаголетъ намъ" и проч.

О нашествіи варваровъ лѣтописецъ отзывается постоянно, какъ о наказаніи Божіемъ за грѣхи народа; подъ 1093 годомъ: „Бысть плачъ въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженье беззаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ попусти поганымъ, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ, симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъся отъ злаго пути своего". Подобное разсужденіе повторяется и въ послѣдствіи. Таково же воззрѣніе лѣтописца и на всѣ другія бѣдствія: „Богъ бо казнитъ рабы своя напастьми различными, огнемъ и водою и ратью и иными различными казньми, хрестьянину бо многыми напастьми внити въ царство небесное, согрѣшихомъ казними есмы, яко створихомъ, тако и пріяхомъ, но кажетъ ны добрѣ Господь нашъ. Но да никтоже можеть рѣщи, яко ненавидитъ насъ Богъ; не буди" [217]! Болѣзни, всякаго рода страданія, напрасная смерть очищаютъ человѣка отъ грѣховъ; по свидѣтельству лѣтописца князь Ярополкъ Изяславичъ молился: „Господи Боже мой! пріими молитву мою и дажь ми смерть, яко же двѣма братома моима Борису и Глѣбу, отъ чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью". Сказавши о смерти князя Святослава Юрьевича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Си же князь избранникъ Божій бѣ: отъ рожества и до свершенья мужьства бысть ему болѣзнь зла, ея же болѣзни просяхутъ на ся святіи апостоли и святіи отци у Бога: кто бо постражеть болѣзнью тою, якоже книгы глаголютъ, тѣло его мучится, а душа его спасается. Такоже и ть во истину святый Святославъ, Божій угодникъ избранный въ всѣхъ князехъ: не да бо ему Богъ княжити на земли, но да ему царство небесное". Ту же мысль выражаетъ лѣтописецъ и въ разсказѣ о смерти Андрея Боголюбскаго. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый говаривалъ дружинѣ своей предъ битвою: „Братья! ничтоже имете во умѣ своемъ, аще нынѣ умремъ за хрестьяны, то очистимся грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашю съ мученикы". Лѣтописецъ держится того же мнѣнія, даже относительно христіанскихъ воиновъ другихъ исповѣданій, напримѣръ, крестоносцевъ [218]. Успѣхъ, избавленіе отъ опасности приписывается, обыкновенно послѣ милости Божіей и молитвъ святыхъ, также мо-

литвѣ предковъ умершихъ, отца, дѣда и прадѣда; наприм., описавши торжество Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „И поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду, отца и дѣда его молитва и прадѣда его“. Мы видѣли съ какимъ неудовольствіемъ лѣтописецъ отзывается о народныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ видны были остатки язычества.

Разсмотрѣвши религіозныя, нравственныя и политическія понятія лѣтописца, обратимся къ его понятіямъ научнымъ. Вотъ его разсужденіе о происхожденіи Половцевъ въ образчикъ этнографическихъ, историческихъ и географическихъ понятій: „Исшьли бо суть си отъ пустыне Нитривьскые, межю встокомъ и сѣверомъ; исшьли же суть ихъ колѣнъ 4 Торкъмени и Печенѣзи, Торци, Половци. Меѳодій же свидѣтельствуетъ о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда и сѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣже въ пустыню, а 4 исѣче. Друзіи же глаголють: сыны Амоновы. Се же нѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Сарацины отъ Измаила творяться Сарини, и прозваша имена себѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмже Хвалиси и Болгаре суть отъ дочерю Лотову, иже зачаста отъ отца своего, тѣмже нечисто есть племя ихъ; а Измаилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкьмени, и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже исходять отъ пустынѣ и по сихъ 8 колѣнъ въ кончинѣ вѣка изыдуть, заклепеніи въ горѣ Александромъ Македонскымъ, нечистыя человѣкы, якоже сказаеть о нихъ Меѳодій Патаріискый: и взиде на восточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистые, отъ племене Афетова; ихъ же нечистоту видѣхъ: ядаху скверную всяку, комары и мухы, котки, змiѣ, и мертвецъ не погребаху, но ядаху и женьскыя изворогы и скоты вся нечистыя; то видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія; и Богу повелѣвшю, ступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огня взяти, не възмогуть и жещи; вещь бо сунклитова сице есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь; въ послѣдніа же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыне Етривьскыя, изидуть и си скверніи языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божію“. О другихъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣніяхъ начальнаго

лѣтописца говорено было выше въ своемъ мѣстѣ; теперь же взглянемъ на отзывы лѣтописца о разныхъ физическихъ явленіяхъ: каждое необыкновенное физическое явленіе предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное въ мірѣ нравственномъ, обыкновенно что-нибудь недоброе: въ 1063 году шелъ Волховъ въ Новгородѣ назадъ 5 дней; это знаменіе было не къ добру, говоритъ лѣтописецъ: на четвертый годъ князь Всеславъ пожегъ городъ. Въ слѣдующемъ году „бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, выходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ и пребысть за 7 днiй, се же проявляше не на добро: по семъ бо быша усобицѣ много и нашествіе поганыхъ на Руськую землю, си бо звѣзда бѣ аки кровава, проявляющи кровопролитье. Въ си же времена бысть дѣтищь вверьженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища вывлокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша и въ воду, бяшеть бо сиць; на лици ему срамнiи удове, иного нелзѣ казати срама ради. Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголютъ снѣдаему сущю. Се же бываетъ сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ“. Слѣдуетъ исчисленіе необыкновенныхъ явленій, видѣнныхъ въ разныхъ странахъ и предвозвѣстившихъ народныя бѣдствія; это исчисленіе лѣтописецъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли сонци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, на благо бывають: но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють“. Подъ 1091 годомъ читаемъ: „Бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриные за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша“. Подъ 1102: „Бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни: аки пожарная заря отъ востока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы отъ луны полны свѣтящыя. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ, мѣсяца февраля въ 5-й день. Того же мѣсяца въ 7-й день бысть знаменемъ въ солнци; огородилося быше солнце въ три дугы, и быша другыя дугы хребты къ собѣ. И си видяще знаменья, благовѣрніи человѣци со воздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро“. Подъ 1104 г.: „Стояше солнце вькрузѣ,

а посреди круга крестъ, а спереди креста солнце, а внѣ круга оба полы два солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; такоже знаменье и въ лунѣ тѣмъ же образомъ, мѣсяца февраля въ 4, 5 и 6 день, въ дне по три дни, а въ нощь въ лунѣ по три нощи". Подъ 1110: „Въ 11-й день февраля мѣсяца явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1-й нощи". Подъ 1141 годомъ: „Дивьно знаменье бысть на небеси и страшно: быша три солнца сіюща межи собою, а столпи 3 отъ земли до небесе, надо всѣми горѣ баше акы дуга мѣсяць особѣ стояче". Подъ 1203 годомъ: „Бысть во едину нощь, въ пятый часъ нощи, потече небо все и бысть чермно, по земли же и по хоромемъ снѣгъ, мнѣти же всѣмъ человѣкомъ зряче, аки кровь прольяна на снѣгу; и видѣша же пѣціи теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгаху бо ся звѣзды на землю, мнѣти видящимъ я яко кончину".Подъ 1186 годомъ описаніе солнечнаго затменія: „мѣсяца мая въ 1-й день, въ среду на вечерни, бысть знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти, человѣкомъ въ очью яко зелено баше, и въ солнци учинися яко мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаровъ исхожаше: страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменье Божье". Описавъ солнечное затменіе въ 1113 году, предвозвѣстившее, по тогдашнему мнѣнію смерть великаго князя Святополка, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же бываютъ знаменія не на добро, бываютъ знаменья въ солнци и въ лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но въ которой либо землѣ аще будеть знаменье, то та земля и видитъ." Подъ 1143 годомъ, читаемъ описаніе бури: „Бысть буря велика, ака же не была николиже, около Котелничѣ, и розноси хоромы и товаръ и клѣти и жито изъ гуменъ, и просто рещи, яко рать взяла, и не остася у клѣтехъ ничтоже; и пѣціи налѣзоша бронѣ у болотѣ, занесены бурею". Подъ слѣдующимъ годомъ читаемъ: „Бысть знаменіе за Днѣпромъ, въ Кіевской волости: летящю по небеси до земли яко кругу огнену, и остася по слѣду его знаменіе въ образѣ змья великаго, и стоя по небу съ часъ дневный и разидося[2]. Въ то же лѣто паде снѣгъ великъ въ Кіевской сторони, коневи до череви, на великъ день". Подъ 1161 годомъ: „Бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ въстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое и убываніе по-малу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудна, черна, и пакы бысть яко

кровава, и потомъ бысть яко двѣ лица имущи, едино зелено, а другое желто, и посреди ея яко два разьпая сѣкущеся мечема, и единому ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старіи люди: не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть—еже бысть". (убитъ былъ Изяславъ Давыдовичъ).—Подъ 1195: „Тоеже зимы, по Ѳедоровѣ недѣли во вторникъ въ 9-й часъ потрясеся земля по всей области Кіевской и по Кыеву: церькви каменныя и деревянныя колебахуся, и вси людіе видяще, отъ страху не можаху стояти, овіи падаху ници, иніи же трепетаху. И рекоша игумени блаженіи: се Богъ проявилъ есть показая силу свою за грѣхы наша, да быхомъ остали отъ злого пути своего; иніи же молвяхуть другъ ко другу: сіи знаменія не на добро бываютъ, но на паденіе многихъ, и на кровопролитіе, и на мятежь многъ въ Русской землѣ, еже и събысться" (усобица Мономаховичей съ Ольговичами).

Изложивъ общія черты нашей древней лѣтописи, скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ изложенія, которыми отличаются различныя мѣстныя лѣтописи. До насъ отъ описываемаго времени дошли двѣ лѣтописи сѣверныя—новгородская и суздальская, и двѣ южныя—кіевская, съ явными вставками изъ черниговской, полоцкой и, вѣроятно, другихъ лѣтописей, и волынская. Новгородская лѣтопись отличается краткостію, сухостію разсказа; такое изложеніе происходитъ вопервыхъ, отъ бѣдности содержанія: новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны, нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, Новгородцы не любили разглагольствовать, они не любятъ даже договаривать своей рѣчи, и однако хорошо понимаютъ другъ друга; можно сказать, что дѣло служитъ у нихъ окончаніемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: „тому есмь радъ, оже вины моеи нѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князехъ".—Разсказъ южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостію, образностію, можно сказать, художественностію; преимущественно волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи: нельзя не замѣтить здѣсь вліянія южной природы, характера южнаго народонаселенія: можно сказать, что новгородская лѣтопись относится къ южной—кіевской и волынской

какъ поученіе Луки Жидяты относится къ словамъ Кирилла Туровскаго. Что же касается до разсказа суздальскаго лѣтописца, то онъ сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной; можно сказать, что южная лѣтопись—кіевская и волынская относятся къ сѣверной суздальской, какъ Слово о Полку Игореву относится къ сказанію о Мамаевомъ побоищѣ.

ГЛАВА II.

Отъ смерти Мстислава Торопецкаго до опустошенія Руси Татарами.

(1228—1240).

События новгородскія.—Война суздальскихъ князей съ Черниговомъ.—Вражда Новгорода со Псковомъ.—Войны съ Мордвою, Болгарами, Нѣмцами и Литвою.—Усобица въ Смоленскѣ.—Дѣятельность Даніила Романовича галицкаго.—Участіе его въ польскихъ дѣлахъ.—Тевтонскій орденъ.—Батыево нашествіе.—Свѣдѣнія о Татарахъ.

Отношенія новгородскія, столкновенія здѣсь князей сѣверныхъ съ южными грозили было во второй разъ нарушить покой на сѣверѣ. Мы видѣли [249], что въ 1228 году Новгородцы, не довольные Ярославомъ Всеволодовичемъ, призвали къ себѣ вторично Михаила черниговскаго: послѣдній былъ шуринъ великому князю Юрію владимирскому, который въ первый разъ посадилъ его въ Новгородѣ; Ярославу стали говорить, что и теперь Михаилъ посаженъ въ Новгородѣ по старанію Юрія; Ярославъ повѣрилъ наговорамъ: въ самомъ дѣлѣ могъ ли владимірскій князь спокойно видѣть, что младшій братъ его, князь Переяславля-Залѣсскаго, усиливается на счетъ Новгорода, не имѣлъ ли Юрій важныхъ причинъ мѣшать этому усиленію? Какъ бы то ни было, Ярославъ сталъ сердиться на старшаго брата, и, чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать противъ него, поссорилъ съ дядею и троихъ Константиновичей ростовскихъ—Василька, Всеволода и Владиміра. Юрій, узнавши объ этомъ, спѣшилъ предупредить усобицу, и въ 1229 году повѣстилъ всѣмъ родичамъ, чтобъ съѣхались къ нему во Владимиръ на сеймъ; Ярославъ сначала не хотѣлъ было ѣхать, но узнавъ, что племянники поѣхали,

отправился и самъ во Владиміръ. Здѣсь Юрію удалось уладить дѣло: всѣ родичи поклонились ему, называя отцемъ себѣ и господиномъ, весело отпраздновали Рождество Богородицы, получили подарки сами и боляре ихъ, и разъѣхались довольные по волостямъ своимъ [250]. Ярославъ, обезпеченный со стороны старшаго брата, сталъ готовиться къ войнѣ съ Михаиломъ; тогда во Владиміръ явилось посольство изъ южной Руси отъ князя кіевскаго—Владиміра Рюриковича и черниговскаго—Михаила, обоихъ близкихъ свойственниковъ великаго князя Юрія (который въ томъ же 1230 году женилъ сына своего Всеволода на дочери Владиміра кіевскаго); пріѣхалъ самъ митрополитъ Кириллъ съ черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ: новое могущественное значеніе сѣверной Руси уже не въ первый разъ заставляетъ митрополитовъ отправляться туда и стараться, чтобъ обѣ половины Руси были въ политическомъ единеніи, которое условливало и единеніе церковное. Митрополитъ достигъ цѣли своей поѣздки: Ярославъ послушался старшаго брата Юрія, отца своего митрополита, и заключилъ миръ съ Михаиломъ [251]. Слѣдствіемъ мира было то, что какъ мы видѣли, Михаилъ уѣхалъ изъ Новгорода, оставя тамъ сына своего Ростислава, и Новгородцы не могли дождаться его съ войскомъ, чтобъ идти вмѣстѣ на Ярослава. Но опять новыя волненія въ Новгородѣ, торжество стороны суздальской, изгнаніе Ростислава, бѣгство приверженцевъ Михаиловыхъ къ нему въ Черниговъ, и утвержденіе Ярослава въ Новгородѣ, могли снова возбудить вражду Суздаля съ Черниговомъ; сюда присоединялась еще другая причина вражды, къ которой не могъ быть нечувствителенъ и самъ великій князь Юрій: въ 1232 году Михаилъ черниговскій, вмѣстѣ съ Владиміромъ кіевскимъ, двинулись на волынскихъ князей—Даніила и Василька Романовичей, бывшихъ въ близкомъ свойствѣ съ Юріемъ владимірскимъ, ибо дочь послѣдняго была за Василькомъ [252]. Какъ бы то ни было, но въ томъ же 1232 году великій князь Юрій съ братомъ Ярославомъ и племянниками Константиновичами вступилъ въ черниговскія волости; самъ Юрій возвратился не доходя Серенска [253]; но Ярославъ съ новгородскимъ войскомъ взялъ и сжегъ Серенскъ, осадилъ было и Мосальскъ, но отступилъ безъ успѣха и безъ мира, истребивши только много хлѣба во владѣніяхъ врага своего.

У послѣдняго, какъ мы видѣли, жило много Новгородцевъ, его приверженцевъ, бѣжавшихъ вслѣдствіе перевѣса стороны суздаль-

ской. Внѣздъ Водовикъ умеръ; но у него остался сынъ, который вмѣстѣ съ пятью другими изгнанниками, подговоривши трубчевскаго князя Святослава, явился въ предѣлахъ новгородскихъ; но Святославъ, увидавши что товарищи его обмануты своими пріятелями въ Новгородѣ, что тамъ нѣтъ никакой надежды на успѣхъ, уѣхалъ назадъ; тогда новгородскіе изгнанники бросились во Псковъ и получили здѣсь успѣхъ, благодаря, вѣроятно недавней враждѣ Псковичей съ Ярославомъ: они схватили намѣстника послѣдняго, Вячеслава, прибили его, заключили въ оковы; смута вставала и въ Новгородѣ: вѣроятно и здѣсь поднялась враждебная Ярославу сторона, пользуясь оттутствіемъ князя; но пріѣздъ Ярослава утишилъ волненіе; князь велѣлъ схватить Псковичей, бывшихъ въ Новгородѣ, посадилъ ихъ на Городищѣ въ гридницѣ, и послалъ во Псковъ объявить его жителямъ: „Мужа моего отпустите, а тѣмъ путь покажите прочь, пусть идутъ, откуда пришли.“ Но Псковичи не послушались, стали крѣпко за изгнанниковъ, и велѣли отвѣчать Ярославу и Новгородцамъ: „вышлите къ нимъ женъ ихъ и все имѣніе, тогда мы отпустимъ Вячеслава, или мы себѣ, а вы себѣ.“ Такъ прошло все лѣто безъ мира. Но Псковичи не могли жить долго во враждѣ съ Новгородомъ: когда Ярославъ не велѣлъ пускать къ нимъ купцовъ, и берковецъ соли сталъ продаваться по 7 гривенъ, то они отпустили Вячеслава а князь отпустилъ къ нимъ женъ новгородскихъ изгнанниковъ, но мира все еще не было; наконецъ зимою явились псковскіе послы въ Новгородъ, поклонились Ярославу, сказали ему: „ты нашъ князь“ и стали просить у него себѣ въ князья сына его Ѳеодора; Ярославъ не далъ имъ сына, но далъ шурина, князя Юрія [254]; Псковичи взяли Юрія, а изгнанникамъ новгородскимъ показали отъ себя путь, и тѣ отправились къ Нѣмцамъ въ Оденпе.

Таковы были внутреннія событія на сѣверѣ. Извнѣ в. кн. Владимірскій продолжалъ борьбу съ Мордвою, которая въ 1229 году приходила съ княземъ своимъ Пургасомъ къ Нижнему Новгороду, но жители отбились отъ нея: варварамъ удалось только сжечь Богородичный монастырь, да загородную церковь. Между самою Мордвою шла усобица; въ томъ же году сынъ русскаго присяжника Пуреша напалъ съ Половцами на Пургаса, избилъ всю его Мордву и Русь [255], и самъ Пургасъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Подъ 1232 годомъ лѣтописецъ говоритъ о походѣ на Мордву сына великокняжескаго Всеволода съ князьями рязанскими и муромскими:

Русскіе пожгли непріятельскія села и перебили Мордвы много. Съ Болгарами послѣ трехлѣтняго мира въ 1224 году началась опять вражда; въ чемъ она обнаруживалась, неизвѣстно; извѣстно только то, что въ 1230 г. Болгары опять поклонились великому князю Юрію, и заключили миръ, размѣнявшись плѣнными и заложниками. На сѣверо-западѣ Новгородцы боролись съ Нѣмцами и Литвою. Мы видѣли, что изгнанники новгородскіе, Борисъ Нѣгочевичъ и другіе, будучи принуждены выѣхать изъ Пскова, удалились къ Нѣмцамъ въ Оденпе, разумѣется не на добро своей родинѣ; тамъ же у Нѣмцевъ жилъ изгнанный князь Ярославъ, сынъ извѣстнаго уже намъ Владиміра псковскаго. Въ 1233 г. эти изгнанники—Ярославъ и Новгородцы вмѣстѣ съ Нѣмцами ворвались нечаянно въ русскія владѣнія и захватили Изборскъ; но Псковичи отняли назадъ у нихъ этотъ городъ. Въ томъ же году Нѣмцы опять показались въ новгородскихъ владѣніяхъ [256]; князя Ярослава не было въ то время въ Новгородѣ; но скоро онъ пришелъ съ сильными полками переяславскими, чтобъ отмстить Нѣмцамъ за обиды. Время было удобное дѣйствовать противъ Нѣмцевъ: Новгородъ и Псковъ въ соединеніи подъ однимъ княземъ, а между тѣмъ Ливонія лишилась своего великаго Алберта, умершаго въ 1229 году. Магистръ Ордена Волквинъ, которому тяжка была зависимость отъ Алберта, рѣшился воспользоваться его смертію, чтобъ высвободить себя изъ-подъ зависимости отъ преемника Албертова, которымъ былъ назначенъ Николай изъ Магдебурга. Съ этою цѣлію онъ рѣшился соединить свой орденъ съ Нѣмецкимъ орденомъ, который процвѣталъ тогда подъ начальствомъ магистра Германа Фонъ-Залца: но Германъ отклонилъ на этотъ разъ предложеніе Волквина, и такимъ образомъ орденъ Ливонскій былъ пока предоставленъ собственнымъ силамъ, которыхъ вовсе не было достаточно для отпора Русскимъ, еслибъ только послѣдніе могли сообщить постоянство своимъ движеніямъ. Въ 1234 году князь Ярославъ съ своими полками и новгородскими выступилъ на Нѣмцевъ подъ Юрьевъ и сталъ не далеко отъ города, отпустивъ людей своихъ воевать окрестную страну для сбора съѣстныхъ припасовъ, что называлось тогда: „воевать въ зажитіе.“ Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Юрьева, другіе изъ Оденпе, но Русскіе побили ихъ; нѣсколько лучшихъ Нѣмцевъ пало въ битвѣ, но больше погибло ихъ въ рѣкѣ, когда подъ ними обломился ледъ; Русскіе,

воспользовавшись побѣдою, опустошили ихъ землю, истребили хлѣбъ; тогда Нѣмцы поклонились князю, и Ярославъ заключилъ съ ними миръ на всей своей правдѣ. Послѣднія слова могутъ вести къ тому заключенію, что тутъ-то Ярославъ выговорилъ дань съ Юрьева для себя и для всѣхъ преемниковъ своихъ, ту знаменитую дань, которая послѣ послужила Іоанну IV-му поводомъ лишить Ливонію независимости. Этотъ походъ Ярослава былъ, вѣроятно, одною изъ главныхъ причинъ, почему Волквинъ возобновилъ стараніе о соединеніи обоихъ орденовъ въ одинъ. Въ 1235 году Германъ Фонъ-Залца, чтобъ разузнать состояніе дѣлъ въ Ливоніи, отправилъ туда Еренфрида Фонъ-Неуенбургъ, коммандора алтенбургскаго, и Арнольда Фонъ-Неуендорфъ, коммандора негельстандскаго. Они возвратились и привели съ собою троихъ депутатовъ отъ ливонскихъ рыцарей. Лудвигъ Фонъ-Оттингенъ, намѣстникъ великаго магистра въ Пруссіи собралъ капитулу въ Марбургѣ, гдѣ Ливонскіе рыцари обстоятельно были допрашиваемы объ ихъ правилахъ, образѣ жизни, владѣніяхъ и притязаніяхъ; потомъ спрошены были коммандоры, посыланные въ Ливонію. Еренфридъ Фонъ-Неуенбургъ представилъ поведеніе рыцарей Меча вовсе не въ привлекательномъ свѣтѣ, описалъ ихъ людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правиламъ своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общаго блага,—„а эти, прибавилъ онъ, указывая пальцемъ на присутствующихъ рыцарей ливонскихъ, да еще четверо мнѣ извѣстныхъ, хуже всѣхъ тамъ“ [257]. Арнольдъ Фонъ-Неуендорфъ подтвердилъ слова своего товарища, послѣ чего не удивительно было, что когда стали собирать голоса—принимать ли Меченосцевъ въ соединеніи? то сначала воцарилось всеобщее молчаніе, а потомъ единогласно рѣшили дожидаться прибытія великаго магистра. Но медлить скоро нельзя стало болѣе: въ 1236 году [258] магистръ Волквинъ сдѣлалъ опустошительный набѣгъ на Литву, но скоро былъ окруженъ многочисленными толпами враговъ и погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ; псковской отрядъ изъ 200 человѣкъ сопровождалъ магистра въ этомъ несчастномъ походѣ: изъ десяти одинъ возвратился домой. Тогда остальные Меченосцы отправили посла въ Римъ представить папѣ безпомощное состояніе ордена, церкви ливонской, и настоятельно просить о соединеніи ихъ съ орденомъ Тевтонскимъ. Папа Григорій IX-й призналъ необходимость этого соединенія, и оно воспослѣдовало въ 1237 году: первымъ провинціальнымъ магистромъ

ливонскимъ былъ назначенъ Германъ Балкъ, извѣстный уже своими подвигами въ Пруссіи.

Литва по прежнему продолжала свои набѣги: въ 1229 году она опустошила страну по озеру Селигеру и рѣкѣ Полѣ, въ нынѣшнемъ Демьянскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи [259]; Новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полонъ. Въ 1234 году Литовцы явились внезапно передъ Русою и захватили посадъ до самаго торгу; но жители и з а с а д а (гарнизонъ) успѣли вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на Литву, выгнали ее изъ посада, и продолжали бой на полѣ; Литовцы отступили. Князь Ярославъ, узнавши объ этомъ, двинулся на враговъ съ конницею и пѣхотою, которая ѣхала въ насадахъ по рѣкѣ Ловати; но у Муравьина [260] князь долженъ былъ отпустить пѣхоту назадъ, потому что у ней не достало хлѣба, а самъ продолжалъ путь съ одною конницею: въ торопецкой волости на Дубровнѣ встрѣтилъ онъ Литовцевъ и разбилъ ихъ; побѣжденные потеряли 300 лошадей, весь товаръ, и побѣжали въ лѣсъ, побросавши оружіе, щиты, с о в н и, а нѣкоторые тутъ и к о с т ь ю п а л и. Новгородцы потеряли 10 человѣкъ убитыми.

Изъ событій въ другихъ княжествахъ лѣтопись упоминаетъ объ усобицѣ въ Смоленскѣ: по смерти Мстислава Давыдовича (1230 г.); столъ этотъ, по родовымъ счетамъ, долженъ былъ перейти въ третье поколѣніе Ростиславичей, именно достаться внуку Романову, Святославу Мстиславичу; но Смольняне почему-то не хотѣли имѣть его своимъ княземъ; тогда Святославъ въ 1232 г., съ помощію Полочанъ, взялъ Смоленскъ на щитъ, перебилъ его жителей, себѣ враждебныхъ, и сѣлъ на столѣ.

Подвиги Мстислава торопецкаго не принесли никакой существенной пользы для южной Руси; но по смерти Мстислава судьба дала ей другаго князя, котораго характеръ вполнѣ былъ способенъ доставить ей прочную и великую будущность,—если только будущность южной Руси могла зависѣть отъ личности одного князя; этотъ князь былъ молодой Даніилъ, сынъ Романа Великаго. Съ блестящимъ мужествомъ, славолюбіемъ, наслѣдственнымъ въ племени Изяславовомъ, Даніилъ соединялъ способность къ обширнымъ государственнымъ замысламъ и къ государственной распорядительности; съ твердостію, умѣньемъ неуклонно стремиться къ разъ предположенной цѣли онъ соединялъ мягкость въ поведеніи, разборчивость въ сред-

ствахъ, въ чемъ походилъ на прадѣда своего Изяслава, и рѣзко отличался отъ отца своего, Романа. Начиная разсказъ о подвигахъ Даніиловыхъ, лѣтописецъ имѣлъ полное право сказать: „начнемъ разсказывать о безчисленныхъ ратяхъ, великихъ трудахъ, частыхъ войнахъ, многихъ крамолахъ, частыхъ возстаніяхъ, многихъ мятежахъ;“ имѣлъ полное право сказать, что сыновьямъ Романовымъ измлада не было покоя. По смерти Мстислава они остались окруженные со всѣхъ сторонъ врагами: въ Галичѣ королевичъ венгерскій и непріязненные бояре; въ Пинскѣ князь Ростиславъ, злобившійся на Даніила за отнятіе Черторыйска и плѣнъ сыновей; въ Кіевѣ Владиміръ Рюриковичъ, наслѣдовавшій вражду отца своего къ Роману Великому и сыновьямъ послѣдняго; князья черниговскія не хотѣли также забыть притязаній племени своего на Галичъ, и злой обиды, полученной тамъ. Тщетно митрополитъ Кириллъ, котораго мы уже въ третій разъ застаемъ въ святомъ дѣлѣ миротворства, и котораго лѣтописецъ величаетъ преблаженнымъ и святымъ, старался отвратить усобицу: Ростиславъ Пинскій не переставалъ клеветать на Даніила и подвигать другихъ князей, и вотъ Владиміръ Кіевскій собралъ войско: „отецъ Даніиловъ постригъ отца моего,“ говорилъ онъ, и была у него въ сердцѣ боязнь великая, прибавляетъ лѣтописецъ: значитъ Владиміръ боялся, что молодой Даніилъ пойдетъ по слѣдамъ отца своего, и плохо придется отъ него сосѣдямъ. Владиміръ посадилъ и половецкаго хана Котяна на коня, всѣхъ Половцевъ, и вмѣстѣ съ Михаиломъ Черниговскимъ осадилъ Каменецъ; въ рати осаждающихъ были: Куряне (жители Курска), Пиняне, Новгородцы (Сѣверскіе), Туровцы. Даніилъ видѣлъ, что нельзя ему противиться такой рати, тѣмъ болѣе, что въ Галичѣ королевичъ и главный совѣтникъ его, бояринъ Судиславъ были въ союзѣ съ кіевскимъ княземъ: онъ началъ мирные переговоры, чтобъ выиграть время и раздѣлать союзниковъ, что и удалось ему относительно половецкаго хана Котяна: „Батюшка!“ послалъ сказать Даніилъ Половчину: „разстрой эту войну, прими меня въ любовь къ себѣ.“ Котянъ отдѣлился отъ союзниковъ, опустошилъ галицкую землю, и ушелъ назадъ къ себѣ въ степи; остальные союзники, не успѣвши взять Каменецъ, также отступили въ свои владѣнія. А между тѣмъ Даніилъ спѣшилъ въ Польшу за помощью, и получивши ее, предпринялъ съ своей стороны наступательное движеніе, пошелъ къ Кіеву;

но на дорогѣ встрѣтили его послы отъ кіевскаго и черниговскаго князей, и заключили миръ.

Въ слѣдующемъ 1229 году успѣхъ ждалъ Даніила на другой сторонѣ, въ Галичѣ: когда онъ былъ въ Угровскѣ, то преданные ему Галичане прислали сказать ему: „Ступай скорѣе къ намъ: Судиславъ ушелъ въ Понизье, а королевичъ одинъ остался въ Галичѣ.“ Даніилъ немедленно съ небольшою дружиною пошелъ къ этому городу, а тысяцкаго своего Дамьяна послалъ на Судислава; на третьи сутки въ ночь подошелъ Даніилъ къ Галичу, гдѣ успѣлъ уже затвориться Судиславъ, ускользнувшій отъ Дамьяна; Волынцамъ только удалось захватить его дворъ подлѣ Галича, гдѣ они нашли много вина, овощей, корму всякаго, копій, стрѣлъ. Даніилъ стоялъ противъ города, на другомъ берегу Днѣстра; Галичане и Венгры выѣзжали и бились на льду; но къ вечеру ледъ поднялся, рѣка наводнилась, и враждебный Даніилу бояринъ Семьюнко (котораго лѣтописецъ сравниваетъ съ лисицею по краснотѣ лица), зажегъ мостъ. Въ это время явился къ Даніилу Дамьянъ со многими галицкими боярами, принявшими сторону сына Романова, у котораго такимъ образомъ набралась многочисленная рать. Даніилъ очень обрадовался ей, жалѣлъ только, что мостъ зажженъ и не почему перейти Днѣстра; но когда поѣхалъ онъ посмотрѣть на мѣсто, то увидалъ, что конецъ моста погасъ, и переправа возможна: радость была большая, и на другой же день все войско перешло Днѣстръ и обступило Галичъ съ четырехъ сторонъ; осажденные не могли держаться долѣе и сдали городъ, при чемъ королевичъ достался въ плѣнъ Даніилу; но тотъ вспомнилъ прежнюю любовь къ себѣ отца его Андрея, и отпустилъ его къ послѣднему; изъ бояръ галицкихъ съ королевичемъ пошелъ только одинъ Судиславъ, въ котораго народъ бросалъ камнями, крича: „вонъ изъ города, мятежникъ земскій!“ Но Судиславъ спѣшилъ отомстить народу новымъ мятежомъ: пріѣхавши въ Венгрію, онъ не переставалъ твердить королю и королевичу: „ступайте на Галичъ, возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрѣпятся на васъ.“ Андрей послушался, собралъ большое войско и объявилъ походъ: „Не останется въ Галичѣ камень на камнѣ, говорилъ онъ: никто уже теперь не избавитъ его отъ моей руки.“ Но какъ скоро вступилъ онъ въ Карпаты, то полили сильные дожди, лошади тонули, люди едва могли спастись на высокихъ мѣстахъ. Не смотря на то, король шелъ дальше и осадилъ Галичъ, для за-

щиты котораго Даніилъ оставилъ извѣстнаго намъ тысяцкаго Дамьяна. Этотъ воевода не испугался высокомѣрнаго вызова королевскаго и не сдалъ города; Андрею же нельзя было долѣе оставаться подъ Галичемъ, потому что въ войскахъ его открылась страшная болѣзнь, кожа падала у Венгровъ съ ногъ какъ обувь. Король снялъ осаду; Галичане напали на отсталыхъ, и много перебили и побрали въ плѣнъ, еще больше умерло на дорогѣ отъ болѣзни.

Даніилъ избавился отъ враговъ внѣшнихъ, но лѣтописецъ опять начинаетъ разсказъ свой зловѣщими словами: „Скажемъ многій мятежъ, великія льсти, безчисленныя рати". Бояре галицкіе, привыкшіе къ крамоламъ, находившіе свою выгоду въ безпорядкѣ, въ возможности переходить отъ одного князя къ другому, не могли сносить спокойно установленіе наряда, утвержденіе сына Романова на столѣ отцовскомъ. Они стали сноситься съ давнимъ врагомъ Романовичей, Александромъ Бѣльзскимъ, какъ бы убить Даніила и взять къ себѣ въ князья его, Александра. Однажды заговорщики сидѣли вмѣстѣ и совѣтовались, какъ бы зажечь дворъ княжескій и такимъ образомъ погубить Даніила: въ это время братъ его Василько входитъ къ нимъ и въ шутку бросается съ обнаженнымъ мечемъ на одного слугу, вырываетъ щитъ у другаго; заговорщики испугались, думая, что Василько поступаетъ такъ съ намѣреніемъ, открывши ихъ замыселъ, и бросились бѣжать. Даніилъ съ братомъ никакъ не могли догадаться, отъ чего побѣжали бояре, какъ одинъ изъ оставшихся, Филиппъ, сталъ звать къ себѣ Даніила на пиръ; Даніилъ поѣхалъ, но на дорогѣ нагналъ его посолъ отъ тысяцкаго Дамьяна: „пиръ затѣянъ злой, сказалъ ему посолъ: Филиппъ съ Александромъ Бѣльзскимъ сговорились убить тебя". Даніилъ возвратился въ Галичъ, и послалъ сказать брату Васильку во Владиміръ, чтобъ шелъ на Александра; Василько выгналъ Александра въ Перемышль, взялъ Бѣльзъ, а сѣдельничаго своего Ивана Михайловича послалъ захватить бояръ, которыхъ и взято было 28 человѣкъ; но Даніилъ не хотѣлъ поступать по примѣру отца, и простилъ крамольниковъ. Великодушіе однако не помогло, а только еще усилило дерзость бояръ: одинъ изъ этихъ безбожниковъ, по выраженію лѣтописца, залилъ на пиру князю лице виномъ: Даніилъ стерпѣлъ и это оскорбленіе. Но онъ не хотѣлъ оставить безъ наказанія Александра Бѣльзскаго, который засѣлъ въ Перемышлѣ съ своими галицкими соумышленниками. Изъ всей дружины у Даніила осталось

только 18 отроковъ, на которыхъ можно было положиться; онъ созвалъ ихъ на вѣче вмѣстѣ съ Дамьяномъ тысяцкимъ и спросилъ: „хотите ли оставаться мнѣ вѣрными и идти со мною на враговъ моихъ?“ Тѣ отвѣчали: „Вѣрны мы Богу и тебѣ, господину нашему, ступай съ Божіею помощью“; а сотскій Микула прибавилъ при этомъ: „Господинъ! не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть“. Старый дядька Даніила, Мірославъ привелъ къ нему на помощь еще немного отроковъ, и съ такою-то небольшою дружиною Даніилъ выступилъ къ Перемышлю; на дорогѣ впрочемъ присоединились къ нему и невѣрные бояре, показывая только видъ вѣрности. Александръ, узнавши о приближеніи Даніила, бросилъ все свое имѣніе и убѣжалъ въ Венгрію, гдѣ вмѣстѣ съ Судиславомъ сталъ опять поднимать короля на Даніила: король послушался и съ двумя сыновьями выступилъ къ Ярославлю, гдѣ заперся воевода Даніиловъ, Давыдъ Вышатичъ, который отбивался цѣлый день отъ Венгровъ, и отбился. Но у Давыда была теща, большая пріятельница Судиславу, который звалъ ее не иначе какъ матерью: она стала стращать зятя и успѣла напугать его; тщетно товарищъ его, Василько Гавриловичъ, мужъ крѣпкій и храбрый, уговаривалъ не сдаваться; тщетно переметчикъ, пріѣхавшій изъ полковъ венгерскихъ, говорилъ Давыду, что ослабленные Венгры не въ состояніи взять города — Давыдъ сдалъ Ярославль, только самъ вышелъ цѣлъ со всѣмъ войскомъ. Взявши Ярославль, король пошелъ къ Галичу; а между тѣмъ отступленіе отъ Даніила боярина Климаты, убѣжавшаго съ Голыхъ горъ къ королю, послужило знакомъ къ измѣнѣ всѣхъ остальныхъ бояръ галицкихъ. Отнявши Галичъ у Даніила, король перешелъ теперь въ дѣдовскую волость его, и осадилъ Владиміръ Волынскій: король Андрей, по словамъ лѣтописца, удивленъ былъ видомъ этого города, многочисленностію ратниковъ, которыхъ оружіе и щиты блистали какъ солнце: „такого города не находилъ я и въ нѣмецкихъ земляхъ“, сказалъ онъ. И начальникъ въ городѣ былъ надежный — старый дядька Даніиловъ, Мірославъ: „Богъ знаетъ, что съ нимъ случилось, говоритъ лѣтописецъ: въ старину онъ былъ храбръ, а тутъ смутился умомъ, и заключилъ миръ съ королемъ, безъ совѣта съ своими князьми—Даніиломъ и Василькомъ, обязался уступить Бѣлзъ и Червень Александру“. Сильно упрекали за это Романовичи Мірослава: „зачѣмъ мирился, имѣя такое большое войско?“ Старикъ отпирался, что не уступалъ Венграмъ Червени. Какъ бы

то ни было, король достигъ своей цѣли, посадилъ опять сына въ Галичѣ, и ушелъ было въ Венгрію, но скоро опять сынъ его Андрей поднялъ рать на Даніила: съ королевичемъ былъ Александръ Бѣльзскій, Глѣбъ Зеремѣевичъ, князья Болховскіе [261] и множество Венгровъ. Соперники — королевичъ и Даніилъ видѣлись на рѣкѣ Вельѣ [262], но не уладились: изъ словъ лѣтописца видно, что виною этого была гордость Даніила, слишкомъ понадѣявшагося на свою силу [263]. На другой день Даніилъ перешелъ рѣку у Шумска и далъ кровопролитную битву Венграмъ, при чемъ воеводы уговаривали Романовичей воспользоваться выгоднымъ положеніемъ на высокихъ горахъ, но Даніилъ отвѣчалъ словами Писанія: „медляй на брань страшливу душу имать", и спустилъ полки свои внизъ на непріятеля; оба брата приняли дѣятельное участіе въ битвѣ, подвергаясь страшной опасности; но дружина Даніилова не отвѣчала храбрости князя своего и въ концѣ дѣла обратилась въ бѣгство; впрочемъ уронъ, претерпѣнный Венграми былъ такъ великъ, что они не смѣли преслѣдовать непріятеля и отступили въ Галичъ; Даніилъ съ успѣхомъ продолжалъ войну до конца года, мѣриломъ его успѣха служитъ то, что заклятой врагъ Романовичей, Александръ Бѣльзскій, перешелъ отъ королевича на ихъ сторону, прислалъ сказать имъ: „не годится мнѣ быть нигдѣ, кромѣ васъ"; и братья приняли его съ любовію. Въ слѣдующемъ 1232 году королевичъ и Судиславъ выслали противъ Даніила воеводу Діаниша; Даніилъ поѣхалъ въ Кіевъ, привелъ оттуда на помощь князя Владиміра Рюриковича, Изяслава, котораго считаютъ обыкновенно Владиміровичемъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго [264], Половцевъ, и выступилъ противъ Венгровъ, которые послѣ нерѣшительной битвы должны были возвратиться назадъ; Изяславъ въ самомъ началѣ похода отступилъ отъ Даніила, и вмѣсто того, чтобъ помогать ему, опустошилъ его же волость. Слѣдующій 1233 годъ былъ счастливъ для Даніила: Глѣбъ Зеремѣевичъ перешелъ на его сторону, послѣ чего Даніилъ и Василько немедленно отправились къ Галичу, гдѣ были встрѣчены большею частію бояръ: ясно, что переходъ Глѣба произошолъ съ согласія цѣлой стороны боярской; Даніилъ занялъ всю волость, роздалъ города боярамъ и воеводамъ (какъ видно съ этимъ условіемъ они и призвали его, не надѣясь получить того же отъ Венгровъ), и осадилъ королевича съ Діанишемъ и Судиславомъ въ Галичѣ. 9 недѣль стоялъ Даніилъ у города, гдѣ осажденные из-

немогли отъ недостатка пищи, и дождался только льду на Днѣстрѣ, чтобъ идти на приступъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Судиславъ придумалъ средство ослабить осаждающихъ: онъ послалъ сказать Александру Бѣльзскому: „дамъ тебѣ Галичъ, только отступи отъ брата“; Александръ прельстился обѣщаніемъ, и отступилъ. Но это вѣроломство не повредило нисколько Даніилу: скоро королевичъ умеръ, и Галичане прислали звать Даніила на его мѣсто; Судиславу удалось уйти въ Венгрію, но Александръ Бѣльзскій былъ схваченъ на дорогѣ въ Кіевъ.

Даніилъ утвердился опять въ Галичѣ; но ему суждено было измлада не имѣть покоя: вражда встала на востокѣ между Мономаховичами и Ольговичами, и Даніилъ вмѣшался въ нее. Еще въ 1231 году Владиміръ Кіевскій, угрожаемый Михаиломъ Черниговскимъ, присылалъ звать на помощь Даніила, и тотъ ѣздилъ по этому случаю въ Кіевъ; Владиміръ уступилъ ему изъ Русской земли часть Торческа, которую Даніилъ тотчасъ же отдалъ дѣтямъ Мстислава Торопецкаго, шурьямъ своимъ, сказалъ имъ: „за добро отца вашего возьмите и держите этотъ городъ“. Но нападеніе Венгровъ вызвало Даніила изъ Кіева. Въ 1233 г. Владиміръ опять прислалъ звать его на помощь, потому что Михаилъ стоялъ у Кіева; Даніилъ, спокойный теперь въ Галичѣ со стороны Венгровъ, пошелъ къ Днѣпру и заставилъ Михаила удалиться. Не удовольствовавшись этимъ, Мономаховичи перешли Днѣпръ, стали пустошить черниговскую волость, забирать города по Деснѣ, наконецъ осадили Черниговъ, поставили таранъ, и били изъ него стѣну камнями, а камни были въ подъемъ только человѣкамъ четыремъ сильнымъ; но Михаилу удалось обмануть осаждающихъ, выйти изъ города и побить галицкіе полки [265]. Мономаховичи—Даніилъ и Владиміръ возвратились въ Кіевъ, истомленные продолжительною войною, которую вели отъ Крещенья до Вознесенья, и Даніилъ уже сбирался идти домой лѣсною стороною, какъ пришла вѣсть, что Изяславъ съ Половцами воюетъ Русскую землю. Владиміръ сталъ просить Даніила помочь ему и противъ поганыхъ, старый дядька Мірославъ просилъ за Владиміра, и Даніилъ не смотря на изнеможеніе полковъ своихъ, отправился въ новый походъ. У Звенигорода встрѣтились они съ варварами; Владиміръ и Мірославъ стали теперь уговаривать Даніила возвратиться, но уже онъ не захотѣлъ: „Воинъ, говорилъ онъ, вышедши разъ на брань, долженъ или побѣдить, или пасть;

прежде я самъ вамъ отговарилъ идти въ походъ, а теперь вижу, что вы трусы; развѣ я вамъ не говорилъ, что не слѣдуетъ выходить усталымъ полкамъ противъ свѣжихъ? а теперь чего испугались, ступайте"! Сѣча была лютая, Даніилъ погналъ Половцевъ, но потерялъ коня, и видя, что всѣ другіе бѣгутъ, побѣжалъ и самъ; а Владиміръ и Мірославъ со многими другими боярами были взяты въ плѣнъ. Даніилъ прибѣжалъ въ Галичъ, и, по ложной вѣсти, что Изяславъ съ Половцами у Владиміра, отправилъ всѣ свои полки съ братомъ Василькомъ на помощь этому городу; но какъ скоро бояре галицкіе увидали, что князь остался безъ полковъ, то подняли крамолу, и Даніилъ принужденъ былъ уѣхать въ Венгрію. Цѣль этой поѣздки состояла, какъ видно, въ томъ, чтобъ убѣдить новаго короля Бѣлу IV не мѣшаться въ галицкія дѣла и дать время Романовичамъ управиться съ врагами единоплеменными [266]. Владиміръ Рюриковичъ освободился изъ половецкаго плѣна, но не могъ занять Кіева [267], гдѣ сидѣлъ уже Изяславъ, а союзникъ его Михаилъ Черниговскій занялъ между тѣмъ Галичъ; такимъ образомъ у Романовичей осталась опять одна Волынь.

Слѣдующіе годы прошли, какъ слѣдуетъ ожидать, въ безпрерывной борьбѣ: враги Романовичей предприняли наступательное движеніе на ихъ волость, отправили войска съ князьями Болховскими къ Каменцу; но бояре Даніиловы, съ помощію Торковъ, поразили ихъ, и взяли въ плѣнъ князей Болховскихъ. Михаилъ и Изяславъ стали тогда присылать къ Даніилу съ угрозою: „отдай нашу братью [268], а не то придемъ на тебя войною". Даніилъ не исполнилъ ихъ требованій, и они навели на него Ляховъ, Русь и Половцевъ. Но польскій князь, узнавши о разбитіи своего отряда у Червена, побѣжалъ назадъ, потопивши много войска въ рѣкѣ Вепрѣ; Половцы же пришли не для того, чтобъ биться съ Даніиломъ, а чтобъ опустошить галицкую волость, принадлежавшую союзнику ихъ Михаилу. Тогда Романовичи, въ свою очередь, предприняли наступательное движеніе на Михаила; два раза мирились, и послѣдній разъ Михаилъ уступилъ Даніилу Перемышль. Между тѣмъ въ Кіевѣ произошла перемѣна: князь Переяславля Залѣскаго и Новгорода Великаго, Ярославъ Всеволодовичъ, рѣшился воспользоваться усобицею на югѣ, и утвердиться въ Олеговой столицѣ, какъ утвердился въ Рюриковой; съ другой стороны, усиліе врага его Михаила Черниговскаго и вообще усиленіе Ольговичей на счетъ Мономаховичей

могло также побудить Ярослава вмѣшаться въ дѣла юга, но, разумѣется, онъ вмѣшался въ дѣло не для того только, чтобы дать перевѣсъ Мономаховичамъ надъ Ольговичами, какъ дѣлывалъ Мстиславъ Торопецкій: оставя въ Новгородѣ сына Александра, взявши съ собою нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ, 100 человѣкъ Новоторжанъ, полки переяславскіе и ростовскую помощь отъ племянниковъ, Ярославъ двинулся къ югу, опустошилъ область Черниговскую и сѣлъ на столѣ въ Кіевѣ, выгнавъ оттуда Изяслава. Но страшныя вѣсти съ сѣверовостока о татарскомъ нашествіи не позволили Ярославу долго оставаться въ Кіевѣ [269] Удаленіемъ Ярослава спѣшилъ воспользоваться Михаилъ Черниговскій: онъ занялъ и Кіевъ, отдавши Галичъ сыну своему Ростиславу, и отнявши Перемышль у Даніила, съ которымъ надѣялся легко теперь управиться, но обманулся въ надеждѣ, потому что какъ только Даніилъ получилъ вѣсть, что Ростиславъ съ дружиною отправился на Литву, то появился немедленно предъ стѣнами Галича и сталъ говорить его жителямъ: „люди городскіе! до какихъ поръ хотите вы терпѣть державу иноплеменныхъ князей?“ Тѣ закричали въ отвѣтъ: „Вотъ нашъ держатель Богомъ данный!“ и пустились къ Даніилу, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику, по выраженію лѣтописца. Епископъ Артемій и дворскій Григорій сперва удерживали жителей отъ сдачи; но видя, что не могутъ болѣе удержать, явились къ Даніилу со слезами на глазахъ, съ осклабленнымъ лицемъ, облизывая губы, по неволѣ сказали ему: „Приди князь Данило! прими городъ“. Даніилъ вошелъ въ свой городъ, и въ знакъ побѣды поставилъ хоругвь свою на Нѣмецкихъ воротахъ, а на другое утро пришла ему вѣсть, что Ростиславъ возвратился было къ Галичу, но узнавши, что городъ уже взятъ, бѣжалъ въ Венгрію. Тогда бояре, лишенные послѣдней надежды, пришли къ Даніилу, упали ему въ ноги и стали просить милости, говоря: „виноваты, что иного князя держали“. Даніилъ отвѣчалъ: „Милую васъ, только смотрите, впередъ этого не дѣлайте, чтобъ хуже не было“.

Таковы были внутреннія дѣла въ югозападной Руси до татарскаго нашествія; касательно внѣшнихъ мы видѣли столкновенія съ Польшею и Венгріею по поводу Галича, въ Польшѣ въ это время происходили событія, имѣвшія послѣ важное вліяніе на судьбы восточной Европы. Послѣ того какъ Владиславъ Лясконогій, принужденный уступить Краковъ Лешку Казимировичу [270], возвратился въ

свою отчину, встала усобица между нимъ и племянникомъ его сыномъ Оттоновымъ Владиславомъ, обыкновенно называемымъ Одоничемъ (Оттоновичемъ); эта усобица скоро обхватила всю Польшу и страшно опустошила ее, способствуя, съ другой стороны, большему ослабленію власти княжеской и усиленію власти прелатовъ и вельможъ. Въ 1227 году Владиславъ Одоничъ нанесъ страшное пораженіе Ласконогому и занялъ почти всѣ его владѣнія; тогда на помощь Ласконогому встали противъ Одонича князья—Лешко Краковскій, братъ его Конрадъ Мазовецкій и князь Генрихъ Бреславскій [271], а на сторону Одонича сталъ зять его (женинъ братъ), Святополкъ, князь Поморскій. Святополкъ и Одоничъ напали нечаянно на враждебныхъ князей, и поразили ихъ, при чемъ Лешко Краковскій лишился жизни. Тогда братъ его, Конрадъ Мазовецкій призвалъ на помощь противъ Одонича Даніила и Василька, постоянныхъ союзниковъ покойнаго Лешка; Романовичи пошли вмѣстѣ съ Конрадомъ и осадили Калишъ, Даніилъ хотѣлъ непремѣнно взять городъ, но Поляки не шли биться, несмотря на то, что Конрадъ, любя русскій бой, понуждалъ ихъ идти вмѣстѣ съ Русью. Между тѣмъ осажденные, видя приготовленія Даніиловыхъ ратниковъ къ приступу, послали просить Конрада, чтобъ прислалъ къ нимъ двоихъ мужей своихъ для переговоровъ; одинъ изъ послѣднихъ, Пакославъ, сказалъ Даніилу: „Переодѣнься, и поѣдемъ вмѣстѣ съ нами на переговоры". Даніилъ сперва не хотѣлъ ѣхать, но братъ Василько уговорилъ его: „ступай, послушай ихъ вѣче"; потому что Конрадъ не вѣрилъ одному изъ посланныхъ, Мстіую. Даніилъ, надѣвши шлемъ Пакославовъ, сталъ позади пословъ, и слушалъ, что осажденные говорили съ забралъ вельможамъ конрадовымъ: „Скажите вотъ что великому князю Конраду, наказывали имъ граждане: этотъ городъ не твой ли, и мы развѣ чужіе, ваши же братья, что жь надъ нами не сжалитесь? если насъ Русь плѣнитъ, то какую славу Конрадъ получитъ? Если русская хоругвь станетъ на забралахъ, то кому честь доставишь? не Романовичамъ ли однимъ? а свою честь унизишь; нынче брату твоему служимъ, а завтра будемъ твои: не дай славы Руси, не погуби нашего города". Пакославъ отвѣчалъ имъ на это: „Конрадъ-то бы и радъ васъ помиловать, да Даніилъ очень лютъ, не хочетъ отойти прочь, не взявши города: да вотъ онъ и самъ стоитъ, поговорите съ нимъ", прибавилъ онъ смѣясь и указывая на Даніила. Князь снялъ съ себя

шлемъ, и граждане закричали ему: „Смилуйся, помирись". Романовичъ много смѣялся и долго разговаривалъ съ ними, потомъ взявъ у нихъ двухъ человѣкъ, пошелъ къ Конраду, и тотъ заключилъ съ ними миръ. Русскіе поплѣнили множество челяди и боярынь; но тутъ Русь и Поляки заключили между собою условіе и утвердили его клятвою: если впередъ будетъ между ними война, то не воевать Полякамъ русской челяди, а Руси польской. Послѣ этого Романовичи возвратились домой съ честью и славою: ни одинъ другой князь не входилъ такъ глубоко въ землю польскую, кромѣ Владиміра Великаго, который землю крестилъ, говоритъ лѣтописецъ. Мы уже видѣли, что Конрадъ отплатилъ Романовичамъ за услугу, соединившись съ ихъ врагами; Даніилъ за это навелъ на него литовскаго князя Миндовга и русскаго, Изяслава новогрудскаго (новгородскаго).

Этотъ Конрадъ знаменитъ въ исторіи восточной Европы какъ виновникъ событія, имѣвшаго важное вліяніе на послѣдующія судьбы ея. Въ то время, когда западныя русскія области терпѣли отъ опустошительныхъ набѣговъ Литвы, волости польскія, преимущественно Мазовія, терпѣли еще больше отъ набѣгосъ единоплеменныхъ ей Пруссовъ. Конрадъ доведенъ былъ до отчаянія этими набѣгами, ибо не имѣлъ никакихъ средствъ вести не только наступательной, но и оборонительной войны съ варварами: мы видѣли уже, какъ повиновались ему подданные на войнѣ. Однажды шайка Пруссовъ пришла къ нему требовать лошадей и платья; Конрадъ не смѣлъ не исполнить требованія, и между тѣмъ не имѣлъ средствъ удовлетворить ему. Что же онъ сдѣлалъ въ такихъ обстоятельствахъ? Зазвалъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшихъ пановъ своихъ съ женами, и во время пира велѣлъ отобрать ихъ лошадей и верхнее платье и отослать Пруссамъ. Но не всегда же можно было употреблять подобныя средства, и потому Кондаръ началъ думать о другихъ. Въ это время въ Ливоніи рыцари Меча успѣшно дѣйствовали противъ туземцевъ. Конраду пришла мысль учредить подобный рыцарскій орденъ на границѣ своихъ владѣній, для постоянной борьбы съ Пруссами; орденъ былъ учрежденъ подъ именемъ Христова Ордена, и Конрадъ далъ ему во владѣніе замокъ Добрынь. Пруссы, свѣдавъ о новомъ врагѣ, нѣсколько разъ подступали къ замку, взять его не могли, но за то нагнали такой страхъ, что четверо или пятеро язычниковъ спокойно грабили подъ самыми валами Добрыня, и

никто не смѣлъ остановить ихъ. Конрадъ видѣлъ, что на подвиги Добрыньскихъ рыцарей плохая надежда, и потому обратился къ другому, болѣе знаменитому своею храбростью ордену. Въ 1192 году, во время послѣднихъ попытокъ христіанъ удержаться въ Палестинѣ, тевтонскій орденъ рыцарей Богородицы получилъ окончательное утвержденіе. Новые рыцари носили черную тунику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ; кромѣ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ они обязывались ходить за больными и биться съ врагами вѣры; только Нѣмецъ и членъ стараго дворянскаго рода имѣлъ право на вступленіе въ Орденъ. Уставъ его былъ строгій: рыцари жили вмѣстѣ, спали на твердыхъ ложахъ, ѣли скудную пищу за общею трапезой, не могли безъ позволенія начальниковъ, выходить изъ дому, писать и получать письма; не смѣли ничего держать подъ замкомъ, чтобъ не имѣть и мысли объ отдѣльной собственности, не смѣли разговаривать съ женщиной. Каждаго вновь вступающаго брата встрѣчали суровыми словами: „Жестоко ошибаешься, ежели думаешь жить у насъ спокойно и весело; нашъ уставъ—когда хочешь ѣсть, то долженъ поститься, когда хочешь поститься, тогда долженъ ѣсть; когда хочешь идти спать, долженъ бодрствовать; когда хочешь бодрствовать, долженъ идти спать. Для Ордена ты долженъ отречься отъ отца, отъ матери, отъ брата и сестры, и въ награду за это Орденъ дастъ тебѣ хлѣбъ, воду да рубище“.

Къ этому-то Ордену обратился Конрадъ Мазовецкій съ просьбою о помощи противъ Пруссовъ. Тевтонскіе рыцари были славны своими подвигами въ Палестинѣ, богаты недвижимымъ имуществомъ, которое пріобрѣли въ даръ отъ государей въ разныхъ странахъ Европы; но они хорошо видѣли, что имъ нельзя долго держаться въ Палестинѣ, и потому не могли не согласиться на предложеніе Конрада. Оно обѣщало имъ новое поприще, новое средство продлить существованіе Ордена, которое условливалось возможностію постоянной борьбы съ врагами Креста Христова. Въ 1225 году послы Конрада предложили магистру Ордена, Герману Фонъ Зальца землю хельмскую или кульмскую (terra Culmensis) съ обязанностію защищать польскія владѣнія отъ язычниковъ; въ 1226 году императоръ Фридрихъ II предоставилъ ордену владѣніе кульмскою землею и всѣми странами, которыя онъ отниметъ впередъ у Пруссовъ, но въ видѣ имперскаго лена, безъ всякой зависимости отъ мазовец-

кихъ князей; въ 1228 году явился въ новыхъ владѣніяхъ Ордена первый областной магистръ Пруссіи, Германъ Балкъ, съ сильнымъ отрядомъ рыцарей; въ 1230 году послѣдовало окончательное утвержденіе условій съ Конрадомъ, и Орденъ началъ свою дѣятельность на новой почвѣ.

Пруссія была раздѣлена на одиннадцать областей, несвязанныхъ другъ съ другомъ никакимъ политическимъ союзомъ; жители этихъ областей могли безнаказанно опустошать владѣнія Польши, слабой отъ раздѣла, усобицъ и внутренняго нестроенія, но сами, въ свою очередь, были неспособны ни къ какому соединенному, дружному предпріятію; ихъ нападенія на Польшу были набѣгами разбойничьихъ шаекъ; при оборонѣ собственной земли, они не могли выставить также общаго, дружнаго сопротивленія; каждая область, каждое племя боролось поодиночкѣ съ своимъ новымъ врагомъ, а этотъ врагъ былъ—военное братство, которое существовало съ цѣлію постоянной, неусыпной борьбы, и которое обладало всѣми средствами къ этой борьбѣ: на его сторонѣ была постоянная, самая строгая дисциплина, на его сторонѣ было военное искусство, на его сторонѣ было религіозное одушевленіе; потери Ордена были для него нечувствительны; послѣ каждаго пораженія онъ возставалъ съ болѣе грозными силами, потому что ряды погибшихъ братьевъ быстро замѣщались новыми подвижниками, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, чтобъ пролить кровь свою въ священной борьбѣ, подъ славною хоругвію Дѣвы Маріи и св. Георгія. Противъ суроваго дикаря Западная Европа выставила столь же суроваго рыцаря, но со всѣми преимуществами образованности. Вѣренъ былъ успѣхъ на сторонѣ Ордена; но Орденъ дорого заплатилъ за этотъ успѣхъ. Первое занятіе прусскихъ земель Нѣмцами совершилось довольно быстро; городки старшинъ прусскихъ полегли передъ рыцарями, и замки послѣднихъ строились безпрепятственно: что шагъ впередъ, то новая твердыня. Но однимъ построеніемъ крѣпостей въ новозанятыхъ странахъ Орденъ не ограничивался; льготами привлекались нѣмецкіе колонисты въ новопостроенные города; люди, стекавшіеся изъ разныхъ странъ помогать Ордену въ священныхъ войнахъ, получали отъ него въ ленъ земельные участки, на которыхъ строили новые замки; туземцы, оставшіеся отъ истребленія, принуждены были или бѣжать въ Литву, или принять христіанство и подчиниться игу новыхъ господъ. Для утвержденія новой вѣры среди Пруссовъ, Ор-

денъ отбиралъ дѣтей у туземцевъ и отсылалъ ихъ учиться въ Германію съ тѣмъ, чтобъ эти молодые люди, возвратясь потомъ на родину, содѣйствовали распространенію христіанства и нѣмецкой народности среди своихъ соплеменниковъ. Несмотря однако на эти средства, Пруссы, озлобленные жестокими притѣсненіями, тяжкими работами, надменнымъ обхожденіемъ побѣдителей, пять разъ возставали противъ послѣднихъ и противъ новой вѣры, принятой неволею. Въ первое изъ этихъ возстаній только двѣ области, прежде всѣхъ занятыя Нѣмцами, остались вѣрны Ордену; въ другихъ же областяхъ Прусскихъ рыцари едва успѣли удержать за собою нѣсколько замковъ, и такое состояніе дѣлъ продолжалось четырнадцать лѣтъ. Казалось, что Орденъ долженъ былъ отказаться отъ надежды вторично покорить Пруссію; но вышло иначе, по причинамъ выше изложеннымъ: Орденъ нельзя было окончательно обезсилить опустошеніемъ его владѣній, ибо онъ получалъ свое питаніе извнѣ, изъ всей Германіи, изо всей Европы. А Пруссы? Благодаря побужденію и подкрѣпленію извнѣ, отъ князей литовскихъ, они умѣли единовременно возстать противъ пришельцевъ; но при самомъ этомъ единодушномъ и единовременномъ возстаніи каждая область выбрала особаго вождя—дурное предвѣщаніе для будущаго единства въ борьбѣ. И точно, когда Орденъ началъ снова наступательное движеніе, борьба приняла прежній характеръ: каждая область снова защищалась отдѣльно, и разумѣется, при такой особности, не могла устоять предъ дружнымъ и постояннымъ напоромъ рыцарей. Наконецъ продолжительное знакомство съ христіанствомъ, съ высшею образованностію пришельцевъ должно было произвести среди Пруссовъ свое дѣйствіе: не смотря на упорную привязанность къ родной старинѣ, на жестокую ненависть къ пришельцамъ-поработителямъ, нѣкоторые изъ Пруссовъ, разумѣется лучшіе, не могли не замѣтить превосходства вѣры и быта послѣднихъ; и вотъ иногда случалось, что среди сильнаго возстанія избранный вождь этого возстанія, лучшій человѣкъ въ области, вдругъ покидалъ дѣло соплеменниковъ, переходилъ на сторону рыцарей и принималъ христіанство съ цѣлымъ родомъ своимъ; такъ начала обнаруживаться слабость въ самой основѣ сопротивленія со стороны Пруссовъ, въ религіозномъ одушевленіи. Второе возстаніе было послѣднимъ обнаруженіемъ силъ прусской народности; третье возстаніе, случившееся въ послѣдней четверти XIII вѣка, показало только, что эта народность находится уже при

послѣднемъ своемъ часѣ: вспыхнувши вслѣдстіе личныхъ, своекорыстныхъ побужденій одного человѣка, оно тотчасъ же потухло; четвертое и пятое возстанія носили такой же характеръ; при пятомъ жители одной прусской области Самбіи видя, что всѣ лучшіе люди примятъ Ордену, положили истребить сперва ихъ, и потомъ уже броситься на Нѣмцевъ; они выбрали себѣ въ предводители одного молодаго человѣка, но тотъ принялъ это званіе для того только, чтобъ удобнѣе предать главныхъ враговъ въ руки рыцарей. Ясны были признаки безсилія Пруссовъ, а между тѣмъ рыцари не отдыхали на лаврахъ, неутомимо и неуклонно преслѣдовали свою цѣль и послѣ пятидесятидвухлѣтней кровавой борьбы покончили завоеваніе Пруссіи [272].

Такимъ образомъ, благодаря Конраду Мазовецкому, Пруссія и даже нѣкоторыя изъ старыхъ славянскихъ земель уступлены были въ пользу нѣмецкой народности. О непосредственномъ столкновеніи новыхъ завоевателей съ Русью лѣтописецъ оставилъ намъ не полный и смутный разсказъ подъ 1235 годомъ; по его словамъ Даніилъ сказалъ: „не годится держать нашу отчину крестовымъ рыцарямъ— и пошелъ съ братомъ на нихъ въ силѣ тяжкой, взялъ городъ, захватилъ въ плѣнъ старшину Бруно, ратниковъ и возвратился во Владиміръ. Даніилъ хотѣлъ было также принять участіе въ войнѣ императора Фридриха II-го съ австрійскимъ герцогомъ Фридрихомъ Воинственнымъ, помогать послѣднему, но былъ остановленъ въ этомъ намѣреніи королемъ венгерскимъ. Кромѣ того лѣтопись упоминаетъ о войнахъ съ Литвой и Ятвягами: въ 1229 году, во время отсутствія Романовича въ Польшу на помощь Конраду, жители Бреста съ княземъ Владиміромъ Пинскимъ истребили толпу Литовцевъ. Надъ Ятвягами Романовичи одержали побѣду въ 1226 году. Половцы по прежнему участвуютъ въ княжескихъ усобицахъ, но о походахъ на нихъ не слышно.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ сѣверной и южной Руси, когда въ другой разъ услыхали о Татарахъ. Въ 1227 году умеръ Чингисъ-Ханъ; ему наслѣдовалъ сынъ его Угедей (Октай); старшій сынъ Чингиса—Джучи, назначенный владѣльцемъ страны, лежащей между Яикомъ и Днѣпромъ, Кипчака, прежнихъ кочевьевъ Половецкихъ, умеръ при жизни отца, и Чингисъ отдалъ Кипчакъ сыну его Батыю (Бату). Еще подъ 1229 годомъ наши лѣтописи упоминаютъ, что Саксины и Половцы прибѣжали съ низовьевъ Волги

къ Болгарамъ, гонимые Татарами, прибѣжали и сторожа болгарскіе, разбитые послѣдними на рѣкѣ Яикѣ. Въ 1236 году 300,000 Татаръ, подъ начальствомъ Батыя, вошли въ землю болгарскую, сожгли славный городъ Великій, истребили всѣхъ жителей, опустошили всю землю; толпы Болгаръ, избѣжавшихъ истребленія и плѣна, явились въ предѣлахъ русскихъ и просили князя Юрія дать имъ здѣсь мѣсто для поселенія: Юрій обрадовался и указалъ развести ихъ по городамъ поволожскимъ и другимъ [273]. Въ слѣдующемъ году лѣсною стороною съ востока явились въ рязанскихъ предѣлахъ и Татары: ставши на одномъ изъ притоковъ Суры [274], Батый послалъ жену чародѣйку и съ нею двухъ мужей къ князьямъ рязанскимъ требовать десятины отъ всего—князей, простыхъ людей и коней, десятины отъ коней бѣлыхъ, десятины отъ вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ, пѣгихъ; князья рязанскіе, Юрій Игоревичъ съ двумя племянниками Ингваревичами Олегомъ и Романомъ, также князья муромскій и пронскій, не подпуская Татаръ къ городамъ, отправились къ нимъ на встрѣчу въ Воронежъ, и объявили имъ: „когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше.“ Между тѣмъ они послали во Владиміръ къ князю Юрію объявить ему о бѣдѣ, и просить помощи, но Юрій не исполнилъ ихъ просьбы, и хотѣлъ одинъ оборониться. Услыхавши отвѣтъ князей разанскихъ, Татары двинулись дальше, и 16-го декабря осадили Рязань, а 21-го взяли приступомъ и сожгли, истребивши жителей; князя Юрія удалось имъ выманить обманомъ изъ города; они повели его къ Пронску, гдѣ была у него жена, выманили и ее обманомъ, убили обоихъ, опустошили всю землю рязанскую и двинулись къ Коломнѣ. Здѣсь дожидался ихъ сынъ великаго князя Юрія, Всеволодъ съ бѣглецомъ рязанскимъ, княземъ Романомъ Ингваревичемъ и воеводою Еремѣемъ Глѣбовичемъ: послѣ крѣпкой сѣчи великокняжеское войско потерпѣло пораженіе; въ числѣ убитыхъ былъ князь Романъ и воевода Еремѣй, а Всеволодъ Юрьевичъ успѣлъ спастись бѣгствомъ во Владиміръ съ малою дружиною. Татары шли дальше, взяли Москву, гдѣ убили воеводу Филиппа Няньку, захватили князя Владиміра Юрьевича и отправились съ нимъ ко Владиміру. Великій князь оставилъ здѣсь своихъ сыновей, Всеволода и Мстислава съ воеводою Петромъ Ослядуковичемъ, а самъ съ тремя племянниками Константиновичами поѣхалъ на Волгу и сталъ на рѣкѣ Сити; потомъ, оставивъ здѣсь воеводу Жирослава Михайловича, онъ отправился по

окрестнымъ волостямъ собирать ратныхъ людей, поджидалъ и братьевъ—Ярослава и Святослава. 3 февраля толпы татарскія, безчисленныя какъ саранча, подступили ко Владиміру, и подъѣхавши къ Золотымъ воротамъ съ плѣнникомъ своимъ, княземъ Владиміромъ московскимъ, стали спрашивать у жителей: „Великій князь Юрій въ городѣ ли?“ Владимирцы вмѣсто отвѣта пустили въ нихъ стрѣлы, Татары отплатили имъ тѣмъ же, потомъ закричали: „не стрѣляйте!“ и когда стрѣльба прекратилась, подвели поближе къ воротамъ и показали имъ Владиміра, спрашивая: „узнаете ли вашего княжича?“ Братья, бояре и весь народъ заплакали, увидавши Владиміра блѣднаго, исхудалаго. Возбужденные этимъ видомъ, князья Всеволодъ и Мстиславъ хотѣли было немедленно выѣхать изъ Золотыхъ воротъ и биться съ Татарами, но были удержаны воеводою Ослядюковичемъ. Между тѣмъ Татары, урядивши, гдѣ стать имъ около Владиміра, пошли сперва къ Суздалю, сожгли его, и, возвратившись опять ко Владиміру, начали ставить лѣса и п о р о к и (стѣнобитныя орудія), ставили съ утра до вечера, и въ ночь нагородили тынъ около всего города. Утромъ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, увидавши эти приготовленія, поняли, что города не отстоять, и начали приготовляться къ смерти; 7-го февраля Татары приступили къ городу, до обѣда взяли новый городъ и запалили его, послѣ чего князья Всеволодъ и Мстиславъ и всѣ жители бросились бѣжать въ старый или Печерный городъ; князь Всеволодъ, думая умилостивить Батыя, вышелъ къ нему изъ города съ малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадилъ его молодости, велѣлъ зарѣзать передъ собою. Между тѣмъ епископъ Митрофанъ, великая княгиня съ дочерью, снохами и внучатами, другія княгини со множествомъ бояръ и простыхъ людей заперлись въ Богородичной церкви на полатяхъ. Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали лѣсу около церкви и въ самую церковь, и зажгли ее: всѣ бывшіе на полатяхъ задохнулись отъ дыма или сгорѣли, или были убиты. Изъ Владиміра Татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ: одни отправились къ Ростову и Ярославлю, другіе на Волгу и на Городецъ, и поплѣнили всю страну поволжскую до самаго Галича Мерскаго; иные пошли къ Переяславлю, взяли его, взяли другіе города: Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ, Тверь, гдѣ убили сына Ярославова; до самаго Торжка не осталось ни одного мѣста, гдѣ бы

не воевали, въ одинъ февраль мѣсяцъ взяли четырнадцать городовъ, кромѣ слободъ и погостовъ.

Великій князь Юрій стоялъ на Сити, когда пришла къ нему вѣсть о сожженіи Владимира и гибели семейства; онъ послалъ воеводу Дорожа съ трехтысячнымъ отрядомъ разузнать о непріятелѣ; Дорожъ прибѣжалъ назадъ и объявилъ, что Татары уже обошли русское войско кругомъ. Тогда князь сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ и тремя племянниками выступилъ противъ враговъ 4-го марта 1238 года; послѣ злой сѣчи русскіе полки побѣжали предъ иноплеменниками, при чемъ князь Юрій былъ убитъ и множество войска его погибло, а Василько Константиновичъ былъ взятъ въ плѣнъ. Татарамъ очень хотѣлось, чтобъ Василько принялъ ихъ обычаи и воевалъ вмѣстѣ съ ними; но ростовскій князь ни ѣлъ, ни пилъ, чтобъ не оскверниться пищею поганыхъ, укоризнами отвѣчалъ на ихъ убѣжденія, и раздосадованные варвары наконецъ убили его [275]. Лѣтописецъ очень хвалитъ этого князя: былъ онъ красивъ лицемъ, имѣлъ ясный и вмѣстѣ грозный взглядъ, былъ необыкновенно храбръ, отваженъ на охотѣ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; бояринъ, который ему служилъ, хлѣбъ его ѣлъ, чашу пилъ и дары бралъ, тотъ бояринъ никакъ не могъ быть у другихъ князей: такъ Василько любилъ своихъ слугъ.—Отъ Сити Татары пошли къ югозападу, осадили Торжокъ, били въ него пороками двѣ недѣли и наконецъ взяли 23-го марта, истребили всѣхъ жителей. Отъ Торжка пошли Селигерскимъ путемъ, посѣкая людей какъ траву; но, не дошедши ста верстъ до Новгорода, остановились [276], боясь по нѣкоторымъ извѣстіямъ, приближенія весенняго времени, разлива рѣкъ, таянія болотъ, и пошли къ юговостоку, на степь. На этой дорогѣ Батый былъ задержанъ семь недѣль у города Козельска, гдѣ княжилъ одинъ изъ Ольговичей, молодой Василій; жители Козельска рѣшились не сдаваться Татарамъ: „хотя князь нашъ и молодъ, сказали они, но положимъ животъ свой за него; и здѣсь славу, и тамъ небесные вѣнцы отъ Христа-Бога получимъ". Татары разбили наконецъ городскія стѣны и взошли на валъ, но и тутъ встрѣтили упорное сопротивленіе: горожане рѣзались съ ними ножами, а другіе вышли изъ города, напали на татарскіе полки и убили 4000 непріятелей, пока сами всѣ не были истреблены; остальные жители, жены и младенцы подверглись той же участи; что случилось съ княземъ Василіемъ, неизвѣстно: одни говорятъ, что онъ утонулъ

въ крови, потому что былъ еще молодъ. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ лѣтописецъ, Татары не смѣли называть Козельскъ настоящимъ его именемъ, а называли злымъ городомъ.

По взятіи Козельска Батый отправился въ степи, въ землю Половецкую и разбилъ здѣсь хана Котяна, который съ 40000 своего народа удалился въ Венгрію, гдѣ получилъ земли для поселенія. Въ слѣдующемъ 1239 году татарскія толпы снова явились на сѣверовостокѣ, взяли землю Мордовскую, повоевали по Клязьмѣ, пожгли городъ Гороховецъ, принадлежавшій Владимирской Богородичной церкви. Вѣсть о новомъ ихъ нашествіи нагнала такой ужасъ, что жители городовъ и селъ бѣжали сами, не зная куда. На этотъ разъ впрочемъ Татары не шли далѣе Клязьмы на сѣверовостокѣ: но за то путемъ половецкимъ явились въ предѣлахъ южной Руси, взяли и сожгли Переяславль южный, половину жителей истребили, другихъ повели въ плѣнъ. Въ то же время Батый отправилъ отрядъ войска и на Черниговъ; на помощь осажденнымъ явился двоюродный братъ Михаила, Мстиславъ Глѣбовичъ, но потерпѣлъ пораженіе, и убѣжалъ въ Венгрію: Черниговъ былъ взятъ и сожженъ, но епископъ былъ пощаженъ; такъ уже обозначилось обыкновеніе Татаръ—уважать религію каждаго народа и ея служителей. По взятіи Чернигова племянникъ Батыя, сынъ Угедея, Менгу-Ханъ пріѣхалъ къ Песочному Городку на лѣвый берегъ Днѣпра, противъ Кіева, чтобъ посмотрѣть на этотъ городъ; по словамъ лѣтописца, Татаринъ удивился красотѣ и величеству Кіева, и отправилъ пословъ къ князю Михаилу и гражданамъ склонять ихъ къ сдачѣ; но тѣ не послушались и послы были убиты. Михаилъ однако не дождался осады, и бѣжалъ въ Венгрію; несмотря на опасность, красота и величество Кіева привлекали еще князей къ этому городу, и на мѣсто Михаила явился изъ Смоленска внукъ Давыдовъ, Ростиславъ Мстиславичъ; но старшій по родовой лѣствицѣ четвероюродный братъ его, Даніилъ Галицкій не позволилъ ему долго оставаться въ Кіевѣ: онъ схватилъ Ростислава и взялъ Кіевъ себѣ; самъ однако не остался въ немъ, а поручилъ оборонять его отъ Татаръ тысяцкому Димитрію. Между тѣмъ во время бѣгства Михаилова въ Венгрію жена его (сестра Даніилова) и бояре были захвачены княземъ Ярославомъ [277], который овладѣлъ также Каменцомъ. Услыхавъ объ этомъ, Даніилъ послалъ сказать ему: „отпусти ко мнѣ сестру, потому что Михаилъ на обоихъ насъ зло мыслитъ“. Ярославъ исполнилъ Да-

ніилову просьбу, отправилъ черниговскую княгиню къ брату, а между тѣмъ дѣла мужа ея шли неудачно въ Венгріи: король не захотѣлъ выдать дочери своей за сына его Ростислава и прогналъ его отъ себя; Михаилъ съ сыномъ отправились тогда въ Польшу къ дядѣ своему Конраду. Но и здѣсь, какъ видно, они не могли получить помощи и потому должны были смириться предъ Романовичами, послали сказать имъ: „Много разъ грѣшили мы предъ вами, много надѣлали вамъ вреда, и обѣщаній своихъ не исполняли; когда и хотѣли жить въ дружбѣ съ вами, то невѣрные Галичане не допускали насъ до этого; но теперь клянемся, что никогда не будемъ враждовать съ вами.“ Романовичи позабыли зло, отпустили сестру свою къ Михаилу и привели его самого къ себѣ изъ Польши; мало того, обѣщали отдать ему Кіевъ, а сыну его Ростиславу отдали Луцкъ; но Михаилъ, боясь Татаръ, не смѣлъ идти въ Кіевъ, и ходилъ по волости Романовичей, которые надавали ему много пшеницы, меду, быковъ и овецъ.

Боязнь Михаилова была основательна: въ 1240 году явился Батый подъ Кіевомъ: окружила городъ и остолпила сила татарская, по выраженію лѣтописца; Кіевлянамъ нельзя было разслышать другъ друга отъ скрипа телѣгъ татарскихъ, рева верблюдовъ, ржанія лошадей. Батый поставилъ пороки подлѣ воротъ Лядскихъ, потому что около этого мѣста были дебри; пороки били безпрестанно день и ночь и выбили наконецъ стѣны, тогда граждане взошли на остатокъ укрѣпленій и все продолжали защищаться; тысяцкій Дмитрій былъ раненъ, Татары овладѣли и послѣдними стѣнами и расположились провести на нихъ остатокъ дня и ночь. Но въ ночь граждане выстроили новыя деревянныя укрѣпленія около Богородичной церкви, и Татарамъ на другой день нужно было брать ихъ опять съ кровопролитнаго бою. Граждане спѣшили спастись съ имѣніемъ своимъ на церкви, но стѣны церковныя рухнули подъ ними отъ тяжести, и Татары окончательно овладѣли Кіевомъ 6-го декабря; раненаго Дмитрія Батый не велѣлъ убивать за его храбрость. Вѣсть о гибели Кіева послужила знакомъ къ отъѣзду князей—Михаила въ Польшу къ Конраду, Даніила въ Венгрію. Узнавши объ этомъ, Батый двинулся на Волынь; подошедши къ городу Ладыжину на Бугѣ [278], онъ поставилъ противъ него 12 пороковъ— и не могъ разбить стѣнъ; тогда льстивыми словами началъ уговаривать гражданъ къ сдачѣ, тѣ повѣрили его обѣщаніямъ, сдались и были всѣ

истреблены. Потомъ взятъ былъ Каменецъ, Владиміръ, Галичъ и много другихъ городовъ, обойденъ одинъ Кременецъ по своей неприступности. Тогда плѣнный тысяцкій Дмитрій, видя гибель земли русской, сталъ говорить Батыю: „Будетъ тебѣ здѣсь воевать, время идти на Венгровъ; если же еще станешь медлить, то тамъ земля сильная, соберутся и не пустятъ тебя въ нее“. Батый послушался и направилъ путь къ венгерскимъ границамъ.

Страхъ напалъ на западную Европу, когда узнали о приближеніи Татаръ къ границамъ католическаго міра. Извѣстія объ ужасахъ, испытанныхъ Русью отъ Татаръ, страшные разсказы объ ихъ дикости, въ соединеніи съ чудесными баснями объ ихъ происхожденіи и прежнихъ судьбахъ, распространялись по Германіи и далѣе на западъ. Разсказывали, что татарское войско занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и пятнадцать въ ширину, огромные табуны дикихъ лошадей слѣдуютъ за нимъ, что Татары вышли прямо изъ ада и потому наружностію не похожи на другихъ людей. Императоръ Фридрихъ II-й разослалъ воззваніе къ общему вооруженію противъ страшныхъ враговъ: „Время, писалъ онъ, пробудиться отъ сна, открыть глаза духовные и тѣлесные. Уже сѣкира лежитъ при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству. Уже давно мы слышали о немъ, но считали опасность отдаленною, когда между нимъ и нами находилось столько храбрыхъ народовъ и князей. Но теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотомъ христіанству противъ свирѣпаго непріятеля.“ Но воззваніе доблестнаго Гогенштауфена не достигло цѣли: въ Германіи не тронулись на призывъ ко всеобщему вооруженію, ибо этому мѣшала борьба Императора съ Папою и проистекавшее отъ этой борьбы разъединеніе; Германія ждала враговъ въ бездѣйственномъ страхѣ, и одни Славянскія государства должны были взять на себя борьбу съ Татарами.

Весною 1241 года Батый перешелъ Карпаты и поразилъ венгерскаго короля на рѣкѣ Солоной (Сайо); король убѣжалъ въ Австрію, и владѣнія его были опустошены. Еще прежде другой отрядъ Татаръ опустошилъ волость Сендомирскую; потомъ Татары перешли Вислицу, поразили двухъ польскихъ князей, и въ концѣ апрѣля вторглись въ Нижнюю Силезію. Здѣшній герцогъ Генрихъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу у Лигница, палъ въ битвѣ, и уже Татарамъ

открытъ былъ путь чрезъ лузацкія долины къ Эльбѣ во внутренность Германіи, какъ день спустя послѣ лигницкой битвы передъ ними явились полки Чешскаго короля Вячеслава. Татары не рѣшились вступить во вторичную битву, и пошли назадъ въ Венгрію; на этомъ пути опустошили Силезію и Моравію, но при осадѣ Ольмюца потерпѣли пораженіе отъ чешскаго воеводы, Ярослава изъ Штернберга, и удалились поспѣшно въ Венгрію. Отсюда въ томъ же году они попытались вторгнуться въ Австрію, но здѣсь загородило имъ дорогу большое ополченіе подъ начальствомъ короля чешскаго Вячеслава, герцоговъ австрійскаго и каринтійскаго; Татары опять не рѣшились вступить въ битву, и скоро отхлынули на востокъ [279]. Западная Европа была спасена; но сосѣдняя съ степями Русь, европейская Украйна надолго подпала вліянію Татаръ. Чтобъ въ послѣдствіи вѣрнѣе опредѣлить степень этого вліянія, мы должны теперь познакомиться съ нравами и бытомъ этихъ послѣднихъ азіятскихъ владыкъ восточной европейской равнины. Мы будемъ пользоваться извѣстіями западныхъ путешественниковъ, сводя ихъ съ восточными извѣстіями намъ доступными.

По этимъ извѣстіямъ, наружностію своею новые завоеватели нисколько не походили на другихъ людей: большее, чѣмъ у другихъ племенъ разстояніе между глазами и щеками, выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, небольшой ростъ, рѣдкіе волосы на бородѣ—вотъ отличительныя черты ихъ наружности. Женъ Татаринъ имѣетъ столько, сколько можетъ содержать, женятся не разбирая родства, не берутъ за себя только мать, дочь и сестру отъ одной матери; женъ покупаютъ дорогою цѣною у родителей послѣднихъ. Живутъ они въ круглыхъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ хворосту и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ; наверху находится отверстіе для освѣщенія и выхода дыма, потому что по серединѣ юрты всегда у нихъ разведенъ огонь. Нѣкоторыя изъ этихъ юртъ легко разбираются и опять складываются, нѣкоторыя же не могутъ разбираться и возятся на телѣгахъ какъ есть, и куда бы ни пошли Татары, на войну или такъ куда-нибудь, всюду возятъ ихъ за собою. Главное богатство ихъ состоитъ въ скотѣ верблюдахъ, быкахъ, овцахъ, козахъ и лошадяхъ; у нихъ столько скота, сколько нѣтъ во всемъ остальномъ мірѣ.—Вѣрятъ въ одного Бога, Творца всего видимаго и невидимаго, виновника счастія и бѣдствій. Но этому Богу они не молятся и не чествуютъ его, а приносятъ

жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ разныхъ матеріаловъ на подобіе людей и помѣщаемымъ противъ дверей юрты; подъ этими идолами кладутъ изображеніе сосцовъ, считая ихъ охранителями стадъ. Боготворятъ также умершихъ хановъ своихъ, изображеніямъ которыхъ приносятъ жертвы, и творятъ поклоны, смотря на югъ; обожаютъ солнце, луну, воду и землю. Держатся разныхъ суевѣрныхъ преданій, напр., считаютъ грѣхомъ дотронуться ножемъ до огня, бичемъ до стрѣлъ, ловить или бить молодыхъ птицъ, переломить кость другою костью, пролить на землю молоко или другой какой-нибудь напитокъ и т. п. Молнію считаютъ огненнымъ дракономъ, падающимъ съ неба, и могущимъ оплодотворять женщинъ. Вѣрятъ въ будущую жизнь, но думаютъ, что и по смерти будутъ вести такую же жизнь, какъ и здѣсь на землѣ. Сильно вѣрятъ гаданіямъ и чарамъ; думаютъ, напримѣръ, что огонь все очищаетъ; и потому иностранныхъ пословъ и князей съ дарами ихъ проводятъ сперва между двухъ огней, чтобъ они не могли принести хану какого-нибудь зла.—Нѣтъ ни одного народа въ мірѣ, который бы отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ Татары. Бранятся они рѣдко между собою и никогда не дерутся; воровъ у нихъ нѣтъ, и потому юрты и кибитки ихъ не запираются; другъ съ другомъ обходительны, помогаютъ въ нуждѣ; воздержны и терпѣливы: случится день, два не поѣсть — ничего: поютъ и играютъ, какъ будто бы сытно пообѣдали, легко переносятъ также холодъ и жаръ; жены ихъ цѣломудренны на дѣлѣ, но нѣкоторыя не воздержны на непристойныя слова. Любятъ пить, но и въ пьяномъ видѣ не бранятся и не дерутся.—Описавъ добрыя качества Татаръ, западный путешественникъ, минорить Іоаннъ Плано-Карпини переходитъ къ дурнымъ; прежде всего поразила его въ нихъ непомѣрная гордость, презрѣніе ко всѣмъ другимъ народамъ: мы видѣли, говоритъ онъ, при дворѣ ханскомъ великаго князя русскаго Ярослава, сына царя грузинскаго и многихъ другихъ владѣтельныхъ особъ и ни одному изъ нихъ не было воздаваемо должной почести: приставленные къ нимъ Татары, люди незначительные, всегда брали передъ ними первое мѣсто. Татары сколько обходительны другъ съ другомъ, столько же раздражительны, гнѣвливы съ чужими, лживы, коварны, страшно жадны и скупы, свирѣпы: убить человѣка имъ ничего не стоитъ; наконецъ очень не-

опрятны. По законамъ Чингисъ-Хана смертная казнь назначалась за 14 преступленій: за супружескую невѣрность, воровство, убійство и между прочимъ за то, если кто убьетъ животное не по принятому обычаю. Между дѣтьми отъ жены и наложницы нѣтъ у нихъ различія; однако наслѣдникомъ престола считался младшій сынъ, котораго мать была знатнѣе по происхожденію своему всѣхъ другихъ ханшъ; младшій сынъ считался охранителемъ домашняго очага, онъ поддерживалъ семью въ случаѣ, если старшіе будутъ убиты на войнѣ. Мущины ничѣмъ не занимались кромѣ стрѣльбы, да еще немного заботились о стадахъ; большую же часть времени проводили на охотѣ и въ стрѣльбѣ, потому что всѣ они отъ мала до велика хорошіе стрѣлки: дѣти съ двухъ или трехъ лѣтъ начинаютъ ѣздить верхомъ и стрѣлять въ цѣль. Дѣвушки и женщины ѣздятъ верхомъ какъ мущины, носятъ луки и стрѣлы; на женщинахъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы.—Вообще женщины пользовались уваженіемъ, щадить ихъ по возможности было закономъ; ханши имѣли сильное вліяніе на дѣла, имъ принадлежало регенство; въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ хана сидѣла и жена его или жены, даже магометанинъ Узбекъ садился по пятницамъ на золотомъ тронѣ, окруженный справа и слѣва женами. Касательно военнаго устройства Чингисъ-Ханъ опредѣлилъ, чтобъ надъ каждыми десятью человѣками былъ одинъ начальникъ, десятникъ, надъ десятью десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятью тысячниками особый начальникъ, а число войска ему подчиненнаго называлось тьмою [281]; сторожевые отряды назывались караулами. Бѣглецы съ поля битвы (если только бѣгство не было всеобщимъ) всѣ умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бились, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣдніе умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько были взяты въ плѣнъ, а товарищи ихъ не освободили, то послѣдніе также умерщвлялись. Каждый Татаринъ долженъ имѣть лукъ, колчанъ наполненный стрѣлами, топоръ и веревки для того, чтобъ тащить осадныя машины. Богатые сверхъ того имѣютъ кривыя сабли, шлемы, брони и лошадей, также защищенныхъ; нѣкоторыя дѣлаютъ брони для себя и для лошадей изъ кожи, нѣкоторые вооружаются также копьями; щиты у нихъ хворостяные. Вступая въ непріятельскую землю, Татары посылаютъ передовые отряды, которые ничего не опустошаютъ, но

стараются только убивать людей или обратить ихъ въ бѣгство; за ними слѣдуетъ цѣлое войско, которое наоборотъ, истребляетъ все на пути своемъ. Если встрѣтится большая рѣка, то переправляются сидя на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ! Завидя непріятеля, передовой отрядъ бросаетъ въ него по три или четыре стрѣлы, и если замѣчаетъ, что не можетъ одолѣть его въ схваткѣ, обращается въ бѣгство, чтобъ заманить преслѣдующаго непріятеля въ засаду; на войнѣ это самый хитрый народъ, и не мудрено: больше сорока лѣтъ ведутъ они безпрестанныя войны. Вожди не вступаютъ въ битву, но стоятъ далеко отъ непріятеля, окруженные дѣтьми и женщинами на лошадяхъ, иногда сажаютъ на лошадей чучелъ, чтобъ казалось больше войска. Прямо противъ непріятеля высылаютъ отряды изъ покоренныхъ народовъ, а толпы самыхъ храбрыхъ людей посылаютъ направо и налѣво въ дальнемъ разстояніи, чтобъ послѣ неожиданно обхватить врага. Если послѣдній крѣпко бьется, то обращаются въ бѣгство, и въ бѣгствѣ бьютъ стрѣлами преслѣдующаго непріятеля. Вообще они не охотники до ручныхъ схватокъ, но стараются сперва перебить и переранить какъ можно больше людей и лошадей стрѣлами, и потомъ уже схватываются съ ослабленнымъ такимъ образомъ непріятелемъ. При осадѣ крѣпостей разбиваютъ стѣны машинами, бросая стрѣлы въ осажденныхъ, и не перестаютъ бить и биться ни днемъ, ни ночью, чтобъ не давать нисколько покоя послѣднимъ, а сами отдыхаютъ, потому что одинъ отрядъ смѣняетъ другой; бросаютъ на крыши домовъ жиръ убитыхъ людей и потомъ греческій огонь [282], который отъ того лучше горитъ; отводятъ рѣки отъ городовъ или, наоборотъ, наводняютъ послѣдніе, дѣлаютъ подкопы; наконецъ огораживаютъ свой станъ, чтобъ быть безопасными отъ стрѣльбы непріятелей и долгимъ облежаніемъ принуждаютъ послѣднихъ къ сдачѣ. При этомъ они стараются сперва обѣщаніями уговорить гражданъ къ сдачѣ, и когда тѣ согласятся, то говорятъ имъ: „Выходите, чтобъ по своему обычаю, мы могли пересчитать васъ“, и когда всѣ жители выйдутъ изъ города, то спрашиваютъ, кто между ними знаетъ какое-нибудь искусство? и тѣхъ сохраняютъ, а остальныхъ же убиваютъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ выбираютъ въ рабы, но при этомъ лучшіе, благородные люди никогда не дождутся отъ нихъ пощады. По приказанію Чин-

гисъ-Хана не должно щадить имѣнія и жизни враговъ, потому что плодъ пощады—сожалѣніе. Миръ заключаютъ они только съ тѣми народами, которые соглашаются признать ихъ господство, потому что Чингисъ-Ханъ завѣщалъ имъ покорить по возможности всѣ народы. Условія, на которыхъ Татары принимаютъ къ себѣ въ подданство какой-нибудь народъ, суть слѣдующія: жители подчиненной страны обязаны ходить съ ними на войну по первому востребованію, потомъ давать десятину отъ всего, отъ людей и отъ вещей, берутъ они десятаго отрока и дѣвицу, которыхъ отводятъ въ свои кочевья и держатъ въ рабствѣ, остальныхъ жителей перечисляютъ для сбора подати. Требуютъ также, чтобъ князья подчиненныхъ странъ являлись безъ замедленія въ Орду и привозили богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ, сотникамъ, однимъ словомъ, всѣмъ имѣющимъ какое-нибудь значеніе: нѣкоторые изъ этихъ князей лишаются жизни въ Ордѣ; нѣкоторые возвращаются, но оставляютъ въ заложникахъ сыновей или братьевъ, и принимаютъ въ свои земли баскаковъ, которымъ какъ сами князья, такъ и всѣ жители обязаны повиноваться; въ противномъ случаѣ, по донесенію баскаковъ, является толпа Татаръ, которая истребляетъ ослушниковъ, опустошаетъ ихъ городъ или страну; не только самъ ханъ или намѣстникъ его, но всякій Татаринъ, если случится ему пріѣхать въ подчиненную страну, ведетъ себя въ ней какъ господинъ [283], требуетъ все чего только захочетъ, и получаетъ.—Во время пребыванія въ Ордѣ у великаго хана, Плано-Карпини замѣтилъ необыкновенную терпимость послѣдняго относительно чуждыхъ вѣроисповѣданій; терпимость эта была предписана закономъ: въ самомъ семействѣ хана были христіане, на собственномъ иждивеніи содержалъ онъ христіанскихъ духовныхъ греческаго исповѣданія, которые открыто отправляли свое богослуженіе въ церкви помѣщавшейся передъ большою его палаткою. Другой западный путешественникъ, миноритъ Рубруквисъ, самъ былъ свидѣтелемъ, какъ передъ ханомъ Мангу совершали службу сперва христіанскіе несторіанскіе духовные, потомъ муллы магометанскіе, наконецъ языческіе жрецы. Рубруквисъ описываетъ также любопытный споръ, происходившій по ханскому приказанію, между проповѣдниками трехъ религій — христіанской, магометанской и языческой. Рубруквисъ, защищавшій христіанство противъ языческаго жреца, позванъ былъ

послѣ того къ хану, который сказалъ ему: „Мы, Татары, вѣруемъ во единаго Бога, Которымъ живемъ и умираемъ; но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ различные пути къ спасенію: вамъ Богъ далъ писаніе, и вы его не соблюдаете; намъ далъ колдуновъ, мы дѣлаемъ то, что̀ они намъ говорятъ и живемъ въ мирѣ." По уставу Чингисъ-Хана и Октая, подтвержденному въ послѣдствіи, служители всѣхъ религій были освобождены отъ платежа дани [284].

ГЛАВА III.

Отъ Батыева нашествія до борьбы между сыновьями Александра Невскаго.

(1240—1276).

Ярославъ Всеволодовичъ на сѣверѣ.—Его поѣздки къ Татарамъ и смерть.—Войны съ Литвою, Шведами и Ливонскими рыцарями.—Дѣятельность Александра Ярославича Невскаго.—Михаилъ Ярославичъ, князь московскій.—Отношенія между сыновьями Ярослава—Александромъ и Андреемъ.—Андрей изгнанъ.—Александръ великимъ княземъ.—Ссора Александра съ Новгородомъ.—Татарская перепись.—Движеніе противъ Татаръ.—Смерть Александра Невскаго.—Внѣшнія войны.—Ярославъ тверской великимъ княземъ.—Отношенія его къ Новгороду.—Княженіе Василія Ярославича костромскаго.—Ослаба отъ насилія татарскаго.—Продолженіе борьбы съ Литвою и Нѣмцами.—Событія въ разныхъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси.—Бояре.—События въ юго-западной Руси.

Узнавши о гибели великаго Князя, старшій по немъ братъ Ярославъ Всеволодовичъ пріѣхалъ княжить во Владимиръ: онъ очистилъ церкви отъ труповъ, собралъ оставшихся отъ истребленія людей, утѣшилъ ихъ, и, какъ старшій, началъ распоряжаться волостями; брату Святославу отдалъ Суздаль, другому Ивану Стародубъ сѣверный [285]. При этомъ распоряженіи волостями, видимъ господство отчинности: Переяславль, прежняя волость Ярослава, остается за нимъ; Ростовъ, старшій столъ послѣ Владимира, остается постоянно въ племени Константиновомъ; и здѣсь видимъ то же самое явленіе: по смерти старшаго Константиновича Василька, старшая волость ростовская не переходитъ къ брату его Владиміру, который остается на прежнемъ столѣ своемъ въ Угличѣ, ростовская волость переходитъ къ сыновьямъ Василька, изъ которыхъ

старшій Борисъ остался въ Ростовѣ, а младшій Глѣбъ сѣлъ на Бѣлѣ-озерѣ; Ярославль остается за сыномъ убитаго Всеволода, Васильемъ.

Татары [286] оставляли въ покоѣ только тѣ народы, которые признавали надъ собою власть ихъ; противиться имъ не было средствъ у владимірскаго князя: мы видѣли, какой ужасъ напалъ на жителей при вѣсти о вторичномъ появленіи Татаръ въ русскихъ предѣлахъ; надобно было покоряться, надобно было изъявить эту покорность лично предъ ханомъ—и Ярославъ отправился въ Орду къ Батыю, который раскинулъ станъ свой на берегу Волги. Батый, по словамъ лѣтописца, принялъ Ярослава съ честію, и отпуская, сказалъ ему: „будь ты старшій между всѣми князьями въ русскомъ народѣ.“ Въ слѣдъ за Ярославомъ отправились къ Батыю и всѣ родичи его, а сынъ великокняжескій Константинъ поѣхалъ дальше, къ великому хану; по присутствіемъ сына не удовольствовались; въ 1245 г., Константинъ возвратился въ Русь, и отецъ его Ярославъ долженъ былъ самъ отправиться въ Татарію, гдѣ въ августѣ 1246 года былъ свидѣтелемъ воцаренія Куюка, сына Угедеева. Извѣстный уже намъ путешественникъ, монахъ Плано-Карпини, встрѣтился съ Ярославомъ въ Ордѣ; не велика была, по его словамъ, честь, которою пользовался здѣсь старшій князь русскій; но все же эта честь была относительно велика, ибо Ярославу давали высшее мѣсто передъ всѣми другими владѣльцами [287]. Тотъ же путешественникъ оставилъ намъ нѣкоторыя подробности и о смерти великаго князя, послѣдовавшей въ 1246 году: Ярослава позвали къ матери великаго хана, которая, какъ бы желая оказать честь русскому князю, дала ему ѣсть и пить изъ собственныхъ рукъ; но, возвратившись отъ ханши, Ярославъ заболѣлъ, и чрезъ семь дней умеръ, при чемъ тѣло его удивительнымъ образомъ посинѣло, почему всѣ и думали, что ханша отравила его, дабы Татары могли свободнѣе владѣть Русью; доказательствомъ служитъ еще и то, прибавляетъ Плано-Карпини, что ханша поспѣшила отправить посла въ Россію къ сыну Ярославову Александру, съ обѣщаніемъ дать ему отцовское наслѣдство, если пріѣдетъ къ ней; но Александръ не поѣхалъ.—Догадка Плано-Карпини о причинѣ отравленія Ярославова невѣроятна, ибо смерть одного Ярослава не перемѣняла дѣлъ на сѣверѣ, слѣдовательно не могла быть полезна для Татаръ, которымъ надобно было истребить всѣхъ князей для того, чтобъ

свободно владѣть Россіею. Извѣстія нашихъ лѣтописей проливаютъ новый, хотя неясный свѣтъ на событіе: по этимъ извѣстіямъ, виною смерти Ярославовой была крамола его соотечественниковъ, именно какого-то Өедора Яруповича, который оклеветалъ великаго князя; но трудно предположить, чтобъ Яруповичъ дѣйствовалъ здѣсь лично отъ себя и для себя: гораздо легче подумать, что смерть Ярослава въ Ордѣ была явленіемъ, одинакимъ съ смертію другихъ князей Русскихъ тамъ же, была слѣдствіемъ наговора родичей, слѣдствіемъ родовыхъ княжескихъ усобицъ.

Въ то время какъ на востокѣ русскіе князья принуждены были ѣздить съ поклономъ къ ханамъ степныхъ варваровъ, на западѣ шла борьба съ сильными врагами, которые начали грозить Руси еще прежде Татаръ. Тотчасъ по занятіи старшаго стола, въ 1239 году, Ярославъ долженъ былъ выступить противъ Литвы, которая воевала уже въ окрестностяхъ Смоленска; великій князь побѣдилъ Литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ князя, потомъ урядилъ Смольнянъ, посадивши у нихъ княземъ Всеволода, сына Мстислава Романовича, и возвратился домой съ большою добычею и честію. Но у Литвы оставалось много князей и много силы; съ двухъ другихъ сторонъ нападаютъ на сѣверо-западную Русь враги не менѣе опасные: Шведы и Ливонскіе рыцари. Владимірскимъ князьямъ нельзя было оборонять ее постоянно отъ всѣхъ этихъ враговъ: у нихъ было много дѣла у себя; на востокѣ, вслѣдствіе утвержденія новаго порядка вещей, безпрестанныхъ усобицъ для усиленія одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ и татарскихъ отношеній. Тогда Новгородъ Великій долженъ былъ взять на свою долю борьбу со Шведами, а Псковъ, бѣдный средствами Псковъ, долженъ былъ вести борьбу съ двумя самыми опасными врагами, Литвою и Нѣмцами, при внутреннемъ неустройствѣ, при частомъ отсутствіи князя, при ссорахъ съ старшимъ братомъ своимъ, Новгородомъ Великимъ.

Самымъ сильнымъ ударомъ съ трехъ сторонъ Новгородъ и Псковъ подверглись съ 1240 года: они выдержали ихъ, и этимъ преимущественно обязаны были сыну великаго князя Ярослава, Александру, который сталъ княжить у нихъ одинъ послѣ отца съ 1236 года [258]. Въ Швеціи борьба между готскимъ и шведскимъ владѣтельными домами, кончившаяся въ 1222 году, усилила власть вельможъ, между которыми первое мѣсто занималъ родъ Фолькунговъ,

владѣвшій наслѣдственно достоинствомъ ярла. Могущественный представитель этой фамиліи, Биргеръ, побуждаемый папскими посланіями, предпринялъ крестовый походъ противъ Руси. Какъ скоро пришла въ Новгородъ вѣсть, что Шведы явились въ устьѣ Ижоры и хотятъ идти на Ладогу, то Александръ не сталъ дожидаться ни полковъ отцовскихъ, ни пока соберутся всѣ силы новгородской волости, съ небольшою дружиной выступилъ противъ непріятеля, и 15-го іюля нанесъ ему пораженіе, за которое получилъ славное прозваніе Невскаго. Самъ Александръ разсказывалъ послѣ о подвигахъ шестерыхъ мужей изъ дружины своей: одинъ изъ нихъ Гаврило Олексичъ прорвался въ слѣдъ за бѣгущимъ Биргеромъ до самаго корабля его, былъ низвергнутъ и съ конемъ въ воду, но вышелъ невредимъ, и опять поѣхалъ биться съ воеводою шведскимъ, который называется въ лѣтописи Спиридономъ; этотъ воевода остался на мѣстѣ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, та же участь постигла и епископа [289]. Другой Новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ удивилъ также всѣхъ своею силою и храбростію, не разъ врываясь съ однимъ топоромъ въ толпы непріятельскія. Якуновичъ въ храбрости не уступалъ княжескій ловчій, Яковъ Полочанинъ, съ мечемъ въ рукахъ ворвавшійся въ шведскіе ряды. Четвертый Новгородецъ Миша пѣшкомъ съ отрядомъ своимъ ударилъ на непріятельскіе корабли и погубилъ три изъ нихъ; пятый, отрокъ княжескій Савва, пробился до большаго златоверхаго шатра Биргерова и подсѣкъ у него столпъ, шатеръ повалился и паденіе его сильно обрадовало Новгородцевъ въ битвѣ; шестой слуга княжескій Ратмиръ бился пѣшъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, и палъ отъ множества ранъ; всѣхъ убитыхъ со стороны новгородской было не болѣе 20 человѣкъ. Зная, какой характеръ носила эта борьба, съ какимъ намѣреніемъ приходили Шведы, мы поймемъ то религіозное значеніе, которое имѣла Невская побѣда для Новгорода и остальной Руси; это значеніе ясно видно въ особенномъ сказаніи о подвигахъ Александра: здѣсь Шведы не иначе называются какъ Римлянами,—прямое указаніе на религіозное различіе, во имя котораго предпринята была война. Побѣда была одержана непосредственною помощію свыше: былъ старшина въ землѣ ижорской, именемъ Пелгусій, которому было поручено сторожить непріятеля на морѣ; Пелгусій былъ крещенъ и носилъ христіанское имя

Филиппа, хотя родъ его находился еще въ язычествѣ; Пелгусій жилъ богоугодно, держалъ строгій постъ по середамъ и пяткамъ и сподоблялся видѣній: однажды пробылъ онъ всю ночь безъ сна, и при восходѣ солнечномъ вдругъ слышитъ сильный шумъ на морѣ, и видитъ, что гребетъ къ берегу насадъ, а посреди насада стоятъ св. мученики Борисъ и Глѣбъ въ пурпурныхъ одеждахъ, гребцы сидятъ какъ будто мглою одѣты, и слышитъ онъ, что Борисъ говоритъ Глѣбу: „Братъ Глѣбъ! вели грести, поможемъ сроднику своему великому князю Александру Ярославичу." Пелгусій разсказалъ потомъ видѣніе Александру, и тотъ запретилъ ему больше никому не разсказывать объ немъ.

Новгородцы любили видѣть Александра въ челѣ дружинъ своихъ; но не долго могли ужиться съ нимъ, какъ съ правителемъ, ибо Александръ шелъ по слѣдамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ: въ самый годъ Невской побѣды онъ выѣхалъ изъ Новгорода, разсорившись съ жителями. А между тѣмъ Нѣмцы, опять съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, взяли Изборскъ: Псковичи вышли къ нимъ на встрѣчу, и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича [210], а Нѣмцы, по слѣдамъ бѣгущихъ, подступили ко Пскову, пожгли посады, окрестныя села и цѣлую недѣлю стояли подъ городомъ. Псковичи принуждены были исполнить всѣ ихъ требованія и дали дѣтей своихъ въ заложники: въ Псковѣ началъ владѣть вмѣстѣ съ Нѣмцами какой-то Твердило Ивановичъ, который и подвелъ враговъ, какъ утверждаетъ лѣтописецъ; мы уже видѣли во враждѣ сторонъ причину такихъ измѣнъ. Приверженцы противной стороны бѣжали въ Новгородъ, который остался безъ князя, а между тѣмъ Нѣмцы не довольствовались Псковомъ: вмѣстѣ съ Чудью напали они на Вотскую пятину, завоевали ее, наложили дань на жителей, и, намѣреваясь стать твердою ногою въ Новгородской волости, построили крѣпость въ Копорьи погостѣ; по берегамъ Луги побрали всѣхъ лошадей и скотъ; по селамъ нельзя было земли пахать, да и не чѣмъ; по дорогамъ въ тридцати верстахъ отъ Новгорода непріятель билъ купцовъ. Тогда Новгородцы послали въ низовую землю къ Ярославу за княземъ, и тотъ далъ имъ другаго сына своего Андрея; но надобенъ былъ Александръ, а не Андрей: Новгородцы подумали, и отправили опять владыку съ боярами за Александромъ; Ярославъ далъ имъ его опять, на какихъ условіяхъ—неизвѣстно, но, вѣроятно, не на всей волѣ Новгородской: мы увидимъ послѣ

самовластіе Александра въ Новгородѣ; жалобы гражданъ на это самовластіе остались въ договорахъ ихъ съ братомъ Александровымъ.

Пріѣхавши въ Новгородъ въ 1241 году, Александръ немедленно пошелъ на Нѣмцевъ къ Копорью, взялъ крѣпость, гарнизонъ нѣмецкій привелъ въ Новгородъ, часть его отпустилъ на волю, только измѣнниковъ Вожанъ и Чудь перевѣшалъ. Но нельзя было такъ скоро освободить Псковъ; только въ слѣдующемъ 1242 году Александръ выступилъ ко Пскову и взялъ его, при чемъ погибло семдесятъ рыцарей со множествомъ простыхъ ратниковъ, шесть рыцарей взяты въ плѣнъ и замучены, какъ говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ [291]. Послѣ этого Александръ вошелъ въ чудскую землю, во владѣнія Ордена; войско послѣдняго встрѣтило одинъ изъ русскихъ отрядовъ и разбило его на голову; когда бѣглецы принесли Александру вѣсть объ этомъ пораженіи, то онъ отступилъ ко Псковскому озеру и сталъ дожидаться непріятеля на льду его, который былъ еще крѣпокъ 5-го апрѣля. На солнечномъ восходѣ началась знаменитая битва, слывущая въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Ледоваго побоища. Нѣмцы и Чудь пробились свиньею (острою колонною) сквозь русскіе полки и погнали уже бѣгущихъ, какъ Александръ обогналъ враговъ съ тыла и рѣшилъ дѣло въ свою пользу; была злая сѣча, говоритъ лѣтописецъ, льда на озерѣ стало не видно, все покрылось кровію; Русскіе гнали Нѣмцевъ по льду до берега на разстояніи семи верстъ, убили у нихъ 500 человѣкъ, а Чуди безчисленное множество, взяли въ плѣнъ 50 рыцарей. „Нѣмцы," говоритъ лѣтописецъ, хвалились: „возьмемъ князя Александра руками, а теперь ихъ самихъ Богъ предалъ ему въ руки". Когда Александръ возвращался во Псковъ послѣ побѣды, то плѣнныхъ рыцарей вели пѣшкомъ подлѣ коней ихъ; весь Псковъ вышелъ на встрѣчу къ своему избавителю, игумны и священники съ крестами. „О Псковичи! (говоритъ авторъ повѣсти о великомъ князѣ Александрѣ), если забудете это и отступите отъ рода великаго князя Александра Ярославича, то похожи будете на Жидовъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ, а они забыли всѣ благодѣянія Его; если кто изъ самыхъ дальнихъ Александровыхъ потомковъ пріѣдетъ въ печали жить къ вамъ во Псковъ, и не примете его, не почтете, то назоветесь вторые Жиды."—Послѣ этого славнаго похода Александръ долженъ былъ ѣхать во Владиміръ, прощаться съ отцемъ, отправляющимся въ Орду; въ его отсутствіе

Нѣмцы прислали съ поклономъ въ Новгородъ, послы ихъ говорили: „что зашли мы мечомъ, Воть, Лугу, Псковъ, Летголу, отъ того отъ всего отступаемся; сколько взяли людей вашихъ въ плѣнъ, тѣми размѣняемся: мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите;" отпустили также заложниковъ псковскихъ и помирились.

Но оставалась еще Литва: въ 1245 году толпы Литовцевъ явились около Торжка и Бѣжецка; въ Торжкѣ въ это время сидѣлъ возвратившійся вѣроятно послѣ мира изъ Ливоніи князь Ярославъ Владиміровичъ; онъ погнался было съ Новоторжцами за Литвою, но потерпѣлъ пораженіе, потерялъ всѣхъ лошадей; потомъ, Новоторжцы и Ярославъ погнались опять вмѣстѣ съ тверичами и дмитровцами: на этотъ разъ Литовцы были разбиты подъ Торопцомъ и князья ихъ вбѣжали въ городъ. Но утромъ на другой день приспѣлъ Александръ съ Новгородцами, взялъ Торопецъ, отнялъ у Литовцевъ весь плѣнъ и перебилъ князей ихъ, больше осьми человѣкъ. Новгородскіе полки возвратились отъ Торопца; но Александръ съ однимъ дворомъ своимъ погнался опять за Литовцами, разбилъ ихъ снова у озера Жизца [292], не оставилъ въ живыхъ ни одного человѣка, побилъ и остатокъ князей. Послѣ этого онъ отправился въ Витебскъ, откуда, взявши сына, возвращался назадъ, какъ вдругъ наткнулся опять на толпу Литовцевъ подлѣ Усвята: Александръ ударилъ на непріятелей, и снова разбилъ ихъ.

Такъ были отбиты со славою всѣ три врага сѣверо-западной Руси; Александръ не могъ долго оставаться здѣсь, ибо дѣла на востокѣ перемѣнились со смертію отца его. Послѣ Ярослава старшинство и столъ владимирскій наслѣдовалъ по старинѣ братъ его Святославъ, который утвердилъ племянниковъ своихъ, сыновей Ярослава, на удѣлахъ [293], данныхъ имъ покойнымъ великимъ княземъ. Еще въ 1142 г. Невскій ѣздилъ въ Орду, потому что Батый прислалъ сказать ему: „мнѣ покорилъ Богъ многіе народы, неужели ты одинъ не хочешь покориться моей державѣ? если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мнѣ, и увидишь честь и славу царства моего." Лѣтописецъ говоритъ, что ханъ, увидавши Александра, сказалъ своимъ вельможамъ: „Все, что мнѣ ни говорили объ немъ, все правда: нѣтъ подобнаго этому князю". По смерти отца, Александръ отправился къ Батыю вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ; съ береговъ Волги поѣхали они, по обычаю, въ Татарію; а между тѣмъ, въ отсутствіе старшихъ [294] Ярославичей, въ Руси произошла важ-

ная перемѣна: одинъ изъ младшихъ братьевъ ихъ, Михаилъ, по прозванію Хоробритъ, князь московскій [295], отнялъ у дяди Святослава великое княженіе, и самъ заступилъ его мѣсто. Это явленіе очень важно, потому что здѣсь мы видимъ совершенный произволъ, полное невниманіе ко всякому родовому праву, исключительное преобладаніе права сильнаго: Михаилъ не былъ даже и старшимъ сыномъ отъ старшаго брата. Михалъ скоро погибъ въ битвѣ съ Литовцами, еще до возвращенія старшихъ братьевъ изъ Орды, гдѣ Александръ былъ утвержденъ на столѣ кіевскомъ и новгородскомъ, удерживая также на сѣверовостокѣ, какъ отчину, Переяславль-Залѣсскій, Андрей же получилъ великое княженіе владимирское. Изгнанный дядя Святославъ ѣздилъ въ Орду; неизвѣстно, требовалъ ли онъ у хана возвращенія великокняжескаго достоинства, или нѣтъ; извѣстно только то, что не получилъ его и скоро умеръ (въ 1252 г.). Оставался князь, который по старинѣ могъ предъявить права свои на великое княженіе: именно Владиміръ Углицкій, сынъ Константина Ростовскаго, старшаго изъ сыновей Всеволода III-го; но кто могъ думать о правѣ Владиміра въ то время, когда Михаилъ московскій не обращалъ никакого вниманія ни на свое безправіе, ни на право дяди? Ярославичи были сильнѣе углицкаго князя: этого было довольно, чтобъ заставить позабыть о послѣднемъ.

Но раздѣлъ между Ярославичами не былъ миренъ; есть извѣстіе [296], что Александръ съ Андреемъ имѣли въ Ордѣ большой споръ, кому быть во Владимирѣ, кому въ Кіевѣ, и ханъ отдалъ Кіевъ Александру, а Владимиръ Андрею, основываясь на завѣщаніи покойнаго великаго князя Ярослава. Что же могло заставить Ярослава завѣщать старшему Александру Кіевъ, а младшему Андрею Владимиръ? Быть можетъ, особенная любовь къ Андрею, который оставался всегда при немъ; быть можетъ также, что Ярославъ, желая удержать и южную Русь въ своемъ родѣ, отдалъ Кіевъ Александру, какъ болѣе способному держать его. Но если подобное завѣщаніе существовало въ самомъ дѣлѣ, то оно исключало необходимо брата Святослава, тогда какъ лѣтопись говоритъ прямо, что Святославъ утвердилъ племянниковъ на удѣлахъ, какъ распорядился покойный Ярославъ. Впрочемъ есть средство согласить оба свидѣтельства: Ярославъ, при жизни, назначилъ Александра въ Кіевъ, Андрей оставался на сѣверѣ; по изгнаніи Святослава Михаиломъ и по смерти послѣдняго, Андрей, желая получить владимирскій столъ, настаивалъ

на томъ, что уже старшій братъ его получилъ старшій столъ— Кіевъ и русскую землю, по распоряженію покойнаго отца, и тѣмъ убѣдилъ хана, который для собственной безопасности, могъ не желать усиленія Александра. Но Александръ, какъ старшій, не могъ быть доволенъ такимъ рѣшеніемъ, ибо давно уже Владиміръ получилъ первенство надъ Кіевомъ относительно старшинства, давно уже кіевскіе князья не могли быть безъ владимірскихъ; теперь особенно, когда южная Русь была опустошена, когда Кіевъ представлялъ однѣ развалины, владѣніе имъ не могло быть лестно. Вотъ почему Невскій могъ считать себя въ правѣ сердиться на младшаго брата, видѣть въ немъ хищника правъ своихъ (1249 г.).—Какъ бы то ни было, Андрей два года спокойно сидѣлъ во Владимірѣ; Александръ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [297], хотѣлъ идти въ Кіевъ, но былъ удержанъ Новгородцами, представившими ему опасность отъ Татаръ на югѣ. Въ 1250 году Андрей вступилъ въ тѣсную связь съ Даніиломъ галицкимъ, женившись на его дочери; а въ 1252 году Александръ отправился на Донъ [298], къ сыну Батыеву, Сартаку съ жалобою на брата, который отнялъ у него старшинство и не исполняетъ своихъ обязанностей относительно Татаръ [299]. Александръ получилъ старшинство, и толпы Татаръ, подъ начальствомъ Неврюя, вторгнулись въ землю суздальскую. Андрей при этой вѣсти сказалъ: „Что это, Господи! покуда намъ между собою ссориться и наводить другъ на друга Татаръ: лучше мнѣ бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружиться съ Татарами и служить имъ.“ Собравши войско, онъ вышелъ противъ Неврюя, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ, не былъ тамъ принятъ и удалился въ Швецію, гдѣ былъ принятъ съ честію. Татары взяли Переяславль, захватили здѣсь семейство Ярослава, брата Андреева [300], убили его воеводу, поплѣнили жителей и пошли назадъ въ Орду. Александръ пріѣхалъ княжить во Владиміръ; Андрей также возвратился на Русь и помирился съ братомъ, который помирилъ его съ ханомъ и далъ въ удѣлъ Суздаль [301].

Но скоро началась у Александра вражда съ другимъ братомъ, Ярославомъ, княжившимъ въ Твери. Вслѣдствіе появленія на сѣверѣ отдѣльныхъ отчинъ, удѣловъ, между князьями необходимо обнаруживается стремленіе усиливать эти удѣлы на счетъ другихъ; уже въ Ярославѣ Всеволодовичѣ ясно обнаружилось это стремленіе: недовольный своимъ Переяславскимъ удѣломъ, онъ старался утвердиться

въ Новгородѣ, даже въ Кіевѣ; сынъ его Ярославъ Тверской шелъ по слѣдамъ отцовскимъ. Въ 1254 г. онъ отправился княжить во Псковъ (а по другимъ извѣстіямъ въ Ладогу), гдѣ приняли его съ большою честію; но Псковъ находился въ тѣсной связи съ Новгородомъ, а въ Новгородѣ не всѣ были довольны великимъ княземъ Александромъ, вмѣсто котораго княжилъ теперь здѣсь сынъ его Василій, и вотъ въ 1255 году Новгородцы выгнали Василія и перевели къ себѣ изо Пскова Ярослава Тверскаго. Но Василій не думалъ уступать дядѣ безъ борьбы, и засѣвши, по обычаю, въ Торжкѣ, дожидался отца своего съ полками, и ждалъ не долго; Александръ явился съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Димитріемъ Святославичемъ, и присоединивъ къ себѣ сына съ Новоторжцами, выступилъ противъ Новгорода; на дорогѣ встрѣтилъ его какой-то Ратишка съ перевѣтомъ: „Ступай, князь! говорилъ онъ: братъ твой Ярославъ убѣжалъ". Не смотря однако на бѣгство князя, Новгородцы не хотѣли безусловно покориться Александру и выстроили два полка, конный и пѣшій, при чемъ въ первый разъ высказались двѣ сословныя партіи: меньшіе люди, собравши вѣче у Св. Николы, сказали: „Братья! а что какъ князь скажетъ: выдайте мнѣ враговъ моихъ!" Въ отвѣтъ всѣ меньшіе цѣловали образъ Богородицы стать всѣмъ заодно, — либо животъ, либо смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но лучшіе люди думали иначе: имъ хотѣлось побить меньшихъ и ввести князя на своей волѣ, и Михалко, сынъ послѣдняго посадника, внукъ Твердиславовъ, предводитель стороны лучшихъ людей, уже побѣжалъ изъ города къ Св. Георгію (къ Юрьеву монастырю), чтобъ оттуда съ своимъ полкомъ ударить на меньшихъ. Посадникомъ въ это время на мѣсто Твердиславова сына Степана (умершаго въ 1243 году) былъ Ананія, который, желая добра Михалку послалъ за нимъ тайно; но вѣсть о замыслѣ Михалковомъ уже разнеслась между черными людьми и они погнали было грабить его дворъ, но были удержаны посадникомъ: „Братья, говорилъ имъ Ананія: если хотите убить Михалка, то убейте прежде меня!" Онъ не зналъ, что лучшіе люди уже порѣшили схватить его самого и посадничество отдать Михалку. Между тѣмъ посолъ Александровъ явился на вѣче и объявилъ народу волю княжескую: „выдайте мнѣ Ананію посадника, а не выдадите, то я вамъ не князь, ѣду на городъ ратью". Новгородцы отправили къ нему съ отвѣтомъ владыку и тысяцкаго: „Ступай, князь, на свой столъ, а злодѣевъ

не слушай, на Ананію и всѣхъ мужей новгородскихъ перестань сердиться". Но князь не послушалъ просьбъ владыки и тысяцкаго; тогда Новгородцы сказали: „если, братья, князь согласился съ нашими измѣнниками, то Богъ имъ судья и Св. Софія, а князь безъ грѣха",—и стоялъ весь полкъ три дня за свою правду, а на четвертый день Александръ прислалъ объявить новое условіе: „Если Ананія не будетъ посадникомъ, то помирюсь съ вами". Это требованіе было исполнено: Ананія свергнутъ, его мѣсто занялъ Михалко Степановичъ, и Василій Александровичъ опять сталъ княжить въ Новгородѣ.

Черезъ годъ (1257 г.) злая вѣсть, что Татары хотятъ наложить тамги и десятины на Новгородъ, опять смутила его жителей. Первая перепись татарская для сбора дани должна была происходить еще въ началѣ княженія Ярослава; Плано-Карпини говоритъ, что во время пребыванія его въ Россіи ханы Куюкъ и Батый прислали сюда баскакомъ одного Сарацина, который у каждаго отца семейства, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного, захватилъ всѣхъ неженатыхъ мущинъ, и женщинъ, не имѣвшихъ законныхъ мужей, также всѣхъ нищихъ, остальныхъ же перечислилъ, по обычаю татарскому, и обложилъ данью: каждый человѣкъ мужескаго пола, какого бы возраста и состоянія ни былъ, обязанъ былъ платить по мѣху медвѣжью, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему; кто не могъ заплатить, того отводили въ рабство. Въ 1255 году умеръ Батый [62]; ему наслѣдовалъ сынъ его Сартакъ, или Сертакъ, скоро умершій. Золотая Орда досталась брату Батыеву, Берге или Берке. По воцареніи этого новаго хана въ 1257 году, по русскимъ извѣстіямъ, происходила вторая перепись: пріѣхали численники, сочли всю землю суздальскую, рязанскую и муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, не считали только игуменовъ, чернецовъ, священниковъ и крилошанъ. Подобная же перепись происходила одновременно во всѣхъ странахъ, подвластныхъ Татарамъ, и вездѣ служители всѣхъ религій, исключая еврейскихъ раввиновъ, были освобождены отъ подати. Въ Новгородѣ послѣ вѣсти о переписи все лѣто продолжалось смятеніе; а зимою убили посадника Михалка: „еслибы кто добро другъ другу дѣлалъ, прибавляетъ лѣтописецъ, то добро бы и было, а кто копаетъ подъ другимъ яму, тотъ самъ въ нее попадаетъ". Въ слѣдъ за этимъ пріѣхалъ въ Новгородъ великій князь съ татарскими

послами, которые начали требовать десятины и тамги; Новгородцы не соглашались, дали дары для хана и отпустили пословъ съ миромъ; самъ Василій, сынъ Невскаго, былъ противъ дани, слѣдовательно противъ воли отцовской, и выѣхалъ во Псковъ, какъ только отецъ пріѣхалъ въ Новгородъ; Александръ выгналъ его оттуда и отправилъ въ Суздальскую область, а совѣтниковъ его наказалъ жестоко. Волненія не прекращались въ Новгородѣ: тою же зимою убили Мишу, быть можетъ того самаго, который такъ славно бился со Шведами при Невѣ; посадничество дано было Михаилу Ѳедоровичу, выведенному изъ Ладоги. Цѣлый слѣдующій годъ однако прошелъ безъ слуховъ о требованіяхъ татарскихъ; но въ 1259 г. пріѣхалъ съ Низу (изъ Суздальской области) Михайла Пинещиничъ съ ложнымъ посольствомъ: „если не согласитесь на перепись, говорилъ онъ Новгородцамъ, то уже полки татарскіе въ Низовой землѣ.“ Новгородцы испугались, и согласились; но когда зимою пріѣхалъ Александръ и съ нимъ окаянные Татары сыроядцы съ женами, то опять всталъ сильный мятежъ; Татары испугались и начали говорить Александру; „дай намъ сторожей, а то убьютъ насъ“, и князь велѣлъ ихъ стеречь по ночамъ сыну посадничью со всѣми дѣтьми боярскими. Татарамъ наскучило дожидаться: „Дайте намъ число, или побѣжимъ прочь“, говорили они. Но въ Новгородѣ и въ этомъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ, высказались двѣ враждебныя сословныя партіи: одни граждане никакъ не хотѣли дать числа: „Умремъ честію за св. Софію и за домы ангельскіе“, говорили они; но другіе требовали согласія на перепись и наконецъ осилили, когда Александръ съ Татарами съѣхали уже съ Городища. И начали ѣздить окаянные Татары по улицамъ, переписывая домы христіанскіе. Взявши число, татары уѣхали; въ слѣдъ за ними отправился и князь Александръ, оставивши въ Новгородѣ сына Димитрія.

Въ Новгородѣ стало тихо; но поднялись волненія на востокѣ въ землѣ ростовской: здѣсь въ 1262 году народъ былъ выведенъ изъ терпѣнія насиліями татарскихъ откупщиковъ дани; поднялись вѣча и выгнали откупщиковъ изъ Ростова, Владимира, Суздаля, Переяславля и Ярославля; въ послѣднемъ городѣ убитъ былъ въ это время отступникъ Изосимъ, который принялъ магометанство въ угоду татарскому баскаку и хуже иноплеменниковъ угнеталъ своихъ прежнихъ согражданъ. Понятно, что въ Ордѣ не могли спокойно

спести этого событія, и полки татарскіе уже посланы были плѣнить христіанъ: тогда Александръ, чтобъ отмолить людей отъ бѣды, отправился въ четвертый разъ въ Орду; какъ видно, онъ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, благодаря, быть можетъ, персидской войнѣ, которая сильно занимала хана Берге. Но это было уже послѣднимъ дѣломъ Александра: больной поѣхалъ онъ изъ Орды, проведши тамъ всю зиму, и на дорогѣ, въ Городцѣ Волжскомъ, умеръ 14-го ноября 1263 года, „много потрудившись за землю Русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе отдавая животъ свой и за правовѣрную вѣру". Соблюденіе русской земли отъ бѣды на востокѣ, знаменитые подвиги за вѣру и землю на западѣ доставили Александру славную память на Руси, сдѣлали его самымъ виднымъ историческимъ лицомъ въ нашей древней исторіи отъ Мономаха до Донскаго. Знакомъ этой памяти и славы служитъ особое сказаніе о подвигахъ Александровыхъ, дошедшее до насъ вмѣстѣ съ лѣтописями, написанное современникомъ и, какъ видно, человѣкомъ близкихъ къ князю. Великій князь Александръ Ярославичъ, говоритъ авторъ сказанія, побѣждалъ вездѣ, а самъ не былъ нигдѣ побѣжденъ; приходилъ въ Новгородъ отъ западныхъ странъ знаменитый рыцарь, видѣлъ Александра и, возвратясь въ свою землю, разсказывалъ: „прошелъ я много странъ и народовъ, но нигдѣ не видалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя"; такой же отзывъ сдѣлалъ объ немъ и ханъ. Когда Александръ послѣ отцовой смерти пріѣхалъ во Владиміръ, то былъ грозенъ пріѣздъ его, промчалась вѣсть о немъ до самыхъ устій Волги, и жены Моавитскія начали стращать дѣтей своихъ: „молчи, великій князь Александръ ѣдетъ!" однажды явились къ нему послы изъ великаго Рима отъ папы, который велѣлъ сказать Александру: „слышали мы о тебѣ, князь, что ты честенъ и дивенъ, и велика земля твоя: поэтому прислали мы къ тебѣ отъ двѣнадцати кардиналовъ двоихъ хитрѣйшихъ—Галда и Гемонта, да послушаешь ученія нашего". Александръ, подумавши съ мудрецами своими, описалъ папѣ все случившееся отъ сотворенія міра до седьмого Вселенскаго Собора, прибавивъ: „все это мы знаемъ хорошо, но отъ васъ ученія не принимаемъ" [303]. Идя по слѣдамъ отцовскимъ, Александръ передавалъ много золота и серебра въ Орду на выкупъ плѣнныхъ. Митрополитъ Кириллъ былъ во Владимірѣ, когда узналъ о смерти Александра; онъ такъ объявилъ объ этомъ народу: „дѣти мои ми-

лые! знайте, что зашло солнце земли Русской“, и всѣ люди завопили въ отвѣтъ: „уже погибаемъ!“

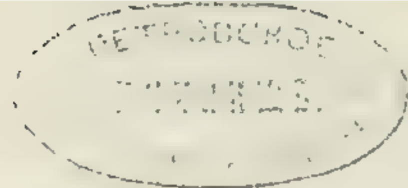
Занимаясь по смерти отца преимущественно отношеніями ордынскими, Александръ долженъ былъ слѣдить и за обычною борьбою на западѣ, въ которой прежде принималъ такое славное участіе. Мы видѣли, что Михаилъ московскій не долго пользовался старшимъ столомъ, отнятымъ у дяди, и палъ въ битвѣ съ Литвою; но другіе Ярославичи отмстили за его смерть, поразивши Литву изъ Зубцова (1249 году); около этого же времени Псковичи потерпѣли пораженіе отъ Литвы на Кудени; въ 1253 году Литва явилась въ области Новгородской; но князь Василій съ Новгородцами нагнали ее у Торопца, разбили, отняли полонъ. Въ 1258 г. пришла Литва съ Полочанами къ Смоленску и взяла городъ Войщину [304] на щитъ; послѣ этого Литовцы явились у Торжка, жители котораго вышли къ нимъ навстрѣчу, но потерпѣли пораженіе и городъ ихъ много пострадалъ; подъ 1262 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о мирѣ Новгородцевъ съ Литвою.—Шведы и Датчане съ Финнами пришли въ 1256 году и стали чинить городъ на Наровѣ: Новгородцы, сидѣвшіе въ это время безъ князя, послали въ суздальскую землю къ Александру, за полками, разослали и по своей волости собирать войско; непріятель испугался этихъ приготовленій и ушелъ за море [305]. На зиму пріѣхалъ въ Новгородъ князь Александръ и отправился въ походъ—куда, никто не зналъ; думали. что князь идетъ на Чудь, но онъ отъ Копорья пошелъ на Ямь, путь былъ трудный, войско не видѣло ни дня, ни ночи отъ мятели; несмотря на то Русскіе вошли въ непріятельскую землю и опустошили ее. Послѣ мира 1242 года Нѣмцы десять лѣтъ не поднимались на Русь; только въ 1253 году, ободренные удачными войнами съ Литвою, они нарушили договоръ, пришли подъ Псковъ и сожгли посадъ, но самихъ ихъ много Псковичи били, говоритъ лѣтописецъ. Видно впрочемъ, что осада крѣпости тянулась до тѣхъ поръ, пока пришелъ полкъ новгородскій на выручку; тогда Нѣмцы испугались, сняли осаду и ушли. Въ Новгородѣ въ это время было покойно, и потому рѣшились не довольствоваться освобожденіемъ Пскова, а идти пустошить Ливонію: пошли за Нарову и положили пусту нѣмецкую волость; Корелы также ей много зла надѣлали. Псковичи, съ своей стороны, не хотѣли оставаться въ долгу, пошли въ Ливонію и побѣдили нѣмецкій полкъ, вышедшій къ нимъ

на встрѣчу. Тогда Нѣмцы послали во Псковъ и въ Новгородъ просить мира на всей волѣ новгородской и псковской, и помирились. Въ 1262 г. собрались князья идти къ старой отчинѣ своей, къ Юрьеву Ливонскому. Этотъ походъ замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ видимъ русскихъ князей въ союзѣ съ литовскими для наступательнаго движенія противъ Нѣмцевъ. Русскіе князья—братъ Невскаго, Ярославъ и сынъ Димитрій съ Миндовгомъ литовскимъ, Тройнатомъ жмудьскимъ и Тевтивиломъ полоцкимъ уговорились ударить вмѣстѣ на Орденъ. Миндовгъ явился передъ Венденомъ, но тщетно дожидался Русскихъ и возвратился назадъ, удовольствовавшись однимъ опустошеніемъ страны. Когда ушла Литва, явились русскіе полки и осадили Юрьевъ: Нѣмцы сильно укрѣпили его; „былъ городъ Юрьевъ твердъ, говоритъ лѣтописецъ, въ три стѣны, и множество людей въ немъ всякихъ, и оборону себѣ пристроили на городѣ крѣпкую". Посадъ былъ взятъ приступомъ, сожженъ: Русскіе набрали много полону и товара всякаго, но крѣпости взять не могли и ушли назадъ. Нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что Русскіе оставили Юрьевъ, слыша о приближеніи магистра Вернера Фонъ-Брейтгаузена, и что магистръ, по ихъ слѣдамъ, вторгнулся въ русскія владѣнія, опустошилъ ихъ, но болѣзнь принудила его возвратиться [306].

Прежній великій князь Андрей Ярославичъ не долго пережилъ брата своего: онъ умеръ весною 1264 года. Сохранилось извѣстіе [307], что Андрей, по смерти Александра, снова хотѣлъ занять столъ владимірскій, но что братъ его Ярославъ перенесъ дѣло на рѣшеніе хана, и тотъ утвердилъ Ярослава. Это извѣстіе подтверждается тѣмъ, что въ лѣтописяхъ вступленіе Ярослава на великокняжескій престолъ означено не тотчасъ по смерти Александра въ 1263, но уже по смерти Андрея въ 1264 году. Неизвѣстно, гдѣ Невскій имѣлъ пребываніе, въ отчинномъ ли городѣ Переяславлѣ Залѣсскомъ [308] или во Владимірѣ, по крайней мѣрѣ погребенъ былъ въ послѣднемъ; братъ же его Ярославъ, какъ видно, жилъ то въ Твери [309], то во Владимірѣ, то въ Новгородѣ, и былъ похороненъ въ Твери [310]. Смерть Невскаго повела прежде всего къ перемѣнѣ въ Новгородѣ; сынъ его Димитрій былъ изгнанъ: мы видѣли, что посадникъ Ананія былъ сверженъ по требованію Александра, и на его мѣсто поставленъ Михалко Степановичъ—необходимо угодный великому князю; но Михалко былъ убитъ меньшими людьми, посто-

янно не ладившими съ Александромъ, слѣдовательно и посадника, ими выбраннаго, Михаила Ѳедоровича мы не имѣемъ права считать въ числѣ приверженцевъ послѣдняго. Поэтому не удивительно встрѣтить въ лѣтописи извѣстіе, что Новгородцы изгнали Димитрія Александровича, по совѣту съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, и послали въ Тверь сына посадникова и лучшихъ бояръ звать Ярослава къ себѣ на столъ: вспомнимъ, что и прежде Ярославъ былъ позванъ въ Новгородъ вслѣдствіе желанія меньшихъ людей, которые такъ сильно послѣ того противились Александру. Рядъ Новгородцевъ съ Ярославомъ дошелъ до насъ во всей полнотѣ въ двухъ грамотахъ; Новгородцы называютъ предложенныя князю условія древними [311]: быть можетъ они были предложены впервые Всеволоду, внуку Мономахову; внесено также въ условія, чтобъ поступки Невскаго не повторялись [312]; несмотря на то, Новгородцы не долго нажили въ мирѣ и съ новымъ княземъ. Первая размолвка произошла по поводу Псковичей, которые посадили у себя княземъ Довмонта Литовскаго, тогда какъ прежде сидѣлъ у нихъ сынъ Ярославовъ, Святославъ [313]; въ 1266 году Ярославъ пришелъ въ Новгородъ съ полками низовыми, чтобъ идти на Псковичей и Довмонта, уже славнаго подвигами своими за Русскую землю; Новгородцы воспротивились этому походу и сказали князю: „прежде перевѣдайся съ нами, а потомъ уже поѣзжай во Псковъ“. Ярославъ отослалъ полки свои назадъ. Намѣстникомъ Ярославовымъ въ Новгородѣ сидѣлъ племянникъ его, Юрій Андреевичъ [314]; но въ 1269 году приходилъ туда самъ великій князь и сталъ жаловаться: „мужи мои и братья мои и ваши побиты въ войнѣ съ Нѣмцами“; князь складывалъ всю вину на трехъ гражданъ—Жирослава Давидовича, Михаила Мишинича и Юрія Сбыславича, желая лишить ихъ волостей. Но Новгородцы были за нихъ; князь въ сердцахъ собрался выѣхать изъ города: жители стали кланяться ему: „князь! перестань сердиться на Жирослава, Михаила и Юрія, и отъ насъ не ѣзди“, потому что миръ съ Нѣмцами былъ еще не проченъ. Ярославъ не послушался и уѣхалъ; но они послали за нимъ владыку и лучшихъ мужей и воротили его съ Бронницъ; чтобъ угодить ему, выбрали тысяцкаго Ратибора Клуксовича по его волѣ, а посадникомъ на мѣсто Михаила Ѳедоровича, умершаго въ 1268 году, былъ избранъ тогда же еще сынъ извѣстнаго Ананіи, Павша.

Новгородцы хотѣли мира съ Ярославомъ изъ страха передъ Нѣмцами только, и когда этотъ страхъ прошелъ, то въ слѣдующемъ же 1270 году всталъ мятежъ въ городѣ: начали выгонять князя, собрали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, убили пріятеля княжескаго Иванка, а другіе пріятели Ярославовы, и между ними тысяцкій Ратиборъ, скрылись къ князю на Городище; Новгородцы разграбили ихъ домы, хоромы разнесли, а къ князю послали грамоту съ жалобою, что отнятъ Волховъ гогольными ловцами, а поле отнято заячьими ловцами, взятъ дворъ Алексы Морткинича, взято серебро на Никифорѣ Манускиничѣ, на Романѣ Болдыжевичѣ, на Варѳоломеѣ; кромѣ того, выводятся иноземцы, которые живутъ въ Новгородѣ. Ярославъ, несмотря на всѣ свои старанія, долженъ былъ выѣхать, и Новгородцы послали за Дмитріемъ Александровичемъ, но ошиблись въ разсчетѣ: Димитрій отказался ѣхать къ нимъ, сказавши: „не хочу взять стола передъ дядею". Новгородцы пріуныли, особенно когда узнали, что Ярославъ копитъ полки на нихъ, мало того послалъ къ хану ихъ прежняго тысяцкаго Ратибора просить помощи на Новгородъ; Ратиборъ говорилъ хану: „Новгородцы тебя не слушаютъ; мы просили у нихъ дани для тебя, а они насъ выгнали, другихъ убили, домы наши разграбили и Ярослава обезчестили." Ханъ повѣрилъ и отправилъ уже войско къ Ярославу. Въ такой крайней опасности Новгородъ былъ спасенъ не княземъ южной, старой Руси, но роднымъ братомъ в. князя, Василіемъ Ярославичемъ костромскимъ: этотъ князь вступился за старый городъ не по сочувствію съ его бытомъ, но изъ соперничества съ братомъ: какъ князь костромской, Василій, боялся усиленія князя тверскаго, ибо такое усиленіе грозило не только правамъ его на княжество владимірское, но даже независимости его княжества костромскаго. Василій послалъ сказать Новгородцамъ: „кланяюсь св. Софіи и мужамъ Новгородцамъ: слышалъ я, что Ярославъ идетъ на Новгородъ со всею своею силою, Димитрій съ Переяславцами и Глѣбъ съ Смолянами; жаль мнѣ своей отчины." Но Василій не ограничился однимъ сожалѣніемъ: самъ поѣхалъ въ Орду, сказалъ хану, что Новгородцы правы, а Ярославъ виноватъ, и возвратилъ съ дороги татарскую рать. Между тѣмъ Новгородцы поставили острогъ около города, имѣніе свое вывезли въ крѣпость, и когда явились сторожа Ярославовы, то весь городъ вышелъ съ оружіемъ отъ мала до велика. Ярославъ, узнавъ объ этомъ, засѣлъ въ Русѣ, а въ Нов-



городъ послалъ съ мирными предложеніями: „обѣщаюсь впередъ не дѣлать ничего того, за что на меня сердитесь, всѣ князья въ томъ за меня поручатся". Новгородцы отвѣчали: князь! ты вздумалъ зло на св. Софію, такъ ступай: а мы изомремъ честно за св. Софію; у насъ князя нѣтъ, но съ нами Богъ и правда и св. Софія, а тебя не хотимъ." Новгородцы могли такъ разговаривать: къ Ярославу Татары не приходили, а къ нимъ собралась вся ихъ волость. Псковичи, Ладожане, Корела, Ижора, Вожане, пошли всѣ къ устью Шелони [315] и стояли недѣлю на бродѣ, а полкъ Ярославовъ по другую сторону рѣки. Дѣло впрочемъ не дошло до битвы, потому что явился новый посредникъ: прислалъ митрополитъ грамоту, въ которой писалъ: мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ русской землѣ; вамъ надобно слушаться Бога и меня: крови не проливайте, а Ярославъ не сдѣлаетъ вамъ ничего дурнаго, я за то ручаюсь; если же вы крестъ цѣловали не держать его, то я за это принимаю епитимью на себя и отвѣчаю передъ Богомъ." Митрополичья грамота подѣйствовала [316], и когда Ярославъ опять прислалъ въ новгородскій полкъ съ поклономъ, то Новгородцы помирились съ нимъ на всей своей волѣ, посадили его опять у себя на столѣ и привели къ кресту. Зимою Ярославъ отправился во Владимиръ, а оттуда въ Орду, оставя въ Новгородѣ намѣстникомъ Андрея Вратиславича, а во Псковѣ князя Августа литовскаго.

Въ 1272 году Ярославъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды. По старому порядку вещей великое княжество перешло къ брату его Василію Костромскому; но относительно Новгорода явился ему соперникъ, и такимъ образомъ Новгородцы получили право выбора: послы Василія костромскаго и племянника его, Димитрія переяславскаго, въ одно время съѣхались въ Новгородѣ: оба князя просили себѣ этого стола. Казалось, что выборъ будетъ легокъ для Новгородцевъ: благодарность заставляла ихъ избрать Василія, недавно избавившаго ихъ отъ страшной опасности. Несмотря на то, они посадили у себя Димитрія. Есть извѣстіе [317], объясняющее причину такого поступка: Василій требовалъ уничтоженія грамотъ брата своего, слѣдовательно Новгородцы выбрали того, кто согласился княжить у нихъ на всей ихъ волѣ. Однако новый великій князь не думалъ уступать своихъ правъ: съ Татарами и племянникомъ своимъ, княземъ тверскимъ Святославомъ, онъ повоевалъ волости новгородскія, взялъ Торжекъ, пожегъ хоромы, посадилъ своего тіуна, торговля съ низовою землею

прекратилась, купцовъ новгородскихъ перехватали тамъ, и хлѣбъ сильно вздорожалъ въ городѣ. Зимою 1273 года князь Димитрій съ Новгородцами пошелъ къ Твери, а къ Василію послали сказать: „возврати волости новгородскія и помирись съ нами"; но Василій не хотѣлъ мириться: тогда въ Новгородѣ возмутились люди и захотѣли Василія; Димитрій, не дожидаясь изгнанія, добровольно уѣхалъ въ свой Переяславль, и Василій сѣлъ на столѣ новгородскомъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ Василій наказалъ своихъ противниковъ, въ числѣ которыхъ былъ тысяцкій [115]; судя по обстоятельствамъ съ вѣроятностію можно положить, что прежнія требованія Василія относительно грамотъ были исполнены. Перемѣна князя повлекла и перемѣну посадника: еще до пріѣзда Васильева отняли посадничество у Павши (Павла Семеновича) и дали Михаилу Мишиничу (вѣроятно сыну убитаго прежде Миши); Павша бѣжалъ сперва къ Димитрію, но потомъ раздумалъ и поѣхалъ съ поклономъ къ Василію, который, какъ видно, принялъ его милостиво, потому что какъ скоро Василій утвердился въ Новгородѣ, то отняли посадничество у Михаила и отдали опять Павшѣ, выведши его изъ Костромы; но въ слѣдующемъ же 1274 году Павша умеръ, и Михаилъ сталъ опять посадникомъ. Въ 1276 году умеръ великій князь Василій и погребенъ въ своей отчинѣ, Костромѣ; съ нимъ прекратилось первое поколѣніе потомства Ярослава Всеволодовича, и старшинство со столомъ владимирскимъ перешло по старинѣ къ старшему сыну Невскаго, Димитрію Александровичу переяславскому. Такимъ образомъ, при ослабленіи родовой связи и общности владѣнія, при образованіи удѣловъ, отдѣльныхъ отчинъ и при необходимо слѣдующемъ отсюда стремленіи каждаго великаго князя усилить свое собственное княжество, при чемъ всѣ они начинаютъ съ Новгорода, жребій— усилиться и стать чрезъ это сосредоточивающимъ пунктомъ Руси— выпалъ сперва Твери, но недостатокъ твердости въ Ярославѣ Тверскомъ и соперничество брата его Василія воспрепятствовали усиленію Твери; Василій костромской едва получилъ великокняжескую область, какъ началъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ, какой охуждалъ въ братѣ; подобно ему привелъ Татаръ на Новгородцевъ, тогда какъ прежде заступился за послѣднихъ и отклонилъ отъ нихъ татарское нашествіе; но кратковременное пятилѣтнее правленіе не позволило ему усилить костромское княжество, онъ умеръ бездѣтенъ, и очередь перешла къ Переяславлю-Залѣсскому.

Касательно ордынскихъ отношеній по смерти Невскаго въ 1266 году кончилось первое, самое тяжкое двадцатипятилѣтіе татарскаго ига; въ этомъ году, говорятъ лѣтописи, умеръ ханъ Берге, и была ослаба Руси отъ насилія татарскаго. Берге былъ первый ханъ, который принялъ магометанство, и потому неудивительно читать въ лѣтописяхъ, что какой-то Изосимъ принялъ исламъ въ угодность татарскому баскаку. Берге наслѣдовалъ Менгу-Тимуръ, внукъ Батыя отъ втораго сына его Тутукана. Въ 1275 году происходила вторичная перепись народа на Руси и въ Новгородѣ.—На западѣ по прежнему шла борьба съ Литвою и Нѣмцами. Въ Литвѣ въ это время произошли усобицы, вслѣдствіе которыхъ въ 1266 г. прибѣжалъ во Псковъ одинъ изъ литовскихъ князей, именемъ Довмонтъ, съ дружиною и съ цѣлымъ родомъ, принялъ крещеніе подъ именемъ Тимоѳея, и былъ посаженъ Псковитянами на столѣ св. Всеволода: здѣсь въ первый разъ видимъ то явленіе, что русскій городъ призываетъ къ себѣ въ князья Литвина вмѣсто Рюриковича, явленіе любопытное, потому что оно объясняетъ намъ тогдашнія понятія и отношенія, объясняетъ древнее призваніе самого Рюрика объясняетъ ту легкость, съ какою и другіе западные русскіе города, въ это время и послѣ, подчинялись династіи князей литовскихъ. Псковичи не ошиблись въ выборѣ: Довмонтъ своими доблестями, своею ревностію по новой вѣрѣ и новомъ отечествѣ напомнилъ Руси лучшихъ князей ея изъ рода Рюрикова—Мстиславовъ, Александра Невскаго. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Псковичи провозгласили его княземъ Довмонтъ, взявши т р и д е в я н о с т а дружины, отправился на литовскую землю, и повоевалъ свое прежнее отечество, плѣнилъ родную тетку свою, жену князя Гердена, и съ большимъ полономъ возвращался во Псковъ. Переправившись черезъ Двину и отъѣхавъ верстъ пять отъ берега, онъ сталъ шатрами на бору, разставилъ сторожей по рѣкѣ, отпустилъ два девяноста ратныхъ съ полономъ во Псковъ, а самъ остался съ однимъ девяностомъ, ожидая за собою погони. Гердена и другихъ князей не было дома, когда Довмонтъ пустошилъ ихъ землю; возвратившись, они погнались съ 700 человѣкъ въ слѣдъ за нимъ, грозясь схватить его руками и предать лютой смерти, а Псковичей изсѣчь мечами. Стража, разставленная Довмонтомъ на берегу Двины, прибѣжала и объявила ему, что Литва уже переправилась черезъ рѣку. Тогда Довмонтъ сказалъ своей дружинѣ: „Братья мужи Пско-

вичи! кто старъ, тотъ отецъ, а кто молодъ, тотъ братъ! слышалъ я о мужествѣ вашемъ во всѣхъ сторонахъ; теперь передъ нами, братья, животъ и смерть: братья мужи Псковичи! потянемъ за св. Троицу и за свое отечество.“ Поѣхалъ князь Довмонтъ съ Псковичами на Литву и однимъ девяностомъ семьсотъ побѣдилъ. Въ слѣдующемъ 1267 году Новгородцы съ Довмонтомъ и Псковичами ходили на Литву и много повоевали; въ 1275 году русскіе князья ходили на Литву вмѣстѣ съ Татарами и возвратились съ большою добычею. Въ 1268 году Новгородцы собрались было опять на Литву; но на дорогѣ раздумали и пошли за Парву къ Раковору (Везенбергъ); много земли попустошили, но города не взяли, и, потерявши 7 человѣкъ, возвратились домой; но скоро потомъ рѣшились предпринять походъ поважнѣе, и, подумавши съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, послали за княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, сыномъ Невскаго, звать его изъ Переяславля съ полками; послали и къ великому князю Ярославу, и тотъ прислалъ сыновей своихъ съ войскомъ. Тогда Новгородцы сыскали мастеровъ, умѣющихъ дѣлать стѣнобитныя орудія, и начали чинить п о р о к и на Владычнемъ дворѣ. Нѣмцы-Рижане, Феллинцы, Юрьевцы, услыхавши о такихъ сборахъ, отправили въ Новгородъ пословъ, которые объявили гражданамъ: „намъ съ вами миръ, перевѣдывайтесь съ Датчанами-Колыванцами (Ревельцами) и Раковорцами (Везенбергцами), а мы къ нимъ не пристаемъ, на чемъ и крестъ цѣлуемъ;“—и точно поцѣловали крестъ. Новгородцы однако этимъ не удовольствовались, послали въ Ливонію привести къ кресту всѣхъ п и с к у п о в ъ и Б о ж і и х ъ д в о р я н ъ (рыцарей), и тѣ всѣ присягнули, что не будутъ помогать Датчанамъ. Обезопасивъ себя такимъ образомъ со стороны Нѣмцевъ, Новгородцы выступили въ походъ подъ предводительствомъ семи князей, въ числѣ которыхъ былъ и Довмонтъ съ Псковичами. Въ январѣ мѣсяцѣ вошли они въ нѣмецкую землю и начали опустошать ее по обычаю: въ одномъ мѣстѣ Русскіе нашли огромную непроходимую пещеру, куда спряталось множество Чуди; три дня стояли полки передъ пещерою и никакъ не могли добраться до Чуди: наконецъ одинъ изъ мастеровъ, который былъ при машинахъ, догадался пустить въ нее воду: этимъ средствомъ Чудь принуждена была покинуть свое убѣжище, и была перебита. Отъ пещеры Русскіе пошли дальше къ Раковору, но когда достигли рѣки Кеголы, 18-го февраля, то вдругъ увидали передъ собою полки нѣмецкіе, которые

стояли какъ лѣсъ дремучій, потому что собралась вся земля нѣмецкая, обманувши Новгородцевъ ложною клятвою. Русскіе однако не испугались, пошли къ Нѣмцамъ за рѣку и начали ставить полки: Псковичи стали по правую руку; князь Димитрій Александровичъ съ Переяславцами и съ сыномъ великаго князя Святославомъ, стали по правую же руку повыше; по лѣвую сталъ другой сынъ великаго князя, Михаилъ съ Тверичами, а Новгородцы стали въ лице желѣзному полку противъ великой свиньи, и въ такомъ порядкѣ схватились съ Нѣмцами. Было побоище страшное, говоритъ лѣтописецъ, какого не видали ни отцы, ни дѣды; Русскіе сломили Нѣмцевъ и гнали ихъ семь верстъ вплоть до города Раковора; но дорого стоила имъ эта побѣда: посадникъ съ тринадцатью знаменитѣйшими гражданами полегли на мѣстѣ, много пало и другихъ добрыхъ бояръ, а черныхъ людей безъ числа: иные пропали безъ вѣсти, и въ томъ числѣ тысяцкій Кондратъ. Сколько пало непріятелей—видно изъ того, что конница русская не могла пробираться по ихъ трупамъ; но у нихъ оставались еще свѣжіе полки, которые, во время бѣгства остальныхъ, успѣли врѣзаться свиньею въ обозъ новгородскій; князь Димитрій хотѣлъ немедленно напасть на нихъ, но другіе князья его удержали: „время уже къ ночи, говорили они, въ темнотѣ смѣшаемся и будемъ бить своихъ.“ Такимъ образомъ оба войска остановились другъ противъ друга, ожидая разсвѣта, чтобъ начать снова битву; но когда разсвѣло, то нѣмецкихъ полковъ уже не было болѣе видно; они бѣжали въ ночь. Новгородцы стояли три дня на костяхъ (на полѣ битвы), на четвертый тронулись, везя съ собою избіенныхъ братій честно отдавшихъ животъ свой, по выраженію лѣтописца. Но Довмонтъ съ Псковичами хотѣли воспользоваться, побѣдою опустошили Ливонію до самаго моря, и, возвратившись, наполнили землю свою множествомъ полона. Латины (Нѣмцы), собравши остатокъ силъ, спѣшили отмстить Псковичамъ: пришли тайно на границу, сожгли нѣсколько псковскихъ селъ и ушли назадъ, не имѣя возможности предпринять что нибудь важное; ихъ было только 800 человѣкъ; но Довмонтъ погнался за ними съ 60 человѣками дружины и разбилъ. Въ слѣдующемъ 1269 году Магистръ пришелъ подъ Псковъ съ силою тяжкою: 10 дней стояли Нѣмцы подъ городомъ, и съ урономъ принуждены были отступить; между тѣмъ явились Новгородцы на помощь и погнались за непріятелемъ, который успѣлъ однако уйти за рѣку, и оттуда

заключилъ миръ на всей волѣ новгородской. Оставалось покончить съ Датчанами ревельскими, и въ томъ же году самъ великій князь Ярославъ послалъ сына Святослава въ низовую землю собирать полки; собралисъ всѣ князья и безчисленное множество войска пришло въ Новгородъ; былъ тутъ и баскакъ великій владимірскій, именемъ Амраганъ, и всѣ вмѣстѣ хотѣли выступить на Колывань. Датчане испугались и прислали просить мира: „кланяемся на всей вашей волѣ, Наровы всей отступаемся, только крови не проливайте.“ Новгородцы подумали и заключили миръ на этихъ условіяхъ.

До сихъ поръ мы преимущественно обращали вниманіе на преемство великихъ князей владимірскихъ и отношенія ихъ къ родичамъ; теперь взглянемъ на отношенія князей въ другихъ волостяхъ сѣверовосточной Руси. Лѣтописецъ не говоритъ, гдѣ княжилъ Святославъ Всеволодовичъ, лишенный владимірскаго стола, и сынъ его Димитрій, ибо прежній удѣлъ ихъ Суздаль отданъ былъ Невскимъ брату своему Андрею Ярославичу, также лишившемуся Владиміра; мы видимъ послѣ, что этотъ Димитрій помогаетъ Невскому въ войнѣ противъ Новгорода; наконецъ подъ 1269 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Димитрія и погребеніи его въ Юрьевѣ—знакъ, что онъ княжилъ въ этомъ городѣ, который держалъ отецъ его Святославъ по смерти Всеволода III, слѣдовательно Юрьевъ, какъ неотъемлемая вотчина, осталась за Святославомъ и тогда, когда онъ получилъ отъ брата Ярослава Суздаль. По смерти Андрея Ярославича остались сыновья—Юрій и Михаилъ; перваго мы видѣли въ Новгородѣ.—Въ 1249 г. умеръ послѣдній сынъ Константина Всеволодовича, Владиміръ углицкій, оставивъ двоихъ сыновей—Андрея и Романа, изъ которыхъ Андрей умеръ въ 1261 г. Въ одинъ годъ съ Владиміромъ умеръ племянникъ его Василій Всеволодовичъ ярославскій, не оставивъ сыновей, вслѣдствіе чего произошло любопытное явленіе: прежде въ старой Руси волости не считались собственностію отдѣльныхъ князей. но собственностію цѣлаго рода, и если какой-нибудь князь умиралъ, то волость его не переходила даже и къ сыновьямъ, но къ старшему въ родѣ или племени; на сѣверѣ мы видимъ, что волости начинаютъ переходить прямо къ сыновьямъ, исключая одной старшей волости владимірской; но мало этого, понятіе о собственности, отдѣльности владѣнія такъ утвердилось, что удѣлъ, за неимѣніемъ сыновей, переходитъ къ дочери покойнаго князя, вслѣдствіе чего дочь Василія Всеволодовича на-

чала княжить въ Ярославлѣ съ матерью, которая стала искать ей жениха. Въ это время въ смоленской волости княжили трое сыновей Ростислава Мстиславича, внука Давыда Ростиславича, Глѣбъ, котораго мы видѣли союзникомъ Ярослава Ярославича противъ Новгорода, Михаилъ и Θеодоръ; по словамъ лѣтописца, Глѣбъ и Михаилъ обидѣли Θеодора, давши ему одинъ только Можайскъ; этого-то Θеодора можайскаго вдова Василія Всеволодовича выбрала въ мужья своей дочери, и такимъ образомъ одинъ изъ Ростиславичей смоленскихъ получилъ въ приданое за женою волость суздальскихъ Юрьевичей. Въ житіи князя Θеодора находимъ слѣдующія дополнительныя извѣстія: отъ первой жены, княжны ярославской, онъ имѣлъ сына Михаила; во время отсутствія князя въ Орду, жена его умерла, и теща съ боярами, провозгласивъ княземъ молодаго Михаила, не впустили въ городъ Θеодора, когда онъ пріѣхалъ изъ Орды. Θеодоръ отправился назадъ въ Орду, тамъ женился на ханской дочери, прижилъ съ нею двоихъ сыновей—Давида и Константина, и услыхавъ о смерти старшаго своего сына, Михаила, возвратился въ Ярославль, гдѣ утвердился съ ханской помощію.

Изъ князей муромскихъ упоминается Ярославъ, по случаю брака ростовскаго князя Бориса Васильевича на его дочери. Въ Рязани княжилъ Олегъ Ингваревичъ, внукъ Игоревъ, правнукъ Глѣбовъ, оставившій (1258 г.) столъ сыну Роману. Въ 1270 году на Романа донесли хану Менгу-Тимуру, будто онъ хулитъ хана и ругается вѣрѣ татарской; ханъ напустилъ на Романа Татаръ, которые стали принуждать его къ своей вѣрѣ; тотъ не соглашался, и когда стали его бить, то онъ продолжалъ восхвалять христіанство и бранить вѣру татарскую: тогда разъяренные Татары отрѣзали ему языкъ, заткнули ротъ платкомъ и, изрѣзавши всего по составамъ, отняли наконецъ голову и взоткнули на копье. Разсказавши смерть Романову, лѣтописецъ обращается къ русскимъ князьямъ и увѣщеваетъ ихъ не плѣняться суетною славою свѣта сего, не обижать другъ друга, не лукавствовать между собою, не похищать чужаго, не обижать меньшихъ родичей. Неизвѣстно кто оклеветалъ Романа.

Изъ бояръ при князьяхъ сѣверо-восточной Руси упоминается Жидиславъ, воевода князя Ярослава Ярославича, котораго Татары убили въ Переяславлѣ въ 1252 году; именемъ своимъ онъ напоминаетъ прежнихъ славныхъ на сѣверѣ Жидиславовъ или Жирославовъ. У князя Василія костромскаго упоминается воевода Семенъ, опусто-

шавшій въ 1272 году новгородскую волость; можно думать, что это одно лицо съ знаменитымъ въ послѣдствіи Семеномъ Тониліевичемъ.

Обратимся теперь къ югу-западной Руси.

Плано-Карпини, проѣхавшій чрез древнюю собственную Русь (Кіевскую область) въ 1245 году, говоритъ, что онъ во все продолженіе пути находился въ безпрестанномъ страхѣ предъ Литовцами, которые начали опустошать теперь и Приднѣпровье, благодаря тому, что некому было противиться: большая часть жителей Руси или была побита, или взята въ плѣнъ Татарами; Кіевъ послѣ Батыева опустошенія сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, въ которомъ едва насчитывалось домовъ съ двѣсти, жители находились въ страшномъ рабствѣ; по окрестностямъ путешественники находили безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ, разбросанныхъ по полямъ. Такимъ образомъ Русь находилась между двумя страшными врагами, Татарами съ востока, и Литвою съ запада, которые не замедлятъ вступить въ борьбу за нее. Но у нея оставался еще знаменитый князь, подъ знаменемъ котораго она могла еще съ успѣхомъ отстаивать свою независимость, хотя, и тутъ разумѣется, собственная Русь не могла играть по прежнему первенствующей роли: Кіевъ уже прежде потерялъ свое первенствующее значеніе, перешедшее теперь къ богатой области прикарпатской, отчинѣ знаменитаго правнука Изяслава Мстиславича. Но къ этой волости перешло также роковое преимущество кіевскаго княжества быть предметомъ усобицъ между Мономаховичами и Ольговичами: несмотря на татарское опустошеніе, за Галичъ продолжали бороться двое представителей обѣихъ враждебныхъ линій—Даніилъ Романовичъ Мономаховичъ и Михаилъ Всеволодовичъ Ольговичъ.

Даніилъ еще до взятія Кіева Батыемъ поѣхалъ въ Венгрію; но былъ дурно принятъ королемъ, который отказался выдать дочь свою за его сына. Даніилъ выѣхалъ изъ Венгріи, но встрѣтивъ на дорогѣ толпы народа, спасавшагося бѣгствомъ отъ Татаръ, долженъ былъ возвратиться назадъ; потомъ услыхавъ, что братъ, жена и дѣти спаслись въ Польшу, отправился и самъ туда же; на дорогѣ соединился съ семействомъ и вмѣстѣ съ ними поѣхалъ къ Кондратову сыну Болеславу, который далъ ему на время Вышгородъ, гдѣ Даніилъ и пробылъ до тѣхъ поръ, пока узналъ, что Татары вышли изъ его волости. Обстоятельство, что Даніилъ уѣхалъ въ Венгрію только съ однимъ сыномъ Львомъ, оставивши семейство въ Гали-

чѣ, заставляетъ думать, что онъ не бѣжалъ предъ Татарами, а ѣздилъ для сватовства и заключенія союза съ королемъ противъ Татаръ. Въ Галичѣ ждали Даніила прежнія непріятности: когда онъ подъѣхалъ къ городу Дрогичину, то намѣстникъ тамошній не позволилъ ему войти въ городъ; другіе города были опустошены: изъ Бреста нельзя было выйти въ поле отъ смрада гніющихъ труповъ; во Владимирѣ не осталось ни одного живаго человѣка; Богородичный Соборъ и другія церкви были наполнены трупами. Между тѣмъ и Михаилъ черниговскій съ сыномъ Ростиславомъ возвратились изъ Польши, гдѣ также скрывались отъ Татаръ, и проѣхали мимо Владимира къ Пинску, не давши знать Романовичамъ о своемъ пріѣздѣ, чѣмъ явно выказывали вражду свою къ нимъ; изъ Пинска Михаилъ отправился въ Кіевъ и жилъ подъ этимъ городомъ на островѣ, а сынъ его Ростиславъ поѣхалъ княжить въ Черниговъ. Когда такимъ образомъ черниговскіе обнаруживали неприязнь свою къ Романовичамъ, послѣдніе должны были бороться со внутренними врагами. Бояре галицкіе, по словамъ лѣтописца, называли Даніила своимъ княземъ, а между тѣмъ сами держали всю землю; главными изъ нихъ были въ это время Доброславъ Судьичъ, поповъ внукъ, и Григорій Васильевичъ [419]: первый взялъ себѣ Бакоту [420] и все Понизье, а другой хотѣлъ овладѣть Горною стороною перемышльскою, и былъ мятежъ большой въ землѣ и грабежъ отъ нихъ. Даніилъ послалъ стольника своего Якова сказать Доброславу: „я вашъ князь, а вы меня не слушаетесь, землю грабите; я не велѣлъ тебѣ принимать черниговскихъ бояръ, велѣлъ дать волости Галицкимъ, а коломыйскую соль отписать на меня.“ „Хорошо, отвѣчалъ Доброславъ, такъ и будетъ сдѣлано“; но въ это самое время вошли къ нему Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, два беззаконника отъ племени смердьяго, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ: они поклонились Доброславу до земли; Яковъ удивился и спросилъ: „за что это они такъ тебѣ низко кланяются“? „За то, что я отдалъ имъ Коломыю“, отвѣчалъ Доброславъ. — „Какъ же ты смѣлъ это сдѣлать безъ княжескаго приказа? сказалъ Яковъ: великіе князья держатъ эту Коломыю [421] на раздачу оруженосцамъ своимъ, а эти чего стоятъ?“ — „Чтожъ мнѣ говорить“? отвѣчалъ смѣясь Доброславъ: другаго ничего Яковъ не могъ отъ него добиться. Къ счастію Даніила оба боярина Доброславъ и Григорій скоро перессорились: Доброславу не хотѣлось имѣть товарища, и потому онъ прислалъ къ кня-

зю съ доносомъ на Григорія, и оба потомъ явились съ навѣтами другъ на друга къ Даніилу, который былъ особенно оскорбленъ гордостію Доброслава: этотъ бояринъ пріѣхалъ къ князю въ одной сорочкѣ, закинувъ вверхъ голову, въ сопровожденіи толпы Галичанъ, шедшихъ у его стремени. Романовичи увидали, что оба боярина лгутъ, оба не хотятъ ходить по волѣ княжеской, и потому велѣли схватить обоихъ, потомъ отправили печатника Кирилла въ Бакоту собрать подробныя свѣдѣнія о грабительствахъ боярскихъ и успокоить землю, въ чемъ Кириллъ и успѣлъ.

Но только что установилось спокойствіе внутреннее, какъ Романовичи должны были приняться за оружіе для отраженія враговъ внѣшнихъ: въ 1241 году Ростиславъ Михайловичъ черниговскій, собравши князей Болховскихъ и Галичанъ себѣ преданныхъ, осадилъ Кирилла въ Бакотѣ; послѣ битвы у городскихъ воротъ Ростиславъ потребовалъ свиданія съ печатникомъ, надѣясь склонить его на свою сторону, но Кириллъ отвѣчалъ ему: „такъ-то ты благодаришь дядей своихъ за ихъ добро? ты позабылъ, какъ тебя выгналъ и съ отцомъ король венгерскій, и какъ тогда приняли тебя господа мои, твои дядья! отца твоего въ великой чести держали и Кіевъ ему обѣщали, тебѣ Луцкъ отдали, а мать твою и сестру изъ Ярославовыхъ рукъ освободили.“ Много умныхъ рѣчей говорилъ Кириллъ, но Ростиславъ не послушался; тогда печатникъ принялся за другое средство подѣйствительнѣе, и вышелъ на черниговскаго князя съ пѣхотою: тотъ не рѣшился вступить въ битву, и ушелъ за Днѣпръ. Даніилъ услыхавши, что Ростиславъ приходилъ на Бакоту съ князьями болховскими, пошелъ немедленно на послѣднихъ, потому что эти князья также отплатили ему злою неблагодарностію за добро: когда онъ жилъ въ Вышгородѣ у Болеслава Мазовецкаго, то князья болховскіе прибѣжали также въ Польшу отъ Татаръ; но Болеславъ не хотѣлъ принимать ихъ, а хотѣлъ ограбить: „это особенные князья, а не твои ратники“, говорилъ онъ Даніилу, который вступился за нихъ; Галицкій князь хотѣлъ было даже биться за нихъ съ Болеславомъ, насилу братъ его Василько умолилъ послѣдняго не трогать Болховскихъ, которые обѣщались служить Полякамъ. Но теперь они забыли все это, и Даніилъ безъ милости опустошалъ ихъ землю, оставленную Татарами въ цѣлости для того, чтобъ жители сѣяли на нихъ пшеницу и просо; семь городовъ ихъ взялъ Даніилъ и сжегъ. Но Ростиславъ черниговскій не думалъ еще

отставать отъ своихъ враждебныхъ намѣреній: соединившись съ измѣнникомъ Даніиловымъ, бояриномъ Владиславомъ и съ рязанскимъ изгнанникомъ, братоубійцею княземъ Константиномъ Владиміровичемъ, овладѣлъ Галичемъ, но былъ скоро выгнанъ оттуда Романовичами, и спасенъ былъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія только вѣстію, что Татары вышли изъ Венгріи и идутъ на землю галицкую; Константинъ съ крамольнымъ владыкою перемышльскимъ также принужденъ былъ бѣжать передъ дворецкимъ Даніиловымъ, Андреемъ; Андрей настигъ и разграбилъ гордыхъ слугъ владыкиныхъ, разодралъ тулы ихъ бобровые, прилбицы (опушки у шапокъ подлѣ лба) волчьи и барсуковые; тутъ же попался въ плѣнъ и славный пѣвецъ Митуса, который прежде по гордости не хотѣлъ служить князю Даніилу. Черезъ три года (въ 1245) Ростиславъ, женившійся между тѣмъ на дочери короля венгерскаго, пришелъ съ тестевымъ войскомъ опять на волость Даніила, разбилъ бояръ послѣдняго, но былъ выгнанъ самимъ Даніиломъ.

Черезъ нѣсколько времени Ростиславъ съ полками венгерскими и польскими вошелъ въ послѣдній разъ въ землю Галицкую и осадилъ Ярославль. Во время сильныхъ боевъ передъ городомъ Венгры и Поляки укрѣпили свой лагерь, чтобъ не терпѣть никакого вреда отъ осажденныхъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ готовы осадныя машины. Ростиславъ хвастался передъ войскомъ своимъ: „Еслибъ я зналъ только, гдѣ Даніилъ и Василько, то поѣхалъ бы на нихъ съ десятью человѣками." Онъ устроилъ воинскую игру передъ городомъ, и, сражаясь съ какимо-то Ворщемъ, упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ плечо—примѣта была не на добро, замѣчаетъ лѣтописецъ. Даніилъ и Василько, услыхавши о его приходѣ помолились Богу и стали собирать войска. На рѣкѣ Санѣ произошла послѣдняя кровопролитная битва между Мономаховичами и Ольговичами: передъ сраженіемъ, говоритъ лѣтописецъ, пролетѣла надъ полкомъ стая птицъ хищныхъ, орловъ и вороновъ, и стали птицы играть, клоктать и плавать по воздуху—знаменіе было на добро. Первый напалъ на полки Ростиславовы дворецкій Андрей; когда съ обѣихъ сторонъ переломали копья, то послышался трескъ, какъ отъ грома, и много съ обѣихъ сторонъ попадало всадниковъ съ коней своихъ; Даніилъ послалъ къ Андрею 20 отборныхъ мужей на помощь; но тѣ испугались и прибѣжали назадъ къ Сану, оставя храбраго дворскаго среди враговъ съ малою дружиною. Между тѣмъ Поляки, по-

днявши страшный крикъ, поя Кирлешь (Киріе елейсонъ), двинулись на Василька; съ ними былъ самъ Ростиславъ, а въ заднемъ полку стоялъ съ хоругвію извѣстный венгерскій воевода Филя; онъ по прежнему хвастался и укорялъ Русь: „Русскіе, говорилъ онъ своимъ, горячо наступаютъ, но долго не выдерживаютъ боя, стоитъ намъ только выдержать ихъ первый натискъ.“ Даніилъ бросился на выручку брата, попался было въ плѣнъ, вырвался, выѣхалъ изъ полковъ, но потомъ возвратился опять, ударилъ на Филю, смялъ полкъ его, разодралъ хоругвь пополамъ; увидавши это Ростиславъ побѣжалъ, а за нимъ и всѣ Венгры. Мы оставили Василька, ожидавшаго нападенія Поляковъ, которые кричали другъ-другу: „Погонимъ длинныя бороды.“—Лжете, прокричалъ имъ въ отвѣтъ Василько: „Богъ помощникъ намъ,“—и съ этими словами пришпоривъ коня, двинулся къ нимъ на встрѣчу. Поляки не выдержали натиска и обратились въ бѣгство. Даніилъ, гоня Венгровъ и Русь Ростиславову черезъ глубокую дебрь, сильно тужилъ, не зная что дѣлается съ братомъ, какъ вдругъ увидалъ хоругвь его и самого князя, гонящаго Поляковъ; Даніилъ остановился на могилѣ противъ города и подождалъ брата, съ которымъ сталъ совѣтоваться—продолжать ли преслѣдованіе? Василько отговорилъ его гнаться дальше. Пораженіе непріятелей было полное: множество Венгровъ и Поляковъ было побито и взято въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ находился гордый Филя, схваченный Андреемъ дворскимъ и знаменитый измѣнникъ Галицкій, бояринъ Владиславъ: оба казнены были въ тотъ же день вмѣстѣ съ многими другими венгерскими плѣнниками [222].

Ярославская побѣда окончательно утверждала Даніила на столѣ Галицкомъ: съ этихъ поръ никто изъ русскихъ князей уже не безпокоилъ его болѣе своимъ соперничествомъ; Венгры также оставили свои притязанія; должны были успокоиться и внутренніе враги наряда, бояре, не имѣя болѣе возможности крамолить, не находя соперниковъ сыну Романову. Но сколько славенъ былъ для Даніила 1249 годъ, столько же тяжекъ слѣдующій 1250: отъ Татаръ пришло грозное слово: „дай Галичъ!“ Въ глубокой грусти оба Романовича стали думать: что дѣлать? въ чистомъ полѣ не было возможности сопротивляться Татарамъ, городовъ не успѣли укрѣпить; наконецъ Даніилъ сказалъ: „Не отдамъ полъотчины моей, лучше поѣду самъ къ Батыю [223].“ Даніилъ отправился въ путь, пріѣхалъ въ опустошенный Кіевъ, гдѣ сидѣлъ бояринъ Димитрій Ейковичъ,

посланный туда в. княземъ Ярославомъ Суздальскимъ; въ Кіевѣ Даніилъ остановился въ Выдубицкомъ монастырѣ, созвалъ братію, попросилъ ихъ отслужить молебенъ, чтобъ Богъ помиловалъ его, и поплылъ по Днѣпру въ сильной тоскѣ, видя передъ собою бѣду грозную. Въ Переяславлѣ, стольномъ городѣ прадѣда своего Мономаха, онъ уже встрѣтилъ Татаръ; упомянутые выше западные путешественники разсказываютъ о тяжкомъ впечатлѣніи, которое произвело на нихъ первое знакомство съ Татарами, показавшимися имъ какими-то демонами; такое же тяжкое впечатлѣніе произвели Татары и на Даніила, по свидѣтельству лѣтописца: варварскіе обряды, суевѣрія внушали глубокое отвращеніе сыну Романову, съ ужасомъ думалъ онъ, что всѣ приходящіе къ хану подчиненные владѣльцы должны исполнять эти обряды, ходить около куста, кланяться солнцу, лунѣ, землѣ, дьяволу, умершимъ, находящимся въ адѣ предкамъ ихъ ханскимъ. Въ черныхъ мысляхъ пріѣхалъ Даніилъ на Волгу, въ Орду Батыеву, и первая вѣсть, услышанная имъ здѣсь, не могла его утѣшить: пришелъ къ нему слуга в. князя Ярослава Суздальскаго и сказалъ: „Братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тебѣ кланяться".—„Дьяволъ говоритъ твоими устами, отвѣчалъ ему на это Даніилъ: да заградитъ ихъ Богъ". Къ счастію Батый не потребовалъ отъ него исполненія суевѣрныхъ обрядовъ: когда Даніилъ, при входѣ въ вежу, поклонился по татарскому обычаю, то Батый встрѣтилъ его словами: „Данило! зачѣмъ такъ долго не приходилъ; но все хорошо, что теперь пришелъ; пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылій кумысъ!"—„До сихъ поръ не пилъ, отвѣчалъ Даніилъ: но теперь если велишь, буду пить".—„Ты уже нашъ Татаринъ, продолжалъ Батый, пей наше питье". Даніилъ выпилъ, поклонился по ихъ обычаю, и сказавши хану что слѣдовало о дѣлахъ своихъ, попросилъ позволенія идти къ ханшѣ; Батый сказалъ: „иди". Князь пошелъ поклониться ханшѣ; потомъ Батый прислалъ къ нему вина, велѣвши сказать: „не привыкли вы пить молоко, пей вино". Сѣверный лѣтописецъ, довольный относительнымъ уваженіемъ, какимъ пользовались наши князья въ Ордѣ, повторяетъ постоянно, что они принимались тамъ съ честію; но южный, разсказавши о принятіи Даніила ханомъ, разражается горькими жалобами: „О злѣе зла честь татарская! Даніилъ Романовичъ князь былъ великій, обладалъ вмѣстѣ съ братомъ русскою землею, Кіевомъ, Владиміромъ и Галичемъ: а теперь сидитъ на колѣняхъ, и холопомъ называется, дани хотятъ,

живота не чаетъ и грозы приходятъ. О злая честь татарская! Отецъ былъ царемъ въ русской землѣ, покорилъ половецкую землю и воевалъ на иныя всѣ страны: и такого отца сынъ не прiялъ чести, кто-жъ другой послѣ того получитъ отъ нихъ что-нибудь? Злобѣ и лести ихъ нѣтъ конца!“ Пробывши двадцать пять дней въ Ордѣ, Данiилъ достигъ цѣли своей поѣздки: ханъ оставилъ за нимъ всѣ его земли. Прiѣхавши въ Русь, онъ былъ встрѣченъ братомъ и сыновьями, и былъ плачъ объ его обидѣ, говорилъ лѣтописецъ, но еще больше радовались, что увидѣли его опять здоровымъ.

Данiилъ могъ немного утѣшиться немедленнымъ полезнымъ слѣдствiемъ своей поѣздки къ хану: король венгерскiй, испуганный не столько Ярославскою побѣдою, сколько благосклонностiю Батыя къ Данiилу, тотчасъ же прислалъ къ послѣднему съ предложенiемъ мира и родственнаго союза, который прежде отвергнулъ; Данiилъ изъявилъ сперва сомнѣнiе въ искренности короля; но митрополитъ Кириллъ съѣздилъ въ Венгрiю и уладилъ дѣло: Левъ Даниловичъ женился на дочери королевской, и Данiилъ отдалъ королю плѣнниковъ венгерскихъ, взятыхъ при Ярославѣ. Но чѣмъ спокойнѣе было княженiе Данiила внутри, чѣмъ славнѣе становился онъ между сосѣдними государями европейскими, тѣмъ тягостнѣе была для него злая честь татарская, и онъ сталъ искать средствъ къ сверженiю ига. Съ одними средствами Галича и Волыни нельзя было и думать объ этомъ; сломить могущество Татаръ, отбросить ихъ въ степи можно было только съ помощiю новыхъ крестовыхъ походовъ, съ помощiю союза всей Европы, или, по крайней мѣрѣ, всей восточной ея половины. Но о крестовомъ союзѣ католическихъ государствъ нельзя было думать безъ главы римской церкви, отъ котораго должно было изойти первое, самое сильное побужденiе; князь русскiй могъ быть принять въ этотъ союзъ только въ качествѣ сына римской церкви и вотъ Данiилъ завязалъ сношенiя съ папою Иннокентiемъ IV о соединенiи церквей. Легко понять, какъ обрадовался папа предложенiямъ галицкаго князя; письмо за письмомъ, распоряженiе за распоряженiемъ слѣдовали отъ его имени по случаю присоединенiя галицкой Руси. Онъ отправилъ доминиканскаго монаха Алексѣя съ товарищемъ для безотлучнаго пребыванiя при дворѣ Данiила, поручилъ архiепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволилъ русскому духовенству совершать службу на заквашенныхъ просвирахъ, призналъ законнымъ бракъ Данiилова брата Василька на одной изъ

родственницъ, уступилъ требованію Даніила, чтобъ никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ лицъ не могъ пріобрѣтать имѣній въ русскихъ областяхъ безъ позволенія князя. Но съ самаго уже начала обнаружилось, что связь съ Римомъ не будетъ продолжительна: время крестовыхъ походовъ прошло, папа не имѣлъ уже прежняго значенія, не могъ своими буллами подвинуть цѣлой Европы противъ востока: въ 1253 году онъ писалъ ко всѣмъ Христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи объ отраженіи татарскихъ набѣговъ на земли христіанскія и проповѣдываніи крестоваго похода; но это посланіе не произвело никакого дѣйствія; то же въ слѣдующемъ году писалъ онъ къ христіанамъ Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи, и также безуспѣшно. Вмѣсто помощи противъ Татаръ, папа предлагалъ Даніилу королевскій титулъ въ награду за соединеніе съ римскою церковію. Но Даніила не могъ прельстить королевскій титулъ: „Рать татарская не перестаетъ: какъ я могу принять вѣнецъ прежде чѣмъ ты подашь мнѣ помощь?" приказывалъ отвѣчать онъ папѣ. Въ 1254 году, когда онъ былъ въ Краковѣ у князя Болеслава, туда же явились и послы папскіе съ короною, требуя свиданія съ Даніиломъ; тотъ отдѣлался на этотъ разъ, велѣвши сказать имъ, что негодится ему съ ними видѣться въ чужой землѣ. На слѣдующій годъ послы явились опять съ короною и съ обѣщаніемъ помощи; Даніилъ, не полагаясь на пустыя обѣщанія, не хотѣлъ сперва и тутъ принимать короны, но былъ уговоренъ матерью своею и князьями польскими, которые говорили ему: „прими только вѣнецъ, а мы уже будемъ помогать тебѣ на поганыхъ": съ другой стороны папа проклинала тѣхъ, которые хулили православную вѣру греческую и обѣщалъ созвать соборъ для разсужденія объ общемъ соединеніи церквей. Даніилъ короновался въ Дрогичинѣ; но событіе это осталось безъ слѣдствій; видя, что отъ папы не дождаться помощи, Даніилъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія, не обращая вниманія на укоры Александра IV-го ¹⁴⁴; впрочемъ титулъ королевскій остался навсегда за княземъ галицкимъ.

Предоставленный однимъ собственнымъ средствамъ, Даніилъ не хотѣлъ однако отказаться отъ мысли о сопротивленіи Татарамъ: укрѣплялъ города и не позволялъ баскакамъ утверждаться въ низовьяхъ днѣстровскихъ. Ближайшимъ сосѣдомъ Даніиловымъ въ Приднѣпровьи былъ баскакъ Куремса, не могшій внушить большаго страха Галицкому князю, такъ что въ 1257 году послѣдній рѣшился

предпринять наступательное движеніе противъ Татаръ, и побралъ всѣ русскіе города, непосредственно отъ нихъ зависѣвшіе [125]. Въ 1259 году войско Куремсы явилось у Владиміра, но было отбито жителями, самъ Куремса не могъ взять Луцка, потому что сильный вѣтеръ относилъ отъ города каменья, бросаемые Татарами изъ машинъ. Но въ 1260 вмѣсто Куремсы явился другой баскакъ, Бурундай, съ которымъ не такъ легко было управиться. Бурундай прислалъ сказать Даніилу: „я иду на Литву: если ты миренъ съ нами, то ступай со мною въ походъ". Опечаленный Даніилъ сѣлъ думать съ братомъ и сыномъ: они хорошо знали, что если Даніилъ самъ поѣдетъ къ Бурундаю, то не воротится съ добромъ за явную войну съ Куремсою, и потому рѣшили, что Василько поѣдетъ за брата. Василько отправился, на дорогѣ встрѣтилъ отрядъ Литовцевъ, разбилъ ихъ и привезъ с а й г а т ъ (трофеи) къ Бурундаю: это понравилось Татарину, онъ похвалилъ Василька, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ воевать Литву и послѣ войны отпустилъ домой. Но этимъ дѣло не кончилось: въ слѣдующемъ 1261 году Бурундай опять прислалъ сказать Романовичамъ: „если вы мирны со мною, то встрѣтьте меня, а кто не встрѣтитъ, тотъ мнѣ врагъ". Опять поѣхалъ къ нему Василько, взявши съ собою племянника Льва и владыку холмскаго Ивана (на Руси узнали уже, что Монголы уважаютъ служителей всѣхъ религій); Татаринъ встрѣтилъ ихъ сильною бранью, такъ что владыка Иванъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха; наконецъ Бурундай сказалъ Васильку: „Если вы со мною мирны, то размечите всѣ свои города". Надобно было исполнить приказаніе: Левъ разметалъ Даниловъ [126], Истожекъ [127], послалъ и Львовъ разметать, а Василько послалъ разрушить укрѣпленія Кременца и Луцка. Владыка Иванъ отправленъ былъ ими къ Даніилу съ вѣстію о гнѣвѣ Бурундая; Даніилъ испугался и уѣхалъ сперва въ Польшу, потомъ въ Венгрію: а между тѣмъ Бурундай вмѣстѣ съ Василькомъ пріѣхалъ къ Владиміру, и приказалъ разрушить городскія укрѣпленія; Василько видѣлъ, что такія обширныя укрѣпленія нельзя скоро разрушить, и потому велѣлъ зажечь ихъ, и горѣли они цѣлую ночь: сжегши свой городъ, Василько на другой день долженъ былъ угощать Бурундая въ беззащитномъ Владимирѣ; но Татарину и этого было мало: онъ потребовалъ, чтобъ рвы городскіе были раскопаны, и это было исполнено. Изъ Владимира Бурундай и Василько пріѣхали къ Холму, любимому городу короля Даніила: городъ былъ за-

творенъ, въ немъ сидѣли бояре и люди добрые съ пороками и самострѣлами, такъ что взять его не было никакой надежды у Бурундая, и онъ сталъ говорить Васильку: „это городъ брата твоего, ступай, скажи гражданамъ, чтобъ сдались"; Василько поѣхалъ, а при немъ три Татарина, и толмачъ, знавшій Русскій языкъ—слушать что Василько будетъ говорить съ Холмовцами. Но Василько догадался, какъ сдѣлать: набралъ въ руки камней, и подъѣхавши къ стѣнамъ началъ кричать главнымъ боярамъ: „Константинъ холопъ и ты другой холопъ, Лука Иванычъ! это городъ брата моего и мой, сдавайтесь!" и сказавши это три раза ударилъ камнемъ объ землю, давая этимъ знать, чтобъ не сдавались, а бились съ Татарами. Константинъ, стоя на забралахъ, увидалъ знакъ, понялъ его смыслъ, и отвѣчалъ Васильку: „Ступай прочь, если не хочешь, чтобъ ударили тебя камнемъ въ лице, ты уже не братъ королю, а врагъ ему." Татары, бывшіе съ Василькомъ, разсказали Бурундаю отвѣтъ Константиновъ, и тотъ, не смѣя приступить къ Холму, отправился пустошить Польшу, а оттуда возвратился въ степи. Такимъ образомъ Даніилъ, обманутый слабостью Куремсы, рано началъ дѣйствовать противъ Татаръ, и поплатился за преждевременную смѣлость городами Галицкими и Волынскими; но съ другой стороны Даніилъ не ошибся относительно выбора главнаго средства сопротивленія противъ степныхъ полчищъ, именно укрѣпленія городовъ: наиболѣе укрѣпленный Холмъ остался цѣлъ; должно замѣтить впрочемъ, что предъ этимъ городомъ былъ одинъ баскакъ съ своимъ отрядомъ, конечно и Холмъ не могъ бы устоять противъ тѣхъ полчищъ, которыя приводилъ Батый на Русь.

Но если Даніилъ не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ Востокомъ, за то онъ вознагражденъ былъ счастливою борьбою съ европейскими своими сосѣдями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ борьба его съ Литвою, среди которой произошли важныя перемѣны, имѣвшія рѣшительное вліяніе на судьбы югозападной Руси. До сихъ поръ Литовцы, подобно соплеменникамъ своимъ Пруссамъ, были разъединены, повиновались многимъ князьямъ; такое разъединеніе, не препятствуя Литовцамъ собираться многочисленными толпами и опустошать сосѣднія страны, препятствовало единству, постоянству въ движеніяхъ, не могло сообщать этимъ движеніямъ завоевательнаго, прочнаго характера. Для этого нужно было единовластіе; и вотъ въ то время, какъ Пруссы гибнутъ отъ меча нѣмецкихъ рыцарей или теряютъ

свою народность вслѣдствіе разъединенія, среди Литовцевъ, значительно усиленныхъ, безъ сомнѣнія, бѣглецами прусскими, являются князья, которые начинаютъ стремиться къ единовластію; самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Миндовгъ. Характеръ Миндовга ручался за успѣхъ дѣла въ обществѣ варварскомъ: этотъ князь былъ жестокъ, хитръ, не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли; никакое злодѣйство не могло остановить его; но гдѣ нельзя было дѣйствовать силою, тамъ онъ сыпалъ золото, употреблялъ обманъ. Изъ разсказа Плано-Карпини мы видѣли, что Литовцы, послѣ нашествія Батыева, безнаказанно опустошали Русскія области; но въ 1246 году, возвращаясь съ набѣга на окрестности Пересопницы, они были настигнуты у Пинска обоими Романовичами и поражены на голову; въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ пораженіи ихъ отъ князей—галицкаго и волынскаго. Въ 1252 году Миндовгъ отправилъ дядю своего Выкынта и двоихъ племянниковъ—Тевтивила и Едивида воевать къ Смоленску; онъ сказалъ имъ: „Что кто возьметъ, то пусть и держитъ при себѣ." Но этотъ походъ былъ хитростію со стороны Миндовга: онъ воспользовался отсутствіемъ родичей, чтобъ захватить ихъ волости и богатство, послѣ чего отправилъ войско, чтобъ нагнать и убить ихъ самихъ. Князья однако во время узнали о намѣреніяхъ Миндовга, и убѣжали къ Даніилу, за которымъ была сестра Тевтивила и Едивида. Миндовгъ послалъ сказать Даніилу, чтобъ тотъ не вступался за изгнанниковъ; но Даніилъ не послушался сколько по родству съ послѣдними, столько же и потому, что хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для обезсиленія Литвы: посовѣтовавшись съ братомъ, онъ послалъ сказать князьямъ польскимъ: „Время теперь Христіанамъ идти на поганыхъ, потому что у нихъ встали усобицы." Поляки обѣщались идти съ нимъ вмѣстѣ на войну, и не исполнили обѣщанія. Тогда Романовичи стали искать противъ Миндовга другихъ союзниковъ, и отправили Выкынта къ Ятвягамъ, въ Жмудь и къ Нѣмцамъ въ Ригу; Выкынту удалось серебромъ и дарами уговорить Ятвяговъ и половину Жмуди подняться на Миндовга; Нѣмцы также прислали сказать Даніилу: „для тебя помирились мы съ Выкынтомъ, хотя онъ погубилъ много нашей братьи," и обѣщались также идти на помощь къ изгнанникамъ. Обнадеженные этимъ, Романовичи выступили въ походъ: Даніилъ послалъ брата на Волковыйскъ, сына на Слонимъ, а самъ пошелъ къ Здитову, побрали много городовъ и возвратились

домой; потомъ отправилъ Даніилъ Тевтивила съ Русью и Половцами воевать Миндовгову землю; но Нѣмцы не двигались, и Тевтивилъ самъ отправился въ Ригу, гдѣ принялъ крещеніе: это подѣйствовало, и Орденъ сталъ готовиться къ войнѣ.

Миндовгъ увидалъ, что не можетъ противиться въ одно время двумъ врагамъ—и Романовичамъ, и Ордену, и потому принялся за другія средства: онъ послалъ тайно къ магистру Ордена, Андрею Фонъ Штукланду съ богатыми дарами и слѣдующимъ предложеніемъ: „если убьешь или выгонишь Тевтивила, то еще больше получишь". Андрей принялъ дары и отвѣчалъ, что питаетъ къ Миндовгу сильную дружбу, но не можетъ помогать ему до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ крещенія. Миндовгъ просилъ личнаго свиданія съ магистромъ, и за роскошнымъ обѣдомъ было улажено все дѣло [328]. Миндовгъ крестился [329], и папа былъ въ восторгѣ: онъ принялъ литовскаго князя, по обычаю, подъ покровительство св. Петра [330], писалъ къ литовскому епископу, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять новообращеннаго [331]; поручилъ епископу кульмскому вѣнчать Миндовга королевскимъ вѣнцомъ [332], писалъ объ установленіи соборной церкви въ Литвѣ и епископа [333]; но Миндовгъ принялъ христіанство точно такъ же какъ Пруссы принимали его подъ мечемъ рыцарей, только для вида, до первой возможности возвратиться къ отцовской вѣрѣ. „Крещеніе его было льстиво, говоритъ лѣтописецъ, потому что втайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ; а если когда выѣдетъ на охоту, и заяцъ перебѣжитъ дорогу, то ужь ни за что не войдетъ въ лѣсъ, не посмѣетъ и вѣтки сломить тамъ." Какъ бы то ни было, Миндовгу удалось отстранить опасность, грозившую ему отъ Ордена, и Тевтивилъ долженъ былъ бѣжать изъ Риги въ Жмудь къ дядѣ своему Выкынту; онъ собралъ войско изъ Ятвяговъ, Жмуди, вспомогательнаго русскаго отряда, присланнаго ему Даніиломъ, и выступилъ противъ Миндовга, на помощь къ которому пришли Нѣмцы. Война не ознаменовалась никакимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ 1252 году; въ слѣдующемъ 1253 самъ Даніилъ принялъ въ ней участіе, опустошилъ область Новгородскую (Новградскую); потомъ Василько съ племянникомъ Романомъ Даніиловичемъ взялъ Городенъ, а сынъ Миндовговъ за то опустошилъ окрестности Турійска. Но этотъ набѣгъ не могъ перевѣсить успѣховъ русской рати, и Миндовгъ прислалъ къ Даніилу съ предложеніемъ мира и ру-

ки своей дочери для Шварна, сына Даніилова; Литовскій князь впрочемъ и тутъ нашелъ средство заставить Даніила благосклоннѣе выслушать его предложенія: въ одно время съ Миндовговыми послами явился къ Даніилу Тевтивилъ и объявилъ, что Миндовгъ подкупилъ Ятвяговъ, и тѣ не хотятъ больше воевать съ нимъ. Даніилъ разсердился на Ятвяговъ, но дѣлать было нечего. Почти два года послѣ того не встрѣчаемъ извѣстій о дѣлахъ литовскихъ; въ концѣ 1255 года лѣтописецъ разсказываетъ о мирѣ между Даніиломъ и сыномъ Миндовговымъ, Воишелкомъ, княземъ Новгородскимъ (Новогрудскимъ); характеръ и жизнь этого Воишелка очень замѣчательны для насъ, потому что подобныя явленія всего лучше показываютъ состояніе нравовъ въ извѣстный вѣкъ, въ извѣстномъ обществѣ. Жестокъ былъ и Миндовгъ, но безчеловѣчіе Воишелка превосходило всякое вѣроятіе; наивный разсказъ лѣтописца наводитъ ужасъ: „Воишелкъ сталъ княжить въ Новгородѣ будучи въ поганствѣ, и началъ проливать крови много: убивалъ всякій день по три, по четыре человѣка; въ который день не убивалъ никого, былъ печаленъ, а какъ убьетъ кого, такъ и развеселится". И вдругъ пронеслась вѣсть, что Воишелкъ христіанинъ; мало того: онъ оставляетъ княженіе свое и постригается въ монахи. Этотъ-то Воишелкъ явился въ 1265 году къ королю Даніилу посредникомъ мира между нимъ и отцомъ своимъ Миндовгомъ; условія были такъ выгодны, что нельзя было не принять ихъ: Шварнъ Даниловичъ получалъ руку Миндовговой дочери, а старшій братъ его Романъ получалъ Новогрудекъ отъ Миндовга, да Слонимъ съ Волковыйскомъ и другими городами отъ Воишелка, съ обязанностію впрочемъ признавать надъ собою власть Миндовга. При заключеніи этого мира Воишелкъ просилъ Даніила дать ему возможность пробраться на Аѳонскую гору, и Даніилъ выхлопоталъ для него свободный путь чрезъ венгерскія владѣнія; но смуты, происходившія тогда на Балканскомъ полуостровѣ, заставили Воишелка возвратиться назадъ изъ Болгаріи, послѣ чего онъ построилъ себѣ свой особый монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ между Литвою и Новогрудекомъ.

Такимъ образомъ южнымъ Мономаховичамъ удалось снова утвердиться въ волостяхъ, занятыхъ было Литвою; но за то Изяславичи полоцкіе должны были уступить свои волости князьямъ литовскимъ. Послѣднимъ полоцкимъ княземъ является въ нашихъ лѣтописяхъ Брячиславъ, котораго имя записано подъ 1239 годомъ по

случаю брака Александра Невскаго на его дочери; но потомъ (1262 г.) полоцкимъ княземъ является уже Литвинъ Тевтивилъ, племянникъ Миндовговъ отъ сестры [344]. Но и Роману Даниловичу трудно было княжить въ своей новой волости, среди родственниковъ подобныхъ Воишелку: подъ 1260 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что король Даніилъ и братъ его Василько воевали Литву, ища Романа Даниловича, схваченнаго Воишелкомъ и Тевтивиломъ; чѣмъ кончилось дѣло, какъ освободился Романъ—неизвѣстно; извѣстно только то, что въ 1262 году Миндовгъ, желая отмстить Васильку, который вмѣстѣ съ Татарами воевалъ его землю, послалъ на Волынь двѣ рати, набравшія добычи; но одну изъ нихъ Василько нагналъ у города Небла [345]; Литовцы стояли у озера и, увидавши непріятеля, сѣли въ три ряда за щитами, по своему обычаю; Василько ударилъ на нихъ и побѣдилъ, при чемъ не осталось изъ нихъ ни одного человѣка; одни погибли отъ меча, другіе потонули въ озерѣ. Василько отправилъ сайгатъ къ брату своему Даніилу, который былъ тогда на дорогѣ въ Венгрію и сильно тосковалъ по братѣ и молодомъ племянникѣ Владимірѣ, зная, что они пошли въ походъ, какъ вдругъ одинъ изъ слугъ началъ говорить: „Господинъ! какіе-то люди ѣдутъ за щитами съ сулицами, и кони съ ними въ поводахъ.“ Король вскочилъ съ радостію и сказалъ: „Слава Тебѣ, Господи! это Василько побѣдилъ Литву“! Посланный подъѣхалъ и привелъ сайгатъ: коней въ сѣдлахъ, щиты, сулицы, шлемы. Эта война Романовичей съ Литвою была послѣднею при жизни Миндовга. Въ то время, какъ сынъ его Воишелкъ жилъ въ монастырѣ, Миндовгъ ждалъ случая отвергнуть новую вѣру и прервать связь съ Орденомъ или, лучше сказать, зависимость отъ него; онъ долго выказывалъ себя передъ рыцарями ревностнымъ христіаниномъ, послушнымъ сыномъ папы, союзникомъ Ордена; уступилъ послѣднему значительныя земли; мало того, завѣщалъ ему всю Литву въ случаѣ своей безпотомственной смерти, а между тѣмъ толпы Литовцевъ, въ 1259 г., вторгнулись въ Курляндію и пустошили тамъ Орденскія владѣнія; отрядъ Тевтонскихъ рыцарей вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и на берегахъ рѣки Дурбы произошла битва, котороя служила печальнымъ предвѣщаніемъ для Ордена: Литовцы одержали блистательную побѣду и отпраздновали ее сожженіемъ плѣнныхъ рыцарей въ жертву богамъ. Эта побѣда Литвы служила знакомъ къ волненію Пруссовъ, подстрекнутыхъ, какъ говорятъ, Миндовгомъ; а въ 1260 г., въ услов-

ленный день, вспыхнуло повсемѣстное возстаніе. Миндовгъ еще медлилъ, все выжидалъ, наконецъ, видя, что часъ пробилъ, рѣшился дѣйствовать открыто: отрекся отъ христіанства и королевскаго титула, вступилъ съ войскомъ въ Пруссію и страшно опустошилъ ее. Съ другой стороны его войско счастливо воевало польскія владѣнія, убило одного князя, взяло въ плѣнъ другаго; съ литовскимъ войскомъ въ этомъ походѣ находился рязанскій выходецъ Евстафій, сынъ извѣстнаго намъ братоубійцы князя Константина; сынъ, какъ видно, былъ похожъ на отца, потому что лѣтописецъ называетъ Евстафія окаяннымъ и беззаконнымъ. Такіе успѣхи не могли быть перевѣшены неудачею, которую Литовцы въ послѣднее время потерпѣли отъ Василька Волынскаго, и лѣтописецъ говоритъ, что Миндовгъ началъ сильно гордиться и не признавалъ себѣ никого равнымъ. Въ 1262 году умерла у него жена, о которой онъ очень жалѣлъ. У покойной была сестра за Довмонтомъ, княземъ Нальщанскимъ; Миндовгъ послалъ сказать ей: „сестра твоя умерла, пріѣзжай сюда плакаться по ней"; но когда та пріѣхала, то онъ сталъ говорить ей: „сестра твоя, умирая, велѣла мнѣ жениться на тебѣ, чтобъ другая дѣтей ея не мучила," — и женился на своячениц. Мужъ послѣдней, Довмонтъ, озлобившись за это на Миндовга, сталъ думать, какъ бы убить его, но открыто сдѣлать этого не могъ, потому что сила его была мала, а Миндовгова велика; тогда Довмонтъ сталъ искать себѣ союзника и нашелъ его въ племянникѣ Миндовговомъ отъ сестры, Тренятѣ, князѣ Жмудскомъ. Въ 1263 году Миндовгъ послалъ всѣ свои войска за Днѣпръ на князя Романа Брянскаго, и Довмонтъ находился также въ этомъ ополченіи; усмотря удобное время, онъ объявилъ другимъ вождямъ, что волхвы предсказываютъ ему дурное, и потому не можетъ продолжать походъ; возвратившись назадъ, онъ немедленно отправился ко двору Миндовга, засталъ его врасплохъ и убилъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Тренята, вѣроятно вслѣдствіе прежняго ряда съ Довмонтомъ, сталъ княжить въ Литвѣ, на мѣстѣ Миндовга, и въ Жмуди, и послалъ сказать брату своему, Тевтивилу полоцкому: „пріѣзжай сюда, раздѣлимъ землю и все имѣніе Миндовгово"; но дѣлежъ повелъ къ ссорѣ между братьями: Тевтивилъ сталъ думать, какъ бы убить Треняту, а Тренята какъ бы отдѣлаться отъ Тевтивила; бояринъ послѣдняго, Прокопій Полочанинъ, донесъ Тренятѣ о замыслахъ своего князя, тотъ предупредилъ брата, убилъ его, и сталъ княжить

одинъ, но не долго накняжилъ: четверо конюшихъ Миндовговыхъ составили заговоръ отметить убійцамъ прежняго князя своего, и убили Тренята, когда тотъ шелъ въ баню. Тогда началъ дѣйствовать единственный оставшійся въ живыхъ сынъ Миндовга, Воишелкъ: когда онъ узналъ о смерти отца своего, то испугался, и ушелъ изъ Литвы въ Пинскъ; но когда услыхалъ, что Трепята убитъ, то съ пинскимъ войскомъ отправился въ Новогрудекъ, и, взявши здѣсь другіе полки, пошелъ въ Литву, гдѣ былъ принятъ съ радостію отцовскими приверженцами. Воишелкъ сталъ княжить и, какъ бы желая привести въ забвеніе, что онъ былъ когда-нибудь монахомъ, началъ поступать точно такъ же. какъ поступалъ, будучи княземъ въ Новогрудкѣ: „онъ сталъ княжить во всей землѣ Литовской, говоритъ лѣтописецъ, и началъ избивать своихъ враговъ, и перебилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались." Воишелкъ утвердился въ Литвѣ съ помощію зятя своего Шварна Даниловича и дяди его Василька Романовича Волынскаго, котораго онъ назвалъ отцомъ своимъ и господиномъ; вмѣстѣ съ Шварномъ, приведшимъ въ Литву сильное войско, Воишелкъ пошелъ на своихъ враговъ. города ихъ побралъ, самихъ перебилъ; въ числѣ убитыхъ находился и рязанскій изгнанникъ—Евстаѳій Константиновичъ.

Такимъ образомъ отношенія литовскія при жизни Даніила кончились съ явною выгодою для Руси: Миндовга не было болѣе, а сынъ его Воишелкъ, обязанный утвержденіемъ своимъ въ Литвѣ русскому войску, призналъ зависимость свою отъ брата Даніилова, ибо таково значеніе словъ, что онъ назвалъ Василька отцомъ и господиномъ. Съ такимъ же успѣхомъ шла борьба и съ другимъ сосѣднимъ варварскимъ народомъ—Ятвягами: въ 1248 году Ятвяги потерпѣли сильное пораженіе отъ Василька Романовича при Дрогичинѣ, потеряли сорокъ князьковъ своихъ. Въ 1251 году отправились на Ятвяговъ оба Романовича съ Поляками и Половцами, перешли болота и вошли въ страну ихъ, при чемъ Поляки не утерпѣли, зажгли первую весь; Романовичи сильно разсердились на нихъ за это, потому что пожаръ далъ вѣсть варварамъ о рати; Ятвяги собрались всею землею, и, какъ видно, зная о гнѣвѣ Даніила на Поляковъ, прислали сказать ему: „оставь намъ Поляковъ, а самъ ступай съ миромъ изъ земли нашей"; Даніилъ не согласился. Ночью Ятвяги напали на укрѣпленный станъ польскій и готовились проломить острогъ, но польскій князь Семовитъ послалъ просить стрѣль-

цовъ у Романовичей на помощь; русскіе князья насилу отправили стрѣльцовъ, все еще сердясь на Поляковъ. Стрѣльцамъ удалось откинуть Ятваговъ отъ острога, хотя во всю ночь не было отъ нихъ покоя. На другой день Даніилъ двинулся впередъ, а братъ его Василько съ Семовитомъ остался на мѣстѣ, имѣя позади отрядъ половецкій; Ятваги ударили на послѣдній, обратили его въ бѣгство, отняли хоругвь и схватились потомъ съ Василькомъ и Семовитомъ; сѣча была лютая и съ обѣихъ сторонъ падало много народу: извѣстный намъ Андрей дворскій, крѣпкій сердцемъ и больной тѣломъ, поскакалъ было по привычкѣ на непріятеля, но не могъ удержать копья въ слабыхъ рукахъ и едва не лишился жизни; Василько послалъ къ брату за помощью, и возвращеніе Даніила дало перевѣсъ Русскимъ. Земля непріятельская была пожжена и поплѣнена, много князей ея побито; но скоро къ Ятвягамъ пришли на помощь Пруссы и Борты [336]; Русскіе и Поляки сошли съ коней и пѣшкомъ двинулись на встрѣчу къ врагамъ: щиты ихъ сіяли какъ заря, шлемы какъ солнце восходящее, копья казались густымъ тростникомъ, а князь Даніилъ разъѣзжалъ на конѣ среди полковъ и рядилъ войско. Тогда Пруссы сказали Ятвягамъ: „можете ли дерево поддержать сулицами и дерзнуть на эту рать“? Ятваги отступили; Даніилъ также возвратился въ свою землю, избавивши отъ плѣна многихъ христіанъ, которые пѣли побѣдителямъ славныя пѣсни: какъ видно, эти пѣсни имѣли вліяніе и на разсказъ лѣтописца.

Черезъ три года (въ 1255 году) Даніилъ съ сыномъ Львомъ и польскимъ княземъ Семовитомъ отправился опять на Ятваговъ; молодой Левъ Даниловичъ, узнавши, что одинъ изъ князей ятвяжскихъ, Стекиндъ укрѣпился (осѣкся) съ своими въ лѣсу, пошелъ на него, убилъ самого Стекинда, ранилъ брата его, обратилъ въ бѣгство остальныхъ Ятваговъ, и принесъ къ отцу оружіе Стекиндово и брата его, обличая тѣмъ свою побѣду: королю была большая радость. Ятваги прислали просить мира, обѣщаясь быть въ подданствѣ у Даніила: но это возбудило зависть Поляковъ и они стали благопріятствовать поганымъ; узнавши объ этомъ, Даніилъ велѣлъ пустошить землю ятвяжскую, при чемъ истребленъ былъ весь домъ Стекиндовъ, такъ что и теперь, говоритъ лѣтописецъ, пусто на этомъ мѣстѣ. Въ 1256 году Даніилъ съ сыновьями: Львомъ, Шварномъ, Романомъ, который княжилъ тогда въ Новогрудкѣ, съ двумя изъ остальныхъ Изяславичей полоцкихъ (Минскихъ) [337] и съ Се-

мовитомъ польскимъ наполнилъ ятвяжскія болота своими многочисленными полками. Князья русскіе и польскіе собрали совѣтъ и сказали Даніилу: „Ты король, голова всѣмъ полкамъ: если кого-нибудь изъ насъ пошлешь напереди, то другіе не будутъ слушаться; а ты ратный чинъ знаешь, война тебѣ за обычай, всѣ тебя побоятся и постыдятся; ступай самъ напереди.“ Даніилъ, устроивши полки, поѣхалъ самъ напереди, съ небольшимъ отрядомъ вооруженныхъ отроковъ, передъ собою пустилъ стрѣльцовъ, а другіе стрѣльцы шли по обѣимъ сторонамъ дороги; дворскій ѣхалъ за королемъ, къ которому присоединились потомъ и сыновья его Левъ и Романъ. Узнавши, что Ятвяги дожидались непріятелей въ веси Привищѣ, Даніилъ послалъ сказать дворскому: „Какъ скоро увидишь, что мы поскакали впередъ, то немедленно ступай за нами, распустивши полкъ, чтобъ всякій могъ ѣхать какъ можно скорѣе;“ но посланный молодой отрокъ, не понялъ приказанія и передалъ его совершенно иначе дворскому; это подвергло короля и сыновей его страшной опасности, потому что надѣясь на подкрѣпленіе отъ дворскаго, они ударили на весь, крича: „бѣги, бѣги!“ Ятвяги точно дрогнули сначала и побѣжали, но потомъ остановились по серединѣ веси, и Даніилу съ Львомъ стоило большихъ усилій обратить ихъ вторично въ бѣгство; дворскій пріѣхалъ уже тогда, когда одержана была полная побѣда, слѣдствіе которой было обычное опустошеніе страны. На другой день Ятвяги прислали просить мира, и предлагали заложниковъ, чтобъ только русскіе не убивали ихъ плѣнныхъ. Неизвѣстно, какое слѣдствіе имѣло это предложеніе: лѣтописецъ говоритъ, что Даніилъ, возвратившись съ честію и славою домой, сбирался опять идти на Ятвяговъ, но тѣ поспѣшили отправить къ нему пословъ съ данью и съ обѣщаніемъ служить ему и строить города въ землѣ своей, въ удостовѣреніе чего прислали дѣтей своихъ въ заложники. Такъ Даніилъ достигъ того, что̀ началъ отецъ его, Романъ Великій: тотъ заставлялъ дикарей расчищать землю подъ пашни, Даніилъ заставилъ ихъ строить города въ землѣ своей; торжество галицкаго князя надъ Ятвягами было торжествомъ гражданственности надъ варварствомъ въ восточной Европѣ, и торжество это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ описываемое время цивилизующее племя само находилось подъ гнетомъ азіятскихъ варваровъ. Въ 1257 году Даніилъ послалъ боярина своего взять дань съ Ятвяговъ черными куницами, бѣлками и серебромъ; часть дани посла-

на была польскому воеводѣ: пусть узнаетъ вся земля польская, что Ятвяги платятъ дань королю Даніилу.

Но не одною счастливою борьбою съ варварами знаменитъ былъ король Даніилъ въ сосѣднихъ государствахъ; борьба съ варварами не мѣшала ему принимать участіе въ дѣлахъ этихъ государствъ, возвысить и здѣсь значеніе Руси. Въ Польшѣ борьба между Владиславомъ Ласконогимъ и племянникомъ его, Владиславомъ Одоничемъ, кончилась въ 1231 году смертію Ласконогаго, вслѣдствіе чего Одоничъ сталъ единовластителемъ великой Польши. Но усобица началась съ другой стороны: по смерти Лешка братъ его, Конрадъ мазовецкій, спѣшилъ взять въ свои руки управленіе его волостями— Краковомъ и Сендомиромъ, въ качествѣ опекуна надъ малолѣтнымъ племянникомъ своимъ Болеславомъ; но мать и вельможи послѣдняго предложили эту опеку герцогу силезскому, Генриху I; отсюда война между Генрихомъ и Конрадомъ, въ которой Конрадъ остался побѣдителемъ и удержалъ за собою опеку надъ Болеславомъ краковскимъ. Когда Болеславъ, возмужавъ, потребовалъ отъ дяди очищенія отцовскихъ владѣній, то Конрадъ захватилъ его въ плѣнъ; но племянникъ успѣлъ убѣжать изъ заключенія и опять обратился съ просьбою о помощи къ Генриху силезскому; тотъ вступился въ дѣло и помогъ Болеславу Лешковичу противъ дяди, но за эту помощь взялъ себѣ Краковъ и часть Сендомирской волости. Съ такимъ же успѣхомъ кончилъ Генрихъ и войну съ великопольскимъ княземъ Владиславомъ Одоничемъ въ 1234 году: Одоничъ долженъ былъ уступить силезскому герцогу всѣ свои земли, лежащія къ югу отъ Варты. Благодаря этимъ успѣхамъ Генриха силезскаго, самая старшая линія Пястовъ усилилась надъ всѣми остальными линіями. Но, пролагая съ одной стороны, путь своему потомству къ усиленію себя насчетъ всѣхъ остальныхъ родичей и къ собранію земли польской, Генрихъ, съ другой стороны, сильно содѣйствовалъ преобладанію нѣмецкой народности надъ славянскою въ областяхъ польскихъ. Не разъ замѣчали мы, какъ наши русскіе князья тяготились малонаселенностію земли своей и старались отовсюду призывать въ нее колонистовъ; та же самая потребность чувствовалась и въ другихъ земляхъ славянскихъ; монастыри, получившіе большія земли во владѣніе, искали средствъ расчистить свои лѣса, населить, обработать пустоши: для этого они стали перезывать къ себѣ нѣмецкихъ колонистовъ. Князья перезывали ихъ частію съ той

же цѣлію, частію селили ихъ въ старыхъ городахъ и основывали для нихъ новые, дабы посредствомъ нихъ усилить промыслы, торговлю, и такимъ образомъ увеличить свои доходы; остальные землевладѣльцы послѣдовали примѣру духовенства и князей, и вотъ Нѣмцы распространяются по всѣмъ западно-славянскимъ землямъ. Примѣръ къ выводу нѣмецкихъ колонистовъ въ польскія владѣнія должна была подать, по своимъ особеннымъ обстоятельствамъ, Силезія. Родоначальникъ силезскихъ князей, Владиславъ II, по изгнаніи своемъ съ старшаго стола нашелъ дружественный пріемъ въ Германіи; сыновья его, рожденные отъ нѣмецкой принцессы, были здѣсь воспитаны, и съ помощію императора Фридриха Барбаруссы получили отъ дядей волость въ родной землѣ—Силезію. Это все повело къ тѣснѣйшей связи ихъ съ Германіею. Съ другой стороны дѣйствовала церковь: монастыри, наполненные нѣмецкими монахами и монахинями, рыцарскіе ордена, получившіе себѣ земли отъ щедрости князей, стали, съ позволенія послѣднихъ, вызывать въ свои владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ; скоро города начали также наполняться Нѣмцами, при чемъ важно было то, что послѣдніе сохраняли вполнѣ свою народность, судились и рядились своимъ правомъ. Особенную склонность къ Нѣмцамъ обнаружилъ Генрихъ І-й силезскій, и легко понять, какое значеніе для всей Польши должна была имѣть эта склонность, когда Генрихъ сталъ самымъ сильнымъ изъ ея владѣтелей [338]. Генрихъ умеръ въ 1238 году, оставя сыну своему Генриху II-му Благочестивому княжество, которое превосходило величиною владѣнія всѣхъ остальныхъ Пястовъ; но нападеніе Монголовъ, въ битвѣ съ которыми палъ Генрихъ Благочестивый, воспрепятствовало усиленію Силезіи насчетъ другихъ польскихъ областей: владѣнія Генриха раздѣлились между тремя его сыновьями; старшій изъ нихъ Болеславъ, которому достался Краковъ и часть великой Польши, безпорядочнымъ поведеніемъ и наслѣдственною въ своемъ родѣ любовію къ Нѣмцамъ вооружилъ противъ себя вельможъ, которые провозгласили своимъ княземъ Болеслава, Лешкова сына, а жители великой Польши передались сыновьямъ стараго своего князя Владислава Одонича. Но этого мало: скоро началась усобица между Болеславомъ Генриховичемъ и его родными братьями, при чемъ соперники обращались къ нѣмецкимъ князьямъ и платили за помощь частію своихъ владѣній, а между тѣмъ прелаты, пользуясь недальновидною щедростію князей и ихъ ослабленіемъ вслѣдствіе усо-

бицъ, все болѣе и болѣе усиливали свое значеніе, и въ Польшѣ повторились явленія, о которыхъ началъ уже забывать дальнѣйшій западъ: въ 1258 году Болеславъ Генриховичъ принужденъ былъ въ одеждѣ кающагося, босыми ногами отправиться въ бреславскую церковь Іоанна Крестителя, чтобъ избавиться отъ проклятія, надъ нимъ тяготѣвшаго...

Мы видѣли, что слабостію Силезіи воспользовался Болеславъ (Стыдливый), сынъ Лешка (Бѣлаго), для возвращенія своей отчины, стола краковскаго; но прежде утвержденія своего здѣсь, онъ долженъ былъ выдержать войну съ дядею, Конрадомъ мазовецкимъ. Даніилъ галицкій снова находился въ союзѣ съ послѣднимъ, и потому въ 1245 году встрѣчаемъ извѣстіе о войнѣ его съ Болеславомъ Лешковичемъ: въ первый походъ, вошедши въ Польшу четырьмя дорогами, Романовичи опустошили Люблинскую область до рѣкъ Вислы и Сана; во второй походъ осадили Люблинъ, и сняли осаду только тогда, когда Люблинцы дали слово не помогать Болеславу [349]. Слѣдствіемъ этихъ войнъ было то, что въ битвѣ подъ Ярославлемъ Поляки Болеславовы находились въ войскѣ Ростислава черниговскаго, а Романовичи, заслышавъ приходъ послѣдняго, послали сказать Конраду: „изъ-за тебя пришли на насъ Ляхи Болеславовы, потому что мы помогали тебѣ“,—и Конрадъ послалъ имъ воспомогательный отрядъ, который не успѣлъ однако принять участіе въ битвѣ. Въ 1247 году умеръ Конрадъ, славный, предобрый, по выраженію лѣтописца, и Даніилъ съ Василькомъ жалѣли объ немъ; еще при жизни своей онъ раздѣлилъ Мазовію между двумя сыновьями: Казиміромъ и Болеславомъ; послѣдній умеръ вскорѣ послѣ отца, и, по просьбамъ князя Даніила, отдалъ свою волость младшему брату Семовиту, за которымъ была племянница Даніилова, дочь Александра Бѣльскаго; дружескія отношенія между Даніиломъ и Семовитомъ не прерывались до самой смерти послѣдняго; съ Болеславомъ краковскимъ галицкій князь находился также въ мирѣ.

Ярославскою битвою кончились, какъ мы видѣли, враждебныя отношенія къ Венгріи, и за союзомъ родственнымъ скоро послѣдовалъ политическій, когда по смерти послѣдняго австрійскаго герцога Фридриха, за владѣнія его возникла упорная борьба между королями чешскимъ и венгерскимъ; послѣдній обратился съ просьбою о помощи къ Даніилу, и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому сынъ Даніила, Романъ, женился на сестрѣ покойнаго гер-

цога Гертрудѣ и въ приданое бралъ Австрію. Слѣдствіемъ этого договора была война Даніила съ Чехами. Въ 1254 году Даніилъ предпринялъ походъ въ землю опавскую (Троппау) сколько для короля венгерскаго, говоритъ лѣтописецъ, столько же и для славы, потому что ни одинъ князь русскій, ни Святославъ Храбрый, ни Владиміръ Святый, не воевали земли чешской. Даніилъ выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ Болеславомъ Стыдливымъ краковскимъ, женатымъ на дочери венгерскаго короля; союзники, приближаясь къ Опавѣ, отправили къ городу сторожевой отрядъ изъ Поляковъ, который былъ разбитъ Чехами, выѣхавшими изъ Опавы. Такое неудачное начало навело сильный страхъ на Поляковъ, и Даніилъ долженъ былъ увѣщевать ихъ быть пободрѣе: „Чего вы испугались? говорилъ онъ имъ: развѣ вы не знаете, что война безъ мертвыхъ не бываетъ? развѣ вы не знали, что вышли на мущинъ вооруженныхъ, а не на женщинъ? если воинъ убитъ на рати, то какое тутъ чудо? другіе и дома умираютъ безъ славы, а эти со славою умерли; укрѣпите сердца ваши и ступайте бодро впередъ". Но тщетно Даніилъ уговаривалъ Поляковъ подступить поближе къ городу: тѣ никакъ не согласились; Даніилъ сильно горевалъ, тѣмъ болѣе, что большая часть его войска съ сыномъ Львомъ отправилась другимъ путемъ и неизвѣстно гдѣ находилась; наконецъ пришелъ Левъ Даниловичъ, и началась осада, которая однако не имѣла успѣха по причинѣ глазной болѣзни Даніиловой; взятъ былъ только ближній городъ Насилье (Носсельтъ). Опустошивши въ конецъ всю землю опавскую, Даніилъ и Болеславъ возвратились домой.

Даніилъ, по уговору съ королемъ венгерскимъ, опустошилъ чешскія владѣнія, но король не исполнилъ своихъ обѣщаній, данныхъ Роману, оставилъ его въ городѣ Нейбургѣ, подлѣ Вѣны, безо всякой помощи; чешскій король Оттокаръ осадилъ Нейбургъ, и не будучи въ состояніи взять его силою, прислалъ сказать Роману: „Ты мнѣ родня и свякъ (Оттокаръ былъ женатъ на Маргаритѣ, другой сестрѣ австрійскаго герцога Фридриха): оставь венгерскаго короля и мы раздѣлимъ съ тобою пополамъ Австрію; король тебѣ много обѣщаетъ, и ничего не сдѣлаетъ; а я тебѣ говорю правду и поставлю свидѣтелей—папу и 12 епископовъ". Романъ отвѣчалъ: „Не могу имѣть съ тобою никакого дѣла, потому что стыдно будетъ мнѣ и грѣхъ вопреки обѣщаніямъ покинуть короля венгерскаго",— и послалъ объявить послѣднему о предложеніи Оттокара, прося

немедленной помощи. Но король явно его обманывалъ; хотѣлъ Австрію для себя, а Роману обѣщалъ дать города въ Венгріи, и не посылалъ ему помощи, а между тѣмъ осажденные терпѣли сильный голодъ въ Нейбургѣ: одна женщина тайкомъ прокрадывалась въ Вѣну, и покупала тамъ съѣстные припасы для князя. Тогда жена Романова стала уговаривать мужа ѣхать къ отцу, и Романъ, воспользовавшись доброхотствомъ какого-то Веренгера Просвѣла, выбрался изъ города и уѣхалъ въ Галицію. Въ 1260 году Даніилъ опять соединилъ полки свои съ войскомъ Белы противъ Оттокара Богемскаго; но союзники были разбиты послѣднимъ при рѣкѣ Моравѣ [340], и Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды видѣть сына своего на престолѣ австрійскомъ, тѣмъ болѣе, что татарскія отношенія занимали тогда все его вниманіе.

Король Даніилъ не долго пережилъ разрушеніе своихъ надеждъ на успѣшную борьбу съ Татарами; онъ умеръ между 1264—1266 годомъ; такимъ образомъ почти въ одно время восточная Европа лишилась троихъ знаменитѣйшихъ своихъ владѣтелей: въ Руси сѣверной не стало Александра Невскаго, въ южной Даніила, въ Литвѣ Миндовга. Не трудно замѣтить сходство въ дѣятельности обоихъ князей русскихъ, Невскаго и короля Даніила: оба прославились воинскими подвигами на западѣ и оба должны были поникнуть предъ Монголами, при чемъ неудача предпріятій Даніиловыхъ служитъ самымъ лучшимъ объясненіемъ постоянной покорности Александровой и выставляетъ съ выгодной стороны проницательность и осторожность внука Всеволода III-го; легко замѣтить, какъ оба князя— представители—одинъ сѣверной, другой—южной Руси, представители двухъ долго враждебныхъ линій Мономахова племени, остаются вѣрны каждый своей странѣ и своему племени по личному характеру своему, не смотря на извѣстное сходство въ характерѣ ихъ дѣятельности. Даніилъ сдѣлалъ для южной Руси все, что можно было ожидать отъ него при тѣхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, которымъ могъ быть въ уровень только князь, талантливый подобно Даніилу и, подобно Даніилу, испытанный бѣдствіями, съ ранней молодости не знавшій покоя. Крѣпости срыты по приказанію татарскаго баскака, но Холмъ сбереженъ, и вообще отношенія монгольскія не такъ тяжки на югѣ, гроза Бурундаева прошла какъ-то мимо; Литва и Ятвяги въ зависимости, среди сосѣднихъ христіанскихъ государствъ Русь получила важное мѣсто съ признаннымъ необходи-

нымъ вліяніемъ, чему много способствовало то, что главная сцена дѣйствія перенесена была съ востока изъ области днѣпровской на западъ, въ область днѣстровскую. Но кромѣ подвиговъ внѣшнихъ Даніилъ прославился особенно внутреннею распорядительностію: послѣ монгольскаго опустошенія успѣлъ привести свою землю въ цвѣтущее состояніе, населилъ, обстроилъ города, усилилъ промышленность, торговлю. При этомъ должно замѣтить однако, что Даніилъ, населяя города свои, наполнилъ ихъ Нѣмцами, Поляками, Армянами, Жидами [341], что̀ не могло не имѣть вліянія на будущую судьбу страны.

По смерти короля Даніила мысль Романа Великаго была приведена въ исполненіе: галицкая земля перешла прямо къ сыновьямъ Даніиловымъ, Льву, Мстиславу и Шварпу (Романъ больше не упоминается), а дядя ихъ Василько остался княжить по прежнему на Волыни. Литва готовилась окончательно слиться съ Русью подъ властію одного изъ сыновей Даніиловыхъ: въ 1268 году Воишелкъ снова заключился въ монастырѣ, отдавъ всѣ свои владѣнія зятю Шварну. Послѣдній, боясь, какъ видно, возобновленія внутреннихъ волненій въ Литвѣ въ пользу князей природныхъ, уговаривалъ Воишелка покняжить еще вмѣстѣ, но тотъ рѣшительно отказался, говоря: „Много согрѣшилъ я предъ Богомъ и передъ людьми; ты княжи, и земля тебѣ безопасна". Живя въ Угровскомъ Даниловѣ монастырѣ, Воишелкъ говорилъ: „Вотъ здѣсь подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а тамъ господинъ мой отецъ князь Василько, буду ими утѣшаться". Но онъ не долго утѣшался: Шварнъ умеръ бездѣтнымъ, и Литовцы снова вызвали Воишелка изъ монастыря для управленія дѣлами княжества; это возбудило вражду въ братѣ Шварновомъ, Львѣ Даниловичѣ, которому хотѣлось быть наслѣдникомъ брату въ Литвѣ, а Воишелкъ не склонялся на его желаніе. Между обоими князьями готовы уже были начаться непріятельскія дѣйствія, какъ Василько Романовичъ, князь волынскій, предложилъ имъ съѣхаться вмѣстѣ для примиренія. Воишелкъ и Левъ пріѣхали къ Васильку во Владиміръ Волынскій, гдѣ Маркольдъ, родомъ Нѣмецъ, старый совѣтникъ короля Даніила, позвалъ всѣхъ троихъ князей къ себѣ на обѣдъ; обѣдали весело, много пили, и Василько, послѣ обѣда, поѣхалъ къ себѣ домой спать, а Воишелкъ поѣхалъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ стоялъ. Но этимъ дѣло не кончилось: Левъ пріѣхалъ въ монастырь къ Воишелку и сталъ говорить ему: „Кумъ!

попьемъ-ка еще!" Тотъ согласился, и началась опять попойка, во время которой князья опять поссорились, отъ брани дошло до драки, и Воишелкъ былъ убитъ Львомъ. Послѣдній хотѣлъ было воспользоваться смертію Воишелка и пріобрѣсти себѣ Литву; но онъ не получилъ успѣха въ этомъ дѣлѣ, и Литовцы выбрали себѣ единоплеменнаго князя [342]. Такъ порвано было въ самомъ началѣ мирное соединеніе Литвы съ Русью.—Съ Поляками, именно съ Болеславомъ Краковскимъ, началась война скоро по смерти Даніиловой; въ ней Русскіе потерпѣли пораженіе вслѣдствіе неосторожности Шварна, который, не послушавшись совѣта стараго дяди Василька, не дождался полковъ волынскихъ и ударилъ одинъ на соединенныхъ враговъ, тогда какъ Василько именно говорилъ: „Не бейтесь сначала съ Поляками, но отпустите ихъ въ свою землю, когда пойдутъ, раздѣлившись, тогда нападайте". Въ 1271 году умеръ Василько Волынскій, оставивъ столъ свой сыну Владиміру. Кромѣ потомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Днѣпра упоминаются трое князей пинскихъ: Ѳедоръ, Демидъ и Юрій Владиміровичи, въ союзѣ съ Василькомъ Волынскимъ (1262 г.); Изяславъ князь Свислочьскій (1256); Глѣбъ Ростиславичъ Степанскій.

Обратимся теперь къ другимъ княжествамъ южной Руси, на восточномъ берегу Днѣпра. Мы оставили Михаила Черниговскаго въ Кіевѣ, гдѣ онъ жилъ подъ городомъ на островѣ. Узнавши, что король венгерскій выдалъ наконецъ дочь свою за его сына Ростислава, онъ поѣхалъ въ Венгрію, но не получилъ почетнаго пріема ни отъ свата, ни отъ сына, и, разсердившись на Ростислава, поѣхалъ въ Черниговъ, а оттуда къ Батыю просить себѣ ярлыка на это княжество. Пріѣхавши въ Орду, онъ никакъ не хотѣлъ обратившись на югъ, поклониться изображенію умершаго Чингисъ-хана, говоря, что охотно поклонится хану и даже рабамъ его, но христіанинъ не долженъ кланяться изображенію мертваго человѣка. Напрасно князь Борисъ ростовскій уговаривалъ его со слезами исполнить обрядъ, а бояре ростовскіе обѣщались принять на себя за него епитимью и со всею своею областью: Михаилъ оставался непреклоннымъ, тѣмъ болѣе, что бояринъ его Ѳеодоръ напоминалъ ему увѣщанія духовника не губить души идолопоклонствомъ. Михаилъ умеръ мучительною смертію; лѣтопись называетъ палачемъ его русскаго отступника-Путивльца Домана; бояринъ Ѳеодоръ былъ также убитъ [343] (1264 г.). Въ Черниговѣ началъ княжить Андрей

Всеволодовичъ, какъ видно, братъ Михаиловъ.—Изъ другихъ черниговскихъ князей упоминается Романъ Брянскій, который въ 1264 году поразилъ литовское войско, нападшее на его волость [344]. Подъ 1241 годомъ упоминается князь Рыльскій Мстиславъ, убитый Татарами. Въ одной лѣтописи [345] подъ 1245 годомъ упоминается о смерти князя Андрея Мстиславича, убитаго Батыемъ; Плано-Карпини называетъ его княземъ черниговскимъ [346].

ГЛАВА IV.

Борьба между сыновьями Александра Невскаго.

(1276—1304).

Исчезновеніе прежнихъ понятій о правѣ старшинства.—Великій князь Димитрій Александровичъ Переяславскій стремится къ усиленію.—Возстаніе противъ него младшаго брата, Андрея Городецкаго съ помощію Орды.—Вліяніе боярина Семена Тониліевича.—Союзъ князей противъ Димитрія.—Осторожность сѣверныхъ князей.—Раздѣленіе Орды, и Димитрій пользуется этимъ раздѣленіемъ.—Убіеніе Семена Тониліевича.—Новая усобица.—Торжество Андрея.—Безуспѣшный съѣздъ князей.—Князь переяславскій Иванъ Дмитріевичъ отказываетъ свою волость князю Даніилу Александровичу Московскому.—Смерть Андрея.—Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ.—Отношенія къ Татарамъ, Шведамъ, Нѣмцамъ и Литвѣ.—Дѣла на югозападѣ.

Мы достигли того времени, когда прежнія понятія о правѣ старшинства исчезаютъ; великіе князья показываютъ ясно, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область владимірскую, старается увеличить свою собственность насчетъ другихъ княжествъ. Но когда преобладаніе понятія о собственности, отдѣльности владѣнія заставляло каждаго великаго князя заботиться только о самомъ себѣ; то всѣ остальные князья не могутъ уже болѣе довѣрять родственной связи, должны также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны стараться пріобрѣсть силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго, или другихъ сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстанія князей на великаго, съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ правъ, родовыхъ отношеній.

Князь Димитрій Александровичъ Переяславскій, присоединивши къ своей отчинѣ область Владимирскую, началъ тѣмъ же, чѣмъ начинали его предшественники—стремленіемъ усилиться насчетъ Новгорода, который по смерти Василія, поспѣшилъ признать его своимъ княземъ. Въ 1279 году онъ, по словамъ лѣтописца, выпросилъ у Новгородцевъ позволеніе поставить для себя крѣпость Копорье, пошелъ и самъ срубилъ ее; въ слѣдующемъ году онъ поѣхалъ туда вторично съ посадникомъ Михаиломъ, съ лучшими гражданами; заложили въ Копорьѣ крѣпость каменную. Въ томъ же году посадникъ Михаилъ Мишиничъ, возведенный въ это достоинство при Василіи, былъ смѣненъ, и на его мѣсто былъ возведенъ Семенъ Михайловичъ, неизвѣстно сынъ какого изъ прежде бывшихъ посадниковъ—Михалка Степановича или Михаила Ѳедоровича. Лѣтопись говоритъ, что у Мишинича отнято было посадничество княземъ и Новгородцами вмѣстѣ—все показывало слѣдовательно согласіе города съ Димитріемъ; но въ слѣдующемъ 1281 году вдругъ встрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ великаго князя съ Новгородцами. Очень вѣроятно [147], что ссора эта произошла по поводу Копорья, на которой Димитрій хотѣлъ смотрѣть какъ на свою собственность, что не нравилось Новгородцамъ. Какъ бы то ни было, когда Новгородцы отправили къ Димитрію владыку съ мольбою, то онъ не послушалъ его, пришелъ съ войскомъ на волость новгородскую и сильно опустошилъ ее, послѣ чего заключенъ былъ миръ, какъ видно, на всей волѣ великаго князя. Быть можетъ, этотъ поступокъ Димитрія, обличавшій стремленіе его усилить себя на счетъ другихъ, послужилъ Андрею Александровичу Городецкому знакомъ къ возстанію на старшаго брата; быть можетъ, онъ хотѣлъ подражать дядѣ своему Василію Ярославичу, который посредствомъ хана не позволилъ брату своему Ярославу усилиться окончательно насчетъ Новгорода: впрочемъ лѣтописцы указываютъ на бояръ Андреевыхъ, и особенно на одного изъ нихъ, Семена Тонилїевича, какъ главнаго виновника этого возстанія. Мы видѣли у князя Василія Костромскаго воеводу Семена, который водилъ полки своего князя противъ Дмитрія и Новгородцевъ. Очень вѣроятно, что вслѣдствіе этихъ отношеній къ Димитрію, Семенъ, по смерти Василія, перешелъ не къ переяславскому князю, а къ городецкому Андрею: тѣмъ болѣе, что Кострома, по смерти бездѣтнаго Василія, перешла къ Андрею. Этотъ-то Семенъ началъ вооружать своего новаго князя противъ

Димитрія, и вотъ Андрей отправляется въ Орду, имѣя поспѣшникомъ себѣ и помощникомъ Семена Тониліевича и другихъ многихъ, говоритъ лѣтописецъ.

Задаривши хана Менгу-Тимура, Андрей получилъ ярлыкъ на Владимиръ и войско противъ Димитрія, потому что послѣдній не думалъ повиноваться слову ханскому, и нужно было принудить его къ тому силою, причемъ всѣ князья, ближніе и дальніе родственники, соединились съ Андремъ противъ Димитрія. Мы не станемъ предполагать, что Димитрій дурно обходился съ ними, пусть Димитрій былъ добрый, кроткій князь: для насъ важна здѣсь недовѣрчивость князей къ великому князю владимирскому, постоянное нерасположеніе ихъ къ каждому князю, присоединявшему къ своему удѣлу владимирскую область. Димитрій, видя союзъ князей и татарскіе полки противъ себя, поѣхалъ къ Новгороду, желая засѣсть въ своемъ Копорьѣ, но на озерѣ Ильменѣ встрѣтилъ полки новгородскіе: Новгородцы показали князю путь, самого не схватили; но взяли двухъ дочерей его и бояръ въ заложники: „Отпустимъ ихъ тогда, сказали они Димитрію, когда дружина твоя выступитъ изъ Копорья“. Но дружина эта не думала оставлять крѣпости, потому что ею начальствовалъ зять Димитрія, знаменитый Довмонтъ Псковской: онъ нечаянно напалъ на Ладогу, и высвободилъ оттуда имѣніе Димитріево; но когда новгородскіе полки подошли къ Копорью, то дружина великокняжеская не могла долѣе здѣсь держаться, и, получивъ безпрепятственный выходъ, оставила крѣпость, которую разрыли Новгородцы [318]. Между тѣмъ Димитрій отправился за море, а Татары, пришедшіе съ Андреемъ, ища Димитрія, разсыпались по всей землѣ, опустошили все около Мурома, Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова, Твери, до самаго Торжка и далѣе къ Новгороду. Андрей сѣлъ во Владимирѣ, угостилъ богатымъ пиромъ, одарилъ князей ордынскихъ и, отпустивъ ихъ домой, поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ былъ честно посаженъ на столъ. Но скоро пришла къ нему сюда вѣсть, что Димитрій возвратился изъ-за моря съ наемными войсками [319], засѣлъ въ своемъ Переяславлѣ, укрѣпляется тамъ и собираетъ полки. Андрей немедленно выѣхалъ изъ Новгорода во Владимиръ, оттуда въ Городецъ, а изъ Городца поѣхалъ въ Орду, опять вмѣстѣ съ Семеномъ Тониліевичемъ, жаловаться на брата хану Тудай-Менгу, брату и преемнику Менгу-Тимурову, доносить, что Димитрій не хочетъ повиноваться Татарамъ,

платить имъ дани; а между тѣмъ, въ его отсутствіе, князья: Святославъ Ярославичъ тверской, Даніилъ Александровичъ московскій и Новгородцы двинулись на Димитрія: союзъ также замѣчательный! Враждебныя войска сошлись у Дмитрова, стояли пять дней, ссылаясь о мирѣ, и наконецъ заключили его, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Становится замѣтнымъ, какъ рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ: обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся (1281—1283 г.).

Между тѣмъ Андрей пришелъ изъ Орды съ полками татарскими; Димитрій бѣжалъ вторично, но на этотъ разъ уже не за Балтійское море, а къ берегамъ Чернаго: тамъ въ степяхъ раскинулась другая Орда, независимая и враждебная Золотой, или Волжской, Орда Ногайская. Повелитель ея, Ногай, князь рода Джучіева и полководецъ со временъ Берге, изъ соперничества съ ханомъ Золотой Орды, принялъ съ честію Димитрія, и далъ ему свои полки; на этотъ разъ Андрей долженъ быть уступить, и возвратилъ брату Владиміръ. Какъ же Димитрій воспользовался своею побѣдою? Въ 1283 году двое переяславскихъ бояръ, Антонъ и Өеофанъ, явились въ Кострому, схватили нечаянно Семена Тониліевича, и начали допытываться у него о прежнихъ и настоящихъ намѣреніяхъ его князя. Семенъ отвѣчалъ: „Напрасно допрашиваете меня; мое дѣло служить вѣрою и правдою своему князю; если же были между нимъ и братомъ его какіе раздоры, то они сами лучше знаютъ ихъ причины.“—„Ты поднималъ Ордынскаго Царя, ты приводилъ Татаръ на нашего князя“—продолжали переяславскіе бояре.— „Ничего не знаю,“ отвѣчалъ Семенъ: „если хотите знать подробнѣе объ этомъ, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича, тотъ отвѣтитъ вамъ на всѣ ваши вопросы.“—„Если ты не разскажешь намъ о всѣхъ замыслахъ своего князя, продолжали Димитріевы бояре, то мы убьемъ тебя“.—„А гдѣ же клятва, которою клялся вашъ князь моему, отвѣчалъ Семенъ; клятва мира и любви? Неужели вашъ князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояръ нашего господина?“—Переяславскіе бояре исполнили порученіе своего князя—убили Семена Тониліевича.

Легко было предвидѣть, что убійство Семена не потушитъ вражды между братьями: Андрей сильно тужилъ о своемъ бояринѣ, и началъ ссылаться съ Новгородцами; въ Торжкѣ (въ 1284 г.) они обмѣнялись клятвою стоять другъ за друга противъ Димитрія. Но

послѣдній былъ силенъ. Андрей уступилъ и на этотъ разъ, и даже нашелся принужденнымъ, вмѣстѣ съ Димитріемъ и его Татарами, опустошать волости новгородскія. Послѣ этого Андрей обратился къ Татарамъ и привелъ на Димитрія какого-то царевича изъ Орды: но когда Татары разсѣялись для грабежа, то Димитрій собралъ большую рать и ударилъ на нихъ; царевичъ убѣжалъ въ Орду, бояре Андрея попались въ плѣнъ, и Городецкій князь долженъ былъ опять уступить; Новгородцы приняли къ себѣ Димитрія, конечно не на всей своей волѣ. Есть извѣстіе о наказаніи людей ему непріязненныхъ [156]; посадникъ Семенъ Михайловичъ, отправлявшій свою должность во все время дружбы Новгорода съ Андреемъ и потому необходимо пріятный послѣднему, былъ свергнутъ при торжествѣ Димитрія: его мѣсто заступилъ Андрей Климовичъ. Но Семенъ не отдѣлался однимъ лишеніемъ посадничества: въ 1287 году всталъ на него весь Новгородъ понапрасну (безъ исправы), говоритъ лѣтописецъ: пошли на него изъ всѣхъ концовъ, какъ сильная рать, каждый съ оружіемъ, пришли на дворъ къ нему, взяли весь домъ съ шумомъ; Семенъ прибѣжалъ къ владыкѣ, а владыка проводилъ его въ Софійскую церковь, гдѣ онъ и пробылъ въ безопасности до другаго дня, пока смятеніе утихло. Семенъ чрезъ нѣсколько дней умеръ; но и Андрей Климовичъ не долго посадничалъ: въ 1289 г., онъ былъ свергнутъ, и на его мѣсто возведенъ братъ прежде бывшаго посадника Юріи Мишиничъ; а ладожское посадничество отдано было Матвѣю Семеновичу, какъ видно сыну Семена Михайловича. Неизвѣстно, въ связи ли съ этими перемѣнами было убіеніе Самойлы Ратшинича жителями Прусской улицы на Владычнемъ дворѣ; Новгородцы сзвонили вѣче у Св. Софіи и у Св. Николы, откуда пошли вооруженные, взяли улицу Прусскую, домы разграбили, улицу всю пожгли. Въ слѣдующемъ году крамольники пограбили торгъ; на другой день Новгородцы собрались на вѣче и сбросили двухъ крамольниковъ съ мосту.

Между тѣмъ Димитрій, смиривъ брата и Новгородцевъ, хотѣлъ какъ видно, раздѣлаться и съ тѣми княжествами, которыя помогали Андрею противъ него: въ 1288 году Димитрій вмѣстѣ съ ростовскимъ княземъ и Новгородцами пошелъ на тверскаго князя Михаила Ярославича, наслѣдовавшаго брату своему Святославу, неизвѣстно когда умершему; но Михаилъ встрѣтилъ Димитрія съ полками у Кашина, и дѣло кончилось безъ боя—миромъ. Неизвѣстны

подробности, какъ Димитрій поступилъ съ другими князьями: извѣстно только то, что въ 1292 году отправились жаловаться на него въ Орду князья: Андрей Городецкій, Димитрій Ростовскій съ сыномъ и братомъ Константиномъ Углицкимъ, двоюродный братъ ихъ Михаилъ Глѣбовичъ Бѣлозерскій, тесть послѣдняго, Θеодоръ Ростиславичъ Ярославскій съ ростовскимъ епископомъ Тарасіемъ. Въ Ордѣ Волжской Тудай-Менгу былъ свергнутъ четырьмя племянниками своими, внуками Тутукана, которые скоро, въ свою очередь, были истреблены сыномъ Менгу-Тимура, Тохтою или Токтаемъ. Тохта, выслушавъ жалобы князей, хотѣлъ сначала послать въ Русь за Димитріемъ; но потомъ раздумалъ и отправилъ туда большое войско. Переяславцы, узнавши о приближеніи Татаръ, всѣ разбѣжались, и Димитрій долженъ былъ бѣжать изъ своего города сперва на Волокъ, а оттуда во Псковъ; Татары же, съ Андреемъ Городецкимъ и Θедоромъ Ярославскимъ, взяли Владимиръ, разграбили богородичную церковь, взяли потомъ 14 другихъ городовъ и опустошили всю землю. Тверь наполнилась бѣглецами со всѣхъ сторонъ, которые уговаривались не пускать Татаръ дальше и биться съ ними; но Татары хотѣли идти съ Волока къ Новгороду и Пскову; тогда Новгордцы послали къ предводителю ихъ Дуденю богатые дары, и варвары, удовольствовавшись ими, отправились назадъ въ степи. Союзники—Андрей Городецкій и Θедоръ Ярославскій подѣлили между собою волости: Андрей взялъ себѣ Владимиръ и Новгородъ, Θедоръ Переяславль, сына Димитріева, Ивана, вывели въ Кострому. По удаленіи Татаръ, Димитрій хотѣлъ было пробоваться изъ Пскова въ Тверь, ибо Михаилъ не нарушилъ съ нимъ мира и не показанъ въ числѣ жалобщиковъ на него: самъ Димитрій успѣлъ проѣхать въ Тверь, но обозъ его былъ захваченъ Андреемъ и Новгородцами съ новымъ посадникомъ ихъ Андреемъ Климовичемъ, заступившимъ мѣсто Юрія Мишинича, какъ видно, вслѣдствіе торжества городецкаго князя. Димитрій принужденъ былъ просить мира у брата, который принялъ предложеніе: какъ видно, взявши Владимиръ, Андрей уступилъ старшему брату опять Переяславль, ибо встрѣчаемъ извѣстіе, что Θедоръ Ярославскій пожегъ этотъ городъ, вѣроятно съ досады, что долженъ былъ отступиться отъ своего пріобрѣтенія, и послѣ видимъ въ Переяславлѣ сына Димитріева [351]; Волокъ возвращенъ Новгородцамъ. Но Димитрій не достигъ своей

отчины: онъ умеръ на дорогѣ въ Волокѣ, въ 1294 году, погребенъ же, по обычаю, въ своемъ Переяславлѣ.

Андрей заступилъ мѣсто брата, и потому, при тогдашнихъ отношеніяхъ не могъ оставить другихъ князей въ покоѣ, ни самъ остаться отъ нихъ въ покоѣ. Мы видѣли, что и прежде Андрей былъ въ союзѣ съ княземъ Ѳедоромъ Ярославскимъ: союзъ остался ненарушимъ и теперь; на ихъ же сторонѣ стоялъ и князь Константинъ Ростовскій; по противъ этихъ троихъ князей образовался другой союзъ также изъ троихъ князей: Михаила Тверскаго, Даніила Московскаго и Ивана Переяславскаго, который впрочемъ былъ въ это время въ Ордѣ и поручилъ защищать свою волость двумъ первымъ. Въ 1296 году, въ присутствіи ханскаго посла, князья собрались во Владимиръ для окончанія своихъ споровъ, но чуть-чуть дѣло не дошло до кровопролитія; владыка Симеонъ отвратилъ его, но не надолго:. въ томъ же году Андрей, собравши большое войско, пошелъ къ Переяславлю; но Даніилъ Московскій и Михаилъ Тверской заступили ему дорогу: битвы, по обычаю, не было, князья стали пересылаться и помирились. Въ 1301 году князья опять съѣхались въ Дмитровѣ: Андрей и Даніилъ уладили свои дѣла, но Иванъ Переяславскій и Михаилъ Тверской разъѣхались въ распрѣ— знакъ что на этихъ новыхъ съѣздахъ каждый князь толковалъ отдѣльно о своихъ интересахъ и, уладивши дѣло съ однимъ, могъ не уладиться съ другимъ. Въ слѣдующемъ 1302 году произошло событіе, важное по своимъ слѣдствіямъ, и подавшее непосредственно поводъ къ новой борьбѣ между князьями: князь Иванъ Димитріевичъ Переяславскій умеръ бездѣтнымъ: кому же должна была достаться его отчина ,старшій удѣлъ въ племени Ярослава Всеволодовича? По старинѣ великій князь долженъ былъ распорядиться этою родовою собственностію по общему совѣту со всѣми родичами, сдѣлать съ ними рядъ, по древнему выраженію. Но теперь на сѣверѣ смотрѣли на волости, удѣлы какъ на частую собственность, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, считалъ себя въ правѣ завѣщать свою собственность кому хотѣлъ, и вотъ Иванъ Димитріевичъ завѣщаваетъ Переяславль мимо старшаго дяди Андрея младшему Даніилу Московскому. Легко понять, какое значеніе это событіе имѣло въ то время, когда каждый князь стремился къ усиленію своего удѣла насчетъ другихъ: область княжества Московскаго увеличивалась цѣлою областью другаго княже-

ства! [232] великій князь Андрей не хотѣлъ позволить Даніилу воспользоваться завѣщаніемъ племянника и тотчасъ по смерти Ивана отправилъ въ Переяславль своихъ намѣстниковъ. Но Даніилъ не думалъ отступать: онъ выгналъ намѣстниковъ Андреевыхъ и посадилъ своихъ; Андрей отправился въ Орду, вѣроятно, жаловаться хану. Въ слѣдующемъ 1303 году умеръ Даніилъ Александровичъ Московскій; старшій сынъ его Юрій былъ совершенно въ уровень своему времени: пріобрѣтать и усиливаться во чтобы то ни стало было главною его цѣлію, и когда Андрей возвратился изъ Орды съ ярлыками ханскими, то Юрій не уступилъ ему Переяславля [233], жители котораго хотѣли непремѣнно имѣть его своимъ княземъ и, доставшись отцу его по завѣщанію, не толковали какъ нѣкогда Кіевляне, что не хотятъ доставаться по наслѣдству. Въ 1304 году умеръ Андрей; смерть его служила знакомъ къ борьбѣ между Москвою и Тверью.

Описавши борьбу между сыновьями Невскаго, обратимся къ событіямъ, происходившимъ въ другихъ княжествахъ. Въ Ростовѣ, по смерти князя Бориса Васильковича (1277 г.), взялъ опять перевѣсъ старый обычай: здѣсь сталъ княжить братъ покойнаго, Глѣбъ Васильковичъ Бѣлозерскій. Но Глѣбъ умеръ въ слѣдующемъ же 1278 году: онъ съ молоду, говоритъ лѣтописецъ, служилъ Татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ нихъ изъ плѣна; ему наслѣдовалъ въ Ростовѣ племянникъ отъ старшаго брата, Димитрій Борисовичъ, на Бѣлозерѣ остался княжить сынъ покойнаго Глѣба, Михаилъ. Димитрій Борисовичъ, по обычаю времени, захотѣлъ усилиться насчетъ этого младшаго двоюроднаго брата, и отнялъ у него волости съ грѣхомъ и неправдою, по выраженію лѣтописца; отъ двоюроднаго брата Димитрій скоро (1271 г.) перешелъ къ родному, Константину Борисовичу, княжившему съ нимъ вмѣстѣ въ Ростовѣ, была между ними крамола и вражда великая, говоритъ лѣтописецъ; быть можетъ эта вражда произошла вслѣдствіе смерти углицкаго князя Романа Владиміровича (1260) г.), не оставившаго наслѣдниковъ. Напрасно старался примирить ихъ владыка Игнатій: Константинъ долженъ былъ выѣхать изъ Ростова, а Димитрій сталъ собирать войско и укрѣплять городъ, боясь нападенія отъ брата. Тогда владыка Игнатій оправился къ великому князю Димитрію Александровичу и упросилъ его пріѣхать въ Ростовъ: тотъ пріѣхалъ и помирилъ братьевъ. Въ 1287 году братья раздѣлились: старшій Ди-

митрій остался въ Ростовѣ, младшій Константинъ сѣлъ въ Угличѣ. Въ 1294 году умеръ князь Димитрій Борисовичъ Ростовскій, мѣсто его занялъ братъ Константинъ Борисовичъ, оставивъ въ Угличѣ сына своего Александра.—Изъ другихъ князей племени Всеволода III упоминается подъ 1281 годомъ внукъ его князь Михаилъ Ивановичъ Стародубскій, дядя сыновьямъ Невскаго, но не могшій быть старшимъ ни по праву, потому что не былъ отчинникомъ, ни по силѣ.—Подъ 1278 годомъ упоминается внукъ Ярослава Всеволодовича, Давидъ Константиновичъ, князь галицкій и дмитровскій, онъ умеръ въ 1290 году.—Изъ князей суздальскихъ, сыновей Андрея Ярославича, Юрій Андреевичъ умеръ въ 1279 году, и его мѣсто занялъ братъ его Михаилъ. — Въ Рязани княжилъ Ѳедоръ, сынъ убитаго въ Ордѣ Романа: онъ умеръ въ 1294 году, и мѣсто его заступилъ братъ, Константинъ Романовичъ; третій Романовичъ, Ярославъ, князь пронскій, умеръ въ 1299 году. Въ 1278 году умеръ Смоленскій князь Глѣбъ Ростиславичъ, мѣсто его занялъ братъ Михаилъ Ростиславичъ, но и этотъ умеръ въ слѣдующемъ 1279 году; тогда Смоленскъ перешелъ къ третьему Ростиславичу, Ѳедору ярославскому; соединеніе двухъ княжествъ—смоленскаго и ярославскаго могло бы повести къ важнымъ слѣдствіямъ для сѣверной Руси при тогдашнихъ обстоятельствахъ, еслибъ географическое разъединеніе этихъ княжествъ въ самомъ началѣ не положило препятствія ихъ политическому соединенію; племянникъ Ѳедора отъ старшаго брата, Александръ Глѣбовичъ, овладѣлъ Смоленскомъ подъ дядею: послѣдній въ 1298 году съ большимъ войскомъ пошелъ на Александра, долго стоялъ подъ Смоленскомъ и бился крѣпко, но взять города не могъ и возвратился въ Ярославль безъ успѣха. Смоленское княжество удержало свою независимость: послѣ, въ 1301 году, видимъ здѣсь усобицы между Александромъ смоленскимъ и Андреемъ вяземскимъ: Александръ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Романомъ, осадилъ Дорогобужъ и людямъ зла много сдѣлалъ, отнявши у нихъ воду, но Андрей вяземскій подоспѣлъ на помощь къ Дорогобужцамъ, и Александръ, раненый, потерявши сына, долженъ былъ съ большимъ урономъ отступить отъ города.—На судьбу обоихъ княжествъ, и рязанскаго и смоленскаго, въ описываемое время начало оказывать вліяніе сосѣднее имъ обоимъ срединное княжество на сѣверѣ, Московское, гдѣ, какъ мы видѣли, княжилъ третій, младшій сынъ Невскаго, Даніилъ, сперва бывшій въ союзѣ съ братомъ Андреемъ

противъ старшаго Димитрія, потомъ, когда Андрей сталъ в. княземъ, вооружившійся противъ него вмѣстѣ съ князьями тверскимъ и переяславскимъ. Кромѣ этого любопытнаго поведенія и пріобрѣтенія, по завѣщанію племянника, переяславскаго княжества, Даніилъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ 1301 году явился съ войскомъ у Переяславля рязанскаго, одолѣлъ тамошняго князя Константина Романовича, перебилъ много бояръ и простыхъ людей, и наконецъ взялъ въ плѣнъ самого князя Константина какою-то хитростію, вслѣдствіе измѣны бояръ рязанскихъ; Даніилъ, по словамъ лѣтописца [454], держалъ плѣнника своего въ чести, хотѣлъ укрѣпиться съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ и отпустить его въ Рязань. Сынъ Даніиловъ, Юрій, въ самый годъ отцовской смерти отправился съ братьями на другое сосѣднее княжество, можайское: городъ взялъ, князя Святослава Глѣбовича привелъ плѣннымъ въ Москву. Такъ уже первые московскіе князья начинаютъ собирать русскую землю.— Въ Новгородѣ, послѣ торжества Андреева надъ братомъ, княжилъ сынъ в. князя Борисъ Андреевичъ; посадникъ Андрей былъ смѣненъ братомъ Семеномъ Ивановичемъ, неизвѣстно въ которомъ году; но въ 1303 году Семена смѣнилъ опять Андрей. Въ послѣдніе годы отношенія Новгорода къ в. князю Андрею, какъ видно, перемѣнились: до насъ дошелъ договоръ Новгородцевъ съ Михаиломъ тверскимъ, въ которомъ этотъ князь, объявляя о союзѣ своемъ съ Даніиломъ московскимъ и Иваномъ переяславскимъ, обязываетъ Новгородцевъ, чтобъ они помогали ему въ случаѣ притѣсненія отъ в. князя Андрея или отъ Татарина, или отъ кого-нибудь другаго; Новгородцы, съ своей стороны, обязываютъ Михаила, чтобъ онъ въ случаѣ обиды Новгороду защищалъ его вмѣстѣ съ братомъ своимъ Даніиломъ [455].

Касательно внѣшнихъ отношеній въ описываемое время мы видѣли, что Татары опустошали сѣверную Русь, помогая враждующимъ князьямъ, какъ прежде Половцы пустошили южную. Въ 1277 году русскіе князья: Андрей Городецкій, Глѣбъ Ростовскій съ сыномъ и племянникомъ, Ѳедоръ Ярославскій, будучи въ Ордѣ у хана Менгу-Тимура, должны были вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ походъ противъ Ясовъ, взяли ихъ городъ Дедяковъ, и возвратились съ честію и дарами отъ хана. Въ слѣдующемъ году Ѳедоръ Ярославскій и Михаилъ, сынъ Глѣба Ростовскаго, ходили опять съ Татарами на войну. Въ томъ же году Татары приходили на Рязань,

и надѣлавши много зла, возвратились домой. Черезъ десять лѣтъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о нападеніи Татаръ на Рязань и Муромъ. Въ 1293 году былъ тажекъ для Твери царевичъ татарскій; въ Ростовѣ въ 1290 г. жители встали вѣчемъ на Татаръ и разграбили ихъ.—На западѣ продолжалась прежняя борьба: Новгородцевъ со Шведами, Новгородцевъ и Псковичей съ Нѣмцами и Литвою. Въ 1283 году Шведы вошли Невою въ озеро Ладожское, перебили Новгородцевъ—обонежскихъ купцовъ, Ладожане вышли къ нимъ на встрѣчу и бились, но счастливо ли, неизвѣстно; въ слѣдующемъ году такое же новое покушеніе Шведовъ, хотѣвшихъ взять дань на Корелѣ; но на этотъ разъ Новгородцы и Ладожане встрѣтили враговъ въ устьѣ Невы, побили ихъ и заставили бѣжать. Въ 1292 году пришли Шведы въ числѣ 800 человѣкъ—400 пошли на Корелу, 400 на Ижору; но Ижора перебила своихъ, а Корела своихъ. Это были покушенія неважныя; но въ 1293 году Шведы обнаружили намѣреніе стать твердою ногою въ новгородскихъ владѣніяхъ и построили городъ на корельской землѣ; небольшое новгородское войско съ смоленскимъ княземъ Романомъ Глѣбовичемъ подошло къ городу, но должно было отступить отъ него по причинѣ оттепели и недостатка въ конскомъ кормѣ; въ 1295 году Шведы построили другой городъ на корельской же землѣ, но этотъ городъ Новгородцы раскопали, истребивши гарнизонъ шведскій. Шведы однако не отстали отъ своего намѣренія и въ 1300 году вошли въ Неву съ большою силою, привели мастеровъ изъ своей земли и изъ Италіи и поставили городъ при устьѣ Охты, утвердили его твердостію несказанною, по словамъ лѣтописца, поставили въ немъ пороки и назвали въ похвальбу Вѣнцомъ земли (Ландскрона); маршалъ Торкель Кнутсонъ, правившій Швеціею въ малолѣтство короля Биргера, самъ присутствовалъ при постройкѣ Ландскроны, и оставилъ въ ней сильный гарнизонъ съ воеводою Стеномъ. Противъ такой опасности нужно было вооружиться всѣми силами, и вотъ въ слѣдующемъ году самъ великій князь Андрей съ полками низовыми и новгородскими подступилъ къ Ландскронѣ: городъ былъ взятъ, раскопанъ, гарнизонъ частію истребленъ, частію отведенъ въ неволю, Шведамъ не удалось утвердиться въ новгородскихъ владѣніяхъ: также неудачна была и попытка Датчанъ изъ Ревеля поставить городъ на русской сторонѣ Наровы въ 1294 году: Новгородцы пожгли городъ, и въ 1302 году заключенъ былъ миръ, за

которымъ новгородскіе послы ѣздили въ Данію.—Псковъ продолжалъ бороться съ Ливонскимъ Орденомъ: въ 1298 году Довмонтъ въ другой разъ отбилъ отъ него Нѣмцевъ; это былъ послѣдній его подвигъ: въ 1299 году онъ умеръ, много пострадавши (потрудившись) за св. Софію и за св. Троицу (т. е. за Новгородъ и за Псковъ)— лучшая похвала князю отъ лѣтописца: литовскій выходецъ сравнялся ею съ Мономахомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Довмонтъ былъ милостивъ безмѣрно, священниковъ любилъ, церкви украшалъ, нищихъ миловалъ, всѣ праздники честно проводилъ, за сиротъ, вдовъ и всякихъ обиженныхъ заступался. Непріятельскія дѣйствія Литвы противъ новгородской области ограничились въ описываемое время однимъ опустошеніемъ береговъ Ловати въ 1285 году; но въ слѣдующемъ году Литовцы напали на Олешню, церковную волость тверскаго владыки: Тверичи, Москвичи, Волочане, Новгородцы, Дмитровцы, Зубчане, Ржевичи, соединились, догнали разбойниковъ, побили ихъ, отняли добычу, взяли въ плѣнъ князя. Съ финскими племенами продолжалась борьба съ прежнимъ характеромъ: въ 1292 году новгородскіе молодцы ходили съ княжими воеводами воевать емскую (Ямь) землю, и повоевавши ее, пришли всѣ поздорову; но въ описываемое время одно изъ ближайшихъ финскихъ племенъ, Корела, давно платившее дань Новгороду и еще до Татаръ покрещенное, стало возмущаться. Еще въ 1269 году князь Ярославъ Ярославичъ сбирался идти на Корелу: но на этотъ разъ Новгородцы упросили его не ходить. Подъ 1278 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Димитрій Александровичъ съ Новгородцами и со всею низовскою землею казнилъ Кореляпъ и взялъ землю ихъ на щитъ.

Князей югозападной Руси—Льва Даниловича галицкаго и двоюроднаго брата его, Владиміра Васильковича волынскаго, занимали преимущественно отношенія польскія, литовскія и татарскія. Съ Болеславомъ Лешковичемъ краковскимъ они помирились, и даже помогали ему въ войнѣ съ Болеславомъ Генриховичемъ бреславскимъ (силезскимъ). Мы видѣли, что Мазовія, по смерти Конрада, раздѣлилась между двумя его сыновьями, сначала между Казиміромъ и Болеславомъ, потомъ, по смерти послѣдняго, между Казиміромъ и Семовитомъ. Казиміръ, умершій въ 1267 году, оставилъ свою часть пяти сыновьямъ: Лешку Черному, Земомыслу, Владиславу Локетку, Семовиту и Казиміру; Семовитъ оставилъ свою часть двумъ сыновьямъ, Болеславу и Конраду. Съ послѣднимъ у волынскаго князя

было враждебное столкновеніе по поводу Ятвяговъ: эти дикари взволновались было снова по смерти Даніила, но воеводы сыновей его, Льва и Мстислава и племянника Владиміра заставили ихъ смириться; въ 1279 году былъ сильный голодъ по всей землѣ Русской и Польской, у Литвы и Ятвяговъ; послы ятвяжскіе пріѣхали къ князю Владиміру волынскому и стали ему говорить: „Господинъ князь Владиміръ! пріѣхали мы къ тебѣ ото всѣхъ Ятвяговъ, понадѣясь на Бога и на твое здоровье; господинъ! не помори насъ, а перекорми, пошли къ намъ жито свое на продажу, мы съ радостію станемъ покупать, что хочешь, то и будемъ давать: воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ куницъ, серебро.“ Владиміръ сжалился и послалъ къ нимъ жито изъ Бреста въ лодкахъ по Бугу съ людьми добрыми, кому вѣрилъ. Волынцы изъ Буга вошли въ Наревъ, поплыли по этой рѣкѣ, но когда остановились ночевать подъ Полтовскомъ (Пултускомъ), то всѣ были перебиты, жито унесено, лодки потоплены. Владиміръ сталъ доискиваться, кто это сдѣлалъ и послалъ сказать Конраду: „Подъ твоимъ городомъ перебиты мои люди: либо ты приказалъ ихъ убить, либо кто другой; ты долженъ знать, что дѣлается въ твоей землѣ, объяви мнѣ.“—Конрадъ заперся: „Самъ не билъ и другаго никого не знаю.“ Но дядя его, Болеславъ Краковскій, бывшій въ ссорѣ съ племянникомъ, послалъ сказать Владиміру: „Конрадъ лжетъ, самъ избилъ твоихъ людей, перевѣдайся съ нимъ, осрамилъ онъ тебя, смой свой позоръ.“ Владиміръ послушался и послалъ на Конрада войско, которое опустошило земли по сю сторону Вислы и взяло много плѣну; Конрадъ прислалъ просить мира у Владиміра, тотъ согласился, и началась между обоими князьями большая любовь: Владиміръ возвратилъ Конраду всю челядь, которую побрало его войско.

Смерть бездѣтнаго Болеслава краковскаго, послѣдовавшая въ 1279 году, подала поводъ къ новымъ смутамъ. Болеславу наслѣдовалъ старшій изъ двоюродныхъ племянниковъ, Лешко Черный, князь мазовецкій—сераджскій, сынъ Казимира Конрадовича, и это преемство утверждено было избраніемъ краковской шляхты [56]. Левъ Даниловичъ галицкій, не успѣвши получить Литвы послѣ брата, захотѣлъ попытаться, не успѣетъ ли овладѣть наслѣдствомъ Болеслава краковскаго, но бояре сильные, по выраженію лѣтописца, не дали ему земли. Тогда Левъ захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, овладѣть нѣкоторыми порубежными городами, и послалъ просить вой-

ска у хана Ногая; тотъ исполнилъ его просьбу, и Левъ, съ татарскими полками и сыномъ Юріемъ, вступилъ въ польскія владѣнія, а братъ его Мстиславъ съ сыномъ Даніиломъ, и двоюродный братъ Владиміръ Волынскій пошли туда же неволею татарскою. Левъ шелъ къ Кракову съ гордостью великою, говоритъ лѣтописецъ, но возвратился съ великимъ безчестіемъ, потому что при Гошличѣ, въ двухъ миляхъ отъ Сендомира, Поляки поразили его на голову; а въ слѣдующемъ 1281 году Лешко отплатилъ ему вторженіемъ въ галицкую область, гдѣ взялъ городъ Переворескъ (Пршеворскъ) и сжегъ его, перебивши всѣхъ жителей. Съ другой стороны Поляки вошли въ волынскія владѣнія у Бреста, взяли десять селъ и пошли назадъ; но жители Бреста, съ воеводою Титомъ, въ числѣ 70 человѣкъ, ударили на 200 Поляковъ, убили у нихъ 80 человѣкъ, другихъ взяли въ плѣнъ и возвратили все пограбленное. Скоро стала усобица между Семовитовичами мазовецкими— извѣстнымъ намъ Конрадомъ и братомъ его Болеславомъ. Конрадъ обратился съ посьбою о помощи къ Владиміру Васильковичу волынскому; тотъ принялъ къ сердцу его обиду и со слезами отвѣчалъ его послу: „Скажи брату: Богъ будетъ мстителемъ за твой позоръ, а я готовъ тебѣ на помощь".—и дѣйствительно сталъ собираться на Болеслава; послалъ и къ племяннику Юрію Львовичу холмскому за помощью, и тотъ отвѣчалъ: „Дядюшка! съ радостію бы пошелъ и самъ съ тобою, но некогда: ѣду въ Суздаль жениться, а съ собою беру не многихъ людей: такъ всѣ мои люди и бояре Богу на руки да тебѣ, когда тебѣ будетъ угодно, тогда съ ними и ступай." Владиміръ собралъ рать и выступилъ къ Бресту, но прежде отправилъ къ Конраду посла, который, опасаясь невѣрныхъ бояръ послѣдняго, сказалъ при нихъ князю: „Братъ твой Владиміръ велѣлъ тебѣ сказать: съ радостію бы помогъ тебѣ, да нельзя: Татары мѣшаютъ". Сказавши это, посолъ взялъ Конрада за руку и сильно пожалъ ее; князь догадался, вышелъ съ нимъ вонъ и посолъ началъ опять говорить: „Братъ велѣлъ тебѣ сказать: приготовляйся самъ и лодки приготовь на Вислѣ, рать у тебя будетъ завтра". Конрадъ сильно обрадовался, велѣлъ поскорѣе готовить лодки и самъ приготовился: рать волынская пришла, перевезлась черезъ Вислу и пошла вмѣстѣ съ Конрадомъ во владѣнія Болеслава, гдѣ осадили городъ Гостинный. Конрадъ, ѣздя по полкамъ, началъ говорить: „Братья моя, милая Русь! ступайте, бейтесь дружнѣе"! Полки

двинулись подъ стѣны, другіе стали неподвижно, оберегая товарищей отъ внезапнаго нападенія Поляковъ. Осажденные сыпали на русскихъ каменья, какъ градъ сильный, но тѣ ловко отстрѣливались; дѣло дошло и до копій и Поляки начали валиться со стѣнъ, какъ снопы, наконецъ городъ былъ взятъ; побѣдители захватили въ немъ много всякаго добра и плѣнныхъ, остальныхъ перебили, городъ сожгли и возвратились домой съ побѣдою и честью великою, потерявши только двухъ человѣкъ убитыми, но и тѣ были убиты не подъ городомъ, а въ наѣздѣ, одинъ былъ родомъ Пруссъ, а другой придворный слуга князя Владиміра, любимый его сынъ боярскій, Рахъ Михайловичъ. Когда войска шли мимо Сохачева (Сохоцинъ), то князь Болеславъ выѣхалъ изъ этого города, чтобъ поймать кого-нибудь изъ непріятелей въ разгонѣ; князь Владиміръ наказывалъ своимъ воеводамъ не распускать войска, а идти всѣмъ вмѣстѣ къ городу; но тридцать человѣкъ отдѣлились отъ войска и поѣхали въ лѣсъ ловить челядь, которая скрылась тамъ изъ селъ; въ это время Болеславъ ударилъ на нихъ; всѣ разбѣжались, не побѣжали только двое—Рахъ съ Пруссомъ: послѣдній пустился на самого Болеслава, и былъ убитъ окружавшими князя; Рахъ убилъ знатнаго боярина Болеславова, но также заплатилъ жизнію за свой подвигъ; они умерли мужественно, говоритъ лѣтописецъ, оставили по себѣ славу будущимъ вѣкамъ. Въ 1282 году два хана—Ногай и Телебуга пошли на Венгровъ съ огромнымъ войскомъ, велѣли идти съ собою и русскимъ князьямъ. Пользуясь этимъ, Болеславъ напалъ съ небольшою дружиною на русскія границы, взялъ нѣсколько селъ, и пошелъ назадъ, величаясь, какъ будто бы всю землю завоевалъ. Левъ Даниловичъ, возвратясь изъ похода, послалъ сказать Владиміру Васильковичу: „Братъ! смоемъ съ себя позоръ, наведи Литву на Болеслава". Владиміръ послалъ за Литвою и получилъ отвѣтъ: „Владиміръ добрый князь, правдивый! можемъ за тебя свои головы сложить; если тебѣ любо, то мы готовы". Левъ и Владиміръ, собравши полки, пошли къ Бресту, дожидаясь Литвы, но Литва не пришла къ сроку, и князья отпустили одних своихъ воеводъ, которые повоевали Болеславову землю, взяли безчисленное множество челяди, скота, коней. Послѣ пришли Литовцы къ Бресту и стали говорить Владиміру: „Ты насъ поднялъ, такъ веди куда-нибудь, мы готовы, мы на то и пришли". Князь сталъ думать, куда ихъ вести? своя рать ушла уже далеко, рѣки разливаются, и вспомнилъ, что Лешко краковскій посылалъ

Люблинцевъ, которые взяли одно пограничное волынское село; Владиміръ нѣсколько разъ ему напоминалъ, чтобъ онъ возвратилъ плѣнныхъ, но Лешко не возвратилъ, и за это теперь Владиміръ послалъ на него Литву, которая повоевала около Люблина и взяла множество плѣнныхъ. Скоро возвратились и русскіе воеводы изъ польскаго похода съ большою добычею; но Болеславъ все не переставалъ враждовать; Владиміръ съ племянникомъ Юріемъ опять собрали войско, опять привели Литву; Русскіе и Литовцы взяли у Болеслава Сохачевъ и возвратились назадъ съ большою добычею.

Съ литовскимъ княземъ Тройденомъ Владиміръ Васильковичъ воевалъ цѣлый 1274 годъ мелкою войною; потомъ Тройденъ взялъ городъ Дрогичинъ у Льва Даниловича; Левъ послалъ къ хану Менгу-Тимуру за помощью; Татары пришли, а это значило, что всѣ русскіе князья должны идти съ ними вмѣстѣ, и пошли на Литву—Левъ, Мстиславъ, Владиміръ, Романъ брянскій съ сыномъ Олегомъ, Глѣбъ смоленскій, князья пинскіе и туровскіе. Левъ съ Татарами пришелъ прежде всѣхъ къ Новогрудку и, не дожидаясь другихъ князей, взялъ окольный городъ; на другой день пришли остальные князья и стали сердиться на Льва, что безъ нихъ началъ дѣло; въ этихъ сердцахъ они не пошли дальше и возвратились отъ Новогрудка; волынскій князь звалъ тестя своего, Романа брянскаго, заѣхать къ нему во Владиміръ: „Господинъ батюшка! пріѣзжай, побудешь въ своемъ домѣ и дочери своей здоровье увидишь“. Романъ отвѣчалъ: „Сынъ Владиміръ! не могу отъ своего войска уѣхать, хожу въ землѣ ратной, кто проводитъ войско мое домой? Пусть вмѣсто меня ѣдетъ сынъ мой Олегъ“.— Въ 1276 году толпы Пруссовъ, спасаясь отъ притѣсненій Ордена, явились къ литовскому князю съ просьбою о помѣщеніи; Тройденъ одну часть ихъ посадилъ въ Гроднѣ, а другую въ Слонимѣ. Владиміру и Льву это сосѣдство показалось опаснымъ; они послали рать свою къ Слониму и взяли Пруссовъ. За это Тройденъ послалъ воевать около Каменца (литовскаго); Владиміръ отмстилъ ему взятіемъ Турійска нѣманскаго. Борьба на этотъ разъ кончилась, и лѣтописецъ говоритъ, что оба князя—Тройденъ и Владиміръ начали жить въ большой любви. Но послѣдній, какъ видно, не полагался на долговременность этого мира, и сталъ думать, гдѣ бы поставить городъ за Брестомъ. Въ этомъ раздумьи онъ взялъ книги пророческія и разогнулъ ихъ на слѣдующемъ мѣстѣ: „Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя.... и созиждютъ пустыни

вѣчная, запустѣвшая прежде, воздвигнути городы пусты, запустѣвшая отъ рода". Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, уразумѣлъ къ себѣ милость Божію, и началъ искать мѣста, гдѣ бы поставить городъ, для чего послалъ мужа искуснаго, именемъ Алексу, съ туземцами на челнахъ вверхъ по рѣкѣ Loснѣ; Алекса нашелъ удобное мѣсто и объявилъ объ этомъ князю, который самъ отправился на берега Лосны и заложилъ городъ, названный Каменцомъ, потому что почва была каменистая [357].

На этотъ разъ Татары не дали русскимъ и литовскимъ князьямъ пожить въ мирѣ; въ 1277 году Ногай прислалъ къ русскимъ князьямъ грамоту: „Вы все мнѣ жалуетесь на Литву, такъ вотъ вамъ войско и съ воеводою, ступайте съ нимъ на своихъ враговъ". Зимою пошли русскіе князья—Мстиславъ, Владиміръ и Юрій Львовичъ на Литву къ Новогрудку; но когда пришли они къ Бресту, то получили вѣсть, что Татары опередили ихъ; тогда князья стали думать: „что намъ идти къ Новогрудку? тамъ Татары все уже извоевали; пойдемъ куда-нибудь къ цѣлому мѣсту"—и пошли къ Гродну. Минувши Волковыйскъ, они остановились ночевать, и тутъ Мстиславъ съ Юріемъ тайкомъ отъ Владиміра послали лучшихъ своихъ бояръ и слугъ съ воеводою Тюймою воевать окрестную страну. Тѣ, повоевавши, расположились также на ночлегъ, вдалекѣ отъ главной рати, сторожей не разставили и доспѣхи сняли. Тогда одинъ переметчикъ убѣжалъ отъ нихъ прямо въ городъ и объявилъ жителямъ: „тамъ-то и тамъ-то на селѣ люди лежатъ безо всякаго порядка". Пруссы и Борты выѣхали изъ города и ударили на сонныхъ Русскихъ: половину избили, другую повели плѣнными въ городъ, а Тюйму повезли на саняхъ, потому что былъ тяжело раненъ. На другой день, когда главная рать подошла къ городу, прибѣжалъ къ ней одинъ изъ посланныхъ съ Тюймою, нагъ и босъ, и объявилъ о пораженіи своихъ; князья погоревавши начали промышлять, какъ бы взять городъ: передъ нимъ стояла высокая каменная башня, гдѣ заперлись Пруссы и стрѣльбою своею никакъ не давали приблизиться къ городу; Русскіе поэтому приступили сперва къ башнѣ и взяли ее; тогда страхъ напалъ на горожанъ; они стояли какъ мертвые на забралахъ, потому что вся ихъ надежда была на башню, стали рядиться съ осаждающими и порѣшили на томъ, что Русскіе не будутъ брать города, за что осажденные выдали имъ всѣхъ бояръ, взятыхъ въ плѣнъ ночью.

Татары же водили русскихъ князей и на Поляковъ въ 1287 году: Телебуга послалъ звать съ собою въ походъ всѣхъ князей волынскихъ и заднѣпровскихъ. Князья, каждый на границѣ своей волости, встрѣчали хана съ напитками и дарами; они боялись, что Татары перебьютъ ихъ и города возьмутъ себѣ. Этого не случилось, но насиліямъ татарскимъ въ городахъ и по волости не было конца. Телебуга, отправившись въ Польшу, оставилъ около Владимира отрядъ Татаръ кормить любимыхъ коней своихъ; эти Татары опустошили всю землю владимирскую, не давали никому выйти изъ города за съѣстными припасами: кто выѣдетъ, тотъ непремѣнно будетъ или убитъ, или схваченъ, или ограбленъ, и отъ того въ городѣ Владимирѣ померло людей безчисленное множество. Пробывши десять дней въ Польшѣ, Телебуга на возвратномъ пути остановился въ галицкомъ княжествѣ на двѣ недѣли, и опустошилъ его точно такъ же, какъ Татары его опустошили волынское.

Въ то время еще, когда Телебуга былъ на Волыни, тамошній князь Владиміръ, уже давно страдавшій тяжкою болѣзнію (гніеніемъ нижней челюсти), почувствовалъ, что становится ему гораздо хуже, и послалъ сказать двоюродному брату своему, Мстиславу Даниловичу Луцкому: „Братъ! ты видишь мою немощь, а дѣтей у меня нѣтъ; такъ даю тебѣ, брату своему, землю свою всю и города, по смерти своей, и даю это тебѣ при ханѣ и его вельможахъ.“ Послалъ также сказать и другому двоюродному брату Льву и племяннику Юрію: „Объявляю вамъ, что я отдалъ брату Мстиславу землю свою и города“. Левъ отвѣчалъ Владиміру: „и хорошо сдѣлалъ что отдалъ; мнѣ развѣ искать подъ нимъ послѣ твоей смерти? всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, а мнѣ далъ бы только Богъ и своимъ княжествомъ управить въ нынѣшнее время.“ Потомъ Мстиславъ послалъ сказать брату Льву и племяннику: „Братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города; если чего захочешь искать по смерти брата Владиміра, такъ скажи лучше теперь, когда здѣсь ханъ.“ Левъ не отвѣчалъ на это ни слова. Телебуга пошелъ въ Польшу со всѣми князьями и съ Владиміромъ; но послѣдній долженъ былъ воротиться съ дороги, потому что жалко было смотрѣть на него. Пробывъ нѣсколько дней во Владимирѣ, онъ началъ говорить княгинѣ и боярамъ: „Хотѣлось бы мнѣ поѣхать въ Любомль [158], потому что погань эта (Татары) сильно мнѣ опротивѣла; я человѣкъ больной, нельзя мнѣ съ ними толковать, пусть вмѣсто меня остается

здѣсь епископъ Маркъ". Князь поѣхалъ въ Любомль съ княгинею и слугами придворными, изъ Любомля въ Брестъ, а изъ Бреста въ Каменецъ (литовскій), гдѣ и слегъ въ постель, говоря княгинѣ и слугамъ: „Когда эта погань выйдетъ изъ земли, то поѣдемъ въ Любомль". Чрезъ нѣсколько дней пріѣхали къ нему слуги, бывшіе въ Польшѣ на войнѣ съ Татарами; онъ сталъ спрашивать ихъ о Телебугѣ, пошелъ ли онъ назадъ изъ Польши? тѣ отвѣчали что пошелъ;—„а братъ мой Левъ, и Мстиславъ, и племянникъ здоровы ли?" тѣ отвѣчали что всѣ здоровы, бояре и слуги, причемъ сказали, что Мстиславъ уже роздаетъ своимъ боярамъ города и села волынскіе. Владиміръ очень разсердился и сталъ говорить: „Я лежу боленъ, а братъ придалъ мнѣ еще болѣзни; я еще живъ, а онъ уже роздаетъ города мои и села; могъ бы подождать, когда умру." И отправилъ посла къ Мстиславу съ жалобою: „Братъ! вѣдь ты меня ни на полону взялъ, ни копьемъ добылъ, ни ратью выбилъ меня изъ городовъ моихъ—что такъ со мною поступаешь! ты мнѣ братъ, но вѣдь есть у меня и другой братъ Левъ, и племянникъ Юрій; изъ васъ троихъ я выбралъ тебя одного и отдалъ тебѣ свою землю и города, по своей смерти, а пока живъ, тебѣ не вступаться ни во что; я такъ распорядился, отдалъ тебѣ землю за гордость брата Льва и племянника Юрія." Мстиславъ спѣшилъ успокоить больнаго: „Братъ и господинъ! велѣлъ онъ отвѣчать ему: земля Божія и твоя и города твои, и я надъ ними не воленъ, самъ я въ твоей волѣ, и дай мнѣ Богъ имѣть тебя какъ отца и служить тебѣ со всею правдою до смерти, чтобъ ты, господинъ, здоровъ былъ, а мнѣ главная надежда на тебя." Эта рѣчь была люба Владиміру, онъ успокоился и поѣхалъ въ Рай-городъ [359]; здѣсь онъ началъ говорить княгинѣ: „Хочу послать за братомъ Мстиславомъ, урядиться съ нимъ о землѣ и о городахъ, и о тебѣ, княгиня моя милая Ольга, и объ этомъ ребенкѣ И з я с л а в ѣ, которую люблю какъ дочь родную; Богъ, за грѣхи мои, не далъ мнѣ дѣтей, такъ эта была мнѣ вмѣсто родной, потому что взялъ ее отъ матери въ пеленахъ и вскормилъ." За Мстиславомъ послали, и когда онъ пріѣхалъ, то Владиміръ поднялся съ постели, сѣлъ и сталъ его разспрашивать про походъ: Мстиславъ разсказалъ ему все по порядку, какъ было, и когда пришелъ къ себѣ на подворье, то Владиміръ послалъ епископа и двухъ бояръ сказать ему: „Братъ! я за тѣмъ тебя призвалъ, что хочу урядиться съ тобою о землѣ и о городахъ, о княгинѣ своей

и о ребенкѣ Изяславѣ, хочу грамоты писать.“ Мстиславъ отвѣчалъ: „Братъ и господинъ! Я развѣ хотѣлъ искать твоей земли по твоей смерти? Самъ ты прислалъ ко мнѣ въ Польшу объявить, что отказываешь мнѣ свою землю;—если хочешь грамоты писать, то пиши какъ Богу любо и тебѣ“. Епископъ возвратился съ этимъ отвѣтомъ, и Владимiръ велѣлъ писцу писать грамоты: въ одной отказалъ Мстиславу всю свою землю и города; въ другой отказалъ женѣ своей городъ Кобринъ съ нѣсколькими селами и монастырь Апостольскiй съ селами же. „А княгиня моя, сказано въ концѣ грамоты, захочетъ идти въ монастырь послѣ меня, пусть идетъ, а не захочетъ, то какъ ей любо: мнѣ вѣдь не смотрѣть, вставши изъ гроба, что кто станетъ дѣлать по моей смерти“.

Когда грамоты были написаны, Владимiръ послалъ сказать Мстиславу: „цѣлуй крестъ на томъ, что не отнимешь ничего у княгини моей и у ребенка Изяславы, не отдашь ее неволею ни за кого, но за кого захочетъ княгиня моя, за того отдашь“. Мстиславъ поцѣловалъ крестъ, послѣ чего поѣхалъ во Владимиръ, въ Богородичную церковь, куда созваны были бояре и граждане, Русскiе и Нѣмцы; передъ ними прочли Владимiрову духовную, въ которой отказана была вся земля Мстиславу, и епископъ благословилъ послѣдняго крестомъ воздвизальнымъ на княженiе; Мстиславъ уже хотѣлъ начать послѣ этого княжить, но опять былъ остановленъ больнымъ Владимiромъ, который велѣлъ ему подождать до своей кончины. Мстиславъ отправился въ свою Луцкую волость, а Владимiръ изъ Рая переѣхалъ въ Любомль, гдѣ лежалъ больной всю зиму, разсылая слугъ своихъ на охоту, потому что былъ страстный охотникъ и храбрый: завидитъ вепря или медвѣдя—не станетъ дожидаться слугъ, самъ убьетъ всякаго звѣря. Но больному князю не дали успокоиться; какъ наступило лѣто, прислалъ къ нему Конрадъ Семовитовичъ Мазовецкiй: „Братъ и господинъ! велѣлъ сказать ему Конрадъ: ты былъ мнѣ вмѣсто отца, держалъ подъ своею рукою, своею милостью; тобою я княжилъ и города свои держалъ, отъ братiи отступился и былъ грозенъ; а теперь, господинъ! слышалъ я, что ты отказалъ свои земли брату своему Мстиславу: такъ послалъ бы ты къ нему своего посла вмѣстѣ съ моимъ, чтобъ и онъ принялъ меня подъ свою руку, и стоялъ бы за меня, какъ ты“. Владимiръ исполнилъ желанiе Конрада послалъ къ Мстиславу, и тотъ обѣщался не давать въ обиду мазовецкаго князя и,

если случится, голову свою за него сложить. Мстиславу хотѣлось также видѣться лично съ Конрадомъ; тотъ согласился съ радостію, заѣхалъ сперва къ Владиміру, въ Любомль, гдѣ горько плакалъ, увидѣвши, какъ болѣзнь истощила красивое тѣло князя волынскаго; оттуда поѣхалъ къ Мстиславу, который встрѣтилъ его съ боярами и слугами своими, и принялъ съ честію и любовію подъ свою руку, сказавши: „Какъ тебя братъ мой Владиміръ честилъ и дарилъ, такъ дай Богъ и мнѣ честить тебя и дарить и стоять за тебя, когда кто-нибудь тебя обидитъ". Потомъ князья начали веселиться: Мстиславъ одарилъ Конрада конями красивыми въ сѣдлахъ дивныхъ, платьемъ дорогимъ и другими дарами многими, и такъ съ честію отпустилъ его.

За Конрадомъ явился къ больному Владиміру другой гость: прислалъ князь Юрій Львовичъ посла своего сказать дядѣ: „Господинъ дядюшка! Богъ знаетъ и ты знаешь, какъ я служилъ тебѣ со всею правдою, почиталъ я тебя какъ отца; чтобъ тебѣ сжалиться за мою службу? теперь отецъ прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у меня города, что прежде далъ—Бѣльзъ, Червень и Холмъ, а велитъ мнѣ быть въ Дрогичинѣ и Мельникѣ [160]; бью челомъ Богу и тебѣ: дай мнѣ, господинъ дядюшка, Брестъ." Владиміръ велѣлъ отвѣчать ему: „Племянникъ! не дамъ: самъ знаешь, что я не двурѣчивъ и не лгунъ, не могу нарушить договора, что заключилъ съ братомъ Мстиславомъ: далъ ему всю землю и всѣ города, и грамоты написалъ". Отправивши съ этимъ отвѣтомъ Юрьева посла, Владиміръ отрядилъ къ брату Мстиславу вѣрнаго слугу своего Ратьшу съ такимъ наказомъ: „Присылалъ ко мнѣ племянникъ Юрій просить Бреста, но я не далъ ему ни города, ни села", и взявши изъ-подъ постели клокъ соломы, прибавилъ: „не давай и такого клока соломы никому послѣ моей смерти". Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему: „Ты мнѣ и братъ, ты мнѣ и отецъ Данило король, когда принялъ меня подъ свои руки: что ни велишь мнѣ, все съ радостію исполню". Но этимъ дѣло не кончилось: чрезъ нѣсколько времени вошли слуги и объявили больному: „Владыка, господинъ, пріѣхалъ".—„Какой владыка? спросилъ Владиміръ.—„Перемышльскій Мемнонъ, отъ брата твоего Льва пріѣхалъ".—Догадался Владиміръ, зачѣмъ пріѣхалъ владыка, но дѣлать нечего, велѣлъ позвать: владыка вошелъ, поклонился князю до земли, промолвивъ: „Братъ тебѣ кланяется", сѣлъ и началъ править посольство: „Братъ твой велѣлъ тебѣ сказать, господинъ: дядя твой Данило король, а мой отецъ лежитъ въ

Холмѣ у св. Богородицы, и сыновья его, братья мои и твои, Романъ и Шварнъ, и всѣхъ кости тутъ лежатъ; а теперь, братъ, слышалъ я про твою болѣзнь тяжкую: чтобъ тебѣ, братецъ, не погасить свѣчи надъ гробомъ дяди своего и братіи своей, дать бы тебѣ свой городъ Брестъ? То бы твоя свѣча была". Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, разумѣлъ всякія притчи и темныя слова, и началъ съ епископомъ длинный разговоръ отъ книгъ, потому что былъ книжникъ большой и философъ, какого не было во всей землѣ, да и по немъ не будетъ; наконецъ отпустилъ епископа къ брату съ такими словами: „Братъ Левъ! что ты думаешь, что я уже изъ ума выжилъ и не пойму твоей хитрости? мало тебѣ твоей земли, что еще Береста захотѣлъ, когда самъ три княженья держишь: галицкое, перемышльское и бѣльзское, и того всего мало? Мой отецъ, а твой дядя лежитъ у св. Богородицы во Владимірѣ, а много ль ты надъ нимъ свѣчъ поставилъ? какой городъ далъ, чтобъ свѣча была? Сперва просилъ ты живымъ, а теперь уже мертвымъ просишь; не дамъ не только города, села у меня не выпросишь, разумѣю я твою хитрость, не дамъ".

Волость свою Владиміръ отдалъ брату; что же касается движимаго имѣнія, то еще будучи на ногахъ, роздалъ его бѣднымъ: золото, серебро, камни драгоцѣнные, пояса отцовскіе и свои, золотые и серебряные, все роздалъ; блюда большія серебряныя, кубки золотые и серебряные самъ предъ глазами своими побилъ и полилъ въ гривны, полилъ и монисты, большія золотыя бабки и матери своей, и разослалъ милостыню по всей землѣ; и стада роздалъ убогимъ людямъ, у кого лошадей нѣтъ, кто потерялъ ихъ во время Телебугина нашествія. Владиміръ умеръ въ 1288 году, послѣ двадцатилѣтняго княженія. Княгиня и слуги придворные обмыли тѣло, обвили бархатомъ съ кружевами, какъ слѣдуетъ хоронить царей, и положивши на сани (10-го декабря), повезли во Владиміръ; граждане отъ мала до велика съ громкимъ плачемъ проводили своего господина. Привезши во Владиміръ вечеромъ того же дня, на другой день похоронили въ соборной Богородичной церкви, при чемъ княгиня причитала: „Царь мой добрый, кроткій, смиренный, правдивый! въ правду назвали тебя въ крещеніи Иваномъ, всякими добродѣтелями похожъ ты былъ на него: много досадъ принялъ ты отъ сродниковъ своихъ, но не видала я, чтобъ ты отомстилъ имъ зломъ за зло"; а бояре причитали: „хорошо бъ намъ было съ

тобою умереть: какъ дѣдъ твой Романъ, ты освободилъ насъ отъ всякихъ обидъ, поревновалъ ты дѣду своему и наслѣдовалъ путь его; а ужъ теперь нельзя намъ больше тебя видѣть: солнце наше зашло и остались мы въ обидѣ" [361]. Такъ плакали надъ нимъ множество Владимирцевъ, мущины, женщины и дѣти, Нѣмцы, Сурожцы, Новгородцы; Жиды плакали точно такъ, какъ отцы ихъ, вѣдомые въ плѣнъ вавилонскій.

Мстиславъ, пріѣхавши послѣ похоронъ и поплакавши надъ братнимъ гробомъ, спѣшилъ разослать засады (гарнизоны) по всѣмъ городамъ, боясь Льва и Юрія. Страхъ его не былъ напрасенъ: на югѣ не всѣ такъ охотно исполняли завѣщанія князей своихъ какъ на сѣверѣ, и Мстиславу дали знать, что Юрьева дружина уже сидитъ въ трехъ городахъ: Брестѣ, Каменцѣ (литовскомъ) и Бѣльскѣ [362]. Еще во время болѣзни Владиміровой жители Бреста поклялись признать своимъ княземъ Юрія, и тотъ сейчасъ же послѣ дядиной смерти пріѣхалъ въ Брестъ и сталъ здѣсь княжить. Но бояре Мстиславовы, старые луцкіе и новые владимирскіе, начали говорить своему князю: „Господинъ! племянникъ осрамилъ тебя, отнялъ то, что далъ тебѣ Богъ, братъ, молитва отцовская и дѣдовская; можемъ и съ дѣтьми положить за тебя свои головы, ступай, возьми сначала Юрьевы города—Бѣлзъ и Червень, а потомъ пойдешь къ Бресту." Мстиславъ отвѣчалъ: „не дай мнѣ Богъ пролить кровь неповинную; я исправлю дѣло Богомъ и благословеніемъ брата своего Владиміра",—и послалъ сказать племяннику; „Племянникъ! добро бы ты не былъ самъ на томъ пути и ничего не слыхалъ: а то самъ слышалъ и отецъ твой и вся рать слышала, что братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города всѣ, при ханѣ и при его вельможахъ, и мы оба, я и Владиміръ, вамъ объ этомъ объявляли; если ты чего хотѣлъ, то почему тогда ничего не сказалъ мнѣ при ханѣ? Теперь объяви мнѣ: самъ ли ты сѣлъ въ Брестѣ своею волею, или по приказанію отца своего? не на мнѣ будетъ кровь, а на виноватомъ; я пошлю за Татарами, а ты сиди пожалуй, не поѣдешь добромъ, такъ зломъ поѣдешь". Потомъ отправилъ епископа владимирскаго къ брату Льву сказать ему: „Жалуюсь Богу и тебѣ, потому что ты мнѣ больше всѣхъ по Богѣ, братъ ты мнѣ старшій; скажи мнѣ правду: своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Брестѣ, или по твоему приказанію? Если по твоему приказанію, то объявляю тебѣ прямо: я послалъ за Татарами и самъ собираю войско;

какъ меня Богъ съ вами разсудить." Левъ испугался, потому что еще у него не сошла оскомина послѣ Телебугина нашествія, говорить лѣтописецъ, и велѣлъ отвѣчать брату: „Сынъ мой это сдѣлалъ безъ моего вѣдома, своимъ молодымъ умомъ, и объ этомъ, братецъ, не безпокойся, я пошлю къ нему, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Бреста." И дѣйствительно послалъ сказать Юрію: „Ступай вонъ изъ города, не погуби земли: братъ послалъ за Татарами; если же не поѣдешь, то я самъ буду помогать брату на тебя, и отрѣшу тебя отъ наслѣдства, все отдамъ брату Мстиславу, если меня, отца своего, не послушаешься." Юрій поѣхалъ изъ Бреста, съ большимъ позоромъ, взявши съ собою главныхъ крамольниковъ, которыхъ поклялся не выдавать дядѣ, пограбивши всѣ дома дядины, и не осталось камня на камнѣ ни въ Брестѣ, ни въ Каменцѣ, ни въ Бѣльскѣ. Мстиславъ пріѣхалъ въ Брестъ и наказалъ его жителей тѣмъ, что заставилъ ихъ содержать ловчихъ княжескихъ, и тѣмъ, что извѣстіе о крамолѣ ихъ велѣлъ внести въ лѣтопись.

Покончивъ такъ удачно съ родственниками, Мстиславъ былъ одинаково счастливъ и въ отношеніяхъ литовскихъ: двое тамошнихъ князей отдали ему свой городъ Волковыйскъ, чтобъ только быть съ ними въ мирѣ. Со стороны Польши не могло быть также никакой опасности: въ то время, когда Конрадъ Семовитовичъ Мазовецкій былъ въ Луцкѣ у Мстислава, въ Любомль къ больному Владиміру пріѣхалъ Ляхъ изъ Люблина и объявилъ, что ищетъ Конрада, потому что Лешко Черный Краковскій умеръ, и Люблинцы послали за Конрадомъ, хотятъ, чтобъ онъ княжилъ въ Краковѣ. Владиміръ велѣлъ дать гонцу свѣжую лошадь, и онъ нагналъ Конрада во Владимирѣ; тотъ сильно обрадовался краковскому княженію, и взявши у Владиміра воеводу волынскаго Дуная, чтобъ было почетнѣе пріѣхать въ Люблинъ, немедленно отправился туда, но нашелъ ворота городскія запертыми. Остановившись въ монастырѣ, онъ послалъ сказать гражданамъ: „Зачѣмъ же вы привели меня, когда теперь городъ передо мною затворили?" Тѣ отвѣчали: „Мы тебя не приводили и не посылали за тобою, голова намъ Краковъ: тамъ воеводы наши и бояре большіе; если станешь княжить въ Краковѣ, то и мы будемъ твои." Послѣ этого вдругъ разнеслась вѣсть, что рать идетъ литовская къ городу: Конрадъ переполошился и вбѣжалъ въ башню къ монахамъ; но оказалось, что рать была не литовская, а русская: привелъ ее князь Юрій Львовичъ, хотѣвшій овладѣть Люблиномъ,

но граждане не приняли и его, стояли вооруженные на стѣнахъ и кричали ему: „Князь! плохо ѣздишь, рать съ тобою малая, придетъ Ляховъ много, позоръ тебѣ будетъ большой.“ Юрій долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ окрестностей краковскихъ, и отправился назадъ съ добычею; поѣхалъ назадъ и Конрадъ Мазовецкій, взявши себѣ позоръ великій, такъ что лучше было бы ему умереть, говоритъ лѣтописецъ.

Шляхта краковская позвала къ себѣ на престолъ старшаго брата его, Болеслава Семовитовича; но княженіе Болеслава не могло быть продолжительно и спокойно, ибо если прежде въ Польшѣ на княжескія отношенія обнаруживали сильное вліяніе вельможи и прелаты, то теперь сюда присоединилось третье сословіе, не туземное, какъ въ Европѣ западной такъ-называемое среднее сословіе, выступившее тогда на сцену вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, но иностранное, нѣмецкое. Нѣмцы краковскіе, сендомирскіе и изъ другихъ городовъ, которымъ не понравился новый князь Болеславъ, обратили свои взоры на Генриха IV, князя силезскаго-вратиславскаго (бреславскаго), Пяста, но совершенно онѣмеченнаго, который сочинялъ нѣмецкія любовныя пѣсни (Minnelieder) и былъ вассаломъ нѣмецкаго императора. Генрихъ принялъ предложеніе краковскихъ гражданъ, часть шляхты приняла также его сторону и онъ успѣлъ выгнать Болеслава. Но тотъ не думалъ еще уступать ему: онъ собралъ войско и призвалъ на помощь роднаго брата Конрада и двоюроднаго Владислава Локетка, собственно законнаго наслѣдника Кракову по родномъ братѣ своемъ, Лешкѣ Черномъ. Мазовецкіе князья пошли на Генриха, и тотъ выѣхалъ въ Бреславль, поручивши охранять краковскую крѣпость Нѣмцамъ, лучшимъ мужамъ своимъ, задобривъ ихъ обѣщаніями даровъ и волостей и оставя имъ много съѣстныхъ припасовъ. Нѣмцы объявили, что сложатъ за него свои головы, а крѣпости не сдадутъ, и сдержали слово: Болеславъ вошелъ въ городъ (посадъ), но крѣпости взять не могъ; при этомъ граждане отказались биться съ крѣпостнымъ гарнизономъ, говоря: „Кто будетъ княжить въ Краковѣ, тотъ нашъ и князь“. Цѣлое лѣто стояли мазовецкіе князья подъ крѣпостью; наконецъ на помощь къ нимъ явился Левъ Даниловичъ галицкій, сталъ ѣздить около крѣпости, стращая гарнизонъ, но приступить ни откуда нельзя было: вся она была каменная, утверждена пороками и самострѣлами, большими и малыми, которые поворачивались во всѣ стороны. Видя

невозможность взять крѣпость, Левъ послалъ войско въ Силезію къ Бреславлю, пустошить наслѣдственную волость Генрихову, и галицкая рать взяла множество добычи, потому что никакое другое войско до нея не входило такъ глубоко въ эту область. Удовольствовавшись этимъ, Левъ окончилъ походъ и поѣхалъ на свиданіе къ чешскому королю Вячеславу; очень вѣроятно, что при этомъ свиданіи была рѣчь и уговоръ насчетъ краковскаго княжества, ибо когда по смерти Генриха силезскаго (1290 г.) за Краковъ подняли вражду Пршемыславъ Великопольскій, внукъ Владислава Одонича, съ Владиславомъ Локеткомъ мазовецкимъ, Краковцы послали къ Вячеславу съ предложеніемъ ему короны, и Вячеславъ согласился принять ее. Ни Пршемыславъ Великопольскій, ни Владиславъ Локетекъ мазовецкій не хотѣли сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу чужеземца, слѣдствіемъ чего была усобица: кому изъ нихъ помогали русскіе князья—Левъ и Мстиславъ Даниловичи—неизвѣстно; извѣстно только то, что они во время этой усобицы входили въ сендомирскую землю и опустошили ее [363]. Наконецъ, по смерти Пршемыслава, Вячеславу чешскому удалось утвердится въ Краковѣ: Пясты, княжившіе въ другихъ польскихъ областяхъ, должны были признать свою зависимость отъ него, какъ отъ короля всей Польши, а самъ Вячеславъ былъ вассалъ императора нѣмецкаго (1300) [364].

Кромѣ потомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Днѣпра упоминаются еще другіе князья изъ другихъ племенъ: такъ подъ 1289 годомъ упоминается Юрій, князь поросскій, служившій волынскимъ князьямъ—Владиміру и потомъ Мстиславу; подъ 1292 годомъ помѣщены извѣстія о смерти пинскаго князя Юрія Владиміровича, и степанскаго [365] князя Ивана Глѣбовича, послѣ котораго сталъ княжить сынъ его Владиміръ.

Изъ князей на восточной сторонѣ Днѣпра мы встрѣтили опять Романа брянскаго съ сыномъ Олегомъ; этотъ Романъ извѣстенъ не по одной борьбѣ своей съ Литвою: въ 1286 году онъ приходилъ подъ Смоленскъ, пожегъ окрестности, посадъ, приступалъ къ крѣпости, но не взявши ее, ушелъ прочь. Изъ другихъ черниговскихъ Ольговичей упоминается Олегъ князь рыльскій и волгорскій, и Святославъ, князь липецкій, по поводу слѣдующаго происшествія. Былъ въ Курскѣ ханскій баскакъ, именемъ Ахматъ, сынъ Темировъ; онъ откупалъ въ Ордѣ всякія дани курскаго княжества, и тяжко было отъ него и князьямъ, и чернымъ людямъ; мало того—онъ построилъ

себѣ двѣ большія слободы во владѣніяхъ князя Олега рыльскаго и волгорскаго и князя Святослава липецкаго. Олегъ и Святославъ были родственники между собою, но, какъ обыкновенно тогда водилось, то жили въ мирѣ, то воевали другъ съ другомъ; нападали они и на Ахматовы слободы, враждовали съ нимъ, и опять мирились, такъ что въ Ордѣ ничего объ этомъ не знали. Но скоро князьямъ нельзя стало болѣе терпѣть у себя этихъ слободъ, которыхъ народонаселеніе увеличилось бѣглецами отовсюду, и окрестнымъ жителямъ стало отъ нихъ уже слишкомъ тяжко. Олегъ и Святославъ начали думать, какъ помочь злу, и рѣшили, чтобъ Олегъ шелъ съ жалобою въ Орду, къ Телебугѣ. Ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу князей, велѣлъ имъ разорить слободы, и жителей ихъ вывести въ свою волость; князья исполнили приказъ ханскій. Тогда Ахматъ, видя, что Телебуга принялъ сторону русскихъ князей, обратился съ жалобою на нихъ къ сопернику Телебугину, Ногаю: „Князь Олегъ и родственникъ его, князь Святославъ, говорилъ онъ Ногаю, именемъ только князья, а на самомъ дѣлѣ разбойники и тебѣ непріятели; если не вѣришь, то испытай: есть въ Олеговой волости много ловищъ лебединыхъ: ты пошли своихъ сокольниковъ, пусть наловятъ тебѣ лебедей, и князь Олегъ пусть съ ними же ловитъ, а потомъ пусть они позовутъ его къ тебѣ: если Олегъ послушается, придетъ къ тебѣ, то я солгалъ, а Олегъ правъ". Ногай сдѣлалъ по Ахматову, послалъ звать къ себѣ Олега, и тотъ не пошелъ: онъ боялся, что хотя самъ онъ и не грабилъ слободъ Ахматовыхъ, но люди его и князь Святославъ липецкій грабили; къ этому можно прибавить также, что пойти къ Ногаю, признать надъ собою его судъ и власть, значило разсердить Телебугу. Сокольники возвратились и объявили Ногаю, что Ахматъ правъ, а Олегъ съ Святославомъ разбойничаютъ и не слушаются хана. Ногай разсердился и послалъ вмѣстѣ съ Ахматомъ войско для опустошенія волости Олеговой и Святославовой. Татары пришли къ городу Ворголу въ январѣ мѣсяцѣ, въ сильную стужу; Олегъ, услыхалъ о Ногаевой рати, бросился бѣжать въ Орду къ своему хану Телебугѣ съ женою и дѣтьми, а Святославъ побѣжалъ въ рязанское княжество, въ лѣса воронежскія; бояре Олеговы побѣжали было въ слѣдъ за своимъ княземъ, но были перехвачены Татарами, въ числѣ одиннадцати человѣкъ. Двадцать дней стояли Татары въ рыльскомъ и липецкомъ княжествахъ, воюя повсюду, и складывая добычу въ слободахъ Ахма-

товыхъ, которыя наполнились людьми и скотомъ и всякимъ богатствомъ. Въ числѣ плѣнниковъ находились и купцы иностранные, нѣмецкіе и цареградскіе, которыхъ привели закованныхъ въ желѣза нѣмецкія; но Татары, узнавши, что они купцы, освободили ихъ, и отдали имъ всѣ товары, сказавши: „Вы купцы торгуете, ходите по всякимъ землямъ, такъ разсказывайте всюду, что̀ бываетъ тому, кто станетъ спорить съ своимъ баскакомъ“. Бояръ Олеговыхъ Ахматъ велѣлъ перебить и трупы ихъ развѣшать по деревьямъ, а въ слободахъ оставилъ двухъ своихъ братьевъ, съ отрядомъ войска изъ Татаръ и Русскихъ.

Въ слѣдующемъ году по веснѣ случилось обоимъ братьямъ Ахматовымъ идти изъ одной слободы въ другую, а съ ними шло 35 человѣкъ Русскихъ, слугъ ихъ. Липецкій князь Святославъ, услыхавъ объ этомъ, подстерегъ ихъ съ своими боярами и дружиною, ударилъ нечаянно, убилъ 25 человѣкъ Русскихъ да двухъ Татаръ, а братья Ахматовы успѣли убѣжать въ слободу; Святославъ преслѣдовалъ ихъ и туда, но слобожане встрѣтили его съ оружіемъ и съ обѣихъ сторонъ пало много людей въ бою. Братья Ахматовы побоялись однако оставаться долѣе въ слободѣ, и побѣжали въ Курскъ къ брату, а за ними разбѣжались и всѣ остальные слобожане. Ахматъ прислалъ къ Святославу съ миромъ, но тотъ убилъ посла. Въ это время возвратился изъ Орды отъ Телебуги князь Олегъ рыльскій, сдѣлалъ поминки по боярамъ своимъ и всѣмъ побитымъ, послѣ чего послалъ сказать Святославу: „что это ты, братъ сдѣлалъ! правду нашу погубилъ, наложилъ на себя и на меня имя разбойничье, знаешь обычай татарскій, да и у насъ на Руси разбойниковъ не любятъ, ступай въ Орду, отвѣчай“. Святославъ велѣлъ сказать ему на это: „Изъ чего ты хлопочешь? какое тебѣ до меня дѣло? я самъ знаю про себя; что̀ хочу, то и дѣлаю; а что баскаковы слободы грабилъ, въ томъ я правъ, не человѣка я обидѣлъ, а звѣря; врагамъ своимъ отомстилъ; не буду отвѣчать ни передъ Богомъ, ни передъ людьми въ томъ, что поганыхъ кровопійцевъ избилъ“. Олегъ послалъ опять сказать ему: „мы цѣловали съ тобою крестъ, что ходить намъ по одной думѣ обоимъ; когда рать была, то ты со мною къ царю не бѣжалъ, остался въ Руси, спрятался въ воронежскихъ лѣсахъ, чтобъ послѣ разбойничать; а теперь погубилъ и мою и свою правду, нейдешь ни къ своему царю, ни къ Ногаю на исправу, такъ какъ тебя со мною Богъ разсудитъ“. Объявивши войну Свя-

тославу, Олегъ отправился въ Орду, пришелъ оттуда съ толпою Татаръ и убилъ Святослава. Мѣсто послѣдняго занялъ братъ его Александръ; онъ не могъ стерпѣть, чтобы не отомстить за брата, пошелъ въ Орду съ богатыми дарами, и взявши отъ хана войско, убилъ князя Олега Рыльскаго съ двумя сыновьями. Лѣтописецъ говоритъ о своемъ разсказѣ, что въ немъ пропущено много подробностей, потому что и малая эта повѣсть можетъ исторгнуть слезы у разумнаго человѣка.

ГЛАВА V.

Борьба между Москвою и Тверью, до кончины великаго князя Іоанна Даниловича Калиты.

(1304—1341).

Соперничество между Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ и Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ.—Борьба за Переяславль.—Юрій увеличиваетъ свою волость.—Наступательныя движенія Твери на Москву.—Борьба Новгорода съ Михаиломъ.—Юрій женится на сестрѣ ханской и воюетъ съ Михаиломъ, который побѣждаетъ его.—Жена Юрія умираетъ въ плѣну тверскомъ.—Вызовъ Михаила въ Орду и убіеніе его.—Юрій получаетъ ярлыкъ на великое княженіе.—Димитрій Михайловичъ Тверской усиливается противъ него въ Ордѣ.—Димитрій убиваетъ Юрія и самъ убитъ по ханскому приказу.—Ханъ отдаетъ великое княженіе брату Димитріеву, Александру Михайловичу.—События въ другихъ княжествахъ.—Продолженіе борьбы у Новгорода со Шведами, у Пскова съ ливонскими Нѣмцами.—Набѣгъ Литвы.—Война Новгородцевъ съ Устюжанами.—Іоаннъ Даниловичъ Калита княжитъ въ Москвѣ.—Митрополитъ Петръ утверждаетъ свой престолъ въ Москвѣ.—Истребленіе Татаръ въ Твери.—Калита съ Татарами опустошаетъ тверское княжество.—Александръ спасается сперва въ Псковѣ, а потомъ въ Литвѣ.—Онъ мирится съ ханомъ и возвращается въ Тверь.—Возобновленіе борьбы между Александромъ и Калитою.—Александръ вызывается въ Орду и умерщвляется тамъ.—Московскій князь примышляетъ къ своей волости.—Судьба Ростова и Твери.—Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ.—Событія въ Новгородѣ и Псковѣ.—Смерть Калиты и его духовныя грамоты.—Усиленіе Литвы на западѣ.—Поляки овладѣваютъ Галичемъ.—Событія на восточной сторонѣ Днѣпра.

По смерти Андрея Александровича, по прежнему обычаю, старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу тверскому [187], потому что онъ былъ внукомъ Ярослава Всеволодовича, а Юрій Даниловичъ московскій правнукомъ, и отецъ его Даніилъ не держалъ стар-

шинства. Но мы уже видѣли, что мѣсто родовыхъ споровъ между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрій московскій былъ также силенъ, если еще не сильнѣе Михаила тверскаго, и потому считалъ себя въ правѣ быть ему соперникомъ. Когда Михаилъ отправлялся въ Орду за ярлыкомъ, то и Юрій поѣхалъ туда же. Когда онъ былъ въ Владимирѣ: митрополитъ Максимъ уговаривалъ его не ходить въ Орду, не спорить съ Михаиломъ, ставилъ себя и тверскую княгиню, мать Михаилову, поруками, что Михаилъ дастъ ему волости, какія только захочетъ [368]. Юрій отвѣчалъ: „Я иду въ Орду такъ, по своимъ дѣламъ, а вовсе не искать великаго княженія“. Онъ оставилъ въ Москвѣ брата своего Ивана, а другаго Бориса отправилъ въ Кострому: но здѣсь Борисъ былъ схваченъ тверскими боярами, которые хотѣли перехватить и самого Юрія на дорогѣ, но тотъ пробрался другимъ путемъ. Опасность грозила Переяславлю, и князь Иванъ Даниловичъ переѣхалъ изъ Москвы сюда оборонять отцовское пріобрѣтеніе отъ Тверичей. Ему дали тайно вѣсть изъ Твери, что хотятъ оттуда придти внезапно подъ Переяславль съ войскомъ, и дѣйствительно подъ городомъ скоро явились тверскіе полки подъ начальствомъ боярина Акинфа [369]. Этотъ Акинфъ былъ прежде бояриномъ у великаго князя Андрея Александровича городецкаго, по смерти котораго вмѣстѣ съ другими боярами перешелъ въ Москву; но туда же пришелъ тогда на службу знаменитый кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ сыномъ и привелъ собственный дворъ, состоявшій изъ 1,700 человѣкъ; московскіе князья обрадовались такому слугѣ и дали ему первое мѣсто между своими боярами. Но этимъ оскорбился Акинфъ, отъѣхалъ къ Михаилу тверскому и теперь спѣшилъ отомстить Даниловичамъ московскимъ за свое безчестье. Онъ три дня держалъ Ивана въ осадѣ; но на четвертый день явился на выручку Родіонъ изъ Москвы, зашелъ Тверичамъ въ тылъ; Иванъ въ то же время сдѣлалъ вылазку изъ города, непріятель потерпѣлъ совершенное пораженіе; Родіонъ собственноручно убилъ Акинфа, взоткнулъ голову его на копье, и поднесъ князю Ивану съ такими словами: „Вотъ, господинъ, твоего измѣнника, а моего мѣстника голова“ [370].

Между тѣмъ въ Ордѣ рѣшился споръ между князьями другимъ образомъ: когда Юрій пріѣхалъ въ Орду, то князья татарскіе сказали ему: „Если ты даешь выходу (дани) больше князя Михаила тверскаго, то мы дадимъ тебѣ великое княженіе. Юрій обѣщалъ

дать больше Михаила, но тотъ надбавилъ еще больше, Юрій отказался и Михаилъ получилъ ярлыкъ [371]. Въ 1305 году Михаилъ возвратился изъ Орды и, узнавъ о смерти боярина своего Акинѳа, пошелъ на Юрія; чѣмъ кончилась эта война, на какихъ условіяхъ помирились соперники, неизвѣстно; но извѣстно, что послѣ этого Юрій московскій началъ стремиться къ усиленію своей волости, не разбирая средствъ; онъ убилъ рязанскаго князя, плѣненнаго отцемъ его Даніиломъ, и удержалъ за собою Коломну, и въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе объ отъѣздѣ братьевъ Юріевыхъ изъ Москвы въ Тверь. Черезъ два года (1308) Михаилъ опять пошелъ къ Москвѣ, бился подъ ея стѣнами, надѣлалъ много зла, но ушелъ, не взявши города. Подъ 1312 годомъ находимъ въ лѣтописяхъ трудное для объясненія извѣстіе, что двѣнадцатилѣтній сынъ Михаила тверскаго, Димитрій, отправился въ походъ на Нижній Новгородъ, на князя Юрія, но во Владимирѣ былъ удержанъ отъ своего намѣренія митрополитомъ Петромъ, и распустилъ войско. [372].

До сихъ поръ мы видѣли наступательныя движенія на Москву со стороны Твери; но въ 1313 году дѣла перемѣнились: ханъ Тохта умеръ, престолъ ханскій занялъ молодой племянникъ его Узбекъ, и Михаилъ спѣшилъ въ Орду взять ярлыкъ отъ новаго хана; этимъ отсутствіемъ рѣшились воспользоваться Новгородцы, чтобъ съ помощію московскаго князя избавиться отъ притѣсненій тверскаго. Уже давно сѣверные князья, по примѣру родоначальнаго своего, Всеволода III, стремились привести Новгородъ въ свою волю, и только соперничеству между ними послѣдній былъ обязанъ продленіемъ своего быта. Когда, по смерти Андрея Александровича, оба князья соперники—и московскій и тверской, отправились въ Орду, Тверичи хотѣли силою ввести въ Новгородъ намѣстниковъ свого князя; но послѣдніе не были приняты Новгородцами, которые немедленно отправили рать оберегать Торжекъ на случай нападенія Тверичей; тверскіе полки дѣйствительно явились у Торжка, но не рѣшились напасть, потому что Новгородцы собрали всю свою землю противъ нихъ; наконецъ положено было, что Новгородцы на свободѣ будутъ дожидаться ханскаго рѣшенія, признаютъ своимъ княземъ того изъ соперниковъ, кто привезетъ ярлыкъ на владимирское княжество. Ярлыкъ привезъ Михаилъ, и Новгородцы въ 1308 году посадили его у себя на столѣ на обычныхъ условіяхъ [373]. Однако въ самомъ

началѣ мы уже встрѣчаемъ повторительныя договорныя грамоты Новгородцевъ съ Михаиломъ, и въ ихъ числѣ находится слѣдующая жалоба Новгородцевъ на двоихъ волостелей [374]. „Князь великій Андрей и весь Новгородъ дали Ѳедору Михайловичу городъ стольный Псковъ, и онъ ѣлъ хлѣбъ; а какъ пошла рать, то онъ отъѣхалъ, городъ бросилъ, новгородскаго и псковскаго поклона не послушалъ, да еще пріѣхавши въ село, новгородскую волость пусту положилъ, братью нашу испродалъ. Тебѣ, князь, не кормить его новгородскимъ хлѣбомъ, кормить его у себя, а за села его мы деньги ему отдадимъ. Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корелою, а онъ Корелу всю истерялъ и за Нѣмцевъ загналъ, да и на Новгородѣ бралъ больше чѣмъ слѣдуетъ. Какъ будешь въ Новгородѣ у отца своего владыки и у своихъ мужей, то намъ съ нимъ судъ передъ тобою, господинъ, и теперь серебра не вели ему брать. И тебѣ, господинъ, новгородскимъ хлѣбомъ не кормить его, пусть выѣдетъ изъ новгородской волости; а за села его деньги отдадимъ.“ Четыре года впрочемъ прошли мирно; на пятый встала ссора: Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ, захватилъ Торжокъ, Бѣжецкъ со всѣми волостями и оставилъ подвозъ хлѣба, чтб всего хуже было для Новгородцевъ; весною, въ распутье, отправили они владыку Давыда въ Тверь, и тотъ успѣлъ заключить миръ: Михаилъ отворилъ ворота для обозовъ и прислалъ опять своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, взявши съ него за миръ 1,500 гривенъ серебра. Легко догадаться, что тверскіе намѣстники не стали воздержлѣе послѣ этого, было отъ нихъ Новгородцамъ много обидъ и нужды, и вотъ въ 1314 году, въ отсутствіе Михаила, Новгородцы послали въ Москву звать къ себѣ князя Юрія. Тотъ отправилъ къ нимъ сначала князя Ѳеодора Ржевскаго, который перехваталъ тверскихъ намѣстниковъ, и пошелъ съ новгородскими полками къ Волгѣ, куда на встрѣчу вышелъ къ нему сынъ Михаиловъ Димитрій съ тверскою ратью. Битвы впрочемъ не было: простоявши до морозовъ у Волги, новгородцы заключили миръ съ Димитріемъ и послали въ другой разъ въ Москву звать къ себѣ князя Юрія на всей волѣ новгородской; Юрій на этотъ разъ пріѣхалъ самъ вмѣстѣ съ братомъ Аѳанасьемъ и рады были Новгородцы своему хотѣнію, говоритъ ихъ лѣтописецъ.

Не долго радовались Новгородцы: ханъ прислалъ звать Юрія въ Орду, и тотъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ послами новгородскими [375], оставивъ въ Новгородѣ брата Аѳанасія; тогда же пришла вѣсть, что

Михаилъ идетъ на Русь, ведетъ съ собою Татаръ. Новгородцы не могли теперь ждать отъ него милости, и рѣшились защищаться силою: князь Аѳанасій вышелъ съ полками къ Торжку и стоялъ здѣсь шесть недѣль, чтобъ перенять вѣсть; вѣсть пришла, что Михаилъ со всею низовою землею и Татарами идетъ на Новгородъ. На этотъ разъ дѣло не обошлось безъ битвы, и битва была злая: новгородцы потеряли много мужей добрыхъ, бояръ и купцовъ, и потерпѣли совершенное пораженіе: князь Аѳанасій съ остаткомъ рати затворился въ Торжкѣ, куда побѣдитель прислалъ сказать Новгородцамъ: „выдайте мнѣ Аѳанасія и Ѳедора Ржевскаго, такъ я съ вами миръ заключу“. Новгородцы отвѣчали: „не выдаемъ Аѳанасія, но помремъ всѣ честно за св. Софію“! Михаилъ прислалъ опять, требовалъ выдачи по крайней мѣрѣ одного Ѳедора Ржевскаго; Новгородцы сперва не соглашались, но потомъ по неволѣ выдали его, кромѣ того заплатили Михаилу 50,000 гривенъ серебра [376] (по другимъ извѣстіямъ только 5000) [377], и заключили миръ. Но Михаилъ, несмотря на мирное постановленіе, призвавши къ себѣ князя Аѳанасія и бояръ новгородскихъ, перехваталъ ихъ и отправилъ заложниками въ Тверь, на жителей Торжка наложилъ окупъ, сколько кто могъ заплатить за себя, отобралъ у нихъ все оружіе, и тогда отправилъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, гдѣ посадничество дано было Семену Климовичу; но по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Михаилъ далъ посадничество изъ своей руки Михаилу Климовичу и Ивану Димитріевичу. Заключенъ былъ договоръ: „что сталось между княземъ и Новгородомъ, какое розратье, что въ эту замятню взято въ княжой волости, или у намѣстниковъ, или уословъ, или гостиный товаръ, или купеческій, или въ церквахъ, или у котораго боярина, и по всей волости, то все князь отложилъ; а что взято новгородскаго товара по всей волости, того всего Новгороду не поминать. Которыя села ли или люди новгородскіе заложились въ эту замятню за князя и за княгиню, или за дѣтей ихъ и бояръ, или кто купилъ села—тотъ возьметъ свои деньги, а села отойдутъ Новгороду, по прежней грамотѣ владыки Ѳеоктиста, что утвердилъ въ Твери. Что взято половину по всей волости новгородской, то пойдетъ къ Новгороду, безъ окупа. Князю великому Михаилу и боярамъ его не водить рати на Новгородъ ни за что, гостя не задерживать въ суздальской землѣ нигдѣ; а за все это взять князю у Новгорода 12,000 серебра, а что взято у залож-

ковъ, то пойдетъ въ счетъ этихъ 12,000; брать эти деньги въ низовый вѣсъ, въ четыре срока; а когда князь все серебро возьметъ, то всѣхъ заложниковъ долженъ отпустить. Нелюбье князь отложилъ отъ Новгорода и отъ Пскова и отъ всѣхъ пригородовъ, и недругамъ своимъ мстить не будетъ; Новгороду держать княженье безъ обиды, а князю великому держать Новгородъ безъ обиды, по старинѣ; опять сѣлъ князь великій Михаилъ на Ѳеоктистовой грамотѣ, которую утвердилъ съ владыкою и послами новгородскими въ Твери. Если Новгородъ заплатитъ все серебро, 12,000, то великій князь долженъ изрѣзать двѣ прежнія грамоты, одну, которая утверждена была въ Городцѣ, на Волгѣ, и другую новоторжскую, что утвердили въ Торжкѣ.“

Договоръ не былъ исполненъ; Новгородцы отправили пословъ къ хану жаловаться на Михаила, но Тверичи поймали пословъ и привели ихъ въ Тверь; въ 1316 году намѣстники Михаиловы выѣхали изъ Новгорода, по другимъ извѣстіямъ, были выгнаны [379], и Михаилъ отправился къ Новгороду со всею низовскою землею, а Новгородцы сдѣлали острогъ около города по обѣ стороны, и къ нимъ на помощь сошлась вся волость: Псковичи, Ладожане, Рушане, Корела, Ижора, Вожане, схватили какого-то Игната Бѣска, били его на вѣчѣ, и сбросили съ моста въ Волховъ, подозрѣвая, что онъ держитъ перевѣтъ къ Михаилу, но правда ли это — Богъ одинъ знаетъ, по замѣчанію лѣтописца; тогда же убитъ былъ и Данилко Писцовъ своимъ холопомъ, который донесъ горожанамъ, что господинъ посылалъ его съ грамотами къ князю Михаилу. Между тѣмъ Михаилъ приближался съ войскомъ и сталъ въ 50 верстахъ отъ города [380]; но собственная болѣзнь, моръ на лошадей, вѣсть о враждебныхъ намѣреніяхъ Юрія московскаго заставили его отступить [381], и отступленіе было гибельно: тверскіе ратники заблудились въ озерахъ и болотахъ, начали мерсть отъ голода, ѣли конину, оружіе свое пожгли или побросали, и пришли пѣшкомъ домой. Въ надеждѣ, что эта бѣда сдѣлаетъ Михаила уступчивымъ, Новгородцы, въ слѣдующемъ 1317 году отправили къ нему владыку Давыда съ мольбою отпустить на окупъ новгородскихъ заложниковъ; но Михаилъ не послушалъ просьбы архіепископской; ему, какъ видно, нужно было имѣть въ рукахъ новгородскихъ заложниковъ въ предстоящей борьбѣ съ Юріемъ московскимъ.

Юрій не даромъ жилъ въ Ордѣ; онъ не только оправдался въ обвиненіяхъ Михаиловыхъ, но умѣлъ сблизиться съ семействомъ хана и женился на сестрѣ его, Кончакѣ, которую при крещеніи назвали Агаѳіею. Ханскій зять возвратился въ Русь съ сильными послами татарскими, изъ которыхъ главный былъ Кавгадый; одинъ Татаринъ отправился въ Новгородъ звать на Михаила его жителей; но послѣдніе, еще не зная, гдѣ князь Юрій, заключили съ Михаиломъ договоръ въ Торжкѣ, по которому обязались не вступаться ни за одного изъ соперниковъ, послѣ чего тверской князь, собравши войско и снесшись съ другими князьями, пошелъ къ Костромѣ на встрѣчу Юрію; долго соперники стояли на берегу Волги, наконецъ заключили договоръ, въ содержаніи котораго источники разногласятъ: по однимъ извѣстіямъ Юрій уступилъ великое княженіе Михаилу [382], по другимъ, наоборотъ, Михаилъ уступилъ его Юрію [383]. Какъ бы то ни было, дѣло этимъ не кончилось; Михаилъ, возвратясь въ Тверь, сталъ укрѣплять этотъ городъ, ожидая, какъ видно, къ себѣ врага, и дѣйствительно Юрій остался въ Костромѣ, собирая отовсюду войска. Когда пришли къ нему князья суздальскіе и другіе, то онъ двинулся изъ Костромы къ Ростову, изъ Ростова пошелъ къ Переяславлю, изъ Переяславля къ Дмитрову, изъ Дмитрова къ Клину; а Новгородцы уже дожидались его въ Торжкѣ. Наконецъ войска Юрьевы пошли въ тверскую волость и сильно опустошили ее; послы Кавгадыевы ѣздили въ Тверь къ Михаилу съ лестію, по выраженію лѣтописца, но мира не было, и въ 40 верстахъ отъ Твери при селѣ Бортеневѣ произошелъ сильный бой, въ которомъ Михаилъ остался побѣдителемъ; Юрій съ небольшою дружиною успѣлъ убѣжать въ Новгородъ, но жена его, братъ Борисъ, многіе князья и бояре остались плѣнными въ рукахъ побѣдителя. Кавгадый, видя торжество тверскаго князя, велѣлъ дружинѣ своей бросить стяги и бѣжать въ станъ, а на другой день послалъ къ Михаилу съ мирными предложеніями, и поѣхалъ къ нему въ Тверь. Михаилъ принялъ его съ честію, и Татары стали говорить ему: „Мы съ этихъ поръ твои, да и приходили мы на тебя съ княземъ Юріемъ безъ ханскаго приказа, виноваты и боимся отъ хана опалы, что такое дѣло сдѣлали и много крови пролили". Князь Михаилъ повѣрилъ имъ, одарилъ и отпустилъ съ честію.

Между тѣмъ Юрій явился опять у Волги, и съ нимъ весь Новгородъ и Псковъ съ владыкою своимъ Давыдомъ: понятно, что Нов-

городъ долженъ былъ вступиться за Юрія, не ожидая себѣ добра отъ усиленія Михаилова, Тверской князь вышелъ къ непріятелю на встрѣчу, но битвы не было: заключили договоръ, по которому оба соперника обязались идти въ Орду и тамъ рѣшить свои споры; Михаилъ обязался также освободить жену Юріеву и брата; Новгородцы заключили съ нимъ особый договоръ, какъ съ постороннимъ владѣльцемъ [384] (1317 г.). Но жена Юріева не возвратилась въ Москву: она умерла въ Твери, и пронесся слухъ, что ее отравили. Этотъ слухъ былъ выгоденъ Юрію и опасенъ для Михаила въ Ордѣ, и когда тверской князь отправилъ въ Москву посла Александра Марковича съ мирными предложеніями, то Юрій убилъ посла и поѣхалъ въ Орду съ Кавгадыемъ со многими князьями, боярами и Новгородцами.

Начальникомъ всего зла лѣтописецъ называетъ Кавгадыя: по Кавгадыеву совѣту Юрій пошелъ въ Орду, Кавгадый наклеветалъ хану на Михаила, и разсерженный Узбекъ велѣлъ схватить сына Михаилова, Константина, посланнаго отцомъ передъ собою въ Орду; ханъ велѣлъ было уморить голодомъ молодаго князя, но нѣкоторые вельможи замѣтили ему, что если онъ умертвитъ сына, то отецъ никогда не явится въ Орду, и Узбекъ приказалъ выпустить Константина. Что же касается до Кавгадыя, то онъ боялся присутствія Михаилова въ Ордѣ, и послалъ толпу Татаръ перехватить его на дорогѣ и убить; но это не удалось; чтобъ воспрепятствовать другимъ способомъ пріѣзду Михаилову, Кавгадый сталъ говорить хану, что тверской князь никогда не пріѣдетъ въ Орду, что нечего его дожидаться, а надобно послать на него войска. Но въ августѣ 1318 года Михаилъ отправился въ Орду, и когда былъ во Владимирѣ, то явился туда къ нему посолъ изъ Орды, именемъ Ахмылъ и сказалъ ему: „Зоветъ тебя, ханъ, поѣзжай скорѣе, поспѣвай въ мѣсяцъ; если же не пріѣдешь къ сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои: Кавкадый обнесъ тебя передъ ханомъ, сказалъ что не бывать тебѣ въ Ордѣ". Бояре стали говорить Михаилу: „Одинъ сынъ твой въ Ордѣ, пошли еще другаго". Сыновья его, Димитрій и Александръ, также говорили ему: „Батюшка! Не ѣзди въ Орду самъ, но пошли кого-нибудь изъ насъ, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнѣвъ его пройдетъ". Михаилъ отвѣчалъ имъ: „Ханъ зоветъ не васъ, и никого другаго, а моей головы хочетъ; не поѣду, такъ вотчина моя вся будетъ опустошена и множество христіанъ

избито; послѣ когда-нибудь надобно же умирать, такъ лучше теперь положу душу мою за многія души“. Давши рядъ сыновьямъ, раздѣливъ имъ отчину свою, написавши грамоту, Михаилъ отправился въ Орду, настигъ хана на устьѣ Дона, по обычаю отнесъ подарки всѣмъ князьямъ ордынскимъ, женамъ ханскимъ, самому хану, и полтора мѣсяца жилъ спокойно; ханъ далъ ему пристава, чтобъ никто не смѣлъ обижать его. Наконецъ Узбекъ вспомнилъ о дѣлѣ и сказалъ князьямъ своимъ: „Вы мнѣ говорили на князя Михаила: такъ разсудите его съ московскимъ княземъ, и скажите мнѣ, кто правъ и кто виноватъ“. Начался судъ; два раза приводили Михаила въ собраніе вельможъ ордынскихъ, гдѣ читали ему грамоты обвинительныя: „Ты былъ гордъ и непокорливъ хану нашему, ты позорилъ посла ханскаго Кавгадыя, бился съ нимъ и Татаръ его побилъ, дани ханскія бралъ себѣ, хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ съ казною, и казну въ Римъ къ папѣ отпустилъ, княгиню Юрьеву отравилъ“. Михаилъ защищался; но судьи стояли явно за Юрія и Кавгадыя, причемъ послѣдній былъ вмѣстѣ и обвинителемъ, и судьею. Въ другой разъ Михаила привели на судъ уже связаннаго; потомъ отобрали у него платье, отогнали бояръ, слугъ и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повели за ханомъ, который ѣхалъ на охоту; по ночамъ руки у Михаила забивали въ колодки, и такъ какъ онъ постоянно читалъ псалтирь, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы. Орда остановилась за рѣкою Терекомъ, на рѣкѣ Севенцѣ, подъ городомъ Дедяковымъ, не далеко отъ Дербента. На дорогѣ отроки говорили Михаилу: „Князь! Проводники и лошади готовы, бѣги въ горы, спаси жизнь свою“. Михаилъ отказался: „Если я одинъ спасусь, говорилъ онъ, а людей своихъ оставлю въ бѣдѣ, то какая мнѣ будетъ слава“? Уже двадцать четыре дня Михаилъ терпѣлъ всякую нужду, какъ однажды Кавгадый велѣлъ привести его на торгъ, созвалъ всѣхъ заимодавцевъ, велѣлъ поставить князя передъ собою на колѣна, величался и говорилъ много досадныхъ словъ Михаилу, потомъ сказалъ ему: „Знай, Михайло! Таковъ ханскій обычай: если ханъ разсердится на кого и изъ родственниковъ своихъ, то также велитъ держать его въ колодкѣ, а потомъ, когда гнѣвъ минетъ, то возвращаетъ ему прежнюю честь; такъ и тебя завтра или послѣ завтра освободятъ отъ всей этой тяжести, и въ большей чести будешь“;—послѣ чего обратясь къ сторожамъ, прибавилъ: „Зачѣмъ не снимете съ него

колоды“? Тѣ отвѣчали: „Завтра или послѣ завтра снимемъ, какъ ты говоришь“.—„Ну, по крайней мѣрѣ, поддержите колодку, чтобъ не отдавила ему плечъ“, сказалъ на это Кавгадый, и одинъ изъ сторожей сталъ поддерживать колодку. Наругавшись такимъ образомъ надъ Михаиломъ, Кавгадый велѣлъ отвести его прочь; но тотъ захотѣлъ отдохнуть и велѣлъ отрокамъ [385] своимъ подать себѣ стулъ; около него собралась большая толпа Грековъ, Нѣмцевъ, Литвы и Руси: тогда одинъ изъ приближенныхъ сказалъ ему: „Господинъ князь! Видишь, сколько народа стоитъ и смотритъ на позоръ твой, а прежде они слыхали, что былъ ты княземъ въ землѣ своей; пошелъ бы ты въ свою вежу“. Михаилъ всталъ и пошелъ домой. Съ тѣхъ поръ на глазахъ его были всегда слезы, потому что онъ предугадывалъ свою участь. Прошелъ еще день, и Михаилъ велѣлъ отпѣть заутреню, часы, прочелъ со слезами правило къ причащенію, исповѣдался, призвалъ сына своего Константина, чтобъ объявить ему послѣднюю свою волю, потомъ сказалъ: „Дайте мнѣ псалтирь, очень тяжело у меня на душѣ“. Открылся псаломъ: „Сердце мое смутися во мнѣ, и страхъ смертныйпріиде на мя“.—„Что значитъ этотъ псаломъ“? спросилъ князь у священниковъ; тѣ, чтобъ не смутить его еще больше, указали ему на другой псаломъ: „Возверзи на Господа печаль свою, и той тя пропитаетъ и не дастъ во вѣки смятенія праведному“. Когда Михаилъ пересталъ читать и согнулъ книгу, вдругъ вскочилъ отрокъ въ вежу, блѣдный, и едва могъ выговорить: „Господинъ князь! Идутъ отъ хана Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ“! Михаилъ тотчасъ всталъ и со вздохомъ сказалъ: „Знаю, зачѣмъ идутъ, убить меня“; и послалъ сына своего Константина къ ханшѣ. Юрій и Кавгадый отрядили къ Михаилу въ вежу убійцъ, а сами сошли съ лошадей на торгу, потому что торгъ былъ близко отъ вежи на перелетъ камня. Убійцы вскочили въ вежу, разогнали всѣхъ людей, схватили Михаила за колоду и ударили его объ стѣну, такъ что вежа проломилась; не смотря на то Михаилъ вскочилъ на ноги, но тогда бросилось на него множество убійцъ, повалили на землю и били пятами нещадно, наконецъ одинъ изъ нихъ, именемъ Романецъ, выхватилъ большой ножъ, ударилъ имъ Михаила въ ребро и вырѣзалъ сердце [386]. Вежу разграбили Русь и Татары, тѣло мученика бросили нагое. Когда Юрію и Кавгадыю дали знать, что Михаилъ уже убитъ, то они пріѣхали къ тѣлу, и Кавгадый съ сер-

цемъ сказалъ Юрію: „Старшій братъ тебѣ вмѣсто отца; чего же ты смотришь, что тѣло его брошено нагое“? Юрій велѣлъ своимъ прикрыть тѣло, потомъ положили его на доску, доску привязали къ телѣгѣ и перевезли въ городъ Маджары [387]; здѣсь гости, знавшіе покойника, хотѣли прикрыть тѣло его дорогими тканями и поставить въ церкви, съ честію, со свѣчами, но бояре московскіе не дали имъ и поглядѣть на покойника и съ бранью поставили его въ хлѣвѣ за сторожами; изъ Маджаръ повезли тѣло въ Русь, привезли въ Москву и похоронили въ Спасскомъ монастырѣ. Изъ бояръ и слугъ Михайловыхъ спаслись только тѣ, которымъ удалось убѣжать къ ханшѣ; другихъ же ограбили до нага, били какъ злодѣевъ и заковали въ желѣза (1319 г.).

Въ 1320 году Юрій возвратился въ Москву съ ярлыкомъ на великое княженіе и привелъ съ собою молодаго князя тверскаго Константина и бояръ его въ видѣ плѣнниковъ; мать и братья Константиновы, узнавши о кончинѣ Михаила и погребеніи его въ Москвѣ, прислали просить Юрія, чтобъ отпустилъ тѣло въ Тверь; Юрій исполнилъ ихъ просьбу не прежде, какъ сынъ Михаиловъ Александръ явился къ нему во Владимиръ и заключилъ миръ, вѣроятно, на условіяхъ, предписанныхъ московскимъ княземъ. Въ томъ же году Юрій отправилъ въ Новгородъ брата своего Аѳанасія и ходилъ войною на рязанскаго князя Ивана, съ которымъ заключилъ миръ, а подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о сборахъ Юрія на тверскихъ князей; но войны не было: князь Дмитрій Михайловичъ отправилъ къ Юрію въ Переяславль пословъ и заключилъ миръ, по которому заплатилъ московскому князю 2000 рублей серебра и обязался не искать подъ нимъ великаго княженія. Двѣ тысячи рублей взяты были для хана; но Юрій не пошелъ съ ними на встрѣчу къ татарскому послу, отправился въ Новгородъ, куда призывали его для дѣлъ ратныхъ. Этимъ воспользовался Димитрій тверской, поѣхалъ въ Орду и выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе; есть извѣстіе, что онъ объяснилъ хану всю неправду Юрія и особенно Кавгадыя, и что ханъ велѣлъ казнить послѣдняго, а Димитрію далъ великое княженіе, узнавши отъ него, что Юрій собираетъ дань для хана и удерживаетъ ее у себя [388]. Послѣднее извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что находится въ прямой связи съ приведеннымъ выше извѣстіемъ лѣтописи объ удержаніи тверскаго в ы х о д а Юріемъ; въ связи съ извѣстіемъ о гнѣвѣ ханскомъ на Юрія на-

ходится также извѣстіе о татарскомъ послѣ Ахмылѣ, который сдѣлалъ много зла низовской землѣ, много избилъ христіанъ, а другихъ повелъ рабами въ Орду. Какъ бы то ни было, впрочемъ, Тверь взяла перевѣсъ; Юрій видѣлъ необходимость идти опять въ Орду, и усердно просилъ Новгородцевъ, чтобъ проводили его: но на дорогѣ, на рѣкѣ Урдомѣ [389], онъ былъ захваченъ врасплохъ братомъ Димитріевымъ Александромъ, казна его была отнята, самъ же онъ едва спасся въ Псковъ, откуда опять пріѣхалъ въ Новгородъ, ходилъ съ Новгородцами на берега Невы, потомъ въ Заволочьѣ, и оттуда уже отправился въ Орду по Камѣ, будучи позванъ посломъ ханскимъ, въ 1324 году. Димитрій Тверской не хотѣлъ пускать соперника одного въ Орду, и поспѣшилъ туда самъ. Мы не знаемъ подробностей о встрѣчѣ двухъ враговъ; лѣтописецъ говоритъ, что Димитрій убилъ Юрія, понадѣявшись на благоволеніе ханское. Узбекъ однако сильно осердился на это самоуправство, долго думалъ, наконецъ велѣлъ убить Димитрія (1325 г.); но великое княженіе отдалъ брату его Александру; такимъ образомъ Тверь не теряла ничего ни отъ смерти Михаила, ни отъ смерти Димитрія; въ третій разъ первенство и сила перешли къ ея князю.

Взглянемъ теперь, что происходило въ другихъ княжествахъ во время этой первой половины борьбы между Москвою и Тверью. Въ годъ смерти великаго князя Андрея Александровича (1304) вспыхнулъ мятежъ въ Костромѣ: простые люди собрали вѣче на бояръ, и двое изъ послѣднихъ были убиты; въ слѣдующемъ году въ Нижнемъ-Новгородѣ черные люди избили бояръ князя Андрея Александровича; но въ томъ же году возвратился изъ Орды князь Михаилъ Андреевичъ и перебилъ всѣхъ вѣчниковъ, которые умертвили бояръ. Здѣсь представляется вопросъ: кто былъ этотъ князь Михаилъ Андреевичъ? До сихъ поръ утверждено было мнѣніе, что всѣ князья суздальскіе происходятъ отъ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михаилъ—Василій—Константинъ—Димитрій и т. д. Въ самомъ дѣлѣ лѣтопись говоритъ, что послѣ Андрея Ярославича осталось двое сыновей—Юрій и Михаилъ [390]. Юрій умеръ въ 1279 году, и вмѣсто него садится въ Суздалѣ братъ его Михаилъ [391]; потомъ лѣтопись упоминаетъ о смерти сына Михаилова, Василія въ 1309 году [392]; потомъ встрѣчаемъ Александра и Константина Васильевичей Суздальскихъ, которыхъ легко принять за дѣтей Василья Михайловича. И дѣйствительно

въ большей части родословныхъ эти князья показаны происходящими отъ Андрея Ярославича. Но вотъ подъ 1364 годомъ читаемъ въ лѣтописи извѣстіе о кончинѣ князя Андрея Константиновича Суздальскаго, и этотъ князь называется потомкомъ не Андрея Ярославича, но Андрея Александровича, сына Невскаго, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михаилъ—Василій—Константинъ [393]. Въ извѣстіи о кончинѣ брата Андреева, Димитрія Константиновича, повторена та же родословная. Эта послѣдняя родословная объявлена ошибочною; утверждено, что князь Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, у котораго дѣтей не было, кромѣ Бориса, умершаго при жизни отца. Но начемъ же основано такое утвержденіе? Основываются на томъ [394], что по смерти Андрея Александровича, бояре, не имѣя государя, уѣхали къ Михаилу Тверскому. Но еслибъ Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Александровича, то бояре послѣдняго могли по разнымъ причинамъ отъѣхать къ Михаилу Тверскому, имѣя за собою право отъѣзда. Мы привели извѣстія лѣтописи объ избіеніи бояръ черными людьми въ Нижнемъ-Новгородѣ и о наказаніи мятежниковъ княземъ Михаиломъ Андревичемъ; но если Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, то почему бояре послѣдняго являются въ его княжествѣ и распоряжаются такъ, что возбуждаютъ противъ себя черныхъ людей? Это показываетъ, съ другой стороны, что не всѣ бояре Андрея Александровича отъѣхали въ Тверь; часть ихъ, и, можетъ быть, большая, дожидалась въ Нижнемъ прибытія князя Михаила Андреевича, сына своего прежняго князя. И такъ отъѣздъ бояръ не причина признавать Михаила Андреевича сыномъ Андрея Ярославича, а не Александровича. Но есть еще другія указанія, подтверждающія родословную лѣтописи: Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ грамотѣ о своемъ избраніи, говоря о происхожденіи своемъ ведетъ общій родъ до Александра Невскаго, котораго называетъ своимъ п р а р о д и т е л е м ъ, и послѣ Александра начинаетъ развѣтвленіе рода на двѣ отрасли: отрасль Андрея Александровича, отъ котораго пошли они, князья суздальскіе-Шуйскіе, и отрасль Даніила Александровича, отъ котораго пошли князья, потомъ цари московскіе: „Учинились мы на отчинѣ прородителей нашихъ, царемъ и великимъ княземъ на россійскомъ государствѣ, которое даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, и потомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, до прародителя нашего великаго князя Александра Яросла-

вича Невскаго на россійскомъ государствѣ были прародители мои, а потомъ на Суздальскій удѣлъ отдѣлилисъ, не отнятіемъ, не по неволѣ, но какъ обыкновенно большіе братья на большія мѣста садились [395]." Линія Андрея Александровича отдѣлились на Суздальскій удѣлъ, какъ обыкновенно большіе братья саживались на большія мѣста: въ самомъ дѣлѣ Андрей Александровичъ былъ большой братъ Даніилу Александровичу, и Суздаль былъ большое мѣсто относительно Москвы. И такъ вопросъ о происхожденіи князей суздальскихъ нижегородскихъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно.

Въ Ростовѣ, въ 1309 году умеръ князь Константинъ Борисовичъ, и мѣсто его заступилъ сынъ Василій; другаго, Александра, мы видѣли въ Угличѣ; подъ 1320 годомъ упоминается о смерти сына его, Юрія Александровича. Въ Ярославлѣ въ 1321 году умеръ князь Давыдъ, сынъ Θедора Ростиславича Чернаго, смоленскаго; мѣсто его занялъ сынъ Василій Давыдовичъ. Въ Галичѣ упоминается подъ 1310 годомъ князь Василій Константиновичъ, внукъ Ярослава Всеволодовича, княжившій, какъ видно, по братѣ своемъ Давыдѣ. Въ Стародубѣ, по смерти внука Всеволода III, Михаила Ивановича, княжилъ сынъ его Иванъ, умершій въ 1315 году; мѣсто покойнаго заступилъ сынъ его Θедоръ Ивановичъ. Въ Рязани послѣ Константина Романовича, убитаго въ Москвѣ, княжилъ сынъ его Василій, который былъ убитъ въ Ордѣ въ 1308 году; въ 1320 году видимъ въ Рязани двоюроднаго брата Василіева, князя Ивана Ярославича, противъ котораго предпринималъ походъ Юрій Московскій. Въ 1313 году умеръ князь Александръ Глѣбовичъ Смоленскій, оставивъ двоихъ сыновей, Василія и Ивана.

Касательно внѣшнихъ отношеній упоминается подъ 1308 годомъ о нашествіи Татаръ на Рязань, имѣвшемъ, какъ видно, связь съ убіеніемъ тамошняго князя Василія Константиновича въ Ордѣ. Въ 1318 году приходилъ изъ Орды лютый посолъ, именемъ Конча, убилъ 120 человѣкъ у Костромы, потомъ пошелъ и весь Ростовъ повоевалъ ратію. Въ 1320 г. посолъ Байдера много зла надѣлалъ во Владимирѣ; въ 1321 г. Татаринъ Таянчаръ былъ тяжекъ Кашину; въ 1322 году посолъ Ахмылъ надѣлалъ много зла низовымъ городамъ, Ярославль взялъ и повелъ много плѣнниковъ въ Орду [396]. —На сѣверозападѣ продолжалась старая борьба—у Новгорода со Шведами, у Пскова съ Ливонскими Нѣмцами. Въ 1310 году Новгородцы въ ладьяхъ и лойвахъ вошли въ Ладожское озеро, въ

рѣку Узерву, и построили на порогѣ новый городъ, разрушивши старый [397]. Въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ князя Дмитрія Романовича Смоленскаго, они отправились войною за море, въ шведскія владѣнія, въ Финляндію (Емь); переѣхавши море, повоевали сначала берега Купецкой рѣки, села пожгли, людей побрали въ плѣнъ, скотъ побили; потомъ взяли всю Черную рѣку, по ней подплыли къ городу Ванаю, городъ взяли и сожгли; Шведы заперлись во внутренней крѣпости или дѣтинцѣ, построенномъ на высокой неприступной скалѣ, и прислали къ Новгородцамъ съ поклономъ просить мира, но тѣ мира не дали и стояли трое сутокъ подъ городомъ, опустошая окрестную страну: села большія пожгли, хлѣбъ весь потравили, а изъ скота не оставили ни рога; потомъ пошли взяли мѣста по рѣкамъ Кавгалѣ и Перпѣ, выплыли этими рѣками въ море и возвратились въ Новгородъ всѣ здоровы [398]. Шведы отомстили Новгородцамъ сожженіемъ Ладоги въ 1313 году. Мы уже видѣли попытки Корелы отложиться отъ Новгорода и попытки Шведовъ утвердиться въ корельской землѣ; видѣли и причину неудовольствія Корелы въ жалобѣ Новгородцевъ на княжескаго намѣстника, Бориса Константиновича, который своими притѣсненіями заставлялъ Корелянъ бѣжать къ Шведамъ; въ 1314 году встрѣчаемъ новое извѣстіе о возстаніи Корелянъ: они перебили Русскихъ, находившихся въ корельскомъ городкѣ, и ввели къ себѣ Шведовъ. Новгородцы однако не долго позволяли Корелѣ оставаться за Шведами: въ томъ же году пошли они съ намѣстникомъ великаго князя Михаила Ярославича, Ѳедоромъ къ городу, и перебили въ немъ всѣхъ Шведовъ и перевѣтниковъ Корелянъ. Черезъ два года непріятельскія дѣйствія возобновились: Шведы въ 1317 году вошли въ Ладожское озеро и побили много обонѣжскихъ купцовъ; а въ слѣдующемъ году Новгородцы отправились за море, и много воевали: взяли Або и находившійся не далеко отъ него епископскій замокъ. Въ 1322 году Шведы опять пришли драться къ корельскому городку, но не могли взять его; вслѣдъ за этимъ Новгородцы съ в. к. Юріемъ пошли къ Выборгу и били его 6-ю пороками, но взять не могли, перебили только много Шведовъ въ городѣ и взяли въ плѣнъ, изъ плѣнниковъ—однихъ перевѣшали, другихъ отправили въ суздальскую землю (на Низъ), потеряли нѣсколько и своихъ добрыхъ мужей. Надобно было ждать мести отъ Шведовъ, и Новгородцы въ 1323 году укрѣпили истокъ Невы изъ

Ладожскаго озера, поставили городъ на Орѣховомъ островѣ (Орѣшекъ); но вмѣсто рати явились послы шведскіе съ мирными предложеніями, и заключенъ былъ миръ вѣчный по старинѣ. Юрій съ Новгородцами уступили Шведамъ три корельскихъ округа: Саволаксъ, Ескисъ и Егрепя [399]. Подъ 1320 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о враждебномъ столкновеніи съ Норвежцами; какой-то Лука, сказано, ходилъ на Норвежцевъ, кототые разбили суда какого-то Игната Молыгина.

По смерти Довмонта для Пскова наступило тяжелое время; на востокѣ князья заняты усобицами, тамъ идетъ важный вопросъ о томъ, какому княжеству пересилить всѣ остальныя и собрать землю Русскую; Новгородъ также занятъ этими усобицами и борьбою со Шведами; притомъ же у него со Псковомъ начинаются непріятности, переходящія иногда въ открытую вражду, причины которой въ лѣтописи не высказаны ясно. Стремленіе Пскова выйти изъ подъ опеки старшаго брата своего Новгорода мы замѣчаемъ съ самаго начала: послѣ это стремленіе все болѣе и болѣе усиливается; Новгородцы, разумѣется не могли смотрѣть на это равнодушно, и не могли близко принимать къ сердцу затруднительное положеніе младшихъ братьевъ: отсюда жалобы послѣднихъ на холодность Новгородцевъ, оставленіе безъ помощи, что еще болѣе усиливало размолвку; при томъ же, не имѣя возможности давать чувствовать Псковичамъ свое господство въ политическомъ отношеніи, Новгородцы сильно давали чувствовать его въ церковномъ, вслѣдствіе того, что Псковъ былъ подвѣдомственъ ихъ владыкѣ: отсюда новыя непріятности и стремленіе Псковичей отложиться отъ новгородскаго владыки, получить для себя особаго епископа [400]. Когда князья Русскіе пріѣзжали во псковъ, то граждане принимали ихъ съ честью, отъ всего сердца [401]; но эти князья не могли ходить съ Псковичами на Нѣмцевъ или отсиживаться въ осадѣ отъ нихъ; такъ были во Псковѣ по необходимости на короткое время—князь Дмитрій Александровичъ и Юрій Даниловичъ. Не видя помощи отъ Русскихъ князей, Псковитяне принуждены бывали посылать за литовскими. Въ 1322 году Нѣмцы, во время мира, перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ и рыболововъ на рѣкѣ Паровѣ, опустошили часть псковской волости; Псковичи послали въ Литву за княземъ Давыдомъ; пошли съ нимъ за Парову и опустошили землю до самаго Ревеля. Въ мартѣ 1323 года пришли Нѣмцы подъ Псковъ со всею силою, стояли у города три дня

и ушли съ позоромъ; но въ маѣ явились опять, загордившись, въ силѣ тяжкой, безъ Бога; пришли на корабляхъ, въ лодкахъ и коняхъ, со стѣнобитными машинами, подвижными городками и многимъ замышленіемъ. На первомъ приступѣ убили посадника, стояли у города 18 дней, били стѣны машинами, придвигали городки, приставляли лѣстницы. Въ это время много гонцовъ гоняло изъ Пскова къ великому князю Юрію Даниловичу и къ Новгороду, со многою печалію и тугою, потому что очень тяжко было въ то время Пскову, какъ вдругъ явился изъ Литвы князь Давыдъ съ дружиною, ударилъ вмѣстѣ съ Псковичами на Нѣмцевъ, прогналъ ихъ за рѣку Великую, машины отнялъ, городки зажегъ, и побѣжали Нѣмцы со стыдомъ; а князь великій Юрій и Новгородцы не помогли, прибавляетъ псковскій лѣтописецъ.

Литовцы въ 1323 году напали на страну по рѣкѣ Ловати, но были прогнаны Новгородцами.—Мы видѣли волненія среди Корелъ, видѣли и прежде возстанія финскихъ племенъ въ двинской области противъ Новгородцевъ; въ 1323 году началась у послѣднихъ вражда съ Устюжанами, которые перехватили Новгородцевъ, ходившихъ на Югру и ограбили ихъ. Задвинскія дани и торговля были главнымъ источникомъ богатства для Новгородцевъ, и потому они не могли оставить этого дѣла безъ вниманія: въ слѣдующемъ же году, съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ, они пошли въ Заволочье и взяли Устюгъ на щитъ; когда они были на Двинѣ, то князья устюжскіе прислали къ Юрію и Новгородцамъ просить мира и заключили его на старинныхъ условіяхъ. Въ чемъ состояли эти старинныя условія, мы не знаемъ; знаемъ только то, что еще въ 1220 году великій князь Юрій Всеволодовичъ, собирая войско на Болгаръ, велѣлъ ростовскому князю взять также и полки устюжскіе; изъ этого извѣстія можно только заключить о зависимости Устюга отъ ростовскихъ князей.

Таковы были отношенія сѣверной Руси къ сосѣднимъ народамъ въ первую половину борьбы между Тверью и Москвою, до смерти Димитрія тверскаго и Юрія московскаго. Димитрію наслѣдовалъ, какъ мы видѣли, братъ его Александръ Михаиловичъ, съ ярлыкомъ и на великое княженіе, Юрію также братъ—Іоаннъ Даниловичъ Калита, остальные братья котораго—Александръ, Аѳанасій, Борисъ умерли еще при жизни Юрьевой. Калита, слѣдовательно, княжилъ одинъ въ московской волости; какъ видно, онъ управлялъ Москвою

гораздо прежде смерти Юрія, когда послѣдній находился то въ Ордѣ, то въ Новгородѣ; иначе онъ не имѣлъ бы времени сблизиться съ митрополитомъ Петромъ, ибо Юрій убитъ въ 1325 году, а митрополитъ Петръ умеръ въ 1326. Еще въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найти безопасности, и переѣхалъ на жительство во Владиміръ. Послѣдній городъ былъ столицею великихъ, или сильнѣйшихъ князей только по имени, ибо каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ городѣ; однако пребываніе митрополита во Владимірѣ, при тогдашнемъ значеніи и дѣятельности духовенства, сообщало этому городу видъ столицы болѣе, чѣмъ преданіе и обычай. Послѣ этого ясно, какъ важно было для какого-нибудь города, стремившагося къ первенству, чтобъ митрополитъ утвердилъ въ немъ свое пребываніе; это необходимо давало ему видъ столицы всея Руси, ибо единство послѣдней поддерживалось въ это время единымъ митрополитомъ, мало того, способствовало его возрастанію и обогащенію, ибо въ него со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія; наконецъ митрополитъ долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго имѣлъ пребываніе. Калита умѣлъ пріобрѣсть расположеніе митрополита Петра, такъ что этотъ святитель живалъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, умеръ и погребенъ въ ней. Гробъ святаго мужа былъ для Москвы такъ же драгоцѣненъ, какъ и пребываніе живаго святителя: выборъ Петра казался внушеніемъ Божіимъ, и новый митрополитъ Θеогностъ уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворцева. Петръ, увѣщевая Калиту построить въ Москвѣ каменную церковь Богоматери, говорилъ: „Если меня, сынъ, послушаешься, храмъ Пречистой Богородицы построишь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители станутъ въ немъ жить, и подчинитъ онъ себѣ всѣ остальные города“. Другіе князья хорошо видѣли важныя послѣдствія этого явленія, и сердились; но помочь было уже нельзя.

Но въ то время, какъ московскій князь утвержденіемъ у себя митрополичьяго престола пріобрѣталъ такія важныя выгоды, Александръ тверской необдуманнымъ поступкомъ погубилъ себя и все княжество свое. Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь ханскій посолъ,

именемъ Шевкалъ (Чол-ханъ) или Щелканъ, какъ его называютъ наши лѣтописи, двоюродный братъ Узбека и, по обыкновенію всѣхъ пословъ татарскихъ, позволялъ себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Вдругъ въ народѣ разнесся слухъ, что Шевкалъ хочетъ самъ княжить въ Твери; своихъ князей татарскихъ посажать по другимъ русскимъ городамъ, а христіанъ привести въ татарскую вѣру. Трудно допустить, чтобъ этотъ слухъ былъ основателенъ: Татары изначала отличались вѣротерпимостію, и по принятіи магометанства не были ревнителями новой религіи. Узбекъ, по приказу котораго долженъ былъ дѣйствовать Шевкалъ, покровительствовалъ христіанамъ въ Кафѣ, позволилъ католическому монаху Іонѣ Валенсу обращать въ христіанство Ясовъ и другіе народы по берегу Чернаго моря; онъ же, какъ мы видѣли, выдалъ сестру свою за Юрія московскаго и позволилъ ей креститься [102]. Еще страннѣе былъ слухъ, что Шевкалъ хочетъ самъ сѣсть на великомъ княженіи въ Твери, а другіе города роздать своимъ Татарамъ. Когда пронеслась молва, что Татары хотятъ исполнить свой замыселъ въ Успеньевъ день пользуясь большимъ стеченіемъ народа по случаю праздника, то Александръ съ Тверичами захотѣли предупредить ихъ намѣреніе, и рано утромъ, на солнечномъ восходѣ, вступили въ бой съ Татарами. бились цѣлый день, и къ вечеру одолѣли. Шевкалъ бросился въ старый домъ князя Михаила, но Александръ велѣлъ зажечь отцовскій дворъ и Татары погибли въ пламени; купцы старые ордынскіе и новые, пришедшіе съ Шевкаломъ, были истреблены, не смотря на то, что не вступали въ бой съ Русскими: однихъ изъ нихъ перебили. другихъ перетопили, иныхъ сожгли на кострахъ.

Но въ такъ-называемой Тверской лѣтописи Шевкалово дѣло разсказано подробнѣе, естественнѣе и безъ упоминовенія о замыслѣ Шевкала относительно вѣры: Шевкалъ, говорится въ этой лѣтописи, сильно притѣснялъ Тверичей. согналъ князя Александра со двора его и самъ сталъ жить на немъ; Тверичи просили князя Александра объ оборонѣ, но князь приказывалъ имъ терпѣть. Не смотря на то, ожесточеніе Тверичей дошло до такой степени. что они ждали только перваго случая возстать противъ притѣснителей; этотъ случай представился 15-го августа: дьяконъ Дюдко повелъ кобылу молодую и тучную на пойло; Татары стали ее у него отни-

мать, дьяконъ началъ вопить о помощи, и сбѣжавшіеся Тверичи напали на Татаръ [403].

Узбекъ очень разсердился, узнавъ объ участи Шевкаловой, и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, послалъ за московскимъ княземъ, но, по другимъ извѣстіямъ, Калита поѣхалъ самъ въ Орду, тотчасъ послѣ тверскихъ происшествій, и возвратился оттуда съ 50,000 татарскаго войска. Присоединивъ къ себѣ еще князя суздальскаго, Калита вошелъ въ тверскую волость, по ханскому приказу; Татары пожгли города и села, людей повели въ плѣнъ, и, просто сказать, положили пусту всю землю Русскую, по выраженію лѣтописца; но спаслась Москва, отчина Калиты, да Новгородъ, который далъ татарскимъ воеводамъ 2,000 серебра и множество даровъ. Александръ послышавъ о приближеніи Татаръ, хотѣлъ бѣжать въ Новгородъ, но Новгородцы не захотѣли подвергать себя опасности изъ-за сына Михаилова, и приняли намѣстниковъ Калиты; тогда Александръ бѣжалъ во Псковъ, а братья его нашли убѣжище въ Ладогѣ. Въ слѣдующемъ 1328 году Калита и тверской князь Константинъ Михайловичъ поѣхали въ Орду; Новгородцы отправили туда также своего посла; Узбекъ далъ великое княженіе Калитѣ, Константину Михайловичу далъ Тверь и отпустилъ ихъ съ приказомъ искать князя Александра. И вотъ во Псковъ явились послы отъ князей московскаго, тверскаго, суздальскаго и отъ Новгородцевъ уговаривать Александра, чтобъ ѣхалъ въ Орду къ Узбеку; послы говорили ему отъ имени князей: „Царь Узбекъ всѣмъ намъ велѣлъ искать тебя и прислать къ нему въ Орду; ступай къ нему, чтобъ намъ всѣмъ не пострадать отъ него изъ-за тебя одного; лучше тебѣ за всѣхъ пострадать, чѣмъ намъ всѣмъ изъ-за тебя одного попустошить всю землю“. Александръ отвѣчалъ: „Точно мнѣ слѣдуетъ съ терпѣніемъ и любовію за всѣхъ страдать и не мстить за себя лукавымъ крамольникамъ; но и вамъ не дурно было бы другъ за друга и братъ за брата стоять, а Татарамъ не выдавать, и всѣмъ вмѣстѣ противиться имъ, защищать Русскую землю и православное христіанство“. Александръ хотѣлъ ѣхать въ Орду, но Псковитяне не пустили его говоря: „Не ѣзди, господинъ въ Орду; чтобъ съ тобою ни случилось, умремъ, господинъ, съ тобою на одномъ мѣстѣ“. Надобно было дѣйствовать силою, но сѣверные князья не любили дѣйствовать силою тамъ, гдѣ успѣхъ былъ не вѣренъ; они разсуждали: „Псковичи крѣпко взялись защищать Александра, объ-

щались всѣ умереть за него, а близко ихъ Нѣмцы, тѣ подадутъ имъ помощь“. Придумали другое средство, и придумалъ его Калита, по свидѣтельству Псковскаго лѣтописца: уговорили митрополита Ѳеогноста проклясть и отлучить отъ церкви князя Александра и весь Псковъ, если они не исполнятъ требованіе князей. Средство подѣйствовало, Александръ сказалъ Псковичамъ: „Братья мои и друзья мои! не будь на васъ проклятія ради меня; ѣду вонъ изъ вашего города и снимаю съ васъ крестное цѣлованіе, только цѣлуйте крестъ, что не выдадите княгини моей“. Псковичи поцѣловали крестъ и отпустили Александра въ Литву, хотя очень горьки были имъ его проводы: тогда говоритъ лѣтописецъ, была во Псковѣ туга и печаль и молва многая по князѣ Александрѣ, который добротою и любовію своею пришелся по сердцу Псковичамъ. По отъѣздѣ Александра послы псковскіе отправились къ великому князю московскому и сказали ему: „Князь Александръ изо Пскова поѣхалъ прочь; а тебѣ господину своему князю великому весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика: и попы и чернецы и черницы, и сироты и вдовы и жены и малыя дѣти“. Услыхавъ, что Александръ уѣхалъ изъ Пскова, Калита заключилъ съ Псковичами миръ вѣчный по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ, послѣ чего митрополитъ Ѳеогностъ съ новгородскимъ владыкою благословили посадника и весь Псковъ (1329 г.).

Полтора года пробылъ Александръ въ Литвѣ, и когда гроза приутихла, возвратился къ женѣ въ Псковъ, жители котораго приняли его съ честію и посадили у себя на княженіи. Десять лѣтъ спокойно княжилъ Александръ во Псковѣ, но тосковалъ по своей родной Твери: Псковъ, по формамъ своего быта, не могъ быть наслѣдственнымъ княжествомъ для сыновей его; относительно же родной области онъ зналъ старый обычай, по которому дѣти изгнаннаго князя не могли надѣяться на наслѣдство; по словамъ лѣтописи, Александръ разсуждалъ такъ: „Если умру здѣсь, то что будетъ съ дѣтьми моими? всѣ знаютъ, что я выбѣжалъ изъ княжества моего и умеръ на чужбинѣ: такъ дѣти мои будутъ лишены своего княжества“. Въ 1336 году Александръ послалъ въ Орду сына Ѳеодора попытаться, нельзя ли какъ-нибудь умилостивить хана, и узнавши, что есть надежда на успѣхъ, въ 1337 году отправился самъ къ Узбеку. „Я сдѣлалъ много зла тебѣ,“ сказалъ онъ хану, „но теперь пришелъ принять отъ тебя смерть или жизнь, будучи

готовъ на все, что Богъ возвѣститъ тебѣ". Узбекъ сказалъ на это окружавшимъ: „Князь Александръ смиренною мудростію избавилъ себя отъ смерти," и позволилъ ему занять тверской столъ; князь Константинъ Михайловичъ, волею или неволею, уступилъ княжество старшему брату.

Но возвращеніе Александра служило знакомъ къ возобновленію борьбы между Москвою и Тверью: скоро встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что тверской князь не могъ поладить съ московскимъ, и не заключили они между собою мира. Еще прежде видимъ, что бояре тверскіе отъѣзжаютъ отъ Александра къ московскому князю [104]. Споръ могъ кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и Калита рѣшился предупредить врага: въ 1339 году онъ отправился съ двумя сыновьями въ Орду, и въ слѣдъ за этимъ Александръ получилъ приказъ явиться туда же: зовъ этотъ послѣдовалъ д у м о ю Калиты, говоритъ лѣтопись [105]. Александръ уже зналъ, что кто-то оклеветалъ его предъ ханомъ, который опять очень сердитъ на него, и потому отправилъ передъ собою сына Ѳедора, а за нимъ уже отправился самъ по новому зову изъ Орды. Ѳедоръ Александровичъ встрѣтилъ отца и объявилъ ему, что дѣла идутъ плохо; проживши мѣсяцъ въ Ордѣ, Александръ узналъ отъ Татаръ пріятелей своихъ, что участь его рѣшена. Узбекъ опредѣлилъ ему смерть, назначили и день казни. Въ этотъ день, 29 октября, Александръ всталъ рано, помолился, и видя, что время проходитъ, послалъ къ ханшѣ за вѣстями, сѣлъ и самъ на коня и поѣхалъ по знакомымъ разузнавать о своей участи, но вездѣ былъ одинъ отвѣтъ, что она рѣшена; что онъ долженъ ждать въ этотъ самый день смерти, дома ждалъ его посланный отъ ханши съ тою же вѣстію. Александръ сталъ прощаться съ сыномъ и боярами, сдѣлалъ распоряженіе на счетъ княжества своего, исповѣдался, причастился; то же самое сдѣлали и сынъ его Ѳедоръ и бояре, потому что никто изъ нихъ не думалъ остаться въ живыхъ. Ждали послѣ того не долго: вошли отроки съ плачемъ и объявили о приближеніи убійцъ; Александръ вышелъ самъ къ нимъ на встрѣчу—и былъ розиятъ по составамъ вмѣстѣ съ сыномъ. Калита еще прежде уѣхалъ изъ Орды, съ великимъ пожалованіемъ и съ честію; сыновья его возвратились послѣ смерти Александровой, пріѣхали въ Москву съ великою радостію и веселіемъ, по словамъ лѣтописи. Тверской столъ перешелъ къ брату Александрову, Константину Михайловичу, который называется

собирателемъ и возстановителемъ тверской волости послѣ татарскаго опустошенія [406].

Мы видѣли, что князья хорошо понимали, къ чему поведетъ усиленіе одного княжества на счетъ другихъ при исчезновеніи родовыхъ отношеній, и потому старались препятствовать этому усиленію, составляя союзы противъ сильнѣйшаго. Что предугадывали они, то и случилось: московскій князь, ставши силенъ и безъ соперника, спѣшилъ воспользоваться этою силою, чтобъ примыслить сколько можно больше къ своей собственности. Начало княженія Калиты было, по выраженію лѣтописца, началомъ насилія для другихъ княжествъ, гдѣ московскій собственникъ распоряжался своевольно. Горькая участь постигла знаменитый Ростовъ Великій: три раза проигралъ онъ свое дѣло въ борьбѣ съ пригородами, и хотя послѣ перешелъ, какъ собственность, какъ опричнина въ родъ старшаго изъ сыновей Всеволодовыхъ, однако не помогло ему это старшинство безъ силы; ни одинъ изъ Константиновичей ростовскихъ не держалъ стола великокняжескаго, ни одинъ слѣдовательно не могъ усилить свой наслѣдственный Ростовъ богатыми примыслами, и скоро старшій изъ городовъ сѣверныхъ долженъ былъ испытать тяжкія насилія отъ младшаго изъ пригородовъ: отнялись отъ князей ростовскихъ власть и княженіе, имущество, честь и слава! говоритъ лѣтописецъ [407]. Присланъ былъ изъ Москвы въ Ростовъ отъ князя Ивана Даниловича, какъ воевода какой-нибудь, вельможа Василій Кочева, и другой съ нимъ Миняй. Наложили они великую нужду на городъ Ростовъ и на всѣхъ жителей его; не мало Ростовцевъ должны были передавать Москвичамъ имѣніе свое по нуждѣ, но кромѣ того принимали еще отъ нихъ раны и оковы; старшаго боярина ростовскаго, Аверкія, Москвичи стремглавъ повѣсили и послѣ такого поруганія чуть жива отпустили. И не въ одномъ Ростовѣ это дѣлалось, но во всѣхъ волостяхъ и селахъ его, такъ что много людей разбѣжалось изъ ростовскаго княжества въ другія страны.— Мы не знаемъ, по какому случаю, вслѣдствіе какихъ предшествовавшихъ обстоятельствъ позволилъ себѣ Калита такіе поступки въ ростовскомъ княжествѣ; должно полагать, что ростовскимъ княземъ въ это время былъ Василій Константиновичъ [408]. Со стороны утѣсненныхъ князей не обошлось безъ сопротивленія: такъ московскій князь встрѣтилъ врага въ зятѣ своемъ, Василіи Давыдовичѣ ярославскомъ, внукѣ Ѳедора Ростиславича Чернаго; Василій, какъ видно,

дѣйствовалъ заодно съ Александромъ тверскимъ и помогалъ ему въ Ордѣ, ибо есть извѣстіе, что Калита посылалъ перехватить его на дорогѣ къ хану; но ярославскій князь отбился отъ московскаго отряда, состоявшаго изъ 500 человѣкъ, достигъ Орды, благополучно возвратился оттуда и пережилъ Калиту. По смерти Александра и Тверь не избѣжала насилій московскихъ: Калита велѣлъ снять отъ Св. Спаса колоколъ и привезти въ Москву; насиліе очень чувствительное по тогдашнимъ понятіямъ о колоколѣ вообще, и особенно о колоколѣ главной церкви въ городѣ.—Изъ другихъ князей упоминаются: князь Александръ Васильевичъ суздальскій, помогавшій Калитѣ опустошать тверскія волости; Александръ умеръ въ 1332 году, его мѣсто занялъ братъ его, Константинъ Васильевичъ, участвовавшій въ походѣ подъ Смоленскъ. Стародубскій князь Ѳедоръ Ивановичъ былъ убитъ въ Ордѣ въ 1329 году. Мы видѣли, что Галичъ и Дмитровъ достались брату Александра Невскаго, Константину Ярославичу, у котораго упоминаются сыновья—Давыдъ, князь галицкій и дмитровскій и Василій, послѣ котораго видимъ раздѣленіе волости, ибо подъ 1333 годомъ говорится о смерти князя Бориса дмитровскаго, а подъ 1334 годомъ о смерти Ѳедора галицкаго. Упоминается князь Романчукъ бѣлозерскій. Подъ 1338 годомъ упоминается князь Иванъ Ярославичъ юрьевскій: это должно-быть потомокъ Святослава Всеволодовича.—Объ убіеніи князя Ивана Ярославича рязанскаго въ лѣтописи упомянуто въ разсказѣ о походѣ Татаръ съ Калитою на Тверь; сынъ и преемникъ Ивана Ярославича, Иванъ Ивановичъ Коротополъ, возвращаясь въ 1340 году изъ Орды, встрѣтилъ родственника своего, двоюроднаго брата Александра Михайловича Пронскаго, отправлявшагося туда же съ данью или выходомъ, ограбилъ его, привелъ въ Переяславль рязанскій и и тамъ велѣлъ убить; явленіе это объясняется тѣмъ, что старшіе или сильнѣйшіе князья въ каждомъ княжествѣ, въ видахъ усиленія своего на счетъ младшихъ, слабѣйшихъ, хотѣли одни знать Орду, т.-е. собирать дань и отвозить ее къ хану.—Въ Смоленскѣ княжилъ Иванъ Александровичъ; какъ видно, надѣясь на отдаленность своего княжества, онъ не хотѣлъ подчиняться хану и возить выходъ въ Орду, и потому Узбекъ въ 1340 году послалъ войско къ Смоленску, куда велѣлъ также идти и всѣмъ князьямъ Русскимъ: рязанскому, суздальскому, ростовскому, юрьевскому, друцкому, ѳоминскому и мордовскимъ князьямъ; московскій великій князь самъ

не пошелъ, но отправилъ свое войско подъ начальствомъ двоихъ воеводъ — Александра Ивановича и Ѳедора Акинѳовича. Эта рать пожгла посады смоленскіе, пограбила села и волости, нѣсколько дней постояла подъ Смоленскомъ и пошла назадъ: Татары пошли въ Орду съ большимъ полономъ и богатствомъ, а Русскіе князья возвратились домой здоровы и цѣлы.

Новгородцы, освобожденные московскимъ княземъ отъ насилій тверскаго, не могли доброжелательствовать наслѣдникамъ Михайловымъ; они признали своимъ княземъ Дмитрія, потомъ Александра Михайловича [409], когда онъ возвратился съ ярлыкомъ изъ Орды: но не приняли къ себѣ Александра послѣ убійства Шевкалова, взяли намѣстниковъ московскаго князя и стояли за послѣдняго противъ Александра и Псковичей. Но Калита скоро показалъ Новгородцамъ, что перемѣнилось только имя, и что значеніе Твери относительно Новгорода перешло къ Москвѣ. Что же теперь спасетъ Новгородъ? Отъ Твери спасла его Москва, отъ Москвы долженъ спасти его какой-нибудь другой городъ, Москвѣ враждебный: слѣдовательно Новгородцы должны искать враговъ московскимъ князьямъ, пользоваться ссорами въ семействѣ послѣднихъ; но когда эти ссоры прекратятся, когда уже не будетъ другихъ князей кромѣ московскаго, то что тогда останется Новгородцамъ? Останется или отказаться отъ своего стараго быта, приравняться въ Москвѣ, или искать соперника московскому князю въ Литвѣ. Но московскимъ князьямъ нужны были еще прежде всего деньги, чтобъ, съ одной стороны, задаривать хана, съ другой, накупать какъ можно больше селъ и городовъ въ другихъ княжествахъ; вотъ почему Новгородъ могъ еще на нѣсколько времени сохранить свой прежній бытъ, удовлетворяя денежнымъ требованіямъ великихъ князей, усиливая послѣднихъ на свой счетъ. Въ 1332 году Калита запросилъ у Новгородцевъ серебра закамскаго, старинной дани печерской, и за отказъ взялъ Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ, а въ слѣдующемъ году пришелъ въ Торжокъ со всѣми князьями низовскими и рязанскими, и началъ опустошать новгородскія волости. Новгородцы отправили пословъ звать великаго князя въ Новгородъ, но онъ ихъ не послушалъ, и, недавши мира, поѣхалъ прочь. Новгородцы отправили за нимъ новыхъ пословъ, съ владыкою Василіемъ, которые нашли Калиту въ Переяславлѣ, давали ему пять сотъ рублей, только бы отступился отъ слободы, которую построилъ на новгородской землѣ; много упра-

шивалъ его владыка, чтобъ, помирился, но онъ не послушался его. Любопытно, что тотчасъ по возвращеніи изъ своего неуспѣшнаго посольства къ Калитѣ, владыка Василій отправился во Псковъ, гдѣ уже новгородскіе архіепископы не бывали семь лѣтъ; во Псковѣ княжилъ въ это время врагъ московскаго князя, Александръ тверской, у котораго владыка Василій окрестилъ сына Михаила; можно думать, что все это происходило вслѣдствіе размолвки Новгорода съ Калитою. Александръ и Псковичи находились въ тѣсной связи съ Литвою, и вотъ подъ тѣмъ же 1333 годомъ новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что вложилъ Богъ въ сердце князю Нариманту-Глѣбу, сыну великаго князя литовскаго Гедимина, прислать въ Новгородъ съ просьбою позволить ему поклониться Св. Софіи; Новгородцы послали звать его, и онъ немедленно пріѣхалъ, принятъ былъ съ честію, цѣловалъ крестъ ко всему Новгороду, и получилъ пригороды— Ладогу, Орѣшекъ, Корельскій городокъ съ корельскою землею и половину Копорья въ отчину и дѣдину. По другимъ извѣстіямъ, Новгородцы еще прежде уговорились объ этомъ съ Наримантомъ [410]. Какъ бы то ни было, уговоръ этотъ былъ исполненъ тогда, когда Новгороду сталъ нуженъ союзъ Литвы противъ московскаго князя. На слѣдующій годъ Калита принялъ съ любовію пословъ новгородскихъ и самъ ѣздилъ въ Новгородъ; неизвѣстно, что было причиною такой перемѣны: Новгородцы ли уступили всѣмъ требованіямъ Калиты, или послѣдній смягчилъ свои требованія, опасаясь связи Новгородцевъ съ Литвою и Александромъ псковскимъ? Можно думать также, что миръ заключенъ былъ не безъ участія митрополита, у котораго передъ тѣмъ былъ владыка Василій. Въ краткихъ извѣстіяхъ лѣтописи причины явленій не показаны; но по всему видно, что Калита не могъ долго сносить пребыванія Александра тверскаго во Псковѣ. Въ 1335 году Калита собрался съ Новгородцами и со всею низовскою землею идти на Псковъ, но почему-то походъ былъ отложенъ, хотя Псковичамъ и не дали мира; намѣреніе слѣдовательно воевать съ ними не было оставлено, и московскій князь продолжалъ ласкать Новгородцевъ: въ томъ же году онъ позвалъ къ себѣ въ Москву н а ч е с т ь владыку, посадника, тысяцкаго, знатнѣйшихъ бояръ, и они, говоритъ лѣтописецъ, бывши въ Москвѣ, много чести видѣли. Но въ тотъ самый 1337 годъ, когда Александръ тверской отправился изъ Пскова въ Орду и помирился съ ханомъ, Калита, вдругъ забывши крестное цѣлованіе, послалъ рать свою на

Двину за Волокъ, ибо заволоцкія владѣнія и доходы Новгородцевъ всего больше должны были соблазнять московскаго князя; но предпріятіе не удалось: московскія войска были посрамлены и поражены, какъ выражается лѣтописецъ; имѣли ли какую-нибудь связь эти два событія—поѣздка Александра въ Орду и разрывъ Калиты съ Новгородомъ—неизвѣстно. Новгородцы могли надѣятся, что возстановленіе Александра на отцовскомъ столѣ и новая борьба его съ Калитою помѣшають послѣднему тѣснить ихъ; но московскій князь не терялъ времени, и Александръ погибъ въ Ордѣ. Новгородцы отправили къ великому князю пословъ съ выходомъ, но Калита послалъ къ нимъ своихъ просить другаго выхода: „Дайте мнѣ еще царевъ запросъ, чего у меня царь запросилъ". Новгородцы отвѣчали: „этого у насъ не бывало отъ начала міра; а ты цѣловалъ крестъ по старой пошлинѣ новгородской и по Ярославовымъ грамотамъ". Калита велѣлъ своимъ намѣстникамъ выѣхать изъ Новгорода, и не было ему съ нимъ мира.

Прежде, когда было много князей-соперниковъ, перемѣнявшихъ охотно волости свои, Новгородъ рѣдко оставался долгое время безъ князя: на смѣну одного спѣшилъ другой; но теперь, когда князья усѣлись неподвижно, каждый въ своей наслѣдственной волости, то въ Новгородѣ вмѣсто князя видимъ уже бояръ намѣстниковъ великокняжескихъ, которые выѣзжаютъ при первой размолвкѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ, и Новгородъ предоставляется самому себѣ. Вслѣдствіе этого новаго порядка вещей, стороны, партіи княжескія должны были исчезнуть: какія могли быть княжескія партіи въ Новгородѣ во время Калиты, когда Новгородъ могъ имѣть дѣло только съ однимъ великимъ княземъ, который разъ, много два пріѣдетъ въ Новгородъ на самое короткое время? Тверской партіи не могло быть, потому что ни Михаилъ, ни сыновья его не жили въ Новгородѣ, не могло быть и вслѣдствіе постоянно враждебныхъ отношеній; великимъ князьямъ и не нужно теперь имѣть въ Новгородѣ приверженную къ себѣ сторону; ихъ цѣль рано или поздно уничтожить самостоятельность Новгорода, а пока имъ нужно брать съ него какъ можно больше денегъ; они знаютъ, что Новгородъ будетъ ихъ, если они будутъ сильны, сильнѣе всѣхъ другихъ, но измѣнчивое расположеніе Новгородцевъ не дастъ имъ этой силы. Любопытно, что съ описываемаго времени лѣтописецъ новгородскій становится видимо равнодушенъ къ смѣнѣ посадниковъ, начинаетъ

часто пропускать ихъ; мы уже прежде упоминали объ этихъ пропускахъ. Подъ 1315 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о врученіи посадничества Семену Климовичу и послѣ того до самого 1331 года нѣтъ ни слова о посадникахъ въ лѣтописи; въ этомъ году встрѣчаемъ извѣстіе о посадникѣ Варѳоломеѣ; но подъ слѣдующимъ 1332 годомъ говорится, что встали крамольники, отняли посадничество у Ѳедора Ахмыла и дали Захару Михайловичу, при чемъ пограбили дворъ Семена Судокова, а у брата его Ксенофонта села пограбили; но Захаръ не долго былъ посадникомъ: въ томъ же году онъ былъ сверженъ и на его мѣсто выбранъ Матвей. Подъ 1335 годомъ упоминается новый посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ, неизвѣстно когда и на чье мѣсто избранный. Прежде еще подъ 1327 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, во время котораго народъ пограбилъ и пожегъ дворъ Евстафія Дворянинца; потомъ, подъ 1335 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ, во время которой едва не дошло до кровопролитія: по обѣимъ сторонамъ Волхова граждане стояли съ оружіемъ, но потомъ сошлись въ любовь. Что касается до принятаго на кормленіе литовскаго князя Наримапта, то Новгородцы съ самаго начала увидали ненадежность этихъ союзовъ съ Литвою: въ 1338 году, когда Новгородцы вели войну со Шведами, Наримантъ былъ въ Литвѣ; Новгородцы много разъ посылали за нимъ, но онъ не пріѣхалъ, даже и сына своего Александра вывелъ изъ Орѣшка, оставилъ только своихъ намѣстниковъ.

По извѣстіямъ Новгородской лѣтописи, Псковичи, взявши къ себѣ въ князья Александра тверскаго, признали въ то же самое время зависимость свою отъ Литвы: естественно Псковъ долженъ былъ употребить это средство, чтобъ защитить себя въ случаѣ новаго движенія сѣверо-восточныхъ русскихъ князей по настоянію Калиты и по приказу ханскому. Имѣя особаго князя, Псковичи хотѣли получить полную независимость отъ Новгорода, хотѣли имѣть и особаго епископа. Въ 1331 году новоизбранный новгородскій владыка Василій отправился для посвященія своего на Волынь, гдѣ находился тогда митрополитъ Ѳеогностъ. Но въ то же время къ митрополиту явились послы изо Пскова, отъ князя Александра, вмѣстѣ съ послами отъ Гедимина и всѣхъ другихъ князей Литовскихъ; они привели съ собой монаха Арсенія, прося митрополита, чтобъ поставилъ его владыкою во Псковъ; но Ѳеогностъ отказалъ имъ въ просьбѣ. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ при этомъ:

„Псковичи хотѣли поставить себѣ Арсенія на владычество, но осрамились, пошли прочь ни съ чѣмъ отъ митрополита изъ волынской земли; они Новгородъ считали за ничто уже; вознеслись высокоуміемъ своимъ, но Богъ и св. Софія низлагаютъ всегда высокомыслящихъ, потому что Псковичи измѣнили крестному цѣлованію къ Новгороду, посадили къ себѣ князя Александра изъ литовской руки". Мы видѣли, что въ 1333 году было сближеніе Новгорода со Псковомъ и его княземъ, вслѣдствіе разрыва Новгородцевъ съ княземъ московскимъ; но потомъ когда въ 1335 году Новгородцы помирились съ Калитою, то снова началась вражда со Псковомъ, въ 1337 году, владыка Василій поѣхалъ во Псковъ для своихъ святительскихъ дѣлъ, на подъѣздъ, какъ тогда выражались; но псковичи суда ему не дали, и онъ поѣхалъ прочь, проклявши ихъ.

Еще въ 1316 и 1326 году источники западные упоминаютъ о враждебныхъ столкновеніяхъ Новгородцевъ съ Норвегіею; въ 1326 году заключенъ былъ миръ между ними на 10 лѣтъ. Въ 1337 году у Новгородцевъ началась война со шведами, опять по поводу Корелъ, которые подвели Шведовъ, побили новгородскихъ и ладожскихъ купцовъ и всѣхъ христіанъ, находившихся въ ихъ землѣ, а сами убѣжали въ Выборгъ, и, выходя оттуда, били Новгородцевъ. Въ слѣдующемъ году Новгородцы съ посадникомъ Ѳедоромъ Даниловичемъ отправились въ Неву, и стояли подъ Орѣшкомъ, пересылаясь съ шведскимъ воеводою Стеномъ; но переговоры кончились ничѣмъ; Новгородцы возвратились домой; а Шведы съ Корелою много воевали по Обонѣжью, а потомъ сожгли посадъ у Ладоги. Мстить имъ за это ходили молодцы новгородскіе съ воеводами: они повоевали Шведскую Корелу около Выборга, сильно опустошили землю, хлѣбъ пожгли, скотъ изрубили, и пришли домой всѣ здоровы съ полономъ. По ихъ удаленіи Шведы вышли изъ Выборга, воевали Толдогу [441], и оттуда пошли на Вотскую землю, но здѣсь ничего не взяли, потому что жители поостереглись; Копорьяне напали на нихъ въ небольшомъ числѣ и разбили. Послѣ этого пришли послы въ Новгородъ изъ Выборга, отъ воеводы Петрика, и объявили что шведскій князь ничего не знаетъ о войнѣ, началъ ее своевольно Стенъ воевода. Новгородцы отправили въ Выборгъ своихъ пословъ, которые и заключили миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ помирился князь Юрій Даниловичъ на Невѣ; относительно же Кобылитской Корелы положено было послать къ

шведскому князю. Въ слѣдующемъ 1339 году Новгордцы отправили двоихъ пословъ, да еще третьяго отъ владыки, за море къ шведскому князю и заключили съ нимъ миръ по старымъ грамотамъ; о Корелѣ же сказали такъ: „если наши побѣгутъ къ вамъ, то сѣките ихъ и вѣшайте; если и ваши прибѣгутъ къ намъ, то и мы съ ними дѣлать будемъ то же самое. чтобъ изъ-за нихъ ссоры между нами не было; которые же прежде были за нами, тѣхъ не выдадимъ, потому что они покрещены въ нашу вѣру, да и мало ихъ осталось, всѣ померли гнѣвомъ Божіимъ“. На западѣ волновались Корелы, на сѣверо-востокѣ, въ Двинской области Финскія племена также не хотѣли быть спокойны: подъ 1329 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, шедшіе въ Югру, были перебиты устюжскими князьями.—Въ 1326 году пріѣхали въ Новгородъ послы изъ Литвы: братъ Гедимина Воинъ, князь полоцкій, Василій князь минскій и князь Ѳедоръ Святославичъ; они заключили миръ съ Новгородцами и Нѣмцами. Но въ 1335 году, не смотря на этотъ миръ и не смотря на то, что литовскій князь Наримантъ кормился на пригородахъ новгородскихъ, Литва повоевала новоторскую волость: великій князь былъ въ это время въ Торжкѣ, и немедленно послалъ свое войско въ Литву; оно пожгло городки литовскіе—Осѣченъ [412], Рясну и много другихъ.

Подъ 1329 годомъ лѣтопись упоминаетъ объ убіеніи въ Дерптѣ новгородскаго посла, мужа честнаго, Ивана Сыпа: но о слѣдствіяхъ этого убійства не говоритъ ничего. И въ псковской лѣтописи съ 1323 до 1341 года мы не встрѣчаемъ извѣстій о войнѣ съ орденомъ Ливонскимъ. Причина была та, что уже давно, еще съ конца XIII вѣка въ Ливоніи происходили усобицы. Мы видѣли, что главнымъ дѣятелемъ при утвержденіи нѣмецкаго владычества въ Ливоніи былъ епископъ рижскій, по старанію котораго былъ учрежденъ рыцарскій орденъ, необходимо становившійся въ служебное отношеніе къ рижской церкви. Но миръ не могъ долго сохраниться между двумя учрежденіями, изъ которыхъ у одного были матеріальныя средства, право силы, меча, у другаго же одни права историческія и духовныя; первое не могло долго подчиняться последнему; но епископы также не хотѣли уступить магистрамъ ордена своего первенствующаго положенія и слѣдствіемъ этого была усобица. Особенно разгорѣлась она при магистрѣ Бруно и архіепископѣ Іоаннѣ фонъ-денъ-Фехте, при чемъ, не имѣя достаточно соб-

ственныхъ матеріальныхъ средствъ для борьбы съ рыцарями, епископъ и Рижане призвали себѣ на помощь Литовцевъ-язычниковъ! Началась ожесточенная война; въ теченіе 18 мѣсяцевъ дано было девять битвъ, большую часть которыхъ выиграли рыцари; но въ 1298 году литовскій князь Витинесъ вторгнулся въ Ливонію, встрѣтился съ войскомъ рыцарей на рѣкѣ Аа и нанесъ имъ страшное пораженіе: магистръ Бруно, 60 рыцарей и множество простаго войска полегли въ битвѣ; ободренныя побѣдою, войска рижскія и Литовцы осадили орденскую крѣпость Неумюль, но потерпѣли подъ нею пораженіе отъ тевтонскихъ рыцарей, пришедшихъ на помощь своимъ ливонскимъ собратіямъ. Не видя возможности одолѣть орденъ матеріальными средствами, епископы ливонскіе прибѣгли къ другимъ: въ это время, т.-е. въ началѣ XIV вѣка вниманіе западной Европы обращено было на страшный процессъ Храмовыхъ рыцарей; великій магистръ ихъ уже былъ въ оковахъ вмѣстѣ съ братіями, находившимися во Франціи, и ненависть Филиппа Красиваго грозила печальнымъ окончаніемъ процесса. Это подало надежду ливонскимъ епископамъ, что подобная же участь можетъ постигнуть и нѣмецкій орденъ въ Пруссіи и Ливоніи. Въ 1308 году они подали папѣ обвинительный листъ, въ которомъ приписывали ордену не успѣхъ въ обращеніи Литовцевъ, обвиняли рыцарей въ истребленіи жителей Семигалліи, когда тѣ были уже христіанами и проч.; нашлось обвиненіе и въ родѣ тѣхъ, которыя тяготѣли надъ несчастными Тампліерами: епископы доносили, что когда рыцарь получалъ рану въ битвѣ, то остальные товарищи добивали его и сожигали тѣло по обычаю язычниковъ. Папа Климентъ V нарядилъ коммиссію на мѣстѣ для изслѣдованія справедливости жалобъ; дѣло кончилось ничѣмъ; епископы не удовлетворились такимъ окончаніемъ его, и когда король Польскій завелъ споръ съ орденомъ о землѣ Поморской, когда архіепископъ гнѣзенскій, епископы куявскій, плоцкій и познанскій встали противъ ордена, то архіепископъ рижскій соединился съ ними въ надеждѣ, что такое сильное возстаніе достигнетъ наконецъ своей цѣли—низложенія ордена. Всего больше архіепископъ и Рижане настаивали на томъ, что князья литовскіе и народъ ихъ давно были бы христіанами и католиками, еслибъ не препятствовали тому рыцари,—обвиненіе, имѣвшее на своей сторонѣ вѣроятность: еслибъ въ самомъ дѣлѣ Литва приняла христіанство, то орденъ, котораго цѣлію было обращеніе язычниковъ, тѣмъ самымъ долженъ былъ

прекратить свое существованіе. Не смотря однако на всѣ старанія епископовъ, великій магистръ фонъ-Беффартъ выигралъ въ Авиньонѣ дѣло въ пользу ордена, который былъ оправданъ во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ: самымъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу ордена послужило представленное Беффартомъ папѣ оригинальное письмо архіепископа и Рижанъ къ литовскому князю съ просьбою напасть на владѣнія ордена. Но дѣло, рѣшенное въ Авиньонѣ, далеко было до окончанія своего въ Ливоніи, потому что, при такой долгой борьбѣ за самые существенные интересы ненависть съ обѣихъ сторонъ достигла высшей степени и не могла скоро потухнуть. Обманувшись въ надеждѣ повредить ордену процессомъ у папы, Рижане обратились опять къ прежнему средству и вошли въ сношенія съ литовскими язычниками противъ рыцарей. Тогда магистръ ливонскій Ебергартъ фонъ-Монгеймъ рѣшился покончить дѣло оружіемъ и, собравши большое войско, осадилъ Ригу. Около года длилась осада; но наконецъ Рижане, терпя сильный голодъ, запросили мира, и получили его на тяжкихъ условіяхъ: лучшіе граждане должны были явиться въ станъ рыцарей и у ногъ магистра положить всѣ свои привилегіи. Потомъ, велѣвши засыпать часть городскихъ рвовъ и понизить валы, магистръ заложилъ новую крѣпость, которая должна была сдерживать безпокойное народонаселеніе.

Съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, какъ московскій князь Іоаннъ Даниловичъ сталъ великимъ княземъ, наступила тишина великая по всей Русской землѣ и перестали Татары воевать ее [1]. Таково было непосредственное слѣдствіе усиленія одного княжества московскаго насчетъ всѣхъ другихъ; въ одномъ древнемъ памятникѣ дѣятельность Калиты обозначена тѣмъ, что онъ избавилъ Русскую землю отъ воровъ (татей [2]),—видно, что предки наши представляли себѣ Калиту установителемъ тишины, безопасности, внутренняго наряда, который до тѣхъ поръ постоянно былъ нарушаемъ сперва родовыми усобицами княжескими, потомъ усобицами князей или, лучше сказать, отдѣльныхъ княжествъ для усиленія себя на счетъ всѣхъ другихъ, что вело къ единовластію. Борьба эта для усиленія себя на счетъ другихъ, съ презрѣніемъ родовой связи и счетовъ, началась давно: Михаилъ Хоробритъ московскій, Ярославъ тверской, Василій костромской, Андрей городецкій, показали ясно новый характеръ борьбы; борьба Твери съ Москвою была

послѣднею сильною, ожесточенною, кровавою борьбою двухъ княжествъ, стремившихся къ окончательному усиленію. Для Москвы средства къ этой борьбѣ были приготовлены еще при Даніилѣ; началъ борьбу и неутомимо продолжалъ Юрій Даниловичъ. Калита умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу съ полнымъ торжествомъ для своего княжества, и далъ современникамъ почувствовать первыя добрыя слѣдствія этого торжества; далъ имъ предвкусить выгоды единовластія, почему и перешолъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя Русской земли [415].

Калита умеръ 31 марта 1341 года, не успѣвъ окончить дѣлъ своихъ съ Новгородомъ. До насъ дошли двѣ его духовныя грамоты [416]; между тремя сыновьями и женою подѣлилъ онъ свое движимое и не движимое имѣніе: старшему Семену отдано 26 городовъ и селеній, въ числѣ которыхъ примыслы Юрія Даниловича— Можайскъ и Коломна; второму сыну Ивану 23 года и селенія, изъ нихъ главные Звенигородъ и Руза; третьему Андрею 21 городъ и селеніе, изъ нихъ извѣстнѣе Серпуховъ; княгинѣ съ меньшими дѣтьми опять 26. Такимъ образомъ величина удѣловъ слѣдуетъ старшинству: самый старшій и матеріально сильнѣе, притомъ города его значительнѣе, напримѣръ Можайскъ былъ особымъ княжествомъ; старшему же должно было получить и великокняжескую область владимирскую съ Переяславлемъ [417].

Въ то самое время какъ на сѣверовостокѣ Русская земля собиралась около Москвы, такое же собираніе русскихъ волостей въ одно цѣлое происходило и на югозападѣ. Давно уже можно было ожидать, что дѣло собранія старой, югозападной Руси предназначено князьямъ галицко-волынскимъ, потомкамъ Романа великаго. Случайныя обстоятельства были въ пользу этихъ князей, въ пользу скораго собранія югозападной Руси: въ старшемъ сынѣ Романовомъ съ блестящею храбростію соединялся ясный смыслъ, государственное пониманіе; отношенія его къ брату Васильку волынскому представляютъ образецъ братской любви и согласія. Волости не дробятся, ибо сынъ Василька, Владимѣръ, умирая бездѣтнымъ, отказываетъ Волынь сыну Даніилову Мстиславу; мало того, при сынѣ Льва Юріи, видимъ соединеніе Галича и Волыни подъ одну власть; при внукѣ этого Юрія, Юріи II-мъ, видимъ также соединеніе обѣихъ волостей, потому что этотъ князь пишетъ свои грамоты то во Львовѣ, то во Владимирѣ. Не смотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства,

югозападная Русь не собралась въ одно государство подъ знаменемъ своихъ родныхъ князей изъ племени Романа великаго; мы не знаемъ никакихъ подробностей о княженiи внуковъ Даниловыхъ, мы знаемъ только имена ихъ и титулы, какъ они сохранились въ грамотахъ ихъ къ нѣмецкому ордену: читаемъ въ этихъ грамотахъ имя Юрiя, который называетъ себя королемъ русскимъ и княземъ владимирскимъ; въ другой грамотѣ находимъ имена сыновей его, Андрея и Льва; наконецъ есть позднѣйшiя грамоты отъ Андреева сына Юрiя, князя всей Малой Россiи [418]. Эти грамоты важны для насъ еще въ другомъ отношенiи: они показываютъ, что въ Галичѣ и на Волыни бояре и дружина сохранили по прежнему свое важное значенiе, ибо грамоты написаны не отъ имени одного князя, но также отъ имени знатнѣйшихъ бояръ и дружины вообще [419]; въ числѣ бароновъ (бояръ) упоминается и епископъ галицкiй; послѣдняя грамота Юрiя II-го относится къ 1335 году. Но въ то время, какъ югозападная Русь не воспользовалась благопрiятными обстоятельствами, и закоснѣла въ старинѣ своей, сосѣднiя государства, Литовское и Польское, успѣли усилиться внутри единовластiемъ и прiобрѣли такимъ образомъ возможность дѣйствовать наступательно на Русь. Мы видѣли, что по смерти Миндовговой предположенное соединенiе Руси съ Литвою не состоялось: Литовцы, послѣ убiенiя Воншелкова, выбрали себѣ князя изъ своего народа. При этомъ князѣ и его преемникахъ продолжалось и кончилось начатое еще прежде утвержденiе литовскаго господства въ русскихъ княжествахъ—полоцкомъ, туровскомъ и отчасти волынскомъ. Въ 1315 г., послѣдовала перемѣна въ династiи князей литовскихъ, произведенная знаменитымъ Гедиминомъ. Примѣромъ сильныхъ противорѣчiй, которыми наполнены источники литовской и малороссiйской исторiи служатъ извѣстiя о происхожденiи Гедимина: одни [420], говорятъ что Гедиминъ былъ конюшимъ великаго князя Витенеса, въ заговорѣ съ молодою женою послѣдняго убилъ своего государя и овладѣлъ его престоломъ; другiе утверждаютъ [421], что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса и получилъ престолъ литовскiй по смерти отца, пораженнаго громомъ; наконецъ есть извѣстiе, что Гедиминъ былъ братъ Витенеса [422].

Въ самомъ началѣ княженiя Гедимина уже упоминается о столкновенiяхъ его съ князьями русскими, галицкими и волынскими; можемъ принять извѣстiе, что эти князья хотѣли, сообща съ нѣ-

мецкимъ орденомъ, сдержать опасныя стремленія литовскаго владѣльца и первые начали противъ него наступательное движеніе. Но за вѣрность дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ борьбы историкъ ручаться уже не можетъ; по однимъ свидѣтельствамъ, въ 1320 году Гедиминъ предпринялъ походъ на Владиміръ-Волынскій, гдѣ княжилъ Владиміръ Владиміровичъ подъ предводительствомъ котораго граждане оказали упорное сопротивленіе; наконецъ князь Владиміръ палъ, и стольный городъ его отворилъ ворота побѣдителю, при чемъ въ войскѣ Гедиминовомъ Литва занимала незначительную часть; большинство же состояло изъ Русскихъ—Полочанъ, жителей Новгородка, Гродна [423]. Такимъ образомъ по однимъ извѣстіямъ, владимірское княжество завоевано Гедиминомъ; но по другимъ [424], Владиміръ, Луцкъ и вся земля волынская досталась Любарту, сыну Гедиминову, котораго послѣдній князь этой страны, не имѣя сыновей, принялъ къ дочери. Здѣсь сказано, что Луцкъ, вмѣстѣ съ Владиміромъ, взятъ былъ Любартомъ въ приданое за женою; а по другимъ извѣстіямъ, въ Луцкѣ княжилъ особый князь, Левъ Юрьевичъ, который, испугавшись участи князя владимірскаго, бросилъ свой стольный городъ и убѣжалъ въ Брянскъ, гдѣ у него были родственники, Луцкъ поддался Гедимину, и бояре, собранные со всей Волыни, признали его своимъ княземъ, удержавъ прежнія права, обычаи, вѣру. На слѣдующій 1321 годъ [425] Гедиминъ двинулся къ Кіеву, которымъ владѣлъ какой-то князь Станиславъ; на помощь къ нему пришелъ Олегъ, князь переяславскій, Святославъ и Василій, князья брянскіе и, вмѣстѣ съ ними, бѣжавшій изъ Волыни князь Левъ. Надъ рѣкою Ирпенемъ сошлись непріятели—и Гедиминъ побѣдилъ; князья Олегъ и Левъ были убиты, Станиславъ убѣжалъ въ Брянскъ съ тамошними князьями; Бѣлгородъ сдался побѣдителю, но Кіевъ выдержалъ двухмѣсячную осаду; наконецъ граждане, не видя ни откуда помощи, собрались на вѣче и рѣшили поддаться литовскому князю, который съ тріумфомъ въѣхалъ въ Золотыя ворота. Другіе города русскіе послѣдовали примѣру Кіева; Гедиминъ оставилъ вездѣ старый порядокъ, только посажалъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны по городамъ. Намѣстникомъ въ Кіевѣ былъ назначенъ Миндовгъ, князь гольшанскій. Новгородская лѣтопись подъ 1331 годомъ упоминаетъ о кіевскомъ князѣ Ѳедорѣ, который, вмѣстѣ съ татарскимъ баскакомъ, гнался, какъ разбойникъ, за новгородскимъ владыкою Василіемъ, шедшимъ отъ мит-

рополита изъ Волыни; Новгородцы, провожавшіе владыку, остереглись, и Ѳедоръ не посмѣлъ напасть на нихъ [426].

Какъ бы то ни было, переворотъ, произведенный на сѣверѣ своими князьями, потомками св. Владиміра, былъ произведенъ на югѣ княземъ литовскимъ, который тѣмъ или другимъ способомъ; собралъ Русскую землю подъ одну власть. Гедиминъ умеръ въ 1339 году, оставивъ семерыхъ сыновей—Монвида, князя корачевскаго и слонимскаго, который скоро послѣдовалъ за отцемъ въ могилу; Нариманта—Глѣба, князя туровскаго и пинскаго, котораго мы видѣли въ Новѣгородѣ; отъ второй жены Ольги, Русской родомъ, Гедиминъ оставилъ Олгерда, который, женившись на дочери князя витебскаго, получилъ это княжество за женою въ приданое; кромѣ Олгерда, отъ Ольги Гедиминъ имѣлъ другаго сына, Кейстута, князя троцкаго. Отъ третьей жены, Еввы, также княжны Русской, онъ оставилъ Любарта-Владиміра, князя волынскаго, Коріата Михаила, князя новгородскаго, наконецъ Евнутія князя виленскаго. Послѣдній, не смотря на то, что былъ младшій, получилъ однако стольный городъ отцовскій, быть можетъ, по стараніямъ матери своей; но двое старшихъ Гедиминовичей — Олгердъ и Кейстутъ отняли у Евнутія старшій столъ. Олгердъ и Кейстутъ жили между собою очень дружно, говоритъ лѣтописецъ западной Руси [427], а князь великій Евнутій, державшій старшинство, не полюбился имъ, и сговорились они между собою, какъ бы Евнутія изъ Вильны выгнать. Сговорившись положили срокъ, въ который день взять Вильну подъ братомъ Евнутіемъ. Князь Олгердъ изъ Витебска не поспѣлъ къ тому сроку, а князь Кейстутъ одинъ напалъ на Вильну и прорвался въ городъ; великій князь Евнутій спасся бѣгствомъ въ горы, отморозилъ ноги и попался въ плѣнъ. Привезли его къ брату Кейстуту: тотъ отдалъ его подъ стражу, а самъ послалъ гонца сказать Ольгерду, чтобъ шелъ скорѣе въ Вильну, и что Евнутій уже въ ихъ рукахъ. Когда Олгердъ пришелъ, то Кейстутъ сказалъ ему: „Тебѣ слѣдуетъ быть великимъ княземъ въ Вильнѣ, ты старшій братъ, а я съ тобою буду жить заодно“, и посадилъ его на великомъ княженіи въ Вильнѣ, а Евнутію дали Изяславль. Потомъ уговорились оба князя между собою, чтобъ всей братьи слушаться князя Олгерда; условились—что добудутъ, городъ ли, волость ли, все дѣлить пополамъ, и жить до смерти въ любви, не мыслить лиха одному на другаго. Олгердъ и Кейстутъ поклялись, и сдержали клятву.

Такъ разсказываетъ лѣтописецъ литовскій; московскій же лѣтописецъ говоритъ, что Олгердъ и Кейстутъ напали внезапно въ Вильнѣ на двухъ братьевъ, Нариманта и Евнутія; жители города испугались, и Наримантъ бѣжалъ въ Орду, а Евнутій сперва во Псковъ, оттуда въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Москву, къ преемнику Калиты, Симеону Ивановичу, здѣсь былъ крещенъ и названъ Иваномъ [428] (1346 г.).

Но въ то время, какъ единовластіе утверждалось въ восточной Руси, благодаря князьямъ московскимъ, и въ западной, вслѣдствіе подчиненія ея князьямъ литовскимъ, въ Польшѣ, также утвердилось оно послѣ великихъ смутъ, происходившихъ въ этой странѣ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Мы видѣли, что въ 1300 году въ Краковѣ утвердился чужой князь, Вячеславъ, король чешскій. Но по смерти Вячеслава, Владиславу Локетку, котораго характеръ исправился въ школѣ бѣдствій, удалось, послѣ безчисленныхъ затрудненій, утвердиться на тронѣ и успокоить Польшу (1319 г.). Правленіе Локетка особенно замѣчательно тѣмъ, что съ его времени аристократія въ Польшѣ уступаетъ мѣсто шляхетской демократіи, потому что король имѣя нужду въ шляхтѣ, по причинѣ безпрестанныхъ и тяжкихъ войнъ, призвалъ ее на сеймъ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ; такимъ образомъ при Локеткѣ положено начало той шляхетской воли и власти, которыя имѣли такое сильное вліяніе на будущую судьбу Польши, были главною причиною ея паденія. Тщетно сынъ и преемникъ Владислава Локетка, Казимиръ великій, старался обуздать эту волю и власть и защищать низшее народонаселеніе: онъ не могъ произвести никакой перемѣны въ этомъ отношеніи [429]. Въ исторіи югозападной Руси Казимиръ великій замѣчателенъ тѣмъ, что ему удалось присоединить къ Польшѣ королевство галицкое. Какъ видно, потомство Романа великаго въ мужескомъ колѣнѣ пресѣклось смертію Юрія II-го, и преемникомъ послѣдняго въ Галичѣ мы видимъ племянника его отъ сестры Маріи, Болеслава, князя мазовецкаго. Но Болеславъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе новыхъ подданныхъ: онъ угнеталъ ихъ тяжкими податями, насиловалъ ихъ женъ и дочерей, окружилъ себя Поляками, Чехами, Нѣмцами, раздавалъ имъ должности мимо туземцевъ, наконецъ старался ввести латинство. Галичанѣ отравили его ядомъ; тогда Казимиръ великій, пользуясь несогласіемъ

бояръ относительно выбара князя, въ два похода успѣлъ овладѣть княжествомъ Мстислава торопецкаго и Даніила Романовича (1340 г.).

На восточной сторонѣ Днѣпра замѣчательны для насъ событія, происходившія въ княжествѣ брянскомъ; замѣчательны они по соотвѣтствію событіямъ, которыя видимъ въ другихъ княжествахъ русскихъ въ описываемое время: вездѣ князья обнаруживаютъ одинакія стремленія—усилиться во что бы то ни стало насчетъ другихъ, и вездѣ борьба эта, ведущаяся по инстинкту самосохраненія, принимаетъ суровый характеръ, сопровождается кровавыми явленіями. Подъ 1309 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Святославъ Глѣбовичъ выгналъ племянника своего, князя Василія изъ Брянска, и самъ сѣлъ на его мѣсто. Василій ушелъ въ Орду жаловаться хану на дядю, и въ слѣдующемъ году пришелъ подъ Брянскъ съ татарскимъ войскомъ. Въ городѣ всталъ сильный мятежъ. Въ это время находился здѣсь митрополитъ Петръ, который сталъ уговаривать Святослава подѣлиться волостью съ племянникомъ, или, оставивши ему все, бѣжать изъ города, а не биться. Но Святославъ надѣялся на свою силу и на мужество; былъ онъ крѣпокъ тѣломъ, очень храбръ и потому не послушался митрополита, отвѣчалъ ему: „Господинъ! Брянцы меня не пустятъ, они хотятъ за меня головы свои сложить“, Святославъ не хотѣлъ даже защищаться въ стѣнахъ города, но вышелъ на полдень пути отъ Брянска и сразился съ Татарами. Послѣдніе, по обычаю, сначала помрачили воздухъ стрѣлами, потомъ, когда дѣло дошло до копій и сабель, то Брянцы—крамольники, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, выдали князя Святослава, бросили стяги и побѣжали; Святославъ остался только съ однимъ дворомъ своимъ, бился долго, наконецъ былъ убитъ. Митрополитъ Петръ затворился въ церкви и тамъ спасся отъ Татаръ. Князь Василій, овладѣвши Брянскомъ, не терялъ времени и случая: въ томъ же году ходилъ съ Татарами къ Корочеву, и убилъ тамошняго князя Святослава Мстиславича. Смерть Василія брянскаго помѣщена подъ 1314 годомъ; въ 1333 упоминается о походѣ князя Дмитрія брянскаго на Смоленскъ съ Татарами: бились много и заключили миръ [430]. Въ 1340 году Брянцы, злые крамольники, по выраженію лѣтописца, сошлись вѣчемъ и убили князя своего Глѣба Святославича, не смотря на увѣщанія митрополита Ѳеогноста.— Въ корочевскомъ княжествѣ князь Андрей Мстиславичъ былъ убитъ племянникомъ своимъ, Василіемъ Пантелеичемъ, въ 1339 году.

ГЛАВА VI.

Событія въ княженіе сыновей Іоанна Калиты.

(1341—3362).

Симеонъ Гордый; подручническія отношенія князей къ нему.—Походы Симеона на Смоленскъ и Новгородъ.—Волненія въ Новгородѣ, Твери и Рязани.—Событія въ Ярославлѣ и Муромѣ.—Дѣла татарскія и литовскія.—Олгердъ и борьба его съ тевтонскимъ орденомъ.—Войны Пскова съ литовскими Нѣмцами, Новгорода съ Шведами. — Договоръ В. К. Симеона съ братьями. — Черная смерть.—Кончина и завѣщаніе Симеона Гордаго.—Соперничество преемника его Іоанна съ суздальскимъ княземъ. — Война съ Рязанью. — Судьба московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича Хвоста.—Усобицы въ Муромѣ, Твери и Новгородѣ.—Отношенія къ Ордѣ и Литвѣ.—Смерть В. К. Іоанна.—Торжество сына его Димитрія надъ суздальскимъ княземъ.—Московскіе бояре.

По смерти Калиты всѣ русскіе князья отправились въ Орду; но соперничество ихъ съ богатымъ и сильнымъ московскимъ княземъ было не возможно, и ханъ объявилъ старшаго сына Калиты, Симеона, великимъ княземъ владимирскимъ. Благодаря усиленію Москвы, это уже не былъ теперь одинъ только титулъ; но чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось; они перестали быть родичами равноправными и стали подручниками: „всѣ князья Русскіе даны были подъ руки Симеона", говорятъ лѣтописи. Что князья хорошо понимали эту перемѣну; что сынъ Калиты заставилъ ихъ ее почувствовать, доказательствомъ служитъ прозваніе Гордаго, которое они ему дали. Есть извѣстіе [431], что Симеонъ, созывая князей для извѣстныхъ цѣлей своихъ, напоминалъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему, и что теперь только такимъ же

безпрекословнымъ повиновенiемъ ему, Симеону, они могутъ освободиться отъ татарскаго ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношенiями; знали, къ чему поведетъ такая покорность.

Какъ бы то ни было, князья повиновались Симеону; Тверь не думала болѣе о борьбѣ: князь ея Всеволодъ Александровичъ отказался отъ мести за отца своего сыну Калиты, и отдалъ за Симеона московскаго сестру свою Марiю въ 1346 году, а въ 1349 году племянникъ Александровъ Михаилъ, сынъ великаго князя тверскаго, Василiя Михайловича, женился на дочери Симеоновой. Въ 1351 году лѣтопись упоминаетъ о походѣ Симеона съ двумя братьями—Иваномъ и Андреемъ на Смоленскъ, но послы смоленскiе встрѣтили его на рѣкѣ Угрѣ и заключили миръ; причины похода и условiя мира неизвѣстны [132].—Въ то время, какъ Симеонъ, по смерти отца своего, находился въ Ордѣ, новгородскiе молодцы, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, повоевали и пожгли Устюжну; жители послѣдней нагнали ихъ и отняли добычу; но потомъ молодцы эти повоевали белозерскую волость. Мы видѣли, что Калита купилъ Бѣлозерскъ; Симеонъ долженъ былъ смотрѣть на этотъ городъ уже какъ на свою собственность; когда онъ возвратился изъ Орды, то первымъ его дѣломъ было послать въ Торжекъ за сборомъ дани, при чемъ сборщики стали притѣснять жителей. Новоторжцы послали просить помощи у Новгородцевъ, и тѣ отправили войско, которое внезапно овладѣло Торжкомъ, схватило великокняжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани, перековало ихъ съ женами и дѣтьми, укрѣпило городъ, а Новгородцы между тѣмъ послали въ Москву сказать Симеону: „Ты еще не сѣлъ у насъ на княженiи, а уже бояре твои насильничаютъ“. Новоторжцы, боясь мести великаго князя, послали сказать Новгородцамъ, чтобъ они садились на коней и спѣшили къ нимъ на помощь; но чернь новгородская не захотѣла выступить въ походъ. Тогда новоторжская чернь, видя, что изъ Новгорода рать не приходитъ, встала на бояръ, говоря: „Зачѣмъ вы призвали Новгородцевъ? Они перехватали княжихъ людей, и намъ теперь приходится за это погибать!“ Черные люди вооружились, надѣли брони, пошли на дворы, гдѣ содержались московскiе плѣнники, освободили ихъ, а Новгородцевъ выпроводили изъ города, потомъ бросились на своихъ бояръ, домы ихъ разграбили, хоромы развезли, села опустошили, одного боярина Семена Внучка убили на вѣчѣ,

остальные убѣжали въ Новгородъ. Между тѣмъ въ Москвѣ былъ съѣздъ всѣмъ князьямъ русскимъ—Симеонъ Гордый шелъ въ походъ на Новгородъ; съ нимъ вмѣстѣ отправился и митрополитъ Ѳеогностъ. Новгородцы, узнавъ, что великій князь въ Торжкѣ со всею землею низовскою, начали собирать всю свою волость къ себѣ въ городъ, но сперва попытались кончить дѣло миромъ: владыку Василія отправили бить челомъ къ митрополиту, а тысяцкаго съ боярами къ великому князю. Симеонъ согласился на миръ по старымъ грамотамъ новгородскимъ, но взялъ за это черный боръ по всей волости и 1000 рублей съ Торжка; послѣ чего отпустилъ намѣстника въ Новгородъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Симеонъ кромѣ денегъ потребовалъ еще неслыханнаго до тѣхъ поръ униженія отъ пословъ новгородскихъ; прозваніе Гордый побуждаетъ вѣрить этому свидѣтельству [433]. Только въ 1347 году Симеонъ, по зову владыки Василія, пріѣзжавшаго за тѣмъ въ Москву, отправился въ Новгородъ, гдѣ сѣлъ на столъ и пробылъ три недѣли.

Сторонъ княжескихъ теперь не могло быть болѣе въ Новгородѣ, ибо нельзя стало болѣе выбирать изъ многихъ князей; но существованіе сильныхъ сторонъ боярскихъ очевидно изъ разсказовъ лѣтописца о внутреннихъ дѣлахъ Новгорода. Подъ 1342 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о смерти посадника Варѳоломея, сына Юрія Мишинича; мѣсто его заступилъ прежній посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ. Вскорѣ послѣ этого Лука Варѳоломеичъ, какъ видно сынъ умершаго посадника, противъ воли Новгорода, не взявши благословенія ни у митрополита, ни у владыки, собравши бродячихъ холопей, пошелъ за Волокъ на Двину, поставилъ городокъ Орлецъ, и, набравши Емчанъ [434], опустошилъ всю землю заволоцкую по Двинѣ, взялъ всѣ погосты на щитъ; потомъ, отпустивши сына своего Онцифора на Вагу, выѣхалъ воевать только съ двумя стами человѣкъ, и былъ убитъ Заволочанами. Когда пришла въ Новгородъ вѣсть о смерти Луки, то черные люди встали на какого-то Андрюшку, да на посадника Ѳедора Даниловича, пограбили ихъ домы и села, обвиняя ихъ въ убійствѣ Луки. Ѳедоръ и Андрюшка убѣжали въ Копорье и сидѣли тамъ всю зиму до Великаго поста, когда возвратился съ Ваги Онцифоръ и сталъ бить на нихъ челомъ Новгороду: „Ѳедоръ и Андрюшка заслали убить моего отца", — говорилъ онъ. Владыка и Новгородъ послали архимандрита съ боярами въ Копорье привести оттуда обвиненныхъ; Ѳедоръ и Андрей пріѣхали и объя-

вили: „не думали мы на брата своего Луку, чтобъ его убить, не засылали на него". Тогда Онцифоръ вмѣстѣ съ Матвѣемъ [135] собрали вѣче у св. Софіи, а Ѳедоръ и Андрей собрали другое вѣче на Ярославовомъ дворѣ; Онцифоръ и Матвѣй послали было на это вѣче владыку, но не дождавшись его возвращенія, ударили на Ярославовъ дворъ, были разбиты, Матвѣй Коска (Козка) съ сыномъ попались въ руки враговъ, а Онцифоръ убѣжалъ съ своими пособниками. Это случилось утромъ; а послѣ обѣда вооружился весь городъ, раздѣлившись на двѣ стороны: однако владыка Василій съ великокняжескимъ намѣстникомъ Борисомъ помирили гражданъ: крестъ былъ возвеличенъ, а дьяволъ посрамленъ, говоритъ лѣтописецъ. Послѣ этого, какъ видно, посадникомъ былъ избранъ Евстаѳій Дворянинецъ; но въ 1345 г. онъ былъ лишенъ посадничества, которое было отдано упомянутому выше Матвѣю Варѳоломеевичу, по всѣмъ вѣроятностямъ дядѣ Онцифорову, сыну покойнаго посадника Варѳоломея: „Божею благодатію, говоритъ лѣтописецъ, не было лиха между ними", т.-е. между старымъ и новымъ посадникомъ. Потомъ, какъ видно, Матвѣй опять скоро былъ свергнутъ и замѣщенъ Дворянинцемъ, по смерти котораго видимъ въ 1348 году посадникомъ опять Ѳедора Даниловича. Въ 1350 году Ѳедоръ Даниловичъ былъ свергнутъ, и посадничество отдано извѣстному Онцифору Лукиничу; но этимъ дѣло не кончилось: скоро Ѳедора выгнали съ тремя братьями, пограбили домы ихъ и всю Прусскую улицу; изгнанники отправились сперва во Псковъ, а потомъ въ Копорье.

Въ остальныхъ княжествахъ происходили волненія другаго рода. Въ Твери до 1346 года княжилъ Константинъ Михайловичъ. Стремясь, подобно всѣмъ князьямъ усилить себя на счетъ родичей, онъ началъ тѣснить вдову брата своего Александра, Анастасію и сына его, Всеволода Александровича, князя Холмскаго, силою захватывалъ бояръ и слугъ ихъ [136]. Всеволодъ не могъ снести этихъ притѣсненій, и ушелъ въ Москву къ Симеону; потомъ, въ томъ же 1346 году, и Константинъ и Всеволодъ поѣхали въ Орду, гдѣ Константинъ умеръ, а Всеволодъ выхлопоталъ у хана ярлыкъ на княженіе, не смотря на то, что у него оставался еще дядя, Василій Михайловичъ, князь Кашинскій. Послѣдній услыхавъ о братней смерти, спѣшилъ также въ Орду, но зная, что туда не зачѣмъ ѣздить съ пустыми руками, взялъ дань съ племянниковой холмской волости, и отправился; Всеволодъ, узнавши о поступкѣ дяди и о поѣздкѣ

его въ Орду, выѣхалъ оттуда къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ, и ограбилъ его, вслѣдствіе чего Василій долженъ былъ возвратиться въ свою отчину—Кашинъ. Понятно, что вражда между дядею и племянникомъ не кончилась этимъ, а только началась: „была между ними ссора, говоритъ лѣтописецъ, а людямъ тверскимъ тягость, и многіе люди тверскіе отъ такого нестроенія разошлись; вражда была сильная между князьями, чуть-чуть не дошло до кровопролитія". Однако любопытно, что кровопролитія не было: не любили его сѣверные князья, старались кончить дѣло какими-нибудь другими средствами. Въ 1349 году епископу Ѳеодору удалось помирить князей: Всеволодъ уступилъ Тверь дядѣ, и оба укрѣпились между собою крестнымъ цѣлованіемъ, поклялись жить въ совѣтѣ и единствѣ, и вотъ когда узнали, что князья помирились, то пошли къ нимъ отовсюду люди въ города ихъ и волости, народонаселеніе умножилось, и всѣ Тверичи сильно радовались. Но радовались они не долго: только что Василій получилъ ярлыкъ изъ Орды, какъ началъ опять сердиться на племянника, припоминая, какъ тотъ ограбилъ его на дорогѣ въ Орду; средства къ угнетенію племянника употреблены были и Василіемъ тѣже самыя, какія прежде употреблялъ Константинъ: онъ сталъ притѣснять бояръ и слугъ холмскаго князя. Но подобныя явленія происходили не въ одномъ тверскомъ княжествѣ: мы видѣли, что рязанскій князь Иванъ Ивановичъ Коротополъ убилъ родственника своего Александра Михайловича Пронскаго. Въ 1342 году сынъ убитаго Александра, Ярославъ выхлопоталъ себѣ ярлыкъ и выгналъ самаго Коротопола изъ Переяславля Рязанскаго [437]; потомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Коротополъ былъ убитъ—неизвѣстно, гдѣ, кѣмъ и какъ, а подъ 1344 годомъ упоминается о смерти Ярослава пронскаго.—Подъ 1349 годомъ упоминается о смерти рязанскаго князя Василія Александровича, какъ видно, брата Ярославова, послѣ чего видимъ въ Рязани княземъ знаменитаго Олега Іоанновича. Въ 1344 году умерли князья—Василій Давыдовичъ ярославскій и Василій муромскій; преемникъ послѣдняго, Юрій Ярославичъ обновилъ отчину свою Муромъ, запустѣлый издавна, со временъ первыхъ князей; Юрій поставилъ дворъ свой въ этомъ городѣ, его примѣру послѣдовали бояре, вельможи, купцы и черные люди.

Въ Ордѣ въ 1340 году умеръ ханъ Узбекъ; старшій сынъ и преемникъ его, Тинбекъ (Инсанбегъ) былъ убитъ въ 1342 году млад-

шимъ братомъ своимъ Чанибекомъ. Пять разъ ходилъ Симеонъ московскій въ Орду, и всякій разъ возвращался оттуда со многою честію и пожалованіемъ, по выраженію лѣтописца: о татарскихъ опустошеніяхъ, насиліяхъ баскаковъ и пословъ не слышно и въ княженіе Симеона, какъ въ княженіе отца его; только разъ подъ 1347 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о приходѣ ордынскаго князя Темира подъ городъ Алексинъ: Татары сожгли посадъ и возвратились въ Орду съ большой добычею. Съ отношеніями татарскими при Симеонѣ соединились литовскія. Мы видѣли, что въ то самое время, какъ на сѣверо-востокѣ усилились московскіе князья и стали собирать русскую землю, на юго-западѣ тоже самое дѣло совершено было князьями литовскими; но какъ скоро обѣ половины Руси собрались въ два сильныя тѣла, то и вступили въ борьбу между собою; Гедиминъ занятъ былъ подчиненіемъ себѣ волостей юго-западной Руси; сынъ его Олгердъ, спокойный съ этой стороны, обратилъ вниманіе на сѣверо-восточную. Олгердъ, по отзыву нашего лѣтописца, былъ очень уменъ, говорилъ на разныхъ языкахъ, не любилъ забавъ, и занимался дѣлами правительственными день и ночь; былъ воздерженъ, вина, пива, меду и никакого хмѣльнаго напитка не пилъ и отъ этого пріобрѣлъ великій разумъ и смыслъ, коварствомъ своимъ многія земли повоевалъ и увеличилъ свое княжество [438]. Въ 1341 году Олгердъ явился подъ Можайскомъ, опустошилъ окрестности, пожегъ посадъ, но города взять не могъ [439]. Мы видѣли, что Евнутій, братъ Олгердовъ, нашелъ убѣжище въ Москвѣ у Симеона. Но литовскіе князья, подобно соперникамъ своимъ, князьямъ московскимъ, отличаются большою осторожностію въ своемъ поведеніи, не любятъ рѣшительныхъ средствъ, открытой борьбы, гдѣ въ одной битвѣ можно потерять собранное многолѣтними трудами. Олгердъ, коварству котораго удивляется лѣтописецъ, вздумалъ погубить московское княжество посредствомъ Татаръ, для чего въ 1349 году отправилъ брата своего Коріада къ Чанибеку просить у него помощи на Симеона. Тотъ, узнавши объ этомъ, немедленно послалъ сказать хану: „Олгердъ опустошилъ твои улусы (югозападныя Русскія волости) и вывелъ ихъ въ плѣнъ, теперь тоже хочетъ сдѣлать и съ нами, твоимъ вѣрнымъ улусомъ, послѣ чего, разбогатѣвши, вооружится и на тебя самого“. Ханъ былъ столько уменъ, что понялъ справедливость словъ Симеоновыхъ, задержалъ Коріада и выдалъ его московскому князю. Олгердъ при-

смирѣлъ на время, и отправилъ пословъ въ Москву съ дарами и челобитьемъ, прося освободить брата: Симеонъ исполнилъ просьбу. Мало того, оба брата, Олгердъ и Любартъ, женатые и прежде на княжнахъ русскихъ, и овдовѣвшіе, въ одинъ годъ прислали къ Симеону просить за себя двухъ его родственницъ: Любартъ племянницу, княжну ростовскую, а Олгердъ свояченицу, княжну тверскую. Симеонъ спросился митрополита, и тотъ разрѣшилъ эти браки, вѣроятно имѣя въ виду пользу, какая могла произойти отъ нихъ для православной югозападной Руси, гдѣ Любартъ Волынскій боролся съ Казимиромъ Польскимъ, угнетавшимъ православіе [440].—Съ Новгородомъ также было у Олгерда враждебное столкновеніе въ 1346 году: литовскій князь вошелъ въ новгородскіе предѣлы со всею братьею и со всею литовскою землею, сталъ на рѣкѣ Шелони, при впаденіи въ нее Пшаги, и послалъ объявить Новгородцамъ: „Хочу съ вами видѣться: бранилъ меня посадникъ вашъ, Евстаѳій Дворянинецъ, называлъ псомъ",—послѣ чего опустошилъ страну по рѣкамъ Шелони и Луги, и пошелъ домой; Новгородцы вышли было противъ него на Лугу, но возвратились къ себѣ въ городъ, собрали вѣче и убили посадника своего Дворянинца, крича ему: „Изъ-за тебя опустошили нашу волость".

Но не одна врожденная осторожность заставляла Олгерда дѣйствовать нерѣшительно противъ сѣверо-восточной Руси: онъ сдерживался на западѣ опасною борьбою съ нѣмецкимъ орденомъ, вліяніе котораго на судьбы восточной Европы становится такимъ образомъ еще важнѣе. Мы видѣли, что торжествомъ своимъ надъ Пруссами орденъ былъ обязанъ преимущественно ихъ раздѣленію на многія независимыя племена, не могшія потому выставить завоевателямъ дружнаго сопротивленія. Но борьба перемѣнила характеръ, когда рыцари, окончивъ завоеваніе Пруссіи, обратились на Литву, ибо здѣсь, благодаря стремленіямъ Миндовга и его преемниковъ, они должны были имѣть дѣло съ соединенными силами цѣлой страны, силами, которыя постоянно увеличивались, сначала толпами Пруссовъ, которыя бѣжали отъ ига Нѣмцевъ, потомъ русскими волостями, входившими въ составъ великаго княжества литовскаго. Послѣдніе годы тринадцатаго и первые четырнадцатаго вѣка протекли въ опустошительныхъ набѣгахъ рыцарей на литовскія области и Литовцевъ на владѣнія рыцарей; послѣднимъ не удалось стать твердою ногою на литовскомъ берегу Нѣмана. Неудачны были рѣчные походы ры-

царей по Нѣману; огромная барка ихъ, сдѣланная въ видѣ пловучаго острожка, сѣла на мель и была сожжена Литовцами; одинаково неудачны были и походы сухопутные; взятіе литовскихъ крѣпостей стоило ордену много трудовъ и крови. Въ 1336 году прибыли въ Пруссію маркграфъ бранденбургскій, графъ геннебергскій и графъ намурскій съ многочисленными войсками, чтобъ помогать ордену въ войнѣ съ язычниками. Магистръ ордена воспользовался удобнымъ случаемъ, двинулся вмѣстѣ съ союзниками на Литву и осадилъ Пунэ, острожекъ, служившій пристанищемъ для Литвы, возвращавшейся съ набѣговъ. На этотъ разъ въ острожкѣ укрылось четыре тысячи окрестныхъ жителей съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Въ христіанскомъ ополченіи было много военныхъ машинъ, которыя такъ успѣшно били въ стѣны острожка, что осажденные скоро увидали невозможность защищаться долѣе и, не смотря на то, рѣшились лучше погибнуть съ женами и дѣтьми, чѣмъ сдаться врагу; оборонялись до послѣдней крайности, потратили много народа на вылазкахъ; всѣ способные къ бою были покрыты ранами, а между тѣмъ часть стѣнъ была уже раскачена таранами, другая грозила рухнуть отъ подкоповъ. Тогда Литвины перебили женъ и дѣтей, поклали трупы ихъ на огромный костеръ, сгроможденный среди крѣпости, зажгли его, и потомъ стали сами умерщвлять другъ друга; большую часть перебилъ Маргеръ, начальникъ крѣпости, поклявшійся, что, по умерщвленіи товарищей, самъ себя лишитъ жизни; много помогла Маргеру одна старуха, которая обезглавила топоромъ сто ратниковъ и потомъ убила сама себя, при видѣ входящихъ непріятелей. Нѣмцы безпрепятственно вступили въ крѣпость; оставшіеся въ живыхъ Литвины бросались сами подъ удары ихъ мечей. Маргеръ сдержалъ свое слово: онъ бился еще съ горстью отчаянныхъ храбрецовъ, и когда всѣ они пали, бросился въ подземелье, гдѣ спряталъ жену, убилъ сперва ее, а потомъ и самого себя. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1346 г., когда великимъ магистромъ ордена былъ избранъ Генрихъ фонъ-Арфбергъ. Новый магистръ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, и борьба началась съ обѣихъ сторонъ съ большими усиліями, съ большимъ ожесточеніемъ. Арфбергъ проникъ до Трокъ, страшно опустошилъ ихъ окрестности, потомъ встрѣтился съ литовскими и русскими полками Олгерда и поразилъ ихъ въ злой сѣчѣ, какой еще не было до сихъ поръ между рыцарями и Литвою. Слѣдствіемъ по-

бѣды было новое опустошеніе литовскихъ областей. Но Олгердъ не долго заставилъ ждать мести: онъ вторгнулся съ братьями въ предѣлы орденскихъ владѣній и съ лихвою отплатилъ за недавнее опустошеніе Литвы; войско Олгердово возвращалось уже домой, обремененное добычею, какъ было настигнуто великимъ магистромъ: произошла новая злая битва, и опять Литовцы потерпѣли пораженіе. Съ такимъ-то опаснымъ врагомъ долженъ былъ бороться Олгердъ на западѣ.

Прекращеніе внутренней борьбы дало возможность ливонскому ордену возобновить свои нападенія на Псковъ. Въ 1341 году, безъ объявленія войны, Нѣмцы убили псковскихъ пословъ; Псковичи отомстили имъ опустошеніемъ ливонскихъ областей и, видя, что скоро должно ожидать сильнаго нападенія, начали кланяться Новгородцамъ, чтобъ тѣ дали имъ намѣстника и помощь; Новгородцы не дали ни того, ни другаго, а между тѣмъ Нѣмцы пришли со всею силою, поставили городокъ на псковской землѣ [441]. Псковичи начали мелкую войну, ѣздили воевать нѣмецкія села. Какъ производилась эта война, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа лѣтописца: двое удальцовъ— Филиппъ Ледовичъ и Олферій Селковичъ, подговоривши 60 человѣкъ Порѣчанъ [442], послали спросить Островичей [443]: Хотите ли ѣхать воевать Латыгору?" Островичи согласились и назначили срокъ, когда собраться всѣмъ вмѣстѣ на княжемъ селѣ—Изгояхъ. Порѣчане выѣхали въ назначенное мѣсто и время; но Островичи замедлили, а между тѣмъ нѣмецкій отрядъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ 200 человѣкъ, явился опустошать псковскую область; 60 человѣкъ Псковичей, не дожидаясь товарищей, схватились биться съ Нѣмцами, бились съ солнечнаго восхода до полудня, потеряли Ледовича и Селковича и еще семь человѣкъ своихъ, утомились и отступили: очень было имъ тогда п р и т у ж н о, говоритъ лѣтописецъ. Нѣмцы не преслѣдовали ихъ, а начали переправлять трупы своихъ убитыхъ за рѣку Великую; въ это время явились Островичи съ посадникомъ своимъ Васильемъ Онисимовичемъ, ударили съ свѣжими силами на Нѣмцевъ, однихъ убили, другіе потонули въ рѣкѣ, а тѣ, которые переплыли ее съ трупами, бросились бѣжать, покинувши мертвыхъ. Потомъ 50 молодыхъ Псковичей сговорились идти на Нѣмцевъ подъ начальствомъ Калеки Карпа Даниловича, и въ то же самое время Нѣмцы переѣхали Нарову рѣку и стали воевать псковскія села по берегу; Карпова дружина встрѣтилась съ ними на Кушели, у села

на болотѣ, схватились биться крѣпко, и убили на припорѣ 20 Нѣмцевъ, а остальные побѣжали прочь со стыдомъ, бросивши все, что пограбили. Зимою 1342 года Володша Строиловичъ поднялъ Псковичей воевать нѣмецкія села; поѣхали по озеру, по льду, и услыхавъ, что Нѣмцы воюютъ село псковское Ремду, отправились туда и поразили ихъ.

Еще при самомъ началѣ непріятельскихъ дѣйствій, Псковичи, видя, что ни откуда нѣтъ помощи, послали въ Витебскъ, къ литовскому князю Олгерду, велѣли сказать ему: „Братья наши Новгородцы насъ покинули, не помогаютъ намъ; помоги намъ ты, господинъ“! Олгердъ не оставилъ псковскаго слова безъ вниманія, и пріѣхалъ во Псковъ самъ съ братомъ своимъ Кейстутомъ, полками литовскими и русскими. Воевода Олгердовъ, князь Юрій Витовтовичъ, отправился на границу добывать языка и наткнулся на сильную рать нѣмецкую, которая шла къ Изборску. Потерявши 60 человѣкъ своей дружины, Юрій прибѣжалъ въ Изборскъ, и на другой день явились подъ этимъ городомъ Нѣмцы, „загордившись, въ силѣ тяжкой, безъ Бога, съ пороками, городами и со многимъ замышленіемъ, и отступили городъ Изборскъ, хотя плѣнить домъ св. Николы“. Тяжко было въ то время Изборску, послали жители его гонца во Псковъ „со многою тугою и печалію“; но князь Олгердъ и Кейстутъ и мужи ихъ Литовники отреклись идти противъ нѣмецкой силы; Олгердъ говорилъ Псковичамъ: „Сидите въ городѣ, не сдавайтесь, бейтесь съ Нѣмцами, и если только не будетъ у васъ крамолы, то ничего вамъ не сдѣлаютъ. А если мнѣ пойти съ своею силою на великую ихъ силу, то сколько тамъ падетъ мертвыхъ, и кто знаетъ, чей будетъ верхъ? Если, Богъ дастъ, и мы возьмемъ верхъ, то сколько будетъ побито народу, а какая будетъ изъ этого польза?“ [444]. Пять дней стояли Нѣмцы подъ Изборскомъ, и вдругъ отступили, пожегши пороки и города свои, не зная, что въ Изборскѣ воды не было, и что онъ потому не могъ долго держаться. Послѣ этого Псковичи приняли много труда, уговаривая князя Олгерда креститься и сѣсть у нихъ во Псковѣ на княженіи; Олгердъ отвѣчалъ: „Я уже крещенъ, я уже христіанинъ, въ другой разъ креститься не хочу, и садиться у васъ на княженіе не хочу“. Онъ согласился только на то, чтобъ сынъ его Андрей крестился и остался княжить въ Псковѣ [445]. Но уѣзжая изъ Пскова, Олгердъ и Кейстутъ истребили въ псковской области хлѣбъ и травы, такъ что зимою у жителей пало много ло-

шадей и скота отъ безкормицы. Тогда Псковичи, видя что помощи нѣтъ ни откуда, помирились съ Новгородомъ. Иначе разсказываетъ дѣло новгородскій лѣтописецъ: въ началѣ войны, по его словамъ, псковскіе послы пріѣхали въ Новгородъ съ поклономъ: „Идетъ на насъ рать нѣмецкая, говорили они, кланяемся вамъ, господамъ своимъ, обороните насъ". Новгородцы, не медля ни мало, запечатали всѣ общины [446], и выступили въ походъ, кто въ великую пятницу, а кто въ субботу. Но когда они дошли до села Мелетова [447], пріѣхали опять послы псковскіе и объявили: „Кланяемся вамъ: рати на насъ нѣтъ; пришли Нѣмцы, но они ставятъ городъ на рубежѣ на своей землѣ". Новгородцы сначала хотѣли продолжать путь, но потомъ послушались просьбы пословъ и возвратились домой.

Въ маѣ 1343 года Псковичи, уговорившись съ Изборянами, подняли всю область псковскую и поѣхали воевать нѣмецкую землю. Пять дней и пять ночей воевали они непріятельскія села около Медвѣжьей головы (Оденпе), не слѣзая съ лошадей, воевали тамъ, гдѣ не бывали ихъ отцы и дѣды, и поѣхали назадъ во Псковъ съ большимъ полономъ. Нѣмцы, собравши силу, погнали въ слѣдъ за ними и догнали не далеко отъ Новаго Городка (Нейгаузена) нѣмецкаго, на Маломъ Борку [448]. Стали Псковичи на бой, помолились Святой Троицѣ, святымъ князьямъ своимъ—Всеволоду и Тимоѳею (Довмонту), простились другъ съ другомъ и сказали: „Не опозоримъ отцевъ, потянемъ за Св. Троицу и за св. церкви, за свое отечество!" Была сѣча большая, и Богъ помогъ Псковичамъ, побили они Нѣмцевъ и стали на костяхъ, потерявши 17 человѣкъ убитыми; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ обезпамятѣли отъ безсонницы и погибли, блуждая по лѣсу; иные впрочемъ вышли послѣ рати. Между тѣмъ, еще при самомъ началѣ битвы, Руда, священникъ борисоглѣбскій, пригналъ въ Изборскъ и распустилъ лихую вѣсть, что всѣхъ Псковичей и Изборянъ Нѣмцы побили; ту же вѣсть перенесъ и во Псковъ. Здѣсь поднялся плачъ и вопль, какого никогда прежде не бывало; отрядили гонцовъ въ Новгородъ Ѳому, старосту поповскаго, сказать тамъ: „Псковичи всѣ побиты, а вы, Новгородцы, братья наши, ступайте скорѣе, чтобъ Нѣмцы не взяли прежде васъ города". Опамятовавшись однако немного, послали провѣдать, точно ли правду сказалъ Руда, и нашли, что Псковичи, которыхъ считали мертвыми, спокойно спятъ въ станѣ подъ Изборскомъ. Сильная радость смѣнила горе, когда пришла во Псковъ эта добрая вѣсть.—Лѣтъ шесть

потомъ не было слышно о Нѣмцахъ; но въ 1348 году, когда войско псковское находилось въ новгородскихъ областяхъ, помогая Новгороду въ войнѣ со Шведами, Нѣмцы начали жечь псковскія села, а весною 1349 года отрядъ ихъ явился внезапно у Изборска. Въ это время жилъ во Псковѣ литовскій князь Юрій Витовтовичъ; онъ вышелъ противъ Нѣмцевъ и былъ убитъ при первой стычкѣ: была тогда во Псковѣ скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и положили его въ церкви Св. Троицы. Въ томъ же году Нѣмцы поставили новую крѣпость надъ рѣкою Наровою, Псковичи подняли всю свою область и поѣхали—одни въ лодкахъ, другіе на лошадяхъ, пріѣхали къ новому городку, обступили и зажгли его; Нѣмцы и Чудь, которые въ немъ были, одни сгорѣли, другіе пометались изъ крѣпости, и были побиты Псковичами. Во всѣхъ этихъ войнахъ не упоминается о князѣ Андреѣ Олгердовичѣ: онъ не жилъ самъ во Псковѣ, а держалъ намѣстника. Пока этимъ намѣстникомъ былъ храбрый и любимый Юрій Витовтовичъ, Псковичи молчали; но, послѣ смерти его, они послали сказать Андрею: „Тебѣ было, князь, сидѣть самому во Псковѣ на княженіи, а намѣстниками Пскова не держать: когда тебѣ не угодно сидѣть у насъ, въ другомъ мѣстѣ княжишь, то намѣстниковъ твоихъ не хотимъ". Этимъ поступкомъ Псковичи накликали на себя новыхъ враговъ: Олгердъ и Андрей немедленно захватили въ своихъ владѣніяхъ всѣхъ купцовъ псковскихъ, товаръ у нихъ отняли, самихъ отпустили только тогда, когда они заплатили окупъ; кромѣ того, Андрей изъ Полоцка повоевалъ псковскія села; Псковичи отомстили ему тѣмъ же.

Въ отношеніяхъ Пскова къ Новгороду произошла важная перемѣна вслѣдствіе войны шведской. Еще во время малолѣтства короля Магнуса Ерихсона собрана была въ Швеціи десятина для крестоваго похода на Русскихъ—язычниковъ, какъ величались они въ папскихъ буллахъ. Въ 1348 году Магнусъ предпринялъ этотъ походъ. Послы его явились въ Новгородъ и объявили вѣчу отъ имени короля: „Пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, а я пришлю своихъ, пусть они поговорятъ о вѣрѣ; хочу я узнать, какая вѣра будетъ лучше: если ваша будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру, если же наша лучше, то вы ступайте въ нашу вѣру и будемъ всѣ какъ одинъ человѣкъ; если же не хотите соединиться съ нами, то иду на васъ со всею моею силою". Владыка Василій, посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ, тысяцкій Авраамъ и всѣ Новгородцы, подумавши, ве-

лѣли отвѣчать Магнусу: „Если хочешь узнать, какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патріарху, потому что мы приняли отъ Грековъ православную вѣру, а съ тобою намъ нечего спорить о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая-нибудь отъ насъ обида, то шлемъ къ тебѣ на съѣздъ“ и послали къ нему Авраама тысяцкаго съ боярами. Но Магнусъ отвѣчалъ посламъ: „Обиды мнѣ отъ васъ нѣтъ никакой; ступайте въ мою вѣру, а не пойдете, такъ иду на васъ со всею моею силою;“—и отпустивши пословъ съ этимъ отвѣтомъ, осадилъ Орѣшекъ, сталъ крестить Ижорянъ въ свою вѣру, а которые не захотѣли креститься, на тѣхъ рать пустилъ, всѣмъ попавшимся въ его руки Русскимъ велѣлъ стричь бороды и потомъ перекрещивать ихъ въ латинство. Но Русскіе скоро показали, что у нихъ бороды опять отросли, говоритъ шведская хроника [149]; Новгородцы отправили противъ непріятеля извѣстнаго намъ Онцифора Лукича съ малою дружиною; но Онцифору удалось съ потерею только трехъ человѣкъ изъ своего войска перебить 500 человѣкъ Шведовъ, другихъ взять въ плѣнъ, и казнить перевѣтниковъ. Между тѣмъ посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ съ намѣстниками великокняжескими, со всею волостью новгородскою и Псковичами двинулся къ Ладогѣ, пославши сказать великому князю Симеону: „Приходи, князь, къ намъ, оборонять свою отчину, идетъ на насъ король шведскій, нарушивши крестное цѣлованіе“. Симеонъ отвѣчалъ: „Съ радостію иду, но держатъ меня дѣла ханскія“. Спустя нѣсколько времени [150], Симеонъ выступилъ въ походъ, но, дошедши до Ситна [151], возвратился назадъ въ Москву: гонецъ привезъ ему извѣстіе, что ханъ выдалъ ему Олгердова брата Коріада; тогда московскіе полки повелъ въ Новгородъ братъ Симеоновъ Іоаннъ. Этотъ князь пришелъ въ Новгородъ, но въ Ладогу, къ новгородскому войску не отправился, а между тѣмъ королю удалось овладѣть Орѣшкомъ, гдѣ онъ захватилъ и пословъ новгородскихъ, Авраама тысяцкаго съ товарищами. Удовольствовавшись взятіемъ Орѣшка, Магнусъ оставилъ въ немъ намѣстниковъ, а самъ отправился въ Швецію; князь Іоаннъ, услыхавъ о взятіи Орѣшка, также ушелъ назадъ въ Москву, и Новгородцы съ Псковичами одни отправились осенью къ Орѣшку, и взяли его. Но идучи къ Орѣшку, Новгородцы, по выраженію лѣтописца, дали жалованье Пскову, опредѣлили: посадникамъ новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть, ни судить; отъ владыки судить во

Псковѣ Псковичу, изъ Новгорода Псковитянъ на судъ не вызывать ни дворянами, ни подвойскими, ни Софьянами, ни извѣтниками, ни биричами, и назвали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду [452]. Впрочемъ есть извѣстіе [453], что Псковитяне плохо отблагодарили Новгородцевъ за это жалованье: они не хотѣли долго стоять подъ Орѣшкомъ, и когда Новгородцы просили, чтобъ они ушли по крайней мѣрѣ ночью, то Псковичи не хотѣли исполнить и этой просьбы, но вышли изъ стана нарочно въ полдень, съ громкою музыкою. Черезъ годъ Магнусъ приплылъ опять къ русскимъ берегамъ, переночевалъ подъ Копорьемъ, и узнавши о приближеніи новгородскаго войска, ушелъ назадъ въ море, гдѣ ждала его буря, истребившая много шведской рати въ устьѣ рѣки Наровы; а Новгородцы пошли къ Выборгу, пожгли окрестности, посадъ и разбили Шведовъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ города, наконецъ въ Дерптѣ размѣняли плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ, и заключили миръ [454].

Опасная борьба шла на западныхъ границахъ; внутри разныхъ княжествъ происходили волненія, усобицы княжескія, заставлявшія народъ выселяться изъ родной страны; но московское княжество было спокойно и при Симеонѣ, какъ при отцѣ его; народъ не терпѣлъ ни отъ Татаръ, ни отъ усобицъ. Симеонъ жилъ мирно съ братьями, до насъ дошелъ любопытный договоръ его съ ними [455]. Договоръ начинается такъ: „Я, князь великій Симеонъ Іоанновичъ всея Руси съ своими братьями младшими, съ княземъ Иваномъ и княземъ Андреемъ, цѣловали между собою крестъ у отцовскаго гроба. Быть намъ заодно до смерти, брата старшаго имѣть и чтить въ отцово мѣсто; а тебѣ, господинъ, князь великій, безъ насъ не докапчивать ни съ кѣмъ“. Всѣ эти выраженія, съ перваго разу, напоминаютъ старину, но въ старину князья не иначе называли другъ друга какъ: братъ, отецъ, сынъ; въ договорѣ же Симеона младшіе братья, обѣщая, что будутъ держать старшаго въ отцово мѣсто, не смѣютъ однако, или не хотятъ, или не умѣютъ назвать его: отче! но постоянно называютъ: „Господинъ, князь великій!“ Любопытно также, что братья всего больше толкуютъ о собственности, о своихъ участкахъ: младшіе выговариваютъ, чтобъ старшій братъ не обидѣлъ, чего не отнялъ у нихъ; также: „кто изъ насъ что примыслилъ или прикупилъ, или кто впередъ что прикупитъ или примыслитъ чужое къ своимъ волостямъ, то все блюсти, не обидѣть“.

Если въ княженіе Симеона Русь не испытала ни кровавыхъ усобицъ, ни татарскихъ опустошеній, за то въ 1352 году явилась страшная язва — Черная смерть; въ 1353 году она поразила въ Москвѣ митрополита Ѳеогноста, самаго великаго князя, двоихъ сыновей его и брата Андрея. Симеонъ умеръ еще очень молодъ, 36 лѣтъ; онъ также оставилъ завѣщаніе, въ которомъ отказалъ удѣлъ свой и все движимое и недвижимое имѣніе женѣ, по смерти которой все это переходило къ брату Симеону, великому князю Іоанну. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что два удѣла московскаго княжества соединились теперь въ одинъ, и такимъ образомъ сила великаго князя Іоанна увеличивалась вдвое. Мы видѣли, что третій сынъ Калиты Андрей умеръ въ одно время съ Симеономъ, и уже по смерти его родился у него сынъ Владиміръ, получившій только одинъ удѣлъ отцовскій [457]. Въ завѣщаніи Симеона любопытно слѣдующее наставленіе братьямъ, изъ котораго оказывается осѣдлость бояръ, вслѣдствіе новаго порядка вещей, явленіе старыхъ отцовскихъ бояръ, хранителей правительственныхъ преданій, добрыхъ совѣтниковъ, которыхъ мы такъ мало видимъ прежде: „По отца нашего благословенью, что приказалъ намъ жить за одинъ, также и я вамъ приказываю, своей братьѣ, жить за одинъ; лихихъ людей не слушайте, которые станутъ васъ ссорить; слушайте отца нашего, владыки Алексѣя, да старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли. Пишу вамъ это слово для того, чтобъ не перестала память родителей нашихъ и наша, чтобъ свѣча не угасла“.

У брата Симеонова Іоанна явился соперникъ въ исканіи великаго княженія Владимирскаго—то былъ Константинъ Васильевичъ, князь суздальскій. Если мы предположимъ, что Константинъ происходилъ отъ Андрея Ярославича, а не Александровича, и былъ такимъ образомъ дядею сыновьямъ Калиты, то и тогда онъ не имѣлъ права на старшинство, ибо взялъ бы его не по отчинѣ и не по дѣдинѣ: ни отецъ, ни дѣдъ его не были великими князьями [458]. Константинъ суздальскій искалъ великаго княженія не по старымъ правамъ, но по новымъ понятіямъ и отношеніямъ, по которымъ всякій князь имѣлъ право въ томъ случаѣ, когда былъ отваженъ, богатъ и силенъ. Объ отвагѣ Константина свидѣтельствуетъ лѣтопись, говоря что онъ княжилъ честно и грозно, оборонялъ отчину свою отъ сильныхъ князей и отъ Татаръ, причемъ подъ

сильными князьями нельзя разумѣть другихъ, кромѣ московскихъ. Если Константинъ не могъ быть богатъ собственною казною, чтобъ перекупить ярлыкъ у московскаго князя, то могъ получить денежную помощь изъ Новгорода, жители котораго, притѣсненные Калитою, смиренные Симеономъ, не могли надѣяться добра отъ сильной Москвы, и старались, чтобъ великое княженіе перешло къ другому князю послабѣе: узнавши о смерти Симеона, они отправили немедленно посла своего въ Орду просить великаго княженія Константину суздальскому. Но всѣ ихъ старанія были напрасны: ханъ отдалъ ярлыкъ Іоанну Московскому. Впрочемъ сначала ни суздальскій князь, ни Новгородцы не обратили вниманія на ярлыкъ: Константинъ помирился съ Іоанномъ передъ своею смертію въ 1354 году; съ Новгородомъ у московскаго князя полтора года не было мира.

Въ годъ смерти Симеоновой, Рязанцы взяли Лопасню, захватили здѣсь намѣстника Александра Михайловича, отвели въ Рязань и держали тамъ въ большомъ томленіи, пока не выкупили его изъ Москвы. Лопасня, принадлежавшая къ удѣлу малолѣтняго серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича, и шесть другихъ мѣстъ были потеряны; но этотъ уронъ былъ вознагражденъ другими пріобрѣтеніями въ рязанской области [459].

Внутри московскаго княжества въ правленіе Іоанна произошло слѣдующее замѣчательное событіе. Мы уже имѣли случай говорить, что при осѣдлости князей и бояре ихъ должны были пріобрѣсти большое значеніе въ княжествѣ; большое значеніе долженъ былъ пріобрѣсти и тысяцкій, получившій возможность отправлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сряду безъ смѣны, могла даже явиться наслѣдственность должности въ одномъ родѣ [460]. Но при такихъ обстоятельствахъ власть тысяцкаго, при непосредственныхъ отношеніяхъ этой власти къ городовому народонаселенію, могла быть опасна другимъ боярамъ, которыхъ вліяніе стѣснялось вліяніемъ тысяцкаго, потомъ могла быть опасна и самой власти княжеской. Въ описываемое время должность московскаго тысяцкаго отправлялъ бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ. При Симеонѣ Гордомъ онъ поднялъ крамолу противъ великаго князя, былъ изгнанъ, лишенъ своихъ волостей; всѣ три брата: Симеонъ, Іоаннъ и Андрей поклялись не принимать къ себѣ въ службу мятежнаго боярина, ни дѣтей его; Іоаннъ особенно поклялся не отдавать Алексѣю Пе-

тровичу той части его имѣнія, которую онъ, Іоаннъ, получилъ отъ брата своего, великаго князя Симеона [161];—и несмотря на все это, Алексѣй Петровичъ является тысяцкимъ въ княженіе Іоанна. Но зимою, 3 февраля 1357 года, рано во время заутрени, тѣло Алексѣя Петровича было найдено на площади со всѣми признаками насильственной смерти: никто не видалъ, какъ совершилось убійство; но слухъ шелъ, что бояре собирали на тысяцкаго тайный совѣтъ, строили ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей, общею всѣхъ думою, какъ погибъ Андрей Боголюбскій отъ Кучковичей [162]. Сильный мятежъ всталъ въ городѣ вслѣдствіе этого убійства, и большіе бояре московскіе отъѣхали въ Рязань съ женами и дѣтьми; но въ слѣдующемъ году великій князь перезвалъ къ себѣ опять изъ Рязани двоихъ бояръ—Михаила и зятя его Василія Васильевича.

Въ другихъ княжествахъ продолжались прежнія явленія. Въ муромской волости, въ 1354 году князь Ѳедоръ Глѣбовичъ, собравши большое войско, пошелъ къ Мурому на тамошняго князя Юрія Ярославича, выгналъ его и самъ сѣлъ на его мѣсто. Муромцы были ему рады и пошли съ нимъ въ Орду; но спустя недѣлю по отъѣздѣ Ѳедора пришелъ въ Муромъ прежній князь Юрій, собралъ остальныхъ жителей Мурома и пошелъ также въ Орду судиться съ Ѳедоромъ. По суду ханскому муромское княженіе досталось Ѳедору Глѣбовичу; Юрій былъ выданъ сопернику, который посадилъ его въ крѣпкую тюрьму, гдѣ онъ и умеръ.—Въ Твери продолжалась вражда между дядею Василіемъ Михайловичемъ и племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ. Въ 1357 году митрополитъ Алексѣй пріѣхалъ во Владиміръ, и туда явился къ нему князь Всеволодъ Александровичъ съ жалобою на дядю. По митрополичью слову, Василій Михайловичъ, заключивъ договоръ съ великимъ княземъ московскимъ, также пріѣхалъ во Владиміръ судиться съ племянникомъ предъ митрополитомъ, съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и владыка тверской Ѳедоръ; много было между князьями споровъ, г л а г о л а н і я, какъ говоритъ лѣтописецъ, но конечный миръ и любовь не состоялись. Московскій князь, какъ видно, держалъ сторону дяди Василія, потому что когда потомъ оба соперника отправились въ Орду и Всеволодъ хотѣлъ пробраться туда черезъ Переяславль, то намѣстники московскіе не пустили его, и онъ принужденъ былъ уѣхать въ Литву. Не мудрено, что и въ Ордѣ дѣло

было рѣшено также въ пользу дяди; здѣсь ханъ и ханша безъ суда выдали Всеволода Василію: и было, по словамъ лѣтописца, Всеволоду отъ дяди томленіе большое, много натерпѣлись и бояре и слуги холмскаго князя, и черные люди.

Но у сына Александрова былъ могущественный союзникъ, Ольгердъ, князь литовскій, женатый на родной сестрѣ его. Неизвѣстно, какимъ образомъ удалось Всеволоду уѣхать въ Литву; но когда онъ возвратился оттуда въ 1360 году, то Василій уступилъ племянникамъ треть ихъ отчины.—Изъ другихъ князей лѣтопись упоминаетъ подъ 1354 годомъ о смерти Димитрія Ѳедоровича Стародубскаго, которому наслѣдовалъ братъ его Иванъ Ѳедоровичъ. Въ 1359 г. умеръ смоленскій князь Иванъ Александровичъ, и его мѣсто заступилъ сынъ его Святославъ.

Въ Новгородѣ въ 1354 году посадникъ Онисифоръ Лукичъ добровольно отказался отъ своей должности, и на его мѣсто былъ избранъ Александръ, братъ убитаго Дворянинца. Но потомъ въ 1359 году упоминается уже другой посадникъ, Адріанъ Захарычъ, у котораго въ этомъ году было отнято посадничество, но не всѣмъ городомъ, а только однимъ Славенскимъ концомъ; на мѣсто Адріана былъ избранъ Сильвестръ Лентѣевичъ. Но другія части города не согласились на это избраніе, и на Ярославовѣ дворѣ произошла сѣча, потому что жители Славенскаго конца явились въ доспѣхахъ и разогнали безоружныхъ Зарѣчанъ, бояръ многихъ били и грабили, одного убили до смерти. Это повело къ новой усобицѣ: Софійская сторона вооружилась, чтобъ отомстить за безчестье братьевъ своихъ, а Славенская по необходимости, чтобъ защищать имѣніе и головы свои; три дня враждебныя стороны стояли другъ противъ друга, Славенцы переметали уже мостъ, какъ пришли два владыки—старый Моисей изъ монастыря, гдѣ жилъ на покоѣ, и новый Алексѣй, съ архимандритами и игуменами. Владыки стали благословлять народъ, говоря: „Дѣти! не накликайте себѣ брани, а поганымъ похвалы, святымъ церквамъ и мѣсту этому пустоты, не сходитесь на бой". Толпы послушались и разошлись; но села Селивестровы были опустошены, взяли много селъ и у другихъ славенцовъ, при чемъ погибло много и невиноватыхъ; посадникомъ былъ избранъ Никита Матвѣевичъ [461], какъ видно, сынъ прежняго посадника Матвѣя.

Въ Ордѣ ханъ Чанибекъ былъ убитъ въ 1357 году сыномъ своимъ Бердибекомъ; русскій лѣтописецъ говоритъ объ убитомъ, что онъ былъ очень добръ къ христіанству, и при немъ была большая льгота землѣ Русской. Въ этомъ же году лѣтописецъ упоминаетъ о татарскомъ послѣ Кошакѣ, отъ котораго была большая истома князьямъ русскимъ. Бердибекъ былъ убитъ сыномъ своимъ Кулпою, Кулпа Неврусомъ. Въ 1358 году сынъ Бердибековъ Маматхожа, пришедши въ рязанскую землю, присылалъ въ Москву къ великому князю съ предложеніемъ установить твердыя границы между московскимъ и рязанскимъ княжествами; но великій князь не пустилъ Маматхожу въ свою отчину.—Опаснѣе былъ врагъ на западѣ: подъ 1356 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Литовцы овладѣли Ржевою [164]; въ тотъ же самый годъ Олгердъ приходилъ подъ Брянскъ и подъ Смоленскъ, и плѣнилъ сына у князя Василія Смоленскаго [165]. Этотъ Василій въ томъ же году пришелъ изъ Орды съ ярлыкомъ на Брянскъ, утвердился здѣсь, но скоро умеръ; послѣ его смерти, по словамъ лѣтописца, былъ въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей, смута великая и опустѣніе города, послѣ чего сталъ владѣть Брянскомъ великій князь литовскій. Въ 1358 году войско тверское и можайское отняло Ржеву у Литовцевъ; въ 1359 году Смольняне воевали Бѣльчу [166]. Но Олгердъ не любилъ отдавать назадъ разъ что-нибудь взятое: въ томъ же году онъ приходилъ подъ Смоленскъ, сынъ его Андрей взялъ опять Ржеву, и въ 1360 году самъ Олгердъ пріѣжалъ смотрѣть этотъ городъ, вѣрно боясь, чтобъ Русскіе въ другой разъ не отняли его у Литвы. Но къ счастію для слабыхъ княжествъ—смоленскаго и тверскаго, Олгердъ постоянно сдерживался на западѣ Тевтонскимъ Орденомъ: борьба съ рыцарями шла одинаково неудачно для Литвы и при наслѣдникѣ Арфберга, Винрихѣ фонъ Книпродѣ. Въ 1360 году Олгердъ, Кейстутъ и сынъ послѣдняго Патрикій сошлись съ великимъ магистромъ на границахъ литовскихъ: битва продолжалась цѣлый день, и рыцари одержали побѣду. Напрасно Кейстутъ старался остановить бѣгущихъ и возобновить битву: его свалили съ коня. Патрикій ринулся въ середину непріятелей для спасенія отца, но также былъ сброшенъ съ лошади, поднялся и отбивался до тѣхъ поръ, пока подоспѣлъ отрядъ Литовцевъ и выручилъ его изъ бѣды; но отца спасти не могъ. Кейстута отвезли въ Маріенбургъ, столицу Ордена, и засадили въ тѣсную тюрьму; день и ночь стояла у дверей стража, и не пускала

къ плѣннику никого, кромѣ слуги приносившаго пищу; но этотъ слуга, приближенный къ магистру, отличавшійся своею вѣрностію, былъ родомъ Литвинъ, въ молодости захваченный въ плѣнъ и окрещенный. Ежедневный разговоръ съ Кейстутомъ на родномъ языкѣ, злая судьба и знаменитые подвиги литовскаго богатыря разбудили въ немъ давно уснувшую любовь къ старому отечеству: онъ далъ средство Кейстуту уйти изъ заточенія и достичь двора зятя своего князя мазовецкаго. Кейстутъ не хотѣлъ возвращаться на родину, не отомстивши рыцарямъ: онъ взялъ у нихъ два зàмка и съ добычею возвращался домой, какъ на дорогѣ былъ захваченъ орденскимъ отрядомъ, вторично попался въ неволю, вторично ушелъ изъ нея и опять началъ готовиться къ вторженію въ Пруссію. Къ 1362 или 1363 году относятъ побѣду Олгерда надъ Татарами при Синихъ водахъ, слѣдствіемъ которой было очищеніе Подоліи отъ Татаръ.

У Новгорода со Шведами, а у Пскова съ ливонскимъ орденомъ войны не было въ княженіе Іоанна; встрѣчаемъ только извѣстіе о двукратномъ походѣ Псковичей къ Полоцку [467].

Въ 1359 году умеръ Іоаннъ московскій, кроткій, тихій и милостивый князь, по словамъ лѣтописца. Іоаннъ умеръ еще очень молодъ, 33 лѣтъ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Димитрія и Ивана, и малолѣтнаго племянника Владиміра Андреевича. Слѣдовательно московское княжество по смерти Іоанна находилось точно въ томъ же положеніи, какъ и по смерти Калиты, раздѣлялось на три участка, а именно: старшій сынъ Іоанна Димитрій получилъ удѣлъ дяди Симеона, младшій Иванъ участокъ отца своего, а двоюродный ихъ братъ Владиміръ удержалъ волость отца своего Андрея. Но Иванъ скоро умеръ (1365 г.), и Димитрій опять соединилъ два участка, при которыхъ владѣлъ еще владимирскою великокняжескою областію, съ прикупами дѣдовскими; Владиміръ Андреевичъ имѣлъ только одинъ участокъ отцовскій, борьба между братьями была поэтому не возможна, и Владиміръ долженъ былъ подчиняться распоряженіямъ Димитрія, какъ увидимъ въ послѣдствіи [468].

Казалось, что ранняя смерть Іоанна будетъ гибельна для Москвы, ибо малютка сынъ его могъ ли хлопотать въ Ордѣ, могъ ли бороться съ притязаніями другихъ князей? И дѣйствительно, когда всѣ князья явились въ Ордѣ и не доставало одного московскаго, то ханъ отдалъ великокняжескую владимирскую область князю суз-

дальскому, который получилъ ее не по отчинѣ и не по дѣдинѣ, повторяетъ лѣтописецъ, слѣдовательно безо всякаго права. Еще замѣчательнѣе здѣсь то, что добылъ у хана ярлыкъ не старшій изъ суздальскихъ князей—Андрей Константиновичъ, но младшій—Димитрій. Андрей, по словамъ лѣтописца, не захотѣлъ взять ярлыка; есть извѣстіе, будто онъ говорилъ: „доискиваться ярлыка—потратить только деньги, а потомъ, когда выростетъ законный наслѣдникъ, Димитрій Московскій, то надобно будетъ воевать съ нимъ, при томъ должно нарушить клятву, данную отцу его“ [469]. Димитрій Константиновичъ думалъ иначе: онъ поѣхалъ во Владимиръ, и, чтобъ упрочить его за собою, остался жить въ этой древней столицѣ великокняжеской. Но Москва не думала уступать. Бояре ея, привыкшіе быть боярами сильнѣйшихъ князей всея Руси, не хотѣли сойти на низшую степень, и начали стараться добыть ярлыкъ своему князю. Малютка Димитрій отправился въ Орду; но тамъ нельзя было ничего добиться при сильной смутѣ, когда одинъ ханъ смѣнялъ другаго: Неврусъ былъ свергнутъ и убитъ Заяицкимъ ханомъ Хидыремъ (Хидрбегъ), Хидыръ былъ убитъ сыномъ своимъ Темиръ-Ходжею, наконецъ Орда раздѣлилась между двумя ханами: Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго правилъ сильный темникъ Мамай, и Мюридомъ. Московскіе бояре отправили пословъ къ послѣднему, и онъ далъ ярлыкъ малолѣтнему ихъ князю. Есть извѣстіе [470], что за Димитрія Московскаго хлопотали въ Ордѣ также родственники его, князья ростовскіе и тверскіе, вѣроятно думавшіе, что гораздо безопаснѣе для нихъ имѣть на владимирскомъ столѣ малютку, чѣмъ взрослаго. Бояре посадили на коней всѣхъ трехъ малолѣтнихъ князей своихъ, Димитрія, Ивана и Владиміра, и выступили съ ними на Димитрія Константиновича. Послѣдній не могъ противиться московскимъ полкамъ, и внукъ Калиты получилъ великое княженіе владимирское (1362 г.).

Такимъ образомъ бояре московскіе, упрочивъ первенство за молодымъ княземъ своимъ, оправдали отзывъ объ нихъ Симеона Гордаго. Но кто же были эти бояре, которые, по выраженію Симеона, отцу его добра хотѣли? Мы видѣли, что еще къ Юрію Даниловичу въ Москву пришелъ служить изъ южной Руси бояринъ Родіонъ Несторовичъ. Въ 1340 году великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита отправилъ рать свою подъ Смоленскъ съ двумя воеводами: Александромъ Ивановичемъ и Ѳедоромъ Акинѳовичемъ. Послѣдній дол-

женъ быть сынъ знаменитаго Акинѳа, который по неудовольствію на Родіона, отъѣхалъ въ Тверь и погибъ при Переяславлѣ: сыновья Акинѳа могли перейти опять изъ Твери въ Москву, тѣмъ болѣе, что лѣтописецъ упоминаетъ передъ тѣмъ объ отъѣздѣ многихъ тверскихъ бояръ въ Москву, а что у Акинѳа были два сына—Ѳедоръ и Иванъ—это мы знаемъ также изъ лѣтописи [171]. Въ 1348 году вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ ходилъ въ Новгородъ воеводою изъ Москвы Иванъ Акинѳовичъ. Наконецъ мы видѣли дѣйствующимъ въ Ростовѣ боярина Василія Кочеву. При Симеонѣ Гордомъ намѣстниками его въ Торжкѣ были Михаилъ Давыдовичъ и Иванъ Рыбкинъ, да сборщикъ податей Борисъ Семеновъ. Вознамѣрившись жениться на княжнѣ тверской, Симеонъ послалъ за невѣстою Андрея Кобылу и Алексѣя Босоволокова. Вскорѣ послѣ этого, по очень важному дѣлу, Симеонъ отправилъ въ Орду Ѳеодора Хлѣбовича (въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: князя Ѳедора Глѣбовича, слѣд. муромскаго) и съ нимъ килпчеевъ или мечниковъ—Ѳедора Шубачеева и Аминя. Въ 1352 году Симеонъ отправилъ въ Константинополь послами Дементія Давыдова и Юрія Воробьева, мы видѣли уже прежде одного Давыдовича—Михаила намѣстникомъ въ Торжкѣ. Въ 1353 году намѣстникомъ серпуховскаго князя въ Лопаснѣ былъ Михаилъ Александровичъ, тогда какъ прежде мы видѣли Александра воеводою при Калитѣ. Большими боярами въ Москвѣ при Іоаннѣ Іоанновичѣ были, какъ мы видѣли, Михаилъ и зять его Василій Васильевичъ, безспорно тысяцкій, родъ котораго производится отъ Протасія, пріѣхавшаго въ Москву съ княземъ Даніиломъ Александровичемъ, и бывшаго здѣсь тысяцкимъ. Сынъ его Василій, отецъ нашего Василія, по родословнымъ книгамъ, былъ также тысяцкимъ: отсюда объясняется соперничество и вражда этого рода съ Алексѣемъ Петровичемъ Хвостомъ; дѣдъ нашего Василія называется Протасіемъ въ родословныхъ книгахъ, въ лѣтописи же Вельяминомъ; могло быть, что онъ имѣлъ два имени по обычаю того времени. Въ духовной Калиты упоминается Борисъ Ворковъ, который служилъ великому князю и за это получилъ отъ него село въ ростовской области. Свидѣтелями договора между великимъ княземъ Симеономъ и братьями его были: Василій... тысяцкій, Михаилъ Александровичъ... Васильевичъ, Василій Окатьевичъ, Ананій Окольничій... Иванъ Михайловичъ [172]. Дьякомъ при Іоаннѣ Калитѣ былъ Кострома, при сынѣ его Іоаннѣ Нестерко.

ГЛАВА VII.

Княженіе Димитрія Іоанновича Донскаго.

(1362—1389).

Слѣдствія усиленія Москвы для другихъ княжествъ.—Св. Алексѣй и св. Сергій.—Вторая борьба Москвы съ Тверью.—Война Рязанская.—Торжество московскаго князя надъ тверскимъ.—Событія въ Литвѣ по смерти Олгерда.—Борьба Москвы съ Ордою.—Пораженіе Русскихъ на рѣкѣ Пьянѣ.—Побѣда ихъ на Вожѣ.—Куликовская битва.—Нашествіе Тохтамыша.—Сынъ в. князя въ Ордѣ.—Война съ Рязанью.—Событія въ Нижнемъ Новгородѣ.—Отношенія в. князя Димитрія къ двоюродному брату Владиміру Андреевичу.—Уничтоженіе сана тысяцкаго и судьба боярина Вельяминова.—Отношенія Москвы къ Новгороду.—Войны Пскова съ ливонскими Нѣмцами.—Событія въ Литвѣ.—Смерть в. князя Димитрія и его завѣщаніе.—Значеніе княженія Димитріева.—Московскіе бояре.

Преждевременная смерть Іоанна и малолѣтство сына его вмѣсто вреда, какого, повидимому, должно было ожидать отъ нихъ для московскаго княжества, послужили только для того, чтобъ показать всю силу послѣдняго: благодаря этой силѣ, скопленной дѣдомъ, дядею и отцемъ, одиннадцатилѣтній Димитрій московскій получилъ первенство между всѣми князьями сѣверовосточной Руси. Мы видѣли, что бояре московскіе купили ярлыкъ для своего князя у одного изъ хановъ-соперниковъ—Мюрида; но когда въ 1363 году, во время пребыванія молодаго Димитрія во Владимірѣ, явился туда къ нему посолъ изъ Мамаевой Орды, отъ хана Абдула съ ярлыками на великое княженіе Владимірское, то великій князь принялъ и этого посла съ честію и проводилъ съ дарами. Это разсердило Мюрида, который, чтобъ, отомстить Димитрію московскому, прислалъ съ княземъ Иваномъ Бѣлозерскимъ новый ярлыкъ на Владиміръ

Димитрію Суздальскому. Тотъ обрадовался и сѣлъ другой разъ во Владимирѣ, но сидѣлъ только двѣнадцать дней, потому что Димитрій московскій опять пришелъ на него съ большимъ войскомъ, выгналъ изъ Владимира, осадилъ въ Суздалѣ, опустошилъ окрестности этого города, и взялъ наконецъ надъ его княземъ свою волю, по выраженію лѣтописца. Но если торжество Москвы надъ Тверью при Калитѣ сопровождалось бѣдою для другихъ княжествъ, то и торжество внука Калитина надъ соперникомъ его, княземъ суздальскимъ, имѣло такія же слѣдствія: подъ тѣмъ же 1363 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Димитрій Московскій взялъ свою волю надъ княземъ Константиномъ Ростовскимъ [473], а князя Ивана Ѳедоровича Стародубскаго и Димитрія Галицкаго выгналъ изъ ихъ княжествъ. Изгнанники удалились къ Димитрію Константиновичу суздальскому; но время удачныхъ союзовъ многихъ младшихъ князей противъ великаго прошло: суздальскій князь, два раза уже испытавъ силу Москвы, не хотѣлъ начинать борьбы въ третій разъ; и потомъ, когда въ 1365 году ему снова вынесли изъ Орды ярлыкъ на Владимиръ, онъ отказался навсегда отъ своихъ притязаній въ пользу московскаго князя съ тѣмъ, чтобъ тотъ помогъ ему управиться съ младшимъ братомъ, а въ 1366 году выдалъ дочь свою за Димитрія Московскаго.

Между тѣмъ моровая язва сильно опустошила Россію, умерло много князей: молодой братъ Димитрія Московскаго, Иванъ; ростовскій князь Константинъ; тверскіе—Семенъ Константиновичъ, Всеволодъ, Андрей и Владиміръ Александровичи; Андрей Константиновичъ суздальскій. Между оставшимися въ живыхъ князьями начались споры за выморочные удѣлы: древній Суздаль, подобно Ростову, давно уже утратилъ свое значеніе; старшіе князья жили и погребались не въ Суздалѣ и не въ Городцѣ, а въ Новгородѣ-Нижнемъ уже тогда значительномъ по своей торговлѣ, благодаря выгодному положенію; старшій изъ Константиновичей—Андрей княжилъ въ Нижнемъ, предоставивъ Суздаль младшему Димитрію; но по смерти Андрея Нижнимъ овладѣлъ третій, самый младшій братъ, Борисъ Константиновичъ; Димитрій не будучи въ силахъ самъ отнять у брата Нижній, послалъ просить помощи въ Москву. Димитрій Московскій (четырнадцатилѣтній) отправилъ къ Константиновичамъ пословъ съ увѣщеніемъ помириться и подѣлиться вотчиною; но Борисъ не послушался. Тогда Москва употребила другую силу: митро-

политъ Алексѣй отнялъ епископію нижегородскую и городецкую у суздальскаго владыки Алексѣя, и въ то же время посломъ отъ московскаго князя явился въ Нижнемъ преподобный Сергій, игуменъ радонежскій; онъ позвалъ Бориса Константиновича въ Москву, и когда тотъ не послушался, то Сергій по приказу митрополита и великаго князя московскаго, затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ. Послѣ этого присланы были изъ Москвы полки на помощь Димитрію Константиновичу, а когда послѣдній приблизился съ ними и своею ратью къ Нижнему, то Борисъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ поклонами и покореніемъ, уступая ему захваченную волость. Димитрій помирился съ нимъ, взялъ себѣ Нижній, а брату отдалъ Городецъ.

Въ Твери князь Василій Михайловичъ началъ опять войну съ племянниками Александровичами: въ 1363 году онъ пошелъ было съ войскомъ на Михаила Александровича, князя микулинскаго, но скоро помирился съ нимъ. Смерть князя Семена Константиновича подала новый поводъ къ борьбѣ, потому что Семенъ отказалъ удѣлъ свой двоюродному брату Михаилу Александровичу мимо дяди Василія и роднаго брата Еремѣя Константиновича. Въ 1366 году Василій и Еремѣй начали споръ, который былъ отданъ на рѣшеніе тверскаго владыки Василія: Василій судилъ князей по благословенію и повелѣнію митрополита, и отправилъ князя Михаила Александровича. Но этотъ князь былъ самый дѣятельный и смѣлый изъ всѣхъ потомковъ св. Михаила, и потому менѣе другихъ былъ способенъ терпѣть насилія отъ могущественной Москвы. Подъ 1367 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Димитрій Ивановичъ Московскій заложилъ у себя каменный кремль, и всѣхъ князей русскихъ приводилъ подъ свою волю, посягнулъ и на князя Михаила Александровича тверскаго. Михаилъ рѣшился на борьбу, но, разумѣется, онъ не могъ противиться Москвѣ собственными силами и потому обратился къ зятю своему, Олгерду Литовскому, слѣдовательно на эту вторую борьбу Твери съ Москвою мы должны смотрѣть собственно, какъ на борьбу московскаго князя съ литовскимъ по поводу тверскаго князя. Михаилъ уѣхалъ въ Литву; этимъ воспользовались князья Василій и Еремѣй, чтобъ съ помощію Москвы низложить соперника; прежде всего они позвали владыку Василія въ Москву на судъ къ митрополиту, зачѣмъ не по правдѣ рѣшилъ споръ объ удѣлѣ Семена Константиновича? За это рѣшеніе влады-

ка Василій понесъ большіе убытки (проторъ великъ) въ Москвѣ: жители Твери испытали также большую бѣду: князь Василій съ сыномъ Михаиломъ, съ княземъ Еремѣемъ, со всею силою кашинскою и съ полками московскими пріѣхалъ въ Тверь, многихъ людей мучилъ и грабилъ безъ милости; приступалъ и къ крѣпости, но не могъ ее взять, опустошилъ только волости и села, и много народу поведено было тогда въ плѣнъ войсками московскими и волоцкими, которыя пожгли и поплѣнили по сю сторону Волги, не исключая и волостей, принадлежавшихъ церкви св. Спаса. Изъ этихъ словъ лѣтописца мы видимъ, что Тверь не принадлежала болѣе Василію, но Михаилу; когда произошла эта перемѣна, мы не знаемъ; быть можетъ она-то и повела къ враждебнымъ столкновеніямъ Михаила съ Москвою.

Въ этомъ же году Михаилъ пришелъ назадъ съ полками литовскими, захватилъ въ плѣнъ женъ—Еремѣеву и Васильеву, бояръ и слугъ ихъ, и отправился съ своею ратію и литовскою къ Кашину. Но на дорогѣ, въ селѣ Андреевскомъ, ждали его послы отъ дяди и отъ тверскаго епископа Василія; Богъ, по словамъ лѣтописца, утишилъ ярость Михаилову, и онъ помирился съ дядею, а потомъ помирился и съ двоюроднымъ братомъ Еремѣемъ и съ московскимъ княземъ Димитріемъ. Но еще годъ не кончился, какъ Еремѣй сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и уѣхалъ въ Москву. Въ 1368 году великій князь Димитрій и митрополитъ Алексѣй зазвали ласкою къ себѣ въ Москву князя Михаила на третейскій судъ; послѣ этого суда тверскаго князя схватили вмѣстѣ со всѣми боярами и посадили въ заключеніе, но вдругъ узнали о неожиданномъ пріѣздѣ трехъ князей ордынскихъ. Этотъ пріѣздъ напугалъ враговъ Михаила и они выпустили его на свободу, заставивши отказаться отъ Городка [174], части удѣла Семена Константиновича, гдѣ великій князь Димитрій посадилъ намѣстника своего вмѣстѣ съ княземъ Еремѣемъ. Понятно, что Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы непримиримымъ врагомъ ея князю [175], который спѣшилъ предупредить его, пославши сильное войско на его волость. Михаилъ и на этотъ разъ ушелъ въ Литву, и сталъ упрашивать со слезами Олгерда, чтобъ тотъ оборонилъ его, пошелъ войною на Москву, отмстилъ Димитрію; научилъ и сестру свою упрашивать мужа, и тотъ рѣшился исполнить ихъ просьбу, тѣмъ

болѣе, что еще съ 1363 года встрѣчаемъ извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ Литвы съ Москвою.

У Олгерда Гедиминовича, говоритъ лѣтописецъ, былъ такой обычай, что никто не зналъ, ни свои, ни чужіе, куда онъ замышляетъ походъ, на что собираетъ большое войско; этою-то хитростію онъ и забралъ города и земли, и поплѣнилъ многія страны, воевалъ онъ не столько силою, сколько мудростію. Такъ и на этотъ разъ Димитрій московскій узналъ о замыслахъ Олгердовыхъ, когда уже тотъ стоялъ на границѣ, съ братомъ Кейстутомъ, молодымъ сыномъ его Витовтомъ, своими сыновьями, другими князьями литовскими, Михаиломъ тверскимъ и полками смоленскими. Великій князь разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты для сбора войска, но ратники не успѣли придти изъ дальнихъ мѣстъ, и Димитрій могъ выслать противъ Олгерда въ заставу только сторожевой полкъ изъ Москвичей, Коломенцевъ и Дмитровцевъ, подъ начальствомъ своего воеводы Димитрія Минина и воеводы двоюроднаго брата, Владимира Андреевича—Акинѳа Ѳедоровича Шубы. Между тѣмъ Олгердъ уже воевалъ порубежныя мѣста, т.-е. жегъ, грабилъ, сѣкъ; встрѣтился съ княземъ Семеномъ Димитріевичемъ Стародубскимъ—Крапивою и убилъ его, потомъ въ Оболенскѣ убилъ князя Константина Юрьевича, наконецъ 21 ноября на рѣкѣ Троснѣ встрѣтилъ московскій сторожевой полкъ и разбилъ его: князья, воеводы и бояре всѣ погибли [476]. Узнавши здѣсь, что Димитрій не успѣлъ собрать большаго войска и заперся въ Москвѣ, Олгердъ быстро пошелъ къ этому городу, гдѣ Димитрій велѣлъ пожечь посады, а самъ съ митрополитомъ, двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми боярами и со всѣми людьми затворился въ новомъ кремлѣ. Три дня стоялъ подъ нимъ Олгердъ, взять его не могъ, но страшно опустошилъ окрестности, повелъ въ плѣнъ безчисленное множество народа, погналъ съ собою и весь скотъ. Впервые по прошествіи сорока лѣтъ, то-есть начиная отъ перваго года княженія Калиты, московское княжество испытало теперь непріятельское нашествіе. Михаилъ тверской былъ отомщенъ, Димитрій принужденъ былъ уступить ему Городокъ и всѣ части удѣла Семена Константиновича; дядя его, Василій Кашинскій, умеръ еще прежде похода Олгердова, оставивъ удѣлъ свой сыну Михаилу, который въ слѣдующемъ 1370 г. уже пріѣзжалъ въ Москву жаловаться митрополиту Алексѣю на владыку своего Василія.

Олгердъ не могъ стоять болѣе трехъ дней подъ Москвою, потому что на западѣ Нѣмцы не давали ему отдыха. Еще въ 1362 году они взяли Ковно, а въ 1369 году въ милѣ отъ этого города заложили замокъ Готтесвердеръ. Олгердъ и Кейстутъ поспѣшили взять его, но принуждены были снова отдать Нѣмцамъ. Въ 1370 году сильное ополченіе, состоявшее изъ Литвы, Жмуди, Руси и Татаръ, подъ предводительствомъ Олгерда, Кейстута и двоихъ молодыхъ сыновей ихъ, Ягайла и Витовта, вторгнулось въ Пруссію, гдѣ великій магистръ встрѣтилъ его подъ замкомъ Рудавою, и поразилъ наголову. Въ это время, Москва, отдохнувши годъ, начала наступательное движеніе; ея войска вмѣстѣ съ Волочанами, воевали смоленскія волости, вѣроятно мстя ихъ князю за союзъ съ Олгердомъ; потомъ Димитрій посылалъ рать къ Брянску, накопецъ въ августѣ 1370 года послалъ объявить войну Михаилу тверскому, который, по обычаю, спѣшилъ уйти въ Литву, а московскія войска, по обычаю, опустошили тверскую волость. Но это была только еще часть рати; скоро самъ великій князь Димитрій явился въ тверскихъ владѣніяхъ съ большою силою, взялъ и пожегъ города—Зубцовъ, Микулинъ, пожегъ также всѣ волости и села, а людей многое множество вывелъ въ свою землю со всѣмъ ихъ богатствомъ и скотомъ.

Сильно опечалился и оскорбился Михаилъ, когда пришло къ нему въ Литву извѣстіе о страшномъ опустошеніи тверской волости. Отъ Олгерда нельзя было надѣяться помощи въ настоящую минуту, потому что онъ занятъ былъ нѣмецкими дѣлами, и вотъ Михаилъ вздумалъ попытаться, нельзя ли побороть Димитрія старымъ средствомъ—Ордою; онъ поѣхалъ туда, но пріятели изъ Москвы дали ему вѣсть, что повсюду на дорогѣ разставлены заставы московскія, чтобъ перехватить его. Михаилъ возвратился опять въ Литву, опять сталъ клапяться Олгерду, и на этотъ разъ съ успѣхомъ. Зимою, въ Рождественскій постъ, Олгердъ двинулся на Москву съ братомъ Кейстутомъ, съ Михаиломъ тверскимъ и Святославомъ смоленскимъ. Они подошли къ Волоку-Ламскому, пожгли посадъ, окрестности, но, простоявъ три дня подъ городомъ [477], не взяли его и пошли дальше къ Москвѣ, которую осадили 6 декабря. В. князь Димитрій и на этотъ разъ заперся въ кремлѣ московскомъ; но братъ его Владиміръ Андреевичъ стоялъ въ Перемышлѣ, собирая силу; къ нему на помощь пришелъ князь Владиміръ Димитріевичъ Пронскій и полки Олега Ивановича Рязанскаго. Олгердъ испугался, услышавъ

о сборахъ въ Перемышлѣ, и сталъ просить мира, предлагая выдать дочь свою за князя Владиміра Андреевича; но в. князь Димитрій вмѣсто вѣчнаго мира согласился только на перемиріе до Петрова дня. Олгердъ двинулся назадъ, и шелъ съ большою осторожностію, озираясь на всѣ стороны, боясь за собою погони.

Михаилъ тверской возвратился въ Тверь, также помирившись съ Димитріемъ; но испугъ Олгерда и желаніе литовскаго князя породниться съ московскимъ показывали ему, что надобно искать помощи въ другой сторонѣ: весною 1371 года онъ исполнилъ прежнее свое намѣреніе, отправился въ Орду и возвратился оттуда съ ярлыкомъ на великое княженіе владимирское и съ посломъ ханскимъ Сарыхожею. Но Димитрій московскій по всѣмъ городамъ взялъ присягу съ бояръ и черныхъ людей не предаваться тверскому князю и не пускать его на владимирское княженіе, а самъ съ братомъ Владиміромъ сталъ съ войсками въ Переяславлѣ. Владимирцы, исполняя присягу, не пустили къ себѣ Михаила, и когда Сарыхожа послалъ звать Димитрія во Владимиръ къ ярлыку, то московскій князь велѣлъ отвѣчать ему: „къ ярлыку не ѣду, Михаила на княженіе владимирское не пущу: а тебѣ послу путь чистъ." Сарыхожа сначала не хотѣлъ ѣхать къ Димитрію, но потомъ прельстился дарами и, отдавши ярлыкъ Михаилу, поѣхалъ изъ Мологи въ Москву, а Михаилъ, недовольный оборотомъ дѣла, повоевалъ Кострому, Мологу, Угличъ, Бѣжецкій Верхъ [178], и возвратясь въ Тверь, отправилъ въ Орду сына своего Ивана. Между тѣмъ Сарыхожа пировалъ въ Москвѣ у Димитрія, набралъ у него много даровъ, и возвратясь въ Орду, началъ расхваливать московскаго князя, его добрый нравъ и смиреніе. Вѣроятно обнадеженный Сарыхожею въ добромъ пріемѣ, Димитрій самъ рѣшился отправиться въ Орду, чтобъ положить конецъ проискамъ Михаиловымъ. Митрополитъ Алексѣй проводилъ его до Оки, и давъ благословеніе на путь, возвратился, въ Москву, куда въ это время пріѣхали послы литовскіе обручать Олгердову дочь Елену за князя Владиміра Андреевича.

Въ Ордѣ московскій князь успѣлъ задобрить и Мамая и хана, и ханшъ, и всѣхъ князей; пожалованъ былъ опять великимъ княженіемъ владимирскимъ, и отпущенъ съ большою честію, а тверскому князю ханъ послалъ сказать: „Мы тебѣ дали великое княженіе, давали и войско, чтобъ посадить тебя на немъ; но ты войска нашего не взялъ, говорилъ, что сядешь одною своею силою; такъ

сиди теперь съ кѣмъ хочешь, а отъ насъ помощи не жди." Молодой тверской князь Иванъ задолжалъ въ Ордѣ 10,000 рублей; Димитрій московскій заплатилъ эти деньги и взялъ Ивана съ собою въ Москву, гдѣ онъ сидѣлъ на дворѣ митрополичьемъ до тѣхъ поръ, пока отецъ выкупилъ его. Для насъ здѣсь важно то, что тверской князь принужденъ былъ задолжать въ Ордѣ 10,000 рублей, а московскій имѣлъ средства выкупить его—борьба была неравная! Такимъ образомъ, говоритъ лѣтописецъ, великій князь Димитрій твердо укрѣпилъ подъ собою великое княженіе, а враговъ своихъ посрамилъ. Но одного посрамленія было мало: въ Бѣжецкомъ Верхѣ тверской князь держалъ своего намѣстника, а Димитрій отправилъ туда войско. Намѣстникъ Михаиловъ былъ убитъ, тверскія волости пограблены; но война рязанская помѣшала тверской. Мы видѣли, что во время втораго нашествія Олгердова князь пронскій вмѣстѣ съ рязанскими полками приходилъ на помощь войску московскому, собиравшемуся въ Перемышлѣ; но послѣ доброе согласіе между Москвою и Рязанью было нарушено неизвѣстно по какимъ причинамъ, и въ 1371 году, въ декабрѣ, великій князь отправилъ на Олега рязанскаго воеводу своего, Димитрія Михайловича волынскаго съ большимъ войскомъ; Олегъ собралъ также большое войско и вышелъ на встрѣчу московскимъ полкамъ [479], при чемъ, по словамъ лѣтописца, Рязанцы говорили другъ другу: „Не берите съ собою ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни коней, ни сабель, ни стрѣлъ, берите только ремни, да веревки, чѣмъ вязать боязливыхъ и слабыхъ Москвичей". Московскій лѣтописецъ поблагодарилъ ихъ за такое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Рязанцы люди суровые, свирѣпые, высокоумные, гордые, чаятельные, вознесшись умомъ и возгордѣвшись величаніемъ, помыслили въ высокоуміи своемъ полуумные людища, какъ чудища". Господь низложилъ гордыхъ, продолжаетъ лѣтописецъ: въ злой сѣчѣ Рязанцы пали какъ снопы, и самъ князь Олегъ едва спасся бѣгствомъ съ небольшою дружиною [480]. Мы видѣли, что въ Рязани шла постоянная вражда между двумя княжескими линіями, Рязанскою и Пронскою; эта борьба помогала Москвѣ, точно такъ какъ въ Твери помогали ей усобицы между князьями тверскими и кашинскими. Какъ только князь Владиміръ Дмитріевичъ пронскій узналъ о бѣдѣ Олеговой, то явился въ Рязани и сѣлъ здѣсь на княженіи; но Олегъ скоро выгналъ его, взялъ въ плѣнъ и привелъ въ свою волю.

По окончаніи войны рязанской, въ 1372 году, началась опять война тверская. Князю Михаилу Александровичу удалось снова заключить союзъ съ Литвою, и въ надеждѣ на него онъ началъ наступательное движеніе, послалъ племянника своего Димитрія Еремѣевича съ войскомъ къ городу Кистмѣ [481], воеводы котораго были схвачены и приведены въ Тверь. Тотчасъ послѣ этого князь Михаилъ Васильевичъ кашинскій отправилъ посла въ Москву, заключилъ миръ съ княземъ Димитріемъ и сложилъ крестное цѣлованіе къ князю Михаилу. Тверской князь не удовольствовался Кистмою; онъ пошелъ самъ къ Дмитрову, взялъ съ города окупъ, посады, волости и села пожегъ, бояръ и людей побралъ въ плѣнъ. Въ то же время онъ подвелъ тайно подъ Переяславль рать литовскую— Олгердова брата Кейстута съ сыномъ Витовтомъ, Андрея Олгердовича Полоцкаго и Димитрія Друцкаго. Переяславль имѣлъ участь Дмитрова; скоро раздѣлилъ ее и Кашинъ, котораго князь принужденъ былъ подчиниться Михаилу и опять цѣловать ему крестъ. Отъ Кашина союзники пошли къ Торжку, взяли его и тверской князь посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ. Но въ Петровъ постъ явились въ Торжокъ Новгородцы, укрѣпились съ Новоторжцами крестнымъ цѣлованіемъ, выслали намѣстниковъ Михайловыхъ изъ города, а купцовъ тверскихъ и другихъ людей пограбили и побили, послѣ чего укрѣпили городъ и сѣли въ немъ дожидаться прихода Михаилова. 31 мая пришелъ Михаилъ подъ Торжокъ, и послалъ сказать гражданамъ, чтобъ выдали ему тѣхъ, которые били и грабили Тверичей, и чтобъ приняли опять его намѣстниковъ, послѣ чего онъ оставитъ ихъ въ покоѣ. Новгородцы не согласились и вышли на бой: первый встрѣтилъ Тверичей на Подолѣ Александръ Абакумовичъ, и палъ костью за св. Спаса и за обиду новгородскую, трое товарищей его были также убиты, и Новгородцы потерпѣли совершенное пораженіе: одни побѣжали въ поле по новгородской дорогѣ, другіе заперлись въ крѣпости (городѣ) торжокской. Но тверичи скоро зажгли посадъ, сильный вѣтеръ потянулъ на городъ, и пошелъ огонь по всему городу; несчастные Новгородцы побросались оттуда съ женами и дѣтьми прямо въ руки врагамъ, иные сгорѣли, другіе задохнулись въ церкви св. Спаса или перетопули въ рѣкѣ; добрыя женщины и дѣвицы, видя себя раздѣтыми до нага, отъ стыда сами бросались въ рѣку; Тверичи до нога обдирали всѣхъ, даже чернецовъ и черницъ, иконныхъ окладовъ и всякаго серебра много

побрали, чего и поганые не дѣлаютъ, заключаетъ лѣтописецъ: кто изъ оставшихся въ живыхъ не поплачетъ, видя, сколько людей приняло горькую смерть, святыя церкви пожжены, городъ весь пустъ? и отъ поганыхъ никогда не бывало такого зла; убитыхъ, погорѣлыхъ, утопшихъ наметали пять скудельницъ, а иные сгорѣли безъ остатка, другіе потонули и безъ вѣсти поплыли внизъ по Тверцѣ.

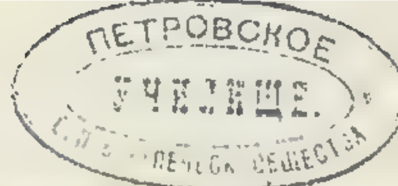
Истребивши Торжокъ, Михаилъ отправился для соединенія съ Олгердомъ, который стоялъ у Любутска [182]. На этотъ разъ Димитрій приготовился, встрѣтилъ съ сильнымъ войскомъ Олгерда у Любутска и разбилъ сторожевой полкъ литовскій. Все войско литовское переполошилось, самъ Олгердъ побѣжалъ и остановился за крутымъ и глубокимъ оврагомъ, который не допустилъ непріятелей до битвы; много дней Литва и Москвичи стояли въ бездѣйствіи другъ противъ друга, наконецъ заключили миръ и разошлись. Миръ, или, лучше сказать, перемиріе, было заключено на короткій срокъ: отъ 31 іюля по 26 октября (отъ Спожина заговѣнья до Дмитріева дня). Договоръ заключенъ отъ имени Олгерда, Кейстута и смоленскаго великаго князя Святослава Ивановича; въ него включены также: князь Михаилъ тверской, Димитрій брянскій и тѣ князья, которые будутъ въ имени Олгерда и Святослава смоленскаго; трое князей рязанскихъ, которые одинаково называются великими [183], находятся на сторонѣ Димитрія московскаго. Олгердъ поручился, что Михаилъ тверской возвратитъ все пограбленное имъ въ волостяхъ московскихъ, и сведетъ оттуда своихъ намѣстниковъ и волостелей. Если Михаилъ въ перемирный срокъ станетъ грабить волости Димитрія, то послѣдній воленъ раздѣлываться съ нимъ, и литовскіе князья за него не вступятся. Димитрій предоставилъ себѣ также право покончить съ Михаиломъ посредствомъ хана: „А что пошли въ Орду къ царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы въ Божіей волѣ и въ царевой: какъ повелитъ, такъ мы и будемъ дѣлать, а то отъ насъ не въ измѣну“.

Раздоры между княземъ тверскимъ и кашинскимъ не допустили до продолжительнаго мира, ибо если князь тверской отъ притѣсненій Москвы находилъ защиту въ Литвѣ, то слабый князь кашинскій отъ притѣсненій Твери искалъ постоянно защиты въ Москвѣ. Подъ 1373 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Михаилъ Васильевичъ кашинскій сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу

тверскому и уѣхалъ въ Москву, а изъ Москвы отправился въ Орду, откуда возвратился въ Кашинъ неизвѣстно съ чѣмъ. Скоро послѣ этого онъ умеръ, а сынъ его Василій, по совѣту бабки и бояръ, пріѣхалъ въ Тверь къ князю Михаилу Александровичу съ челобитьемъ, и отдался въ его волю; за этимъ примиреніемъ послѣдовало и примиреніе тверскаго князя съ московскимъ. Димитрій отпустилъ изъ Москвы сына Михаилова Ивана, приведеннаго, какъ мы видѣли, имъ изъ Орды [484]; а Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ занятыхъ имъ волостей великокняжескихъ. Но на слѣдующій годъ молодой кашинскій князь Василій Михайловичъ побѣжалъ изъ Твери въ Москву; за то теперь и тверской князь нашелъ внутри самой Москвы враговъ Димитрію. По поводу насильственной смерти тысяцкаго Алексѣя Петровича мы упоминали о важномъ и опасномъ значеніи этого сановника. Въ 1374 г. умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ, и в. князь не назначилъ другаго на его мѣсто, которое по всѣмъ вѣроятностямъ надѣялся занять сынъ покойнаго, Иванъ. Обманутый въ этой надеждѣ, онъ сговорился съ другимъ не довольнымъ, Некоматомъ Сурожаниномъ, то-есть купцомъ, торгующимъ дорогими южными товарами, и въ 1375 году бѣжали оба къ тверскому князю, со многою лжею и льстивыми словами, и отъ этого загорѣлся огонь, по выраженію лѣтописца. Михаилъ Александровичъ, повѣривъ льстивымъ словамъ московскихъ бѣглецовъ, отправилъ Вельяминова съ Некоматомъ къ хану, а самъ поѣхалъ въ Литву, гдѣ пробывши малое время, возвратился въ Тверь; скоро возвратился изъ Орды и Некоматъ съ ханскимъ посломъ и ярлыкомъ Михаилу на великое княженіе владимірское, и на великую погибель христіанскую, говоритъ лѣтописецъ. Тогда Михаилъ, увѣренный, какъ видно, въ помощи и съ востока, и съ запада послалъ объявить войну Димитрію московскому, и въ то же время отправилъ намѣстниковъ въ Торжокъ и рать въ Угличъ.

Но помощь не приходила къ нему ни съ востока, ни съ запада, а между тѣмъ Димитрій собрался со всею силою и двинулся къ Волоку-Ламскому, куда пришли къ нему князья: тесть его Димитрій Константиновичъ суздальскій съ двумя братьями и сыномъ, двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ серпуховской, трое князей ростовскихъ, князь смоленскій, двое князей ярославскихъ, князь бѣлозерскій, кашинскій, моложскій, стародубскій, брянскій, новосильскій, оболенскій и торусскій. По словамъ лѣтописца, всѣ эти князья

сильно сердились на Михаила тверскаго за то, что онъ прежде нѣсколько разъ приводилъ Литву, надѣлавшую столько зла христіанамъ, а теперь соединился съ Мамаемъ; но съ другой стороны, замѣтимъ, что нѣкоторые изъ этихъ князей были подручники Димитрія и не могли ослушаться его приказанія, нѣкоторые же были только по имени князьями извѣстныхъ волостей, какъ, напримѣръ, князь стародубскій, а Бѣлозерскъ былъ купленъ еще Калитою.— Всѣ эти князья двинулись изъ Волока къ Твери, и стали воевать, взяли Микулинъ, поплѣнили и пожгли окружныя мѣста, наконецъ осадили Тверь, гдѣ заперся князь Михаилъ. Обнесши весь городъ тыномъ, наведя два большихъ моста на Волгѣ, Димитрій послалъ за Новгородцами; тѣ, желая почтить великаго князя и вмѣстѣ отомстить Тверичамъ за торжокское пораженіе, собрались въ три дня, пришли къ Твери и много надѣлали зла. Тогда осаждающіе приступили со всѣми силами къ городу: приставили туры, приметали приметъ около всей крѣпости, зажгли мостъ у Тмакскихъ воротъ и стрѣльницы; но осажденные хотя съ большимъ трудомъ потушили пожаръ, и когда Димитріева рать немного отступила отъ крѣпости, то Михаилъ сдѣлалъ изъ нея удачную вылазку, посѣкъ туры, другіе пожегъ, и побилъ много людей у осаждающихъ. Но этотъ успѣхъ не принесъ ему пользы: волость его была опустошена въ конецъ, города Зубцовъ, Бѣлгородъ и Городокъ (Старица) взяты; онъ все ждалъ помощи изъ Литвы и отъ хана; литовскіе полки пришли, но услыхавъ, какая безчисленная рать стоитъ у Твери, испугались и ушли назадъ. Тогда Михаилъ, потерявъ послѣднюю надежду, отправилъ владыку Евфимія и большихъ бояръ своихъ къ Димитрію просить мира, отдаваясь во всю волю московскаго князя [185], и тотъ заключилъ съ ними миръ, котораго условія дошли до насъ. Независимый в. князь тверской, соперникъ московскаго по владимірскому великому княженію, не утрачивая своего названія великій князь, обязывается считать себя младшимъ братомъ Димитрія, равнымъ младшему двоюродному брату послѣдняго, удѣльному Владиміру Андреевичу. Обязанности младшаго брата къ старшему опредѣлены: когда великій князь московскій или братъ его выступятъ въ походъ, то и тверской князь обязанъ садиться на коня; если пошлютъ воеводъ, то и онъ обязанъ послать своихъ воеводъ. Михаилъ обязался не искать ни Москвы, ни великаго княженія московскаго, ни Новгорода, обязался не только за себя, но и за дѣтей



своихъ и племянниковъ; обязался самъ не искать великаго княженія владимирскаго и не принимать его отъ Татаръ, за что Димитрій, съ своей стороны, обѣщался не принимать Твери отъ Татаръ; но онъ вытребовалъ, чтобъ княжество кашинское было независимо отъ тверскаго, условіе важное, выгодное для Москвы, тяжкое для тверскаго княжества, которое обезсиливалось раздробленіемъ на двѣ волости независимыя: „Въ Кашинъ тебѣ не вступаться, и что потянуло къ Кашину, то вѣдаетъ вотчичъ князь Василій и выходомъ не надобно Кашину тянуть къ Твери; князя Василія тебѣ не обижать, а будешь обижать, то стану его оборонять". Также важное условіе постановлено относительно Татаръ: „Будемъ ли мы въ мирѣ съ Татарами—это зависитъ отъ насъ; дадимъ ли выходъ—это зависитъ отъ насъ; не захотимъ дать—это зависитъ также отъ насъ. Если же Татары пойдутъ на насъ или тебя, то намъ биться вмѣстѣ; если же мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ". Михаилъ отказался отъ союза съ Олгердомъ, его братьями, дѣтьми и племянниками, мало того, обязался воевать съ Литвою, если она нападетъ на московскаго или на смоленскаго князя. Съ великимъ Новгородомъ и Торжкомъ тверской князь обязался жить по старинѣ и мирѣ, и возвратить всѣ церковныя вещи, пограбленныя въ Торжкѣ во время его взятія, также все пограбленное послѣ мира 1373 года. Право отъѣзда отъ одного князя къ другому съ удержаніемъ селъ въ прежнихъ волостяхъ утверждено за боярами и слугами вольными, за исключеніемъ Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата, села которыхъ удержалъ московскій князь за собою. Замѣчательно, что при затрудненіяхъ въ смѣсномъ судѣ дѣла Москвитянъ и Тверичей положено отдавать на рѣшеніе великаго князя рязанскаго Олега [486].

Такъ счастливо для Москвы кончилась борьба съ Тверью, т.-е. съ Литвою, по поводу Твери. Въ томъ же году Олгердъ опустошилъ смоленскую волость за то, что князь ея воевалъ противъ Михаила тверскаго; съ другой стороны Татары опустошили волости нижегородскую и новосильскую за то же самое; но московскій князь оставался въ покоѣ, и въ 1376 году посылалъ Владиміра Андреевича съ войскомъ ко Ржеву; серпуховской князь, по обычаю, пожегъ посадъ, но простоявъ три дня подъ крѣпостью, возвратился назадъ. Тверской князь не думалъ разрывать союза съ Литвою: еще въ 1375 г. въ Тверь приведена была дочь Кейстутова Марья, окрещена

и выдана замужъ за сына в. князя Михаила, Ивана. Но союзъ этотъ былъ безполезенъ для тверскаго князя, ибо въ 1377 году умеръ Олгердъ, постригшись передъ смертью въ монахи, причемъ мірское православное имя Александра перемѣнилъ на имя Алексѣя. Еще прежде умеръ братъ его князь волынскій Любартъ, который всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ Поляками, стремившимися овладѣть и Волынью, какъ овладѣли Галичемъ. Великимъ княземъ сталъ сынъ Олгерда Ягайло, въ православіи Яковъ, и дядя Кейстутъ, князь троцкій, присягнулъ племяннику. Но Ягайло, подобно дядѣ Евнутію, взялъ старшинство не по праву мимо старшаго брата, Вингольда Андрея, рожденнаго отъ первой жены Олгердовой; Андрей, княжившій въ Полоцкѣ, объявилъ было свои притязанія на старшинство, но неполуча ни откуда подкрѣпленія, долженъ былъ уступить Ягайлу, лишился своей волости, и бѣжалъ въ Псковъ, гдѣ жители посадили его на княженіе, съ согласія великаго князя Димитрія, къ которому Андрей ѣздилъ въ Москву. Димитрій хотѣлъ воспользоваться этою смутою, и въ 1379 году Андрей Олгердовичъ, вмѣстѣ съ серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ и московскимъ воеводою, Димитріемъ Михайловичемъ волынскимъ, отправились на литовскія владѣнія, взяли города Трубчевскъ и Стародубъ, повоевали много становъ и волостей, и возвратились съ большимъ богатствомъ домой; братъ Андрея Димитрій Олгердовичъ, князь трубчевскій не сопротивлялся московскимъ полкамъ: онъ вышелъ изъ города съ семействомъ и боярами, поѣхалъ въ Москву и вступилъ въ службу великаго князя, или, какъ выражается лѣтописецъ, урядился въ рядъ и крѣпость взялъ; Димитрій принялъ его съ честію, любовію и далъ ему Переяславль со всѣми пошлинами.

За этою смутою, которая доставила московскому князю двухъ вѣрныхъ слугъ между сыновьями Олгердовыми, послѣдовала другая, болѣе опасная для Литвы, болѣе выгодная для враговъ ея. Ягайло не походилъ на отца и дѣда своего: былъ лѣнивъ, любилъ удовольствія и не имѣлъ твердаго характера, вслѣдствіе чего подвергался вліянію окружавшихъ его. Самымъ приближеннымъ изъ нихъ былъ Войдылло, о которомъ вотъ что говоритъ лѣтописецъ [487]: былъ у Великаго князя Олгерда паробокъ, крѣпостной холопъ, звали его Войдылломъ; сначала былъ онъ хлѣбникомъ, полюбился великому князю, который взялъ его къ себѣ постелю слать и пить подавать, а наконецъ далъ ему держать городъ Лиду. Силенъ былъ Войдылло

при Олгердѣ; еще сильнѣе сталъ при Ягайлѣ, который даже отдалъ за него родную сестру. Старому князю Кейстуту очень не понравилось, что племянницу его выдали за холопа; сталъ онъ попрекать и вдовѣ Олгердовой, и Ягайлу, и самой племянницѣ, отсюда пошла ненависть между Кейстутомъ и Войдыллою и послѣдній сталъ думать, какъ бы избавиться отъ старика. Съ этой цѣлію онъ началъ наговаривать Ягайлу на Кейстута и поднимать на него Нѣмецкихъ рыцарей. Куно Либштейнъ, командоръ Остеродскій, кумъ Кейстута, послалъ сказать послѣднему: „Ты ничего не знаешь, какъ Ягайло безпрестанно посылаетъ Войдылла къ намъ и уже договоръ съ нами написалъ, чтобъ отнять у тебя волости". Кейстутъ, получивъ эту вѣсть, послалъ сказать сыну своему Витовту: „Ты живешь съ Ягайломъ въ тѣсной дружбѣ, а онъ договорился съ Нѣмцами на наше лихо". Витовтъ отвѣчалъ отцу, что ничему не надобно вѣрить, что онъ живетъ съ Ягайломъ душа въ душу, знаетъ всѣ его думы. Скоро однако правда обнаружилась. Въ Полоцкѣ, по изгнаніи Андрея Олгердовича, княжилъ сынъ Кейстута, Андрей, прозвищемъ Горбатый. Ягайлу или Войдыллу хотѣлось отнять эту волость у Кейстутовича и отдать ее родному брату Ягайлову, Скиригайлу; но Полочане, старые вѣчники, никакъ не согласились на эту перемѣну и съ позоромъ выгнали отъ себя Скиригайла. Великій князь выслалъ противъ нихъ сильное войско, съ которымъ соединились и Нѣмцы; но Полочане не потеряли духа: они объявили, что скорѣе поддадутся Нѣмцамъ, чѣмъ Скиригайлу, и вмѣстѣ съ Андреемъ мужественно отразили всѣ приступы [488]. Старикъ Кейстутъ, услыхавъ о полоцкихъ происшествіяхъ, опять сталъ жаловаться сыну своему Витовту на Ягайла [489]: „За Войдыллу отдалъ мою племянницу, уговорился съ Нѣмцами на мое лихо; а вотъ теперь съ кѣмъ мы воевали? съ Нѣмцами? а онъ съ ними заодно добываетъ Полоцка". Витовтъ отвѣчалъ и на этотъ разъ, что онъ все еще не совсѣмъ вѣритъ коварству Ягайла, и выѣхалъ въ Дрогичинъ, откуда скоро отправился въ Гродно. Но старикъ Кейстутъ не раздѣлялъ сомнѣній сына своего: онъ рѣшился для собственной безопасности предупредить Ягайла, врасплохъ явился съ войскомъ передъ Вильною, овладѣлъ ею, взялъ въ плѣнъ Ягайла со всѣмъ семействомъ, захватилъ всѣ грамоты, и между прочимъ послѣдній договоръ Ягайла съ Нѣмцами.

Витовтъ, извѣщенный чрезъ гонца о торжествѣ отцовскомъ, въ одинъ день прискакалъ изъ Гродна въ Вильну. Кейстутъ показалъ ему грамоту: „Ты мнѣ все не вѣрилъ, а вотъ тебѣ и грамота на лице; написали на наше лихо, да Богъ насъ остерегъ. А я великому князю Ягайлу за это никакого зла не сдѣлалъ, не дотронулся ни до имѣнья его, ни до стадъ, и самъ онъ у меня не въ плѣну, ходитъ только за малой стражей; отчину его—Витебскъ и Крево, и всѣ мѣста, что отецъ его держалъ, все отдаю ему, и ни во что его не вступаюсь; а что я теперь сдѣлалъ, того нельзя было мнѣ не сдѣлать: берегъ свою голову“. Ягайло долженъ былъ присягнуть, что никогда не вооружится противъ Кейстута и не выйдетъ изъ его воли, послѣ чего со всѣми родными и имѣніемъ отправился въ Витебскъ.

Кейстутъ сталъ великимъ княземъ, но недолго пользовался своимъ новымъ положеніемъ. Вдова Олгердова Іуліанія и дѣти ея не могли спокойно видѣть, что столъ великокняжескій перешелъ къ Кейстуту, и потому, посредствомъ Скиригайла, изгнанника Полоцкаго, завязали снова сношенія съ Нѣмцами, которые были рады смутамъ въ Литвѣ. Но пока Кейстутъ жилъ въ Вильнѣ, никто не смѣлъ противъ него подняться, тѣмъ болѣе, что Ягайло трудно было уговорить на какое-нибудь отважное предпріятіе. Только когда Кейстутъ велѣлъ повѣсить плѣнника своего Войдылла, Ягайло позволилъ сестрѣ и ея приверженцамъ уговорить себя дѣйствовать рѣшительно противъ дяди. Въ это время старый Кейстутъ велъ войну съ племянникомъ Димитріемъ Олгердовичемъ; Ягайло обязанъ былъ также выступить въ походъ; но, вмѣсто того, чтобъ идти съ войскомъ на Русь, онъ двинулся нечаянно къ Вильнѣ, гдѣ Кейстута тогда не было, и овладѣлъ городомъ; та же участь постигла и Троки. Кейстутъ собралъ большое войско и соединившись съ сыномъ Витовтомъ, обложилъ Троки; противъ него стоялъ Ягайло съ своими союзниками, Нѣмцами. Но Олгердовъ сынъ побоялся рѣшить дѣло оружіемъ, и предпочелъ коварство. Онъ началъ просить Витовта, чтобъ тотъ помирилъ его съ отцемъ, для чего просилъ обоихъ князей пріѣхать къ нему въ станъ, и князь Скиригайло именемъ брата поклялся, что съ ними не случится ничего дурнаго. Въ надеждѣ на эту клятву, Кейстутъ и Витовтъ пріѣхали въ станъ къ Ягайлу, чтобъ договариваться о мирѣ, но вмѣсто того были схвачены, и Кейстутъ былъ отданъ въ руки самымъ злымъ врагамъ своимъ, ко-

торые сковали его, отвезли въ Крево, заперли въ тюрьму и на пятую ночь удавили.

Больной Витовтъ былъ также отвезенъ вмѣстѣ съ женою Анною въ Крево, гдѣ держали его подъ крѣпкою стражею. И выздоровѣвши, Витовтъ все еще притворялся хворымъ; жена навѣщала его ежедневно вмѣстѣ съ двумя служанками; наконецъ она получила отъ Ягайла для одной себя позволеніе ѣхать въ Моравію. Въ ночь, наканунѣ отъѣзда, она пришла проститься съ мужемъ и замѣшкалась у него, какъ слѣдовало ожидать, долѣе обыкновеннаго: въ это время Витовтъ переодѣвался въ платье одной изъ жениныхъ служанокъ, Елены, которая осталась на его мѣстѣ, а онъ, вышедши съ женою изъ тюрьмы и спустившись со стѣны, нашелъ лошадей, высланныхъ изъ Волковыйска, отъ тамошняго тіуна, въ короткое время достигъ Слонима, оттуда отправился въ Брестъ, и на пятый день былъ уже въ Плоцкѣ. Елена, не вставая съ постели, такъ хорошо представляла больнаго князя, что только на третій день узнали о его бѣгствѣ. Она поплатилась жизнію за свое самоотверженіе.

Эти смуты отняли у литовскихъ князей средства враждебно дѣйствовать противъ Москвы и дали послѣдней возможность безпрепятственно управиться съ Татарами. Димитрій выросъ въ неповиновеніи хану, два раза младенцемъ ходилъ онъ отнимать владимирское княженіе у Димитрія Суздальскаго, у котораго былъ ярлыкъ ханскій. Княжество московское постоянно усиливалось, его князья еще со временъ Калиты привыкли располагать полками князей подручныхъ, убѣждались все более и болѣе въ своей силѣ, тогда какъ Орда видимо ослабѣвала вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и усобицъ, и ничтожные ханы, подчиненные могущественнымъ вельможамъ, свергаемые ими, теряли все болѣе и болѣе свое значеніе, переставали внушать страхъ. Отъ страха передъ татарами началъ отвыкать русскій народъ и потому, что со временъ Калиты пересталъ испытывать ихъ нашествія и опустошенія; возмужало цѣлое поколѣніе, которому чуждъ былъ трепетъ отцовъ предъ именемъ татарскимъ; московскій князь, находившійся въ цвѣтѣ лѣтъ, въ самомъ полномъ развитіи силъ, былъ представителемъ этого новаго поколѣнія. Съ малолѣтства привыкъ Димитрій дѣйствовать иначе, нежели дѣйствовали дѣдъ, дяди и отецъ его; малюткою съ оружіемъ въ рукахъ добылъ онъ себѣ старшинство между русскими князьями, послѣ до тридцатилѣтняго возраста не выпускалъ изъ рукъ оружія, выдер-

жалъ опасную борьбу съ Литвою, Тверью, Рязанью, и вышелъ изъ нея побѣдителемъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Неудивительно, что такой князь рѣшился первый поднять оружіе противъ татаръ.

Мы видѣли, что въ началѣ княженія Димитріева Орда дѣлилась между двумя ханами-Мюридомъ (Амуратомъ) и Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго управлялъ темникъ Мамай. Но кромѣ ихъ въ древней странѣ болгарской утвердился третій ханъ Пуладъ-Темиръ, а въ странѣ мордовской князь Тогай. Послѣдній въ 1365 году напалъ нечаянно на Переяславль Рязанскій, взялъ, сжегъ его, поплѣнилъ окрестныя волости и села, и уже съ большою добычею возвращался въ степь, какъ былъ настигнутъ князьями — Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ, Владиміромъ Пронскимъ и Титомъ Козельскимъ: былъ между ними бой лютый, пало много мертвыхъ съ обѣихъ сторонъ, но русскіе князья наконецъ одолѣли, и Тогай едва убѣжалъ съ небольшою дружиною [490]. Въ 1367 году Булатъ или Пуладъ-Темиръ напалъ на нижегородскія владѣнія, но прогнанъ былъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ за рѣку Пьяну съ большимъ урономъ, прибѣжалъ въ Золотую Орду, и былъ тамъ убитъ ханомъ Азизомъ, или Озизомъ, преемникомъ Мюридовымъ. Въ 1370 году Димитрій Константиновичъ съ братомъ Борисомъ, сыномъ Василіемъ и ханскимъ посломъ Ачихожею (Хаджи-Ходжа) ходилъ войною на болгарскаго князя Асана; тотъ встрѣтилъ ихъ съ челобитьемъ и дарами, они дары взяли, но посадили на княженіе Салтана, Бакова сына. Въ 1373 году Татары изъ Орды Мамаевой опустошили рязанское княжество; великій князь московскій все лѣто простоялъ на берегу Оки (куда пришелъ къ нему и Владиміръ Андреевичъ) [491], и не пустилъ татаръ на свою сторону. Сопротивленіе Татарамъ и даже наступательное движеніе на нихъ обнаруживалось повсюду; въ 1374 году Нижегородцы перебили пословъ Мамаевыхъ и съ ними 1500 татаръ; старшаго посла—Сарайку съ дружиною заперли въ крѣпости. На слѣдующій годъ князь Дмитрій Константиновичъ приказалъ развести плѣнниковъ по разнымъ мѣстамъ, но Сарайка съ товарищами своими вырвался, убѣжалъ на архіерейскій дворъ, зажегъ его и началъ отбиваться отъ Нижегородцевъ, многихъ перебилъ и переранилъ; наконецъ народъ одолѣлъ Татаръ и перебилъ ихъ всѣхъ. Въ томъ же году Татары Мамаевы опустошили берега рѣки Киши, притока Суры, и мѣста за рѣкою Пьяною [492]. Мы упо-

минали уже о нападенiи Татаръ на нижегородское и новосильское княжество за помощь, оказанную ихъ князьями Димитрiю московскому противъ Михаила тверскаго, послѣ чего московскiй князь ходилъ съ войскомъ за Оку, оберегая землю свою отъ Татаръ. Еще въ XII и XIII вѣкѣ мы видѣли стремленiе сѣверовосточной Руси къ естественному распространенiю своему на востокъ внизъ по Волгѣ, насчетъ Болгаръ, Мордвы и другихъ туземныхъ племенъ; стремленiе это было надолго остановлено татарскимъ нашествiемъ и внутренними движенiями, которыя имѣли слѣдствiемъ усиленiе московскаго княжества; теперь же, какъ скоро сѣверовосточная Русь снова усилилась единовластiемъ, а татарское владычество ослабѣло, опять начинается наступательное движенiе Русскихъ на древнюю болгарскую землю. По окончанiи борьбы съ Литвою и Тверью, весною 1376 года великiй князь послалъ воеводу своего Димитрiя Михайловича Волынскаго на Болгаръ; съ Волынскимъ отправились двое молодыхъ князей нижегородскихъ—Василiй и Иванъ Дмитрiевичи, и подступили подъ Казань. Казанцы вышли противъ нихъ изъ города, стрѣляя изъ луковъ и самострѣловъ; другiе производили какой-то громъ, чтобъ испугать русскихъ, а нѣкоторые выѣхали на верблюдахъ, чтобы переполошить лошадей. Но всѣ эти хитрости не удались: Русскiе вогнали непрiятеля въ городъ, и князья казанскiе Асанъ и Магометъ-Солтанъ принуждены были добить челомъ великому князю; заплатили тысячу рублей Димитрiю московскому, тысячу новгородскому, три тысячи воеводамъ и ратнымъ людямъ; кромѣ того лѣтописецъ говоритъ, что Русскiе посадили въ Казани своего сборщика податей (дорогу) и таможенниковъ.

Въ 1377 году въ Москву пришла вѣсть, что въ странахъ посурскихъ явился новый царевичъ татарскiй, Арапша, перебѣжавшiй за Волгу съ береговъ Яика и Аральскаго моря. Димитрiй московскiй тотчасъ собралъ большое войско и пошелъ на помощь къ тестю своему, Димитрiю нижегородскому; но объ Арапшѣ долго не было вѣсти, и великiй князь возвратился въ Москву, оставивши воеводъ своихъ съ полками владимирскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими, съ которыми соединилось и нижегородское войско подъ начальствомъ своего молодаго князя Ивана. Собралась большая рать и двинулась за рѣку Пьяну, гдѣ воеводы получили вѣсть, что Арапша далеко, на рѣкѣ Волчьи Воды, притокѣ Донца. Князья и воеводы русскiе обрадовались и пе

обращали уже болѣе вниманія на другія приходившія къ нимъ вѣсти: кто можетъ стать противъ насъ? говорили они,—и стали ѣздить въ простомъ платьѣ (охабняхъ и сарафанахъ), а доспѣхи свои поклали на телѣги и въ сумы, рогатины, сулицы и копья не были приготовлены, иныя не были еще насажены, также не были приготовлены щиты и шлемы. Было время въ концѣ іюля, стояли сильные жары, и ратники разъѣзжали спустивши платье съ плечь, разстегнувши петли, растрепавшись точно въ банѣ; если случалось гдѣ найти пиво и медъ, напивались до-пьяна, и хвастались, что одинъ изъ нихъ выѣдетъ на сто Татаръ. Князья, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ѣздили на охоту, пировали, величались, да ковы другъ противъ друга строили [403]. Въ это время мордовскіе князья подвели тайно Арапшу, который, раздѣливъ свою рать на пять полковъ, втораго августа нечаянно ударилъ со всѣхъ сторонъ на русское войско; послѣднее не имѣло возможности сопротивляться, и побѣжало въ ужасѣ къ рѣкѣ Пьянѣ; Князь Иванъ Димитріевичь нижегородскій утонулъ при переправѣ вмѣстѣ со множествомъ бояръ, слугъ и простыхъ ратниковъ, другіе были перебиты Татарами. Арапша явился передъ Нижнимъ, откуда князь Димитрій Константиновичъ выбѣжалъ въ Суздаль, а жители разбѣжались на судахъ по Волгѣ къ Городцу, Татары перехватили тѣхъ, которые не успѣли спастись, сожгли городъ, опустошили окрестности и ушли назадъ; въ томъ же году Арапша пограбилъ и мѣста за Сурою (Засурье), потомъ перебилъ русскихъ гостей; пришелъ нечаянно на Рязань, взялъ ее, при чемъ самъ князь Олегъ, изстрѣленный, едва вырвался изъ рукъ татарскихъ. Надѣясь, что послѣ Пьянскаго пораженія нижегородское княжество осталось безъ защиты, и Мордва захотѣли попытать счастья противъ Русскихъ: приплыла нечаянно по Волгѣ въ нижегородскій уѣздъ, и пограбила то, что осталось отъ Татаръ; но князь Борисъ Константиновичъ настигъ ее у рѣки Пьяны, и поразилъ; одни потонули, другіе были побиты. Оба князя, и московскій и нижегородскій, не хотѣли этимъ ограничиться, и зимою, не смотря на страшные морозы, нижегородское войско подъ начальствомъ князей—Бориса Константиновича и Семена Дмитріевича, и московское подъ начальствомъ воеводы Свибла вошло въ мордовскую землю, и „сотворило ее пусту“ [404], по выраженію лѣтописца; плѣнниковъ, приведенныхъ въ Нижній, казнили смертію, травили псами на льду на Волгѣ. Въ слѣдующемъ

1378 году Татары явились опять нечаянно передъ Нижнимъ; князя не было тогда въ городѣ, а жители разбѣжались за Волгу. Пріѣхавши къ Нижнему изъ Городца, князь Димитрій Константиновичъ увидалъ, что нельзя отстоять города отъ Татаръ, и потому послалъ къ нимъ окупъ; но Татары не взяли окупа и сожгли Нижній, потомъ повоевали весь уѣздъ и Березовое поле. Управившись съ Димитріемъ Нижегородскимъ, Мамай отправилъ князя Бегича съ большимъ войскомъ на Димитрія Московскаго. Но тотъ узналъ о приближеніи непріятеля, собралъ силу и выступилъ за Оку въ землю рязанскую, гдѣ встрѣтился съ Бегичемъ на берегахъ рѣки Вожи [495]. 11-го августа къ вечеру Татары переправились черезъ эту рѣку, и съ крикомъ помчалась на русскіе полки, которые храбро ихъ встрѣтили: съ одной стороны ударилъ на нихъ князь пронскій Даніилъ, съ другой московскій окольничій Тимоѳей; а самъ великій князь Димитрій ударилъ на нихъ въ лицѣ. Татары не выдержали, побросали копья и бросились бѣжать за рѣку, при чемъ множество ихъ перетонуло и было перебито. Ночь помѣшала преслѣдовать Татаръ, а на другое утро былъ сильный туманъ, такъ что только къ обѣду Русскіе могли двинуться впередъ и нашли въ степи весь обозъ непріятельскій. Мамай собралъ остатокъ своей рати и въ сентябрѣ ударилъ на рязанскую землю; князь Олегъ, никакъ не ожидая нападенія послѣ вожской битвы, бросилъ города и перебѣжалъ на лѣвую сторону Оки, а Татары взяли города Дубокъ и Переяславль рязанскій, сожгли ихъ и опустошили всю землю, но дальше за Оку не пошли.

Борьба была открытая; послѣ Вожской битвы московскій князь не могъ надѣяться, что Мамай ограничится местію на рязанской области. До сихъ поръ смуты и раздѣленіе въ Ордѣ внушали смѣлость московскому князю не обращать большаго вниманія на ярлыки ханскіе; Димитрій былъ свидѣтелемъ ослабленія Орды въ самой Ордѣ; лучшимъ доказательствомъ этого ослабленія было то, что Мамай долженъ былъ отказаться отъ прежней дани, какую получали ханы изъ Россіи во время Чанибека, и удовольствоваться меньшимъ ея количествомъ; мы видѣли, до какой самонадѣянности дошли русскіе воеводы и ратники передъ Пьянскимъ пораженіемъ; эта самонадѣянность была наказана; однако битва Вожская снова убѣдила Русскихъ въ возможности побѣждать Татаръ. Но отношенія должны были измѣниться, когда Мамай, правивши до сихъ поръ

именемъ ханов—Абдула и потомъ Магомеда, избавился наконецъ отъ послѣдняго и провозгласилъ себя ханомъ; теперь онъ имѣлъ возможность двинуть всю Орду для наказанія московскаго князя, котораго нельзя было смирить однимъ отрядомъ: времена Андрея Ярославича прошли; чтобъ снова поработить Россію, нужно было повторить Батыево нашествіе. Говорятъ, что Вожское пораженіе привело въ ярость Мамая, и онъ не хотѣлъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отомститъ Димитрію. Есть любопытное извѣстіе, будто совѣтники Мамая говорили ему: „Орда твоя оскудѣла, сила твоя изнемогла; но у тебя много богатства, пошли нанять Генуезцовъ, Черкесъ, Ясовъ и другіе народы". Мамай послушался этого совѣта, и когда собралось къ нему множество войска со всѣхъ сторонъ, то лѣтомъ 1380 года онъ перевезся за Волгу и сталъ кочевать при устьѣ рѣки Воронежа. Ягайло Литовскій, который имѣлъ много причинъ не доброжелательствовать московскому князю, вступилъ въ союзъ съ Мамаемъ и обѣщалъ соединиться съ нимъ 1 сентября. Узнавши объ этомъ, Димитрій Московскій сталъ немедленно собирать войска; послалъ за полками и къ князьямъ подручнымъ—ростовскимъ, ярославскимъ бѣлозерскимъ; есть извѣстіе, что князь тверской прислалъ войско съ племянникомъ своимъ Иваномъ Всеволодовичемъ Холмскимъ [496]. Не соединился съ Москвою одинъ потомокъ Святослава Черниговскаго, Олегъ рязанскій: болѣе другихъ князей русскихъ онъ былъ настращенъ Татарами; еще не давно княжество его подверглось страшному опустошенію отъ не очень значительнаго отряда Татаръ, а теперь Мамай стоитъ на границахъ съ громаднымъ войскомъ, котораго пограничная Рязань будетъ первою добычею въ случаѣ сопротивленія. Не надѣясь, чтобъ и Димитрій Московскій дерзнулъ выйти противъ Татаръ, Олегъ послалъ сказать ему о движеніяхъ Мамая, а самъ спѣшилъ войти въ переговоры съ послѣднимъ и съ Ягайломъ Литовскимъ. Говорятъ будто Олегъ и Ягайло разсуждали такъ, какъ скоро князь Димитрій услышитъ о нашествіи Мамая и о нашемъ союзѣ съ нимъ, то убѣжитъ изъ Москвы въ дальнія мѣста, или въ Великій Новгородъ или на Двину, а мы сядемъ въ Москвѣ и во Владимирѣ; и когда ханъ придетъ, то мы его встрѣтимъ, съ большими дарами и упросимъ, чтобъ возвратился домой, и сами съ его согласія, раздѣлимъ московское княжество на двѣ части — одну къ Вильнѣ, а другую къ Рязани, и возмемъ на нихъ ярлыки и для потомства нашего".

Но Дмитрій не думалъ бѣжать ни въ Новгородъ Великій, ни на Двину, а назначилъ всѣмъ полкамъ собираться въ Коломну къ 15 августа, отправивши напередъ сторожей въ степь, которые должны были извѣщать его о движеніяхъ Мамая. Передъ выступленіемъ изъ Москвы, в. князь отправился въ Троицкій монастырь, недавно основанный св. пустынникомъ Сергіемъ, о которомъ было уже разъ упомянуто въ разсказѣ о нижегородскимъ событіяхъ; Сергій благословилъ Димитрія на войну, обѣщая побѣду, хотя соединенную съ сильнымъ кровопролитіемъ, и отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ монаховъ Пересвѣта и Ослябя, изъ которыхъ первый былъ прежде бояриномъ въ Брянскѣ и оба отличились своимъ мужествомъ.— Оставя въ Москвѣ при женѣ и дѣтяхъ воеводу Ѳедора Андреевича, Димитрій выѣхалъ въ Коломну, куда собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на Руси—150.000 человѣкъ! Кромѣ князей воеводами были: у коломенскаго полка Николай Васильевичъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго тысяцкаго, у владимирскаго Тимоѳей Валуевичъ, у костромскаго Иванъ Родіоновичъ, у переяславскаго Андрей Серкизовичъ; пришли и два князя иноплеменныхъ, два Олгердовича: Андрей и Димитрій. Вѣсть о сильномъ вооруженіи московскаго князя, должно быть, достигла Мамая, и онъ попытался было сначала кончить дѣло миромъ; послы его явились въ Коломну съ требованіемъ дани, какую великіе князья платили при Узбекѣ и Чанибекѣ; но Димитрій отвергнулъ это требованіе, соглашаясь платить только такую дань, какая была опредѣлена между нимъ и Мамаемъ въ послѣднее свиданіе ихъ въ Ордѣ.

20 августа великій князь выступилъ изъ Коломны, и, пройдя границы своего княжества, сталъ на Окѣ при устьѣ Лопасны [497], освѣдомляясь о движеніяхъ непріятельскихъ; здѣсь соединился съ нимъ двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ Серпуховской, пріѣхалъ и большой воевода московскій Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ съ остальными полками. Тогда, видя всѣ полки свои въ сборѣ, Димитрій велѣлъ переправляться черезъ Оку: въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (1 сентября) переправилось войско, въ понедѣльникъ переѣхалъ самъ великій князь съ дворомъ своимъ, и шестаго сентября достигли Дона. Тутъ приспѣла грамота отъ преподобнаго игумена Сергія, благословеніе отъ святаго старца идти на Татаръ: „чтобъ еси, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица", писалъ Сергій. Устроили полки, начали

думать: одни говорили: „Ступай, князь, за Донъ“; а другіе: „Не ходи, потому что враговъ много, не одни Татары, но и Литва и Рязанцы.“ Димитрій принялъ первое мнѣніе, и велѣлъ мостить мосты и искать броду; въ ночь 7-го сентября начало переправляться войско за Донъ; утромъ на другой день, 8 сентября, на солнечномъ восходѣ, былъ густой туманъ, и когда въ третьемъ часу просвѣтлѣло, то русскіе полки строились уже за Дономъ, при устьѣ Непрядвы. Часу въ двѣнадцатомъ начали показываться Татары: они спускались съ холма на широкое поле Куликово; Русскіе также сошли съ холма и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорятъ, что кровь лилась какъ вода на пространствѣ десяти верстъ, лошади не могли ступать по трупамъ, ратники гибли подъ конскими копытами, задыхались отъ тѣсноты. Пѣшая русская рать уже лежала какъ скошенное сѣно, и Татары начали одолѣвать. Но въ засадѣ въ лѣсу стояли еще свѣжіе русскіе полки подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и извѣстнаго уже намъ воеводы московскаго Димитрія Михайловича Волынскаго-Боброка. Владиміръ, видя пораженіе Русскихъ, началъ говорить Волынскому: „Долго ль намъ здѣсь стоять, какая отъ насъ польза? Смотри, уже всѣ христіанскіе полки лежатъ мертвы“! Но Волынскій отвѣчалъ, что еще нельзя выходить изъ засады, потому что вѣтеръ дуетъ прямо въ лице Русскимъ. Но чрезъ нѣсколько времени вѣтеръ перемѣнился: „Теперь пора!“ сказалъ Волынскій— и засадное ополченіе бросилось на Татаръ. Это появленіе свѣжихъ силъ на сторонѣ Русскихъ рѣшило участь битвы: Мамай, стоявшій на холмѣ съ пятью знатнѣйшими князьями и смотрѣвшій оттуда на сраженіе, увидалъ, что побѣда склонилась на сторону Русскихъ и обратился въ бѣгство: Русскіе гнали Татаръ до рѣки Мечи [448] и овладѣли всѣмъ ихъ станомъ.

Возвратившись съ погони, князь Владиміръ Андреевичъ сталъ на костяхъ и велѣлъ трубить въ трубы: всѣ оставшіеся въ живыхъ ратники собрались на эти звуки, но не было великаго князя Димитрія; Владиміръ сталъ разспрашивать, не видалъ ли кто его? Одни говорили, что видѣли его жестоко раненаго, и потому должно искать его между трупами; другіе, что видѣли, какъ онъ отбивался отъ четырехъ Татаръ и бѣжалъ, но не знаютъ, что послѣ съ нимъ случилось: одинъ объявилъ, что видѣлъ, какъ великій князь раненый пѣшкомъ возвращался съ боя. Владиміръ Андреевичъ сталъ со

слезами упрашивать, чтобъ всѣ искали великаго князя, обѣщалъ богатыя награды тому, кто найдетъ. Войско разсѣялось по полю: нашли трупъ любимца Димитріева, Михаила Андреевича Бренка, котораго предъ началомъ битвы великій князь поставилъ подъ свое черное знамя, велѣлъ надѣть свои латы и шлемъ; остановились надъ трупомъ одного изъ князей Бѣлозерскихъ, похожаго на Димитрія, наконецъ двое ратниковъ, уклонившись въ сторону, нашли великаго князя, едва дышущаго подъ вѣтвями недавно срубленнаго дерева. Получивши вѣсть, что Димитрій найденъ, Владиміръ Андреевичъ поскакалъ къ нему и объявилъ о побѣдѣ; Димитрій съ трудомъ пришелъ въ себя, съ трудомъ распознавалъ, кто съ нимъ говоритъ и о чемъ; панцырь его весь былъ избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны [499].

Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побоища подобнаго рода происходили и въ западной ея половинѣ въ началѣ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между европейскими и азіатскими ополченіями: таково было побоище Каталонское, гдѣ полководецъ римскій спасъ западную Европу отъ Гунновъ; таково было побоище Турское, гдѣ вождь франкскій спасъ западную Европу отъ Аравитянъ. Западная Европа была спасена отъ Азіатцевъ, но восточная ея половина надолго еще оставалась открытою для ихъ нашествій; здѣсь въ половинѣ IX-го вѣка образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII-мъ вѣкѣ этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спаслись на отдаленномъ сѣверовостокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство въ полтораста лѣтъ успѣло объединиться, окрѣпнуть — и Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости; она была знакомъ торжества Европы надъ Азіею; она имѣетъ въ исторіи восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы западной, и носитъ одинаковый съ ними характеръ, характеръ страшнаго, кроваваго побоища, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіею, долженствовавшей рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ — которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою?

Таково всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы; собственно въ русской исторіи она служила освященіемъ новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на сѣверо-востокѣ. Полтораста лѣтъ назадъ татарскія полчища встрѣтились впервые съ русскими князьями въ степи на берегахъ Калки: здѣсь была въ сборѣ южная Русь, которая носила преимущественно названіе Руси, здѣсь было много храбрыхъ князей и богатырей, здѣсь былъ самый храбрый изъ князей, Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій; но этотъ самый Мстиславъ завелъ распрю (котору) съ братьею и погубилъ войско. На сѣверѣ исполнилось то, чего такъ боялся отецъ Мстиславовъ: младшіе братья князья стали подручниками старшаго, великаго князя, и когда этотъ князь вывелъ ихъ противъ Татаръ на берега Дона, то не было между ними никакихъ которъ и побѣда осталась за Русью.

Но Куликовская побѣда была изъ числа тѣхъ побѣдъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ пораженіемъ. Когда, говоритъ преданіе, великій князь велѣлъ счесть, сколько осталось въ живыхъ послѣ битвы, то бояринъ Михайла Александровичъ донесъ ему, что осталось всего сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ битву вступило больше четырехъ сотъ тысячъ. Если историкъ и не имѣетъ обязанности принимать буквально послѣдняго показанія, то для него важно выставленное здѣсь отношеніе живыхъ къ убитымъ. Четверо князей (двое бѣлозерскихъ и двое тарускихъ), тринадцать бояръ и Троицкій монахъ Пересвѣтъ были въ числѣ убитыхъ. Вотъ почему въ украшенныхъ сказаніяхъ о мамаевомъ побоищѣ мы видимъ, что событіе это, представляясь, съ одной стороны, какъ великое торжество, съ другой представляется какъ событіе плачевное, жалость. Была на Руси радость великая, говоритъ лѣтописецъ; но была и печаль большая по убитыхъ отъ Мамая на Дону; оскудѣла совершенно вся земля русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей землѣ русской. Это оскудѣніе дало Татарамъ еще кратковременное торжество надъ Куликовскими побѣдителями.

Мамай, возвратившись въ Орду, собралъ опять большое войско съ тѣмъ, чтобъ идти на московскаго князя, но былъ остановленъ другимъ врагомъ: на него напалъ ханъ Заяицкій Тохтамышъ, потомокъ Орды, старшаго сына Джучіева. На берегахъ Калки встрѣтился Мамай съ Тохтамышемъ, былъ разбитъ, и бѣжалъ въ Каѳу

къ Генуезцамъ, которые убили его. Тохтамышъ, овладѣвши Золотою Ордою, отправилъ къ московскому и другимъ князьямъ русскимъ пословъ извѣстить ихъ о своемъ воцареніи. Князья приняли пословъ съ честію и отправили своихъ пословъ въ Орду съ дарами для новаго хана. Въ 1381 году Тохтамышъ отправилъ къ великому князю посла Ахкозю, который называется въ лѣтописи царевичемъ, съ семью стами Татаръ; но Ахкозя, доѣхавши до Нижняго Новгорода, возвратился назадъ, не смѣлъ ѣхать въ Москву; онъ послалъ было туда нѣсколько человѣкъ изъ своихъ Татаръ, но и тѣ не осмѣлились въѣхать въ Москву. Тахтамышъ рѣшился разогнать этотъ страхъ, который напалъ на Татаръ послѣ Куликовской битвы; въ 1382 году онъ велѣлъ пограбить русскихъ гостей въ Болгаріи, перехватить ихъ суда, а самъ внезапно съ большимъ войскомъ перевезся черезъ Волгу и пошелъ къ Москвѣ, наблюдая большую осторожность, чтобъ въ Русской землѣ не узнали о его походѣ. Эта скрытность и поспѣшность Тохтамыша показываютъ всего лучше перемѣну въ татарскихъ отношеніяхъ, въ слѣдствіе Куликовской битвы: ханъ надѣется имѣть успѣхъ, только напавши врасплохъ на московскаго князя; боится встрѣтить его войско въ чистомъ полѣ, употребляетъ осторожность, хитрость— орудіе слабаго, и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ слабость Орды передъ новымъ могуществомъ Руси.

Нижегородскій князь, узнавши о походѣ Тохтамыша, послалъ къ нему двоихъ сыновей своихъ Василія и Семена, которые едва могли нагнать хана на границахъ рязанскихъ. Здѣсь же встрѣтилъ Тохтамыша и князь Олегъ Рязанскій, упросилъ его не воевать рязанской области, обвелъ его около нея и указалъ броды на Окѣ. Димитрій Московскій, узнавши о приближеніи Татаръ хотѣлъ было выйти къ нимъ навстрѣчу; но область его, страшно оскудѣвшая народомъ послѣ Куликовскаго побоища, не могла выставить вдругъ достаточнаго числа войска, и великій князь уѣхалъ сперва въ Переяславль, а потомъ въ Кострому собирать полки. Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и приближался къ Москвѣ, гдѣ безъ князя встало сильное волненіе: одни жители хотѣли бѣжать, а другіе хотѣли запереться въ кремлѣ. Начались распри, отъ распрей дошло до разбоя и грабежа: кто хотѣлъ бѣжать вонъ изъ города, тѣхъ не пускали, били и грабили; не пустили ни митрополита Кипріяна, ни великую княгиню Евдокію, ни большихъ бояръ: во всѣхъ воротахъ крем-

левскихъ стояли съ обнаженнымъ оружіемъ, а со стѣнъ метали камнями въ тѣхъ, кто хотѣлъ выйти изъ города; насилу наконецъ согласились выпустить митрополита и великую княгиню.

Мятежъ утихъ, когда явился въ Москвѣ литовскій князь Остей, котораго лѣтописецъ называетъ внукомъ Олгердовымъ. Остей принялъ начальство, укрѣпилъ кремль и затворился въ немъ съ Москвичами. 23 августа показались передовые татарскіе отряды; они подъѣхали къ кремлю и спросили: „Въ городѣ ли великій князь Димитрій"? имъ отвѣчали, что нѣтъ. Тогда они объѣхали вокругъ всего кремля, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ: все вокругъ было чисто, потому что сами граждане пожгли посады, и не оставили ни одного тына или дерева, боясь примета къ городу. Между тѣмъ внутри кремля добрые люди молились день и ночь, а другіе вытащили изъ погребовъ боярскихъ меды и начали пить; хмѣль ободрилъ ихъ, и они стали хвастаться: „Нечего намъ бояться Татаръ, городъ у насъ каменный, крѣпкій, ворота желѣзные; Татары долго не простоятъ подъ городомъ, потому что имъ будетъ двойной страхъ: изъ города будутъ насъ бояться, а съ другой стороны княжескаго войска, скоро побѣгутъ въ степь". Нѣкоторые вошли на стѣны, и начали всячески ругаться надъ Татарами; тѣ грозили имъ издали саблями....

На другой день, 24 числа, подошелъ къ кремлю самъ Тохтамышъ, и началась осада. Татары пускали стрѣлы какъ дождь, стрѣляли безъ промаха, и много падало осажденныхъ въ городѣ и на стѣнныхъ забралахъ; непріятель подѣлалъ уже лѣстницы и лѣзъ на стѣны; но граждане лили на него изъ котловъ горячую воду, кидали камнями, стрѣлами изъ самострѣловъ, пороковъ, т ю ф я к о в ъ (ружей) и пушекъ, которыя здѣсь въ первый разъ упоминаются. Одинъ купецъ суконникъ, именемъ Адамъ, стоявшій надъ Фроловскими воротами, пустилъ стрѣлу изъ самострѣла и убилъ одного знатнаго князя татарскаго, о которомъ очень жалѣлъ Тохтамышъ. Три дня уже бились Татары подъ кремлемъ, и не было надежды взять его силою; тогда ханъ вздумалъ употребить хитрость: на четвертый день подъѣхали къ стѣнамъ большіе князья ордынскіе и съ ними двое князей нижегородскихъ, Василій и Семенъ, шурья великаго князя Димитрія; они стали говорить осажденнымъ: „Царь хочетъ жаловать васъ, своихъ людей и улусниковъ, потому что вы не виноваты: не на васъ пришелъ царь, а на князя Ди-

митрія, отъ васъ же онъ требуетъ только, чтобъ вы встрѣтили его съ княземъ Остеемъ и поднесли небольшіе дары; хочется ему поглядѣть вашъ городъ и побывать въ немъ, а вамъ дастъ миръ и любовь". Нижегородскіе князья дали Москвитянамъ клятву, что ханъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Тѣ повѣрили, отворили кремлевскія ворота, и вышли лучшіе люди съ княземъ Остеемъ, со крестами и съ дарами. Но Татары сперва взяли къ себѣ тайкомъ въ станъ князя Остея и убили его; потомъ подошли къ воротамъ и начали безъ милости рубить духовенство, ворвались въ кремль, всѣхъ жителей побили или поплѣнили, церкви разграбили, взяли казну княжескую, имѣніе частныхъ людей, пожгли и книги, которыхъ множество отовсюду было снесено въ кремль. Эта бѣда случилась 26-го августа.

Взявши Москву, Тохтамышъ распустилъ рать свою къ Владиміру и Переяславлю; другіе отряды взяли Юрьевъ, Звенигородъ, Можайскъ, Боровскъ, Рузу, Дмитровъ; волости и села поплѣнили; Переяславль былъ сожженъ, но многіе жители его успѣли спастись въ лодкахъ на озеро. В. князь Димитрій съ семействомъ своимъ укрылся въ Костромѣ; митрополитъ Кипріанъ въ Твери. Тверской князь Михаилъ послалъ къ Тохтамышу киличея своего съ честію и съ большими дарами, за что ханъ послалъ къ нему свое жалованье, ярлыкъ и не тронулъ тверскихъ владѣній. Между тѣмъ князь Владиміръ Андреевичъ стоялъ близъ Волока съ большою силою; одинъ изъ Тохтамышевыхъ отрядовъ, не зная объ этомъ, подъѣхалъ къ нему и былъ разбитъ; испуганные Татары прибѣжали къ своему хану съ вѣстію о большомъ русскомъ войскѣ,—и тогда опять ясно обнаружилась рѣшительная перемѣна въ отношеніяхъ Руси къ Татарамъ, обнаружилось слѣдствіе Куликовской битвы: едва успѣлъ узнать Тохтамышъ, что великій князь стоитъ въ Костромѣ, а братъ его Владиміръ у Волока, какъ тотчасъ стянулъ къ себѣ всѣ свои войска, и пошелъ назадъ, взявши на дорогѣ Коломну и опустошивши рязанскую землю. По уходѣ Татаръ великій князь и братъ его Владиміръ возвратились въ свою опустошенную отчину, поплакали и велѣли хоронить убитыхъ: Димитрій давалъ за погребеніе 80 тѣлъ по рублю и издержалъ на это 300 рублей, слѣдовательно погребено было 24,000 человѣкъ [500].

Бѣдою Москвы спѣшилъ воспользоваться тверской князь Михаилъ Александровичъ; вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ онъ поѣхалъ въ

Орду, и поѣхалъ не прямою дорогою (не прямицами), по околицами, опасаясь и таясь отъ великаго князя Димитрія: онъ хотѣлъ искать себѣ великаго княженія владимирскаго и новгородскаго. Это заставило великаго князя отправить въ Орду сына своего Василія съ старшими боярами вѣрными и лучшими, тягаться съ Михаиломъ о великомъ княженіи. Весною 1383 года отправился Василій въ Орду, и лѣтомъ того же года пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Тохтамыша съ добрыми рѣчами и съ пожалованіемъ. Но за эти добрыя рѣчи и пожалованіе надобно было дорого заплатить: былъ во Владимирѣ лютый посолъ отъ Тохтамыша, именемъ Адашъ, и была дань великая по всему княженію московскому, съ деревни по полтинѣ, тогда же и золотомъ давали въ Орду, говоритъ лѣтописецъ подъ 1384 годомъ. Къ такимъ уступкамъ великій князь приневоленъ былъ не одною невозможностію опять вступить въ открытую борьбу съ Ордою послѣ недавнихъ раззореній, но еще и тѣмъ, что сынъ его Василій былъ задержанъ Тохтамышемъ, который требовалъ за него 8000 окупа, и только въ концѣ 1385 года молодой князь успѣлъ спастись бѣгствомъ изъ плѣна. Послѣ этого мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ московскаго князя къ Тохтамышу; лѣтопись упоминаетъ только о двукратномъ нашествіи Татаръ на рязанскія земли.

Не одни отношенія Татарскія занимали Димитрія послѣ Куликовской битвы. Союзникъ Мамаевъ, Олегъ рязанскій, зналъ, что ему нечего ожидать добра отъ московскаго князя, и потому, приказавъ по возможности препятствовать возвращенію московскихъ войскъ чрезъ свою землю [501], самъ убѣжалъ въ Литву. Димитрій послалъ было въ Рязань своихъ намѣстниковъ, но увидалъ, что еще трудно будетъ удержать ее противъ Олега, и потому помирился съ послѣднимъ. Договоръ дошелъ до насъ [502]: Олегъ, подобно Михаилу Тверскому, признаетъ себя младшимъ братомъ Димитрія и равнымъ московскому удѣльному князю—Владиміру Андреевичу: опредѣлены границы между обоими княжествами [503], при чемъ Олегъ уступилъ Димитрію три мѣста; Мещера, купленная княземъ московскимъ, остается за нимъ; упоминается о мѣстахъ татарскихъ, которыя оба князя, и московскій и рязанскій, взяли за себя: Олегъ обязался разорвать союзъ съ Литвою и находиться съ нею въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ и великій князь московскій; точно также и съ Ордою и со всѣми русскими князьями. Мы видѣли, что

во время Тохтамышева нашествія Олегъ Рязанскій послѣдовалъ примѣру Димитрія Нижегородскаго, вышелъ навстрѣчу къ хану съ челобитьемъ и обвелъ Татаръ мимо своей области; но слѣдствія этого поступка для Олега были иныя, чѣмъ для князя нижегородскаго: прежде всего Татары на возвратномъ пути опустошили рязанское княжество; но едва Тохтамышъ выступилъ изъ рязанскихъ предѣловъ, какъ московскіе полки явились въ волостяхъ Олега и разорили то, что не было тронуто Татарами: злѣе ему стало и татарской рати, говоритъ лѣтописецъ. Олегъ, собравшись съ силами, отомстилъ за это въ 1385 году: онъ напалъ нечаянно на Коломну, взялъ и разграбилъ ее; Димитрій отправилъ противъ него войско подъ начальствомъ Владиміра Андреевича. Но Москвитяне потерпѣли пораженіе, потеряли много бояръ и воеводъ. Димитрій сталъ хлопотать о мирѣ, отправлялъ къ рязанскому князю пословъ, но никто не могъ умолить Олега; наконецъ, по просьбѣ великаго князя, отправился въ Рязань Троицкій игуменъ, Св. Сергій. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ чудный старецъ тихими и кроткими рѣчами много бесѣдовалъ съ Олегомъ о душевной пользѣ, о мирѣ и любви; князь Олегъ перемѣнилъ свирѣпость свою на кротость, утихъ и умилился душою, устыдясь такого святаго мужа, и заключилъ съ московскимъ княземъ вѣчный миръ. Этотъ миръ былъ скрѣпленъ даже семейнымъ союзомъ: сынъ Олега женился на дочери Димитрія.

Въ 1383 году умеръ Димитрій Константиновичъ Нижегородскій; Тохтамышъ отдалъ ярлыкъ на Нижній по старинѣ брату его Борису; но племянники, сыновья Димитрія, вооружились, по новому, противъ дяди, и съ помощію зятя своего, Димитрія Московскаго, принудили его къ уступкѣ Нижняго. Лѣтописецъ говоритъ, будто Борисъ пророчилъ племянникамъ, что они будутъ плакать отъ враговъ своихъ. Пророчество это исполнилось, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Съ именемъ Димитрія Донскаго въ нашей исторіи неразлучно имя двоюроднаго брата его Владиміра Андреевича, который называется также Донскимъ и Храбрымъ. Мы видѣли, что великіе князья тверской и рязанскій въ договорахъ съ великимъ княземъ московскимъ приравниваются къ Владиміру Андреевичу, и потому для насъ очень любопытно знать отношенія послѣдняго къ старшему двоюродному брату. Къ счастію, до насъ дошли три договорныя грамоты, заключенныя между ними. Первая написана въ 1362 году [501]. Братья

обязываются жить такъ, какъ жили отцы ихъ съ старшимъ своимъ братомъ, великимъ княземъ Симеономъ; Симеонову договорную грамоту съ братьями мы знаемъ, но въ ней нѣтъ такихъ любопытныхъ мѣстъ, какія находимъ въ грамотѣ Димитрія и Владиміра, напримѣръ: „Тебѣ брату моему младшему князю Владиміру держать подъ мною княженье мое великое честно и грозно; тебѣ брату моему младшему служить мнѣ безъ ослушанья по уговору (по згадцѣ), какъ будетъ мнѣ надобно и тебѣ: а мнѣ тебя кормить по твоей службѣ“. Владиміръ обязывается не искать подъ Димитріемъ удѣла Симеонова: этимъ вводится новый обычай, по которому выморочный удѣлъ поступаетъ прямо къ великому князю безъ раздѣла съ родичами. Большая статья посвящена боярамъ. Не смотря на допущеніе перехода бояръ отъ великаго князя къ удѣльному, и наоборотъ, старшій братъ уже дѣлаетъ попытку распространить свое вліяніе на бояръ младшаго; къ этому онъ приступаетъ слѣдующимъ образомъ: „Если случится мнѣ отпускать своихъ воеводъ изъ великаго княженія, то ты долженъ послать своихъ воеводъ съ моими вмѣстѣ безъ ослушанья; а кто ослушается, того я буду казнить, а ты вмѣстѣ со мною. Если захочешь кого-нибудь изъ бояръ оставить при себѣ, то ты долженъ мнѣ объ этомъ доложить, и мы рѣшимъ вмѣстѣ—кому остаться и кому ѣхать“. Въ 1371 г. былъ заключенъ второй договоръ [505], по которому Владиміръ обязался не искать московской отчины Димитріевой и великаго княженія владимирскаго не только подъ Димитріемъ, но и подъ сыновьями его, обязался, въ случаѣ смерти Димитріевой, считать старшаго сына его, а своего племянника старшимъ братомъ и служить ему. Мы видѣли, что еще въ первомъ договорѣ съ двоюроднымъ братомъ великій князь выговаривалъ себѣ право наказать Владиміровыхъ бояръ въ извѣстномъ случаѣ. Въ 1389 году Димитрій захотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ, хотя намъ и неизвѣстно, чѣмъ именно бояре Владиміровы навлекли на себя гнѣвъ великаго князя; послѣдній велѣлъ схватить старшихъ изъ нихъ и развести по разнымъ городамъ, гдѣ держали ихъ подъ крѣпкою стражею, подъ надзоромъ жестокихъ приставниковъ. О непріязненныхъ дѣйствіяхъ со стороны Владиміра сохранилось извѣстіе: онъ захватилъ нѣсколько деревень великокняжескихъ [506]. Ссора впрочемъ была непродолжительна, и братья заключили третій договоръ [507]. Въ этомъ договорѣ окончательно и ясно опредѣлены

отношенія Владиміра къ семейству старшаго двоюроднаго брата. Димитрій называетъ себя уже не старшимъ братомъ, но отцемъ Владиміру; старшій сынъ великаго князя Василій называется старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій просто братомъ, т.-е. равнымъ; а меньшіе сыновья младшими братьями. Въ остальныхъ статьяхъ этотъ договоръ сходенъ съ первымъ; замѣтимъ только слѣдующія выраженія, которыя показываютъ также новыя отношенія между родичами: Димитрій говоритъ Владиміру: „Ты мнѣ челомъ добилъ чрезъ отца моего Алексѣя митрополита всея Руси, и я тебя пожаловалъ, далъ тебѣ Лужу и Боровскъ".

Строго началъ поступать великій князь московскій съ боярами удѣльнаго князя; злая участь постигла и московскаго боярина, дерзнувшаго возстать противъ своего князя. Мы упоминали объ уничтоженіи сана тысяцкаго въ Москвѣ и о поведеніи Ивана Вельяминова и Некомата Сурожанина; мы видѣли, что Некоматъ возвратился изъ Орды въ Тверь съ ханскимъ ярлыкомъ для князя Михаила; но Вельяминовъ остался въ Ордѣ и, какъ видно, продолжалъ свои происки въ стѣнахъ московскихъ; лѣтописецъ говоритъ глухо: „много нѣчто нестроенія бысть". Въ битвѣ на Вожѣ русскіе поймали какого то попа, шедшаго съ Татарами изъ Орды по порученію Ивана Вельяминова; у этого попа обыскали ядовитые коренья, допросили его и сослали въ заточеніе. Въ 1378 году Вельяминовъ самъ рѣшился явиться на Руси; но слѣды его были открыты, онъ схваченъ въ Серпуховѣ и приведенъ въ Москву. На Кучковомъ полѣ, гдѣ теперь Срѣтенка, была совершена первая торжественная смертная казнь, и былъ казненъ сынъ перваго сановника въ княжествѣ; лѣтописецъ говоритъ: „Бѣ множество народа стояща, и мнози прослезишася о немъ и опечалишася о благородствѣ его и величествѣ его". Какъ знаменитъ былъ родъ Вельяминовыхъ, видно изъ того, что лѣтописецъ, говоря о смерти послѣдняго тысяцкаго, приводитъ его родословную. Родной братъ казненнаго Ивана Николай былъ женатъ на родной сестрѣ великой княгини московской, дочери Димитрія Константиновича Нижегородскаго, и великій князь, въ своихъ грамотахъ, называетъ Василія Вельяминова тысяцкаго дядею [508]. Даже и послѣ, несмотря на измѣну и казнь Ивана Вельяминова, родъ его не потерялъ своего значенія: послѣдній сынъ Донскаго Константинъ былъ крещенъ Марьею, вдовою Василія Вельяминова тысяцкаго.

Если Калита и Симеонъ Гордый давали уже чувствовать Новгороду силу московскую, то еще большей грозы должны были ждать Новгородцы отъ смѣлаго внука Калитина. По смерти Іоанна Московскаго желаніе ихъ исполнилось было: Димитрій Константиновичъ Суздальскій, за отца котораго они и прежде такъ хлопотали въ Ордѣ, сѣлъ на великомъ княженіи во Владимірѣ и немедленно послалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ; Новгородцы посадили ихъ у себя и судъ дали, уговорившись съ княземъ. Неизвѣстно, когда Новгородъ призналъ своимъ княземъ Димитрія Московскаго; только подъ 1366 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ прямо уже о ссорѣ Новгорода съ великимъ княземъ. Причиною этой ссоры были разбои новгородской вольницы. Еще въ 1360 году, въ княженіе Димитрія Константиновича, новгородская вольница взяла городъ Жукотинъ на рѣкѣ Камѣ, перебила тамъ множество Татаръ и разграбила ихъ богатства. Жукотинскіе князья жаловались хану, и тотъ велѣлъ русскимъ князьямъ переловить разбойниковъ и прислать къ нему въ Орду, что и было исполнено тремя князьями—суздальскимъ, нижегородскимъ и ростовскимъ, которые нарочно для того съѣзжались въ Кострому. Подъ 1363 годомъ новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что пріѣхали съ Югры дѣти боярскіе и молодые люди съ воеводами—Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпою: воевали они по рѣкѣ Оби до моря, а другая половина рати воевала верховье Оби; Двиняне стали противъ нихъ полкомъ, но были разбиты [50]". Въ 1366 году пошли опять изъ Новгорода молодые люди на Волгу, безъ новгородскаго слова, съ тремя воеводами: Осипомъ Варѳоломеичемъ, Василіемъ Ѳедоровичемъ, Александромъ Абакуновичемъ, много бусурманъ побили подъ Нижнимъ, и въ томъ же году возвратились по-здорову. Но великій князь разорвалъ за это миръ съ Новгородцами, велѣлъ сказать имъ: „Зачѣмъ вы ходили на Волгу, и гостей моихъ пограбили?“ Новгородцы отвѣчали: „Ходили люди молодые на Волгу, безъ нашего слова, но твоихъ гостей не грабили, били только бусурманъ; и ты нелюбье отложи отъ насъ“. Въ Вологдѣ слуги московскаго князя задержали Новгородца Василія Даниловича Машкова съ сыномъ, и Прокопья Кіева, шедшихъ съ Двины; но рати не было: Новгородцы отправили пословъ къ Димитрію и заключили миръ, вслѣдствіе чего великій князь прислалъ своего намѣстника въ Новгородъ. Къ этому времени долженъ относиться дошедшій до насъ договоръ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Дми-

тріемъ и двоюроднымъ братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ: князья обязались помогать Новгороду въ войнѣ съ Литвою, Тверью и Нѣмцами; а Новгородцы обязались помогать князьямъ въ войнѣ съ Литвою и Тверью; Димитрій обязался также, въ случаѣ войны, или самъ быть въ Новгородѣ, или послать туда брата Владиміра и до окончанія войны Новгорода не метать, исключая того случая, когда непріятель нападетъ на собственныя его области [510]. Вслѣдствіе этого договора въ 1364 году, во время войны съ Нѣмцами, князь Владиміръ Андреевичъ пріѣзжалъ въ Новгородъ.

Но тогда борьба между московскимъ и тверскимъ княземъ была еще далека до окончанія; ханъ не былъ расположенъ къ Димитрію, Михаилъ домогался ярлыка въ Ордѣ, и Новгородцы заключили съ тверскимъ княземъ обычный договоръ, съ условіемъ: „Вынесутъ тебѣ изъ Орды княженіе великое, и ты намъ будешь князь великій; если же не вынесутъ тебѣ княженія великаго изъ Орды, то пойти твоимъ намѣстникамъ изъ Новгорода прочь, и изъ новгородскихъ пригородовъ, и Новгороду въ томъ измѣны нѣтъ“ [511]. Вслѣдствіе этого условія Новгородцы и признали великимъ княземъ Димитрія Московскаго, когда тотъ не пустилъ Михаила во Владиміръ и самъ вынесъ себѣ ярлыкъ изъ Орды. Мы упоминали уже о враждебномъ столкновеніи Новгорода съ тверскимъ княземъ, о взятіи Торжка и страшномъ его опустошеніи. Принужденный послѣ того къ миру съ великимъ княземъ московскимъ, Михаилъ долженъ былъ заключить миръ и съ Новгородцами на всей ихъ волѣ [512]: тверской князь обязался свести своихъ намѣстниковъ съ Торжка и со всѣхъ волостей новгородскихъ, возвратить всѣхъ плѣнныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ безъ окупа, возвратить товары, пограбленные у новгородскихъ и новоторжскихъ купцовъ, тогда какъ Новгородцы не обязались вознаградить тверского князя за убійства и грабежи, причиненные ихъ вольницею на Волгѣ; Михаилъ обязался также возвратить всѣ товары, захваченные у купцовъ новгородскихъ и новоторжскихъ до взятія Торжка.—Московскіе князья исполнили свой договоръ съ Новгородцами: въ 1373 г. князь Владиміръ Андреевичъ опять былъ у нихъ, вѣроятно для обереганья отъ Твери; но потомъ, какъ видно, отношенія измѣнились, потому что въ 1380 году Новгородцы сказали своему архіепископу Алексѣю: „Чтобъ тебѣ, господинъ, поѣхать къ великому князю Димитрію Ивановичу?“ Владыка принялъ челобитье дѣтей своихъ всего Новгорода, и поѣхалъ

въ Москву вмѣстѣ со многими боярами и житыми мужами. Великій князь принялъ ихъ въ любовь, а къ Новгороду цѣловалъ крестъ на всей старинѣ новгородской и на старыхъ грамотахъ [513]. Между тѣмъ разбои новгородской вольницы не прекращались: въ 1369 году осенью шло Волгою 10 ушкуевъ (разбойничьихъ судовъ), а иные шли Камою, и били ихъ подъ Болгарами; въ слѣдующемъ году дважды ходили Новгородцы Волгою и много зла надѣлали. Въ 1371 году ушкуйники разграбили Ярославль и Кострому. Въ 1374 году разбойники въ 90 ушкуяхъ пограбили Вятку; потомъ взяли Болгары и хотѣли зажечь городъ, но жители откупились 300 рублей, послѣ чего разбойники раздѣлились: 50 ушкуевъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сараю, а 40 вверхъ, дошли до Обухова, опустошили все Засурье и Маркващъ, высадились на лѣвый берегъ Волги, истребили суда свои, отправились къ Вяткѣ на лошадяхъ, и дорогою разорили много селъ по берегамъ Ветлуги [514]. Въ 1375 году, въ то время, когда великій князь Димитрій стоялъ подъ Тверью, новгородскіе разбойники на 70 ушкуяхъ, подъ начальствомъ Прокопа и какого-то Смолянина, явились подъ Костромою: тамошній воевода Плещеевъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ 5,000 рати, тогда какъ разбойниковъ было только 1,500 человѣкъ; но Прокопъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: съ одною вступилъ въ битву съ Костромичами, а другую отправилъ тайкомъ въ лѣсъ въ засаду. Ударъ этой засады въ тылъ Плещееву рѣшилъ дѣло въ пользу разбойниковъ, которые взошли въ беззащитный городъ и жили здѣсь цѣлую недѣлю, грабя домы и забирая въ плѣнъ жителей; они забрали съ собою только то, что было подороже и полегче, остальное побросали въ Волгу или пожгли, плѣнниковъ взяли на суда и поплыли дальше внизъ. Ограбивши и зажегши Нижній Новгородъ, они повернули въ Каму, и помедливши здѣсь нѣкоторое время, вошли въ Волгу; въ городѣ Болгарахъ продали бусурманамъ женъ и дѣвицъ, плѣненныхъ въ Костромѣ и Нижнемъ, и поплыли въ насадахъ по Волгѣ внизъ къ Сараю, грабя гостей христіанскихъ, а бусурманъ побивая; они доплыли такимъ образомъ до самой Астрахани, но князь астраханскій перебилъ ихъ всѣхъ обманомъ. Будучи занятъ отношеніями ордынскими, великій князь Димитрій не могъ обратить большаго вниманія на подвиги Волжанъ, какъ называли ратниковъ Прокопа: но окончивши дѣла рязанскія, покойный со стороны Тохтамыша и, для сохраненія этого спокойствія имѣя нужду въ день-

гахъ, Димитрій рѣшился раздѣлаться и съ Новгородцами. Въ 1385 году пріѣзжали отъ него въ Новгородъ бояре брать черный боръ по тамошнимъ волостямъ, при чемъ дѣло не обошлось безъ ссоры: новгородскіе бояре ѣздили на Городище тягаться съ московскими боярами объ обидахъ, при чемъ дворня (чадь) главнаго московскаго боярина, Ѳедора Свибла, побѣжала прямо съ Городища въ Москву, не удовлетворивши Новгородцевъ за обиды; впрочемъ другіе Низовцы (Москвичи) остались въ городѣ добирать черный боръ; а въ слѣдующемъ году отправился къ Новгороду самъ великій князь съ войскомъ, собраннымъ изъ 29 волостей, въ числѣ которыхъ упоминается бѣжецкая и новоторжская: причиною похода были выставлены разбои Волжанъ, взятіе ими Костромы и Нижняго, и еще то, что Новгородцы не платили княжескихъ пошлинъ. Новгородцы отправили навстрѣчу къ великому князю пословъ съ челобитьемъ о мирѣ, но Димитрій отпустилъ ихъ безъ мира и остановился въ 15 верстахъ отъ Новгорода [illegible]. Сюда пріѣхалъ къ нему владыка Алексѣй и сказалъ: „Господинъ князь великій! я благословляю тебя, а великій Новгородъ весь челомъ бьетъ, чтобы ты заключилъ миръ, а кровопролитія бы не было, за виноватыхъ же людей великій Новгородъ докапчиваетъ и челомъ бьетъ тебѣ 8000 рублей". Но великій князь, сильно сердясь на Новгородъ, не послушалъ и владыки; тотъ поѣхалъ назадъ безъ мира, пославши напередъ себя сказать Новгородцамъ: „Великій князь мира не далъ, хочетъ идти къ Новгороду, берегитесь!" Тогда Новгородцы поставили острогъ и пожгли около города 24 монастыря великихъ и всякое строеніе внѣ города за рвомъ: много было убытку Новгородцамъ и монашескому чину, говоритъ лѣтописецъ; кромѣ того великокняжескіе ратники много волостей повоевали, у купцовъ много товару пограбили, много мужчинъ, женщинъ и дѣтей отослали въ Москву; Новоторжцы, большіе люди вбѣжали въ Новгородъ и изъ иныхъ волостей много народу побѣжало туда же. Наконецъ Новгородцы отправили третье посольство къ великому князю: послали архимандрита Давыда, семь священниковъ и пять человѣкъ житыхъ, съ конца по человѣку, которымъ и удалось уговорить Димитрія къ миру по старинѣ: Новгородцы взяли съ полатей у св. Софіи 3000 рублей и послали къ великому князю съ двумя посадниками, остальные же 5000 рублей обѣщали взять на заволоцкихъ жителяхъ, потому что они также грабили по Волгѣ.

Въ то время, когда рать московская стояла подъ Новгородомъ, начальниками рати новгородской были князья: Патрикій Наримантовичъ, Романъ Юрьевичъ и какіе-то копорскіе князья. Не наученные примѣромъ Нариманта, Новгородцы продолжали принимать къ себѣ на кормленіе литовскихъ князей: въ 1379 году пріѣхалъ въ Новгородъ Юрій Наримантовичъ, въ 1383 братъ его Патрикій, которому Новгородцы дали въ кормленіе пригороды: Орѣховъ, Корельскій городъ, половину Копорья и Лузское село; но въ слѣдующемъ году Орѣховцы и Кореляне пріѣхали съ жалобою къ Новгороду на князя Патрикія, который пріѣхалъ также въ Новгородъ, поднялъ посуломъ Славянскій конецъ и смутилъ весь городъ. Славляне стали за князя и цѣлыя двѣ недѣли звонили вѣче на Ярославовомъ дворѣ, а на другой сторонѣ три конца собрали свое вѣче у св. Софіи; тысяцкій Осипъ съ Плотничанами и добрыми людьми перешелъ къ Софійскому вѣчу, за что Славянскій конецъ съ ярославодворскаго вѣча ударилъ на его дворъ, но Плотничане не выдали Осипа, били Славлянъ и ограбили ихъ. Тогда три конца: Неревскій, Загородскій и Людинъ вооружились на Славянскій конецъ, и стояли у св. Софіи на вѣчѣ отъ обѣда до вечерни; съ ними сначала согласился и Плотницкій конецъ, желая также идти на Славлянъ, но на другой день отказался, и только три конца написали три одинакія грамоты о б ѣ т н ы я—стоять за одно, а Славляне съ княземъ Патрикіемъ все стояли на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ. Наконецъ всѣ пять концовъ уладились: отняли прежніе города у Патрикія, а вмѣсто нихъ дали ему Русу, Ладогу и наровскій берегъ: написали съ нимъ договорную грамоту и запечатали на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ. Подъ 1388 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о другой смутѣ: встали три конца Софійской стороны на посадника Осипа Захарьича, созвонили вѣче у св. Софіи и пошли на дворъ Осиповъ, какъ рать сильная, всѣ вооруженные, взяли домъ его и хоромы развезли, а посадникъ Осипъ бѣжалъ за рѣку въ Плотницкій конецъ; торговая сторона встала за него вся: начали людей грабить, перевощиковъ отбивать отъ берега, лодки ихъ разсѣкать, и такъ продолжалось двѣ недѣли; наконецъ сошлись въ любовь и дали посадничество Василью Ивановичу. Послѣ того какъ лѣтописецъ пересталъ упоминать постоянно объ избраніи и сверженіи посадниковъ, мы потеряли возможность представлять непрерывный рядъ этихъ сановниковъ и отличать посадниковъ степенныхъ отъ старыхъ. Подъ 1360 го-

домъ встрѣчаемъ въ лѣтописи имя посадника Александра; подъ 1371 и 1375 годомъ упоминается посадникъ Юрій Ивановичъ; подъ 1386 посадникъ Ѳедоръ Тимоѳеевичъ; подъ 1388 Осипъ Захарьичъ, смѣненный, какъ мы видѣли, Василіемъ Ивановичемъ, но въ томъ же году упоминаются посадники (старые) Василій Ѳедоровичъ и Михаилъ Даниловичъ. Въ договорныхъ грамотахъ съ великимъ княземъ Димитріемъ московскимъ и Михаиломъ тверскимъ встрѣчаемъ имя посадника Юрія; въ наказѣ посламъ, отправленнымъ изъ Новгорода къ князю Михаилу тверскому, читаемъ имя посадника Михаила, на печатяхъ, приложенныхъ къ этому наказу, читаемъ имена посадниковъ: Якова, Андріана, Юрія Ивановича.

Псковъ по прежнему велъ войну съ Нѣмцами ливонскими, въ которой принималъ участіе и Новгородъ. Въ 1362 году пригнали Нѣмцы, и перебили на Лудвѣ [516] нѣсколько головъ на миру; за это Псковичи задержали нѣмецкихъ купцовъ, которыхъ было тогда много во Псковѣ [517]. Въ слѣдующемъ году пріѣхали въ Новгородъ послы нѣмецкіе изъ Юрьева и Феллина договариваться съ Псковичами; пріѣхали и Псковичи, наговорили много [518], а поѣхали прочь безъ мира, за что купцовъ новгородскихъ задержали въ Юрьевѣ. Тогда Новгородцы отправили туда своихъ пословъ, по боярину изъ каждаго конца, которымъ удалось помирить (смолвить въ любовь) Нѣмцевъ съ Псковичами: Нѣмцы отпустили новгородскихъ купцовъ, а Псковичи нѣмецкихъ, взявши съ нихъ серебро за головы убитыхъ на Лудвѣ. Миръ, какъ обыкновенно, былъ непродолжителенъ; на этотъ разъ миротворцемъ хотѣлъ быть великій князь московскій, и въ 1367 году посолъ его Никита пріѣхалъ въ Юрьевъ, жилъ здѣсь долго, но не сдѣлавши ничего добраго, возвратился во Псковъ, а вслѣдъ за нимъ явилась рать нѣмецкая и пожгла посадъ, но стояла только одну ночь подъ городомъ и ушла назадъ. Въ то же время другая нѣмецкая рать явилась у Велья [519] и разбила псковскую погоню: много пало головъ добрыхъ людей. Потомъ Псковичи съ какимъ-то княземъ Александромъ отправились къ Новому Городку (Нейгаузену) воевать Чудь, при чемъ небольшой отрядъ охочихъ людей подъ начальствомъ Селила Скертовскаго поѣхалъ въ разгонъ къ Киремпе [520], наткнулся на отрядъ нѣмецкій и былъ разбитъ имъ: князь Александръ пріѣхалъ на мѣсто битвы, похоронилъ убитыхъ, собралъ раненыхъ, разсѣявшихся по лѣсу, и возвратился назадъ.

Псковичи отправили пословъ сказать Новгородцамъ: „Господа братья! Какъ вы заботитесь объ насъ, своей братьѣ младшей?“ Новгородцы задержали пословъ нѣмецкихъ, потому что новгородскіе купцы были задержаны въ Юрьевѣ и другихъ городахъ ливонскихъ, и въ 1368 году отправили войска къ Изборску, осажденному Нѣмцами. Нѣмцы бросили осаду, заслышавши о приближеніи Новгородцевъ, но въ слѣдующемъ году явились опять подъ Псковъ, выстояли подъ нимъ три дня и двѣ ночи, и ушли, ничего не взявши: лѣтописецъ упоминаетъ только имена двухъ убитыхъ Псковичей и одного взятаго въ плѣнъ и затравленнаго Нѣмцами. Въ 1370 году Новгородцы и Псковичи захотѣли отомстить рыцарямъ за ихъ нападенія, и пошли къ Новому Городку, но не взяли его, потому что былъ твердъ, говоритъ новгородскій лѣтописецъ, а псковскій жалуется на Новгородцевъ, зачѣмъ они отъ Городка не пошли въ нѣмецкую землю, а возвратились назадъ, не пособивши ни мало Псковичамъ, которые одни сожгли Киремпе, и взяли множество добычи. Нѣмцы—одни были побиты, а другіе задохнулись отъ зноя въ погребахъ. Въ 1371 году новгородскій посадникъ Юрій Ивановичъ съ тысяцкимъ и двумя другими боярами заключилъ миръ съ Нѣмцами подъ Новымъ Городкомъ [521]; но подъ 1377 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ новгородскихъ молодыхъ людей къ Новому Городку нѣмецкому: они стояли долго подъ городомъ, посадъ весь взяли, волость всю потравили, полона много привели и сами пришли всѣ поздорову.

Во все это время во Псковѣ и въ пригородахъ мы видимъ разныхъ князей неизвѣстнаго намъ происхожденія. Такъ упоминается изборскій князь Евстаѳій, умершія въ 1360 году вмѣстѣ съ двумя сыновьями; потомъ упоминается князь Александръ; въ 1375 году встрѣчаемъ князя Матвея: но въ слѣдующемъ году прибѣжалъ во Псковъ бывшій уже прежде здѣсь княземъ Андрей Олгердовичъ; Псковичи посадили его къ себѣ на княженіе съ согласія великаго князя московскаго и Андрей водилъ псковскіе полки на Куликовскую битву, куда братъ его, великій князь литовскій Ягайло, велъ войско для соединенія съ Мамаемъ. Днемъ или еще меньше опоздалъ Ягайло, и узнавши у Одоева о пораженіи своего союзника, возвратился назадъ. Послѣ онъ уже не могъ продолжать борьбы съ Димитріемъ московскимъ, потому что внутреннія дѣла заняли все его вниманіе: Мы видѣли, что Витовтъ освободился изъ

плѣна, слѣдовательно Ягайлу начала грозить борьба съ опаснымъ врагомъ; но изгнанникъ не могъ дѣйствовать противъ двоюроднаго брата одними собственными средствами и вошелъ въ сношенія съ нѣмецкимъ орденомъ, обязался въ случаѣ, если рыцари помогутъ ему возвратить отчину, объявить себя подручникомъ ордена. Для послѣдняго не могло быть ничего лестнѣе подобной сдѣлки: онъ достигалъ такимъ образомъ верховной власти надъ Литвою, подѣленною между враждебными князьями. Великій магистръ послалъ объявить Ягайлу, чтобъ онъ позволилъ возвратиться въ Литву и вступить во владѣніе отчиною Кейстутовичамъ, находящимся подъ высокою рукою ордена. Ягайло не послушался и война открылась. Самъ великій магистръ Конрадъ Цольнеръ, вступилъ въ Литву съ сильнымъ войскомъ, но подлѣ хоругви ордена развѣвалось знамя литовско-жмудское, подъ которымъ шелъ Витовтъ съ отрядомъ своихъ приверженцевъ. Число этихъ приверженцевъ все болѣе и болѣе увеличивалось, когда войско вступило на правый берегъ Нѣмана. Витовтъ овладѣлъ Троками, и какъ скоро вѣсть объ этомъ разнеслась по краю, толпы Литвы и Жмуди начали сбѣгаться къ сыну Кейстутову, который скоро увидалъ себя обладателемъ почти всего троцкаго княжества. Но едва только великій магистръ оставилъ Литву, какъ подъ Троками явилось многочисленное войско Ягайлово и принудило нѣмецкій гарнизонъ къ сдачѣ крѣпости. Въ такой бѣдѣ Витовтъ рѣшился на самыя большія пожертвованія, чтобъ получить болѣе дѣятельную помощь отъ ордена; онъ принялъ католицизмъ, объявилъ себя вассаломъ ордена и уступилъ послѣднему въ полное владѣніе лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. Въ 1384 году Нѣманъ опять покрылся многочисленными судами, наполненными всякаго рода матеріалами; положено было возобновить старое Ковно, чтобъ изъ этой крѣпости удобнѣе дѣйствовать противъ Ягайла. Самъ великій магистръ опять предводилъ ополченіемъ; шесть недѣль безъ отдыха работало множество народа, стѣны новаго Ковна поднялись; но крѣпость уже носила новое чуждое названіе Риттерсвердера. Такимъ образомъ становилось ясно, что Литвѣ готовится участь Пруссіи; но къ счастію для Литвы князья ея поспѣшили во время прекратить усобицу: Ягайло предложилъ Витовту значительныя волости и возобновленіе прежней братской любви, если онъ захочетъ отказаться отъ союза съ общимъ врагомъ. Витовтъ охотно принялъ предложеніе, захватилъ

два орденскіе зáмка, перемѣнилъ католицизмъ на православіе, и оба брата начали сообща собирать силы для борьбы съ Нѣмцами. Цѣлью ихъ усилій былъ новый ковенскій зáмокъ—Риттерсвердеръ—ключъ ко всей Литвѣ; они осадили его и стали добывать съ необыкновенною дѣятельностію. Нѣмецкій гарнизонъ, составленный изъ выборныхъ ратниковъ орденскаго войска, выставилъ также упорное сопротивленіе. Каждый день происходили кровавыя стычки: въ ловкости брали верхъ Нѣмцы, въ смѣлости и отвагѣ Литва и Русь; особенно литовскія пушки плохо дѣйствовали въ сравненіи съ нѣмецкими. Наконецъ, послѣ трехнедѣльныхъ усилій, Литовцамъ и Русскимъ удалось сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, и крѣпость сдалась въ виду нѣмецкаго отряда, который не могъ подать никакой помощи осажденнымъ.

Примиреніе Витовта съ двоюроднымъ братомъ принесло ордену большія потери; но эти потери были только предвѣстницами страшнѣй опасности, которая начала грозить ему отъ соединенія Литвы съ Польшею вслѣдствіе брака Ягайла на Ядвигѣ, наслѣдницѣ польскаго престола. Польскій король Казиміръ великій, не имѣя дѣтей, назначилъ наслѣдникомъ по себѣ племянника своего, Людовика короля венгерскаго; король не могъ исполнить своего желанія безъ согласія сейма, и сеймъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для усиленія своихъ правъ на счетъ правъ королевскихъ. Еще при жизни Казиміра, въ 1355 году, послы отъ сейма вытребовали у Людовика подтвержденіе шляхетскихъ правъ [522]. Двѣнадцатилѣтнее правленіе Людовика ознаменовано было безпрестанными смутами; потому что король жилъ въ Венгріи и не обращалъ большаго вниманія на Польшу, предоставленную такимъ образомъ самой себѣ [523]. Въ 1382 году умеръ Людовикъ; не имѣя сыновей, онъ назначилъ наслѣдникомъ по себѣ въ Польшѣ мужа старшей своей дочери Маріи, Сигизмунда, маркграфа бранденбургскаго, сына чешскаго короля и нѣмецкаго императора Карла IV. Но польскіе вельможи, собравшись у Радома, постановили: присягнуть второй дочери короля Людовика, Ядвигѣ, и выбрать ей въ мужья князя по всей своей волѣ. Нашелся и женихъ: то былъ князь отъ крови Пяста, Семовитъ мазовецкій, котораго и выбрали по согласію большинства. Началась война между Семовитомъ и Сигизмундомъ, сопровождаемая внутренними волненіями и кровопролитіями. Наконецъ въ 1384 году Ядвига пріѣхала въ Краковъ и

была принята съ большою радостію всѣмъ народомъ, который ждалъ отъ нея избавленія отъ смутъ междуцарствія. Надобно было теперь думать о ея бракѣ; Семовитъ мазовецкій уже успѣлъ пріобрѣсть нерасположеніе Поляковъ насильственными поступками противъ тѣхъ, которые не хотѣли признать его: кромѣ того, присоединеніе Мазовіи къ владѣніямъ Казимира великаго мало льстило вельможамъ; по той же причинѣ отвергнутъ былъ и другой искатель—Владиславъ, князь опольскій, также потомокъ Пяста. У Ядвиги былъ еще другой женихъ, съ которымъ она вмѣстѣ воспитывалась, къ которому была привязана нѣжною страстью: то былъ Вильгельмъ, герцогъ австрійскій. Но Вильгельмъ не нравился польскимъ вельможамъ, потому что отъ него нельзя было ожидать скорой помощи [324]. Ихъ вниманіе обратилъ на себя болѣе выгодный женихъ: въ 1385 году явились къ Ядвигѣ послы литовскіе съ предложеніями, что князь Ягайло приметъ римскую вѣру не только самъ, но и со всѣми родственниками, вельможами и народомъ, выдастъ безъ окупа польскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ Литовцами въ предыдущихъ войнахъ, соединитъ на вѣки съ Польшею свои наслѣдственныя и пріобрѣтенныя владѣнія, поможетъ Польшѣ возвратить потерянныя ею земли, привезетъ въ нее нѣкоторыя изъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сокровищъ, заплатитъ сумму, должную Вильгельму австрійскому за неисполненіе обѣщанія на счетъ руки королевиной. Ядвигѣ не очень пріятно было это предложеніе, но сильно нравилось оно вельможамъ польскимъ; они представили королевѣ высокую заслугу апостольскаго подвига, успѣли поколебать ея отвращеніе и отправили уже пословъ къ Ягайлу для окончательныхъ переговоровъ, какъ вдругъ неожиданно является въ Краковѣ Вильгельмъ австрійскій. Тщетно вельможи запретили ему входъ въ Краковскій замокъ: Ядвига устроила съ нимъ свиданіе въ францисканскомъ монастырѣ, и здѣсь страсть ея къ прежнему жениху возобновилась и усилилась до такой степени, что она, какъ говорятъ [325], и слышать не хотѣла объ Ягайлѣ и обвѣнчалась съ Вильгельмомъ; но когда онъ хотѣлъ пользоваться правами супруга въ самомъ Краковскомъ замкѣ, то съ безчестіемъ былъ оттуда изгнанъ вельможами. Ядвига хотѣла за нимъ слѣдовать, но была удержана силою; тогда Вильгельмъ, опасаясь чего-нибудь еще худшаго, поспѣшилъ скрыться изъ Кракова. Между тѣмъ Ягайло приближался къ этому городу; вельможи и прелаты снова приступили къ Ядвигѣ съ прось-

бами не отказаться отъ брака съ литовскимъ княземъ и заслужить названіе просвѣтительницы его народа; молодая королева, охлажденная нѣсколько отсутствіемъ Вильгельма, опять начала колебаться. Ее сильно безпокоила молва, что Ягайло былъ варваръ нравомъ и уродъ тѣломъ; чтобъ увѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, она отправила къ нему на встрѣчу самаго преданнаго себѣ человѣка съ порученіемъ разсмотрѣть хорошенько наружность жениха и извѣдать его нравъ. Ягайла предувѣдомили о цѣли посольства: онъ принялъ посланнаго съ необыкновенною ласкою, и тотъ возвратившись къ Ядвигѣ донесъ ей, что литовскій князь наружностію пріятенъ, красивъ и строенъ, роста средняго, длинноличъ, во всемъ тѣлѣ нѣтъ у него никакого порока, въ обхожденіи важенъ и смотритъ государемъ. Ядвига успокоилась на этотъ счетъ и позволила убѣдить себя.

Въ 1386 году совершенъ былъ бракъ Ягайла съ Ядвигою, имѣвшій такое великое вліяніе на судьбы восточной Европы. Согласно съ условіями Ягайло отрекся отъ православія, причемъ прежнее имя Якова перемѣнилъ на имя Владислава; ему послѣдовали родные братья, Олгердовичи, и двоюродный Витовтъ, пріѣхавшій съ нимъ на свадьбу въ Краковъ. Ягайло спѣшилъ исполнить и обѣщаніе относительно распространенія католицизма въ Литвѣ: здѣсь уже прежде было распространено православіе; половина виленскихъ жителей исповѣдовала его; но такъ какъ православіе распространялось само собою, безъ особеннаго покровительства и пособій со стороны свѣтской власти, то по этому самому оно распространялось медленно. Иначе стали дѣйствовать латинскіе проповѣдники, пріѣхавшіе теперь съ Ягайломъ въ Литву: они начали истребленіемъ священныхъ мѣстъ стараго языческаго богослуженія, и народъ, котораго прежнія вѣрованія были ослаблены давнимъ знакомствомъ съ христіанскою религіею посредствомъ Русскихъ, безъ большаго труда согласился на принятіе новой вѣры. Впрочемъ латинскіе проповѣдники дѣйствовали успѣшно только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя давно уже находились подъ русскимъ вліяніемъ, въ Жмуди же они встрѣтили упорное сопротивленіе и были выведены по приказанію Витовта, напуганнаго тѣмъ, что многочисленныя толпы народа начали переселяться, чтобъ спастись отъ принужденія къ новой религіи. Но если католицизму легко было сладить съ язычниками собственной Литвы, то очень трудно было бороться съ пра-

вославіемъ, имѣвшимъ здѣсь издавна многочисленныхъ и вѣрныхъ приверженцевъ; наступательныя дѣйствія латинства противъ него начались немедленно: постановлено было, что Русскія, выходившія замужъ за католиковъ, должны принимать исповѣданіе мужей своихъ, а мужья православной вѣры должны принимать исповѣданіе женъ: есть даже извѣстіе, что православная церковь въ Литвѣ имѣла мучениковъ при Ягайлѣ [526].

Вмѣстѣ съ новостями религіозными явились и политическія: князья племени Рюрика и Гедимина принуждены были присягать коронѣ польской и королевѣ Ядвигѣ: такъ въ 1386 году князь Ѳедоръ Острожскій утвержденъ былъ на своей отчинѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ и его наслѣдники служили Ягайлу, его преемникамъ и коронѣ польской, какъ прежде служилъ князь Ѳедоръ князю Любарту Гедеминовичу Волынскому [527]. Но подобный порядокъ вещей не могъ безпрепятственно утвердиться; Литва и Русь не могли легко и добровольно подчиняться Польшѣ въ религіозномъ и политическомъ отношеніи, началась борьба: началась она подъ покровомъ личныхъ стремленій князей литовскихъ; кончилась возстаніемъ Малой Руси за вѣру и паденіемъ Польши.

Неизвѣстно, какимъ образомъ Андрей Вингольтъ Олгердовичъ, котораго мы видѣли во Псковѣ, въ Москвѣ и на Куликовомъ полѣ со Псковичами, успѣлъ овладѣть опять Полоцкомъ; извѣстно только то, что онъ вторично возсталъ на Ягайла подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдній, принявши католицизмъ, не имѣетъ болѣе права владѣть православными областями. Андрей соединился съ нѣмецкими рыцарями, которые опустошили литовскія владѣнія больше чѣмъ на 60 миль. Эта война кончилась тѣмъ, что другой братъ Ягайловъ, Скиргайло, взялъ Полоцкъ, захватилъ въ плѣнъ Андрея, а сына его убилъ [528]. Но опаснѣе для Ягайла была новая борьба съ Витовтомъ. Новый польскій король назначилъ намѣстникомъ Литвы брата своего Скиргайла, съ титуломъ великаго князя, но столица его была въ Трокахъ; въ Вильнѣ же сидѣлъ Полякъ, староста королевскій [529]. Характеръ Скиргайла польскіе историки описываютъ самыми черными красками: онъ былъ дерзокъ и жестокъ, не дрожалъ ни передъ какимъ злодѣйствомъ, былъ почти постоянно въ нетрезвомъ видѣ, и потому былъ нестерпимъ для окружающихъ, которые никогда не могли считать себя безопасными въ его присутствіи [530]. Иначе отзываются объ немъ православные лѣ-

тописцы, называя его княземъ чуднымъ и добрымъ [531]; причина такого разнорѣчія ясна: Скиргайло оставался вѣренъ православію, и потому былъ любимъ русскимъ народомъ [532]. Между троцкимъ княземъ Скиргайломъ и гродненскимъ Витовтомъ скоро возникли несогласія: Витовту наговаривали, что Скиргайло хочетъ извести его какимъ бы то ни было образомъ [533], не желая имѣть соперника въ Литвѣ; въ нерасположеніи Ягайла Кейстутовичъ могъ убѣдиться уже изъ того, что король не хотѣлъ дать ему грамотъ на уступленныя области, не согласился придать ему волости князя Любарта волынскаго; потомъ это нерасположеніе обнаружилось еще сильнѣе, когда Ягайло заключилъ въ оковы посланца Витовтова и вымучивалъ у него показанія о сношеніяхъ его князя съ княземъ московскимъ [534]. Все это заставило Витовта вооружиться снова противъ двоюродныхъ братьевъ; онъ хотѣлъ было нечаянно овладѣть Вильною, но попытка не удалась, и онъ принужденъ былъ съ семействомъ и дворомъ удалиться сперва въ Мазовію, а потомъ къ нѣмецкимъ рыцарямъ.

Опять Ордену открылся удобный случай утвердить свое вліяніе въ Литвѣ, соединеніе которой съ Польшею грозило ему страшною опасностію въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны онъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ соединенныхъ силъ двухъ государствъ; съ другой стороны самое существованіе его стало теперь болѣе ненужнымъ, ибо онъ учрежденъ былъ для борьбы съ язычниками, для распространенія между ними христіанства по ученію западной церкви; но теперь самъ великій князь литовскій, ставши польскимъ королемъ и принявши католицизмъ, обязался утвердить послѣдній и въ своихъ наслѣдственныхъ волостяхъ, и усердно исполнялъ свое обязательство. Немудрено послѣ этого, что рыцари забили сильную тревогу, когда узнали о намѣреніи Ягайла вступить въ бракъ съ Ядвигою: они стали разглашать, что это соединеніе Польши съ Литвою грозитъ гибелью христіанству, потому что Литва непремѣнно обратитъ Польшу въ язычество; мы видѣли, что они поддерживали Андрея полоцкаго противъ Ягайла, а теперь охотно приняли сторону Витовта, который отдалъ имъ Жмудь и Гродно подъ залогъ. Но Ягайлу удалось взять Гродно. Чтобъ поправить дѣло, Орденъ въ 1390 году выслалъ въ Литву сильное войско, при которомъ въ числѣ заграничныхъ гостей находился графъ Дерби, послѣ ставшій герцогомъ ланкастерскимъ и наконецъ

королемъ англійскимъ, подъ именемъ Генриха IV. Послѣ удачной битвы на берегахъ Виліи, крестоносцы осадили Вильну, взяли нижній замокъ измѣною пріятелей Витовтовыхъ, но верхняго взять не могли и принуждены были отступить по причинѣ холодныхъ осеннихъ ночей, недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и болѣзней. Въ 1391 году, усиленный толпами новыхъ пришельцевъ изъ Германіи, Франціи, Англіи и Шотландіи, великій магистръ, Конрадъ Валленродъ, въ челѣ 46-тысячнаго войска вступилъ въ Литву. Витовтъ съ своею Жмудью и магистръ ливонскаго Ордена соединились также съ нимъ, и всѣ двинулись опять на Вильну; но на дорогѣ получили вѣсть, что вся страна на пять миль въ окружности этой столицы опустошена въ конецъ самими Литовцами. Великій магистръ, потерявъ надежду прокормить свое войско въ опустошенной странѣ, не могъ болѣе думать объ осадѣ Вильны и возвратился назадъ, удовольствовавшись построеніемъ деревянныхъ острожковъ на берегахъ Нѣмана, охрана которыхъ поручена была Витовту. Послѣдній съ нѣмецкимъ отрядомъ осадилъ Гродно, гдѣ королевскій гарнизонъ стоялъ большею частію изъ Русскихъ и Литвы, потомъ изъ Поляковъ. Сначала осажденные оказали сильное сопротивленіе; Витовтъ уже терялъ надежду взять крѣпость, какъ вдругъ вспыхнулъ въ ней пожаръ, а вмѣстѣ съ пожаромъ ссора между Поляками и Литовцами, вѣроятно вслѣдствіе подозрѣнія, что пожаръ произведенъ послѣдними, расположенными къ Витовту. Литовцы пересилили Поляковъ, заперли ихъ, загасили пожаръ и сдали крѣпость Кейстутову сыну. Между тѣмъ члены королевскаго совѣта въ Краковѣ дѣйствовали благоразумнѣе гродненскаго гарнизона: они старались всѣми силами оторвать опять Витовта отъ Ордена, и успѣли въ этомъ, потому что сыну Кейстутову тяжко было видѣть себя подручникомъ ненавистныхъ рыцарей и вмѣстѣ съ ними пустошить свою отчину; притомъ король выполнилъ всѣ его требованія, давалъ ему грамоту на Литву и Жмудь. И вотъ нечаянно, съ значительнымъ отрядомъ войска, явился Витовтъ передъ Ковно, гдѣ былъ принятъ какъ союзникъ и вѣрный слуга Ордена, но едва успѣлъ онъ войти въ крѣпость, какъ велѣлъ своимъ людямъ занять всѣ важныя мѣста, перехваталъ рыцарей, нѣмецкихъ купцовъ, приказалъ разломать мосты на Нѣманѣ и Виліи, потомъ также нечаянно овладѣлъ Гродномъ и новыми острожками Ордена. Съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1392 года миръ между Ягайломъ и Витовтомъ не прерывался болѣе. Скиргайло, принужденный

отказаться отъ Литвы въ пользу Витовта, получилъ дипломъ на достоинство великаго князя русскаго и Кіевъ столицею; но въ Кіевѣ сидѣлъ другой Олгердовичъ, Владиміръ, посаженный здѣсь отцомъ своимъ, который выгналъ изъ Кіева прежняго князя Өедора [535]. Владиміръ не хотѣлъ уступить Руси брату, и Витовтъ долженъ былъ оружіемъ доставить кіевскій столъ Скиргайлу.

Всѣ эти внутреннія происшествія не давали князьямъ литовскимъ возможности думать о наступательныхъ движеніяхъ на сѣверовосточную Русь; но они со славою и выгодою успѣли уничтожить попытку смоленскихъ князей къ наступательному движенію на Литву. Въ 1386 году смоленскій князь Святославъ Ивановичъ съ сыновьями Глѣбомъ и Юріемъ, и племянникомъ Иваномъ Васильевичемъ, собралъ большое войско и пошелъ къ Мстиславлю, который прежде принадлежалъ смоленскимъ князьямъ и потомъ былъ у нихъ отнятъ Литовцами. Идучи литовскою землею, Смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили ихъ нещадно различными казнями, мущинъ, женщинъ и дѣтей: иныхъ, заперши въ избахъ, сжигали, младенцевъ на колъ сажали. Жители Мстиславля затворились въ городѣ съ намѣстникомъ своимъ, княземъ Коригайломъ Олгердовичемъ; десять дней стояли Смольняне подъ Мстиславлемъ и ничего не могли сдѣлать ему, какъ въ одиннадцатый день поутру показался въ полѣ стягъ литовскій: то шелъ великій князь Скиргайло Олгердовичъ; немного подальше выступалъ другой полкъ — велъ его князь Димитрій-Корибутъ Олгердовичъ, за полкомъ Корибутовымъ шелъ полкъ Симеона Лугвенія Олгердовича; наконецъ показалась и рать Витовтова. Литовскіе полки быстро приближались; Смольняне смутились, увидавши ихъ, начали скорѣе одѣваться въ брони, выступили на бой и сошлись съ Литовцами на рѣкѣ Вехрѣ подъ Мстиславлемъ жители котораго смотрѣли на битву, стоя на городовыхъ забралахъ. Битва была продолжительна, наконецъ Олгердовичи одолѣли; самъ князь Святославъ Ивановичъ былъ убитъ однимъ Полякомъ въ дубравѣ; племянникъ его Иванъ былъ также убитъ, а двое сыновей попались въ плѣнъ. Литовскіе князья въ слѣдъ за бѣгущими пошли къ Смоленску, взяли съ него окупъ и посадили княземъ изъ своей руки Юрія Святославича, а брата его Глѣба повели въ литовскую землю.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на Востокѣ и Западѣ, когда въ 1389 году умеръ великій князь Московскій Димитрій, еще только

39 лѣтъ отъ рожденія. Дѣдъ, дядя и отецъ Димитрія въ тишинѣ приготовили богатыя средства къ борьбѣ открытой, рѣшительной. Заслуга Димитрія состояла въ томъ, что онъ умѣлъ воспользоваться этими средствами, умѣлъ развернуть приготовленныя силы и дать имъ во-время надлежащее употребленіе. Мы не станемъ взвѣшивать заслугъ Димитрія сравнительно съ заслугами его предшественниковъ; замѣтимъ только, что употребленіе силъ происходитъ обыкновенно громче и виднѣе ихъ приготовленія, и богатое событіями княженіе Димитрія, протекшее съ начала до конца въ упорной и важной борьбѣ, легко затмило бѣдныя событіями княженія предшественниковъ; событія, подобныя битвѣ Куликовской, сильно поражаютъ воображеніе современниковъ, надолго остаются въ памяти потомковъ, и потому неудивительно, что побѣдитель Мамая получилъ подлѣ Александра Невскаго такое видное мѣсто между князьями новой сѣверовосточной Руси. Лучшимъ доказательствомъ особенно важнаго значенія, придаваемаго дѣятельности Димитрія современниками, служитъ существованіе особаго сказанія о подвигахъ этого князя, особаго украшенно написаннаго житія его. Наружность Димитрія описывается такимъ образомъ: „Бяше крѣпокъ и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ и плечистъ и чреватъ вельми и тяжекъ собою зѣло, брадою жъ и власы черпъ, взоромъ же дивенъ зѣло“ [536]. Въ житіи прославляется строгая жизнь Димитрія, отвращеніе отъ забавъ, благочестіе, незлобіе, цѣломудріе до брака и послѣ брака; между прочимъ говорится: „аще и книгамъ неученъ бѣаше добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше“ [537]. Кончина Димитрія описывается такимъ образомъ: „разболѣся и прискорбенъ бысть вельми, потомъ же легчае бысть ему; и паки впаде въ большую болѣзнь и стенаніе пріиде къ сердцу его, яко торгати внутрьнимъ его и уже приближися къ смерти душа“.

Важныя слѣдствія дѣятельности Димитрія обнаруживаются въ его духовномъ завѣщаніи [538]; въ немъ встрѣчаемъ неслыханное прежде распоряженіе: московскій князь благословляетъ старшаго своего сына Василія великимъ княженіемъ Владимирскимъ, которое зоветъ своею отчиною. Донской уже не боится соперниковъ для своего сына ни изъ Твери, ни изъ Суздаля. Кромѣ Василія, у Димитрія оставалось еще пять сыновей: Юрій, Андрей, Петръ, Иванъ и Константинъ, но двое послѣднихъ были малолѣтны; Константинъ родился только за четыре дня до смерти отцовской, и великій князь поручаетъ

свою отчину, Москву, только четверымъ сыновьямъ. Въ этой отчинѣ, т.-е. въ городѣ Москвѣ и въ станахъ, къ ней принадлежавшихъ, Донской владѣлъ двумя жребіями, жребіемъ отца своего Ивана и дяди Симеона, третьимъ жребіемъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ: онъ остался за нимъ и теперь. Изъ двухъ своихъ жребіевъ великій князь половину отдаетъ старшему сыну Василію, на старшій путь; другая половина раздѣлена на три части между остальными сыновьями. Другіе города московскаго княжества раздѣлены между четырьмя сыновьями: Коломна старшему Василію, Звенигородъ Юрію, Можайскъ Андрею, Дмитровъ Петру. Благословляя старшаго Василія областію великаго княженія Владимирскаго, къ которому принадлежали области костромская и переяславская, Димитрій отдаетъ остальнымъ троимъ сыновьямъ города, купленные еще Калитою и окончательно присоединенные только имъ: Юрію Галичъ, Андрею Бѣлоозеро, Петру Угличъ. Предпослѣдній сынъ, Иванъ, сильно обдѣленъ: ему ничего не назначено изъ собственно московской отчины; удѣлъ его ничтоженъ въ сравненіи съ удѣлами другихъ братьевъ. Такую, повидимому, несправедливость объясняютъ слова завѣщателя: „Въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ“. Изъ этихъ словъ видно, что князь Иванъ былъ боленъ, и не могъ имѣть надежды на потомство: вотъ почему Донской даетъ ему право распорядиться своимъ маленькимъ удѣломъ въ пользу того брата, который будетъ до него добръ; въ самомъ дѣлѣ Иванъ умеръ скоро по смерти отца [539]. Завѣщаніе было написано прежде рожденія самаго младшаго сына Константина, и потому на его счетъ сказано слѣдующее: „А дастъ Богъ сына, и княгиня моя подѣлитъ его, взявши по доли у большихъ его братьевъ“. Княгинѣ своей Димитрій завѣщалъ по нѣскольку волостей изъ удѣловъ каждаго сына съ тѣмъ, чтобъ по смерти ея эти волости отошли къ тому князю, къ удѣлу котораго принадлежали; но тѣми волостями, которыя примыслилъ самъ Димитрій и далъ женѣ, или которыя она сама примыслила, великая княгиня могла распорядиться по произволу: „сыну ли которому дастъ, по душѣ ли дастъ“. Великой княгинѣ уступлена также неограниченная власть при дальнѣйшемъ распредѣленіи волостей между сыновьями въ слѣдующихъ случаяхъ: когда умретъ одинъ изъ князей, то удѣломъ его княгиня дѣлитъ остальныхъ сыновей; если у котораго-нибудь изъ князей убудетъ отчины, то княгиня вознаграждаетъ его

за потерю, отдѣливъ ему часть изъ удѣловъ остальныхъ братьевъ; если умретъ старшій сынъ [540] князь Василій, то его удѣлъ переходитъ къ старшему по немъ брату; удѣлъ послѣдняго княгиня дѣлитъ между всѣми сыновьями. Наконецъ завѣщатель выражаетъ надежду, что сыновья его перестанутъ давать выходъ въ Орду [541].

Говоря о важномъ значеніи княженія Димитріева въ исторіи сѣверо-восточной Руси, мы не должны забывать и дѣятельности бояръ московскихъ: они, пользуясь обстоятельствами, отстояли права своего малолѣтняго князя и своего княжества, которымъ и управляли до возмужалости Димитрія. Послѣдній не остался не благодаренъ людямъ, которые такъ сильно хотѣли ему добра; доказательствомъ служатъ слѣдующія мѣста житія его [542], обнаруживающія всю степень вліянія бояръ на событія Димитріева княженія. Чувствуя приближеніе смерти, Димитрій, по словамъ сочинителя житія, далъ сыновьямъ слѣдующее наставленіе: „Бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ ихъ службы, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте“. Потомъ умирающій князь обратился къ боярамъ съ такими словами: „Вы знаете каковъ мой обычай и нравъ, родился я передъ вами, при васъ выросъ, съ вами царствовалъ; воевалъ вмѣстѣ съ вами на многія страны, противникамъ былъ страшенъ, поганыхъ низложилъ съ Божіею помощію и враговъ покорилъ, великое княженіе свое сильно укрѣпилъ, миръ и тишину далъ русской землѣ, отчину свою съ вами сохранилъ, вамъ честь и любовь оказывалъ, подъ вами города держалъ и большія волости, дѣтей вашихъ любилъ, никому зла не сдѣлалъ, не отнялъ ничего силою, не досадилъ, не укорилъ, не ограбилъ, не обезчестилъ, но всѣхъ любилъ, въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы не назывались у меня боярами, но князьями земли моей“.

Кто же были эти бояре? Первое мѣсто между ними принадлежитъ Димитрію Михайловичу Волынскому-Боброку, побѣдителю Рязанцевъ и рѣшителю Куликовской битвы; онъ выѣхалъ изъ Волыни въ Москву при Донскомъ и женился на сестрѣ великокняжеской, Аннѣ; между свидѣтелями, подписавшимися на второй духовной в. князя, имя Димитрія Михайловича стоитъ на первомъ мѣстѣ. Послѣ Волынскаго слѣдуетъ Тимоѳей Васильевичъ окольничій, который называется также великимъ воеводою; по родословнымъ книгамъ онъ былъ братъ послѣдняго тысяцкаго, Василія Васильевича Вельяминова; въ первой духовной Донскаго онъ подписался свидѣ-

телемъ на первомъ мѣстѣ, во второй духовной на второмъ, уступивъ первое Димитрію Михайловичу Волынскому; подпись эта доказываетъ, что онъ не былъ убитъ на Куликовскомъ сраженіи, какъ говорится въ сказаніяхъ. Послѣ Тимоѳея окольничаго на духовныхъ грамотахъ слѣдуетъ подпись Ивана Родіоновича Квашни, который въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ называется костромскимъ воеводою: это былъ сынъ извѣстнаго Родіона Несторовича, боярина Калитина. Послѣ имени Ивана Родіоновича въ духовныхъ великаго князя слѣдуютъ имена двоихъ Ѳедоровъ Андреевичей: первый былъ сынъ извѣстнаго уже въ предыдущее княженіе боярина Андрея Кобылы; но сынъ, Ѳедоръ Андреевичъ, носилъ уже другое прозваніе— Кошка; о знатности этого боярина свидѣтельствуетъ то, что великій князь тверской Михаилъ Александровичъ женилъ своего сына на его дочери [543]. Другой бояринъ Ѳедоръ Андреевичъ Свиблъ былъ правнукъ знаменитаго Акинѳа чрезъ сына его, извѣстнаго уже намъ Ивана. Свиблъ, какъ мы видѣли, былъ начальникомъ рати, опустошившей землю мордовскую; кто изъ обоихъ Ѳедоровъ Андреевичей былъ оставленъ въ Москвѣ воеводою во время Донскаго похода и кто изъ нихъ вытягалъ у Смольнянъ два мѣста, какъ значится въ духовной великаго князя,—рѣшить нельзя, ибо прозваній въ обоихъ случаяхъ нѣтъ. Во второй духовной встрѣчаемъ имена двоихъ Ивановъ Ѳедоровичей: одинъ изъ нихъ долженъ быть сынъ боярина Ѳедора Кошки; что же касается до другаго, то въ родословныхъ книгахъ значится, что у послѣдняго тысяцкаго Василія Васильевича, былъ братъ Ѳедоръ Воронецъ, у котораго былъ сынъ Иванъ, носившій боярское званіе. Но очень можетъ быть также и Иванъ Ѳедоровичъ Уда, происходившій по родословнымъ, отъ князей Ѳоминскихъ-Смоленскихъ; имя одного Ивана Ѳедоровича встрѣчается и въ первой духовной и въ договорной грамотѣ съ Олгердомъ. Что касается до остальныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ подписяхъ на грамотахъ: Ивана Михайловича, Димитрія Александровича, Симеона Васильевича, Александра Андреевича, Ивана Андреевича, то мы видѣли прежде имена: Михаила, Александра, Василія и Андрея между боярами московскими; Димитрій Александровичъ можетъ быть или Димитрій Александровичъ Всеволожъ, сынъ выходца Смоленскаго, князя Александра Всеволодовича, который вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ упоминается въ сказаніяхъ о Донской битвѣ, или внукъ мурзы Чета, выѣхавшаго при Калитѣ, предка Сабуровыхъ и Годуновыхъ [544]. Относительно Александра Андреевича дол-

жно замѣтить, что по родословнымъ между боярами великаго князя Димитрія значится Андрей Одинецъ, у котораго былъ сынъ Александръ Белеутъ; Александръ Белеутъ вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Свибломъ и Иваномъ Ѳедоровичемъ Удою, былъ посланъ въ 1384 г. въ Новгородъ брать черный боръ; но кромѣ того между братьями Ѳедора Андреевича Свибла встрѣчаемъ имена—Александра и Ивана. Въ лѣтописи подъ 1367 годомъ встрѣчаемъ воеводу Димитрія Минина, родоначальника Софроновскихъ и Проестевыхъ, посланнаго противъ Олгерда вмѣстѣ съ воеводою князя Владиміра Андреевича, Акинфомъ Ѳедоровичемъ Шубою [545]. Посломъ въ Константинополь съ нареченнымъ митрополитомъ Митяемъ отправленъ былъ большои бояринъ Юрій Васильевичъ Кочевинъ Олешенскій [546], сынъ извѣстнаго намъ при Калитѣ Василія Кочевы. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается владимирскій воевода Тимоѳей Валуевичъ, переяславскій Андрей Серкизовичъ; по родословнымъ книгамъ къ великому князю Димитрію выѣхалъ изъ Орды царевичъ Серкизъ, у котораго былъ сынъ Андрей; бояриномъ же Донскаго называется Владиміръ Даниловичъ Красный Снабдя, потомъ князей муромскихъ. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается бояринъ и крѣпкій воевода Семенъ Меликъ; въ родословныхъ значится: „Семенъ Меликъ да Василій: оба изъ Нѣмецъ пришли". Между убитыми на Дону упоминаются: Михаилъ Андреевичъ Бренко, любимецъ великокняжескій, Семенъ Михайловичъ, Михайла и Иванъ Акинѳовичи, Иванъ Александровичъ, Андрей Шуба, Валуй Окатьевичъ, Левъ Мазыревъ [547], Тарасъ Шетневъ [548]. Упоминается бояринъ Михалко Александровичъ, который сказалъ великому князю, сколько осталось въ живыхъ послѣ Куликовской битвы. Подъ 1382 годомъ упоминаются бояре Симеонъ Тимоѳеевичъ (сынъ окольничаго, по родословнымъ) и Михаилъ быть можетъ, Михаилъ Андреевичъ Челядня, братъ Ѳедора Свибла, ѣздившіе за митрополитомъ Кипріаномъ. Подъ 1375 годомъ упоминается намѣстникъ великаго князя въ Новгородѣ, Иванъ Прокшиничъ; посломъ отъ великаго князя въ Псковъ пріѣзжалъ Никита. Подъ 1375 годомъ упоминается костромской воевода Александръ Плещей: по родословнымъ, это былъ меньшой братъ св. митрополита Алексѣя, сынъ боярина Ѳедора Бяконты, вышедшаго изъ Чернигова [549].—Дьякомъ при великомъ князѣ Димитріѣ былъ сначала прежній Несторъ, а потомъ Внукъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 119: рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову.—Тамъ же, III, 32: Изгони Всеволодъ Чьрмьныи внукы Ростиславлѣ изъ Руси, такъ река: брата моя есть 2 князя повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есте укоръ на всѣхъ.

2. Особенное усердіе современнаго лѣтописца къ Рюрику Ростиславичу видно изъ похвалы этому князю при описаніи построенія стѣны у Выдубецкаго монастыря.

3. Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 174.

4. Тамъ же, II, 15.

5. Тамъ же, I, 169; II, 125, 136.

6. Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 231.

7. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 153.

8. Тамъ же, стр. 96.

9. Тамъ же, стр. 159. Володиславъ же въѣха въ Галичь, и вокняжися и сѣдѣ на столѣ.

10. Послѣ увидимъ, что считалось незаконнымъ вступленіе князя на столъ не по отчинѣ и дѣдинѣ: это, по нашему мнѣнію, прекращаетъ споръ объ изгойствѣ князей.—Представлено мнѣніе, что въ выраженіи: „аще князь осиротѣеть“ нельзя видѣть первоначальное значеніе с и р о т с т в а, но производное—именно лишеніе волости, ибо въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ с и р о т а значитъ нищій. Но во 1) въ древнихъ памятникахъ с и р о т а имѣетъ совсѣмъ другое производное; во 2) для насъ важно то, что при господствѣ родовыхъ отношеній въ обществѣ всякаго рода лишенія происходили вслѣдствіе с и р о т с т в а, слѣд. если бы даже князь сирота и означалъ князя лишеннаго владѣнія, то главною причиною лишенія владѣнія остается сиротство, на что прямо указываетъ языкъ; въ 3) возраженіе, что если принимать здѣсь слово: о с и р о т ѣ е т ъ, въ первоначальномъ смыслѣ, то выйдетъ

что всѣ князья будутъ изгои, ибо всѣ рано или поздно осиротѣютъ— это возраженіе не имѣетъ смысла, ибо сиротами называются малолѣтные, не имѣющіе самостоятельнаго существованія; сороколѣтняго человѣка никто не назоветъ сиротою, если онъ и лишится отца.

11. Тамъ же, стр. 96.

12. Тамъ же, I, 153.

13. Тамъ же, II, 134: Володимеръ же Глѣбовичъ испросился у Святослава и во Рюрика ѣздити на переди съ Чернымъ Клобукомъ. Святославу же не любо бяшеть пустити Володимера напередъ передъ сыны своими: но Рюрикъ и иніи вси улюбиша, зане мужъ бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати.

14. Тамъ же, стр. 63: Андрей поча рядити полкъ отца своего, зане бѣ старѣй тогда въ братьѣ.—При войскѣ былъ и отецъ его Юрій, но, подобно брату Вячеславу, онъ не принималъ личнаго участія въ битвѣ.

15. Тамъ же, I, 172.

16. Тамъ же, стр. 36: Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ: пришедъ же ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ везуть и до сего дне. Допол. къ Акт. Истор. I, № 4. Проф. Осокинъ (Внутр. тамож. пошл. въ Россіи, стр. 5) думаетъ, что передмѣръ—это помѣрное позднѣйшаго времени.

17. Объ этой дани см. во II-мъ томѣ, примѣч. 24. Въ Никон. „отъ Смоленска и отъ Дунайска." Въ Псковской губ. Холмскаго уѣзда, на р. Ловати есть деревня Дунаева.

18. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

19. Суждали Залѣская дань, аже воротить Гюгри, а что будетъ въ ней изъ того св. Богородицѣ десятина. Допол. къ Акт. Историч. т. I, № 4.

20. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 107. Рюрикови же идущю изъ Новагорода, родися у него сынъ и нарекоша и въ святѣмъ крещеньи дѣдне имя Михайло, а княже Родиславъ дѣдне же имя.

21. Тамъ же, стр. 122: Родися у В. К. Всеволода четвертая дчи, и нарекоша имя во св. крещеніи Полагья, а княже Сбыслава.

22. Тамъ же, стр. 107: И дастъ ему (Ростиславу) отець его Лучинъ городъ, въ немъ же родися, и поставиша на томъ мѣстѣ церковь св. Михаила, иде ся родилъ.

23. Крестнымъ отцомъ Мономахова сына Мстислава былъ Олегъ Святославичъ; княжну Сбыславу Всеволодовну (см. выше, прим. 21) крестила тетка ея Ольга, княгиня Галицкая; сказано: и крести ю тетка Олга, о крестномъ отцѣ не упомянуто.

24. См. родословную таблицу.

25. Полн. Собр. Русск. Лѣт. 170, 180, 184, 193; II, 9, 19, 39, 87, 92, 94, 121.

26. Тамъ же, II, 85: Изяславъ же съ княгинею пойде изъ Гомья къ Вятичемъ, и взя городъ Княгининъ на щитъ Святославлей.

27. Тамъ же, стр. 101.

28. Тамъ же, стр. 95.

29. Неволина—Исторія Росс. Гражд. Зак. т. I, стр. 197.

30. Не только князья женились на Половчанкахъ, но и княгини выходили за Половецкихъ хановъ. Пол. Собр. Русск. Лѣт. II, 84: Приде же Изяславу болши помочь къ Бѣлугороду, приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячь, отчимъ Святославль Володимирича: бѣ бо мати его бѣжала въ Половци и шла за нь.—Эта княгиня, жена Владиміра Давыдовича, была дочь Всеволода Городенскаго, внучка Мономахова.

31. Буткова—о бракахъ князей Русскихъ съ Грузинками и Ясынями въ XII вѣкѣ; Сѣвер. Архивъ 1825, № IV.

32. Въ приведенномъ выше извѣстіи о свадьбѣ Ростислава Рюриковича на дочери Всеволода III говорится, что послѣдній отправилъ съ невѣстою с е с т р и ч и ч а своего Якова и ины бояры: ясно, что этотъ Яковъ былъ сынъ простаго боярина, за которымъ была сестра Всеволодова.

33. См. выше т. II, стр. 77, 290. Упомянемъ также о слѣдующемъ любопытномъ извѣстіи: (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 136). Тогда же приде Володимеръ изъ Половецъ съ Кончаковною и створи свадбу Игорь сынови своему, вѣнча его и съ дѣтятемъ.

34. Такъ жена Всеволода III-го, будучи 8 лѣтъ больна, постриглась отъ живаго мужа въ монахини; подъ 1228 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстіе: Святославъ отпусти княгиню свою по свѣту, всхотѣвши ей въ монастырь, и дастъ ей надѣлокъ многъ; иде въ Муромъ къ братіи и пострижеся.—Здѣсь п о с в ѣ т у значитъ: по совѣту, по взаимному согласію.

35. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 159: Заутра поѣха изъ Суждаля борзо. якоже и на заяць, дружинѣ постигающи его. Воскр. I, 218: Всеволоду дѣющу ловы за Вышегородомъ, и меташа тенетъ на заяцы.

36. Тамъ же, II, 20.

37. Тамъ же, стр. 122, 139, 133.

38. Тамъ же, I, 110.

39. Что обѣдали гораздо прежде полудня; см. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28.

40. Тамъ же, II, 95: А во ины дни въ среду и въ пятокъ утѣшиваше братью Печерскую.

41. Тамъ же, стр. 128; см. также стр. 152. Обыкновенное у лѣтописца выраженіе: п и т ь вмѣсто п и р о в а т ь, показываетъ, въ чемъ преимущественно состояли пиры.

42. Житіе св. Өеодосія въ Патер. Печер. Однажды св. Өеодосій во-

шедши къ В. К. Святославу, засталъ у него: „овыхъ гусльныя гласы испущающихъ, иныхъ органныя писки гласящихъ, иныхъ же иныя мусикійскія, и тако всѣхъ веселящихся, якоже обычай есть предъ княземъ.“

43. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 81, 101, 73.

44. Тамъ же, стр. 75: И тако Ростиславъ спрятавъ тѣло его, и ѣха на Ярославль дворъ, и съзва мужи отца своего Вячеславли и тивуны и ключники, каза нести имѣнье отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро; и снесъ все, и нача роздавати по монастыремъ, и по церквамъ и по затворомъ, и нищимъ, и тако раздая все, а собѣ ни прія ничто, толико крестъ честный взя на благословеніе собѣ, а прокъ имѣнія да чимъ же надъ нимъ дѣяти на послѣднія дни, чимъ свѣчю и просфуру его побдѣти.

45. См. Іоаннъ екзархъ Болгарскій, стр. 216; Историч. Опис. одежды и вооруженія Росс. войскъ, т. I, стр. 7; Древности Россійск. Государства, отд. IV, стр. 7.

46. См. статью г. Погодина—о наслѣдственности древнихъ слновъ, въ Архивѣ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. Калачева кн. 1-я.—Этою статьею должно пользоваться съ осторожностію, вопервыхъ потому, что въ ней есть лишнія имена, такъ причисленъ къ Русскимъ дружинникамъ Польскій князь Збигнѣвъ, пріѣзжавшій въ Кіевъ къ В. К. Святополку просить помощи противъ брата своего; потомъ въ число дружинниковъ включены также двое Полоцкихъ князей, попъ Лихачъ, дьячекъ Иморнмыжъ и проч., а нѣкоторыя имена пропущены. Вовторыхъ, выводы противорѣчатъ фактамъ; такъ, напр., выведено, что бояре служили большею частію у однихъ князей, т. е. послѣ отцевъ дѣтямъ.

47. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43, 87, 124; I. 213, 312; II, 43.

48. Тамъ же, III, 20, 31; I, 157. О меньшихъ дѣтскихъ см. II, 47.

49. Тамъ же, 1, 162: а села боляръская взяша, и кони, и скотъ.

50. Тамъ же, II, 92: а дружина ти по городомъ далече.

51. Тамъ же, 147, I, 108: и роспусти дружину по селомъ.—Объ отрокахъ боярскихъ I, 131. О содержаніи дружины см. томъ XIII, стр. 14.

52. Тамъ же, стр. 117.

53. Тамъ же, I, 169; II, 133.

54. Тамъ же, I, 184, 194.

55. Тамъ же, II. 98: Братья же вси пожалоznámа на Мьстислава оже утаивъся ихъ пусти на ворогъ сѣдельпикы своѣ и кощѣѣ.

56. Тамъ же, стр. 102: Глѣбъ шедше сташа за Васильевомъ у сѣдельниковъ...... Половци же съвкупившеся съ сѣдельникы бишася съ ними.

57. См. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 105: Андрей же посла сына Мстислава со всею дружиною и со всѣми полкы Ростовскыми и Суждальскими.—Замѣчательно тамъ же стр. 55 выраженіе Изяслава

Мстиславича: „А мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, а въ сильній полкъ въ Кіевскій аже въѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣдѣ, ти ся за мя біютъ.“

58. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 103. Мономахъ говоритъ: „И срѣтоша ны внезапу Половчьскыѣ князи 8 тысячь, и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ.

59. Истор. Опис. од. и воор. Русск. войск. I, стр. 40, прим. 96.

60. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 182, 212.

61. Тамъ же, II, 137.

62. Самую продолжительную десятинедѣльную осаду выдержали Туровцы отъ Изяслава Давыдовича въ 1158 году. Ср. статью Погодина о междуусобныхъ войнахъ во Временникѣ Моск. Истор. Общества.

63. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 120.

64. Тамъ же, стр. 109.

65. Тамъ же, стр. 168.

66. Безспорно, что на вѣчахъ отцы рѣшали за сыновей, и даже старшіе братья за младшихъ и дядья за племянниковъ: но этого нельзя выводить изъ словъ Кіевлянъ Изяславу Мстиславичу: „Не можемъ на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей хоть и съ дѣтьми“ (какъ это думаетъ г. Сергѣевичъ), ибо въ такомъ случаѣ надобно было бы предположить, что обыкновенно ходили въ походы одни старики, а на Ольговичей пошли бы и сыновья, тридцати и сорокалѣтніе! Ясно, что это выраженіе фигурное: „даже и малыхъ дѣтей поведемъ“, хотя на дѣлѣ этого быть не могло.

67. Татищ. III, стр. 407.

68. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 63.

69. Тамъ же стр. 13: Нежата былъ посадникомъ въ Новгородѣ, потомъ видимъ его въ Ладогѣ.

70. Тамъ же, стр. 45: Отяша посадничьство у Иванка у Дъмитровиця и даша Вънѣзду Водовику, а Иванку даша Тържькъ; иде на Тържькъ, и не пріяша его Новоторжьцѣ.

71. Соф. Врем. 1, 252: и людемъ написа грамоту, рехъ: по сей грамотѣ дадите дань, Никон. I, 133.—Въ родословной книгѣ сказано объ Ярославѣ: „Егожъ грамота пошлинна въ Новѣгородѣ“ (Времен. Моск. Истор. Общ. № 10). Степен. кн. I, 300: Древле убо людіе Великаго Новгорода Словени зовоми бяху, имяху же у себя перваго Самодержца отъ Прусскія земли князя Рюрика отъ рода Августа кесаря, его же сами къ себѣ призваша по совѣту множества людей всея Русскія земля, и той владый надъ ними не яко они хотяху, но яко онъ хотяще, тако судя и управляя, враждебниковъ безъ боязни смерти предавая, а неповинныхъ снабдевая и милуя, такоже послѣди покорни бяху и сыну его Игорю и внуку его Свѣтославу, и правнуку его св. равноапостольному Владиміру. Егдаже Ярославъ по отцѣ своемъ бла-

женномъ Владимирѣ побѣдивъ братоубійцу Святополка изыде отъ Новограда въ Кіевъ державствовати, и тогда отъ святаго князя Ярославъ Владимировича за великое ихъ къ нему исправленіе получиша отъ него милость, да по волѣ ихъ, его же они возлюбятъ князя, и той господствуетъ ими отъ сыновъ Ярославлихъ и отъ внучатъ его въ роды и роды во вѣки. И тако оттолѣ убо держаху себѣ князя, его же хотяху, отъ рода Ярославля.

72. Нейманъ справедливо заключаетъ: „Es ist unwahrscheinlich, dass sie (Новгородцы) sich nicht irgend ein Mal ausdrücklich auf sie (грамоту Яр.) bezogen hätten, wenn ihnen eine solche verliehen wäre (Studien zur gründl. Kennt. s. 269). Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1. 154: Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени прадѣды князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ преднiи князи крестъ преступати, или внукы или правнукы соромляти?— Здѣсь выраженіе: „но аще бы тако было“ показываетъ сомнѣніе:

73. Подъ 1196 годомъ лѣтописецъ Новгородскій, говоря о мирѣ между Всеволодомъ III и Черниговскими князьями, прибавляетъ: „а Новгородъ выложиша вси князи въ слободу, гдѣ имъ любо туже собѣ князя поимають.“ Здѣсь трудно рѣшить, относятся ли эти слова къ условіямъ мира между Всеволодомъ и Черниговскими князьями, или относятся ко всѣмъ князьямъ вообще; но въ томъ и другомъ случаѣ ясно, что выложеніе Новгорода въ свободу было дѣломъ цѣлыхъ поколѣній и особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, не дѣломъ одного Ярослава 1-го, къ которому обыкновенно любили относить начатки разныхъ правъ, хотя съ явною несправедливостію, наприм. Мономаховичи говорили же, что Ярославъ раздѣлилъ ихъ Днѣпромъ съ Ольговичами. Какъ можно было выложить городъ въ свободу, это всего лучше видно изъ условія, предложеннаго Всеволодомъ III племяннику его Мстиславу Ростиславичу: „Тебе Ростовци привели и боляре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и Володимерци, а Суздаль буди намъ обче, да кого восхотять, то имъ будѣ князь.“

74. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 86: Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ, отъ стреженій отя врата, и отвориша градъ околній и пожгоша и людемъ же вбѣгшимъ въ дънѣшній градъ.

75. Самъ же, II, 70, говорится о томъ же Черниговѣ: повелѣша людемъ всимъ бѣжати изъ острога въ дѣтинець.... множество Половець идоша къ городу битися, и отъемше острогъ зажгоша передгородье все и пришедше всею силою сташа около города.

76. Тамъ же, I, 115: Единою поступиша къ граду подъ вежами, овѣмъ же бьющимъ съ града, и стрѣляющимъ между собою, идяху стрѣлы аки дождь; Мстиставу же хотящу стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею.—Кромѣ выра-

женій: „срубить городъ", что означаетъ стѣны деревянныя и „заложить городъ камянъ", встрѣчаемъ въ лѣтописи еще выраженіе: „обложить городъ" (III, 25).

77. См. Мѣстоположеніе древняго Новгорода, соч. Н. Красова, 1851.—Błona, по-Польски—оболочка.

78. На концы раздѣлялся не одинъ Новгородъ, но также и Кіевъ, въ которомъ лѣтопись упоминаетъ Копыревъ конецъ.

79. Относительно пространства древняго Новгорода г. Красовъ (стр. 137) дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Древній Новгородъ занималъ за земляным валомъ очень незначительное пространство. На софійской сторонѣ, кромѣ небольшаго пространства на концѣ Чудинцевы улицы, входило въ составъ города пространство, занимаемое нынѣ слободами Новою ямскою и Воскресенскою и заключающееся между землянымъ валомъ и рѣчкою Гзенью; на торговой же сторонѣ за валомъ было населенное пространство, принадлежащее городу, не далѣе Антоніева монастыря и старой Никольской слободы. Были конечно вблизи города на той и другой сторонѣ монастыри; но они считались уже загородными, не входившими въ составъ города. Въ послѣдней половинѣ XIV столѣтія даже ближайшіе къ городу монастыри Духовъ и Антоніевъ считались загородными, какъ видно изъ перечисленія сожженныхъ за городомъ монастырей во время нашествія на Новгородъ В. К. Димитрія Іоанновича."

80. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 22: Въ пятницы, въ торгъ, загорѣся и проч. Но вѣроятно были и другіе торговые дни, очень можетъ быть, что середа и воскресенье, какъ теперь.

81. Тамъ же, стр. 25.

82. Степен. кн. I, 206.

83. Впрочемъ, по мнѣнію г. Красова (стр. 26) названіе Гончарскаго конца явилось позднѣе, древнѣйшее его названіе—Людинъ конецъ.

84. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 46: А добытъкъ Сменовъ и Водовиковъ по стомъ раздѣлиша.

85. Объ Осменикѣ см. ниже, т. V, стр. 225.—Въ Новгород. лѣтописи встрѣчаемъ также слѣдующее извѣстіе подъ 1197 годомъ „Постави монастырь св. Еуѳимія, въ Плътьникихъ, Полюжая г о р о д ь щ и н и ц я Жирошкина дъци."—Здѣсь женское городьщиница предполагаетъ мужеское г о р о д щ и н и к ъ.

86. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 154: Днесь и множество вѣрныхъ Кыянъ и населници ихъ.

87. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: и да ей много имѣнья, и свободы купленныя и съ даньми и села лѣпшая.—Думаютъ, что въ описываемое время употреблялось также названіе: деревня, на основаніи слѣдующаго мѣста лѣтописи подъ 1096 годомъ: „И въжгоша Стефанечь

монастырь, и деревнѣ, и Германечь." Но и по смыслу, и по варіантамъ видно, что здѣсь деревнѣ не значатъ деревни, а скорѣе эпитетъ къ монастырю.

88. Тамъ же, III. 33: дѣти своя даяхуть одьрень.

89, См. у Погодина IV-й т. Изслѣд. Замѣч. и Лекціи, гл. III. Авторъ пользовался только списками лѣтописей, изд. Археогр. Коммиссіей; въ Никон. спискѣ упоминаются еще нѣкоторые города, существованіе которыхъ въ описываемое время нѣтъ основанія отвергать; такъ подъ 1146 г. упоминаются Тула, Дубокъ на Дону, Елецъ, Ростиславль (1153), Дмитровъ (1155).

90. См. второй томъ.

91. Г. Погодинъ напрасно пропускаетъ бѣдствіе, причиненное Новгородской волости Ярославомъ Всеволодовичемъ, и потому у него выходитъ только 11 разъ

92. Г. Погодинъ въ приведенной выше статьѣ.

93. См. въ текстѣ II-го тома обзоры борьбы съ Половцами при концѣ каждой главы.

94. Памятник. Рос. Слов. XII. в., стр. 223.

95. См. Сарторіуса—Geschichte des Hanseat. Bund. I, 191.

96. Грам. касающ. до сношен. Россіи съ Ригою и проч.

97. Сарторіуса—Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse.

101. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 138, II, 34.

102. Voyages de Benjamin de Tudelle, et. c. Paris, 1830; 23, 103.

103. Тамъ же, стр. 25. Въ житіи св. Антонія Римлянина говорится, что святый нашелъ въ Новгородѣ гостя изъ Греческой земли, но послѣ этотъ гость наз. Готфинъ и Гречинъ. Здѣсь же говорится, что купцы изъ Рима въ Новгородъ приходили въ полгода.

104. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II. 115.

105. Recueil de Voyages et de Mémoires, publiés par la société de Geographie t. IV, p. 772.

106. См. Изслѣдованіе Даниловича о Польскихъ городахъ въ Рус. Истор. Сборн. IV.

107. Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 1; Карамзинъ III, прим. 248. Тобіена die ältesten Tractate Ruslands—Русс. Достоп. ч. II.—Bulletin de la classe hist. et c. t. V, № 99. О городѣ Орнасѣ см. статью проф. Леонтьева: Розысканія на мѣстѣ древняго Танаиса; Пропилеи, кн. IV.

108. Сажаніе въ дыбу или колоду употреблялось у Нѣмцевъ; въ тюрьму и желѣза—у Русскихъ.

109. Полн. Собр. Русс. Лѣт. III, 6.

110. Тамъ же, стр. 20.

111. Тамъ же, стр. 25.

112. О найденныхъ недавно въ Кіевѣ серебряныхъ монетахъ съ именами князей—Владиміра, Святополка, Ярослава, Георгія, см. Москвитян. 1852 года, № 16 и 17.

113. Статья Бѣляева—Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси, въ Чтеніяхъ М. И. О. № 3; 1846 года.—Карамз. I, прим. 524. Подробнѣе ниже, т. IV, гл. 3 Исторіи Россіи.

114. О банномъ строеніи было много толковъ. Карамзинъ (II, прим. 160), вмѣстѣ съ Болтинымъ, принимаетъ, что это Баптистиріонъ (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, по Дюканжу), и прибавляетъ: „невѣжды думали, что митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани.“—Но такъ могутъ думать не одни невѣжды: митрополитъ очень могъ построить зданіе первой необходимости, строилъ же онъ городскую стѣну? банное строеніе онъ могъ заложить съ цѣлію благотворительною, чтобъ дать бѣднымъ и странникамъ средство къ омовенію; Арцыбашевъ (1, прим. 221) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Кедрина, по русскому переводу: „Императрицѣ Өеодорѣ, имѣвшей обыкновеніе ходить во св. Влахернской храмъ Богородицы, ово ради моленія, овоже для омовенія съ своими дщерьми.“

115. Татищ. III, примѣч. 483.—Пол. Собр. Русск. Лѣт. I, 149;—Гр. С. Г. Строгонова—Дмитріевскій соборъ.

116. Пол. Собр. Русск. Лѣт. II, 123.

117. См. Патерикъ Печерскій.

118. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 72.

119. Тамъ же: и видѣ Ярослава сидяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его. Воск. 1205: и начаша пѣти св. литорьгію. И рече Святославъ ко Брѣновичѣ что мя на главѣ бодеть, и сня клобукъ.

120. Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 138: и отторгоша на немъ крестъ и чепи въ гривну золота. Висѣлъ ли крестъ на этой золотой цѣпи, или здѣсь говорится о крестѣ натѣльномъ?

121. Тамъ же, II, 56: они же емлюче серебро и съ ушью и съ шіи.

122. См. договоръ съ Ригою. Что касается, „орницы“ (стр. 53), то въ Студійскомъ уставѣ (рукоп. XII вѣка) читается, что для зимы у иноковъ должны быть: „толстые изъ чернаго орница учащевы.“ Зап. Археол. Общества III, 120.

123. Полное Собр. Русск. Лѣт. II, 114: Ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ.

124. Тамъ же, I, 113: Аще и золотомъ шито оплечье будетъ, убій.

125. Тамъ же, II, 127.

126. Тамъ же, I, 176.

127. Тамъ же, V, 87. Нѣкоторые относятъ эту приписку ко временамъ монгольскимъ, основываясь на слѣдующемъ выраженіи: „за наше

несытьство наведі. Богъ на ны поганыя, а и скоти наши, и села наши, и имѣнія за тѣми суть; и мы злыхъ своихъ не останемъ." Но во 1) то же самое лѣтописецъ могъ сказать и о половецкихъ нашествіяхъ; во 2) трудно предположить, чтобъ при Монголахъ роскошь была сильнѣе, чѣмъ до нихъ.

128. См. нашей исторіи т. I, стр. 254.

129. Житіе св. Авраамія, Прологъ 29 октября: Видѣвъ же преподобный Авраамій прелесть идольскую сущу во градѣ Ростовѣ, не убо бѣша еще граждане пріяли св. крещеніе, но Чудьски живуще и покланяющеся идолу." Тутъ же сказано, что святый былъ оклеветанъ бѣсомъ предъ Владимирскимъ княземъ. По другимъ извѣстіямъ Велесу поклонялись въ Чудскомъ концѣ города.

130. Прологъ мая 21: Константинъ Святославичъ пришелъ изъ Кіева съ сыновьями Михаиломъ и Ѳеодоромъ къ Мурому, гдѣ нашелъ язычниковъ. Еще прежде его св. Глѣбъ много покусився не возможе одолѣти его (Мурома) и обратити во св. крещеніе, но поживѣ вдале его два поприща два лѣта и отъ Святополка позванъ лестію." Константинъ взялъ Муромъ съ большимъ впрочемъ трудомъ, при чемъ былъ убитъ сынъ его Михаилъ.—Соображая указаніе на св. Глѣба, какъ на непосредственнаго предшественника, должно принять, что подъ именемъ Константина разумѣется здѣсь одинъ изъ первыхъ Святославичей, занявшихъ Муромъ.

131. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 6. Есть преданіе, что жители города Мценска окончательно приняли христіанство только въ XV вѣкѣ, въ княженіе Василія Дмитріевича. Русск. Вивліоѳ. Полеваго, стр. 361.

132. Словарь Историч. о святыхъ, прославленныхъ въ Русс. Церкви.

133. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 191.

134. Тамъ же, стр. 89: Бѣ бо прежде въ Переяславли митрополья.

135. Георгій, Іоаннъ II, Іоаннъ III, Ефремъ (?), Николай, Никифоръ, Никита, Михаилъ II, Климентъ Смолятичъ, Константинъ I-й, Ѳеодоръ, Іоаннъ IV, Константинъ II, Никифоръ II, Матѳей, Кириллъ I-й.

136. Очеркъ исторіи Русской церкви въ періодъ до-татарскій, соч. Арх. Макарія, С.Пб. стр. 47.

137. Эти послѣднія слова любопытны: они показываютъ что Михаилъ уѣхалъ по не удовольствію, и боясь отъ Русскаго правительства попытки къ отложенію, взялъ слово съ епископовъ не служить въ Софійскомъ соборѣ безъ митрополита, присланнаго изъ Византіи.

138. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 79.

139. Тамъ же III, 12: Шьлъ бяше (Нифонтъ) Кыеву противу Митрополита, инии же мнози глаголаху яко полупивъ св. Софію, поиде къ Царюграду; и много глаголаху нань. Никон. II, 154: Имѣвія много

истощи и раздаде ово Патріарху Константино-градскому и прочимъ сущимъ тамо, ово митрополиту Кіевскому и инымъ многимъ.

140. Эти слова находятся только въ сводѣ лѣтописей Татищева; но что отвѣтъ в. князя находился и въ другихъ спискахъ, доказательствомъ служитъ его изглаженіе или пропускъ въ нихъ: такъ Археогр. Коммиссія свидѣтельствуетъ, что послѣ словъ императорскаго посла Ростиславу: „аще примеши съ любовью благословеніе отъ св. Софьи", находится пропускъ во всѣхъ спискахъ, съ пробѣломъ въ одномъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 92); Карамзинъ говоритъ также, что въ его экземплярахъ кіевской лѣтописи въ этомъ именно мѣстѣ пропускъ (II, прим. 414).

141. Никон. II, 179.

142. Тамъ же, стр. 296.

143. При внимательномъ изслѣдованіи этого мѣста лѣтописи можно подумать, что это оффиціальный современный актъ, именно посланіе митрополита, извѣщающее о преступленіи и наказаніи епископа Θеодора, и занесенное въ лѣтопись ея составителемъ, съ перемѣною нѣкоторыхъ немногихъ формъ: въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня сличеніе приведеннаго мѣста съ извѣстными посланіями митрополитовъ и другихъ духовныхъ лицъ.—Любопытно выраженіе нѣкоторыхъ лѣтописей о Θеодорѣ: „бѣлый клобучекъ" (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV. 12).

144. Новгородская, Ростовская, Владимирская, Волынская, Бѣлогородская, Черниговская, Юрьевская, Переяславская, Хелмская, Полоцкая, Туровская, Смоленская, Перемышльская, Галицкая, Рязанская, Владимирская на Клязьмѣ.

145. Воскрес. (II, 108) прибавляетъ: зане поставилъ бѣ на мъздѣ Николу Гречина.

146. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 21.

147. Тамъ же, II, 138; Ник. II, 363.

148. Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 255.

149. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

150. Тамъ же, II, 91.

151. Никон. I, 150, 151.

152. Тамъ же, II, 156.

153. Никон. II, 56.

154. Полн. Собр. Русск. Лѣт, I, 149: зане умножилъ бяше церкви, грабяй попы.

155. Тамъ же, стр. 150.

156. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 91.

157. Татищ. III, 160.

158. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 151.

159. Тамъ же, 88.

160. Тамъ же, II, 82.

161. По свидѣтельству Степенной книги (I, 157) св. Владиміръ опредѣлилъ давать десятину каждому князю главной соборной церкви въ его волости.

162. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 153.

163. Тамъ, же, II, 117, I, 201.

164. Тамъ же, I, 160: да городы.

165. Опис. Рукоп. Румянц. Муз.. стр. 294.

166. Въ подлинности этой грамоты не можетъ быть сомнѣнія: къ счастію до насъ дошло два ея списка (Дополн. къ Акт. Истор. I, № 3), изъ сличенія которыхъ можно ясно видѣть, какимъ искаженіямъ подвергались грамоты отъ переписчиковъ: въ началѣ одного списка читаемъ: „Се язъ князь великій Всеволодъ, нареченный во св. крещеніи Гаврилъ, самодержецъ сынъ Мстиславль, внукъ Володимеровъ Мономаха властвующа всею Русскою землею и властію Новгородскою." А въ другомъ спискѣ послѣднія слова отнесены не къ Мономаху, а къ самому Всеволоду, и читаемъ: „владычествующю ми всею Русскою землею и всею областью Новгородскою", откуда выходитъ историческая несообразность, заставляющая заподозрить подлинность грамоты.

167. Русскія достопамятн. I, стр. 82.

168. Дополн. къ Акт. Истор. I, № 4.

169. Обозрѣніе Кормчей книги, Барона Розенкампфа. Очеркъ Истор. Рус. Цар. Мак., стр. 127. Вообще о значеніи Кормчей—статья Калачева въ Чтеніяхъ М. И. О. годъ III, № 3.

170. Исторія Русск. церк. I, 191, 192. Посланіе Патріарха Германа къ митрополиту Кириллу 1228 г.: „нѣкоторые въ странѣ русской покупаютъ людей, выучиваютъ ихъ и приводятъ къ епископамъ для поставленія въ духовный санъ, не освободивъ отъ рабства."—Патріархъ требуетъ прекращенія этого. См. Опис. Рум. Муз., стр. 304.

171. Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 127, 249.

172. Полн. Русск. Лѣт. I, 88.

173. Лѣтопись не знаетъ Георгія между сыновьями Всеслава, но вѣроятно это христіанское имя Ростислава Всеславича.

174. Степен. кн. I, 280.

175. Тамъ же, стр. 235.

176. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 82.

177. Тамъ же, I, 108.

178. Дополн. къ Акт. Истор. I, № 2.—Примѣчаніе на эту грамоту митропол. Евгенія въ Трудахъ Москов. Истор. Общ. ч. III.

179. Тамъ же, № 5.

180. Памятн. Слов. XII в., стр. 108, 251.

181. Патерикъ Печер. Житіе св. Θеодосія, объ игуменѣ Стефанѣ.— Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II.—Зернина—объ отношеніи Константинопольскаго патріарха къ Русской іерархіи.—Преданіе о ставропигіи очень вѣроятно; но акты, составленные для доказательства этого, подозрительны; противъ приписки возражаютъ, что писецъ, ее составившій, не зналъ даже тогдашняго порядка престолонаслѣдія въ Ярославовомъ потомствѣ (П. Б., Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, стр. 7); на это впрочемъ могутъ сказать, что послѣ изгнанія Изяслава трудно было говорить объ обычномъ престолонаслѣдіи; мы не можемъ знать всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, всѣхъ отношеній Святослава къ Всеволоду.

182. См. Ист. Р. т. I, стр. 231 и слѣд.—Здѣсь раждается вопросъ: Когда Ярославичи сдѣлали такое опредѣленіе? Въ Правдѣ говорится только о троихъ старшихъ, слѣд. можно думать, что дѣло было по смерти двоихъ младшихъ; но съ другой стороны можно думать и то, что рѣшеніе старшихъ было обязательно для младшихъ. Нѣкоторое затрудненіе можно найти въ извѣстіи лѣтописца, помѣщенномъ подъ 1071 годомъ о распоряженіи Яна на Бѣлоозерѣ съ волхвами: „И рече Янъ повозникомъ: цы кому васъ кто родинъ убьенъ отъ сею! Они же реша: мнѣ мати, другому сестра, тому роженье. Онъ же рече имъ: мьстите своихъ. Они же поимше убиша я.“—Мы видѣли (II, примѣч. 29), что это событіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно отнести ко времени княженія Святослава въ Кіевѣ послѣ изгнанія Изяслава, слѣд. послѣ опредѣленія объ отложеніи мести; но теперь Янъ позволяетъ повозникамъ мстить за родичей?—Но ясно, что это явленіе выходило изъ ряду обыкновенныхъ; убійства, совершенныя волхвами, не принадлежали къ разряду частныхъ убійствъ, за которыя можно было откупаться деньгами, это были преступленія противъ цѣлаго общества, противъ вѣры; Янъ могъ казнить ихъ, какъ разбойниковъ, но почелъ за лучшее заставить самихъ обольщенныхъ убить обольстителей, придать ихъ казни характеръ общей мести.

183. О словѣ р я д о в и ч ь см. въ I-мъ томѣ моей исторіи.

184. Розенкампфа, о Кормчей книгѣ, стр. 217.

185. Нашей Исторіи т. II, стр. 199.

186. Тамъ же, стр. 160.

187. Тамъ же, стр. 79.

188. Тамъ же, стр. 140.

189, Тамъ же, стр. 187.

190. Тамъ же, стр. 316.

191. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 145: Бѣ же тогды день недѣльный, тѣмже не идоша къ городу.

192. Памятн. Слов. XII в., стр. 103, 251.

193. Русскія достопам. I, стр. 91.

194. Тамъ же.—Памятн. Слов. XII в., стр. 176.

195. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 73.

196. Особенно о Юріи Долгорукомъ.

197. Нашей Исторіи т. II, стр. 216. Примѣръ Ростислава Юрьевича, отступившаго отъ отца къ врагу послѣдняго, Изяславу Мстиславичу, мы не приводимъ, потому что, быть можетъ, онъ перешелъ на сторону Изяслава съ отцовскаго согласія; не приводимъ также примѣра Владиміра Ярославича Галицкаго, потому что тутъ были особенныя обстоятельства.

198. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 178.

199. Памятн. Слов. XII в., стр. 196.

200. См. также Никонов. II, 121, рѣчь Изяслава Мстиславича.

201. См. Проф. Шевырева Исторія Русской Словес. т. I, ч. 2, стр. 52. Его же поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, стр. 30. Оказывается, что первый сборникъ собранъ для Болгарскаго царя Симеона.

202. Чтенія въ Москов. Истор. Общ. годъ III, № 7.

203. Татищ. III, стр. 177, 196.

204. Тамъ же, стр. 238.

205. Тамъ же, стр. 220, 280.

206. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 188.

207. Татищ. кн. III, стр. 416.

208. Тамъ же, II, 181. О преподаваніи греческаго языка см. также Никон. I, 132.

209. Памятн. Слов. XII-го вѣка, стр. 133.

210. Учен. Зап. II-го Отд. Акад. Наукъ, кн. II, вып. 2. стр. 213 и сл. Русск. Достопам. I, стр. 61.

211. Сиротинскій—рабскій и нищенскій, ибо сирота значитъ и рабъ, нищій. До сихъ поръ въ Архангел. губерніи сиротами называютъ нищихъ Опыт. обл. Слов., стр. 203); это показываетъ, кто былъ нищимъ и рабомъ въ первоначальномъ родовомъ обществѣ. Въ послѣдующихъ памятникахъ постоянно встрѣчаемъ выраженіе при челобитьяхъ: „сироты твои государевы.“

212. Памят. Слов. XII в., стр. 157. Относительно современныхъ понятій любопытны третій и двадцатый. Митрополиту Никифору приписывается еще другое посланіе противъ Латинянъ къ неизвѣстному князю, которое начинается такъ: „такъ какъ въ судахъ у тебя есть земля Лядская, и живущіе въ ней служатъ на оплаткахъ и приняли латинское ученіе; то я извѣщаю тебѣ, по какой причинѣ отступили они отъ св. собор. апостольской церкви.“ Здѣсь вмѣсто: “въ судахъ“ не должно ли читать „въ сусѣдѣхъ“. Между прочимъ сочинитель упре-

каетъ Латинянъ за то, что они запрещаютъ хвалить Бога на другомъ языкѣ кромѣ Еврейскаго, Еллинскаго и Римскаго.

213. Тамъ же, стр. 209.

214. См. выше о значеніи монашества.

215. Памятн. Слов. XII, в., стр. 249.

216. Русск. Достопам. I, стр. 89.—Этому Іакову приписываютъ сочиненіе житія св. Владиміра, свв. Бориса и Глѣба, посланіе къ В. князю Изяславу о воздержаніи отъ запойства и блуда; см. статью Погодина въ извѣстіяхъ Академіи Наукъ т. I, листъ 21.

217. Памятн.-Словес. XII, в., стр. 173. См. въ IV-й части Трудовъ Московскихъ Историч. Общества статью Митрополита Евгенія: Свѣдѣніе о Кирикѣ. Кирикъ въ 1134 году былъ дьякономъ и доместикомъ въ Новгородскомъ Антоніевѣ монастырѣ; онъ оставилъ еще сочиненіе: „Ученіе имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ.“

218. Русская Достопам. I, стр. 7. Уч. Зап. II отд. Акад. кн. II, вып. II.

219. Памятн. Слов. XII в.

220. Москвит. 1851 г., № 6.—Думаемъ, что къ описываемому же времени надобно будетъ отнести и извѣстное „Слово нѣкоего христолюбца,“ которымъ мы уже пользовались прежде, говоря о языческихъ повѣрьяхъ; вооружаясь противъ послѣднихъ, авторъ говоритъ, что ихъ держатся „не токмо невѣжи, но и вѣжи и попы и книжницы.“

221. Сахарова сказ. Русск. Нар. т. II. Сохранилось также путешествіе Добрыни Ядрейковича въ Царьградъ, 1210 г.

222. Памятн. Слов. XII в., стр. 229.

223. Въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, при упоминовеніи о Лачѣ озерѣ встрѣчаемъ прибавку: „идеже бѣ Данило заточенникъ.“ Въ какой славѣ было слово Даніила, видно изъ того, что послѣ нѣкоторые приноравливали его къ своимъ обстоятельствамъ и посылали къ князьямъ. См. новую редакцію слова въ Русск. Бесѣдѣ 1856, № 2. Здѣсь авторъ обращается не къ Юрію, но къ Ярославу Всеволодовичу Переяславскому.

224. См. нашей Исторіи т. II, стр. 407 и слѣд. Прибавимъ отзывъ лѣтописца о Всеволодѣ Сватославичѣ, братѣ Игоревѣ: „Того же лѣта (1196) во Олговичѣхъ преставися князь Всеволодъ Святославичъ, братъ Игоревъ, и тако спрятавше тѣло его вся братья съ великою честью и съ плачемъ великимъ и рыданіемъ: понежѣ бѣ во Олговичѣхъ всѣхъ удалѣе рожаемъ и воспитаніемъ, и возрастомъ и всею добротою и мужественною доблестью, и любовь имѣяше ко всимъ.“

225. См. статью кн. Вяземскаго во Временникѣ Моск. Истор. Общ.

226. Что и здѣсь и прежде подъ именемъ стараго Владиміра разумѣется Мономахъ, доказательствомъ служитъ связь выраженій: „Того

стараго Владиміра нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы.“ Здѣсь разумѣются Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи, представители Мономахова племени въ югозападной Руси.—Укажемъ здѣсь также кстати нѣкоторыя мѣста Слова, которыя, по нашему мнѣнію, неправильно переводятся. Въ началѣ: „Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ.“ Начати старыми словесы—нельзя переводить: „Начать прежнимъ складомъ важныхъ повѣстей,“ ибо ясно изъ послѣдующаго, что сочинитель хотѣлъ начать свое слово старыми словами, сказаніями о старыхъ событіяхъ—отъ стараго Владиміра.—„Спала князю умъ похоти“—нельзя переводить чрезъ: „залегла въ душѣ князя дума,“ но чрезъ “затмило князю умъ сильное желаніе“ уже по самому соотвѣтствію слѣдующаго предложенія: „и жалость ему знаменіе заступи;“ здѣсь не нужно предполагать описки и читать с п я л а; стоитъ только сравнить это выраженіе съ послѣдующимъ: „заря свѣтъ запала.“ „Хощу копіе приломити конецъ поля Половецкаго“—должно переводить: хочу копье переломить н а к о н ц ѣ п о л я, а не объ п о л е.—Прекрасное выраженіе: „уже бѣда его пасетъ птицъ“ совершенно теряется въ отдаленномъ переводѣ: „уже птицы алчутъ его погибели.“—„Ту кроваваго вина не доста: ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую;“ здѣсь с в а т ы нужно оставить безъ измѣненія, а не переводить чрезъ: „гостей.“ Въ выраженіи: „пустыни силу прикрыла“ п у с т ы н и есть именительный падежъ, а не мѣстный.—„А мы дружина жадни веселія“ должно переводить: „мы лишены, чужды веселія,“ а не: жаждемъ уже повеселиться на пиру свадебномъ.“—Въ выраженіи „сильнаго, и богатаго и м н о г о в о и брата моего Ярослава“ слово м н о г о в о и не есть описка, но прекрасный эпитетъ Ярославу—м н о г о в о я, князь, у котораго много воевъ.—„Нъ се зло княже ми непособіе“ должно переводить: „зло мнѣ княжеское непособіе,“ а не: „теперь же гибель князей мнѣ не помощь.“

227. Никон. II, 125: подъ 1171 г. Преставися въ Новгородѣ посадникъ Васка Буславичь.

228. Древнія Росс. стихотвор., стр. 72.

229. Тамъ же стр. 166.

230. Г. Погодинъ (Изслѣдов. т. IV, стр. 6 и слѣд.) говоритъ: „Есть ли въ лѣтописяхъ промежутки между годами, т. е. есть ли годы неописанные? Нѣтъ. Изъ этого явленія мы должны заключить, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ: слѣд. было возлагаемо всегда на извѣстное лицо, и по смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было не кому, кромѣ князя. Въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро. Слѣд. лѣтописи

наши имѣли характеръ оффиціальный. Вотъ заключеніе, выводимое нами изъ разсматриванія лѣтописей. Нѣтъ ли ему подтвержденій положительныхъ? Есть, хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ позднѣйшему времени, но, безъ сомнѣнія, могутъ быть отнесены и къ древности. Важнѣйшимъ, драгоцѣннѣйшимъ считаю я слѣдующее: лѣтописецъ, описавъ подъ 1409 годомъ нашествіе Едигеево на Москву, прибавляетъ: „И сія вся написанная аще и нелѣпо кому видится иже толико отъ случившихъ въ нашей земли не сладостная неуласканная намъ изглаголавшимъ, но взустительная и къ пользѣ обрѣтающаяся, и возставляющая на благая и не забытная; мы бо не досажающе, ни поношающе, ни завидяще чти честныхъ, таковая вчинихомъ; якоже бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца кіевскаго, иже вся временна бытства земская необинуяся показуетъ, но и первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочія по нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володимерѣ Мономасѣ онаго великаго Селиверста Выдобытскаго не украшая пишущаго, да аще хощеши прочти тамо прилежно.... мы же симъ учащеся таковая вся прилучившаяся во дни наша не примѣнухомъ властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ и прилежно внимающихъ, да таковымъ вещемъ разсужденіе разсудно да разсуждаютъ." Итакъ, продолжаетъ г. Погодинъ, лѣтописи ведены были по повелѣнію князей. Г. Погодинъ приводитъ также свидѣтельство изъ XIII вѣка о князѣ Метиславѣ Васильковичѣ, который въ грамотѣ своей 1289 г. говоритъ „А вописалъ есмь въ лѣтописецъ коромолу ихъ (жителей Берестья)."

На это замѣтимъ: во 1) что изъ отсутствія промежутковъ между годами никакъ не слѣдуетъ непремѣнно, что лѣтописное дѣло возлагаемо было всегда на извѣстное лицо, и по смерти его передавалось другому: списки лѣтописей, дошедшихъ до насъ, являются въ видѣ сборниковъ изъ разныхъ лѣтописей, писанныхъ разными лицами въ одно время въ разныхъ мѣстахъ; одинъ лѣтописецъ кончилъ прежде, другой послѣ; понятно, почему въ сборникахъ, до насъ дошедшихъ, нѣтъ годовъ неописанныхъ, а напротивъ, есть года, дважды описанные по неловкости (впрочемъ драгоцѣнной для насъ) позднѣйшихъ составителей лѣтописныхъ сборниковъ. 2) мнѣніе, что въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро, достаточно опровергается сказаннымъ нами въ текстѣ; прибавимъ слѣдующее: если первоначальная лѣтопись составлялась при дворѣ княжескомъ, то спрашивается, въ какомъ отношеніи находилась она къ лѣтописи монастырской, до насъ дошедшей? если существованіе первоначальной лѣтописи г. Погодинъ предполагаетъ на томъ основаніи, что въ монастырѣ не могли знать подробности событій, то эту первоначальную лѣтопись необходимо предположить подробною: но въ такомъ случаѣ что же оставалось писать мо-

наху? Если же первоначальная лѣтопись была краткая, и въ монастырѣ распространяли ее подробностями, то значитъ въ монастырѣ подробности были извѣстны, и лѣтописцу-монаху не нужно было пользоваться краткимъ указаніемъ событій, когда онъ имѣлъ средство описать эти событія подробно; слѣд. предположеніе о существованіи какой-то первоначальной оффиціальной лѣтописи, кромѣ монастырской, до насъ дошедшей, вовсе не нужно. 3) Важнѣйшее, драгоцѣннѣйшее и положительное подтвержденіе, какое находитъ г. Погодинъ своему мнѣнію въ свидѣтельствѣ лѣтописца XV вѣка, служитъ не подтвержденіемъ, но полнымъ опроверженіемъ этому мнѣнію: лѣтописецъ XV вѣка говоритъ, что онъ хочетъ писать такъ, какъ писалъ начальный лѣтописецъ кіевскій, которому первые властодержцы повелѣвали писать все доброе и недоброе: но какая же это начальная лѣтопись? Та самая, которая дошла до насъ подъ именемъ Несторовой, и которую дописывалъ или переписывалъ Силивестръ Выдубицкій, слѣд. оффиціальность, участіе князей, которыя г. Погодинъ хочетъ отнести къ первоначальной лѣтописи, относятся прямо къ монастырской до насъ дошедшей; что дворцовыхъ лѣтописей не было не только въ XII, но даже и въ первой половинѣ XV вѣка, ясно доказываютъ приведенныя слова лѣтописца этого времени, который говоритъ, что пишетъ и хочетъ писать лѣтопись, какъ писали ее въ старину, писать всѣ событія безъ украшенія, чего не могъ бы сказать дьякъ, обязанный писать то, что ему велятъ. Лѣтопись монастырская, съ прежнимъ характеромъ, который хочетъ поддержать лѣтописецъ XV вѣка, очевидно исчезаетъ и замѣняется лѣтописью дворцовою со второй половины XV вѣка, что всякій можетъ легко усмотрѣть изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей того времени; слова лѣтописца первой половины XV вѣка указываютъ на приближеніе этого перехода и его необходимость вслѣдствіе измѣненія историческихъ обстоятельствъ.—Нужно ли прибавлять, что лѣтопись, въ которую князь Мстиславъ Волынскій велѣлъ внести крамолу Берестьянъ, есть не первоначальная дворцовая, но таже самая Волынская лѣтопись, которая дошла до насъ, и въ которой именно находится грамота Мстиславова.

231. Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 97.—Любопытны лишнія подробности въ разсказѣ о мести Ольгиной, находящіяся въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, наприм.: „Князю же веселіе творящу къ браку и сонъ часто зряше Малъ князь: се бо пришедъ Олга даяше ему пръты многоцѣньны червены вси жемчюгомъ исażены и одѣяла чрьны съ зелеными узоры и лодіи, въ нихъ же несенымъ быти, смолны.... И посла къ Деревляномъ (Ольга) н а п и с а в ъ.... Она же (Олга) рече Деревляномъ): мало у васъ прошю дати богомъ жрътву отъ васъ и ослабу вамъ подагать себе на лѣкарство главныя болѣзни“.—Составъ очевид-

но позднѣйшій, но объ источникахъ нельзя сказать этого утвердительно, и во всякомъ случаѣ они любопытны.

232. Никон. I, 92, 95, 103.

233. Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ.—Надобно замѣтить, что съ Кіевомъ въ древности неразрывно было представленіе о горахъ, и въ языкѣ къ имени Кіева присоединилось еще н а г о р а х ъ; такъ читаемъ подъ 1198 годомъ: „Тако воспитава бысть въ Кіевѣ на Горахъ;"—въ словѣ о Полку Иг.: „Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ."

234. Подъ 983 годомъ читаемъ: „Сдѣже мняшеся оканьный: яко сдѣ ми суть жилище, сдѣ бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли. Не вѣдый пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя.... Аще и тѣломъ апостоли не суть здѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласятъ по вселеннѣй въ церквахъ,"

235. Krug—Kritischer Versuch zur Ausklärung der Byzant. Chronolog s. 108; Ewers—das älteste Recht der Russen s. 118; Погодина—Несторъ, с. 113.

236. Разборъ трехъ древнихъ памятниковъ русской духовной литературы; соч И. Б.—Житіе вставленное въ лѣтопись, кѣмъ бы ни было написано, заслуживаетъ предпочтеніе по самой краткости своей, по отсутствію противорѣчій, даже по отсутствію числовыхъ показаній, все обличаетъ въ немъ первоначальное составленіе. Противорѣчіе—признакъ позднѣйшаго составленія изъ разныхъ сказаній. Чѣмъ украшеннѣе, многоглаголивѣе сказаніе, тѣмъ подозрительнѣе относительно своей древности. Авторъ житія св. Владиміра, помѣщеннаго въ Степенной книгѣ, говоритъ: „О немъ же (Владимірѣ, и прежде сего обрѣтаеми суть многія повѣсти, глаголемыя и пишемыя, и похвалами достойно украшены, но обаче не во единомъ мѣстѣ, но на многи части особь кайждо: ова въ лѣтописаніихъ, иная же индѣ, прочая же вкратцѣ писана въ житіи его, многая же въ похвалѣ его. И отъ всѣхъ сихъ, яко отъ многоразличныхъ цвѣтецъ хотящу собратися во едину словесную пленицу."—Но такъ поступалъ не одинъ авторъ житія Степенной книги. Отсюда и противорѣчія.

237. Нѣкоторые разсуждаютъ такъ: Лѣтописецъ говоритъ: „воевода бѣ Свѣнелдъ, *тоже отецъ Мистишинъ.*" Вѣрно, это писано тогда, когда жилъ сей не извѣстный Мистиша, слѣд. не позднѣе начала XI вѣка: сынъ современника Свѣнельдова (?) не могъ жить долѣе. Не можетъ быть, чтобъ эти слова принадлежали Нестору: къ чему бы ему означать неизвѣстнаго Боярина родствомъ съ Мистишею, о которомъ почти онъ не говоритъ ни слова.—Но если самъ Мистиша не могъ жить позднѣе начала XI вѣка, то пѣсня, преданіе о немъ, его домъ, его улица могли существовать гораздо позднѣе: естественно предположить, что лѣтопи-

сецъ позднѣйшій приводитъ въ родственную связь два лица, воспоминаніе о которыхъ начинаетъ слабѣть: неестественно предположить, чтобъ современникъ Мистиши почелъ нужнымъ напомнить, что этотъ Мистиша-Свѣнельдичъ.

238. II, прим. 1, 78.

239. Статья Бѣляева о Несторѣ въ Чтеніяхъ Моск. Истор. Общ.

240. *Написахъ* можетъ значить переписалъ, но не должно означать этого непремѣнно; въ противномъ случаѣ и Несторъ будетъ только переписчикомъ, ибо о немъ сказано: „Несторъ иже написа лѣтописецъ.“

241. См. о противорѣчіяхъ между Несторовыми сочиненіями и лѣтописью въ статьѣ г. Казанскаго: „Еще вопросъ о Несторѣ“ (Временникъ Московск. Истор. Общ. № 1); отвѣтъ его на возраж. П. Б. (Отеч. Зап. т. LXXIV, отд. VIII); отвѣтъ П. Б. въ разборѣ трехъ древнихъ памятниковъ.

242. Вотъ почему мы не можемъ принять выраженій о лѣтописяхъ XII вѣка: „Кіевская лѣтопись, Суздальская лѣтопись; Кіевская дошедшая до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ, Суздальская въ Лаврентьевскомъ;“ и т. д. Во всѣхъ спискахъ мы встрѣчаемъ одно и то же содержаніе: въ Лаврентьевскомъ спискѣ мы находимъ собственно Кіевскія событія, разсказанныя такъ же подробно или еще подробнѣе чѣмъ въ Ипатьевскомъ, и наоборотъ, въ Ипатьевскомъ Суздальскія происшествія разсказаны гораздо подробнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ; неправильность этихъ названій для общей лѣтописи XII вѣка тѣмъ очевиднѣе, что у насъ есть дѣйствительно лѣтописи, принадлежащія по содержанію одному городу или одной волости, таковы лѣтописи Новгородскія, Псковскія; но въ нихъ съ первой страницы всякій читатель увидитъ, что содержаніемъ однихъ служатъ событія Новгородскія, другихъ Псковскія, тогда какъ этого вовсе не замѣтитъ онъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ, содержащихъ въ себѣ общую или княжескую лѣтопись.—Вотъ почему странно встрѣчать слѣдующіе выводы или выраженія: „Какъ лѣтописатели Кіевскіе для Суздальскихъ происшествій сокращали лѣтопись Суздальскую, такъ точно лѣтописатели Суздальскіе сокращали обыкновенно Кіевскую лѣтопись; между тѣмъ сохранили извѣстія о Кіевѣ такія, какихъ нѣтъ въ Кіевской лѣтописи.“ (Погодина— И. З. Л. IV. стр. 67).—Лѣтописатели Кіевскіе и Суздальскіе записывали одно и то же или разныя событія независимо, не переписывая ихъ другъ у друга и не сокращая, брали же у тѣхъ и другихъ эти событія и сшивали позднѣйшіе составители списковъ, до насъ дошедшихъ, отъ чего и вышло, что мы для XII вѣка не имѣемъ ни Кіевской, ни Суздальской лѣтописи.

243. П. С. Р. Л. II, стр. 22 и слѣд.

244. Объ этомъ подробнѣе ниже, при оцѣнкѣ трудовъ Татищева.

245. Это слово раздаяномъ также свидѣтельствуетъ о раздачѣ дѣтей по церквамъ, а не о соединеніи ихъ въ одну школу.

246. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 72. См. выше о соч. св. Ѳеодосія.

247. Тамъ же стр. 166, 168.

248. Тамъ же, стр. 139.

249. Исторія Россіи, т. II, стр. 367.

250. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 192; Татищ. III, 453.

251. У Карамзина читаемъ: „Ярославъ упрекалъ Черниговскаго князя вѣроломствомъ". „Коварныя его внушенія"—говорилъ онъ—„возбудили противъ меня Новгородцевъ." Но въ текстѣ Пушкинскаго списка, приведенномъ въ примѣч. 333, этихъ словъ нѣтъ; въ лѣтописи сказано только: „бѣ бо Михаилъ неправъ въ крестномъ цѣлованьи при Ярославѣ". Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 194.

252. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 336.

253. Теперь село на рѣкѣ Серенѣ въ Калужской губерніи.

254. Если Ярославъ не женился въ третій разъ, то Юрій долженъ быть сынъ Мстислава Торопецкаго.

255. Вѣроятно измѣненное Ерза, одно изъ названій Мордвы.

256. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 49.

257. Что донесенія нѣмецкихъ рыцарей относительно поведенія Меченосцевъ были справедливы, доказываютъ посланія папъ: въ 1238 году папа Григорій IX писалъ епископу Моденскому, своему легату въ Ливоніи, чтобъ обращенные въ христіанство язычники не подвергались рабству (Histor. Russ. Monum. I, № XLVIII); въ томъ же году онъ писалъ, чтобъ рабамъ дали облегченіе и позволили ходить въ церковь. (Тамъ же, № XLIX). Въ 1245 г. Иннокентій IX писалъ къ рыцарямъ: „Ne igitur in rapina cedant qui custodiri a potentioribus debuerant, vestris contenti stipendiis ab exactionibus in debitis manus vestros innoxias conservate, conteratis capita humilium populi Domini super terram." (Тамъ же, № LX). Въ 1318 г. папа Іоаннъ XXII писалъ къ нимъ же: „Quia posteriora non fuerunt confirmata prioribus, sed priora potius posterioribus deformata, dum in primas ecclesias, et alias de novo ad fidem conversas, qui praecipuis fuerant prosequendi favoribus, ut ad susceptionem fide, mentes allicerentur aliorum, sic fuisse crudeliter inhumaniter desevitum, quod plerique, volentes ad fidem converti, se a conversione hujus modi retraxerunt." (Тамъ же, № XCIX). О поведеніи завоевателей свидѣтельствуетъ также слѣдующая пѣсня:

Diss Land den Teutschen gegeben ist,
Schier für Vierhundert Jahren
Dass sie dein Nahmen Herr Jesu Christ
Die Heiden solten lehren:

Sie aber gesucht vielmehr,
Ihr eigen—Nutz, Lust und Ehr,
Deiner wenig geachtet etc.

258. По Новгор. лѣт. въ 1237.

259. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 45: Придоша Литва и воеваша Любнѣ и Мореву и Серегеръ.

260. Муравейка на Ловти, въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи.

261. Карамзинъ и Арцыбашевъ считаютъ этихъ князей Ольговичами; владѣнія ихъ, по Ходаковскому, были въ нынѣшней Подольской губерніи, на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Если это были дѣйствительно Ольговичи, то ихъ должно считать внуками Игоревыми, братьями родными или двоюродными Изяслава Владиміровича (см. ниже), которымъ удалось удержаться въ части Галицкихъ волостей послѣ несчастнаго 1208 года.

262. Впадаетъ въ Горынь близъ Острога.

263. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 172: Видѣвшу же ся Данилу о рѣку съ королевичемъ, и нѣкое слово похвально рекшу, его же Богъ не любитъ.

264. Такъ думаютъ Карамзинъ и Арцыбашевъ; Густинская лѣтопись (Полн. Собр. Русск. Лѣт II, 337) называетъ его Мстиславичемъ (храбрымъ); Татищевъ сыномъ Мстислава Ростиславича Смоленскаго; Троицкая называетъ также Мстиславичемъ; Ростовская, Воскресен. и Никон. лѣтописи подтверждаютъ показаніе Татищева.

265. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 337: Князь же Михаилъ сотвори нѣкую прелесть: изыде изъ града и поби многое множество Галичанъ, Володимеръ же видя сію побѣду и поразумѣ, яко уже не одолѣти ему Михаилу, пойде со Даниломъ Романовичемъ и сядѣ въ Кіевѣ.—По Татищеву (III, 464) Михаилъ подкупилъ совѣтниковъ Даніиловыхъ уговаривать своего князя къ миру; Даніилъ сталъ уговаривать къ миру Владиміра, и видя, что тотъ не соглашается, отступилъ отъ него по совѣту подкупленныхъ бояръ своихъ; тогда Михаилъ, воспользовавшись разъединеніемъ союзниковъ, ночью напалъ на Даніиловы полки и разбилъ ихъ.

266. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 174.

267. По словамъ Волынской лѣтописи можно думать, что Владиміръ, освободившись изъ плѣна, оставался у Торковъ, ибо сказано подъ 1235 годомъ: „Въ то же время посла бяше Володимеръ Данилови помощь Торкы и Данила Нажировича". Но та же лѣтопись, подъ 1229 годомъ упоминаетъ еще о какомъ-то Владимірѣ Ингваровичѣ, союзникѣ Даніила; этотъ долженъ быть внукъ Ярослава Изяславича Луцьаго.

268. Вотъ единственное основаніе считать Изяслава Ольговичемъ.

269. Густинская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ выгналъ изъ Кіева Изяслава, но самъ былъ изгнанъ Владиміромъ Рюриковичемъ, возвра-

тившимся въ плѣна Пловецкаго, а Владиміра Рюриковича выгналъ Михаилъ. По Татищеву же (III, 464) Ярославъ, отправляясь на Сѣверъ, заключилъ договоръ съ Изяславомъ, чтобъ тотъ остался въ Кіевѣ, заплатилъ окупъ за Владиміра, который отправился въ Смоленскъ. Въ Волын. лѣтописи: Приде Ярославъ Суждальскій и взя Кіевъ подъ Владимеромъ, не мога его держати иде паки Суждалю, и взя подъ нимъ Михаилъ.—Трудно согласить удовлетворительно всѣ эти извѣстія.—Неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ Карамзинъ говоритъ, что Ярославъ занялъ Кіевъ вслѣдствіе переговоровъ Даніила съ в. княземъ Георгіемъ.

270. См. нашей Исторіи т. II, стр. 311.

271. Потомокъ Владислава II; см. нашей Исторіи т. II, стр. 126.

272. См. Rogalskiego-Dzièje Krzyżaków, 1847.

273. Татищ. III, 465.

274. Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 221: Сташа первое станомъ на Онузѣ; въ др. спискахъ: Нузлѣ, Онозѣ, Унузѣ, Тунузѣ. Думаютъ слышать подобные звуки въ Сурскихъ притокахъ: Узѣ, Пизѣ, Инсарѣ, Пензѣ.—См. о томъ же Русскій Временникъ, I, стр. 110 и слѣд.: здѣсь разсказывается, что Рязанскій князь послалъ сначала къ Батыю сына своего Ѳедора, у котораго ханъ сталъ просить жены красавицы; Ѳедоръ отказалъ и былъ убитъ; жена его, услыхавши объ этомъ, ринулась вмѣстѣ съ малюткою-сыномъ съ высокихъ хоромъ и убилась до смерти и проч.

275. Василько былъ убитъ въ Ширинскомъ лѣсу. Село Ширинское, прежде бывшій монастырь, отъ Кашина въ 23 верстахъ, отъ Калязина въ 38—40, при рѣкѣ Ширинкѣ, впадающей въ Медвѣдицу, и теперь въ лѣсной сторонѣ.

276. Татищ. III, 416.—Татары дошли до Игнача Креста; быть можетъ это нынѣшнее Крестцы.

277 Какимъ Ярославомъ? по всѣмъ вѣроятностямъ Ингваревичемъ Волынскимъ; въ Волын. лѣтоп. и въ Пушкин. сп. у Карамзина сказано просто Ярославъ; въ позднѣйшемъ Никоновскомъ сборникѣ прибавлено Всеволодовичъ, но эта прибавка позднѣйшаго составителя объясняется естественно; въ разсказѣ Волынскаго лѣтописца ясно видно, что Ярославъ былъ ближайшій мѣстный князь, который перехватилъ на дорогѣ жену и бояръ Михаиловыхъ: „Яко бѣжалъ есть Михаилъ изъ Кыева въ Угры, Ярославъ ѣхавъ я княгиню его и бояръ его пойма.“

278. Теперь мѣстечко Подольской губерніи Гайсинскаго уѣзда.

279. Roepell's—Geschichte Polens, II, 466.

280. Iohannis de Plano-Carpini, Antivariensis Archiepiscopi historia Mongalorum.—Въ Recueil de voyages et de mémoires, publié par la société de Géographie, t. IV. In appendice: De itinere fratrum minorum ad Tartaros quae frater Benedictus Polonus viva voce retulit. О восточ-

ныхъ извѣстіяхъ см. Geschichte der golden. Horde, von Hammer-Purgstall, 2 und 5 Buch.

281. Et ille numerus vocatur t e n e b r a e apud eos. Издатели замѣчаютъ: „Le mot tartare auquel il est ici fait allusion est celui de t o u m â n signifiant dix mille, facile a confondre, par un étranger, avec celui de t h o u m ê n, signifiant nuages, fumée, obscurité.—Но любопытно, что у насъ 10.000 также называется тьмою, и татарскій начальникъ этого числа воиновъ—Темникомъ, точно также какъ у Татаръ: Dehe, Sade, Hesare, Temnik.

282. Сравни это извѣстіе съ извѣстіемъ о Половчинѣ, который стрѣлялъ живымъ огнемъ, т. II, стр. 406.

283. До сихъ поръ у насъ народъ называетъ Татаръ князьями, но теперь уже больше дразнятъ ихъ этимъ именемъ; мальчишки, сдѣлавши изъ полы свиное ухо, бѣгутъ за Татариномъ и кричатъ: „князь! князь!"

284. Объ ордынскомъ устройствѣ относительно Россіи см. ниже, въ IV томѣ.

285. По книгѣ Большой Чертежъ, Стародубъ на Клязьмѣ, ниже Владимира въ 60, выше устья Тезы въ 30 верстахъ; это соотвѣтствуетъ селенію: Клязменскій городокъ въ 14 верстахъ отъ уѣзднаго города Коврова.—Отъ Ивана Стародубскаго происходятъ князья Пожарскіе. Напрасно думаютъ, что мнѣніе о происхожденіи князей Пожарскихъ изъ Малороссіи было утверждено въ нашей историч. литературѣ. См. противное у Татищева кн. III, примѣч. 599 и въ моей Истор. отнош. между Русск. князьями Рюр. дома, стр. 661.

286. Быть можетъ нѣкоторые упрекнутъ меня за это названіе, которое ведетъ къ смѣшенію разноплеменныхъ народовъ, ибо народъ, извѣстный теперь у насъ подъ именемъ Татаръ, принадлежитъ къ турецкому племени: но во 1-хъ смѣшеніе безвредно, потому что различіе всѣмъ извѣстно; во 2-хъ нельзя выкинуть изъ Русской Исторіи слова которымъ предки наши исключительно называли своихъ поработителей; и древніе и настоящіе Русскіе люди не знаютъ Монголовъ, а знаютъ только Татаръ. Точно также странно, по моему мнѣнію, писать Б а т у вмѣсто Б а т ы й, ибо это слово уже Русское. Никто не требуетъ, чтобы писали П а р и вмѣсто П а р и ж ъ, Р о м а вмѣсто Р и м ъ; почему же только въ Монгольскихъ именахъ мы должны покинуть древнія русскія формы?

287. Плано-Карпини, стр. 757: Nobis autem et duci Ieroslao semper dabant locum superiorem.

288. Старшій братъ Александра, Өедоръ умеръ въ 1233 году

289. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 53; V, 178.

290. Нѣмецкіе анналисты сдѣлали изъ этого Гаврилы Гориславича Герпольта, потомъ князя Ярополка, заставили его жить послѣ битвы и сдавать имъ Псковъ.

291. Russow's livl. Chron. p. 17.

292. Озеро Жизцо Псков. губ. Торопец. уѣзда.

293. Здѣсь впервые считаемъ себя вправѣ употребить это слово, означающее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, остающееся постоянно при одной княжеской линіи, ибо прежнія волости княжескія не были удѣлами, и древній лѣтописецъ не знаетъ этого слова.

294. По свидѣтельству лѣтописей Александръ былъ самый старшій, Андрей слѣдовалъ за нимъ.

295. Полн Собр. Русск. Лѣт. IV, 38. Рукоп. Москов. Истор. Общ. № 128.

296. Татищ. III, 22. Это мѣсто испорчено: вмѣсто Михаила должно читать Андрей, ибо говорится уже послѣ смерти Михаиловой.

297. Татищ. IV, 22.

298. Быть можетъ, есть связь между этими двумя событіями.

299. Татищ. IV, 24. Справедливость этого извѣстія подтверждается во 1) словами Андрея: „Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ." 2) Александръ былъ въ это время въ Ордѣ и взялъ старшинство отъ хана: еслибы онъ не былъ противъ брата, то почему не умилостивилъ Сартака, какъ умилостивлялъ его послѣ, по случаю возстаній народныхъ? 3) Бѣгство Андрея въ Швецію и радушный пріемъ со стороны Шведовъ также можетъ показывать, что они видѣли въ Андреѣ врага Александрова.—Предположеніе кн. Щербат., что всему виною былъ дядя Святославъ, не имѣетъ основанія, ибо Святославъ не получилъ отъ перемѣны никакой пользы; связь между событіями, какую выставляетъ Степенная книга (I,367), не держится: „в. князь Александръ паки пріиде въ орду къ новому царю Сартаку. Славный же градъ Владимиръ и всю Суздальскую землю поручи брату своему князю Андрею. Онъ же аще и преудобренъ бѣ благородіемъ и храбростію, но обаче правленіе державы яко недѣліе вѣдяя, и на ловитвы живстныхъ упражняяся, и совѣтникомъ младоумнымъ внимая: отъ нихъ же бысть зѣло многое нестроеніе, и оскудѣніе въ людехъ, и тщета имѣнію. Его же ради царь Сартакъ посла воеводу своего" и проч.

300. Это очень замѣчательно: по извѣстію Татищева, Переяславль оставался за Александромъ (IV, 22); какимъ образомъ очутилось здѣсь семейство Ярослава Ярославича? Очень вѣроятно, что онъ былъ заодно съ Андреемъ противъ Александра, и овладѣлъ удѣломъ послѣдняго; мы и послѣ увидимъ его непріязненныя отношенія къ старшему брату.

301. Татищ. IV, 27.

302. Ему приписывается основаніе Сарая, столицы Волжской, Золотой Орды или Джучіева улуса; основаніе города полагается между 1242 и 1254 годомъ; мѣстоположеніе его въ урочищѣ Царевы-Воды, около и на мѣстѣ нынѣшняго города Царева. См. Григорьева: о мѣстоположеніи столицы Золотой Орды.

303. Грамоту Иннокентія IV къ Александру см. въ Historica Russiae Monum. I, № LXXVIII; Иннокентій уговариваетъ Александра обратиться къ Римской церкви по примѣру отца Ярослава, который будто бы, по свидѣтельству Плано-Карпини, обратился въ Латинство въ Ордѣ: но у Плано-Карпини нѣтъ ни слова объ этомъ. Еще въ 1207 г. папа Иннокентій III писалъ къ духовенству и мірянамъ въ Россіи о посылкѣ легата—ut filiam reducat ad matrem et membrum ad caput. Потомъ Григорій IX писалъ о томъ же къ в. к. Юрію Всеволодовичу. См. тамъ же № III, XXXIII.

304. Карамзинъ (IV, прим. 102): Войщину (нынѣ Боево); Арцыбаш. (II, прим. 208): „мы не знаемъ Войщины, Боево мѣстечко Могилевской губерніи, Оршанскаго повѣта."

305. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 56: Придоша Свѣи и Емь, и Сумь и Дидманъ. Дидманъ, по вѣроятнѣйшей догадкѣ Арцыбашева (II, прим. 175), былъ извѣстный Датскій вассалъ; сомнительно, были ли здѣсь Свѣи.—О посольствѣ Александра въ Норвегію, см. Torfaei, Hist. Norveg. IV, 265.

306. Russof., p. 20.

307. Татищ. IV, 32.

308. Переяславль Залѣсскій былъ удѣломъ отца его Ярослава, и потому, по новому порядку вещей, переходитъ постоянно къ старшему по нисходящей линіи; вотъ почему онъ достался старшему сыну Ярослава—Александру, потомъ старшему сыну послѣдняго Димитрію, наконецъ сыну Димитрія—Ивану, съ которымъ пресѣклась старшая линія Ярославова рода. Что Невскій былъ княземъ Переяславля Залѣсскаго, см. Никон. III, 13: размолвиша Новгородцы съ Александромъ Ярославвичемъ, и отыде Александръ скоро къ отцу своему и мало пребывъ у отца и иде въ Переяславль на княженіе, иже на Клещинѣ озерѣ; стр. 14: Новгородцы послаша съ челобитьемъ къ в. князю просяще у него сына его князя Александра, иже въ Переяславлѣ на Клещинѣ озерѣ. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 53: Выиде князь Олександръ изъ Новгорода къ отцу въ Переяславль.

309. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 58.

310. Тамъ же, стр. 62.

311. Собр. Гос. грам. и дог. т. I, № 1. На семъ, княже, цѣлуй крестъ ко всему Новгороду, на цѣмъ то цѣловали дѣды и отци.

312. Тамъ же. А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насиліе въ Новгородѣ, а того ся, княже, отступи.

313. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 58. Тогда вбѣгоша въ Пльсковъ 300 Литвы, съ женами и дѣтми, и крести я князь Святославъ.

314. Воскрес. II, 243.

315. И идоша въ Голино. Село Новгородскаго уѣзда на лѣвомъ берегу у устья Шелони. Арцыб.

316. По Никон. (III, 53) митрополитъ грозился въ случаѣ непослушанія наложить на Новгородъ запрещеніе.

317. Татищ. IV, 45.

318. Тамъ же, стр. 46.

319. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 179. Доброславъ же вокняжился бѣ и Судьичь, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и въшедъ во Бакоту все понизье прія.—Я считаю здѣсь „и" вставленнымъ ошибкою: Доброславъ Судьичъ былъ одно лице, ибо во всей послѣдующей рѣчи говорится только объ немъ да Григорьѣ Васильевичѣ.

320. Бакота находилась на лѣвомъ берегу Днѣстра, ниже Хотина, Арцыб. II, прим. 15.

321. Городъ Коломыя находился близь сѣвернаго берега рѣки Прута.

322. Въ Ипатьев. спискѣ назначенъ 1249 годъ для этого событія; въ другихъ спискахъ неопредѣленно сказано: „потомъ же"; что 1249 годъ означенъ неправильно, видно изъ извѣстія о помощи Конрада Мазовецкаго Даніилу, а Конрадъ умеръ въ 1247 году.—О дальнѣйшей судьбѣ Ростислава Михаиловича на чужбинѣ см. статью Палацкаго: о Русскомъ князѣ Ростиславѣ (Чтенія Москов. Истор. Общ. № 3, годъ 1846) и Палаузова: Ростиславъ Михайловичъ, князь Мачвы (Журн. Мин. Нар. Прос. 1851 г. Августъ).

323. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 181: „Не дамъ полуотчины своей, но ѣду къ Батыеви самъ".—Что за смыслъ этихъ словъ? онъ можетъ объясниться только изъ смысла требованія Татарскаго: „дай Галичъ". Хотѣли ли Татары только дани съ Галича, или требовали себѣ всей земли въ полное, непосредственное владѣніе? Въ послѣднемъ случаѣ Даніилъ могъ сказать: „Не уступлю полъ отчины моей, не уступлю Галича, не ограничусь одною Волынью, лучше поѣду къ Батыю, умолю его оставить за мною всѣ мои волости".

324. Папскія посланія см. въ Historica Russiae Monumenta, t. I, LXII—XCV. Плано-Карпини разсказываетъ, что на Волыни у князя Василька онъ читалъ русскимъ епископамъ папскія грамоты, и увѣщевалъ обратиться къ Римской церкви, но что они не могли дать рѣшительнаго отвѣта, ибо князя Даніила не было тогда въ Руси.

325. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 194, 195.

326. Плано-Карпини, стр. 737: Antequam in Kioviam veniremus, in D a n i l o v e usque ad mortem fuimus infirmati.

327. Не тутъ ли, гдѣ Стожитскій монастырь, Дубненскаго повѣта? спрашиваетъ Арцыбаш. II, примѣч. 232.

328. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 188.

329. Впрочемъ есть извѣстіе, что Миндовгъ еще прежде принялъ православіе, Густин. лѣтоп., стр. 341. Подъ годомъ 1246: Въ сіе лѣто в. князь литовскій Миндовгъ пріятъ вѣру христіанскую отъ востока, со многими своими бояры.

330. Historica Russiae Monumenta, I, № LXXXII.

331. Тамъ же, № LXXXIII.

332. Тамъ же, № LXXXIV.

333. Тамъ же, № LXXXV.

334. Полн. Собр. Русск. Лѣт, II, 201: Тевтивилъ полоцкій братъ Треняты, а послѣдній называется сестричичемъ Миндовговымъ; тогда какъ прежній Тевтивилъ называется сыновцемъ его. Тамъ же, стр. 187. О литовскихъ полоцкихъ князьяхъ см. Грамоты, касающ. до сношеній сѣверозападн. Россіи съ Ригою, № 11.

335. Мѣстечко Нобелъ Пинскаго уѣзда Минской губерніи.

336. Арцыбашевъ (II, прим. 101) думаетъ, что это жители Растенбургскаго округа въ старой Пруссіи, гдѣ городъ Бартенштейнъ.

337. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 192: И приде къ нему Романъ, со всѣми Новгородци и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со Изяславомъ со Вислочьскымъ. Свислочь—Минской губерніи Игуменскаго уѣзда.

338. Roepell's Geschichte Polens, t. I, zweites Buch. V стр.

339. Подъ 1251 годомъ читаемъ: И посемъ пойде Бурапда вборзѣ къ Люблину, отъ Люблина же пойде къ Завихвосту. И придоша къ рѣцѣ къ Вислѣ и ту изнайдоша собѣ бродъ у Вислѣ, и пойдоша на ону страну рѣкы и начаша воевати землю Лядскую.—Слѣд. Лядская земля начинадась за Вислою.—Подъ 1301 годомъ, въ Волынск. лѣтописи прямо сказано: Люблинъ Ляхи отшукали отъ Руси; былъ Люблинъ подъ Русью 57 лѣтъ. Но съ другой стороны, въ грамотахъ князей краковскихъ и сендомирскихъ встрѣчаемъ извѣстія о люблинскихъ кастелянахъ въ означенные 57 лѣтъ (Roeppel, стр. 524); въ Волынской лѣтописи также есть указанія, что Люблинъ не былъ въ Русскихъ владѣніяхъ, подъ годомъ 1282, 1287.

340. Histor. Russiae Monum. II, № V.

341. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 196.—Зубрицкаго—Исторія Галицкой Руси, въ перев. О. Бодянскаго, стр. 153 и слѣд.

342. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 201; Narbutt—Dzièje narodu Litewskiego, t. IV, p. 239. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Войшелгъ назывался

въ иночествѣ Давидомъ; Довмонтъ Псковскій былъ родной ему братъ. См. Сборникъ Сѵнодал. Библіот. № 850.

343. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 181; V, 185.—Plano-Carpini p. 621.

344. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 198. Романъ брянскій считается сыномъ Михаиловымъ; другіе сыновья его указываются: Мстиславъ въ Корачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торусѣ.

345. Карамзинъ IV, примѣч. 62.

346. Стр. 623. Andreas dux de Cherneglove quod est in Russia, fuit apud Bati accusatus quod educeret equos Tartarorum de terra et venderet alias: et cum tamen non esset probatum, fuit occisus. Quod audiens junior frater ejus, venit cum uxore occisi ad ducem praedictum Bati, volentes supplicare ne terra tolleretur eisdem: qui dixit puero quod uxorem fratris carnalis praedicti duceret in uxorem, et mulieri praecepit ducere illum in virum secundum consuetudinem Tartarorum, qui respondit dicens quod prius vellet occidi quam facere contra legem; at ille nihilominus tradidit eam illi, quamvis ambo renuerent quantum possent, et duxerunt eos ambos in lecto, et posuerunt puerum super illam clamantem et plorantem, et coegerunt eos pariter commisceri.

347. Догадка Карамзина.

348. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 64. Иначе Никон. III, 73: Того же лѣта иде князь Димитрей Александровичъ иззаморья къ Переяславлю; а въ Копорье бяша бояре его и слуги и вся казна его и весь бытъ его, и изыде изъ Пскова зять его Дамантъ псковскій и взя изъ Копорьи всю казну тестя своего; а бояръ его и слугъ его изведе изъ Копорьи, и отосла ихъ ко тестю своему къ В. К. Дмитрею Алекс. И шедъ взя Ладогу, въ ней бѣ мноли людіе В. К. Дм. Ал. Онъ же изведъ ихъ такожъ отосла ко тестю своему.

349. Татищ. VI, 58.

350. Татищ. VI, 68.

351. Арцыбашевъ (II, прим. 496) упрекаетъ Карамзина въ голословіи; но мнѣніе Карамзина имѣетъ за себя всѣ вѣроятности, и основывается на мѣстѣ лѣтописи (Никон. III, 92). — Карамзина (IV, прим. 172) соблазняетъ свидѣтельство лѣтописи, что Андрей пошелъ въ Городецъ: но куда же ему было идти, когда онъ жилъ въ Городцѣ, и будучи в. княземъ владимирскимъ, какъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василій въ Костромѣ, Димитрій въ Переяславлѣ, Михаилъ въ Твери, Калита въ Москвѣ.

352. Странно, впрочемъ, что послѣ Переяславль считался не въ числѣ городовъ московскихъ, но владимирскихъ. См. духовныя кн. московскихъ въ 1-мъ томѣ Собр. Гос. гр. и дог. также Никон. III, 219.

353. Карамз. IV, примѣч. 191.

354. Никон. III, 98: Въ Воскресен. (II, 272) и Лавр. (209) прибавлено, что Юрій при осадѣ Рязани много Татаръ избилъ, почему и полагаютъ здѣсь первую побѣду Русскихъ надъ Татарами; но во 1) избить еще не значитъ побѣдить: Александръ тверской также избилъ дружину Шевкала, однако никто не признаетъ это побѣдою; во 2) мы уже видѣли, что еще Димитрій Александровичъ заставилъ бѣжать татарскаго царевича, призваннаго Андреемъ.

355. Собр. Гос. грам. и дог. I, № 4 и 5.

356. Съ польскими источниками, приводимыми Рёппелемъ (стр. 526) согласна и волынская лѣтопись (стр. 208): бояре же Лядскіи избраша собѣ одного отъ нихъ, Лестька, и посадиша и Краковѣ на столѣ Болеславли.

357. Каменецъ—мѣстечко Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, на рѣкѣ Льснѣ; какой же Каменецъ упоминается выше, около котораго воевала Литва?

358. Любомль, мѣстечко при западномъ Бугѣ, почти между Хелмомъ и Ковлемъ.

359. Недалеко отъ Августова, въ царствѣ Польскомъ.

360. Мѣстечко при Бугѣ повыше Дрогичина.

361. Ср. Томъ II-й нашей Исторіи, стр. 335; значитъ для причитаній была одна общая форма.

362. Есть Бяла недалеко отъ Бреста на западъ; есть Бѣльскъ выше.

363. По Густин. лѣт. Русь воевала подъ начальствомъ Петра Галки, но была разбита подъ Люблиномъ.

364. Въ лѣтописи сохранилось еще слѣдующее извѣстіе объ участіи Русскихъ князей въ польскихъ дѣлахъ — подъ годомъ 1289: пріѣхалъ бяшетъ Конратъ князь Сомовитовичь къ Мьстиславу, прося себѣ помочи на Ляхы, поити хотя на княженіе судимирьское; Мьстиславъ же обѣща ему, а Кондрата одари и бояры его вси и отпусти, рекъ ему: ты поѣдь, а я по тоби пошлю рать свою. Кондратови же поѣхавшу, Мьстиславъ же совокупи рать свою, посла ю нарекъ Чудина воеводу: и тако сѣде Кондратъ князь въ Судомирѣ княземъ Мьстиславомъ и его помочью.

365. Степань мѣстечко на лѣвомъ берегу Горыни выше Домбровицы.

366. Воргolъ, рѣка Орловской губерніи, впадающая въ Сосну:Ворголъ (по Карамз.) село Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда.—Ворголъ Елецкій будетъ далеко отъ Рыльска; не Вольговскій ли (Льговъ-Вольговъ—естественно)?— Вмѣсто Липецкій у Татищева поставлено сперва Ливецкій; быть-можетъ и здѣсь надобно разумѣть Ливны Орловскіе вмѣсто Липецка Тамбовскаго.

367. Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 207: Ему же по старѣйшиньству пошелъ бяше степень княженія великаго.

368. Чего всхочеши изъ отчины вашея, то ти дасть.—По всѣмъ вѣроятностямъ, дѣло шло о Переяславлѣ.

369. Акинфъ Ботринъ у Татищева (IV, 84).

370. Карамз. IV, примѣч. 325.

371. Татищ. IV, стр. 86.

372. Арцыбашевъ II, 72 говоритъ: „можетъ быть чтобъ перехватить его (Юрія) на дорогѣ въ Орду".—Но нѣтъ никакого повода думать, чтобъ Юрій ѣздилъ въ это время въ Орду: объ этомъ происшествіи лѣтописецъ, по обычаю, сказалъ бы непремѣнно. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: „И не благослови его митрополитъ столомъ въ Володимери, и стоялъ три недѣли и възвратися въ своялси".

373. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 6.

374. Эти грамоты напечатаны въ Собр. Гос. гр. и дог. т. I, подъ № 9, 10 и 11-мъ; онѣ относятся ко времени, слѣдующему тотчасъ послѣ перваго вступленія Михаилова на столъ новгородскій, т.-е. къ 1308 году, ибо къ нимъ привѣшаны печати архіепископа Ѳеоктиста, а Ѳеоктистъ отказался отъ архіепископства въ 1308 году. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 68). Посадникъ въ нихъ означенъ Гюрги, вѣроятно старый Юрій Мишиничъ, о новомъ избраніи котораго хотя и нѣтъ извѣстія въ лѣтописи, но на лѣтопись въ этомъ случаѣ положиться нельзя, ибо въ ней нѣтъ о смѣнѣ Юрія Мишинича въ 1293 году, нѣтъ о смѣнѣ послѣдняго Семеномъ, и есть только о смѣнѣ Семена Андреемъ въ 1303 году: въ 1309 году сказано: „Даша посадничество Михаилу Павшиничу", но не сказано: у кого оно было отнято, слѣд. имѣемъ право между Андреемъ и Михаиломъ, помѣстить снова Юрія Мишинича.

375. Карамз. IV, прим. 219.

376. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 71: пять темъ гривенъ серебр.

377. Никон. III, 110.

378. Этотъ договоръ я читаю въ грамотѣ, напечатанной въ С. Г. Г. и Д. подъ № 12 и утвержденной въ Новгородѣ и Твери.—Карамзинъ (IV, примѣч. 221) думалъ, что эта грамота утверждена въ Торжкѣ, и по ней поправлялъ противорѣчивыя показанія лѣтописей относительно суммы окупа; но онъ не обратилъ вниманія на окончаніе грамоты, имъ самимъ выписанное: здѣсь прямо говорится, что в. князь долженъ изрѣзать прежнюю грамоту, написанную въ Торжкѣ вмѣстѣ съ тою, которая написана была въ Городцѣ на Волгѣ.—Далѣе Карамзинъ говоритъ: „Грамота же писанная въ Городкѣ на Волгѣ (нынѣ Городня близъ Твери) содержала въ себѣ, чаятельно, договоръ архіепископа Давида, заключенный имъ съ в. княземъ въ 1312".—Но въ лѣтописи сказано, что владыка ходилъ для заключенія этого договора въ Тверь.—Мы думаемъ, что эта грамота утверждена была Новгородцами съ княземъ

Димитріемъ Михайловичемъ, когда они сошлись съ нимъ на Волгѣ, въ 1314 году.

379. Никон. III, 171; здѣсь же находимъ извѣстіе, что Новгородцы съ княземъ Аѳанасіемъ Даниловичемъ ходили въ Торжокъ и потерпѣли опять здѣсь пораженіе отъ Михаила.

380. „Ста въ Устьянѣхъ." — Устьянскій погостъ Деревской пятины Щелковскаго стана, въ 50 верстахъ отъ Новгорода.—Арцыб. II, прим. 547.—У Татищева (IV, 96) вмѣсто на Устьянѣхъ—н а у с т ь Ц н ы. По Никонов. ратники заблудились идя къ Новгороду, зашли на р. Ловать, и тамъ начали терпѣть бѣдствія.

381. Татищ. IV, 96.

382. Никон. III, 112.

383. Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 208.

384. Собр. Гос. гр. т. I, № 14.

385. Значитъ не всѣхъ отроковъ отогнали.

386. 22 ноября въ среду, въ седьмомъ часу дня.

387. Теперь городище на рѣкѣ Кумѣ, Кавказской губерніи, Георгіевскаго уѣзда.

388. Татищ. IV, III.—О Кавгадыѣ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 214: Смерть же грѣшниковъ люта, еже бысть безаконному и проклятому Кавгодыю и не пробывъ убо ни единаго лѣта и злѣ изверже окаянный животъ свой.

389. Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда.

390. Никон. III, 43.

391. Никон. III, 67.

392. Никон. III, 105.

393. Тамъ же, IV, 8.

394. Карамзин. IV, примѣч. 209.

395. Собр. Гос. гр. и дог. II, № 141.

396. Никон. III, 127: и Ярославль взяша и с о ж г о ш а. Не Солигаличь ли?

397. Книга Больш. Черт.: на усть рѣки Узервы на острову городъ Корела.

398. Мѣста здѣсь означенныя спорныя: по однимъ Ванай близъ Тавастгуса гдѣ теперь приходъ Ваная, Купецкая рѣка—Кумо, Черная Нокія; по другимъ Купецкая рѣка есть заливъ Пойо, Черная Карисъ.—Рѣка Перво въ Кименегородской губерніи; Кавгалу принимаютъ за Борго, отдѣляющую Кименегородскую губернію отъ Тавастгусской. См. Карамз. IV, примѣч. 214; Арцыбаш. II, прим. 528—533. Lehrberg—Untersuchungen, стр. 232.

399. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III. 72; Арцыб. II, прим. 558, 559. Буткова—Три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами,

въ Журн. Мин. Вн. Д. 1837 г., ч. 23.—Неволина—О пятинахъ Новгор., въ Записк. Геогр. Общ. кн. VIII; Antiquités Russes, t. II.

400. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 183: Бысть Псковичемъ немирье со владыкою Θеоктистомъ и съ Новгородцы.

401. Тамъ же, стр. 184.

402. См. изслѣдованіе г. Григорьева: О достовѣрности Ярлыковъ, данныхъ русскому духовенству, стр. 59.

403. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи Александръ говоритъ тѣ же самыя слова, какія древній лѣтописецъ заставляетъ говорить Ярослава стараго передъ битвою съ Святополкомъ: „Не азъ почахъ избивати, но онъ и да будетъ отмѣстникъ Богъ крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрія, зане пролъяша кровь праведную, егда мнѣ сеже створить?“ Еслибы Александръ дѣйствительно говорилъ что-нибудь подобное, то этимъ указалъ бы намъ главную причину возстанія, а въ вопросѣ: „егда мнѣ сеже створить?“ видѣли бы мы только опасеніе, и нисколько не убѣжденіе въ справедливости слуховъ о татарскихъ замыслахъ.

404. Карамзинъ говоритъ при этомъ: „Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые вельможи завидовали.“—Догадка эта очень основательна; это явленіе объясняется мѣстничествомъ: новые бояре Александровы заѣхали старыхъ тверскихъ.

405. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 79: Никон. III, 164; Татищ. IV, 136; по Никон. нѣцыи клеветаша; по Татищ. оклеветали его нѣмецкіе и литовскіе вельможи, которымъ Александръ не могъ исполнить прежнихъ обязательствъ. Но извѣстіе кажется намъ позднѣйшимъ объясненіемъ дѣла.

406. Никон. III, 167.

407. Тамъ же, IV, 204.

408. Хотя въ Никонов. лѣтоп. подъ 1340 годомъ упоминается опять въ живыхъ умершій Константинъ Борисовичъ.

409. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 15.

410. Никон. III, 160: что ему (Нариманту) рекли въ Литвѣ идуще къ Θеоктисту митрополиту и слово право дали.

411. Толдожскій погостъ между Ямою и Копорьемъ, во 160 верстахъ отъ Новгорода. Арцыбаш. II, примѣч. 652.—О договорѣ съ Норвежцами см. Бюшинговъ Магазинъ, III. 177. Карамз. IV, прим. 310, 311.

412. Рясно или Рясна, мѣстечко Могилевской губерніи, Чаускаго уѣзда, Осѣченъ находимъ подлѣ Рясны. Арцыб. II, прим. 642.

413. Никон. III, 141.

414. Опис. Румянц. Музея, № CCCLVIII.

415. Калитою онъ названъ потому, что носилъ мѣшокъ (калиту) съ деньгами, которыя раздавалъ нищимъ.

216. Собр. Гос. гр. и дог. т. I. № 21 и 22.

417. Калита купилъ Угличъ, Бѣлоозеро и Галичъ; но ни въ духовной самого Іоанна, ни въ духовныхъ сыновей его эти прикупы не упоминаются, и только уже Димитрій Донской говоритъ о нихъ, какъ о куплѣ дѣда своего.—Карамзинъ (IV, гл. IX) дѣлаетъ предположеніе, что эти прикупы принадлежали не къ Москвѣ, но къ великому княженію владимирскому. Но какъ могъ Калита прикупать къ великому княженію, которое вовсе не принадлежало въ собственность его роду, и по смерти его могло перейти къ князю тверскому или нижегородскому? Это значило бы обогащать другихъ князей на свой счетъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что Калита купилъ эти города у князей, но оставилъ еще имъ нѣкоторыя права владѣтельныхъ, подчиненныхъ однако князю московскому, а при Димитріи Донскомъ они были лишены этихъ правъ.

418. Карамз. IV, прим. 268, 276.

419. Cum nostris Baronibus, nec non commilitaribus, или: nos una cum dilectis et fidelibus, nostris Baronibus militibusque.

420. Annales Olivienses, Dlugosz, Miechovita, Bielski, Kromer.

421. Хроника Быховца, Стрыйковскій.

422. Такъ какъ выгодно было измѣнить послѣ первое преданіе въ пользу Гедимина и его сильнаго потомства, то мы соглашаемся вѣрить болѣе этому первому преданію. Нарбутъ (Dzieje narod. Litew. t. IV, p. 455) старается подтверждать второе преданіе или мнѣніе письмомъ Гедимина къ папѣ Іоанну XXII: „Ista enim, pater reverende, vobis scripsimus, ut sciatis, quare p r o g e n i t o r e s n o s t r i in errore infidelitatis et incredulitatis decesserunt“—Нарбутъ находитъ здѣсь доказательство, что Гедиминъ происходитъ отъ Витенеса; но можно понимать p r o g e n i t o r e s nostri такъ, что Гедиминъ, отъ лица всѣхъ Литовцевъ говоритъ о своихъ отцахъ. И въ этомъ же письмѣ находимъ ясное доказательство противнаго: Гедиминъ называетъ Витенеса только предшественникомъ своимъ (praedecessor), а не отцомъ.

423. Narbut IV, p. 486; Густин. лѣтоп., стр. 348.

424. Лѣтописецъ Даниловича, стр. 27.

425. Но мы видѣли, что во Владимирѣ еще въ 1335 году былъ особый князь Юрій Андреевичъ.

426. Карамзинъ считаетъ этого Ѳедора княземъ россійскимъ; но для этого нѣтъ никакого основанія. Стадницкій (Synowie Gedymina, II, 25) старается такъ представить дѣло: „Гедиминъ началъ войну съ двумя князьями, господствовавшими на Руси Червонной и на Волыни. Занявши Брестъ и Пинскую область, двинулся дальше въ глубь Волыни и поразилъ обоихъ князей, причемъ старшій Андрей (Владиміръ лѣтопи-

си) лишился жизни. Но побѣда не была такъ рѣшительна, какъ ее представляетъ лѣтописецъ: это видно уже и изъ того, что Гедиминъ не занялъ Руси Червонной. Умершій Андрей имѣлъ сына Юрія, съ которымъ должно было войти въ договоры. Этотъ Юрій до смерти своей владѣлъ Русью Червонною и Владимирскимъ княжествомъ. Дядя его, Левъ, князь луцкій, имѣлъ только дочь, которую выдалъ за Любарта, сына Гедиминова. Кіево-Печерская рукопись XVI вѣка говоритъ, что Гедиминъ въ 1333 году пошелъ на князя кіевскаго Станислава, разбилъ его русско-татарское войско на рѣкѣ Ирпени, и, выгнавши Татаръ, подчинилъ себѣ Кіевъ. По литовской лѣтописи, Левъ луцкій, тесть Любарта, поспѣшилъ на помощь кіевскому собрату, и нашелъ смерть въ битвѣ."

427. Лѣтопись Даниловича, стр. 27. Стадницкій не безъ основанія думаетъ, что Монвидъ былъ князь керновскій, а не корачевскій.

428. Никон. III, 182.

429. Dlugossi Histor. Polon lib. IX, p. 1163. Et cmethonibus colonisque, ut a militaribus et Nobilibus non fierent oppressiones et injuriae: quo factum est, ut cmethones et coloni, sub militaribus Nobilibus degentes, quotiescumque per suos dominos et haeredes gravabantur, toties ad illum habebant fidum responsum atque recursum, ipseque pro illis et eorum injuriis, effectualem oppositionem severe et rigide interponebat, ut nemo, quantumcumque magnus, potens et dives auderet in suos esse cmethones violentus, gravis et injurius, rege Casimiro, unumquemque pro sua factione, excessu, aut demerito digna mulcta coercente. Ob quam rem asperius (ut militaribus apparebat) in eos practicatam, sugillationem vitare non potuit, quin Rusticorum Rex a Nobilibus et militaribus vocitaretur... Tantae sane justitiae cultu et moderamine in omnes, tam nobiles quam agrestes, propensus, ut colonis propriis dominos et haeredes iniquitatem et injuriam inferre prohibuerit ipsosque juxta ac peculiares tutatus est, homini de haerede suo querenti, monens ut ignili mercato et silice in campo reperto (si aliter non daretur) incendio se ultum iret, illum tradebat. Eaque licentia multorum hominum militarium, fortunas subjectorum expilantium, aut illos gravantium refrenavit.

430. Никонов. списокъ считаетъ Василія брянскаго сыномъ Александра Глѣбовича смоленскаго, дядю его Святослава Глѣбовичемъ, который былъ лишенъ можайскаго княжества и взятъ въ плѣнъ Юріемъ московскимъ; Карамзинъ (IV, прим. 242) обвиняя (голословно) Никон. въ смѣшеніи разныхъ князей, говоритъ, что Василій могъ быть внукомъ прежде упомянутаго брянскаго князя Романа. Димитрій брянскій по родословнымъ считается также Александровичемъ смоленскимъ, слѣд. братомъ Василія.

431. Татищ. IV, 346.

432. Никон. III, 195: князь великій Семенъ Ивановичъ съ братьею со княземъ Иваномъ и Андреемъ, и прочими князи собравше силу многу идоша ратью къ Смоленску. И дошедшимъ имъ Вышегорода на Поротви (между Вереею и Боровскомъ, Арцыб. II, 743), и ту пріидоша къ нему послы отъ в. князя литовскаго Олгерда Гедиминовича со многими дары о миру; онъ же не оставя слова Олгердова миръ взя и послы отпусти съ миромъ, а самъ подвижесь еще ко Угри, хотя ити къ Смоленску, и ту пріидоша къ нему послы смоленскія. Онъ же стоявъ на Угри осмь дней, и своя послы посла въ Смоленскъ, и взя миръ возвратился къ Москвѣ.—Нѣтъ никакого основанія соединять приходъ пословъ Олгердовыхъ съ смоленскими дѣлами и думать, что Олгердъ присылалъ ходатайствовать о мирѣ съ Смоленскомъ; литовскіе послы приходили за миромъ для своего князя, получили миръ, послѣ чего Симеонъ продолжалъ походъ къ Смоленску и заключилъ съ послѣднимъ миръ на Угрѣ.

433. Татищ. IV, 147: князь же великій рече имъ: аще хощутъ милости и мира отъ меня, да пріидутъ предъ мя посадники и тысяцкій боси, просятъ при всихъ князѣхъ на колѣняхъ и проч.

434. См. нашей Исторіи т. I, примѣч. 317.

435. Подъ 1340 годомъ упоминается Матвѣй Варѳоломѣевичъ, посланный въ Торжокъ дѣйствовать тамъ противъ в. князя; отечество показываетъ, какъ будто бы онъ былъ дядя Онисифору.

436. Никонъ III, 184: И нача имати бояръ ихъ слуги въ серебрѣ заволости, чрезъ людцкую силу.

437. Никон. III, 178: а князь Ярославъ Пронскій сяде во градѣ Ростиславлѣ рязанскомъ.—Погостъ Рощисловъ или Ратисловъ, см. Арц. II прим. 705.

438. Никон. III, 174; у Татищева (IV, 165) въ такихъ же выраженіяхъ говорится и о Симеонѣ московскомъ.

439. Никон. III, 174; тамъ же: „Того же лѣта взяша Литва Тишиновъ и со многимъ полономъ возвратишася восвояси."

440. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 84.

441. Въ лѣто 6849, мѣсяца сентября въ 9 убиша Нѣмцы въ Латыгорѣ, на селѣ на Опочнѣ, псковскихъ пословъ пять мужъ Михаля Любиновича, Власія Колотиловича, Аноима Полутарановича, на миру; и Псковичи, ѣхавше, повоеваше Латыгору о князѣ Александрѣ о Всеволодовичѣ (неизвѣстномъ), мѣсяца декабря въ 21, тогда бяшеть ему въ Псковѣ на княженіи. И князь Александръ учинивъ розратье съ Нѣмци, розгнѣвася на Псковичь и побѣже изъ Пскова, и Псковичи ѣхаше по немъ съ поклопомъ до св. Пантелеймона и потомъ послаша Псковичи послове съ поклономъ и до Новгорода, и биша ему челомъ много (князю), и неворотишася (т. е. не воротися) и отречеся Псковичемъ. По-

ставиша новый городокъ (Нейгаузенъ) на рѣкѣ на Пивжѣ (Пимжѣ), и Псковичи въ то же время, коли Нѣмцы городокъ ставили, ѣхавше за Норову въ малѣ дружинѣ, взяша посадъ у Ругодива (Нарвы).... И тое весны поѣхавше въ лодьяхъ воевать, о Ильѣ о посадникѣ, въ рѣку О..., и повоевавше село нѣмецкое по обѣ стороны Омовжѣ до городка до Могилева. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 186, 187.—Амовжа-Эмбахъ.

442. Село Порѣчье въ Псковскомъ уѣздѣ.

443. Городъ Островъ Псковской губерніи.

444. Никон. III, 177. Эти слова вполнѣ очерчиваютъ характеръ литовскаго князя.

445. Подробности въ Псковской лѣтописи: „И Юрей князь подъимъ Псковичь, и пріѣхавше къ Изборску и подъяша Изборянъ съ собою, и поѣхаша на сумежье языка добывать, и срѣтошася съ великою ратью съ нѣмецкою на Мекужизкомъ полѣ, у Мекужицѣ у рѣчки.... оступиша городъ Изборескъ.... А Олигердъ князь и братъ его Кестуитъ повелѣ своимъ Литовникомъ и Видбяномъ и Псковичемъ, бродитися за Великую рѣку, не вѣдаючи подъ Изборскомъ рати; и они перебродившеся сташе стаями на камнѣ. А князь Олигердъ посла своихъ людей 60 сторожу передъ полкомъ, и они ѣхавши языкъ яша за Холохолномъ и приведоша ко князю Олигерду; и онъ повѣда силу велику нѣмецкія рати подъ городомъ Изборскимъ. И князь Олигердъ и братъ его Кестуитъ осташася взади съ своими Литовниками и съ мужи Псковичи, въ малѣ дружинѣ, и поѣхаше въ Грамское болото и нача перепытывати нѣмецкіе рати. А Любко князь, сынъ Воипевъ полоцкаго князя, самъ другъ отъѣхаша отъ князя Олигерда и въѣхавше въ сторожевый полкъ нѣмецкій, не вѣдающу ему сторожеваго полка, и тако его убиша самодруга. —Теперь въ Псковскомъ уѣздѣ есть деревня Халахальня.

446. Обчины всѣ попечатавъ. Думаемъ, что здѣсь подъ именемъ о б ч и н ъ должно разумѣть все общественное, казенное: зданіе, архивъ, деньги.

447. Псковскаго уѣзда.

448. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 189: Поѣхаше воевати земли нѣмецкія о князѣ Иванѣ, и о Изборскомъ князѣ Остафье о посадникѣ Володшѣ.... А Нѣмци. скопивше силу, надгониша Псковичи за 2 поприща не доѣхавши Новаго Городка Углецкаго, на Маломъ Борку, на тѣсни.

449. Gejer-Geschichte Schwedens, I, 185.

450. Любопытны различія: въ новгород. лѣтоп. „медливъ же князь долго;" въ Соф. вр. „медливъ же князь великый не много."

451. Ситенскій погостъ во 120 верстахъ отъ Новгорода.

452. Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 226.

453. Никон. III, 189.

454. Полн. Собр. Лѣт. V, 227. Карамз. IV, пр. 348.

455. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23. Годъ здѣсь 1341 выставленъ издателями произвольно; нѣтъ достаточныхъ причинъ полагать, чтобъ договоръ былъ написанъ тотчасъ по смерти Калиты.

456. Подробности см. ниже въ IV томѣ.

457. Кажется у Симеона остался малолѣтній сынъ, который скоро умеръ; это видно изъ слѣдующихъ словъ завѣщанія: „Приказываю своей братьи свою княгиню и своего....;“ если только это: своего, не относится къ дядѣ Василью, о которомъ сказано прежде: „даю рядъ своей княгини: велѣлъ есмь у нее быти своему дяди Василью.“

458. Карамзинъ (IV, примѣч. 302) упоминаетъ о лѣтописи въ Син. библіот. XV вѣка (№ 349), гдѣ говорится, что Узбекъ подѣлилъ между Александромъ Васильевичемъ суздальскимъ и Калитою, причемъ Владимиръ достался первому, и уже по смерти его перешелъ къ московскому князю.—Но это извѣстіе съ царемъ Албугомъ и съ поэтическимъ разсказомъ о колоколѣ, не заслуживаетъ большаго вниманія.

459. См. духовную в. князя Іоанна въ С. г. г. и д. I, 26: А что ся мнѣ достали мѣста Рязаньская на сей сторонѣ Оки, и съ тыхъ мѣстъ далъ есмь князю Володимиру въ Лопастны мѣста, новый городокъ на усть Поротли, а иныя мѣста Рязаньская отъмѣньная сыну моему князю Димитрію и Ивану подѣлятся на полы безъ обиды.“

460. Пріѣхавъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Ѳедоровичъ, прозвище ему было Половой, и былъ въ Твери бояринъ, у Бориса сынъ Ѳедоръ и тамъ во Твери бояринъ же былъ, у Ѳедора сынъ Михайло Шетенъ, а во Твери былъ Тысяцкой; у Михайла сынъ Константинъ Шетневъ, а во Твери былъ Тысяцкой же. А у Константина дѣтей: Иванъ Шетневъ, тотъ былъ во Твери Тысяцкой же. (Москвит. 1843 г. № 1).

461. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23; на тождество Алексѣя Петровича Тысяцкаго съ бояриномъ Гордаго указалъ еще князь Щербатовъ въ своей Исторіи.

462 Никонов. III, 207, 209: Убіеніе же его страшно и незнаемо и невѣдомо отъ кого же; точію обрѣтеся убіенъ лежа на площади егда заутреню благовѣстятъ. И нѣцыи глаголютъ о немъ, яко совѣтъ сей сотворися, или отъ бояръ, или отъ иныхъ втайнѣ. И тако убіенъ бысть, якоже князь великій Андрей Боголюбскій отъ Кучковичевъ. Троицкая лѣтопись (у Карамз. IV, пр. 381): Нѣціи же рѣкоша, яко втаю свѣтъ створиша и ковы коваша навь и тако всѣхъ общею думою, да якоже Андрей Боголюбивый отъ Кучковичь, тако и сій отъ своей дружины пострада.

463. Подъ слѣдующимъ 1360 годомъ: поиде Алексѣй на поставленіе во Володимерь; а съ нимъ бояръ 6ь Новгородскихъ, Александръ по-

саднпкъ, Юрьи Ивановъ.—Но быть можетъ здѣсь разумѣется старый посадникъ, какимъ и былъ дѣйствительно Александръ, братъ Дворянинца.

464. Никон. III, 207: Сижскаго сынъ Иванъ седе съ Литвою во Ржевѣ (теперь городъ Тверской губерніи).

465. Кто былъ этотъ Василій? По родословнымъ онъ могъ быть сыномъ Ивана Алексадровича смоленскаго, братомъ Святослава; у этого Василія означенъ сынъ Иванъ. Но онъ могъ быть также и Василіемъ Александровичемъ, о которомъ см. выше, примѣч. 431.

466. Никон. III, 213. Не Бѣлую ли?

467. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 191.—Въ оба похода Псковичами предводительствовалъ князь Евстаѳій. Подъ 1357 годомъ: Пріѣхаше князь Василей Будиволна на княженіе во Псковъ.

468. Мы видимъ, что Семенъ отказалъ свой участокъ женѣ своей Марьѣ, которая еще была жива, когда Іоаннъ писалъ свое завѣщаніе, и владѣла многими мѣстами въ участкѣ Димитрія, почему и сказано, что по ея смерти всѣ ея владѣнія переходятъ къ Димитрію; но она же, по завѣщанію мужа, должна была владѣть Можайскомъ и Коломною? Стало-быть она уступила ихъ послѣ в. к. Ивану. Въ завѣщаніи послѣдняго упоминается еще о какой-то княгинѣ Ульянѣ, послѣ которой владѣнія раздѣляются между Димитріемъ, Иваномъ и Владиміромъ, ибо на то была воля Калиты, т.-е. Калита далъ кн. Ульянѣ волости съ тѣмъ, чтобы по ея смерти, они были раздѣлены между его сыновьями, а теперь они должны были дѣлиться между ихъ потомствомъ. Карамзинъ называетъ Ульяну женою Андреевою, что не можетъ быть принято, ибо Андрей женился въ 1348 году (Никон. III, 181), по смерти Калиты, и потому послѣдній не могъ распоряжаться дѣлами невѣстки, которой еще не было.

469. Татищ. IV, 188.

470. Тамъ же, стр. 195.

471. Никон. III, 103.

472. Точками означены слова, стершіяся въ подлинникѣ.

473. Который велъ усобицу съ родичами. Сбивчивыя подробности объ этой усобицѣ собраны у Арцыбаш. II, примѣч. 795, 797.

474. Можно думать, что это Старица, см. Арцыб. II, примѣч. 827.

475. Никон. IV, 19: князь же Михайло Ал. Твер. о томъ велми зжались, и не любезно бысть ему сіе, и негодовавше о семъ. И положи то въ измѣну и въ ненависть подвижесь и размиріе про то нача имѣти къ в. князю Дм. Ив., гнѣвашежеся и жаловавшеся наипаче на митрополита глаголя, колику любовь и вѣру имѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему, и онъ толико мя посрами и поруга.

476. Никон. IV. 21. На стрѣчи уби князя Сем. Дмитр. Стародуб., нарицаемаго Крапиву (сынъ Димитрія Ѳедоровича, племянникъ Ивана), во власти глаголеми Холохалѣ; и потомъ въ Оболенскѣ уби князя Костантина Юрьева сына, внука Михаила Черниговскаго.—Оболенскъ не далеко отъ устья Протвы въ Оку; рѣка Тросна въ Рузскомъ уѣздѣ Москов. губерніи.—Холхолъ находился въ можайской волости, см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 34. Это должно быть нынѣшняя Хохлова въ Гжатскомъ уѣздѣ; см. л. XXIV Спец. Кар. Зап. Росс.

477. Тамъ же, стр. 27. Тогда жъ раненъ бысть князь Василей Ивановичъ Березуйскій у града у Волока; стоящу убо на мосту предъ градомъ, и се внезапу тайно изъ подмостья, сквозѣ мостъ, Литвинъ прободѣ его копіемъ. Онъ же язвенъ зѣло изнѣможе, и въ той часъ постригжеся во иноческій чинъ, и преставися.—Въ родословной сказано только, что родъ князей Ѳоминскихъ и Березуйскихъ отъ князя Константина Березуйскаго.

478. Село Бѣжицы, Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда.

479. У Скорнищева.

480. Никон. IV, 32: Рязанцы убо махающесь вженми и ременьемъ и ужищи, и ничтоже успѣша, но падоша мертвии аки снопы, аки свиньи заклани быша.—Выходитъ, какъ будто Рязанцы въ самомъ дѣлѣ вмѣсто оружія взяли ремни да веревки.—Быть можетъ, рязанскіе ратники въ Скорнищевской битвѣ впервые употребили арканы.

481. Рѣчка Кесма впадаетъ въ Мологу, верстъ около 10 ниже Весьегонска, Тверской губерніи; есть и село Кесма Бѣжецкаго уѣзда. Арцыб. II, примѣч. 852.

482. Село Любудское въ Калужскомъ уѣздѣ.

483. Олегъ, Романъ и Владиміръ Пронскій.

484. И Карамзинъ, и Арцыбашевъ, каждый съ особой стороны, несправедливо заподозриваютъ здѣсь извѣстія Никоновской лѣтописи. Карамзинъ хочетъ положить освобожденіе Ивана гораздо прежде; но какъ могло это случиться, когда до сихъ поръ не было мира между Михаиломъ и Димитріемъ? Арцыбашевъ же не хочетъ допустить извѣстіе о мирѣ, полагая, что миръ былъ заключенъ вмѣстѣ съ Олгердомъ; но въ самомъ договорѣ предположена возможность, что Михаилъ будетъ продолжать непріятельскія дѣйствія, при томъ же заключенъ былъ не миръ, а краткое перемиріе.

485. По словамъ новгородскаго лѣтописца, Михаилъ тверской сталъ просить мира, испугавшись приближенія новгородской рати.

486. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 28.

487. Лѣт. изд. Даниловичемъ, стр. 40.

488. Narbutt V, 277.

489. Лѣтоп. изд. Данилов., стр. 22.

490. Никон. IV, 10: Тогай князь Ордынскій, иже по разрушеніи Ордынскомъ пріиде въ Норучай, и тамо самъ о себѣ княжаше въ Наручавтцкой странѣ. И потомъ восхотѣ воевати Русь.... князь же великій Олегъ.... Постиже его на мѣстѣ, нарицаемомъ подъ Шишевскимъ лѣсомъ на Воинѣ—Наровчатъгородъ Пензенской губерніи, Тагай—городъ Симбирской губерніи.

491. Рѣка Пьяна Нижегородской и Симбирской губерніи, впадающая въ Суру. Никон. III, 37: князь великій Дмитр. Ив. Московск. собрався со всею силою своею и стоялъ у рѣки Оки на березе, и братъ его иже изъ двоюродныхъ князь Володимеръ Оидр. пріиде къ нему изъ Нижняго-Новгорода.—Карамзинъ (V, прим. 31) говоритъ: „Владиміръ Андреевичъ послѣ войны литовской жилъ одно лѣто въ Новѣгородѣ великомъ до іюля мѣсяца, въ слѣдующее занимался строеніемъ Серпухова: когда же могъ простоять все лѣто на берегахъ Оки?"—Но развѣ лѣтопись говоритъ, что Владиміръ Андр. стоялъ все лѣто? Не прямо ли она говоритъ, что онъ пришелъ къ в. князю изъ Новгорода? Вся ошибка здѣсь только въ томъ, что вмѣсто Великаго Новгорода поставленъ Нижній.

492. Арцыбаш. II, прим. 872.

493. Никон. IV, 52: Утешающесь и веселящесь піюще и ковы дѣюще, мняшесь дома суще, аки въ своихъ спротахъ величающесь возносяшеся, забыша смиренныя мудрости, яко Богъ смиреннымъ даетъ благодать, и яко вси есмя Адамовы внуцы.—И доидоша на Шипару (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 73).

494. Тамъ же, стр. 54: И пришедше воеваше землю Мордовскую власти и села и погосты и з и м н и ц ы пограбиша. З и м н и ц ы—должно быть зимнія жилища.

495. Вожа впадаетъ въ Оку съ правой стороны въ Рязанскомъ уѣздѣ.

496. Извѣстіе очень вѣроятно, ибо мы видѣли, что Михаилъ обязался помогать Димитрію въ войнѣ съ Татарами.—Замѣчательно, что не упоминается о князьяхъ нижегородскихъ.

497. Какъ видно, это движеніе въ сторону на западъ нарочно было предпринято для соединенія съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ.

498. Рѣка Красивая Меча Тульской губерніи Ефремовскаго, Богородицкаго и Крапивинскаго уѣздовъ.

499. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75; Никонов. IV, 86. Объ украшенныхъ сказаніяхъ см. ниже, въ IV томѣ нашей Исторіи.

500. Но по нѣкоторымъ извѣстіямъ вдвое меньше: см. Карамз. V, прим. 100.

501. Въ договорѣ Василія Димитріевича съ Олеговымъ сыномъ Өедоромъ говорится о московскихъ воинахъ, возвращавшихся съ Дону и захваченныхъ въ землѣ Рязанской: Собр. Гос. гр. и дог. I, № 36.

502. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 32.

503. Объ этихъ границахъ см. ниже, въ IV томѣ нашей Исторіи.

504. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 27.

505. Тамъ же, № 29.

506. Извѣстіе это находится въ духовномъ завѣщаніи Донскаго: „А которы деревни отоималъ быхъ князь Володимеръ отъ Лыткинскаго села"

507. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 33.

508. Дополн. къ акт. историч. т. I, № 7.

509. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 65: И избиша Двинянъ на Курьи.

510. Карамзинъ относитъ этотъ договоръ къ 1372 году на томъ основаніи, что упомянутые здѣсь посадникъ Юрій и Тысяцкій Елисей упоминаются подъ 1371 годомъ; но они могли исправлять свои должности и въ 1367 году.—„Вслѣдствіе сего условія, говоритъ Карамзинъ, князь Владиміръ Андреевичъ въ 1373 году пріѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ." Но князь Владиміръ пріѣхалъ въ Новгородъ въ первый разъ въ 1368 году, что и заставляетъ насъ отнести упомянутый договоръ къ 1367 году, тѣмъ болѣе, что подъ этимъ годомъ въ лѣтописи именно упоминается о докончаніи мира, объ отправленіи пословъ новгородскихъ въ Москву. См. договоръ въ Актахъ Арх. эксп. I, № 8.

511. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 8.

512. Тамъ же, № 17.—Послѣ Торжковскаго взятія Новгородцы отправили пословъ къ Михаилу съ требованіемъ отпустить безъ окупа захваченныхъ имъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ и вывести намѣстниковъ тверскихъ изъ Торжка. Наказъ посламъ см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 13. Что этотъ наказъ относится ко временамъ Михаила Александровича, доказываютъ надписи на печатяхъ.

513. Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано: „и пріѣхаша съ миромъ." Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75, Были ли Новгородцы на Куликовскомъ полѣ? Молчаніе новгородскихъ лѣтописей объ этомъ заставляетъ насъ отвергнуть извѣстіе украшенныхъ сказаній, что и Новгородцы участвовали въ битвѣ.

514. Въ Казанской губерніи, Свіяжскаго уѣзда, есть два селенія Марקваша; рѣка Ветлуга впадаетъ въ Волгу между Васильсурскомъ и Козмодемьянскомъ.

515. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 94: и стоя въ Ямнѣхъ.

516. Рѣка Лудва Псковской губерніи, Гдовскаго уѣзда.

517. Эта причина выставлена въ Псковской лѣтописи, въ Новгородской другая: Поимаша Плесковичи гость нѣмецкій, поморскій и заморскій, а ркуще: отъимали Юрьевцы съ Вилневици у насъ земли и воду.

518. Такъ выражается новгородскій лѣтописецъ, постоянно непріязненный къ Псковичамъ: „и повѣствовавше много поидоша прочь.“ Впрочемъ здѣсь можетъ высказаться и не любовь Новгородцевъ вообще къ многословію.

519. Мѣстечко Псковской губерніи, Опочкинскаго уѣзда.

520. Кирьпига—Киремпе, мыза въ Дерптскомъ уѣздѣ.

521. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 193: Тоже бысть Псковичемъ Богомъ дарована война: а то розратье бысть съ Нѣмци про Жолчь (Жалачко, V, 16) обида много время, али по 5 лѣтъ.

522. Dlugossi-Histor. Polon. IV, p. 1101.

523. Ibid, X, p. 68.

524. Ibid. X, p. 98.

525. Ibid. p. 102. Fama insuper et plurimorum assertione proditum est.

526. Ibid. p. 118; Лѣтоп. Данил., стр. 204 и 205.

527. Zrzòdla do dziejow polskich-Grabowsk. t. I, p. 145. Въ 1393 году эту грамоту князю Ѳедору подтвердила уже одна Ядвига, которая называетъ себя: Littuaniae princeps Suprema, Pomeraniae Russiaeque domina et haeres.—О присягѣ Симеона Лугвенія Ягайлу и Ядвигѣ см. ниже, въ IV томѣ.

528. Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 240.

529. Лѣтоп. Даниловича, стр. 44. Еслибъ Скиргайло владѣлъ въ Волыни, то Длугошъ (стр. 120) не называлъ бы его Троцкимъ княземъ.

530. Dlugossi, I. X., p. 120

531. Лѣтоп. Даниλов., стр. 47.

532. Dlugossi, I. X, p. 120; Hunc (Skirgallonem) Vithaudus Grodnensis dux, magis modesti, magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus sui indentitatem magnopere afficiebantur, et propter Wladislai Poloniae regis germanitatem, pertimescens, etc. Ясно, что здѣсь приверженность русскаго народа за единство вѣры относится къ Скиргайлу, а не къ Витовту; но Зубрицкій утверждаетъ противное (Исторія Галицкой Руси. стр. 221).

533. Ibid.

534. Narbutt, V. 433.

535. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 350.

536. Никон. IV, 119.

537. Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 531. Хотя и есть варіантъ: н а у ч е н ъ, однако по связи обоихъ предложеній скорѣе можно принять: н е у ч е н ъ.

538. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 34.

539. Никон. IV, 191.

540. Здѣсь должно предполагать смерть безпотомственную.

541. А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть.

542. Пусть эта рѣчь выдумана, изукрашена сочинителемъ: для насъ важны не собственныя слова в. князя, но то, какъ представлялись современникамъ отношенія его къ боярамъ.

543. Никон. IV, 202.

544. Родослов. Четъ, а во крещеніи имя ему Захарія, и у Захаріи сынъ Олександръ, а у Олександра сынъ Дмитрій Зерно.

545. Въ родосл. родъ Софроновскихъ да Проѣстѣвыхъ: Дмитрій Миничъ былъ бояринъ у в. князя Василья Дмитріевича.

546. Показаніе родословныхъ о Татаринѣ Кочевѣ, предкѣ Поливановыхъ, не подходитъ къ извѣстію лѣтописи.

547. Т.-е. какъ видно Морозовъ: Иванъ Семеновичъ Морозовъ, и братъ у него большой Ѳедоръ, а подъ Ѳедоромъ Левъ, а убили его на Дону."

548. Въ родословныхъ тверскихъ бояръ Шетневыхъ нѣтъ Тараса.

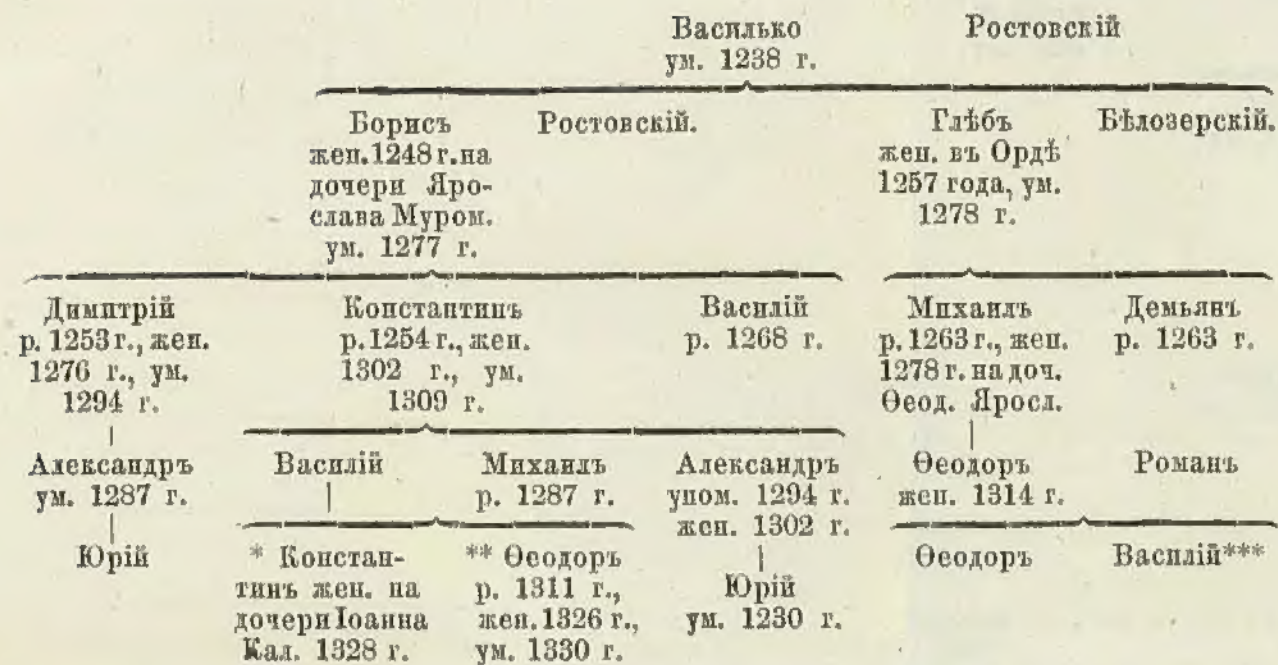
549. По родословнымъ между боярами в. к. Димитрія значатся: Владиміръ Даниловичъ Красный, потомъ Окольничій Маргосъ Погожъ, выѣхавшій съ Олгердовичами изъ Литвы.—Ср. статью Погодина: о Русской Аристокр. Москв. 1847, № 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 1.

ПЛЕМЯ ВСЕВОЛОДА III-го (См. родосл. табл. при второмъ томѣ, № IV-й.)

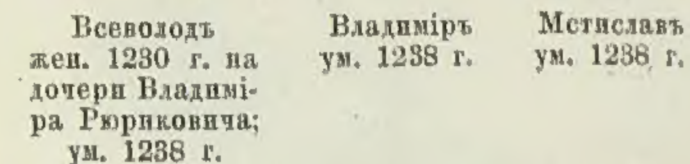
a) Племя Константина Всеволодовича Ростовскаго:



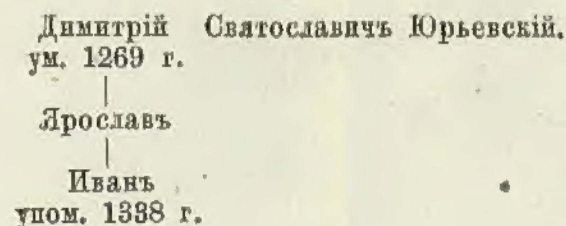
Всеволодъ Ярославскій
ум. 1238 г.
Василій
ум. 1249 г.
Дочь Марія за Ѳеодоромъ Ростиславичемъ Смоленскимъ.
Ѳедоръ Ростиславичъ Черный.
Давыдъ, Константинъ
ум. 1321 г.
Василій, Михаилъ ****
ум. 1344 г.
Василій, Глѣбъ, Романъ †

Владиміръ Углицкій,
ум. 1249 г.
Андрей, ум. 1261 г.
Романъ, ум. 1279 г.

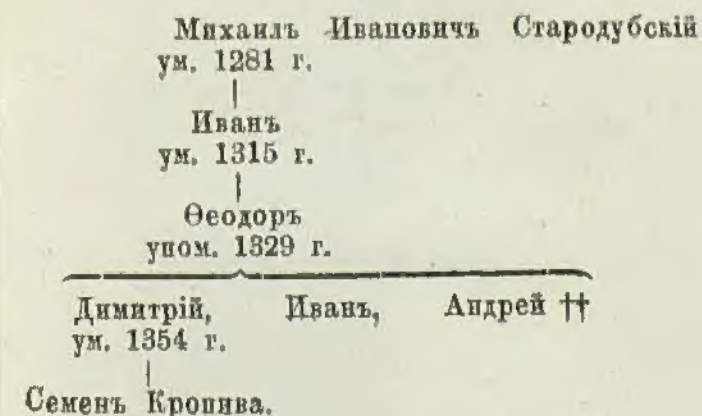
b) Племя Юрія Всеволодовича:



c) Племя Святослава Всеволодовича: (ум. 1252 г.)



d) Племя Ивана Всеволодовича:



---

* Отъ этого Константина ведутъ свое происхожденіе князья: Брюхатые, Катыревы, Буйносовы, Темкины, Касаткины, Лобановы, Голубые.

** Отъ Ѳеодора Васильевича происходятъ князья: Пріимковы, Щепины, Бахтеяровы, Гвоздевы.

*** Отъ Василія Ѳедоровича князья: Бѣлозерскіе, Андогскіе, Вадбольскіе, Шелешпанскіе, Кемскіе, Сугорскіе, Карголомскіе, Ухтомскіе.

**** Отъ Михаила Давыдовича князья: Моложскіе, Сицкіе, Прозоровскіе, Уматые и друг.

† Отъ Василія князья: Пенковы, Троекуровы, Курбскіе, Кубенскіе, Шестуновы; отъ Глѣба: Засѣкины, Шаховскіе, Щетинины; отъ Романа: Морткины, Дѣевы, Вѣкошкины, Охлябинины, Хворостинины, Зубатые.

†† Отъ Андрея Ѳеодоровича князья: Пожарскіе, Ряполовскіе, Гагарины, Хилковы, Татевы.

№ II.

е) Племя Ярослава Всеволодовича:

- Феодоръ ум. 1233 г.
- Александръ жен. 1239 г. на дочери князя Полоцкаго; ум. 1264 г.
- Андрей жен. 1250 г. на дочери Даніила Галицкаго; ум. 1264 г.
  - Юрій ум. 1279 г.
  - Михаилъ упом. 1279 г.
- Константинъ ум. 1255 г.
  - Давыдъ ум. 1280 г.
    - —*. Борисъ ум. 1333 г.
      - Димитрій упом. 1360 г.
  - Василій
    - Феодоръ р. 1310 г. ум. 1334.
- Ярославъ жен. 1264 г. на дочери Новгородца Юрія Михайловича; ум. 1272 г.
- Афанасій упом. 1239 г.
- Даніилъ упом. 1239 г.
- Михаилъ ум. 1248 г.
- Василій р. 1241 г.; жен. 1266 г.; ум. 1276 г.

аа) Племя Александра Ярославича Невскаго:

- Андрей жен. 1294 г. на княжнѣ Ростовской; умер. 1304 г.
  - Борисъ ум. 1332 г.
  - Михаилъ
    - Василій ум. 1309 г.
      - Александръ ум. 1332 г.
      - Константинъ ум. 1354 г.
        - Борисъ жен. 1357 г. на дочери Олгедра.
          - Иванъ ум. 1383 г.
        - Андрей ум. 1365 г.
          - Иванъ ум. 1357 г.
        - Димитрій р. 1322 г.; ум. 1383 г.
          - Василій Кирдяпа
          - Семенъ
          - Иванъ ум. 1377 г.
        - Димитрій Однокъ.
- Василій ум. 1271 г.
- Димитрій ум. 1294 г.
  - Александръ ум. 1292 г.
  - Иванъ жен. 1286 г. на доч. Димитрія Борисов. Ростовскаго; ум. 1302 г.
- Даніилъ р. 1261 г. ум. 1303 г.
  - Юрій жен. 1297 г. на княжнѣ Ростовской ум. 1325 г.
  - Іоаннъ Калита ум. 1341 г.
    - Симеонъ р. 1315 г., жен. 1) 1332 г. на княжнѣ Августѣ Литовской; 2) 1345 г. на княжнѣ Смоленской, 3) 1347 г. на княжнѣ Тверской Маріи; ум. 1353 г.
      - Василій р. 1336 г. ум. 1337 г.
      - Константинъ р. 1340 г. ум. 1340 г.
      - Даніилъ р. 1347 г.
      - Михаилъ р. 1348 г.
      - Иванъ р. 1349 г. ум. 1353 г.
      - Симеонъ р. 1351 г. ум. 1353 г.
    - Даніилъ р. 1320 г.
    - Іоаннъ р. 1326 г.; жен. 1345 г.; ум. 1359 г.
      - Димитрій р. 1350 г.; жен. 1366 г. на доч. Димитрія Нижегородск. ум. 1389 г.
      - Іоаннъ ум. 1365 г.
    - Андрей р. 1327 г.; жен. 1345 г.; ум. 1353 г.
      - Владиміръ р. 1353 г., жен. 1371 г. на княжнѣ Еленѣ Олгердовнѣ.
  - Александръ ум. 1309 г.
  - Афанасій ум. 1322 г.
  - Борисъ ум. 1320 г.

bb) Племя Ярослава Ярославича Тверскаго:

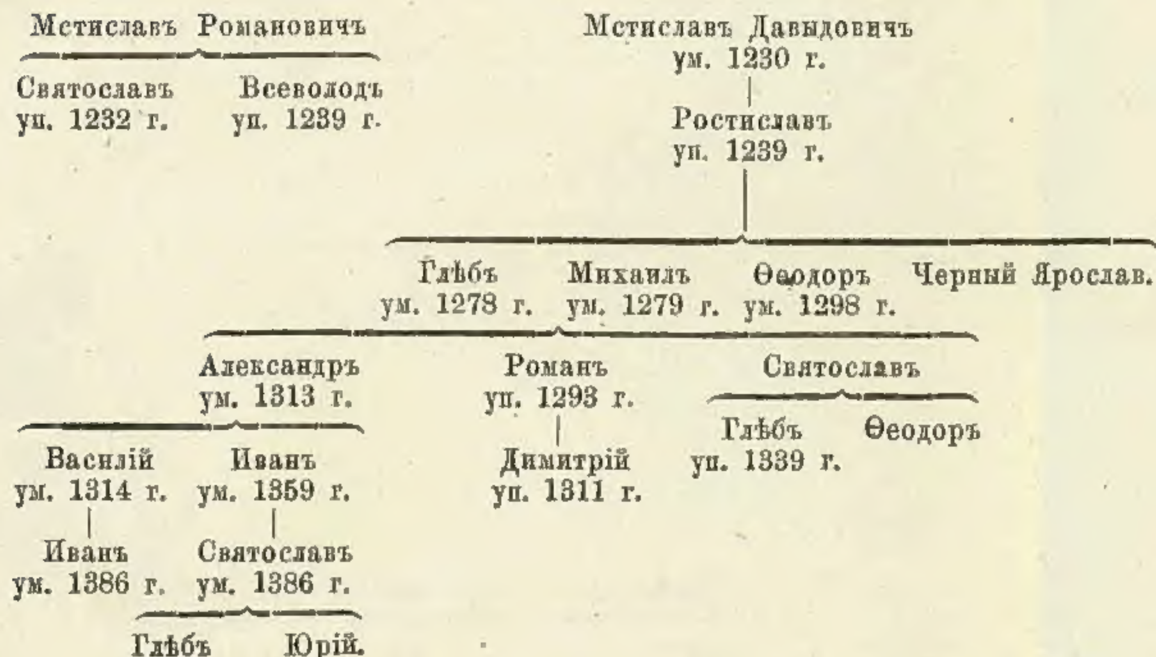
- Святославъ ум. 1265 г.
- Михаилъ Св. р. 1272 г., жен. 1294 г. на доч. Димитрія Борисовича Ростовскаго; ум. 1318 г.
  - Димитрій р. 1299 г., жен. 1320 г. на доч. Гедимина Литовскаго; ум. 1325 г.
  - Александръ р. 1301 г., жен. 1320 г.; ум. 1339 г.
    - Феодоръ ум. 1339 г.
    - Левъ р. 1321 г.
    - Михаилъ р. 1333 г.
      - Александръ ум. 1357 г.
      - Иванъ р. 1357 г., жен. 1374 г. на кн. Литовской Марьѣ Кестутьевнѣ.
      - Александръ уп. 1392 г.
      - Борисъ жен. 1384 г. на дочери Святослава Смоленскаго.
      - Василій жен. 1384 г. на дочери князя Владиміра Олгердовича.
      - Феодоръ ***.
    - Всеволодъ ум. 1365 г.
      - Иванъ ум. 1380 г.
      - Юрій **
    - Андрей ум. 1365 г.
    - Владиміръ ум. 1365 г.
  - Константинъ р. 1306 г., жен. 1320 г., ум. 1346 г.
    - Симеонъ р. 1365 г.
    - Іеремія ум. 1372 г.
      - Димитрій упом. 1372 г.
  - Василій жен. 1329 г. на княжнѣ Брянской; ум. 1368 г.
    - Михаилъ жен. 1349 г. на дочери Симеона Гордаго; ум. 1373 г.
      - Василій ум. 1381 г.
    - Василій ум. 1363 г.
- Михаилъ упом. 1268 г.

---

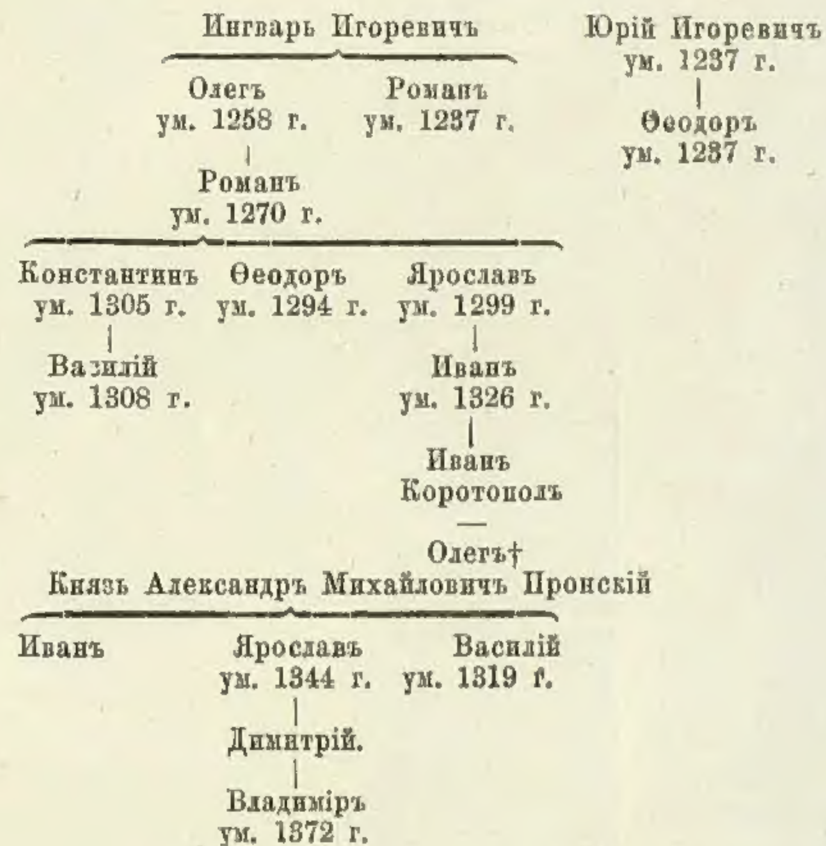
* Знакъ — употребляется, когда непосредственное происхожденіе лица не можетъ быть съ увѣренностію означено.
** Отъ Юрія Всеволодовича князья Холмскіе.
*** Отъ Феодора Михайловича князья Микулинскіе, Телятевскіе.

№ III.

1) КНЯЗЬЯ СМОЛЕНСКІЕ. (См. Т. II, № 4, а.)



2) КНЯЗЬЯ РЯЗАНСКІЕ. (См. Т. II, № 3, с.)



3) КНЯЗЬЯ ЧЕРНИГОВСКІЕ.

Племя Михаила Всеволодовича Св.

Ростиславъ, Семенъ Глуховскій*, Юрій Торусскій**, Мстиславъ Карачевскій***.

---

* Отъ него князья Новосильскіе и Бѣлевскіе; отъ Новосильскихъ Воротынскіе и Одоевскіе.
** Отъ него Мезецкіе, Борятинскіе, Оболенскіе, Долгорукіе, Щербатые.
*** Отъ него Мосальскіе, Елецкіе, Звенигородскіе, Козельскіе.

† По нѣкоторымъ извѣстіямъ сынъ Ивана Александровича.

2007053012